Аннотация

Артур Кларк – видный английский ученый и автор многих научно - фантастических и научно-популярных произведений. В настоящее издание вошли романы «Остров Дельфинов», «Большая глубина» и рассказы.

ОСТРОВ ДЕЛЬФИНОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джонни Клинтон спал, когда амфибия на воздушной подушке промчалась по равнине вдоль старого шоссе. Свист и рев среди ночи не потревожили Джонни, к такому шуму он привык чуть ли не со дня своего рождения. Для любого мальчика двадцать первого века это были волшебные звуки, они говорили о далеких странах, об удивительных грузах, которые перевозили первые суда, передвигавшиеся с одинаковой легкостью по суше и по морю.

Нет, рев дюз не мог разбудить Джонни, хоть и привычно вторгался в его сны. Но когда рев внезапно прекратился, Джонни приподнялся с кровати, протирая глаза и напрягая слух. Амфибия замолкла на середине Трансконтинентальной магистрали № 21. Что могло случиться? Неужели один из огромных сухопутных лайнеров и вправду остановился здесь, более чем в шестистах километрах от ближайшей станции?

Что ж, проверить это можно было только одним способом. Мгновение он колебался, не хотелось встретиться лицом к лицу с морозной ночью. Все же он собрался с духом, набросил на плечи одеяло, тихонько поднял раму окна и вылез на балкон. Свежо!

Стояла прекрасная ночь, почти полная луна четко и подробно освещала спящую долину. Отсюда, с южной стороны, Джонни не мог видеть шоссе, но балкон опоясывал весь старомодный дом, и мальчик украдкой стал пробираться к северному фасаду. Особенно осторожно он

крался мимо спален тети и кузенов; знал, что начнется, если они проснутся.

Но дом крепко спал под зимней луной, и никто из его «милых» родичей не пошевельнулся, когда Джонни проскользнул на цыпочках мимо их окон. Через мгновение он и думать забыл о них.

Ему ничего не приснилось, амфибия сошла с широкой ленты шоссе и, сияя огнями, стояла на земле в нескольких сотнях метров от магистрали. Джонни понял, что это грузовое судно, а не пассажирский лайнер, на нем была только одна обсервационная палуба, значительно более короткая, чем корпус судна, достигавший в длину ста пятидесяти метров. Джонни подумал, что амфибия похожа на огромный утюг – только вместо ручки, которая у обыкновенного утюга расположена вдоль, судно ближе к носовой части пересекал поперек обтекаемый мостик. Над мостиком мигал красный огонь, предупреждавший об опасности любое другое судно, если бы оно оказалось в этих местах.

«С ним что-то не в порядке, – подумал Джонни. – Интересно, сколько времени оно пробудет здесь? Успею ли я подбежать к нему и хорошенько осмотреть?» Джонни никогда не видел судно-амфибию вблизи, во всяком случае, не видел во время остановки. Ну, а когда такое судно с ревом проносится мимо, делая около пятисот километров в час, много не разглядишь.

Джонни не стал долго раздумывать. Десять минут спустя, одевшись потеплее, он отпер дверь черного хода. Но, выходя в эту холодную ночь, он, конечно, не мог предвидеть, что затворил за собой дверь дома в последний раз. А если б и предвидел, то не слишком бы огорчился.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Чем ближе подходил Джонни к судну, тем яснее понимал, какое оно огромное. А ведь это еще не был один из тех гигантов, стотысячетонных танкеров или зерновозов, которые иногда, свистя, проносились по долине; тоннаж этого судна, вероятно, всего тысяч пятнадцать – двадцать. На носу его виднелась чуть выцветшая надпись: «САНТА-АННА. БРАЗИЛИЯ»

Даже при лунном свете Джонни разглядел, что амфибии не помешал бы новый слой краски, да и хорошая чистка тоже. Если двигатели находятся в таком же состоянии, что и видавший виды, залатанный корпус, то удивляться неожиданной остановке не приходится.

Джонни обошел неподвижное чудовище кругом – никаких признаков жизни. Что ж, грузовые суда управлялись в значительной степени автоматически, и в команде амфибии с таким тоннажем насчитывалось, вероятно, не более дюжины человек. Если его предположение верно, все они сейчас в машинном отделении – стараются выяснить, что там испортилось.

Теперь, когда двигатели больше не поддерживали «Санта-Анну» в воздухе, она покоилась на огромных плоскодонных камерах, сообщавших ей плавучесть при посадке на море. Они занимали всю длину корпуса и стеной возвышались над Джонни. В нескольких местах на эту стену можно было взобраться; трапы с поручнями вели к входным люкам, находившимся на высоте шести метров.

Джонни задумчиво поглядел на люки. Они, вероятно, закрыты; а что, если взять и подняться на борт? Может, ему

повезет, и он успеет толком осмотреть судно, прежде чем его обнаружат и вышвырнут вон. Такой случай выпадает раз в жизни, и он никогда не простит себе, если упустит его…

Недолго думая, Джонни начал карабкаться вверх по ближайшему трапу. Однако примерно в полутора метрах от земли заколебался и на мгновение остановился.

Слишком поздно. Огромная изогнутая стена, по которой он полз, как муха, вдруг стала вибрировать. Тишину ночи разорвали вой и рев – казалось, на землю обрушилась разом тысяча ураганов. Джонни глянул вниз – из-под «Санта-Анны», тяжело поднимавшейся на воздух, полетели комья грязи, камни, пучки травы. Он не мог спрыгнуть: струи воздуха унесут его, как буря уносит пушинку. Спасение было наверху: ему надо попасть внутрь, прежде чем судно тронется. А что, если люк задраен, – об этом даже страшно подумать!

Но ему повезло. Нажав на ручку, вделанную заподлицо с поверхностью металлической двери, он увидел тускло освещенный коридор. Секунду спустя, с глубоким вздохом облегчения, Джонни очутился внутри «Санта-Анны». В тот момент, когда он закрывал дверь, рев дюз сменился глухими раскатами, и он почувствовал, что судно тронулось. Так началось путешествие Джонни в неведомое.

Первые несколько минут он был испуган, но потом сообразил, что тревожиться не о чем. Нужно только найти дорогу к мостику, объяснить капитану, что произошло, и его высадят на ближайшей остановке. Через несколько часов полиция доставит его домой.

Домой. Но у него нет дома; нет такого места, где он был

бы по-настоящему своим. Двенадцать лет назад, когда ему только исполнилось четыре года, родители его погибли при авиационной катастрофе; с тех пор он жил у тетки, сестры матери. У тети Марты была своя семья, прибавление к которой ее не очень-то обрадовало. Пока был жив веселый толстяк дядя Джеймс, Джонни чувствовал себя не так уж плохо, но теперь, когда дяди не стало, мальчик понимал все яснее, что в этом доме он чужой.

А раз так, зачем возвращаться, по крайней мере, пока не принудят? Он вытащил счастливый билет и чем дальше, тем больше убеждался, что сама судьба занялась его делами. Удача поманила его, и он последует за ней.

Прежде всего, надо спрятаться. Пожалуй, это нетрудно на таком большом судне. Но, к несчастью, он не имел понятия о внутренней планировке «Санта-Анны». Малейшая неосторожность – и напорешься на кого-нибудь из команды. Самое лучшее – поискать трюм, вряд ли туда кто заглядывает, пока судно движется.

Чувствуя себя почти взломщиком, Джонни отправился на поиски и вскоре совсем заблудился. Казалось, он прошел уже много километров по тускло освещенным коридорам и проходам, то поднимаясь по винтовым лестницам, то спускаясь по отвесным трапам, то пробираясь мимо люков и металлических дверей с таинственными надписями. Раз, не в силах устоять перед обаянием надписи: «ГЛАВНЫЕ ДВИГАТЕЛИ» он тихонько приоткрыл одну из них. Внизу он увидел обширное помещение, где теснились турбины и компрессоры. Огромные воздухопроводы, толщиной со здоровенного мужчину, спускались с потолка и уходили в пол. В ушах Джонни опять завыла, засвистела

буря. Дальнюю стену машинного отделения занимали контрольные приборы. Трое людей рассматривали эти приборы и были так заняты своим делом, что Джонни чувствовал себя в полной безопасности. К тому же их и Джонни разделяло не меньше пятнадцати метров, вряд ли кто-нибудь из них заметит, что дверь приоткрылась на несколько сантиметров.

Люди о чем-то совещались – преимущественно жестами: говорить в таком грохоте было бессмысленно. Впрочем, Джонни вскоре понял, что они, пожалуй, не совещаются, а спорят между собой, яростно рубя ладонями воздух, тыча пальцами в шкалы приборов и пожимая плечами. Наконец один из людей сделал жест, как бы желая сказать: «Я умываю руки», и вышел из машинного отделения. Джонни подумал, что на «Санта-Анне» не все благополучно.

Несколько минут спустя он нашел место, где можно было спрятаться, – небольшую кладовую, заваленную грузами и багажом. Багаж был адресован в различные пункты Австралии, и Джонни решил, что ему еще долго ничто не будет грозить. Вряд ли кто-нибудь зайдет в кладовую, раньше чем судно пересечет Тихий океан и окажется на другом конце земли. Он, Джонни, очутится далеко, далеко от дома.

Мальчик расчистил себе местечко среди ящиков и тюков и со вздохом облегчения уселся, опершись спиной о большой ящик с надписью: «П-ОЕ СРЕДСТВО ХИМИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ БУНДАБЕРГ»

Он задумался над тем, что означает таинственное «П-ое», и, так и не додумавшись до слова «Патентован-

ное», уснул, сраженный усталостью, на твердом металлическом полу.

Когда он проснулся, судно стояло; Джонни сразу понял это по тишине и отсутствию вибрации. Он глянул на часы и увидел, что провел на борту уже пять часов. За это время «Санта-Анна» могла пройти тысячу миль, разумеется, если ей не пришлось делать новых остановок. Вероятно, она стоит в одном из крупных внутренних портов Тихоокеанского побережья и выйдет в море, как только закончится погрузка.

Джонни понимал, что, если его сейчас обнаружат, приключению конец. Лучше не вылезать, пока судно не окажется далеко в океане. Не станут же поворачивать назад, чтобы высадить шестнадцатилетнего зайца. Но ему хотелось есть и пить; раньше или позже придется раздобывать пищу и воду. Может случиться, что «Санта-Анна» простоит здесь несколько дней, и тогда голод выгонит его из потайного убежища…

Он решил не думать о еде, хотя это было нелегко, так как наступило время завтрака. Но Джонни твердо сказал себе: великие искатели приключений и исследователи терпели и не такие лишения.

По счастью, «Санта-Анна» оставалась в неведомом порту не более часа. С величайшим облегчением Джонни почувствовал, как пол под ним задрожал, раздался приглушенный рев дюз. Джонни придавило книзу, когда судно приподнялось над землей, а когда оно рванулось вперед, его отбросило назад. Часа через два, если его расчеты правильны и это последняя остановка на суше, Джонни окажется далеко в открытом море.

Он терпеливо прождал эти два часа, а затем решил, что может сдаться в плен, ничем не рискуя. Немножко волнуясь, Джонни отправился на поиски команды и – на что он очень надеялся – какой-нибудь еды.

Но скоро он убедился, что сдаться не так легко, как он предполагал: если снаружи «Санта-Анна» выглядела большой, то внутри она казалась просто громадной. Голод стал невыносимым, а Джонни все еще никого не нашел.

Кое-что, однако, его подбодрило. Он набрел на маленький иллюминатор, через который впервые увидел окружающий судно мир. Обзор был не очень широкий, но все же достаточный. Перед ним, насколько хватал глаз, беспокойно катились сероватые волны. Никаких признаков земли, только пустынный океан, проносившийся внизу с огромной быстротой.

Море Джонни видел впервые. Всю свою жизнь он провел в глубине материка среди гидропонных ферм Аризонской пустыни или молодых лесов Оклахомы. Зрелище безбрежного, неукротимого океана было замечательным и немного пугающим.

Он долго смотрел в иллюминатор, стараясь убедить себя, что и вправду удаляется от родины и держит путь в страну, о которой ничего не знает. Но теперь-то передумать нельзя!

Совершенно неожиданно разрешилась продовольственная проблема. Джонни наткнулся на спасательный катер. Это был восьмиметровый палубный баркас, он был вдвинут под одну из секций корпуса, открывавшуюся, как огромное окно. Катер висел на двух шлюпбалках, которые при надобности спускали его прямо в море.

Джонни не устоял перед искушением влезть в катер, и первое, на что он наткнулся, был сундук с надписью: «АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС».

Борьба с совестью продолжалась недолго; уже через полминуты он жевал сухари и что-то похожее на сушеное мясо. Порядком прогорклая вода из бачка утолила его жажду, и вскоре он почувствовал себя гораздо лучше. Конечно, такое плавание не увеселительная прогулка, но перенести его теперь будет легче.

Открытие заставило Джонни пересмотреть свои планы. Сдаваться незачем; он может прятаться до конца путешествия, а в случае удачи даже сойти незамеченным на берег. Он не имел представления о том, что будет делать потом, но Австралия большая страна и что-нибудь – в этом Джонни был уверен – подвернется.

Возвратившись в свое потайное убежище с запасом пищи часов на двадцать – а дольше плавание, очевидно, и не продлится, – Джонни дал себе отдых. Он то дремал, то поглядывал на часы, пытаясь угадать, где находится «Санта-Анна». Сделает ли она остановку на Гавайях или других островах Тихого океана? Он надеялся, что такой остановки не будет. Ему хотелось начать новую жизнь как можно скорее.

Раз или два он вспомнил тетю Марту. Огорчится ли она, узнав, что он убежал? Едва ли. А двоюродные братья, несомненно, будут только рады от него избавиться. Придет день, когда, богатый и преуспевающий, он снова предстанет перед ними лишь для того, чтобы доставить себе удовольствие поглядеть, какую они при этом скорчат мину. Встретится он и со своими одноклассниками – прежде

всего с теми, кто смеялся над его маленьким ростом и звал «Коротышкой».

Он покажет им, что ум и решимость стоят больше, чем мускулы… Джонни предавался этим приятным фантазиям, пока они незаметно не перешли в сон.

Он все еще спал, когда путешествие оборвалось. Его разбудил взрыв, за которым мгновение спустя последовал сильный толчок – «Санта-Анна» рухнула в море. Затем погас свет, и он остался совсем один в полном мраке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Впервые в жизни Джонни испытал панический, нерассуждающий страх. Ноги у него подгибались, грудь стеснило так, что он едва дышал. Ему казалось, что он уже тонет. Так, верно, и случится, если он не выберется из ловушки.

Необходимо найти дверь. Но его окружали тюки и ящики, и, бродя среди них, он окончательно заблудился. Это было, как в кошмарном сне, когда хочешь бежать и не можешь. Но Джонни не спал – все происходило слишком наяву.

Его панический страх прошел только тогда, когда он больно стукнулся о какое-то невидимое препятствие – это его отрезвило. Нельзя терять голову и наугад метаться в темноте. Нужно двигаться в одном направлении, пока он не найдет стену. Тогда вдоль нее можно будет добраться до двери.

Задумано было правильно, но пришлось обходить столько препятствий, что Джонни показалось, будто это

длится вечность. Наконец он нащупал ровную металлическую поверхность и понял, что добрался до стены отсека. Теперь найти дверь уже несложно. Он чуть не вскрикнул от радости, когда распахнул ее настежь, потому что там, в коридоре, не было, как он боялся, темно. Правда, основная осветительная система вышла из строя, но работала аварийная, и он свободно пошел вперед.

Вдруг он увидел клубы дыма и понял, что «Санта-Анна» горит. Пол в коридоре стал покатым – это судно дало сильный крен в сторону кормы, где размещались двигатели. «Значит, взрывом поврежден корпус, – догадался Джонни, – и море врывается внутрь».

Возможно, судну не грозила опасность, но Джонни совсем не был в этом уверен. Ему не нравился крен и еще больше – зловещее потрескивание обшивки. Судно беспомощно зарывалось носом и переваливалось с борта на борт, это было ужасно неприятно. Джонни замутило – начиналась морская болезнь. Он старался не обращать на это внимания и сосредоточиться на более важной проблеме: как остаться живым.

Если судно тонет, нужно как можно скорее разыскать спасательный катер; там, конечно, сейчас все, кто находится на борту. Вот изумится команда, увидев еще одного пассажира. Надо надеяться, что на катере хватит места и для него.

Но как попасть в ту часть судна, где помещается спасательный катер? Ведь он только раз ходил туда! Разумеется, он нашел бы, будь у него побольше времени, а вот времени-то и не было. Джонни так торопился, что то и дело сворачивал не в ту сторону, и ему приходилось возвра-

щаться. Вдруг дорогу преградила массивная стальная переборка, он определенно не видел ее раньше. По краям ее вился дымок, и Джонни совершенно отчетливо слышал непрекращавшийся треск где-то далеко за ней. Он повернулся и стремглав понесся обратно по тускло освещенному проходу. Наконец он, изнемогая от усталости, окончательно перепуганный, выбрался на правильный путь. Да это тот коридор – в конце его должно быть несколько ступенек, ведущих туда, где находится спасательный катер. Теперь, когда цель оказалась близка и незачем было беречь силы, он снова побежал.

Память не подвела его. Вот и ступеньки, как раз там, где он ожидал. Но катер исчез. Шлюпбалки повернуты наружу, блоки еще раскачиваются, словно издеваясь над Джонни. Через огромный люк, открытый, чтобы дать проход спасательному катеру, с яростью врывается ветер, швыряя клубы пены. Джонни почувствовал на губах горький вкус соли. А скоро ему придется распробовать эту горечь до конца.

С тяжело бьющимся сердцем, он подошел к открытому люку и глянул на море. Стояла ночь, и луна, свидетельница начала его приключения, теперь смотрела на то, чем оно кончается. Всего лишь в нескольких метрах внизу море свирепо колотило в борт судна. Время от времени волна побольше добиралась до верха, крутя водовороты у ног Джонни. Даже если вода не заливает «Санта-Анну» через другие отверстия, это скоро начнется здесь.

Где-то неподалеку раздался глухой взрыв, огни аварийного освещения мигнули и погасли. Что ж, они послужили ему ровно столько, сколько было необходимо – он

никогда не нашел бы дороги сюда в темноте. Но какое это имело, в сущности, значение? Он был один на тонущем судне, в сотнях миль от земли.

Джонни вглядывался во мрак ночи, надеясь увидеть спасательный катер, но море было пустынно. Катер мог, разумеется, находиться за другим бортом «Санта-Анны», тогда понятно, почему его не видно. Такое объяснение казалось Джонни наиболее вероятным, вряд ли команда покинет эти места, пока судно держится на плаву. С другой стороны, поспешность, с какой люди погрузились на катер, показывает, что они знали, насколько велика опасность. У Джонни мелькнуло в голове: а что, если груз «Санта-Анны» – взрывчатка или горючие вещества? Если да, то *когда* они взорвутся?

Волна ударила его по лицу, залепив глаза пеной. Всего за несколько минут море намного приблизилось. Джонни не поверил бы, что это большое судно может погружаться с такой быстротой. Но суда на воздушных подушках строились с небольшим запасом прочности и не были рассчитаны на подобные испытания. Он подумал, что примерно через десять минут вода дойдет до его ног.

Но он ошибся. Вдруг, совершенно неожиданно, «Санта-Анна» вместо того, чтобы по-прежнему медленно и равномерно переваливаться с борта на борт, сделала отчаянный рывок, как умирающее животное, которое пытается в последний раз вскочить на ноги. Джонни инстинктивно почувствовал, что судно сейчас пойдет ко дну, что нужно отплыть как можно дальше, и не стал колебаться.

Собравшись с духом, он ловко и красиво прыгнул. Погружаясь в воду, успел удивиться, что ощутил не холод, а тепло.

Он забыл, что за эти несколько часов перенесся из зимы в лето.

Вынырнув, Джонни поплыл во всю мочь стилем оверарм, неуклюже, но быстро. Позади раздавалось громкое бульканье, чудовищный треск и какой-то свист, будто пар вырывался из гейзера. И вдруг все оборвалось. Слышались только стоны ветра да шипение волн, катившихся мимо него во мрак. Усталая старая «Санта-Анна» пошла ко дну плавно, без всякой суеты, не оставив за собой засасывающей воронки, которой так страшился Джонни.

Убедившись, что все кончено, он повернулся в воде стоймя, чтобы оглядеться, и первое, что увидел, был спасательный катер. Их разделяло не больше полумили. Он замахал руками, закричал во весь голос. Но бесполезно – катер уходил; даже если бы кто-нибудь и оглянулся назад, он вряд ли заметил бы Джонни. Ведь никому и в голову не могло прийти, что крушение пережил еще один человек, которого нужно взять на борт.

Джонни остался один под желтой луной, уже клонящейся к закату, и никогда им не виденными звездами южного неба. Он мог продержаться на поверхности много часов: вода в море – Джонни уже успел заметить это – была гораздо плотнее, чем пресная вода рек, в которых он учился плавать. Но сколько бы он ни проплыл, в конечном счете это не имело значения. Нет и одного шанса на миллион, что кто-нибудь найдет его; последняя надежда ушла со спасательным катером.

Что-то толкнуло его, и Джонни тревожно вскрикнул от неожиданности, но это был только какой-то предмет с судна. Тут Джонни заметил, что вокруг плавают разные

обломки. Это открытие немного ободрило его, ведь если ему удастся соорудить плотик, это очень увеличит его шансы. Может быть, ему даже удастся добраться до берега, подобно команде знаменитого «Кон-Тики», которая почти за столетие до него воспользовалась тихоокеанскими течениями.

Он поплыл к медленно вращавшимся обломкам по успокоившемуся морю. Нефть с погибшего судна утихомирила волны, они уже не шипели так сердито, а только вяло вздымались и опускались. Высота валов сначала пугала Джонни, но, покачавшись на них, он понял, что это совсем не страшно. Даже и в том ужасном положении, в какое он попал, ему нравилось взбираться на высоченную волну без всяких усилий, ничем не рискуя.

Джонни стал прокладывать себе путь среди плавающих ящиков, кусков дерева, пустых бутылок и каких-то обломков. Они ему не годились. Нужно найти что-то большое, чтобы на нем можно было плыть. Он уже почти потерял надежду на такую находку, когда метрах в пятнадцати от себя увидел темный прямоугольник, поднимавшийся и опускавшийся вместе с волнами.

Подплыв, он с радостью обнаружил, что это большой упаковочный ящик. Не без труда он вскарабкался на крышку и убедился, что ящик выдерживает его тяжесть. Правда, плот был не очень устойчив и норовил перевернуться, пока Джонни не догадался плашмя растянуться на крышке, возвышавшейся над водой на семь-восемь сантиметров. Так он и отправился в плавание по волнам океана. В ярком свете луны он разобрал сделанную трафаретом надпись, проходившую под его животом:

«ХРАНИТЬ В ПРОХЛАДНОМ СУХОМ МЕСТЕ»

Что ж, ни ящик, ни Джонни отнюдь не хранились сейчас в *сухом* месте, а вот прохладным оно действительно становилось. Джонни уже дрожал от ветра, продувавшего его вымокшую одежду, но до восхода солнца приходилось смириться. Джонни глянул на часы: конечно, стоят. А тот час, на котором они остановились, ничего не мог ему подсказать; Джонни сообразил, что злополучная «Санта-Анна», на борту которой он очутился, пересекла несколько временных поясов. Так что если бы часы и шли, то спешили бы по меньшей мере на четверть суток.

Он ждал, дрожа на своем плотике, следя за заходом луны и прислушиваясь к шуму моря. Хотя тревога не покидала Джонни, он больше не испытывал такого страха, как раньше. Уже не раз он был, казалось, на волосок от гибели, и это вселило в него уверенность, что все обойдется благополучно. Без пищи и воды он продержится несколько дней. А о том, что будет дальше, Джонни не хотелось думать.

Луна скользнула вниз по горизонту, и окружавший его мрак сгустился. И тут, к своему крайнему удивлению, он заметил, что море сверкает летучими огоньками. Они зажигались и гасли, как электрические рекламы, образуя за его дрейфующим плотом светящийся след. Джонни сунул руку в воду, и ему показалось, что между пальцами его струится пламя.

Это было так чудесно, что он на мгновение забыл об опасности. Он слышал, что в море обитают светящиеся существа, но никогда не предполагал, что существ этих мириады.

Стихия, покрывавшая три четверти земного шара и вершившая ныне судьбу Джонни, впервые позволила ему заглянуть в свои тайны, и он увидел мир чудес.

Луна коснулась горизонта, как будто повисла на мгновение, и затем исчезла. Небо над ним сверкало звездами – теми, что извечно светили знакомыми созвездиями, и теми, более яркими, что вознесены ввысь человеком полвека назад, с тех пор, как он устремился в космос. Но ни одно светило не блистало так, как звезды, горевшие под водой; их было такое множество, что плот, казалось, плыл по огненному озеру.

Луна зашла, но до первых признаков рассвета протекли, как представлялось Джонни, целые века. Наконец восточная часть небосклона слегка посветлела, и он стал неотрывно следить, как свет этот разливается по горизонту. Его сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда золотой диск солнца показался из-за края земли.

Через несколько секунд звезды неба и моря погасли, как будто никогда и не зажигались. Наступил день.

Не успел Джонни насладиться красотой рассвета, как глазам его предстало зрелище, которое разбудило улегшееся было отчаяние. Кровь застыла в жилах – прямо на него, быстро и неуклонно, неслись с запада десятки серых треугольных плавников.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Джонни успел вспомнить все прочитанные им страшные истории про акул и потерпевших кораблекрушение матросов, пока эти плавники, рассекая воду, на страшной

скорости приближались к плоту. Он сжался в комок на середине ящика. А ящик переваливался с боку на бок, и Джонни прекрасно понимал, что даже слабого толчка достаточно, чтобы перевернуть плот. К своему удивлению, страха он не чувствовал – только какая-то немая тоска охватила сердце, он надеялся, что печальный конец настанет быстро. И, конечно, было жалко, что никто никогда не узнает об его участи…

И вот вода вокруг ящика заполнилась ловкими серыми телами, грациозно перекатывавшимися, словно на «американских горах», с волны на волну. Джонни мало знал об обитателях моря, но что акулы не ведут себя так – в этом он был уверен. К тому же эти существа выдыхали воздух совершенно так же, как он. Он слышал их дыхание, когда они проплывали мимо, и время от времени видел, как открывались и закрывались их дыхала. Конечно же, это дельфины!

Джонни расслабил мускулы, теперь он больше не старался сделаться незаметным на своем плотике. Он часто видел дельфинов в кинофильмах или по телевидению и знал, что это разумные существа, дружественные человеку. И тут они играли, как дети, среди обломков «Санта-Анны», толкая их своими рылами обтекаемой формы.

При этом они издавали удивительные звуки, свистели и скрипели на все лады в нескольких метрах от плота. Один из дельфинов выставил из воды голову и балансировал обломком доски, удерживая его на носу, как дрессированное животное в цирке. Казалось, дельфин говорил своим сородичам: «Поглядите на меня, до чего я ловок!»

Странная, совсем непохожая на человеческую голова

повернулась и посмотрела на Джонни разумным взглядом. Дельфин отбросил свою игрушку, и в этом движении, несомненно, было удивление. Он нырнул, тонко и возбужденно пискнув, и через несколько секунд Джонни окружили лоснящиеся физиономии, на которых было написано любопытство. Казалось, они улыбаются, рты их как бы застыли в усмешке, такой заразительной, что Джонни невольно заулыбался им в ответ.

Он больше не чувствовал одиночества. Теперь он в веселой компании, пусть это даже не люди, а существа, которые ничем не могли ему помочь. Было увлекательно смотреть на покрытые кожей, сизые, как перья голубя, тела, что с легкостью кружили вокруг него, кувыркаясь среди обломков «Санта-Анны». Джонни понял, что они ведут себя так только из-за свойственной им игривости, ради развлечения. Так резвятся овцы на весеннем лугу, никогда Джонни не подумал бы, что такое возможно в море.

Дельфины время от времени высовывались из воды и глядели на него, словно хотели удостовериться, что Джонни не убежал. С живым любопытством следили они за тем, как он снял свою промокшую одежду и расстелил ее, чтобы просушить на солнце. А когда Джонни торжественно спросил их: «Ну, что мне делать теперь?», они как будто задумались.

Один ответ на этот вопрос напрашивался сам собой: нужно было соорудить какое-то укрытие от тропического солнца, пока оно не изжарило его живьем. К счастью, эта задача была легко разрешима: Джонни удалось построить маленький вигвам из плававших в море кусков дерева – он связал остов носовым платком и накрыл его рубашкой.

Закончив работу, он с гордостью посмотрел на дело рук своих, надеясь, что и публика оценила его смекалку.

Теперь ему оставалось только улечься в тени и беречь силы, предоставив ветру и течениям нести его к неведомой цели. Он не чувствовал голода и, пожалуй, еще несколько часов без мучений вытерпит жажду, хотя уже и сейчас губы его были сухи.

Море заметно успокоилось, плот слегка покачивался на невысоких маслянистых волнах, катившихся мимо, Джонни где-то прочел фразу: «Качался в колыбели глубокого моря». Теперь он точно знал, что это означает. Море было таким мирным, оно так убаюкивало его, что он почти забывал о своем отчаянном положении. Довольствовался тем, что глядел на синее море и синее небо, да следил за странными, но прекрасными животными, которые кружились вокруг него, скользя по волнам, и иногда высовывались из воды, словно радуясь жизни…

Что-то тряхнуло плот, Джонни вздрогнул и очнулся. Сначала он не поверил, что действительно спал и что солнце почти в зените. Плот снова тряхнуло, и тут он увидел, в чем дело. Четверо дельфинов, плывущих рядом, толкали плот вперед. Он двигался быстрее, чем мог бы плыть человек, и продолжал набирать скорость. Джонни с удивлением глядел на животных, плескавшихся и сопевших всего в нескольких сантиметрах от него. Что это – еще одна из игр? Но уже задавая себе этот вопрос, он знал, что ответом будет: «Нет!» Все их поведение стало иным – решительным и целеустремленным. Время игр кончилось. Джонни находился теперь в центре большой стаи животных, неуклонно державшихся одного направления. Впе-

реди и сзади, слева и справа, – до самых пределов видимости, их были десятки, если не сотни. Джонни почувствовал, что движется по океану в походных порядках воинского соединения – скажем, кавалерийской бригады.

Он подумал, долго ли это будет продолжаться, однако дельфины, по-видимому, и не собирались замедлять ход. Время от времени один из них отплывал от плота, но его немедленно сменял другой, так что скорость не уменьшилась. Хотя трудно было определить точно, какова эта скорость, все же он прикинул, что плот делает, пожалуй, побольше пяти миль в час. Разобраться же, куда держат курс дельфины – к северу, югу, востоку или западу, – Джонни не мог: солнце стояло почти в зените и определиться по нему было невозможно.

Только через несколько часов он понял, что плывет на запад, ибо солнце опускалось как раз впереди. Джонни радовался приближению ночи, прохлада которой сменит палящий зной дня. Ему уже мучительно хотелось пить; губы запеклись и потрескались. Он испытывал танталовы муки – ведь его окружала вода, – но знал, что пить ее опасно. Жажда так томила его, что он не ощущал голода; даже будь тут еда, он не смог бы проглотить и кусочка.

Но зато какое чудесное чувство облегчения охватило его, когда солнце зашло, исчезнув в золотисто-красном пламени. Дельфины же продолжали плыть на запад и при свете звезд, а потом взошедшей луны. Джонни высчитал, что за ночь они пройдут с ним около ста миль. У них должна быть определенная цель, но какая? Зародилась надежда, что где-то неподалеку есть земля и что по какой-то непостижимой для него причине эти дружелюбные

и разумные существа пригонят плот к суше. Но зачем они взяли на себя такой труд – этого он даже представить себе не мог.

Эта ночь была самой длинной в жизни Джонни. Жажда все усиливалась и не давала ему уснуть. К этим страданиям добавлялась боль от ожогов – палящее солнце постаралось за день; он все ворочался на плоту, тщетно пытаясь устроиться поудобнее. Большей частью он лежал растянувшись на спине, прикрывая одеждой самые обожженные места. А луна и звезды двигались по небу мучительно медленно.

Иногда с запада на восток гораздо быстрее всех звезд и в противоположном им направлении проносился, сверкая, как маяк, искусственный спутник. Можно было сойти с ума при мысли, что на космических станциях находятся люди, которые с помощью своих приборов могли бы легко обнаружить его, если б только им пришло в голову заняться поисками. Но с чего бы они вздумали этим заниматься?

Наконец луна закатилась, и в недолгом предрассветном мраке море снова стало фосфоресцировать. Грациозные, идеально обтекаемые тела, окружавшие плот, были теперь очерчены огненными контурами; всякий раз, когда один из дельфинов выпрыгивал из воды, кривая его полета рассекала ночь, подобно сверкающей радуге.

Небо начало светлеть, но Джонни не обрадовался рассвету; теперь он уже хорошо знал, как жалка его защита от тропического солнца. Он снова соорудил маленький шалаш, залез в него и старался не думать о питье. Но это было невозможно. То и дело он ловил себя на том, что грезит о холодных молочных коктейлях, стаканах фруктового сока

со льда, об искрящихся струях фонтанов. А ведь он дрейфовал не более тридцати часов; были люди, – которые жили без воды значительно дольше.

Единственное, что поддерживало дух Джонни, это решительность и энергия его эскорта. Стая все еще шла на запад, толкая перед собой плот с неуменьшающейся быстротой. Джонни больше не ломал себе голову над тайной поведения дельфинов. Это была проблема, которая со временем решится сама собой. Или совсем не решится.

И вот около полудня он заметил землю. Сначала он сомневался, не облако ли это на горизонте, но в таком случае, почему оно единственное на всем небосклоне и почему оно так неподвижно? Через несколько минут он понял, что перед ним действительно остров, хотя и казалось, что этот кусок суши парит над водой в поднимающихся струях раскаленного воздуха и очертания его будто пляшут над горизонтом.

Час спустя он уже мог рассмотреть остров во всех подробностях. Остров был длинный, с низменными берегами, весь заросший деревьями. Его опоясывала узкая прибрежная полоса ослепительно белого песка, а перед ней тянулся, верно, очень широкий пологий риф, потому что пенистые буруны виднелись в море на протяжении доброй мили.

Сначала Джонни не заметил никаких признаков жизни, но потом, к своей радости, разглядел струйку дыма, поднимавшуюся в поросшей лесом внутренней части острова. Где дым – там и люди! И вода, которой жаждало все его тело.

До острова оставалось всего несколько миль, и тут

дельфины здорово напугали Джонни; они стали поворачивать, словно собирались миновать столь близкую уже землю. Затем Джонни сообразил, зачем они это делают. Риф был слишком серьезным препятствием. Они намеревались обойти его и приблизиться к острову с другой стороны.

На этот крюк ушло не меньше часа, но теперь Джонни больше не тревожился, он был уверен, что движется к месту, где будет в безопасности. Когда плот и его неутомимый эскорт повернули к западному берегу острова, он увидел несколько рыболовных ботов, стоявших на якоре. Потом показались низкие белые строения на берегу и кучка хижин, среди которых сновали темнокожие люди. Выходит, на этом острове, затерянном в Тихом океане, немало людей.

Тут наконец дельфины как бы замешкались. Джонни решил, что они, наверно, не хотят плыть по мелководью. Дельфины медленно протолкнули плот мимо стоявших на якоре ботов, а потом развернулись и поплыли прочь, как бы говоря: «Дальше дело твое!»

Джонни хотелось крикнуть им всем хоть несколько слов благодарности, но рот и горло его так пересохли, что он не мог издать ни звука. Тогда он спокойно слез с плота – вода доходила ему только до пояса – и побрел к берегу.

По прибрежному песку к нему бежали люди. Но люди могли подождать. Джонни повернулся к ним спиной, лицом к прекрасным, сильным существам, которые помогли ему совершить это невероятное путешествие, и с благодарностью помахал им на прощание. А они уплывали все дальше, домой, в глубоководную часть моря.

Тут что-то случилось с его ногами, и ему показалось, что прибрежный песок вздыбился, чтобы нанести ему удар, а дельфины, остров и все остальное исчезли из его сознания.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Джонни проснулся на низенькой койке, стоявшей в очень чистой комнате с белыми стенами. Над головой его вращался электрический вентилятор, через затянутое шторой окно проникал свет. Плетеный стул, столик, комод и таз для умывания – вот и вся обстановка. Даже если бы Джонни не почувствовал легкого запаха дезинфекции, он все равно догадался бы, что находится в больнице.

Он приподнялся на постели и вскрикнул от боли. Все тело жгло словно огнем. Он взглянул на себя и увидел, что кожа у него ярко-красная и местами слезает лохмотьями. Верно, с ним уже повозился доктор – самые обожженные места были густо смазаны белой мазью.

Джонни отказался, по крайней мере сейчас, от попыток подняться, откинулся на подушку и опять невольно вскрикнул. В этот момент дверь открылась и в комнату вошла огромная женщина. Руки ее напоминали неотесанные бревна, да и вся она была сработана на такой манер. Весила она, наверно, килограммов сто пятнадцать, не меньше, но никто не назвал бы ее толстой – просто эта женщина была громадной.

– Ну-с, молодой человек, – сказала она. – Из-за чего такой шум? Никогда не видела столько суеты из-за пустякового солнечного ожога.

Она улыбнулась всем своим плоским шоколадно-коричневым лицом как раз вовремя, потому что Джонни уже собирался возмутиться. А теперь он лежал и тоже улыбался, пока она считала его пульс и мерила температуру.

– А сейчас, – сказала она, – я нашлю на вас сон. Когда вы проснетесь, болеть уже не будет. Но сперва дайте-ка мне адрес, чтоб могла позвонить вашим домашним.

Джонни весь напрягся, забыв об ожогах. Он не для того прошел через все мытарства, чтобы его с первым же судном отправили назад.

– У меня нет семьи, – сказал он. – И я не хочу никому ничего сообщать.

Брови сиделки поднялись на несколько миллиметров.

– Гм, в таком случае придется сразу отправить вас в сонное царство, – сказала она скептическим тоном.

– Минутку, – взмолился Джонни. – Скажите мне, пожалуйста, где я. Это Австралия?

Сиделка ответила не сразу, потому что отмеряла мензуркой бесцветную жидкость.

– И да, и нет, – сказала она. – Это австралийская территория, хотя до материка добрая сотня миль. Вы находитесь на одном из островов Большого барьерного рифа. Вам очень повезло, что вы до него добрались. Ну-ка, проглотите это – оно не очень противное.

Джонни сделал гримасу, но лекарство и правда было непротивное. Проглотив снадобье, он задал еще один вопрос.

– Как называется эта местность?

Огромная сиделка захихикала, и Джонни показалось, что он услышал раскаты грома.

– Вы-то это должны знать, – ответила она.

Лекарство, видимо, действовало очень быстро, потому что Джонни уже еле расслышал, что она сказала еще:

– Мы называем его Островом Дельфинов.

Джонни провалился в сон.

Проснувшись в следующий раз, он почувствовал только легкую ломоту в теле, но боли от ожогов не было. Не было и половины его кожи, на несколько дней он уподобился линяющей змее.

Сиделка – она сказала ему, что зовут ее Тесси и что родом она с островов Тонга – с удовольствием смотрела, как он уплетал яйца, консервированное мясо и тропические фрукты. Подкрепившись, Джонни почувствовал себя как нельзя лучше и захотел немедленно приступить к исследованию острова.

– Не будьте таким нетерпеливым, – сказала сестра Тесси, – у вас хватит времени.

При этом она шарила в ворохе одежды, выбирая шорты и рубашку, которые пришлись бы впору Джонни.

– Примерьте-ка вот эти. И шляпу тоже возьмите. Избегайте солнца, пока кожа не покроется достаточным загаром. А не послушаетесь – попадете к нам опять, и тогда я очень рассержусь.

– Я буду осторожен, – обещал он, решив, что сердить сиделку ни в коем случае не следует.

Она вложила в рот два пальца и издала оглушительный свист, в ответ на который почти тотчас же появилась маленькая девочка.

– Вот тебе твой дельфиний мальчик, Анни, – сказала сиделка. – Отведи его в контору – доктор уже ждет.

Джонни последовал за ребенком. Они шли по дорожкам, усыпанным крупным коралловым песком, ослепительно белым под палящими лучами солнца. Большие тенистые деревья, росшие вдоль дорожек, напоминали дубы, но листья их были в несколько раз больше. Джонни испытывал некоторое разочарование: он всегда думал, что тропические леса покрыты пальмами.

Вскоре узенькая дорожка вывела их на просторную поляну, расчищенную в лесу, и Джонни увидел несколько одноэтажных бетонных строений, соединенных крытыми переходами. В некоторых домах через большие окна можно было разглядеть людей, занятых работой. В других домах окон совсем не было, и Джонни догадался, что там находятся машины, – туда тянулись трубы и кабели.

Джонни вслед за своим маленьким проводником поднялся по ступенькам, ведущим в главное здание. Проходя, он заметил, что люди из окон глядели на него с любопытством. Удивляться не приходилось – ведь они, конечно, знали, как попал сюда Джонни. Иногда ему самому приходило в голову, что все это странное плавание – плод воображения, слишком уж оно фантастично, чтобы быть правдой. И неужели это место действительно называется Островом Дельфинов, как сказала сестра Тесси? Это было бы просто невероятным совпадением.

Проводница, из скромности или смущения не проронившая ни звука, исчезла, как только довела Джонни до двери с надписью: «ДОКТОР КЕЙТ – ПОМОЩНИК ДИРЕКТОРА»

Джонни постучал, подождал, пока не услышал: «Войдите», и вошел в большой кабинет. Жара сразу сменилась

бодрящей свежестью, тут действовала установка искусственного климата.

Доктору Кейту казалось за сорок, и вид у него был профессорский. Хотя ученый сидел за своим письменным столом, Джонни разглядел, что он высокий, даже долговязый; кроме того, это был первый белый, которого он видел на острове.

Доктор указал Джонни на стул, сказав при этом слегка в нос: «Садись, сынок».

Джонни не понравилось, что его называют «сынком», как не понравился и австралийский акцент доктора, с которым он столкнулся впервые. Однако он очень вежливо ответил: «Спасибо», уселся и стал ждать продолжения.

Продолжение оказалось неожиданным.

– Прежде всего расскажи-ка, – сказал доктор Кейт, – что случилось с тобой после гибели «Санта-Анны».

Джонни разинул рот от удивления – его планы рухнули. Правда, планы эти еще не отчетливо сформировались в его голове. Он надеялся, что, по крайней мере какое-то время, сможет выдавать себя за юнгу, потерпевшего кораблекрушение и потерявшего память. Но если они знают, каким способом он путешествовал, то для них не секрет и откуда он прибыл; без сомнения, его сразу отошлют домой.

Он решил не сдаваться без боя.

– Никогда не слышал про «Санту» или как там ее зовут, – с невинным видом ответил он.

– Не считай нас дураками, сынок. Когда ты достиг суши столь необычным манером, мы, естественно, связались по радио с береговой охраной, чтобы выяснить, не было ли где-нибудь кораблекрушения. Нам ответили, что команда

«Санта-Анны», грузового судна на воздушной подушке, прибыла в Брисбен и сообщила, что судно это пошло ко дну примерно в ста милях к востоку. Однако она сообщила также, что спаслись *все* находившиеся на борту, даже судовой кот. На первый взгляд, «Санта-Анна» не подходила, но потом нас осенила остроумная догадка, – мы решили, что ты заяц. Ну, а дальше осталось только связаться с полицией вдоль трассы пути, пройденного «Санта-Анной».

Доктор сделал паузу, вынул из своего письменного стола трубку, вырезанную из корня эрики, и принялся изучать ее с таким вниманием, словно никогда не видел до этого. Тут Джонни решил, что доктор Кейт просто разыгрывает его, и антипатия, которую он сразу почувствовал к этому доктору, повысилась, как температура, еще на несколько градусов.

– Ты бы удивился, если б узнал, сколько ребят бегут из дому и в наше время, – продолжал противный голос. – Потребовалось несколько часов, чтобы установить, кто ты. Должен признаться, что когда мы наконец дозвонились до твоей тети Марты, она не рассыпалась в благодарностях. Право, я не осуждаю тебя за то, что ты сбежал.

А вдруг доктор Кейт не так уж плох, как кажется?

– Что вы думаете со мной делать, раз уж я здесь? – спросил Джонни. Он с тревогой почувствовал, что голос его слегка дрожит, а из глаз вот-вот хлынут слезы разочарования и безнадежности.

– В ближайшее время мы ничего не можем сделать, – сказал доктор, и настроение Джонни сразу улучшилось. – Наше судно ушло на материк и вернется только завтра. В плавание оно снова отправится не раньше чем через неделю, так что рассчитывай дней на семь.

Семь дней! Удача еще не отвернулась от него. За это время может произойти многое – об этом он позаботится сам.

Следующие полчаса Джонни рассказывал обо всем, что случилось с ним после гибели судна, а доктор Кейт задавал вопросы и что-то записывал. Казалось, он ничему не удивлялся и, когда Джонни кончил свой рассказ, вытащил из ящика стола пачку фотографий. На них были сняты дельфины. Джонни не представлял себе, что существует так много разновидностей этих животных.

– Можешь ты указать своих друзей? – спросил доктор.

– Постараюсь, – сказал Джонни, перебирая снимки. Он быстро отложил в сторону все фотографии, кроме трех вероятных и двух возможных.

Такой отбор, видимо, вполне удовлетворил доктора Кейта.

– Да, – сказал он, – среди этих снимков находится именно тот, который нам нужен.

Затем он задал Джонни очень странный вопрос.

– Кто-нибудь из них говорил с тобой?

Сначала Джонни решил, что это шутка. Но затем понял, что доктор Кейт говорит совершенно серьезно.

– Они издавали всякие звуки вроде писка, свиста или лая, но я ничего не мог понять.

– Не в этом ли роде? – спросил доктор.

Он нажал кнопку на своем столе, и из репродуктора, вделанного в стену кабинета, послышался звук, напоминавший скрип заржавевшей калитки. Потом раздался целый залп звуков, похожих на работу старомодного двига-

теля внутреннего сгорания в момент его запуска. Наконец Джонни ясно и отчетливо услышал слова: «Доброе утро, доктор Кейт». Слова были произнесены быстрее, чем мог бы вымолвить человек, но Джонни определенно разобрал их. Это не просто звукоподражание, бессмысленное повторение слов, как у попугая. «Доброе утро, доктор Кейт» животное произносило сознательно.

– Ты, кажется, удивлен? – усмехнулся доктор. – Разве ты не слыхал, что дельфины могут говорить?

Джонни покачал головой.

– Ну, так вот, мы знаем уже пятьдесят лет, что у них имеется свой, достаточно сложный язык. Мы стараемся овладеть им и в свою очередь обучаем их «бейзик инглишу»[1]. Благодаря методам, разработанным профессором Казаном, мы уже порядком продвинулись вперед. Ты познакомишься с профессором, как только он вернется с материка: ему очень хочется послушать твой рассказ. Пока же мне придется поручить тебя кому-нибудь.

Доктор Кейт нажал рычаг селектора, и из аппарата сразу же послышалось:

– Говорит школа. Да, доктор?

– Кто-нибудь из старших мальчиков сейчас свободен?

– Можете взять Мика, мы будем только рады.

– Хорошо. Пошлите его в контору.

Джонни вздохнул. Даже на таком маленьком и далеком острове, как этот, нельзя, видно, избавиться от школы.

---

[1] Система обучения английскому языку, основанная на искусственном ограничении его словарного состава (до 850 слов). – *Здесь и далее примечания переводчика.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мик Науру как гид имел только один недостаток – склонность к преувеличениям. Его россказни были столь невероятны, что их и невозможно было принимать всерьез, но иногда Джонни все же одолевали сомнения. Верно ли, к примеру, что сестра Тесси (или «Двухтонная Тесси», как звали ее островитяне) уехала из дому, с острова Тонга, потому, что ее извели насмешками: допекали маленьким ростом и называли не иначе, как Малышка, – столь велики обыкновенные девушки ее племени. Джонни не мог себе этого представить, но Мик уверял, что именно так и было.

– Спроси ее, если не веришь, – предложил он с торжествующим выражением лица. Над лицом этим нависала черная шапка густых, курчавых волос.

Хорошо еще, что другие его рассказы легче было проверить, а когда речь шла о действительно важных вещах, он относился к делу серьезно. Как только доктор Кейт поручил Джонни заботам Мика, тот немедленно отправился показывать ему остров.

Однако лишь через несколько дней Джонни научился ориентироваться, потому что на этом маленьком клочке суши умещалось много всякой всячины. Прежде всего он узнал, что жители Острова Дельфинов делятся на две группы: на сотрудников исследовательской станции – ученых и техников – и на рыбаков, которые жили дарами моря и обслуживали экспедиционные суда. Люди из рыбачьей общины обслуживали также силовую и водопроводную установки и работали в столовой, прачечной и на маленькой молочной ферме, где содержалось десять холеных коров.

– Коров завезли сюда после того, как профессор попытался ввести в употребление дельфинье молоко, – объяснил Мик. – Это был единственный случай, когда на острове возник бунт.

– Ты здесь давно? – спросил Джонни. – Родился тут?

– О нет, мои родители с острова Дарнлей в Торресовом проливе. Они приехали пять лет назад, когда мне было двенадцать. Плата хорошая, да и работа обещала быть интересной.

– Она и верно интересная?

– Еще бы! Я ни за что не вернулся бы на Дарнлей. Даже на материк бы не поехал. Вот подожди, увидишь риф, тогда поймешь почему.

Они свернули с расчищенных тропинок и пошли напрямик через лес, покрывавший большую часть острова. Деревья росли густо, но оказалось, что по лесу можно идти, не опасаясь колючек и ползучих растений. А Джонни-то был до сих пор уверен, будто тропический лес без них не обходится. Растительность острова была дикой, но вела себя хорошо.

Джонни показалось, что многие деревья держатся на подпорках, но потом понял: каждая подпорка – часть самого растения. Словно не доверяя мягкой почве, в которой они росли, деревья выпустили над землей дополнительные корни, служившие им опорой.

– Это панданусы. Их иногда зовут хлебными деревьями, потому что из плодов можно испечь нечто вроде хлеба. Я как-то попробовал: ужасно невкусно. Эй, берегись!

Но было поздно. Правая нога Джонни вдруг провалилась в пустоту по самое колено, а когда он попытался вытащить ее, то провалилась левая, еще глубже.

– Вот досада, – сказал Мик. Впрочем, он совсем не выглядел огорченным. – Следовало предупредить тебя. Тут целая колония больших буревестников – они роют себе гнезда в земле, как кролики, кое-где и шагу не ступишь, чтобы не угодить в такую нору.

– Спасибо за объяснение, – саркастически сказал Джонни, когда наконец выбрался из ловушки и принялся счищать с себя землю. – Оказывается, на Острове Дельфинов можно многому научиться.

Еще два-три раза норы клинохвостых буревестников доставляли ему неприятности, но тут лес кончился, и они вышли на песчаный берег восточной стороны острова; перед ними распахнулась великая пустота открытого океана.

Трудно было поверить, что сюда он приплыл из-за этого далекого горизонта, что сюда привело его чудо, которое все еще оставалось непонятным.

Нигде ни признака жизни! Можно подумать, что они единственные обитатели острова. С востока на берег обрушивались сезонные бури, а потому строения и причалы находились на противоположной стороне. Ствол огромного дерева, выброшенный на песок и выцветший добела за много месяцев, а может, и лет под лучами солнца, служил молчаливым памятником какому-то урагану. На пляже виднелись даже большие, во много тонн, глыбы мертвых кораллов, их могло выбросить на берег только волнами. Но сейчас все это выглядело очень мирно.

Мальчики пошли вдоль песчаных дюн между опушкой леса и покрытым кораллами пляжем. Мик что-то искал и вскоре нашел. Какое-то большое существо, вылезавшее из

моря на берег, оставило следы, похожие на отпечатки танковых гусениц. Следы вели к участку утрамбованного песка высоко над урезом воды. Мик принялся раскапывать песок руками. Джонни помог ему, и на глубине примерно тридцати сантиметров они наткнулись на множество яиц, которые формой и величиной напоминали мячики для пинг-понга. Однако оболочка у них была не твердая, а кожистая и податливая. Мик снял рубашку, сделал из нее мешок и запихал туда столько яиц, сколько поместилось.

– Знаешь, что это? – спросил он.

– Да, – поспешно ответил Джонни, к явному разочарованию Мика. – Яйца черепахи. Я раз смотрел по телевизору фильм, там показывали, как вылупляются маленькие черепашки и как они выбираются из песка. А что ты будешь делать с яйцами?

– Съем, конечно. Они вкусные, если приготовить с рисом.

– Гм! Меня не проведешь, – сказал Джонни. – Я их пробовать не стану.

– А ты и не узнаешь, – ответил Мик. – У нас ловкий повар.

Они пошли дальше, следуя изгибам берега, обогнули северную оконечность острова, а затем и западную часть, прежде чем вернулись в поселок. Перед самым поселком находилось большое водохранилище – бассейн, каналом соединяющийся с морем. Прилив уже кончился, и канал был заперт воротами шлюза, которые задерживали воду до нового прилива.

– Ну, вот и все, – сказал Мик. – Больше на острове ничего нет.

В бассейне кувыркались два дельфина, точно так, как тогда в океане. Джонни хотелось подойти к ним поближе, но бассейн был огражден проволочной сеткой. На ней виднелась надпись, сделанная большими красными буквами: «СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ – ГИДРОФОНЫ В ДЕЙСТВИИ»

Мальчики послушно прошли на цыпочках мимо бассейна. Мик объяснил:

– Профессор не любит, когда кто-нибудь разговаривает поблизости – это может сбить дельфинов с толку. Однажды вечером какой-то дуралей рыбак напился; пришел к бассейну и стал выкрикивать ругательства. Поднялся страшный скандал, и его выслали с первым же судном.

– Что за человек этот профессор? – спросил Джонни.

– Отличный, только не в воскресенье вечером.

– А что с ним происходит в это время?

– В воскресенье утром всегда звонит его старуха и уговаривает приехать домой. Ну, а он не соглашается – говорит, что не выносит московского климата: летом слишком жарко, а зимой слишком холодно. Из-за этого между ними происходят ожесточенные сражения, но примерно раз в полгода оба идут на уступки и встречаются в месте, которое называется Ялтой.

Джонни раздумывал над тем, что услышал. Ему хотелось знать побольше о профессоре Казане, может, тогда он найдет способ продлить свое пребывание на острове. Рассказ Мика немного встревожил его. Но поскольку конец недели уже позади, следует надеяться, что у профессора еще несколько дней будет хорошее настроение.

– А он действительно умеет говорить по-дельфиньи? –

спросил Джонни, – Никак не могу представить себе, чтобы кто-то сумел подражать этим странным звукам.

– Сам он может произнести всего несколько слов, но с помощью счетно-решающих устройств переводит магнитофонные записи их разговоров. А потом он делает какие-то новые ленты и отвечает им. Ужасно сложное дело, но у него выходит.

Все это произвело на Джонни большое впечатление и разожгло любопытство. Джонни был человеком любознательным, ему всегда хотелось разобраться, что почему и что откуда, но с какой стороны подступиться к изучению языка дельфинов, он и вообразить не мог.

– А ты думал когда-нибудь над тем, как сам научился говорить? – спросил Мик, когда Джонни поделился с ним своим недоумением.

– Вероятно, повторяя слова матери, – сказал Джонни немного грустно; он едва помнил ее.

– Так оно и есть. Вот профессор и взял дельфинью маму с недавно родившимся детенышем и поместил их вдвоем в бассейн. И с самого начала слушал все их разговоры. Так он учился дельфиньему языку вместе с детенышем.

– Хм, так это же совсем просто – воскликнул Джонни.

– Но ему понадобились целые годы, и он все еще учится. Теперь, однако, он располагает словарем в тысячу слов и начал даже писать историю дельфинов.

– Историю?

– Да, это можно так назвать. У них нет книг и поэтому замечательно развилась память. Они могут рассказать о том, что произошло в море много веков назад. По крайней мере, так говорит профессор. И это понятно. Ведь прежде

чем люди изобрели письменность, им приходилось держать все в голове. Так же поступают и дельфины.

Джонни думал об услышанном, пока они не достигли центрального квартала, закончив таким образом круговой обход острова. При виде всех этих зданий, где работало столько людей и сложных машин, ему пришла в голову вполне земная мысль.

– Кто платит за все? – спросил он. – Это должно обходиться в копеечку.

– Расходы не так уж велики по сравнению с тем, что уходит на космос, – отвечал Мик. – Профессор начал пятнадцать лет назад всего с шестью помощниками. А когда он стал получать *результаты*, крупные фонды развития науки оказали ему полную поддержку. Так что теперь нам приходится устраивать каждые полгода генеральную уборку перед приездом целой кучи ископаемых, которые называют себя инспекторской группой. Профессор говорил при мне, что прежде было куда интереснее.

«Возможно, так и есть», – подумал Джонни. Но он считал, что и теперь островитянам здорово интересно. Он намерен жить так же.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Катер на подводных крыльях «Летучая рыба» стремительно мчался к острову с запада со скоростью пятьдесят узлов. От берегов Австралии катер шел всего два часа. У рифа, опоясывавшего Остров дельфинов, он вобрал в себя огромные крылья, превратился в обыкновенное судно и неторопливо закончил плавание, сбавив ход до степенных десяти узлов.

Джонни узнал о появлении катера, когда все население острова двинулось к пристани. Он, конечно, пошел вместе со всеми и, стоя на пляже, наблюдал, как белый катер осторожно пробирается по каналу, пробитому взрывчаткой в коралловом барьере.

Профессор Казан, в белоснежном тропическом костюме и широкополой шляпе, первым сошел на берег. Его встречала и тепло приветствовала делегация жителей, в которую входили техники, рыбаки, конторские служащие и даже дети. Община островитян была демократична, каждый считал себя равным всем остальным. Но, как вскоре обнаружил Джонни, профессор Казан был, так сказать, сам по себе и в отношении островитян к нему смешивались уважение, симпатия и гордость.

Оказалось, что если уж ты пришел на берег встречать «Летучую рыбу», ты должен помочь разгрузить ее. Не без участия Джонни внушительный поток посылок и ящиков устремился с судна в здание с надписью: «СКЛАД»

Через час, когда работа была закончена и Джонни с наслаждением утолял жажду прохладительным напитком, громкоговоритель пригласил его прийти в Дом техники, и как можно быстрее.

Джонни, конечно, последовал приглашению, и его тотчас же провели в большое помещение, уставленное электронным оборудованием. Профессор Казан и доктор Кейт сидели у замысловатой приборной доски и не обратили на него никакого внимания. Но Джонни не обиделся: ему все тут было интересно.

Из репродуктора неслись звуки, сочетание которых повторялось снова и снова. Звуки показались Джонни

знакомыми: ну да, он слышал их от дельфинов в ту памятную встречу. Похожи и чем-то отличны.

Прослушав одно и то же раз десять, он понял, в чем это отличие: запись пускали на замедленной скорости, чтобы грубое человеческое ухо могло воспринять речь дельфинов во всех деталях. Но это было еще не все. Всякий раз, как динамик разносил по комнате серию звуков, они тотчас отображались на большом телевизионном экране игрой света и тени. Расположение светлых линий и темных полос напоминало на первый взгляд географическую карту, и хотя это ничего не говорило неопытному глазу Джонни, но, несомненно, означало очень многое для ученых. Они внимательно разглядывали изображение всякий раз, как оно появлялось на экране, и время от времени изменяли высоту звука, отчего одни участки становились светлее, а другие темнее.

Наконец профессор заметил Джонни, отключил звук и повернулся к нему на вертящемся сиденье. Но телевизора он не выключил, и изображение продолжало бесшумно и ритмично возникать на экране с таким гипнотическим постоянством, что Джонни все время возвращался к нему взглядом.

Тем не менее он не упустил возможности разглядеть получше профессора Казана, плотного седого мужчину лет около шестидесяти. У него было ласковое, но несколько отсутствующее выражение лица, оно как бы говорило, что он не прочь дружить со всеми, но предпочитает оставаться наедине с самим собой и своими мыслями.

Позднее Джонни узнал, что профессор – человек очень общительный в свободные часы, хотя во время самой

оживленной беседы иногда казалось, что мысли его где-то очень далеко. Не то чтобы он походил на пресловутого «рассеянного ученого», героя бесчисленных анекдотов: в жизни и в работе никто не мог быть менее рассеянным, чем профессор Казан. Он как бы обладал способностью раздваиваться: часть его мозга занималась повседневными делами, а другая трудилась над решением какой-нибудь сложной научной проблемы. Неудивительно поэтому, что временами он словно прислушивался к некоему внутреннему голосу, внятному ему одному.

– Садись, Джонни, – начал он. – Доктор Кейт радировал о тебе, когда я находился на материке. Ты, вероятно, понимаешь, как тебе повезло.

– Да, сэр, – с чувством ответил Джонни.

– Уже много веков известны случаи, когда дельфины помогали людям достичь берега. Легенды двухтысячелетней давности донесли до нас рассказы об этом, хотя до недавнего времени никто не принимал их всерьез. Но тебя не просто вытолкнули на берег, тебя влекли по морю больше сотни миль. К тому же тебя доставили непосредственно к нам. Но зачем? Очень хотелось бы узнать. Что ты сам думаешь?

Вопрос польстил Джонни, но он мало чем мог помочь профессору.

– Что же, – медленно ответил Джонни, – им, вероятно, известно, что вы работаете с дельфинами, хотя я не могу представить себе, каким образом они это узнали.

– Ну, тут ответить нетрудно, – вмешался доктор Кейт. – Им, вероятно, сказали дельфины, которых мы выпустили в море. Вспомните, что Джонни узнал пятерых на тех фото-

графиях, что я показал ему, когда он у нас появился.

Профессор Казан кивнул.

– Да, и это для нас ценная информация. Выходит, что дельфины прибрежной породы, с которыми мы работаем, и их глубоководные родичи говорят на одном языке. До сих пор мы не знали этого.

– Но все же, что заставило их поступить подобным образом? Тут мы бродим в потемках, – сказал доктор Кейт. – Если дикие дельфины, никогда не имевшие никакого контакта с людьми, взяли на себя столько хлопот, то, значит, им что-то нужно от нас, притом очень нужно. Может быть, спасение Джонни было чем-то вроде сигнала: «Мы помогли вам – теперь помогите нам».

– Весьма правдоподобно, – согласился профессор Казан, – Но бесплодные рассуждения не дадут нам ответа. Есть только один способ узнать, чего хотят друзья Джонни, – это спросить у них самих.

– Если мы сумеем их отыскать.

– Коль скоро им действительно что-то нужно, их не придется искать далеко. Возможно даже, что нам удастся установить с ними контакт, не выходя из комнаты.

Профессор повернул рычажок, и комната снова наполнилась звуками. Вскоре Джонни понял, что сейчас он слышит не только голос дельфина, но и все голоса моря.

То была невероятно сложная смесь шипения, треска и рокота. Слышалось еще что-то, напоминавшее щебет птиц, далекие, слабые стоны да приглушенный шум волн.

Несколько минут они прислушивались к этой удивительной мешанине звуков. Затем профессор повернул другой рычажок на огромной машине.

– Это был западный гидрофон, – пояснил он Джонни. – Теперь испробуем восточный. Он погружен глубоко в воду, у самого края рифа.

Звуковая картина изменилась. Шум волн ослабел, но зато стоны и скрипучие звуки, издаваемые неведомыми обитателями моря, стали гораздо громче. Профессор прислушивался к ним несколько минут, затем переключился на север и, наконец, на юг.

– Пропустите, пожалуйста, магнитофонную ленту через анализатор, – попросил он доктора Кейта. – Но я и без этого готов побиться об заклад, что на расстоянии по крайней мере двадцати миль от нас нет большой стаи дельфинов.

– В таком случае моя гипотеза никуда не годится.

– Не обязательно; двадцать миль – это ничто для дельфинов. Учтите также, что они охотники и, значит, не могут оставаться на одном месте. Им приходится следовать за своей пищей. Стая, спасшая Джонни, живо смела с нашего рифа всю рыбу, словно пылесос.

Профессор поднялся, сказал:

– Займитесь, пожалуйста, анализом. Мне пора к бассейну. Идем, Джонни. Я хочу познакомить тебя с некоторыми из моих близких друзей.

По дороге к берегу профессор молчал, погрузившись в свои мысли. И вдруг поразил Джонни – неожиданно и очень искусно он засвистал на разные лады, быстро модулируя звук.

Увидев удивление на лице Джонни, он засмеялся.

– Ни один человек не может научиться *свободно* говорить по-дельфиньи, – сказал он, – но я умею довольно

точно воспроизвести с десяток общеупотребительных фраз. Мне приходится немало работать над этим, но боюсь, что произношение у меня все-таки ужасное. Только хорошо знакомые дельфины могут разобрать, что я хочу сказать. Да и то мне иногда кажется, что они просто притворяются из вежливости.

Профессор отпер калитку в изгороди и тут же тщательно запер ее за собой.

– Каждому хочется поиграть с Сузи и Спутником, но я не могу этого разрешить, – объяснил он. – По крайней мере, пока я стараюсь научить их английскому языку.

Сузи оказалась лоснящейся нервозной матроной весом в полторы сотни килограммов. Завидев гостей, она наполовину высунулась из воды. Ее девятимесячный сын Спутник был поспокойнее или, может быть, застенчивее. Он все норовил устроиться так, чтобы между ним и посетителями непременно оказалась мать.

– Привет, Сузи, – сказал профессор нарочито четко. – Привет, Спутник.

Затем он вытянул губы и издал тот самый сложный свист. Однако что-то у него не получилось, и, ругнувшись вполголоса, он начал все сначала.

Сузи нашла все это очень забавным. Она расхохоталась по-дельфиньи, затем пустила в сторону посетителей струю воды, хотя проявила достаточную вежливость, чтобы не окатить их. Потом подплыла к профессору, который полез в карман и вытащил пластикатовый мешочек с гостинцами.

Достав лакомый кусочек, он поднял его высоко над головой, а Сузи отплыла несколько метров назад, вылетела из воды, как ракета, ловко приняла пищу из рук профессора

и почти без всплеска нырнула обратно в бассейн. Затем она снова появилась и отчетливо произнесла: «Спасибо, профессор».

Ей явно хотелось еще, но профессор Казан покачал головой.

– Нет, Сузи, – сказал он, похлопав ее по спине. – Это все. Скоро обед.

Она фыркнула, выражая негодование, а затем принялась кружить по бассейну, как моторная лодка, очевидно, чтобы покрасоваться.

Спутник последовал ее примеру, а профессор сказал Джонни:

– Не удастся ли тебе покормить его, боюсь, не доверяет он мне.

Джонни взял кусок дельфиньего лакомства, от которого разило рыбой, растительным маслом и какими-то химикалиями. Впоследствии он узнал, что для дельфинов это угощение все равно что для людей конфета или хорошая сигарета. Чтобы создать подобную смесь, профессор несколько лет занимался специальными исследованиями; животным она так нравилась, что они были готовы почти на все, лишь бы получить кусочек.

Джонни встал на колени у края бассейна и принялся помахивать приманкой.

– Спутник! – кричал он. – Спутник, сюда!

Дельфинчик высунулся из воды и недоверчиво посмотрел на него. Потом на мать, потом на профессора и снова на Джонни. Лакомство, верно, соблазняло его, но он не приблизился к Джонни, только фыркнул, поспешно нырнул в воду и начал кружить по бассейну, не поднимаясь

на поверхность. У него, как видно, не было определенной цели; он вел себя словно человек, который никак не может принять решение и мечется из стороны в сторону.

«Вероятно, боится профессора», – предположил Джонни. Он отошел по краю бассейна метров на пятьдесят от профессора и снова позвал Спутника.

Его догадка оказалась правильной. Дельфин оценил создавшееся положение, одобрил его и медленно поплыл к Джонни. У него еще оставались кое-какие сомнения, однако он все же высунул из воды рыло и разинул пасть, усеянную ужасающим количеством маленьких, но острых, как иголки, зубов. Джонни облегченно вздохнул, когда дельфин проглотил свою награду, не откусив ему пальцев. Все-таки Спутник был плотоядным животным, а Джонни никогда не жаждал кормить из собственных рук молодого льва.

Дельфинчик задержался у края бассейна, явно рассчитывая получить еще кусочек.

– Нет, Спутник, – сказал Джонни, вспомнив слова профессора, обращенные к Сузи. – Нет, Спутник, скоро обед.

Дельфин все еще держался совсем рядом, и Джонни протянул руку, чтобы его погладить. Спутник немножко отодвинулся, но не отпрянул и позволил погладить свою спину. Джонни удивился: кожа животного была мягкой и эластичной, как резина. Она совсем не походила на рыбью чешую. Человек, хоть раз погладивший дельфина, не забудет, что это теплокровное млекопитающее.

Джонни хотелось поиграть со Спутником, но профессор поманил его к себе. Когда они отошли от бассейна, ученый шутливо воскликнул:

– Я оскорблен в лучших чувствах! Спутник никогда не подпускал меня близко к себе, а тебе это удалось с первого раза. Умеешь, видно, обращаться с дельфинами. Не держал ли ты прежде ручных животных?

– Нет, сэр, – сказал Джонни. – Разве что головастиков, да и то давно.

– Ну, этих можно не считать, – усмехнулся профессор. Всего через несколько шагов профессор Казан заговорил совершенно другим, серьезным тоном, как говорил бы с равным, а не с мальчиком на сорок с лишним лет моложе его.

– Я ученый, – сказал он, – но в то же время я суеверен. Хотя с точки зрения логики это глупость, мне начинает казаться, что ты послан сюда судьбой. Ты возник, как в греческом мифе. И вот теперь Спутник ест у тебя из рук. Это, конечно, простое совпадение, но умный человек и случай заставляют работать на себя.

«Что он задумал?» – подивился Джонни.

Но профессор больше ничего не прибавил, пока они не очутились снова у входа в Дом техники. Тут он вдруг со смешком заметил:

– Насколько я понимаю, ты не слишком жаждешь поскорее вернуться домой.

У Джонни екнуло сердце.

– Это так, сэр, – горячо сказал он. – Я хочу остаться здесь как можно дольше, чтобы узнать побольше о ваших дельфинах.

– Не моих, – твердо поправил его профессор. – Каждый дельфин – это самостоятельное существо, личность, пользующаяся большей свободой, чем сможем когда-либо

пользоваться мы, обитатели суши. Они никому не принадлежат и, надеюсь, никогда не будут принадлежать. Я хочу помочь им не только ради науки, но и потому, что это приносит мне радость. Никогда не считай их зверями. На своем языке они зовут себя морским народом, и лучшего названия не придумаешь.

Джонни в первый раз видел профессора таким взволнованным, и чувства, обуревавшие ученого, были ему понятны. Ибо он был обязан жизнью морскому народу и надеялся, что сможет вернуть этот долг.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Остров Дельфинов окаймлял коралловый риф – и это было настоящее волшебное царство. Чтобы узнать все его чудеса, не хватило бы человеческой жизни. Такое Джонни и во сне не снилось. Поля и леса казались безжизненной пустыней по сравнению с рифом, где кишмя кишели диковинные прекрасные существа.

Во время прилива море совсем заливало риф, и только опоясывавшая остров узкая полоса белого песка оставалась незатопленной. Однако проходило несколько часов – и все неузнаваемо преображалось. Правда, разница в уровнях при приливе и отливе составляла около метра, но риф был таким плоским, что вода отступала на несколько километров. На некоторых участках море уходило за горизонт и коралловая банка обнажалась, сколько хватал глаз.

Тогда-то и наступало время обследовать риф. Не нужно было даже особого снаряжения: пара крепких башмаков, широкополая шляпа, защищающая от солнца, да маска –

вот и все. Самое важное – башмаки: острые ломкие кораллы могли изрезать ноги; даже маленькая царапина легко воспалялась, а иногда проходили целые недели, пока она заживала.

В первый раз Джонни отправился на риф вместе с Миком. Конечно, он не представлял себе того, что его ждет, все казалось ему удивительным и чуть страшным. Джонни вел себя на первых порах очень осторожно – и это было правильно. Тут обитали существа маленькие и на вид безобидные, которые тем не менее легко могли убить его, допусти он малейшую оплошность.

Мальчики спустились с пляжа на западной стороне острова, где обнажившийся риф имел всего около восьмисот метров в ширину. Сначала они шли по неинтересной, ничьей земле – по мертвым, разбитым кораллам; эти обломки приносили сюда бури в течение веков. Да и весь остров был сложен из таких обломков, за столетие они покрылись сначала тонким слоем почвы, потом на ней проросли семена травы, потом поднялись деревья.

Вскоре мальчики миновали зону мертвых кораллов, и Джонни показалось, что он очутился в саду со странными окаменелыми растениями. Тут были ветви и веточки из цветного камня и какие-то массивные образования, напоминавшие гигантские грибы, такие прочные, что по ним спокойно можно было ходить. И все-таки это были не растения, а создания из мира животных. Когда Джонни наклонился, чтобы осмотреть один из таких грибов, он увидел, что его поверхность испещрена тысячами крошечных отверстий. Каждое из них представляло собой ячейку одного кораллового полипа – маленького существа,

напоминающего миниатюрный морской анемон. Все эти ячейки были из извести, выделяемой самим животным. Когда животное умирало, домик его оставался пустым, и следующее поколение вело свое строительство поверху. Так, год за годом, век за веком рос коралловый риф. Все, что видел Джонни – целые километры плоской равнины, блестевшей под солнцем, – создали существа меньше его ногтя.

А ведь это был только маленький участок Большого барьерного рифа, который тянулся вдоль берега Австралии более чем на полторы тысячи километров. Теперь Джонни оценил замечание, брошенное профессором Казаном: профессор сказал, что риф – это самое большое сооружение на поверхности Земли, построенное живыми существами.

Джонни скоро убедился, что у его ног ведут свою особую жизнь не только кораллы, но и множество других тварей. Совершенно неожиданно неподалеку от него взметнулся в воздух маленький фонтанчик.

– Кто это сделал? – спросил Джонни, раскрыв рот от изумления.

Мик рассмеялся.

– Моллюск, – лаконично ответил он. – Услыхал твои шаги.

Еще через несколько шагов Джонни увидел, как это происходит. Моллюск сантиметров тридцати в поперечнике так глубоко врос в коралл, что снаружи виднелись только его створки. Сам моллюск наполовину высунул свое тело из раковины, оно походило на яркий кусок бархата и одновременно напоминало о блеске драгоценных камней-сапфиров и изумрудов. Мик шагнул к нему,

встревоженный моллюск мгновенно захлопнул створки и выпустил струю воды чуть не в лицо Джонни.

– Это так, мелюзга, – презрительно сказал Мик. – Большие водятся поглубже – там они вырастают до метра в диаметре, а то и до полутора. Мой дед рассказывал, что, когда он занимался ловлей жемчуга и плавал на люгере из Куктауна, ему повстречался моллюск поперечником в три с половиной метра. Но он славился своими небылицами, и я в это не верю.

Джонни не верил и в полутораметровых моллюсков. Но позднее он убедился, что на этот раз Мик говорил истинную правду. Было неблагоразумно пропускать мимо ушей, как чистую фантазию, любой рассказ о рифе и его обитателях.

Они прошли еще сотню метров, обстреливаемые время от времени водометами встревоженных моллюсков, и достигли маленького озерка в скале. Стояло полное безветрие, и под неподвижной поверхностью воды Джонни увидел сновавших в глубине рыб столь же отчетливо, как если бы они парили в воздухе.

Они были окрашены во все цвета радуги, полосы на чешуе перемежались кругами и точками, словно над ними поработал безумный художник. Даже самые ослепительные бабочки не могли быть более яркими и цветистыми, чем рыбы, вьющиеся среди кораллов.

В озерке было много и других обитателей. Мик обратил внимание Джонни на два длинных щупальца, высовывавшиеся из маленькой пещерки. Они беспокойно двигались, обследуя окружающий мир.

– Пестрый лангуст, – сказал Мик. – Может быть, мы

поймаем его на обратном пути. Они очень вкусные, если жарить их целиком, положив побольше масла.

На протяжении следующих пяти минут он показал Джонни десятка два различных существ; тут были моллюски с чудесными узорами на раковинах; пятиконечные морские звезды, медленно ползавшие по дну в поисках добычи; раки-отшельники, селившиеся в чужих опустевших раковинах; и, наконец, что-то вроде гигантского слизня, который выпустил целое облако пурпурных чернил, когда Мик дотронулся до него ногой.

Был там и осьминог, впервые встреченный Джонни. Он оказался младенцем, имел всего несколько сантиметров в поперечнике и застенчиво укрывался в тени, где его мог обнаружить только наметанный глаз Мика. Мик напугал его и заставил выбраться на свет: осьминог грациозно и плавно проплыл над кораллами, изменив при этом свою окраску с темно-серой на розоватую. Джонни восхитился этим красивым маленьким созданием, хотя тут же подумал, что, попадись ему навстречу большой осьминог, он испытал бы совсем другие чувства.

Джонни готов был простоять у этого маленького озерка хоть целый день, но Мик торопился. Они снова двинулись в путь, к видневшемуся вдали морю, огибая участки, где кораллы были слишком хрупки, чтобы выдержать их вес.

Один раз Мик остановился и подобрал пеструю раковину, величиной и видом напоминавшую еловую шишку.

– Посмотри-ка, – сказал он, протягивая ее Джонни.

Черный заостренный крючок, похожий на маленький серп, тщетно тянулся к нему с одного конца раковины.

– Ядовитый, – сказал Мик. – Если она ужалит тебя, сильно заболеешь. Можно даже умереть.

Мик осторожно положил раковину обратно. Джонни задумчиво смотрел на нее. Такая красивая, безобидная на вид и несет в себе смерть! Он надолго запомнил этот урок.

Но он узнал также, что риф не грозит опасностью, если следовать двум правилам здравого смысла. Первое – гляди, куда ступаешь, второе – ничего не трогай, если не знаешь, что это безвредно.

Наконец они достигли края рифа. Перед ними расстилалось медленно дышавшее море. Отлив еще продолжался, и вода стекала с обнажившихся кораллов по сотням узеньких русел, которые она пробила в живых скалах. Тут оставались большие глубокие озера, соединявшиеся с морем, в них плавали такие крупные рыбы, каких Джонни еще никогда не видел.

– Пошли, – сказал Мик, надевая маску. Почти без всплеска он нырнул в ближайшее озерко, даже не обернувшись, чтобы узнать, следует ли за ним Джонни.

На мгновение Джонни помедлил, но, побоявшись показаться трусом, осторожно спустился по хрупкому кораллу. Как только его маска погрузилась в воду, он забыл обо всех своих страхах. Подводный мир, который он рассматривал сверху, оказался еще прекраснее теперь, когда он плыл, опустив лицо вниз. Он и сам чувствовал себя рыбой в гигантском аквариуме. Через стекло маски он видел все поразительно отчетливо.

Джонни медленно следовал за Миком вдоль изгибавшихся стеной коралловых скал, которые, казалось, расступались по мере приближения к морю. Сначала глубина составляла всего шестьдесят-девяносто сантиметров. Затем дно внезапно ушло из-под ног Джонни, и, прежде чем он

понял, что произошло, оно опустилось на шесть метров. Обширная банка кончилась, и теперь он плыл в открытое море.

Сперва он сильно испугался. Застыл на минутку и перевел дух, потом через плечо взглянул назад, чтобы убедиться, что безопасное место всего в нескольких метрах за ним. Затем снова стал глядеть вперед, вперед и вниз.

Определить точно, как глубоко проникает его взор, он не мог – пожалуй, метров на тридцать. Перед ним был длинный пологий скат, который вел в места, совершенно не похожие на только что покинутые им озера, пронизанные светом и играющие красками. Из мира, залитого солнцем, он заглянул в синий таинственный сумрак. Далеко внизу в этом мраке, колыхаясь, проплывали огромные тела, взад и вперед, словно в величавом танце.

– Кто это? – шепотом спросил Джонни своего спутника.

– Разновидность морского окуня, – сказал Мик. – Посмотри-ка.

И Мик, к ужасу Джонни, покинул поверхность воды и устремился в глубину так же быстро и грациозно, как любая рыба.

По мере приближения к этим движущимся теням Мик становился все меньше и меньше, а они словно вырастали в сравнении с ним. Он остановился прямо над ними, на глубине около пятнадцати метров. Вытянув руки, попытался коснуться одной из этих огромных рыб, но она махнула хвостом и вильнула в сторону.

Мик явно не спешил наверх. Джонни же, пока длилось это представление, успел судорожно вздохнуть не менее дюжины раз. Наконец, к большому облегчению единст-

венного зрителя, Мик медленно всплыл, помахав на прощание морским окуням.

– Какой величины эти рыбы? – спросил Джонни, когда Мик вынырнул на поверхность и отдышался.

– Эти весят каких-нибудь сорок-пятьдесят кило. Видал бы ты их на севере – там они действительно большие. Мой дед поймал на крючок близ Кернса рыбину весом четыреста килограммов.

– Но ты ведь не веришь ему, – усмехнулся Джонни.

– Нет, верю, – ответил Мик, тоже с улыбкой. – В тот раз он ее сфотографировал и сохранил снимок.

Они повернули обратно. И пока добирались до края рифа, Джонни глядел в синеватую мглу, где нависали уступами коралловые глыбы, а между ними медленно плавали грузные тела. Этот мир был чужд, как инопланетный, хотя и находился здесь, на родной Земле. И именно потому, что мир этот был таким чужим, он наполнял Джонни любопытством и страхом.

Был только один способ освободиться от этого чувства. Рано или поздно ему придется последовать за Миком и спуститься вниз по этому синеватому таинственному склону.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Вы правы, профессор, – сказал доктор Кейт, – хотя черт меня подери, если я знаю, как вы об этом догадались. В радиусе действия наших гидрофонов нет ни одной крупной стаи дельфинов.

– Тогда мы поищем их с помощью «Летучей рыбы».

– Но как их найти? Они могут оказаться где угодно в пределах двадцати пяти тысяч квадратных километров.

– А для чего искусственные спутники? Вызовите контрольную станцию Вумера и попросите провести фотосъемки моря вокруг острова в радиусе восьмидесяти километров. Завтра как раз на восходе солнца один из спутников пройдет над нами.

– Но почему именно на восходе? – спросил Кент. – А, понимаю, длинные тени помогут обнаружить цель.

– Разумеется. Обыскать такую огромную акваторию – дело непростое, и, если поиски продлятся слишком долго, дельфины за это время окажутся бог знает где.

Джонни услышал о проекте вскоре после завтрака, когда его вызвали для участия в разведке. Профессор Казан, видимо, откусил кусок больше, чем мог разжевать: бильдаппарат острова принял двадцать пять фотографий, каждая из которых охватывала квадрат со стороной тридцать километров и содержала огромное количество деталей. Эти снимки были сделаны с метеорологического спутника, обращавшегося на высоте всего восемьсот километров, примерно через час после рассвета. Облачности не было, и фотографии получились отличными. Мощные телескопические камеры сократили расстояние всего до восьми километров.

Из всей этой мозаики Джонни дали на рассмотрение не слишком важный, но самый интересный для него снимок. Снимок этот был центральным и запечатлел остров целиком. Рассматривать его через лупу было необыкновенно увлекательно. Джонни узнавал здания, дорожки и суда, отчетливо видимые у берега.

Можно было разглядеть даже отдельных людей, которые казались маленькими черными точками.

Джонни воочию убедился, какой гигантский риф окружает Остров Дельфинов. Он тянулся на много километров в восточном направлении, и остров возле него казался маленькой запятой.

Съемка производилась в часы прилива, но сквозь неглубокий слой воды ясно вырисовывалась каждая деталь рифа. Джонни почти забыл о полученном задании, увлекшись исследованием углублений, подводных долин и сотен маленьких ущелий, прорытых водой, устремлявшейся с рифа во время отливов.

Поиски увенчались успехом: стаю обнаружили примерно в ста километрах к юго-востоку от острова, почти что на краю фотомозаики. Ошибиться было невозможно: видно было, как поверхность воды рассекали десятки темных тел; некоторых объектив запечатлел в тот момент, когда они выпрыгивали в воздух. Двузубые расходящиеся вилки следов, которые дельфины оставляли на воде, показывали, что они направляются на запад.

Профессор Казан с удовлетворением посмотрел на фотографию.

– Они приближаются, – сказал он. – И если не свернут, мы сможем встретиться с ними через час. «Летучая рыба» готова?

– Еще принимает топливо. Сможем выйти в море через тридцать минут.

Профессор взглянул на часы. Он был взволнован, как маленький мальчик, которому обещали пикник.

– Хорошо, – отрывисто сказал он. – Через двадцать минут всем быть на пристани.

Джонни явился через пять. Он в первый раз попал на борт судна («Санта-Анна» в счет не шла, ибо там он почти ничего не видел), а потому принял твердое решение ничего не упустить. Его только успели согнать с «вороньего гнезда», возвышавшегося над палубой на десять метров, как на борту появился профессор в яркой гавайской рубашке, с фотоаппаратом, биноклем и портфелем. Он курил огромную сигару.

– Пошли? – сказал профессор.

«Летучая рыба» отчалила.

Выйдя из канала, пробитого в коралловом барьере, она снова остановилась у края рифа.

– Чего мы ждем? – спросил Джонни у Мика, который, перегнувшись через поручни, глядел вместе с ним на удалявшийся остров.

– Не знаю точно, – ответил Мик, – но догадываюсь. А, вот и они! Профессор, верно, вызвал их через подводные громкоговорители. Хотя обычно они появляются и без этого.

К «Летучей рыбе» приближались два дельфина, они высоко подпрыгивали над водой, словно желая привлечь к себе внимание. Животные подплыли к самому судну, и, к удивлению Джонни, их немедленно приняли на борт. С помощью лебедки на воду спустили парусиновый кошель, один из дельфинов вплыл в него, и кошель с ним подняли на палубу. Там дельфина выпустили в ящик с водой, расположенный на корме. То же проделали и со вторым. В маленьком аквариуме едва хватало места на двух животных, но они, видимо, чувствовали себя превосходно. Было ясно, что все это им не в новинку.

– Эйнар и Пегги, – сказал Мик. – Самые умные дельфины из всех, какие у нас бывали. Профессор выпустил их в море несколько лет назад, но они никогда не уплывают слишком далеко.

– Как вы их различаете? – спросил Джонни. – Мне они все кажутся одинаковыми.

Мик почесал в своей курчавой голове.

– Не знаю, как и ответить. Что касается Эйнара, то его легко узнать – видишь шрам на левом плавнике? А его девушка обычно Пегги. Так что вот. *Думаю*, что это Пегги, – добавил он с сомнением в голосе.

«Летучая рыба» набрала ход и удалялась теперь от острова со скоростью около десяти узлов. Шкипер (один из многочисленных дядей Мика) не хотел, однако, давать полный вперед, пока судно не минует все подводные препятствия.

Риф остался в двух милях за кормой, когда шкипер выпустил крылья и открыл гидропульты. Как бы обретя силы, «Летучая рыба» разогналась, потом сделала рывок и стала подниматься. Через несколько сот метров над водой оказался весь ее корпус. Эффект торможения сократился во много раз. Теперь при одной и той же мощности двигателей «Летучая рыба» скользила по гребням, делая уже пятьдесят узлов, а не десять, которые были ее пределом, если ей приходилось корпусом рассекать волны.

Необыкновенно увлекательно было стоять на открытой носовой палубе, крепко держась за леера, и следить за бурунами, что вздымались за кормой скользящего по океану судна. Однако Джонни пробыл там недолго. От ветра спирало дыхание, и он укрылся за мостиком. Здесь он и

оставался, глядя, как тает вдали Остров Дельфинов. Сперва остров плыл по морю, словно плот из белого песка, покрытого зеленью, потом превратился в узкую полоску и наконец, совсем исчез у горизонта.

На протяжении следующего часа они прошли мимо нескольких таких же островов, только поменьше Дельфиньего. Острова эти, как говорил Мик, были необитаемыми. Издали они казались такими чудесными, что Джонни никак не мог понять, почему они пустуют в этом перенаселенном мире. Он пробыл на Острове Дельфинов слишком недолго и ничего не знал обо всех трудностях, с которыми неизбежно сталкивается любой, кто захотел бы поселиться на Большом барьерном рифе, – со сложной проблемой снабжения энергией, водой и кучей всякого другого.

Вдруг «Летучая рыба» замедлила ход, осела в воду, а затем и совсем остановилась, хотя кругом в пределах видимости не было и признака земли.

– Тише, пожалуйста! – закричал шкипер. – Профессор хочет немного послушать!

Слушал профессор недолго. Минут через пять он вышел из каюты, видимо, очень довольный.

– Мы напали на след, – сказал он. – Дельфины в пяти милях от нас и орут во всю глотку.

«Летучая рыба» снова пустилась в путь, отклонившись на несколько румбов к западу от своего первоначального курса. Через десять минут ее уже окружали дельфины.

Сотни животных легко, без всяких усилий прокладывали себе путь в океане. Когда «Летучая рыба» остановилась, они собрались вокруг нее, словно ждали этого визита; возможно, так оно и было.

Эйнара с помощью лебедки спустили за борт. Но только одного Эйнара.

– Там слишком много неистовых самцов, – объяснил профессор, – а мы не хотим никаких передряг, пока Эйнар будет вести с ними переговоры.

Пегги была глубоко возмущена, однако ничего не могла поделать, разве что окатывать водой всякого, кто неосторожно приближался к ней.

«Это одно из самых странных совещаний, какие происходили когда-либо на свете», – подумал Джонни. Он стоял с Миком на передней палубе, свесившись через борт, и рассматривал лоснящиеся темно-серые тела, теснившиеся вокруг Эйнара. «Что они говорят? Достаточно ли понимает Эйнар язык своих, глубоководных родичей – и поймет ли самого Эйнара профессор?»

Тем не менее независимо от любого исхода совещания Джонни чувствовал глубокую благодарность к этим дружелюбным грациозным существам. Он надеялся, что профессор Казан сумеет помочь им, как они помогли ему, Джонни.

Через полчаса Эйнар вернулся и был снова поднят на борт – к большому облегчению Пегги, а также и профессора.

– Будем надеяться, что большую часть времени они потратили на болтовню, – сказал профессор. – Чтобы понять серьезную беседу, которая длилась у дельфинов целых тридцать минут, нам нужна неделя напряженной работы, даже с помощью кибернетических машин.

Под палубой взревели ожившие двигатели «Летучей рыбы», и судно опять неспешно поднялось из воды.

Дельфины держались вровень с ним на протяжении нескольких сот метров, но вскоре безнадежно отстали. Это были единственные гонки, в которых они не могли рассчитывать на победу. Джонни в последний раз разглядел их в нескольких милях за кормой – стадо казалось черной полоской у горизонта. Потом не стало и этой полоски.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Джонни начал обучаться легководолазному делу у края пристани среди стоявших на якоре рыболовных судов. Вода была прозрачной, как хрусталь. Глубина здесь не превышала полутора метров, так что, привыкая к ластам и маске, он мог совершать все ошибки новичков, ничем не рискуя.

Мик был не очень хорошим учителем. Сколько он себя помнил, он всегда умел плавать и нырять и теперь начисто забыл о трудностях, с которыми когда-то сталкивался. Ему казалось просто невероятным, что кому-то приходится прилагать значительные усилия, чтобы опуститься на морское дно и провести там две-три минуты. Поэтому он терял терпение, когда его ученик не мог сразу погрузиться глубже, чем на десять сантиметров, и болтался на поверхности, словно пробка, размахивая ногами в воздухе.

Однако довольно быстро Джонни понял, что нужно делать. Он научился до конца выдыхать воздух перед погружением: с полными легкими он превращался в воздушный шар, обладавший такой плавучестью, что уйти под воду было попросту невозможно. Далее он установил, что нужно поднимать ноги из воды, и тогда их ничем не под-

держиваемая тяжесть толкнет его книзу. А уже под водой он сможет начать действовать ластами, с легкостью передвигаясь в любом направлении.

После нескольких часов тренировки тело его обрело ловкость. Джонни узнал, какое это наслаждение устремляться вниз и парить в мире невесомости, подобно космонавту на орбите. Научился делать петли и переворачиваться на месте или же, не шевеля и пальцем, дрейфовать на любой глубине. Однако он не мог оставаться под водой и половину того времени, какое способен был провести там Мик. Как и для всякого стоящего дела, тут требовались время и практика.

Он знал теперь, что время у него будет. Профессор Казан, вообще-то человек мягкого характера, когда было нужно, проявлял завидную твердость; пользуясь своим влиянием, он позаботился о Джонни, нажав на все кнопки. После заполнения бесконечных анкет Джонни был официально зачислен в штат островной станции. Тетя согласилась на это с величайшей готовностью и немедленно выслала ему те немногие вещи, которые имели для него какую-то ценность. Теперь, когда он находился на другом конце света и мог беспристрастно подумать о своем прошлом, Джонни понял, что кое в чем виноват и сам. Разве он когда-нибудь прилагал усилия, чтобы стать *членом* семьи, в которую был принят? Он ведь знал, что его овдовевшей тетке приходилось нелегко. Вероятно, со временем, став постарше, он сумеет лучше разобраться во всех ее делах и затруднениях и, возможно, даже подружиться с ней. Но как бы то ни было, он ни на мгновение не жалел о том, что убежал из дому.

В жизни его открылась новая глава, никак не связанная с прошлым. Ему казалось, что раньше он только существовал, а не жил по-настоящему. Потеряв в раннем детстве тех, кого любил, он боялся привязаться к кому-нибудь снова. Хуже того – он стал подозрительным и замкнутым в себе. Но теперь, на острове, в дружной товарищеской семье, опрокинувшей перегородки его сдержанности, он менялся с каждым днем. Рыбаки были дружелюбны, добродушны и не слишком надрывались на работе. Да и зачем им было надрываться: в этих краях постоянно тепло и достаточно закинуть в море сеть, чтобы быть всегда сытым. Чуть не каждый вечер люди собирались на берегу, чтобы потанцевать, посмотреть кинофильм или поужинать всем вместе. Ну, а если лил дождь – здесь за час выпадало несколько сантиметров осадков, – сидели у телевизора. Можно было смотреть передачи откуда угодно: благодаря спутникам связи расстояние между Островом Дельфинов и любым городом Земли преодолевалось менее чем за полсекунды. Островитяне видели все, что мог предложить им мир, сохраняя при этом все преимущества обособленности. Они пользовались, в сущности, всеми благами цивилизации и страдали лишь от немногих ее пороков.

Жизнь Джонни, разумеется, состояла не из одних только развлечений. Как и все островитяне в возрасте до двадцати лет (а некоторые и постарше), он должен, был ежедневно проводить несколько часов в школе.

Профессор Казан уделял много внимания делу образования, и на острове было двенадцать учителей – два живых и десять электронных. Почти обычное соотношение – изобретение обучающих машин в середине двадцатого

века наконец поставило систему образования на научную основу.

Все счетно-решающие устройства на острове были соединены с ОСКАРОМ – большой кибернетической машиной. ОСКАР делал для профессора переводы, выполнял значительную часть канцелярской и бухгалтерской работы, а иногда и участвовал в шахматных чемпионатах. Вскоре после появления Джонни на острове ОСКАР тщательно проэкзаменовал его, чтобы установить уровень знаний, затем подготовил соответствующие магнитофонные ленты для самообучения и отпечатал программу занятий. Теперь Джонни ежедневно проводил не менее трех часов за клавиатурой обучающей машины, усваивая информацию и печатая ответы на вопросы, появлявшиеся на экране. Он мог сам выбирать время для занятий, но у него хватало ума не пропускать их. А если уж такое случалось, ОСКАР немедленно жаловался профессору или – еще хуже – доктору Кейту.

Впрочем, обоих ученых занимали сейчас куда более важные дела. Проработав целые сутки, профессор Казан перевел послание, доставленное Эйнаром, и угодил, можно сказать, прямо в тупик. Если уж выбирать для характеристики профессора одно слово, то вернее всего было назвать его «миролюбивым». И вот, к великому огорчению ученого, ему предлагалось поддержать одну из ведущих войну сторон.

Он пристально смотрел на отпечатанное ОСКАРОМ послание, словно надеясь, что оно исчезнет. Но пенять он мог только на себя; в конце концов, не кто иной, как он сам добивался этого послания.

– Ну, профессор, – спросил, склонившись над контрольным устройством, усталый и небритый доктор Кейт, – что мы теперь будем делать?

– Не имею ни малейшего представления, – сказал профессор Казан. Подобно большинству талантливых ученых и очень немногим бесталанным, он никогда не скрывал, что чем-либо озадачен. – А что вы предлагаете?

– Мне кажется, это как раз тот случай, когда следует обратиться к нашему Консультативному комитету. Почему бы не потолковать с несколькими его членами?

– Неплохая идея, – сказал профессор. – Посмотрим, с кем можно связаться в это время суток.

Он вынул из ящика список имен и стал водить пальцем по столбцам.

– С американцами нельзя – они все спят. То же относится и к большинству европейцев. Остаются – посмотрим – Саха в Дели, Гирш в Тель-Авиве, Абдаллах в…

– Вполне достаточно! – прервал его доктор Кейт. – Не припомню такого случая, чтобы совещание принесло хоть какую-нибудь пользу, если в нем участвовало больше пяти человек.

– Правильно, попробуем вызвать этих.

Четверть часа спустя пять человек, разбросанных по всему земному шару, беседовали между собой, как если бы находились в одной комнате. Профессор Казан не потребовал установления телесвязи, хотя в случае надобности это было вполне осуществимо. Для обмена мнениями достаточно и звука.

– Господа, – начал он после обычных приветствий, – перед нами возникла проблема. Вскоре она будет передана

на рассмотрение всего комитета, а может быть, куда более высоких инстанций. Но сначала мне хотелось бы узнать ваше мнение неофициально.

– Ха! – сказал крупнейший биохимик доктор Хассим Абдаллах, из Пакистана. Говорил он из своей лаборатории. – Вы уже раз десять «неофициально» запрашивали мое мнение, но я не помню случая, чтобы вы хоть в чем-то с ним посчитались.

– Но на сей раз будет иначе! – ответил профессор.

Торжественность его тона возвестила, что это не обычная дискуссия.

Профессор вкратце описал события, предшествовавшие появлению Джонни на острове. Они были уже известны его слушателям, ибо весть о чудесном спасении мальчика разнеслась по всему миру. Затем профессор рассказал, о дальнейшем – о рейсе «Летучей рыбы» и о переговорах Эйнара с глубоководными дельфинами.

– Это может войти в учебники истории, как первое совещание между людьми и представителями другого вида животных. Первое! Я уверен, что оно не будет последним. Думаю, именно теперь нам представилась возможность внести свой вклад в грядущее на Земле и в космосе. Я знаю, что, по мнению некоторых из вас, я преувеличиваю умственные способности дельфинов. Что ж, судите сами. Они обратились к нам, ища защиты от самых беспощадных своих врагов. В море только два вида живых существ нападают на них. Разумеется, прежде всего акула, но она не представляет серьезной опасности для стаи взрослых дельфинов, они могут убить ее ударами по жабрам. Поскольку акула глупая рыба – глупая даже *для рыбы*, – они

не испытывают к ней ничего, кроме презрения и ненависти. Иное дело другой их враг, потому что это их родич – касатка Orcinus Orca. Не будет особенным преувеличением, если мы назовем этого гигантского дельфина каннибалом. Длина его достигает порой десяти метров, случалось ловить касаток, в брюхе которых находились остатки двадцати дельфинов. Представляете аппетит, для удовлетворения которого требуется по двадцать дельфинов зараз! Неудивительно, что они просят нашей помощи. Они знают, что мы обладаем недоступными для них возможностями: ведь наши суда бороздят моря уже много столетий. Быть может, на протяжении всех этих веков их дружелюбное отношение к нам было попыткой установить контакт, обратиться к нам за помощью в их бесконечной войне, и лишь теперь у нас хватило ума понять их. Если это так – я стыжусь за себя и весь человеческий род.

– Минутку, профессор, – вмешался индийский физиолог доктор Саха. – Все это очень интересно, но вполне ли вы уверены, что ваше толкование правильно? Не сердитесь, но нам известно ваше пристрастие к дельфинам, и большинство из нас разделяет эти симпатии. Вы уверены, что не вложили в их уста собственные мысли?

Другому эти слова могли бы показаться обидными, хотя доктор Саха и старался говорить как можно тактичнее.

Но профессор Казан ответил ему достаточно мягко.

– Сомнений нет. Спросите Кейта.

– Это точно, – подтвердил доктор Кейт. – Я, разумеется, перевожу с дельфиньего хуже, чем профессор, но тут я готов поставить на карту свою репутацию.

– Во всяком случае, – продолжал профессор Казан, –

следующий пункт моего выступления покажет, что я не такой уж безоглядный сторонник дельфинов, как бы я их ни любил. Я не зоолог, но знаю кое-что о равновесии в природе. Даже если мы в состоянии им помочь, должны ли мы это делать? Доктор Гирш, что вы думаете?

Директор тель-авивского зоопарка ответил не сразу. Он не совсем проснулся – в Израиле еще не наступил рассвет.

– Вы сунули нам в ладони горячую картошку, – проворчал он. – И сомневаюсь, чтоб вы подумали обо всех осложнениях. На воле все животные имеют врагов-хищников, а если б не имели, это обернулось бы для них катастрофой. Взгляните, например, на Африку, где в одной местности обитают львы и антилопы. Предположим, что вы перестреляете всех львов, – что из этого получится? Я скажу вам: антилопы размножатся настолько, что уничтожат весь растительный покров, им не хватит пищи и они перемрут с голоду. Что бы ни думали по этому поводу антилопы, львы для них очень полезны: не дают им перерасходовать запасы продовольствия и поддерживают поголовье на нормальном уровне, устраняя наиболее слабых. Так действует природа – жестоко, с нашей точки зрения, но эффективно.

– В данном случае подобную аналогию провести нельзя, – запротестовал профессор Казан. – Мы имеем дело не с дикими животными, а с разумными существами. Это не народ в *человеческом* понимании слова, но тем не менее народ. Поэтому, чтобы аналогия была правильной, этот народ следовало бы сравнить, скажем, с племенем мирных земледельцев, постоянно подвергающихся опустошительным набегам людоедов. Возьметесь ли вы утверждать,

что людоеды полезны земледельцам, или попытаетесь перевоспитать их?

Гирш засмеялся.

– Сказано недурно, хотя я не представляю себе, как вы намерены перевоспитывать касаток.

– Постойте, – вмешался доктор Абдаллах. – Вы вторглись в область, лежащую за пределами моих знаний. Скажите, насколько сообразительны касатки? Если они не столь же умны, как дельфины, аналогия с людскими племенами повисает в воздухе, и никакой моральной проблемы тут существовать не может.

– О, они достаточно умны, – горестно ответил профессор Казан. – Те немногие исследования, которые я произвел, убедили, что, они разумны ничуть не меньше, чем другие дельфины.

– Вы слышали знаменитую историю о касатках, пытавшихся настичь полярников в Антарктике? – спросил доктор Гирш. И, так как остальные участники совещания сознались в своем полном неведении, принялся рассказывать.

Это случилось еще в начале прошлого столетия, во время одной из первых экспедиций к Южному полюсу, кажется, под командованием Скотта. Несколько исследователей стояли на краю ледяного поля и наблюдали за поведением касаток в воде. Им и в голову не приходила мысль об опасности. И вдруг лед под ними затрещал. Животные таранили его снизу, и, когда в конце концов он проломился, полярники едва успели перебежать на безопасное место. Кстати, толщина льда превышала семьдесят сантиметров.

– Так что, если дать им волю, они примутся жрать людей, – сказал кто-то. – Я голосую против них.

– Существует, видите ли, мнение, что они приняли одетых в меха исследователей за пингвинов, но мне не хотелось бы проверять эту теорию на себе. Во всяком случае, достоверно известно, что они несколько раз пожирали ныряльщиков.

Наступила короткая пауза, все обдумывали услышанное. Затем доктор Саха снова прервал молчание.

– Очевидно, чтобы принять какое-либо решение, нам нужно больше фактов. Придется поймать нескольких касаток и тщательно изучить их. Как ты думаешь, Николай, удастся вам установить с ними контакт, как с дельфинами?

– Вероятно, удастся, хотя на это могут уйти целые годы.

– Мы отклоняемся от темы, – нетерпеливо сказал доктор Гирш. – Нам все еще нужно решить, что делать и как поступить. Боюсь, что существует еще один чертовски важный аргумент в пользу касаток и против наших друзей-дельфинов.

– Я предвижу ваш аргумент, – заметил профессор Казан, – но продолжайте.

– Значительный процент нашей пищи мы получаем из моря – около ста миллионов тонн рыбы в год. Дельфины – наши непосредственные конкуренты; то, что они съедают, для нас потеряно. Вы говорите, что между касатками и дельфинами идет война, но война идет также между рыбаками и дельфинами, которые рвут рыбачьи сети и воруют улов. В этой войне касатки наши союзники. Если бы они не ограничивали прирост дельфиньего населения, мы могли бы остаться без рыбы.

Как ни странно, это соображение, видимо, не обескуражило профессора. Наоборот, судя по его ответу, он был даже доволен.

– Спасибо, Мордехай, – ты сыграл мне на руку, напомнив о рыбаках. Коль так, то тебе должны быть известны и другие случаи, когда дельфины загоняли целые косяки рыб в невода рыбаков и те делились с ними уловом. Так бывало с аборигенами здесь, в Квинсленде, лет двести назад.

– Да, знаю, тебе хотелось бы возродить этот обычай?

– В числе прочих мер. Благодарю вас, господа; очень признателен. Как только мне удастся провести несколько опытов, все члены комитета получат от меня докладную записку и мы соберем пленарное заседание.

– Разбудив нас так рано, вы могли бы, по крайней мере, хоть как-нибудь намекнуть о своих планах.

– Только не сейчас – если вы не возражаете. Должно пройти некоторое время, пока я узнаю, какие из моих идей совершенно безумны, а какие просто неразумны. Дайте мне недели две и, если можете, наведите справки, нет ли где-нибудь касатки, которую мне согласятся одолжить. Хорошо бы такую, которая жрет не больше полутонны в день.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Джонни навсегда запомнил свою первую ночную прогулку по рифу. Прилив кончился, луны не было, и звезды ярко сверкали на безоблачном небе, когда он и Мик сошли с берега, вооруженные водонепроницаемыми фонарями,

копьями, масками, перчатками и мешками, которые они рассчитывали наполнить лангустами. Многие обитатели рифа вылезали из своих убежищ только с наступлением темноты, а Мику хотелось найти несколько особенно редких и красивых раковин, каких, не сыщешь днем. Он неплохо подрабатывал, продавая их коллекционерам с материка; правда, торговля эта была недозволенной – фауна острова находилась под охраной закона штата Квинсленда о рыболовстве.

Обнажившиеся кораллы трещали у них под ногами, фонари выхватывали из мрака впереди лишь кусочек, очень маленький в сравнении с морем тьмы, окутывавшей риф.

Ночь была такой темной, что через сотню метров они уже совсем потеряли остров из виду. К счастью, красный предупредительный сигнал на одной из радиомачт служил им маяком. Без этого ориентира они бы безнадежно заблудились. Даже звезды не могли заменить его: путешествие до края рифа и обратно длилось так долго, что звезды успели проделать большой путь по небосклону.

Впрочем, Джонни и не очень глядел на звезды, на это не хватало времени: в ломком и прозрачном мире кораллов каждый шаг требовал напряженного внимания. Но когда он все-таки взглянул вверх, его глазам представилось нечто столь странное, что он застыл в изумлении.

В небо вздымалась огромная пирамида света, основание ее покоилось на западной стороне горизонта, вершина упиралась в точку, расположенную почти прямо над головой Джонни. Этот неяркий, но вполне отчетливый свет можно было принять за отблеск огней далекого города.

Однако на расстоянии более ста миль в этом направлении не было никаких городов – перед ними лежало одно лишь море.

– Это еще что? – спросил наконец Джонни.

Мик, продолжавший шагать впереди, пока приятель глазел на небо, не сразу сообразил, о чем идет речь.

– О, – сказал он, поняв, в чем дело, – это можно наблюдать в любую ясную безлунную ночь. Кажется, что-то такое в космосе. А разве из твоей страны этого не видно?

– Никогда не замечал, но у нас не бывает таких ясных ночей, как здесь.

Ненадолго выключив фонари, ребята глядели на чудо, которое лишь немногие видели с тех пор, как свет и дым городов окутали землю, погасив великолепие небес. То был зодиакальный свет, над загадкой которого астрономы бились целые века, пока не узнали, что это – свечение огромного пылевого облака в околосолнечном пространстве.

Вскоре Мик поймал своего первого лангуста. Рак полз по дну неглубокого озерка, и свет электрического фонаря так ослепил бедное животное, что оно даже не пыталось спастись. Лангуст отправился на дно мешка Мика, и вскоре к нему присоединились другие. Джонни решил, что такой способ ловли не спортивен, но это соображение не помешало ему потом с удовольствием уплетать тех же лангустов.

По рифу бродили и другие охотники – лучи их фонариков то и дело выхватывали из темноты тысячи маленьких крабов.

Обычно при приближении Джонни и Мика те убегали, но иногда решали защищать свои владения и угрожающе

размахивать клешнями, чтобы отпугнуть двух надвигавшихся на них чудовищ. Джонни подумал: что это, храбрость или просто глупость?

По кораллам то там, то здесь ползали причудливо раскрашенные каури и конусы. Было трудно представить себе, что для более мелких жителей рифа даже эти медлительные существа – страшные хищники.

Весь чудесный, обворожительный мир, лежавший под ногами Джонни, являлся полем битвы. Каждое мгновение в окружавшем друзей безмолвии происходили бесчисленные убийства и нападения из засады.

Джонни и Мик приблизились к краю рифа, где глубина воды достигала всего нескольких сантиметров; они шли, разбрызгивая ее во все стороны. Море светилось вовсю, так что при каждом шаге из-под ног у них вылетали звезды. Даже когда они стояли, от малейшего их движения искорки света проносились по поверхности воды. Но если они направляли лучи своих фонариков вниз, вода казалась совершенно безжизненной. Существа, испускавшие свет, были слишком малы или прозрачны, чтобы их можно было разглядеть.

Глубина постепенно увеличивалась, и из окружавшего их мрака до Джонни донесся гром: то был рев волн, бившихся о края рифа. Джонни продвигался медленно и осторожно. Хотя днем он бывал в этих местах раз десять, ночью, освещаемые только узкими лучами фонарей, они выглядели странными и незнакомыми. К тому же он знал, что в любой момент может свалиться в глубокое озерко или затопленную долину.

И все же то, чего он опасался, застигло его врасплох:

коралловое дно вдруг ушло из-под ног, и он очутился на самом краю таинственного мрачного озера. Луч фонарика проникал туда только на несколько сантиметров – вода была прозрачной как хрусталь, но свет сразу терялся в глубине.

– Тут наверняка есть лангусты, – сказал Мик. Он погрузился в озерко почти без всплеска, оставив Джонни наверху, в гремящей тьме рифа, метрах в восьмистах от берега.

Следовать за Миком было необязательно, можно дождаться его на месте. К тому же озерко выглядело зловещим и неприветливым, и легко было представить, что в глубине его кишат всякие чудовища.

– Но это же смешно, – сказал себе Джонни, – Вероятно, он нырял уже в это самое озерко и встречался со всеми его обитателями. Они должны испугаться его гораздо больше, чем он их.

Джонни тщательно осмотрел свой фонарик и сунул его в воду, чтобы проверить, будет ли он светить и там. Затем поправил маску, сделал полдюжины быстрых и глубоких вдохов и последовал за Миком.

Теперь, когда и он сам, и фонарик находились по ту сторону границы между воздухом и водой, свет показался ему необыкновенно ярким. Однако фонарик делал видимым лишь небольшой участок кораллового или песчаного дна, на который падал его луч. За пределами этого узкого конуса все оставалось мраком, тайной, угрозой. Первые мгновения этого ночного путешествия вглубь Джонни был близок к панике. Ему непреодолимо хотелось оглянуться через плечо, чтобы проверить, не следует ли за ним по пятам какой-нибудь враг…

Однако через несколько минут он взял себя в руки. Луч фонарика Мика, мерцавший в подводной тьме метрах в пяти от него, напоминал, что он не один. Теперь ему доставляло удовольствие заглядывать в пещерку и под выступы и сталкиваться с напуганными рыбами. Один раз он увидел красиво окрашенную, похожую на угря мурену; та, сидя в своем убежище среди скал, сделала угрожающее движение к нему; ее змеиное тело изогнулось в воде. Джонни не хотелось знакомиться с острыми зубами, но он знал, что мурены никогда не атакуют первыми. А у самого Джонни вовсе не было намерений наживать себе врагов в этом подводном путешествии.

Озерко было полно странных шумов, так же как и странных существ. Вот Мик задел копьем за скалу – там, наверху, Джонни услышал бы легкий скрежет, а здесь, под водой, этот звук оглушительно отдавался в ушах. Он слышал, порой ощущал всем телом, как ударяют волны о край рифа, всего в нескольких метрах от него.

Вдруг до него донесся новый звук, похожий на стук мелких градин. Стук был слабым, но очень отчетливым и, казалось, раздавался где-то поблизости. В тот же миг луч фонарика уперся как бы в облако тумана.

Этот свет привлек миллионы крошечных, не больше песчинки, существ, и теперь они бились о стекло, как мотыльки, летящие к пламени свечи. Их становилось все больше и больше, и вскоре луч фонарика уже не мог пробиться сквозь эту завесу. Те, кому не хватало места под светом фонаря, бились об обнаженное тело Джонни, покалывая его кожу. Они двигались с такой быстротой, что Джонни не мог разглядеть их как следует, кажется, неко-

торые из них были похожи на креветок величиной с рисовое зернышко.

Он знал, что это самые крупные и активные представители планктона – основной пищи почти всех морских рыб. Ему пришлось выключить свет и ждать, когда они рассеются и он перестанет слышать и ощущать эти мириады движущихся тел. Пережидая, пока исчезнет живой туман, он размышлял над тем, не привлек ли свет более крупных животных, например акул. Джонни был бы готов встретиться с ними при дневном свете, но после захода солнца…

Он с радостью поспешил за Миком, когда тот наконец стал выбираться из озерка. Однако был доволен, что не отказался от этого ночного путешествия: он увидел еще одно лицо океана. Ночь преображала мир, скрытый под волнами, так же как преображала мир над ним. Тот, кто изучает море только при дневном свете, не имеет о нем никакого понятия. К тому же лишь незначительной толще воды доступен дневной свет. Большая часть моря – это царство вечного мрака, потому что солнечные лучи проникают лишь на глубину в несколько десятков метров, а затем полностью поглощаются. В безднах океана никогда не появлялся свет, если не считать холодного свечения словно рожденных кошмаром обитателей этого мира, лишенного солнца и смены времен года.

– Что ты поймал? – спросил Джонни у Мика, когда оба они выбрались из озерка.

– Шесть лангустов, двух тигровых каури, трех мурексов и еще, смотри, такой свиток мне ни разу не попадался. Неплохой улов, хотя видел там еще здоровенного лангуста,

но не смог до него добраться. Наружу были только щупальца, а сам он засел в пещере.

Они двинулись домой по большой банке из живых кораллов, и путеводным маяком им служил красный огонек радиомачты. В темноте казалось, что до этой яркой звезды еще много километров, – а между тем, пока они исследовали озерко, уровень воды, покрывавшей риф, сильно поднялся. Джонни стало не по себе – начинался прилив. Неприятно застрять здесь, так далеко от суши, когда море заливает банку.

Но эта опасность им не грозила: Мик точно рассчитал время экскурсии. Он нарочно устроил ее, чтобы испытать своего нового друга, и Джонни вышел из этого испытания с развевающимися знаменами.

Бывают люди, которым нервы никогда не позволят уходить под воду ночью, когда видимость ограничена лишь маленьким овалом на конце луча фонарика, а в окружающем мраке может примерещиться все, что угодно.

Джонни, конечно, испытывал страх, как и всякий новичок, но сумел его побороть.

Пройдет немного времени, и он сможет безбоязненно покинуть безопасные, укрытые водоемы и, ныряя с края рифа, совершать путешествия в вечно пульсирующие, полные неожиданностей глубины открытого океана.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Недели через две жители острова увидели, как претворяются в жизнь первые идеи профессора. Всякие толки, разумеется, ходили и раньше. С тех самых пор, как стало

известно, чего просят дельфины, у каждого появилось собственное мнение о том, как надлежит действовать.

Ученые с исследовательской станции держали, понятно, сторону дельфинов. Доктор Кейт выразил эти взгляды, заметив как-то:

– Даже если касатки окажутся умнее, я ставлю на дельфинов. Они куда симпатичнее, а друзей выбирают не за интеллект.

Джонни порядком удивился, услышав его слова; он все еще никак не мог привыкнуть к небрежно-снисходительному обращению доктора Кейта и про себя сравнивал его с холоднокровной рыбой, наделенной лишь немногими человеческими эмоциями. Впрочем, приходилось допустить, что у доктора Кейта были и какие-то хорошие качества, раз профессор Казан сделал его своим помощником. А все, что делал профессор, не подлежало, с точки зрения Джонни, критике.

Мнение рыбаков было противоречивым. Они неплохо относились к дельфинам, но не без оснований вынуждены были считать их конкурентами, ведь рыбаки на своей шкуре испытали то, о чем говорил доктор Гирш. Случалось, и не раз, что дельфины рвали сети, расхищали улов и тем самым давали повод отзываться о себе в таких выражениях, которые очень огорчили бы профессора Казана, если б он услышал, как поносят его друзей. Что ж, если косатки не дают дельфинам слишком расплодиться, им можно только пожелать удачи.

Джонни слушал эти споры с интересом, но у него уже давно сложилось собственное мнение и никакие факты не могли его поколебать. Если кто-то спас тебе жизнь, тут уж

ничего не поделаешь! Что бы ни говорили, ты не пойдешь против него.

К этому времени Джонни стал искусным ныряльщиком, хотя понимал, что с Миком ему все равно не сравняться. Он уже прекрасно умел пользоваться ластами, маской и дыхательной трубкой; всего несколько недель назад он просто не поверил бы, если бы ему сказали, как долго он сможет продержаться под водой. И дело было не только в том, что от здоровой жизни на открытом воздухе он быстро рос и набирался сил. Раньше он попросту побаивался, а теперь привык, и чувствовал себя под водой так же уверенно, как на суше. Он научился двигаться в глубине плавно и без усилий, запаса воздуха в легких хватало на гораздо более долгий срок, чем вначале. При желании он мог без особого напряжения оставаться под водой целую минуту.

Его никто не принуждал, он учился всему ради интереса; право же, эти навыки сами по себе заслуживали того, чтобы их приобрести. Только потом, когда профессор как-то после полудня вызвал его к себе, Джонни понял, что его любимое занятие очень скоро найдет полезное применение.

Профессор выглядел усталым, но веселым, как человек, который день и ночь трудился над решением сложной задачи и был наконец близок к ее разгадке.

– Джонни, – сказал он, – у меня есть для тебя дело, думаю, оно тебе понравится. Погляди!

И он подвинул к нему стоявший на письменном столе аппарат, напоминающий миниатюрную счетную машину с двадцатью пятью клавишами, расположенными в пять рядов. Аппарат с вогнутым основанием из губчатой резины

занимал площадь не более двадцати квадратных сантиметров. Кроме того, он был снабжен ремешками с пряжками, как будто его следовало носить на запястье, словно огромные ручные часы.

Лишь некоторые из клавиш оставались пустыми, на большинстве же крупными четкими буквами было выгравировано одно какое-нибудь слово. Приглядевшись к маленькой клавиатуре, Джонни понял назначение аппарата.

Он прочел слова: «нет», «да», «вниз», «вверх», «друг», «направо», «налево», «быстро», «медленно», «стоп», «пошел», «следуйте», «подойдите», «опасность!» и, наконец, «на помощь!»

Расположение слов на клавиатуре определялось ходом логического мышления. Так, «вверх» и «вниз» располагались соответственно вверху и внизу, «налево» и «направо» – слева, и справа. Слова с взаимно противоположным значением, такие, как «нет» и «да», «стоп» и «пошел», размещались сколько возможно дальше одно от другого, чтобы исключить ошибку при нажимают клавиш. Клавиши со словами «опасность!» и «на помощь!» были снабжены предохранителями, и, прежде чем нажать клавишу, предохранитель следовало отвести.

– Там, внутри, полно добротной полупроводниковой электроники, – объяснил профессор, – батарея рассчитана на пятьдесят часов. Человек, нажавший одну из этих кнопок, услышит лишь слабое гудение. Дельфин же должен услышать слово, обозначенное на клавише, только на своем языке – по крайней мере, мы надеемся, что так будет. Мы хотим знать, что произойдет после этого. Вероятно, тебе непонятно назначение пустых клавиш? Мы просто

держим их про запас, пока не решим, какие еще слова нам понадобятся. Возьми эту штуковину – назовем ее «Коммуникатор, образец № 1» – и попрактикуйся. Ты должен плавать и нырять с ним, пока он не станет как бы частью тебя самого. Запомни, что к чему на клавиатуре, чтоб ты мог найти нужную клавишу с закрытыми глазами. Потом вернешься сюда, и мы приступим к нашему новому опыту.

Все это было необычайно увлекательно. Джонни просидел почти всю ночь, нажимая на клавиши, чтобы запомнить их расположение. Сразу после завтрака он уже был у профессора; ученый встретил его приветливо, но никакого удивления не выказал.

– Захвати свои ласты и маску – сойдемся у бассейна, – сказал он.

– Можно взять Мика? – спросил Джонни.

– Конечно, если только он будет вести себя тихо и не станет надоедать мне.

Коммуникатор очень заинтересовал Мика, его только не устраивало, что аппарат доверили Джонни, а не ему.

– Не понимаю, почему он поручил испытания тебе, – сказал он.

– Совершенно ясно, – самодовольно ответил Джонни. – Дельфины меня любят.

– Тогда они не так умны, как думает профессор, – возразил Мик.

При других обстоятельствах такое замечание непременно привело бы к ссоре, впрочем, до драки у них никогда не доходило, хотя бы по той простой причине, что Мик был вдвое тяжелее и вдвое сильнее Джонни.

По совпадению, которое нельзя назвать таким уж слу-

чайным, профессор Казан и доктор Кейт толковали, в сущности, о том же, пока шли к бассейну, нагруженные различной аппаратурой.

– Отношение Спутника к Джонни меня не удивляет, – сказал профессор.

– Во всех описанных в литературе случаях если уж дельфин вступал в дружбу с человеком, то почти неизменно выбирал ребенка.

– А Джонни для своих лет так мал! – добавил доктор Кейт. – Животные, вероятно, лучше чувствуют себя с детьми потому, что взрослые слишком велики и, может быть, таят угрозу. А дети, что человечьи, что дельфиньи, примерно одного роста.

– Совершенно верно, – сказал профессор. – И дельфины, вступающие в дружбу с маленькими купальщиками на морских курортах, – вероятно, самки, потерявшие детенышей. Ребенок, возможно, заменяет им потерю.

– Вот идет наш мальчик-дельфин, – сказал доктор Кейт, – вы только посмотрите, как он сияет.

– Чего не скажешь о Мике. Боюсь, что я обидел его. Что поделаешь! Спутник относится к нему недоверчиво. Однажды я пустил его в бассейн, и даже Сузи выражала недовольство. Займите его чем-нибудь – пусть помогает вам при киносъемке.

Тут ребята нагнали ученых, и профессор Казан дал им последние наставления.

– У бассейна надо сохранять полное молчание, – сказал он. – Всякие разговоры могут сорвать опыт. Доктор Кейт и Мик установят кинокамеру на восточной стороне, чтобы солнце оказалось сзади. Я стану напротив, а ты, Джонни,

ныряй в бассейн и плыви до середины. Думаю, что Сузи и Спутник последуют за тобой. Как бы то ни было, оставайся там, пока я не покажу тебе рукой, в какую сторону плыть дальше. Понятно?

– Есть, сэр, – ответил Джонни, очень гордый собой. Профессор захватил пачку больших белых карточек, на которых были написаны те же слова, что на клавишах коммуникатора.

– Я буду поднимать эти карточки одну за другой, – сказал он. – А ты каждый раз нажимай нужную клавишу, да смотри не перепутай – именно ту. Если я подниму две карточки, то нажимай клавишу, соответствующую верхней карточке, а потом сразу же нижней. Ясно?

Джонни кивнул.

– В самом конце мы сделаем решительный ход. Ты дашь сигнал: «опасность!» и через несколько мгновений следующий: «на помощь!». При этом ты должен биться в воде, как утопающий, а потом медленно пойти ко дну. Повтори все это.

Джонни как раз успел повторить инструкцию профессора, когда они подошли к проволоке, огораживавшей бассейн. Тут всякие разговоры прекратились. Разговоры, но не шум, потому что Сузи и Спутник встретили их громким визгом и всплесками.

Профессор Казан, как обычно, угостил Сузи порцией лакомства, но Спутник держался в отдалении и не дал себя соблазнить. Тогда Джонни соскользнул в воду и медленно поплыл к центру бассейна. Оба дельфина следовали за ним, держась на расстоянии метров шести. Приподняв голову над водой, Джонни оглянулся и впервые смог оценить

грацию, с которой изгибались их эластичные тела, посылаемые вперед движением плавников.

Он держался в середине бассейна, поглядывая то на дельфинов, то на профессора и ожидая его знака. Первой оказалась карточка со словом «друг».

Дельфины, без сомнения, услышали это слово – они взволновались. Гудение коммуникатора четко отдавалось в ушах Джонни, хотя он и знал, что может воспринимать только исходившие от аппарата звуки низкой частоты, а не ультразвуки, которые позволяли дельфинам слышать слова.

«Друг» – снова поднял вверх профессор, и Джонни опять нажал клавишу. На этот раз, к восторгу мальчика, оба дельфина двинулись к нему. Они подплыли ближе и остановились всего в полутора метрах, глядя на него своими темными умными глазами. Джонни решил, что они уже догадались, чего от них хотят, и ждут следующего сигнала. Таким сигналом оказалась команда «налево». Результат был неожиданный Сузи тотчас повернула налево, а Спутник – *направо*. Тут профессор Казан принялся ругать себя идиотом, на всех четырнадцати языках, которыми свободно владел. Только теперь он сообразил, что команда должна быть однозначной, чтобы не давать возможности иного толкования. Ясно – Спутник поплыл направо, потому что это было с левой руки Джонни, а более эгоцентричная Сузи решила, что речь идет о ней самой и ориентировалась на свой левый бок.

Следующее приказание – «вниз» – не допускало двух толкований. Сильно работая плавниками, дельфины опустились на дно бассейна. Они терпеливо ждали под

водой, пока Джонни не подал команду «вверх». Джонни подумал: как долго оставались бы они на дне, если б он не нажал клавишу?

Сузи и Спутнику, по-видимому, очень нравилась эта новая и увлекательная игра. Ведь дельфины – самые шаловливые из всех животных; если их и не обучают играм, они придумывают себе забавы сами. А Сузи и Спутник, может быть, даже сообразили, что это не просто развлечение, а начало союза, который может пойти на пользу обоим видам живых существ.

Вот поднялась первая пара карточек «плыть» – «быстро». Джонни нажал клавиши одну за другой. Гудение коммуникатора после передачи второго слова еще не успело умолкнуть в его ушах, как Сузи и Спутник понеслись к краю бассейна. Не сбавляя скорости, они выполнили и команды: «направо» и «налево» (на сей раз правильно рассчитав поворот от себя), а затем, опять-таки повинуясь сигналам, замедлили движение и наконец остановились, услыхав «стоп».

Профессор просто обезумел от радости, даже у невозмутимого доктора Кейта, наблюдавшего эту сцену, лицо расплылось в улыбке. А Мик скакал по бортику бассейна, словно какой-нибудь из его предков при исполнении ритуальной пляски племени. И вдруг все они торжественно замерли: в воздух поднялась карточка со словом «опасность!».

– Что сделают теперь Сузи и Спутник? – подумал Джонни, нажима клавишу.

Но Сузи и Спутник только посмеялись над ним. Они прекрасно понимали, что это лишь игра, и не дали себя

провести. Реакция у них была гораздо более быстрой, чем у него; дельфины знали каждый сантиметр своего бассейна и почуяли бы опасность задолго до того, как медленный человеческий разум смог бы их предупредить.

Тут профессор Казан совершил небольшую тактическую ошибку. Он велел Джонни отменить предыдущий сигнал, передав новый: «опасности нет».

Обоих дельфинов мгновенно охватило какое-то судорожное, бившее ключом возбуждение. Они носились по всему бассейну, выпрыгивали в воздух чуть ли не на два метра и мелькали мимо Джонни с такой скоростью, что он боялся, как бы они его не протаранили. Это представление продолжалось несколько минут, а потом Сузи высунула голову из воды и, судя по интонации, сказала профессору какую-то дерзость. Теперь наблюдатели поняли, что дельфины потешались над ними.

Оставалось испытать еще один сигнал. Отнесутся ли они к нему, как к шутке, или воспримут всерьез? Профессор Казан помахал карточкой со словами «на помощь!». Джонни нажал на клавишу и пошел ко дну, пуска пузыри для большего правдоподобия. Два серых метеора ринулись к нему. Он почувствовал сильный, но ласковый толчок, вынесший его на поверхность. Джонни не смог бы, даже если б старался, оставаться под водой: дельфины поддерживали его так, чтобы голова находилась на поверхности, – подобным же образом они помогают своим раненым товарищам. Поверили ли они, что сигнал «на помощь!» был настоящим, или не поверили, но рисковать не хотели.

Профессор жестом поманил Джонни, и тот поплыл к берегу. Но озорство дельфинов словно передалось ему. Он

так развеселился, что без всякой надобности нырнул на дно, сделал там сальто и поплыл на спине. Он даже принялся подражать движениям дельфинов – свел вместе ноги в ластах, стараясь плавно, по-дельфиньи, двигаться в воде.

В какой-то степени это удалось ему, только скорость была не та, он плыл раз в десять медленней, чем могли плавать дельфины.

Сузи и Спутник неотступно следовали за мальчиком, иногда нежно касаясь его. Джонни чувствовал, что, по крайней мере, для этих двоих ему никогда не понадобится нажимать на клавишу «друг».

Когда он вылез из бассейна, профессор Казан обнял его так, как обнимают давно потерянного и вдруг обретенного сына; даже доктор Кейт, к ужасному смущению Джонни, попытался прижать его к себе костлявыми руками, и Джонни в последнее мгновение едва сумел увильнуть.

Покинув «зону молчания», оба ученых принялись болтать, как взволнованные школьники.

– Так хорошо, что просто не верится, – сказал доктор Кейт. – Они все время опережали нас!

– Я это отметил, – кивнул профессор, – Не знаю, соображают ли они лучше нас, но что быстрее – это точно.

– А можно мне в следующий раз испробовать эту штуку? – жалобно спросил Мик.

– Да, – тотчас же ответил профессор Казан. – Ясно, с Джонни-то они готовы общаться сколько угодно, а вот как они поведут себя с другими людьми – следует проверить. Я уже вижу, как отряды специально обученных дельфинов-водолазов ломают границы доступных нам сейчас глубин, с их помощью мы будем проводить исследования, поднимать затонувшие ценности и делать еще сотни дел.

Весь поглощенный своими замыслами, профессор вдруг резко остановился.

– Я только что вспомнил два слова, которых не хватает в коммуникаторе, их надо немедленно вставить.

– Какие же слова? – спросил доктор Кейт.

– «Пожалуйста» и «спасибо», – ответил профессор.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Более ста лет на Острове Дельфинов жило предание. Конечно, рано или поздно кто-нибудь рассказал бы его Джонни, но случилось так, что он наткнулся на это предание сам.

Однажды, чтобы сократить путь, он пошел напрямик через лес, покрывавший большую часть острова. Как обычно в таких случаях, путь вовсе не стал короче. Только-только свернул он с дорожки, как сразу же заблудился в густых зарослях панданус и пизонии, а ноги его при каждом шаге проваливались по колено в почву, изрытую норами буревестников.

Странно было чувствовать себя «затерявшимся» в каких-нибудь двух сотнях метров от поселка, где было множество людей, где жили его друзья. Джонни легко мог вообразить, что путешествует в самом сердце бесконечных джунглей, в тысячах километров от цивилизованных мест, что он одинок в этих таинственных неосвоенных дебрях. Но опасность не грозила ему, достаточно было пяти минут ходьбы в любом направлении, чтобы выбраться из леска. Правда, он может выйти не туда, куда хотел, но на таком маленьком островке это не имеет значения.

Вдруг он заметил, что уголок джунглей, куда он забрел, выглядит довольно странно. Деревья были меньше, и весь лес не так густ, как в других местах. Осмотревшись, Джонни сообразил, что когда-то этот участок леса был расчищен. Но его, очевидно, давно забросили, и он успел зарасти. А еще через несколько лет он и совсем одичает.

«Интересно, кто мог жить здесь за много лет до того, как радио и авиация связали Большой барьерный риф с остальным миром? – подумал он. – Разбойники? Пираты?»

В голове его теснились всякие романтические предположения, и он принялся шарить у корней деревьев в чаянии какой-нибудь находки.

Потом ему надоели бесплодные поиски, и он решил, что все это только игра его воображения. И тут же наткнулся на закопченные камни, укрытые листьями, полузасыпанные землей. «Очаг!» – подумал он и принялся за раскопки с удвоенной силой. Вскоре он нашел несколько кусков ржавого железа, чашку без ручки и ломаную ложку.

И это все. Не ахти какое сокровище! Находки все же свидетельствовали, что когда-то давно здесь побывали люди, и не дикари, а люди из мира цивилизации. Не на пикник же приехали они сюда, на Остров Дельфинов, отстоящий так далеко от материка! Кто бы они ни были, их привела к этому месту какая-то важная причина.

Захватив на память ложку, Джонни покинул старую расчистку и через десять минут уже был на побережье. Теперь следовало найти Мика. Он обнаружил его в учебной комнате, где тот заканчивал второй раздел математической программы по ленте № 3. Как только Мик освободился, выключил обучающую машину и показал ей нос, Джонни протянул ему ложку и рассказал, где нашел ее.

К его удивлению, Мику вроде бы стало не по себе.

– Лучше бы ты ее не брал, – сказал он. – Снеси-ка назад.

– Почему? – с удивлением спросил Джонни. Замешательство Мика стало еще сильней. Он переступал своими большими босыми ногами по полу из блестящего пластика и явно уклонялся от прямого ответа.

– Конечно, – сказал он, – я по-настоящему не верю в привидения, но оказаться там темной ночью я бы не хотел.

Джонни бесился от нетерпения. Но ничего не поделаешь, придется ждать, пока Мик на свой лад поведает ему эту быль.

Мик начал с того, что потащил Джонни на узел связи, вызвал по телефону музей в Брисбене и сказал несколько слов помощнику заведующего отделом истории Квинсленда.

Через несколько секунд на телевизионном экране появилось изображение странного предмета, стоявшего в стеклянном шкафу. Это был не то железный бак, не то бадья площадью с квадратный метр и высотой сантиметров шестьдесят. Рядом лежали два грубо сколоченных весла.

– Как ты думаешь, что это такое? – спросил Мик.

– Какая-то, бадья, – сказал Джонни.

– Да, – сказал Мик, – но она послужила и лодкой. Сто тридцать лет назад в ней отплыли с этого острова трое людей.

– Три человека в такой вот штуке?

– Видишь ли, один из них был младенцем. А двое взрослых – это англичанка Мэри Уотсон и ее повар-китаец по имени А… – не помню, как дальше.

Слушая странную историю, Джонни старался перене-

стись в те времена, которые казались ему невообразимо далекими. Между тем дело происходило в 1881 году – менее полутора веков назад. Тогда уже существовали телефоны и паровые машины, уже родился Альберт Эйнштейн. Но каннибалы все еще плавали на своих боевых каноэ вдоль Большого барьерного рифа.

Презрев опасность, недавно женившийся капитан Уотсон поселился на Острове Дельфинов. Он занялся сбором и продажей морских огурцов, или beche-de-mer – безобразных, похожих на колбасы существ, неуклюже ползавших среди кораллов по дну каждого озерка. Китайцы хорошо платили за высушенную оболочку этих созданий, которую ценили как лекарственное снадобье.

Вскоре запасы beche-de-mer на острове истощились, и капитану пришлось уплывать все дальше и дальше от дома. Он, бывало, пропадал на своем суденышке по нескольку недель кряду, предоставляя заботиться о доме и новорожденном сыне своей жене, которой помогали двое слуг-китайцев.

Именно в отсутствие капитана на острове и высадились дикари. Они успели убить одного из слуг и тяжело ранить другого, прежде чем Мэри Уотсон заставила их отступить выстрелами из ружья и револьвера. Но она знала, что дикари на этом не успокоятся, а муж вернется не раньше чем через месяц.

Положение создалось отчаянное, но Мэри Уотсон была женщиной храброй и предприимчивой. Она решила бежать с острова вместе с младенцем и боем, приспособив вместо шлюпки железную бадью – для варки beche-de-mer. Мэри надеялась, что ее подберет одно из судов, курсировавших вдоль рифа.

Она погрузила в свое маленькое валкое суденышко запасы пищи и воды и принялась отгребать подальше от дома.

Тяжело раненный слуга почти не мог ей помогать, а четырехмесячный сын нуждался в постоянном уходе. Ей повезло только в одном – стоял полный штиль, иначе они не продержались бы на воде и десяти минут.

На следующий день они высадились на ближайшем рифе и провели там двое суток, высматривая судно. Однако ни один корабль не показался на горизонте. Им пришлось вновь пуститься в плавание. На этот раз они достигли островка, лежащего в сорока двух милях от места, где началось их путешествие.

Тут они увидели шедший мимо пароход, но никто на борту не заметил миссис Уотсон, отчаянно махавшую платком, которым она обычно кутала своего сына.

На острове не было воды, а взятый с собой запас кончился. Однако они прожили еще четыре дня, медленно умирая от жажды, тщетно надеясь на дожди, которые так и не хлынули, и на появление корабля, который так и не пришел.

Через три месяца, совершенно случайно, капитан проходившей мимо шхуны послал на остров нескольких матросов поискать чего-нибудь съедобного. Они нашли труп повара-китайца и железную бадью, укрытую в зарослях. Там, скорчившись, лежала Мэри Уотсон, все еще прижимавшая к груди своего сына. Рядом с ней обнаружили журнал восьмидневного путешествия, который она вела до самого конца.

– Я сам видел его в музее, – торжественно сказал Мик. –

Он написан на дюжине листков, вырванных из блокнота. Многое еще можно прочесть, никогда не забуду последнюю запись. Она совсем короткая: «Воды нет, мы почти мертвы от жажды».

Мальчики долго молчали. Джонни взглянул на ломаную ложку, которую все еще держал в руке. Глупо, конечно, но он вернет ее назад, на место, откуда взял, из уважения к доблестной Мэри Уотсон. Он понял, почему Мик и другие так относятся к ее памяти. И еще подумал, что, верно, в лунные ночи островитянам, наделенным самым пылким воображением, часто мерещилось, будто они видят молодую женщину, уплывающую в море в железной бадье…

Но тут ему вдруг пришла в голову другая, еще больше взволновавшая его мысль. Он повернулся к Мику, не решаясь спросить. Но это и не понадобилось – Мик сам дал ответ.

– Мне очень неприятна вся эта история, – сказал он, – хоть это и случилось так давно. Я, видишь ли, точно знаю, что дедушка моего дедушки участвовал в пиршестве, когда ели второго китайца.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Теперь Джонни и Мик ежедневно плавали в бассейне вместе с двумя дельфинами, чтобы исследовать их способность и готовность к сотрудничеству с людьми. Дельфины попривыкли к Мику, выполняли его требования, передававшиеся через коммуникатор, но полностью завоевать их расположение он так и не смог. Иногда они даже

пытались напугать Мика, кидались на него, оскалив зубастую пасть, но в самый последний момент отворачивали. Они никогда не позволяли себе таких штучек с Джонни, хот частенько покусывали его ласты или осторожно терлись о него, ожидая, чтобы он погладил или пощекотал их.

Мик, конечно, огорчался, он не понимал, почему Сузи и Спутник отдают предпочтение такому, по его выражению, бледнокожему лилипуту, как Джонни. Но дельфины так же эмоциональны, как люди, а о вкусах не спорят. Успех пришел к Мику позднее и при таких обстоятельствах, каких никто ожидать не мог.

Несмотря на споры и распри, ребята стали настоящими друзьями, их редко можно было увидеть врозь. Мик оказался, в сущности, первым близким другом в жизни Джонни. На это были свои причины, хотя Джонни не очень-то об этом раздумывал. Он лишился родителей, когда был совсем мал, и инстинктивно боялся привязаться к кому-нибудь другому. Но теперь его прошлое ушло далеко и во многом потеряло свою власть над ним.

К тому же Мик вызывал всеобщее восхищение. Он был прекрасно развит физически, подобно большинству островитян: это досталось ему в дар от многих поколений предков, проводивших жизнь в борьбе с морем. Он был ловок, умен и набит сведениями о таких вещах, о которых Джонни никогда не слыхивал. Конечно, без недостатков не обойдешься, но не столь уж они велики: нетерпеливость, склонность к преувеличениям и любовь к грубым шуткам, которая, впрочем, часто приносила неприятности ему самому.

К Джонни он относился покровительственно – почти

по-отцовски, как сильный мужчина к более слабому. А может быть, его доброе сердце островитянина, имевшего четырех братьев, трех сестер и считавшего теток, дядей, кузенов, кузин, племянников и племянниц десятками, чувствовало внутреннее одиночество этого сироты, бежавшего с другого конца света.

С тех пор как Джонни одолел азбуку водолазного искусства, он начал приставать к Мику с просьбами взять его с собой за риф, чтобы испытать силы на глубине, где водятся крупные рыбы, и проверить, чему же он научился. Но Мик не спешил. Нетерпеливый в малом, он умел быть осторожным в большом. Он-то знал, что одно дело – нырять в маленьком, безопасном водоеме или даже в море – у самой пристани и совсем другое – пускаться в подводное плавание на настоящих глубинах. Там случается всякое из-за сильных течений, внезапных штормов, из-за коварного нападения акул. Даже для опытного водолаза море полно неожиданностей. Оно не щадит тех, кто допустил ошибку, и редко дает возможность ее исправить.

И все-таки благоприятный случай представился Джонни, правда, совсем не так, как он мечтал. Помогли Сузи и Спутник. Профессор Казан решил, что пришло время предоставить им свободу и заставить их добывать пищу самим. Он никогда не держал у себя дельфинов дольше года, по его мнению, это было бы несправедливо. Дельфины – животные общественные и должны жить среди себе подобных. Почти все выпущенные на волю ученики профессора держались поблизости от острова, их всегда можно было позвать с помощью подводного громкоговорителя. Профессор не сомневался, что Сузи и Спутник поведут себя так же.

Но случилось неожиданное: Сузи и Спутник вообще отказались покинуть бассейн. Когда ворота перед ними распахнулись, дельфины немного проплыли по каналу, ведущему к морю, но потом ринулись обратно, словно испугались, что им отрежут путь назад.

– Это потому, – с негодованием сказал Мик, – что они привыкли получать готовое, им просто лень самим ловить рыбу.

Тут, возможно, была доля истины, но не вся истина. Как только по приказу профессора Казана Джонни поплыл по каналу к морю, оба дельфина последовали за ним, ему даже не пришлось нажимать ни на одну клавишу коммуникатора.

Теперь никто больше не плавал в опустевшем бассейне, для которого профессор Казан готовил другое применение, хотя никто не подозревал об этом.

Каждый день, сразу же после утренних уроков в школе, Мик и Джонни спешили к рифу, чтобы встретиться с обоими дельфинами. Обычно они брали с собой акваплан Мика, он служил им плавучей базой, куда удобно было складывать снаряжение и пойманную рыбу.

Мик рассказал ужасную историю о том, как однажды он сидел на этом самом акваплане, а вокруг него рыскала тигровая акула и пыталась откусить кусок от тридцатифунтовой барракуды, которую он убил копьем и сдуру оставил в воде на привязи.

– Если хочешь долго прожить на Большом барьерном рифе, – сказал он, – вытаскивай рыбу из моря сразу, как проткнешь ее. Австралийские акулы – самые подлые в мире, что ни год, они губят трех-четырех водолазов.

Чудесная перспектива! Джонни невольно стал подсчитывать, сколько времени понадобится акуле, чтобы прогрызть пять сантиметров пенистого фиброгласа, из которого сделан аквaплан Мика, если она всерьез возьмется за дело…

Однако под эскортом Сузи и Спутника можно было не бояться акул. Джонни и Мику даже редко приходилось видеть их. То, что мальчиков неотступно сопровождали два дельфина, дарило чудесное ощущение безопасности. Такого никогда не мог испытать в открытом море ни один водолаз. Иногда к Сузи и Спутнику присоединялись Эйнар и Пегги, а как-то за ними увязалась целая стая – не меньше полусотни дельфинов. Не так уж это было удобно – толпа закрыла обзор, и Джонни с Миком почти ничего не видели вокруг. Джонни мог бы нажать на клавишу «уходите!», но боялся обидеть друзей.

Он достаточно поплавал в мелких водоемах на большой коралловой банке вокруг острова. Но спускаться в открытое море вдоль внешнего ската рифа было всякий раз страшновато. Иногда вода бывала такой прозрачной, что Джонни чудилось, будто он парит в воздухе, казалось, ничто не отделяет его от острозубых коралловых глыб, хотя до них оставалось не меньше десяти метров… Ему приходилось напоминать себе, что он не упадет – здесь это невозможно.

В некоторых местах большой риф, окаймлявший остров, уходил в глубину почти отвесной стеной кораллов. Необыкновенно увлекательно было скользить вдоль этого обрыва, спугивая великолепно окрашенных рыб, живущих в трещинах и углублениях. Джонни не раз пытался найти в

справочниках института названия самых ярких из этих порхающих обитателей рифа, но натыкался чаще всего лишь на непроизносимую латинскую классификацию.

Кое-где со дна неожиданно вздымались, доходя почти до самой поверхности, остроконечные скалы. Мик называл их шестами. Иногда они напоминали Джонни зазубренные утесы Большого каньона у него на родине. Однако они не были созданием сил эрозии. Наоборот, они медленно росли на костяках бесчисленных, уже умерших кораллов. Живым был только тонкий слой, а под ним находилась известковая масса, достигавшая трех-шести метров в высоту и весившая много тонн. При плохой видимости – после шторма или ливня – вдруг, словно из тумана, возникали перед водолазом эти каменные чудовища.

Почти все они были изрыты пещерами, которые населяло множество обитателей. Не стоило соваться туда, если не знаешь, кто хозяин этого дома. Там могла сидеть угревидная мурена, непрерывно разевающая и захлопывающая свою отвратительную пасть. Или семейство дружелюбных, но отнюдь не безобидных рыб-скорпионов, иглы их топорщились, словно перья у рассерженного индюка, а наконечники игл были ядовиты.

В больших пещерах жила обычно американская треска или морской окунь. Некоторые из них были гораздо больше Джонни, но не могли нанести никакого вреда и сами испуганно шарахались в сторону при его приближении.

Вскоре Джонни научился различать породы рыб и узнал, где они водятся. Морские окуни никогда не уплывали далеко от своих отдельных квартир, и Джонни вскоре стал

относиться к некоторым из них, как к близким друзьям. У одного покрытого шрамами ветерана в нижней губе торчал рыболовный крючок с обрывком лески. Несмотря на столь неудачный опыт общения с человечеством, эту рыбу нельзя было назвать недружелюбной – она позволяла Джонни подплыть к себе так близко, что он мог погладить ее.

С морскими окунями, муренами, рыбами-скорпионами и другими постоянными обитателями здешнего подводного мира Джонни свел короткое знакомство. Однако случалось, что в этот мир заплывали с больших глубин неожиданные гости, поднимавшие переполох. Но тем-то и был привлекателен риф, что никогда не угадаешь заранее, с кем тебе доведется встретиться на этот раз, даже в таком месте, которое ты знаешь как свои пять пальцев.

Чаще всего сюда заплывали, разумеется, акулы. Джонни навсегда запомнил свою первую встречу с акулой. Это случилось, когда однажды он и Мик ускользнули от своего эскорта, выплыв в море на час раньше обычного. Он совсем не заметил ее приближения. Акула появилась внезапно – торпеда идеально обтекаемой формы. Она приближалась к нему медленно, не шевеля ни единым плавником, казалось, без всяких усилий, такая красивая и изящная, что мысль об опасности просто не могла прийти в голову. Только когда она оказалась метрах в шести, Джонни заволновался и поискал глазами Мика. Он увидел своего друга неподалеку, прямо, над собой, и облегченно вздохнул. Мик спокойно наблюдал, держа, однако, наготове ружье, заряженное копьем.

Как и большинство ее сородичей, акула была просто любопытна. Она разглядывала Джонни холодным, непод-

вижным взором, таким непохожим на умный дружелюбный взгляд дельфинов, и отвернула в сторону лишь в трех метрах от мальчика. Джонни успел рассмотреть рыбу-лоцмана, плывшую перед ее носом, и присосавшегося к ней спиной прилипалу – этого океанского безбилетника, который пользуется присоском, чтобы всю жизнь ездить зайцем.

С акулой ничего не поделаешь – аквалангисту остается только проявить выдержку, следить за ней, ничего не предпринимая, и надеяться, что она поведет себя так же. Если не растеряешься, она обычно уходит. Пловец, пытающийся спастись бегством от акулы, не заслуживает уважения – она свободно делает около 50 миль в час, а пловец-аквалангист примерно пять.

Страшнее любой акулы были барракуды, стаями плававшие вдоль края рифа. Впервые увидев, как вокруг него замелькали, словно серебристые пики, враждебно глядевшие существа с хищно выставленными вперед челюстями, Джонни от души обрадовался, что вверху покачивается на волнах его аквaплан. Барракуды были не очень велики – не больше метра в длину, но в стае их насчитывались сотни; они образовали в воде живую стену, замкнутый круг, в центре которого оказался Джонни. Чтобы лучше рассмотреть его, барракуды описывали сужающиеся спирали и подступали все ближе и ближе. И вот уже Джонни ничего не видел, кроме их блестящих тел. Он размахивал руками и кричал в воду, но на барракуд это не производило никакого впечатления. Они неторопливо осмотрели его, потом без какой-либо видимой причины внезапно повернулись и исчезли в голубой дали.

Джонни выплыл на поверхность и, крепко вцепившись в аквaплан, начал взволнованно советоваться с Миком. Время от времени он погружал голову в воду, чтобы проверить, не вернулась ли волчья стая.

– Они тебя не тронут, – успокоил его Мик. – «Куды» – трусы. Подстрелишь одну – все остальные бросаются наутек.

Джонни успокоился и при следующей встрече с барракудами уже не испугался. Все же он и потом не испытывал особого удовольствия, когда серебристые охотники окружали его, подобно флоту космических кораблей из чуждых миров. Ведь может случиться такое – одна из барракуд отважится пойти на риск, и тогда вся стая…

Исследовать риф оказалось не так-то просто – он был слишком велик. Большая часть его находилась далеко за пределами, доступными пловцу, а на горизонте виднелись участки, где вообще никто не бывал. Джонни часто хотелось попасть в такие необследованные места, но он не отваживался – на обратный путь наверняка не хватит сил. Решение трудной задачи озарило его однажды, как раз тогда, когда они с Миком усталые возвращались домой, толкая перед собой аквaплан, нагруженный полусотней килограммов рыбы.

Мик отнесся к его идее скептически: великолепно, но вряд ли осуществимо.

– Непросто сделать упряжь для дельфинов, – сказал он. – Они такие скользкие, что никакая сбруя не удержится.

– Я хочу придумать что-нибудь вроде эластичной шлеи, перед самыми плавниками. Если ее сделать достаточно широкой и плотно прилегающей, она не будет соскальзы-

вать. Но пока не стоит никому рассказывать, а то засмеют.

Это было благое, но невыполнимое намерение. Всем хотелось знать, зачем понадобились губчатая резина, эластичная ткань, нейлоновые веревки и куски пластика причудливой формы. Так что они вынуждены были во всем признаться. Провести первые опыты тайно тоже оказалось невозможным.

Прилаживать упряжь на Сузи пришлось при таком стечении публики, что Джонни от смущения готов был сквозь землю провалиться.

Тем не менее он застегивал пряжки на полосках ткани, обмотанных вокруг тела дельфина, стараясь сохранять невозмутимость и пропуская мимо ушей бесчисленные шутки и советы. Сузи полностью доверилась Джонни и не выказывала никакого недовольства, словно решив раз навсегда, что он не причинит ей никакого вреда. Для нее это была удивительная новая игра, правилам которой она охотно подчинялась.

Упряжь охватывала переднюю часть веретенообразного тела дельфина, Джонни надеялся, что плавники – хвостовой и спинные – не дадут ей соскользнуть назад. Он позаботился о том, чтобы дыхало, расположенное в верхней части головы, оставалось свободным. Дельфины дышат через него, когда выплывают на поверхность, при погружении же отверстие автоматически закрывается.

Джонни привязал к упряжи нейлоновые поводья и сильно дернул. Вся сбруя держалась как будто прочно. Тогда он прикрепил другие два конца к аквапланy Мика и взобрался на доску.

Едва Сузи потянула акваплан от берега, в толпе по-

слышались насмешливые напутствия. Дельфину не понадобилось никаких приказаний; Сузи, как всегда, быстро разобралась в положении дел и прекрасно поняла замысел Джонни.

Джонни подождал, пока они удалятся от берега на несколько сот метров, и нажал клавишу коммуникатора со словом «налево». Сузи повиновалась немедленно. Он попробовал сигнал «направо», и она снова послушалась. Аквaплан двигался уже гораздо быстрее, чем мог бы плыть Джонни, а Сузи не делала никаких видимых усилий.

Они направились прямо в море. Джонни пробормотал: «Ну, я им покажу!» и тут просигналил: «Быстро». Аквaплан слегка подскочил и понесся по волнам: Сузи дала полный ход. Джонни чуть подвинулся назад, к краю аквaплана, и теперь тот скользил по поверхности, не зарываясь носом в воду, Джонни был взволнован и горд собой. Интересно, с какой скоростью они идут! Вообще-то говоря, Сузи способна давать по крайней мере тридцать миль в час. Даже теперь, в упряжи и с тяжелым аквaпланом позади, она, вероятно, делала миль пятнадцать – двадцать. А это здорово быстро, когда лежишь на уровне воды и брызги летят тебе в лицо.

Но тут произошла неожиданность – аквaплан из-под Джонни рванулся в сторону, а сам он полетел в другую. Отфыркиваясь, он вынырнул на поверхность и увидел, что никакой аварии не произошло: просто Сузи выскочила из своей упряжи, как пробка из бутылки.

Что ж, технические трудности неизбежны в начале любых испытаний. Хотя до берега плыть не близко, а на берегу все еще стоит целая толпа, которой только и нужно,

что позубоскалить, Джонни не был обескуражен. Все-таки он победил. Он открыл новый способ передвижения по морю и теперь, проникнув в тайны рифа, недоступные раньше, он изобрел новый вид спорта, который когда-нибудь станет приятным развлечением и для людей, и для дельфинов.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Услышав о выдумке Джонни, профессор Казан пришел в восторг: это как нельзя лучше отвечало его собственным планам. Замыслы его еще не приняли определенной формы, но уже начинали проясняться. Пожалуй, через две-три недели он сможет преподнести своему Консультативному комитету конкретные предложения. Он задаст его членам нелегкую работу.

Профессор был не из тех ученых, чаще всего математиков, которые искренне огорчаются, поняв, что их работа в области чистой теории, оказывается, представляет и практическую ценность. Сам Казан с радостью посвятил бы оставшиеся ему годы изучению языка дельфинов, нимало не заботясь о приложении своих знаний, но он понимал, что пришло время использовать эти знания в жизни. Его принудили к этому сами дельфины.

Он все еще не знал, как можно, более того – как должно разрешить проблему, связанную с касатками. Он отчетливо понимал, что, если дельфины рассчитывают получить помощь от человеческого рода, они и сами должны проявить добрую волю, чтобы стать полезными людям.

Еще в шестидесятых годах XX века доктор Джон Лилли

– первый ученый, попытавшийся войти в непосредственное общение с дельфинами, наметил пути их сотрудничества с человеком. Дельфины могут спасать потерпевших кораблекрушение – как это было с Джонни – и способствовать неизмеримому расширению наших знаний об океане. Им должны быть известны существа, никогда не виданные человеком, они могут даже решить все еще не решенную загадку Морского Змея. Если они будут систематически помогать рыбакам – а до сих пор это были лишь отдельные случаи, – им предстоит сыграть важную роль в насыщении шести миллиардов жителей Земли.

Всем этим безусловно стоило заняться. Кроме того, у профессора Казана имелись и собственные соображения. Дельфины могут разыскать и обследовать в Мировом океане любое затонувшее судно, разумеется, если оно лежит на глубине не свыше трехсот метров, поскольку это предел погружения дельфинов. Они найдут такое судно, даже если оно потерпело крушение сотни лет назад и погребено под илом или кораллами. Чрезвычайно тонкое обоняние или, точнее, необычайно развитое чувство вкуса позволяет им обнаруживать в воде едва заметные следы металла, нефти или дерева. Дельфины-разведчики, обнюхивая морское дно, подобно собакам-ищейкам, могут вызвать революцию в морской археологии. Профессор Казан даже задумывался над тем, нельзя ли выдрессировать их для поисков золота по запаху…

Профессору была необходима практическая проверка некоторых своих теорий. И вот однажды «Летучая рыба» взяла курс на север. На борту, в специально установленных резервуарах, находились Эйнар, Пегги, Сузи и Спутник. На

судно погрузили также большое количество специального оборудования. Но, к величайшему огорчению Джонни, его-то самого не взяли. ОСКАР запретил это.

– Очень жаль, Джонни, – сказал профессор, мрачно разглядывая карточку с машинописным текстом, которую выкинуло счетно-решающее устройство. – У тебя пять по биологии, пять с минусом по химии, четыре с плюсом по физике и только четыре с минусом по английскому, математике и истории. Это, знаешь ли, не слишком хорошо. Сколько времени ты проводишь под водой?

– Вчера я совсем не выходил из дому, – уклончиво ответил Джонни.

– Ничего удивительного, – вчера ведь ни на минуту не прекращался дождь. Я имею в виду в среднем за день.

– О, часа два.

– Утром и днем – так это надо понимать. Ну, так вот, ОСКАР выработал для тебя новое расписание, с упором на те предметы, по которым ты недостаточно успеваешь. Боюсь, что ты еще больше отстанешь, если отправишься в плавание вместе с нами. Мы будем отсутствовать две недели, а тебе нельзя терять столько времени.

Ничего не поделаешь. Спорить было бесполезно, даже если бы он решился на это. Джонни понимал, что профессор прав. Коралловый остров и в самом деле не лучшее на свете место для занятий.

Прошли долгие две недели, прежде чем «Летучая рыба» вернулась после нескольких заходов в порты материка. Она добралась до самого Куктауна, где в 1770 году великий капитан Кук приставал к берегу, чтобы починить свой поврежденный «Индевр».

И хотя время от времени по радио передавали вести об экспедиции, подробности Джонни узнал только от Мика, когда вернулось судно. Отъезд Мика с экспедицией благотворно повлиял на занятия Джонни, ведь некому стало отвлекать его от учителей и обучающих машин. Поэтому успехи Джонни за эти две недели были просто замечательны, профессор остался доволен им.

Первое, что Мик показал Джонни по возвращении из плавания, был матово-белый камешек величиной с горошину, почти яйцевидной формы.

– Что это? – спросил Джонни, на которого камешек не произвел никакого впечатления.

– Неужели не знаешь? Жемчужина. И даже очень хорошая.

Это сообщение тоже не вызвало у Джонни восторга. Но ему не хотелось обидеть Мика, к тому же он боялся выказать собственное невежество.

– Где ты ее нашел? – спросил он.

– Это не я. Пегги нырнула за ней на глубину почти в полтораста метров. Во впадине Марлина. Люди там никогда не работали – это опасно, даже при современном снаряжении. Но однажды дядя Генри спустился на дно в мелком месте и показал дельфинам, как выглядят раковины с серебристыми створками. Тогда Пегги, Сузи и Эйнар натаскали на судно несколько центнеров раковин. Профессор говорит: «Хватит, чтобы покрыть все наши расходы».

– Хватит таких вот жемчужин?

– Да нет же, глупый, раковин. Самый лучший материал для пуговиц и рукояток ножей – перламутр жемчужниц, а

устричные фермы не могут полностью обеспечить потребность в раковинах. Профессор считает, что с помощью нескольких сот прирученных дельфинов можно отлично наладить добычу жемчужниц в промышленном масштабе.

– А погибшие корабли попадались?

– Штук двадцать, но почти все они уже значились на картах адмиралтейства. Это не так интересно. Самый важный опыт мы провели с рыболовными траулерами из Гладстона. Нам удалось загнать две стаи тунцов прямо к ним в сети.

– Воображаю, как обрадовались рыбаки.

– Как бы не так! Они попросту не поверили, что это сделали дельфины, – уверяли, будто тут поработали их электрические поля и звуковые приманки. Но мы-то знаем лучше и докажем это, когда выдрессируем побольше дельфинов. Мы сможем загонять рыбу, куда захотим.

И вдруг Джонни вспомнил, как еще при первой их встрече профессор Казан сказал: «У дельфинов свободы больше, чем когда-либо будет у нас на суше. Они никому не принадлежат и, надо надеяться, никогда принадлежать не будут». И вот теперь… Неужели они потеряют свою свободу?! И виноватым окажется сам профессор, несмотря на все его благие намерения?

Это покажет будущее. А может быть, дельфины совсем не так свободны, как воображают люди. Джонни не мог забыть рассказ о касатке, в брюхе которой обнаружили останки по крайней мере двадцати дельфинов – детей мирного морского народа.

За свободу, как и за все на свете, приходится платить, – профессор Казан уже думал об этом, как и о многом дру-

гом. Быть может, дельфины захотят вступить в сделку с человечеством, променяв часть своей свободы на безопасность. На это пришлось пойти многим нациям, причем сделка не всегда оказывалась для них выгодной.

Впрочем, профессор Казан пока не очень тревожился. Он все еще ставил опыты и накапливал информацию. Решения были впереди; договор между человеком и дельфинами, о котором он уже подумывал, оставался делом далекого будущего. Возможно, что договор этот даже не будет подписан при жизни профессора, – если вообще можно ожидать, что дельфины смогут его подписать. Но почему бы и нет? Мышцы рта у них удивительно развиты – они доказали это, собирая и доставляя сотни жемчужных раковин с серебристыми створками. А в дальние планы профессора входило обучение дельфинов письму или, по крайней мере, рисованию.

Еще больше времени – быть может, целые века – потребуется для осуществления другого его плана – составления Истории моря. Профессор Казан всегда подозревал – а теперь был уверен, – что у дельфинов чудесная память. До изобретения письма так было и с людьми, они хранили свое прошлое в голове. Древние сказители запоминали бесчисленные сочетания слов и передавали их из поколения в поколение. Песни, которые они пели, легенды о богах и героях, о битвах, происходивших в доисторические времена, являли собой причудливую смесь фактов и вымысла. Но факты были – следовало только добраться до них. Так, в девятнадцатом веке Шлиман добрался до Трои, покрытой толщей культурного слоя, который образовался за три тысячи лет, и доказал, что Гомер говорил правду.

У дельфинов тоже были свои менестрели и барды, хотя профессору пока еще не удалось установить контакт с кем-либо из них. Эйнар пересказывал содержание некоторых преданий, слышанных им в юности. Профессор перевел их с магнитофонной записи и убедился, что легенды дельфинов содержат богатейшую информацию, которую нельзя найти нигде больше. Легенды эти уходили в глубь времен, дальше, чем любые мифы или предания людей, ибо некоторые из них содержали прямые указания на ледниковые периоды, а от последней из этих эпох нас отделяет семнадцать тысяч лет.

Одно сказание было настолько необычным, что профессор Казан не поверил собственному толкованию. Он передал магнитофонную запись доктору Кейту и попросил перевести текст.

Кейту, который знал дельфиний язык далеко не так хорошо, как профессор, понадобился почти месяц, чтобы разобраться в записи. Но и после этого он излагал то, что перевел, столь неохотно, что Казану пришлось прямо вытаскивать клещами каждое слово.

– Очень старинное предание, – начал Кейт. – Эйнар повторил это несколько раз. То, о чем в нем рассказывается, видимо, произвело на дельфинов огромное впечатление. Эйнар утверждает, что ничего подобного не случалось ни раньше, ни позже. Насколько я понял, однажды стая дельфинов плыла ночью мимо большого острова. Вдруг стало светло, как днем, и «солнце спустилось с неба». Я совершенно уверен в этой фразе. «Солнце» село в воду и погасло; во всяком случае, стало снова темно. Но по морю плавал огромный предмет – длиной в 128 дельфинов. Я передаю правильно?

Профессор Казан кивнул.

– Я согласен со всем, кроме цифры. По моей дешифровке, выходит 256, но важно не это. Без сомнения, предмет был велик.

Он знал, что дельфины пользовались двоичной системой счисления. Это было естественно, ибо они могли считать только на двух «пальцах» или плавниках. Их слова, означающие 1, 10, 1000, 10000, соответствовали 1, 2, 4, 8, 16 по десятичной системе, принятой у людей. Поэтому для них 128 и 256 были круглыми числами, удобными для выражения величин приблизительных, а не основанных на точных измерениях.

– Дельфины испугались и старались держаться подальше от предмета, – продолжал доктор Кейт. – Предмет продолжал плавать по воде, из него неслись странные звуки. Эйнар пробовал передать некоторые из них; они похожи на работу электрических моторов или компрессоров.

Профессор Казан кивнул в знак согласия, но не стал прерывать своего собеседника.

– Затем произошел чудовищный взрыв, море нагрелось и закипело. Все живое на расстоянии 1024 или даже 2048 длин от предмета погибло. Сам же предмет стал быстро тонуть, и по мере его погружения происходили новые взрывы. Даже те дельфины, которые уцелели при взрыве и, казалось, были невредимы, вскоре умерли от неведомой дотоле болезни. Многие годы никто не заплывал в те места. Но все было тихо, ничего больше не случалось, и тогда несколько любознательных дельфинов отправились туда. Там, на дне, они нашли нечто огромное со множеством

«пещер» и принялись охотиться на рыбу в этих пещерах. А потом и они умерли от той же странной болезни. С тех пор никто и близко не подплывает к тому месту. Думаю, – добавил Кейт, – что основным назначением этого предания является предупреждение об опасности.

– Да, предупреждение, повторяемое на протяжении тысяч лет, – согласился профессор. – Но о какой опасности?

Доктор Кейт беспокойно повернулся на своем стуле.

– Просто невероятно, – сказал он. – Но если эта легенда основана, на фактах – а трудно предположить, чтобы дельфины могли ее целиком придумать, – некогда, тысячи лет назад, где-то в океане опустился космический корабль. Его атомные двигатели взорвались, и радиоактивность поразила все вокруг. Фантастическая гипотеза, но я не могу предложить иного объяснения.

– Почему фантастическая? – спросил профессор Казан. – Мы теперь точно знаем, что во Вселенной хватает разумной жизни. Естественно думать, что обитатели дальних миров умеют строить космические корабли. Собственно говоря, следовало бы удивляться другому: почему они не побывали до сих пор на Земле? Да, некоторые ученые считают, что в прошлом гости из космоса навещали нас, но так давно, что не осталось никаких доказательств. Что ж, теперь мы, пожалуй, кое-какие доказательства получим.

– Что вы думаете делать?

– Сейчас ничего. Я расспрашивал Эйнара, но он понятия не имеет о том, где все это произошло. Нужно разыскать одного из этих дельфиньих менестрелей и записать

сагу полностью. Будем надеяться, что она содержит больше подробностей. Когда, же мы приблизительно определим район, нам, очевидно, удастся разыскать обломки с помощью гейгеровского счетчика – даже если прошло десять тысяч лет. Боюсь только одного.

– Чего же?

– Могло случиться, что касатки сожрали информацию вместе с ее носителем. И мы никогда не узнаем правды.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ни одного гостя никогда еще не встречали на острове со столь смешанными чувствами. Все, кто не ушел в море, толпились вокруг бассейна, когда с юга показался грузовой вертолет, летевший с научно-исследовательской Тасманийской станции по изучению китов.

Вертолет повис над бассейном, и струи воздуха от его роторов вычерчивали на поверхности воды фантастические, беспрестанно менявшиеся рисунки. Затем в его брюхе раскрылся люк, и оттуда медленно стала опускаться большая петля с грузом. Едва она коснулась воды, произошло нечто вроде взрыва, в воздух поднялся фонтан брызг и пены. Над водой болталась пустая петля, а в бассейне кружило, обследуя его, самое большое и свирепое из всех существ, когда-либо побывавших на Острове Дельфинов.

Но Джонни, впервые увидевший касатку, был слегка разочарован. Она оказалась меньше, чем он ожидал, хоть и была значительно крупнее любого дельфина. Когда грузовой вертолет исчез вдали и уже можно было не кричать, а

просто разговаривать, Джонни поделился своим разочарованием с Миком.

– Так это же самка, – ответил Мик. – Они вдвое меньше самцов. Поэтому их гораздо легче содержать в неволе. Этой, пожалуй, достаточно центнера рыбы в день.

Несмотря на понятное предубеждение, Джонни пришлось признать, что касатка красива. Пестрая расцветка – белая снизу, черная на спине, большое белое пятно за каждым глазом – она была просто неотразима. Из-за этих пятен она тут же получила прозвище «Снежинка».

Окончив осмотр бассейна, касатка принялась разглядывать окружающий мир. Она высунула массивную голову из воды, обвела умным, проницательным взором толпу и лениво разинула пасть.

При виде этих страшных, похожих на заостренные колья зубов среди зрителей пронесся почтительный шепот. Кажется, Снежинка правильно оценила произведенный ею эффект, потому что снова зевнула, еще шире раскрыв пасть и показав во всей красе ряды ужасающих зубов. У дельфинов зубы маленькие, похожие на булавки, они служат просто для того, чтобы схватить рыбу, перед тем как проглотить ее целиком. Но эти зубы… Они выполняли ту же работу, что и акульи. Могли перекусить пополам тюленя или дельфина, а то и человека.

Итак, на острове появилась своя касатка! Конечно, всем не терпелось увидеть, что будет с ней делать профессор. Первые три дня он оставлял ее в покое. Должна же она привыкнуть к новой обстановке и оправиться от потрясения, вызванного перевозкой. Однако касатка уже несколько месяцев прожила в неволе и вполне привыкла к

людям. Она очень быстро успокоилась и пожирала с одинаковой жадностью всю рыбу, которую ей давали, – и живую, и снулую.

Обязанность кормить касатку возложили на семью Мика. Это делал обычно отец Мика, Джо Науру, или его дядя Стефен, шкипер «Летучей рыбы». Взялись-то они за этот труд, чтоб немножко подзаработать, однако вскоре прониклись симпатией к своей подопечной. Касатка оказалась не только умной – это никого не удивляло. Она была еще и добродушной, что уж совсем как будто не вязалось с ее репутацией убийцы. Особенно симпатизировал ей Мик, а она встречала его с явным удовольствием всякий раз, как он появлялся у бассейна, и выказывала разочарование, если он уходил, ничем ее не угостив.

Убедившись, что Снежинка успокоилась и обрела вкус к жизни, профессор приступил к первым опытам. Через подводный гидрофон он передал несколько фраз на языке дельфинов, записанных на пленку, и стал наблюдать ее реакцию.

Сначала эта реакция была весьма бурной. Касатка принялась носиться по бассейну во всех направлениях, разыскивая, откуда шел голос. Несомненно, она его узнала, он связывался у нее с представлением о пище, и она решила, что кушать подано.

Всего через несколько минут касатка поняла, что обманута – в бассейне нет никаких дельфинов. Она продолжала прислушиваться к звукам, несшимся из гидрофона, но гоняться за ними больше не собиралась. Профессор Казан был разочарован, он-то надеялся что, услышав дельфинью речь, касатка ответит на своем языке! Но она упорно молчала.

Профессор уже кое-что знал о языке «оркан» – языке касаток. Он изучил магнитофонные записи звуков, издаваемых касатками. А безошибочная электронная память ОСКАРА помогла выделить из всей массы записей слова, совпадавшие с дельфиньими. Таких слов оказалось немало. Например, названия некоторых рыб у касаток звучали почти так же, как у дельфинов. Вероятно, оба языка, подобно английскому и немецкому или французскому и итальянскому, происходили от некоего общего древнего корня. Профессор Казан считал, что такое родство поможет ему и упростит работу.

Однако нежелание Снежинки общаться с ним не обескуражило профессора. В сущности, он собирался использовать ее в других целях, которые не зависели от ее доброй воли.

Недели через две после водворения Снежинки на остров из Индии прибыла группа специалистов по медицинской аппаратуре. Они немедля принялись устанавливать вдоль бортика бассейна электронное оборудование. Как только они закончили эту работу, из бассейна спустили почти всю воду, и возмущенная касатка беспомощно забарахталась на мелководье.

Теперь за дело взялись десять мужчин. Они были вооружены толстыми канатами и массивной деревянной рамой, сконструированной так, чтобы косатка не могла шевельнуть головой.

Все это ей не слишком понравилось, впрочем, так же как и Мику, которому поручили окатывать Снежинку водой из шланга, чтобы ее кожа не высохла на солнце.

– Никто тебя не обидит, старушка, – успокаивал он касатку. – Потерпи немножко, скоро опять заплаваешь.

Но сейчас же сам Мик встревожился по-настоящему: один из техников подошел к Снежинке, держа в руках какой-то странный инструмент, не то шприц, не то электрическое сверло, не то помесь их обоих. Этот тип тщательно наметил участок на верхней стороне ее головы и приставил свою штуку к этому месту. Потом нажал кнопку. Послышалось негромкое, но пронзительное завывание мотора, и игла вошла глубоко в мозг Снежинки, проникнув сквозь толстые кости черепа с такой же легкостью, с какой нож режет масло.

Эта процедура расстроила Мика куда больше, чем саму Снежинку. Она ощутила… не больше чем булавочный укол и почти не обратила на него внимания. Это не могло удивить никого, хоть сколько-нибудь знающего физиологию, но Мик, как и большинство людей, ничего не слышал об одной любопытной особенности мозга: он лишен всякой чувствительности. Его можно резать или протыкать, не причиняя его обладателю боли.

В мозг Снежинки ввели десять датчиков. К ним присоединили провода, концы которых помещались в плоской обтекаемой коробке, укрепленной на затылке косатки. Вся операция продолжалась меньше часа. Потом бассейн снова заполнили водой, и Снежинка принялась лениво плавать взад и вперед, фыркая и отдуваясь. Эксперимент явно не причинил ей вреда, хотя Мику показалось, что Снежинка посмотрела на него с обидой, так, как может смотреть человек, брошенный в беде другом, на которого он рассчитывал.

На следующий день из Нью-Дели прибыл доктор Саха. Он был не только членом Консультативного комитета ин-

ститута и старым другом профессора Казана, но и всемирно известным ученым, специалистом по проблемам, связанным с самым сложным из всех органов человеческого тела – мозгом.

– В последний раз я использовал эту аппаратуру для работы со слоном, – сказал физиолог, глядя на Снежинку, плававшую в бассейне. – Эксперимент еще не был окончен, а я уже вертел его хоботом, как хотел, да так точно, что мог печатать им на пишущей машинке.

– Нам подобная виртуозность не нужна, – ответил профессор Казан. – Я должен уметь контролировать движения Снежинки и научить ее не жрать дельфинов.

– Если мои сотрудники вживили электроды туда, куда следовало, обещаю, что мы справимся. Не сразу, разумеется; сначала мне придется составить карту мозга.

Это оказалось весьма деликатным делом. Оно требовало большого терпения и сноровки и продвигалось медленно. Саха часами сидел за своей приборной доской, следя, как Снежинка ныряла, грелась на солнце, лениво описывала круги в бассейне или принимала рыбу от Мика. И все время мозг ее, как спутник со своей орбиты, передавал сигналы через присоединенную к нему радиоаппаратуру. Импульсы регистрировались датчиками и записывались на ленту, так что доктор Саха мог наблюдать картину электрического возбуждения, соответствующего каждому действию.

Наконец он счел подготовку достаточной и перешел в наступление. Вместо того чтобы фиксировать импульсы, исходящие из мозга Снежинки, он стал воздействовать на него электрическими токами.

Смотреть на результаты было увлекательно и жутко. Казалось, тут вступила в игру не наука, а магия. Нажимая на кнопку или вертя тумблер, доктор Саха заставлял это крупное животное плыть направо или налево, описывать круги или выделывать восьмерки, неподвижно лежать в центре бассейна – словом, командовал Снежинкой, как хотел. Опыты Джонни по управлению Спутником и Сузи с помощью коммуникатора, которые в свое время производили столь большое впечатление, теперь выглядели просто детской игрой.

Но Джонни не обижался. Сузи и Спутник были его друзьями, и он радовался, что у них оставалась свобода выбора. Если они подчас и не желали его слушаться – что ж, это было их право. Для Снежинки же не существовало двух решений; электрические токи, подведенные к мозгу, превратили ее в живого робота, лишенного собственной воли и повинующегося приказам доктора Сахи.

Чем больше думал об этом Джонни, тем неуютнее ему становилось. Неужели такую же систему контроля можно применить и к нему? Он принялся расспрашивать и узнал, что в лабораторных условиях нечто подобное производилось неоднократно. Наука получила новое оружие, не менее грозное, чем атомная энергия, если обратить его не ко благу, а во зло.

Профессор Казан несомненно хотел блага дельфинам, но Джонни все еще не понимал, как он этого добьется. Немногим больше Джонни понял и тогда, когда на остров доставили удивительнейшую штуку. Это была большая, в натуральную величину, механическая модель дельфина, приводимая в движение электрическими моторами. Эксперимент вступил в следующую стадию.

Модель изготовил лет двадцать назад ученый из Исследовательской лаборатории военно-морского флота, который пытался выяснить, почему дельфины могут плавать так быстро. По его расчетам, мускулатура дельфинов обеспечивала скорость не свыше десяти миль в час – они же без всякого труда крейсировали со скоростью по крайней мере в два раза большей.

Для этого он построил свою модель и с помощью приборов принялся изучать ее движение в воде. Из всей этой затеи ничего не вышло, но модель была так великолепна и действовала так безотказно, что ни у кого не поднялась рука отправить ее на слом, даже когда сам конструктор с отвращением отвернулся от своего детища. Время от времени ее демонстрировали публике, и лаборанты бережно стирали с нее пыль. После одной такой демонстрации профессор и услышал о ней. Слава ее была ограниченной, но громкой.

Модель могла бы обмануть кого угодно. Разумеется, если речь шла о человеке. Когда же при стечении десятков зачарованных зрителей ее запустили в бассейн к Снежинке, результат получился самый неожиданный. Один-единственный раз косатка бросила на механическую игрушку презрительный взгляд и потом попросту перестала ее замечать.

– Этого-то я и опасался, – сказал профессор почти без огорчения. Как истинный ученый, он давно знал, что опыты чаще всего кончаются неудачей и не боялся выглядеть посрамленным даже в присутствии других. (В конце концов, сам великий Дарвин отправился однажды в огород и несколько часов продудел там на трубе, чтобы установить, действует ли звук на рост растений.)

– Вероятно, косатка услыхала, как работает электромотор, и поняла, что ее дурачат. Что ж, теперь у нас нет другого выбора. Придется использовать как приманку настоящих дельфинов.

– Обратитесь с призывом к добровольцам – шутливо посоветовал доктор Саха.

Однако шутка не была принята. Профессор Казан немного подумал, потом кивнул в знак согласия.

– Именно это я и сделаю, – сказал он.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

– Островитяне считают, что профессор спятил, решительно и окончательно, – сказал Мик.

– Ты же знаешь, что это чепуха, – возразил Джонни, бросаясь на защиту своего героя, – Чем он теперь не угодил?

– Придумал регулировать питание Снежинки этой игрушкой с мозговыми волнами. Велел мне давать ей рыбу какой-нибудь одной породы, а доктор Саха не позволяет ей есть эту рыбу. Она уж и сама не хочет после того, как ее несколько раз тряхнуло. Доктор Саха называет это «кондиционированием». Сейчас в бассейне плавают четыре или пять больших щук, но она на них и не смотрит. А всякую другую рыбу жрет по-прежнему.

– Так с чего ты взял, что проф спятил?

– Ясно ведь, что он задумал. Если он может помешать Снежинке есть щук, то сможет помешать ей есть и дельфинов. Но что это даст? Касаток в море тьма-тьмущая, не может же он кондиционировать каждую!

– Ну, что бы ни делал проф, – упрямо сказал Джонни, – на то, значит, есть веские причины. Поживешь – увидишь.

– А все-таки я бы хотел, чтоб они оставили Снежинку в покое. Боюсь, что у нее испортится характер.

Джонни удивился – странно, что так можно говорить о касатке.

– Подумаешь, важность какая! – сказал он.

Мик несколько смущенно усмехнулся и завозил ступней по земле.

– Обещаешь никому не говорить? – спросил он.

– Конечно.

– Ну, так вот, я не раз плавал с ней. Она куда занятнее твоих маленьких головастиков.

Джонни в изумлении уставился на Мика, он даже пропустил мимо ушей оскорбление в адрес Сузи и Спутника.

– И еще ты говорил, что спятил *профессор*! – воскликнул он, едва перевел дух. – А ты часом не треплешься, а? – подозрительно добавил он. К этому времени он научился уже распознавать шутки Мика, но на сей раз тот, видимо, говорил серьезно.

Мик пожал плечами:

– Не веришь – приходи к бассейну. Конечно, это может показаться безумием, но на самом деле никакой опасности нет. Все началось случайно: однажды, когда я кормил Снежинку, я неосторожно поскользнулся на бортике бассейна и плюхнулся в воду.

Джонни присвистнул.

– Бьюсь об заклад, ты решил, что тебе конец.

– Ясное дело, решил! Выплываю на поверхность – прямо передо мной пасть Снежинки. – Мик помолчал. –

Знаешь, это ведь все врут, будто в такие мгновения вспоминается вся прежняя жизнь. Я ни о чем не мог думать, кроме как об этих зубах. Гадал, проглотит она меня целиком или, стерва, перекусит пополам.

– А дальше? – спросил Джонни, затаив дыхание.

– В общем, она не перекусила меня пополам. Только подтолкнула легонько носом, будто сказала: «Давай дружить». С тех пор мы и подружились. Если мы с ней не поплаваем хоть денек, она начинает нервничать. А я не всегда могу – если это заметят, скажут профу и тогда всему конец.

Мик засмеялся, уловив на лице Джонни тревогу и неодобрение.

– Так это же гораздо безопаснее, чем укрощение львов, а люди сколько времени их укрощают. Мне здорово нравится. Я, может, когда-нибудь доберусь до больших китов, вроде синих, тонн на сто пятьдесят.

– Что ж, они, по крайней мере, тебя не проглотят, – сказал Джонни. С тех пор как он попал на остров, он многое узнал о китах, – У них слишком узкие глотки, и они жрут креветок и всякую другую мелюзгу.

– Ладно, ладно! А что ты скажешь насчет кашалота, этакого Моби Дика[2]? Уж он-то может в один присест проглотить десятиметрового кальмара.

Мик горячился все больше, и Джонни вдруг понял, что им движет дух соперничества. Даже и теперь дельфины равнодушно сносили его присутствие и никогда не проявляли радости и симпатии, не то что при виде Джонни. В

---

[2] Моби Дик – гигантский кит из одноименного романа классика американской литературы Г. Мелвилла.

общем, хорошо, что Мик наконец обрел друга среди китообразных, но лучше бы этот друг был более миролюбивым.

Джонни так никогда и не увидел Мика и Снежинку плавающими рядом: профессор Казан приступил к следующему опыту.

Много дней он провел, монтируя магнитофонные ленты и составляя длинные фразы на дельфиньем языке; но и теперь у него не было уверенности в том, что он сумеет сказать дельфинам то, что намерен. Он надеялся, что там, где перевод не удался, быстрый ум дельфинов доскажет то, чего не хватает.

Часто он задумывался над тем, как они относятся к его речам, которые он складывал, словно мозаику, из слов, добытых из многих источников. Каждая фраза, переданная под водой, звучала, очевидно, так, как если бы дюжина или больше дельфинов поочередно произнесли несколько слов, каждый с присущим ему выговором. Слушателям все это должно показаться очень странным, потому что они вряд ли имеют представление о таких вещах, как магнитофонная запись и звукомонтаж. И если они вообще хоть что-нибудь понимают из производимого им шума, то это только доказывает, как они умны и терпеливы.

Когда «Летучая рыба» отчалила от пристани, профессор Казан заметно волновался, хотя обычно это не было ему свойственно.

– Знаете, как я себя чувствую? – сказал он доктору Кейту, стоявшему рядом с ним на баке. – Так, словно я пригласил в гости друзей, а потом напустил на них тигра-людоеда.

– Ну, ну, не так уж мрачно, – засмеялся Кейт. – Друзья честно предупреждены, а тигр находится под вашим контролем.

– Надеюсь, – сказал профессор.

Репродуктор на борту объявил: «Открываем ворота бассейна. Однако она что-то не спешит уходить».

Профессор Казан поднял к глазам бинокль и посмотрел назад, на остров.

– Не хотелось бы, чтобы Саха отдавал ей свои команды, пока это не понадобится, – сказал он. – А, вот и она.

Снежинка медленно плыла по каналу, соединявшему бассейн с морем. Когда канал кончился и Снежинка оказалась в открытых водах, она заметалась, завертелась, словно потеряв ориентировку; казалось, все ее удивляет. То была характерная реакция животного или человека, долгое время находившегося в заточении и выпущенного затем на волю.

– Вызовите ее, – сказал профессор. В воду передали сигнал «сюда!». Даже если на родном языке Снежинки это слово звучало иначе, оно было одним из тех слов, которые она понимала. Снежинка поплыла к «Летучей рыбе» и не отставала больше от судна. А «Летучая рыба» все удалялась от острова, держа курс в глубоководную часть моря за рифом.

– Мне нужно достаточно места для разворота, – сказал профессор Казан. – И я уверен, что Эйнар, Пегги и К° это оценят, если им придется спасаться бегством.

– Если они появятся. Быть может, у них хватит ума не показываться, – ответил доктор Кейт с сомнением в голосе.

– Что ж, через несколько минут узнаем. Сигнал призыва

транслировался все утро, так что все дельфины в радиусе многих миль должны были его услышать.

– Глядите! – сказал вдруг Кейт, указывая на запад. В полумиле параллельно курсу судна плыла небольшая стая дельфинов. – Вот ваши добровольцы, но подойти поближе они, видно, не торопятся.

– Сейчас начнется потеха, – пробормотал профессор. – Пойдемте на мостик к Сахе.

Радиоаппаратура, которая посылала сигналы Снежинке через коробку, укрепленную у той на голове, и принимала в ответ импульсы ее мозга, была установлена близ штурвала. Из-за аппаратуры на маленьком мостике «Летучей рыбы» стало совсем тесно, но Стефен Науру и доктор Саха должны были находиться рядом. Оба точно знали, что надлежит им делать, и профессор Казан не собирался вмешиваться, если, конечно, не возникнут чрезвычайные обстоятельства.

– Снежинка почуяла их, – прошептал Кейт.

Сомнений не было, от растерянности, охватившей ее, когда ей предоставили свободу, не осталось и следа: она ринулась прямо на дельфинов, как быстроходный катер, вспенивая длинный след.

Дельфинья стая мгновенно рассеялась. Профессор с горьким чувством вины представил себе, что думают о нем сейчас дельфины, если они вообще способны в такой момент думать о чем-либо, кроме касатки.

Она разогналась к одному толстому дельфину, и их разделяло уже не больше десяти метров… И вдруг Снежинка взлетела в воздух, но сейчас же звонко плюхнулась, да так и осталась лежать неподвижно, мотая головой совершенно как человек.

– Два вольта, центральный участок наказания, – сообщил доктор Саха, снимая палец с кнопки. – Интересно, попробует ли она еще раз.

Дельфины, удивленные и даже потрясенные результатами опыта, снова собрались в стаю, но держались на расстоянии нескольких сот метров от этого места. Они тоже неподвижно лежали в воде, зорко следя за своим исконным врагом.

Снежинка не сразу опомнилась от полученной встряски. Она медленно поплыла в сторону от дельфинов. Наблюдатели не сразу разобрались в ее тактике.

Она описывала большие круги, в центре которых находились все еще неподвижные дельфины. Лишь внимательный взгляд мог уловить, что это не окружность, а постепенно сужающаяся спираль.

– Собирается надуть нас, не так ли? – с восхищением сказал профессор Казан. – Подплывет, насколько осмелится, делая вид, что не заинтересована, а потом ринется на них.

Именно так она и поступила. Если дельфины все еще оставались на месте, это доказывало их безграничное доверие к друзьям-людям и еще – поразительную быстроту, с которой они усваивали новые истины. Редко приходилось повторять дельфину одно и то же дважды.

Напряжение росло по мере того, как Снежинка приближалась по спирали к центру, подобно головке с мембраной на старомодных граммофонах, постепенно продвигающейся к шпинделю. Только какой-нибудь десяток метров отделял ее от ближайшего и самого отважного дельфина, когда она наконец решилась.

Касатка может ускорить движение с невероятной быстротой. Но доктор Саха был готов ко всему и держал палец в нескольких миллиметрах от кнопки. Шансов на успех у Снежинки не оставалось.

Она была разумным животным – не столь разумным, как намеченные ею жертвы, но обладала интеллектом примерно того же уровня. Снежинка поняла, что потерпела поражение. Оправившись от второго шока, повернулась спиной к дельфинам и поплыла прочь. Палец доктора Сахи опять ткнулся в приборную доску.

– Эй, что вы делаете? – спросил шкипер «Летучей рыбы», следивший за происходящим с явным неодобрением. Как и его племянник Мик, – он не желал, чтобы обижали Снежинку. – Она же вас послушалась!

– Я не наказываю, а вознаграждаю, – объяснил доктор Саха. – Пока нажимаю на эту кнопку, она чувствует себя удивительно хорошо, потому что я посылаю ток напряжением в несколько вольт в те центры ее мозга, которые ведают наслаждением.

– Думаю, на сегодня хватит, – сказал профессор Казан. – Пошлите ее назад в бассейн – она заслужила хорошее угощение.

– Завтра будет то же самое, профессор? – спросил шкипер, когда «Летучая рыба» повернула к дому.

– Да, Стив, то же самое будет повторяться каждый день. Но я здорово удивлюсь, если нам понадобится заниматься этим больше недели.

Через три дня стало уже ясно, что Снежинка усвоила урок. Наказывать ее больше не приходилось, достаточно было награды – нескольких мгновений электрического

блаженства. Дельфины преодолели свой страх не менее быстро, к концу недели они и Снежинка совсем освоились друг с другом. Они дружно охотились вокруг рифа, иногда устраивая совместную облаву на стаю рыб, иногда действуя порознь. Молодые дельфины затевали вокруг Снежинки свои резвые игры, но, если им и случалось толкнуть ее, касатка не проявляла раздражения и даже не поддавалась неподвластному ей чувству голода.

На седьмой день касатку больше не отправили назад в бассейн после ее утренней прогулки с дельфинами.

– Мы сделали все, что могли, – сказал профессор. – Теперь я ее выпущу.

– А вы не считаете, что это рискованно? – возразил доктор Кейт.

– Считаю, но рано или поздно нам все равно придется пойти на такой риск: если мы не вернем ее в естественное состояние, мы никогда не узнаем, как долго сохранится эффект кондиционирования.

– А если она устроит себе закуску из парочки дельфинов? Что тогда?

– Другие сейчас же сообщат нам. Мы выйдем в море и поймаем ее. Это будет несложно, коробка с радиоустройством останется прикрепленной к ее голове.

Стефен Науру, который прислушивался к разговору, стоя за штурвалом «Летучей рыбы», оглянулся через плечо и задал вопрос, волновавший всех.

– Даже если вы обратили Снежинку, так сказать, в вегетарианство, как быть с остальными миллионами этих тварей?

– Мы должны набраться терпения, Стив, – ответил

профессор. – Пока что я только собираю информацию, которая, возможно, не принесет никакой пользы ни людям, ни дельфинам. Но в одном я уверен – весь болтливый дельфиний мир уже знает об эксперименте и они поймут – мы делаем для них все, что можем. У ваших рыбаков теперь выгодная позиция, чтобы торговаться с дельфинами.

– Гм-м, я об этом не подумал.

– Во всяком случае, если со Снежинкой получится, мы сможем, пожалуй, ограничиться кондиционированием всего лишь нескольких касаток в каждом районе. Да и то самок – а уж те растолкуют самцам и детенышам, что за всякого съеденного дельфина они расплатятся сильнейшей головной болью.

Стива это не убедило. Может быть, если б он понял, как могущественна и необорима электрическая стимуляция мозга, слова профессора произвели бы на него больше впечатления.

– Все же мне сдается, что один вегетарианец не заставит целое племя людоедов отказаться от своих обычаев.

– Возможно, вы совершенно правы, – ответил профессор. – Как раз это я и хочу выяснить. Даже если задача и разрешима, затея может оказаться ничего не стоящей. А если и стоящей, то такой, что потребуются усилия нескольких поколений. Но нужно быть оптимистом; припомните хотя бы историю двадцатого века.

– Какую ее часть? – спросил Стив. – Она такая длинная!

– Ту часть, которая имеет значение. Пятьдесят лет назад очень многие отказывались верить в то, что народы земли могут жить в мире. Сейчас-то мы знаем, что они ошибались. Если бы это было не так, нас с вами тут бы не было. Так что не смотрите на наш проект слишком мрачно.

Стив вдруг захохотал.

– Что я сказал смешного? – спросил профессор.

– Да нет, я просто подумал, – ответил Стив, – что вот уже тридцать лет, как не находилось повода для присуждения Нобелевской премии мира. Ну, а если этот план осуществится, настанет ваш черед.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пока профессор Казан ставил опыты, мечтал, над Тихим океаном собирались силы, равнодушные к надеждам и страхам и людей, и дельфинов. Мик и Джонни одними из первых узрели их могущество. Это было на рифе в безлунную ночь.

Как всегда, они охотились за лангустами и редкими раковинами. На этот раз Мику помогало недавно появившееся у него новое орудие – водонепроницаемый фонарик размером несколько больше обычного; когда Мик зажигал его, появлялось очень слабое голубое свечение. Кроме того, фонарь испускал пучок сильных ультрафиолетовых лучей, невидимых человеческому глазу. Кораллы и раковины, на которые падали эти лучи, казались охваченными пламенем. Они сверкали в темноте синим, золотистым и зеленым цветом. Невидимый луч был подобен волшебной палочке, которая находит скрытые во мраке предметы, невидимые даже при обычном освещении. Если моллюск зарывался в песок, ультрафиолетовый луч делал видимой оставленную им бороздку, и Мик не проходил мимо очередной добычи.

Под водой эффект был поразительный: стоило маль-

чикам нырнуть в коралловое озерко близ края рифа, луч неяркого синего света устремлялся далеко вперед. Он заставлял светиться ветки кораллов на расстоянии доброй дюжины метров, и они мерцали, как звезды или туманности в глубинах космоса. Естественное свечение моря, каким бы прекрасным и удивительным оно ни было, ни в какое сравнение не шло с этим зрелищем.

Увлеченные новой чудесной игрушкой, Мик и Джонни задержались на рифе дольше, чем собирались. Когда же они наконец решили отправиться домой, то заметили, что погода изменилась.

Еще недавно она была тихой и безветренной, в ночи раздавалось только бормотание волн, лениво плескавшихся о риф. А теперь задул порывистый ветер и голос моря стал сердитым, в нем слышались решительные ноты.

Джонни первым заметил перемены, вынырнув на поверхность озерка. За рифом, непонятно, на каком расстоянии, по волнам медленно двигалось пятно слабого света. Сначала Джонни подумал, не корабль ли впереди, но тут же сообразил, что это не может быть судно – пятно лишено очертаний и форм и скорей напоминает светящийся туман.

– Мик – встревоженно прошептал он, – что это такое, там, в море?

Мик не ответил. Слегка присвистнув от удивления, он подошел поближе к Джонни, словно ища защиты.

Едва веря своим глазам, они следили за тем, как туман собирался в облако с острыми краями и это облако становилось все ярче и тянулось все выше по небосклону. Несколько минут спустя слабого света уже не было и в помине – по морю шествовал *огненный* столб.

Мальчиков охватил страх – суеверный ужас перед неизвестным, от которого никогда не избавится человек, ибо загадкам Вселенной нет конца. В умах их рождались дикие объяснения фантастические теории. Вдруг Мик радостно засмеялся. Но смех его прозвучал взволнованно.

– Я знаю, что это, – сказал он. – Всего лишь смерч. Я видал такое и раньше, только не ночью.

Разгадка этой тайны, как и многих других, оказалась простой – как только вы узнали ответ. Но чудо оставалось чудом, и мальчики глядели как завороженные на крутящийся столб воды, он засасывал и взметал к небу мириады светящихся обитателей моря. Смерч, очевидно, находился далеко, за много миль от них, потому что Джонни не слышал рева, который тот издает, несясь по волнам; вскоре смерч исчез, ушел в сторону материка.

Между тем начался прилив. Когда мальчики наконец опомнились, воды уже было им по колено.

– Пошли, а не то придется добираться вплавь, – сказал Мик.

Бредя по воде, он добавил задумчиво:

– Не нравится мне эта штука. Она предвещает непогоду, ставлю десять против одного, что у нас скоро здорово задует.

Уже на следующее утро стало понятно, что Мик прав, стоило только взглянуть на телевизионный экран. Даже для тех, кто ничего не понимал в метеорологии, изображение на экране было устрашающим. Огромный клуб туч, насчитывающий тысячи миль в поперечнике, охватил всю западную часть Тихого океана. Изображение, передаваемое на экран телекамерами метеорологических спутников,

находившихся высоко в космосе, на первый взгляд казалось неподвижным. Но это объяснялось только огромным масштабом явления. Если же рассматривать изображение внимательно, через несколько минут можно было заметить, что спиралевидные полосы облаков быстро проносились над поверхностью земного шара. Ветры несли их со скоростью до двухсот пятидесяти километров в час. Это был сильнейший ураган из всех обрушивавшихся на побережье Квинсленда на памяти целого поколения.

Жители Острова Дельфинов не отходили от телевизионных экранов. Каждый час передавались сводки, в которых с помощью счетно-решающих устройств предсказывался ход циклона, но за день особых изменений не произошло. Метеорология теперь стала точной наукой; синоптики могли с уверенностью говорить о том, что произойдет, но влиять на происходящее почти не умели.

На Остров Дельфинов уже не раз обрушивались бури, и привычные жители, хоть и тревожились, были готовы побороться с циклоном и не впадали в панику. К счастью, максимальной силы ураган должен был достичь во время отлива, и жители не опасались, что волны покроют остров, как это иногда случалось здесь, в Тихом океане.

Весь день Джонни работал наравне с другими. Из предосторожности следовало надежно укрепить или укрыть все, что мог повредить или снести ураган. Окна зашивали досками, лодки вытягивали на берег как можно дальше. «Летучую рыбу» взяли на четыре тяжелых якоря, да еще на всякий случай привязали толстым корабельным канатом к стволам панданусов, росших на берегу. Впрочем, рыбаки не слишком беспокоились за свои лодки, так как гавань

находилась на защищенной стороне острова: лес ослабит силу бури.

А пока стояла гнетущая жара. Ни дуновения ветерка. Не нужно было никаких сводок с востока, не к чему было рассматривать изображения на телевизионном экране – и без того ясно, что природа готовит одно из своих грандиозных представлений. К тому же, хоть небо было чистым и безоблачным, буря выслала вперед своих гонцов. Весь день огромные волны бились о внешний риф, так что остров содрогался от ударов.

Когда стемнело, небо все еще оставалось ясным и звезды казались небывало яркими. Джонни стоял у бетонно-алюминиевого бунгало семьи Науру и, прежде чем войти, разглядывал небо. И вдруг услышал звук, покрывший даже грохот волн. Никогда раньше он не слышал ничего подобного. Казалось, будто застонало от боли какое-то гигантское животное. Вечер был жаркий и душный, но Джонни почувствовал, что кровь стынет у него в жилах.

А потом он увидел на востоке нечто такое, отчего у него совсем подкосились ноги. Сплошная стена полного мрака поднялась к небу – и на глазах у него вздымалась все выше и выше. Так Джонни довелось услышать и увидеть начало урагана. Он не стал больше медлить.

– Я как раз собирался идти за тобой, – сказал Мик, когда Джонни с облегчением затворил за собой дверь. И это были последние слова, которые он услышал за много часов.

Несколько мгновений спустя дом сотрясся до основания. Затем раздался шум невероятной силы. И все же он показался Джонни странно знакомым. Невольно он вернулся памятью к началу своих приключений; он вспомнил

гром дюз «Санта-Анны» всего в нескольких метрах под собой, когда карабкался на борт амфибии; между тем местом и островом лежало полмира и, как чувствовал Джонни, целая жизнь.

Человеческий голос уже давно нельзя было расслышать в реве урагана. И все-таки, как это ни невероятно, шум еще усилился – на дом низвергся такой потоп, какого Джонни и представить себе не мог. Вялое слово «дождь» ни в какой мере не передавало того, что творилось.

Судя по доносившимся звукам, человек, оказавшийся снаружи, тут же утонул бы в этих потоках воды, если бы они еще раньше не раздавили его.

Однако все семейство Мика сохраняло полное спокойствие. Младшие ребята собрались вокруг телевизора и следили за передачей, хотя ничего не могли слышать. Миссис Науру безмятежно вязала, это было редкостное искусство, которым она владела с детства. Джонни оно попросту завораживало, он никогда прежде не видел, чтобы кто-нибудь вязал. Но теперь он был слишком взволнован, чтобы следить за сложными движениями спиц и волшебным превращением шерсти в носок или свитер.

Он пытался определить по стоявшему вокруг грохоту, что же происходит за стенами. Ясно, что ураган выворачивает с корнями деревья, разбрасывает в стороны лодки, а может, и рушит дома! Но вой ветра и оглушительный бесконечный рев моря покрывал все другие звуки. Под дверью могли палить из орудий, и никто бы этого не расслышал.

Джонни с мольбой взглянул на Мика, ему было просто необходимо, чтобы кто-нибудь успокоил его, подал знак,

что все идет как надо, скоро кончится и станет на свои места. Но Мик только пожал плечами и изобразил, как надевают маску и дышат кислородом из акваланга; сейчас вся эта пантомима не показалась Джонни смешной.

Он пытался представить себе, что происходит с остальными островитянами, но не мог. Получалось как-то так, что единственной реальностью оставались только эта комната и находившиеся рядом с ним люди. Казалось, что на свете только они и существуют, это на них обрушил ураган всю свою ярость. Вероятно, именно так чувствовал себя Ной со своим семейством; единственные уцелевшие среди живых в целом мире, они носились по волнам потопа, надеясь, что ковчег куда-нибудь прибьет.

Джонни никогда не думал, что буря на суше может быть так страшна. Ведь это всего лишь ветер и дождь! Однако злоба дьяволов, бесновавшихся вокруг непрочной крепости, в которой он укрывался, превосходила все, что могло быть доступно его опыту и воображению. Если бы ему сказали, что ураган сейчас опрокинет весь остров в море, он поверил бы и этому.

И тут, покрывая рев бури, послышался ужасающий треск. Но определить, где он раздался – поблизости или вдалеке, было невозможно. И тотчас же погас свет.

Это мгновение полного мрака в разгаре бури было одним из самых страшных в жизни Джонни. Он чувствовал себя в сравнительной безопасности, пока видел, что друзья рядом, хоть и не мог говорить с ними. Теперь он ощущал себя одиноким в кричащей ночи, беспомощным, отданным силам природы, о существовании которых прежде не подозревал.

К счастью, темнота длилась только несколько секунд. Мистер Науру не ждал ничего хорошего и был наготове: он держал под рукой электрический фонарь, и, когда его луч рассеял мрак, Джонни увидел, что в комнате все осталось по-прежнему, и ему стало стыдно.

Жизнь продолжается даже во время урагана. Раз нельзя смотреть телевизор, младшие взялись за игрушки и книжки с картинками. Миссис Науру продолжала спокойно вязать, а муж ее принялся читать толстый том, изданный Всемирной продовольственной организацией; он углубился в отчет о состоянии рыболовства в Австралии, со множеством таблиц, статистических данных и карт. Мик расставил на доске шашки. Джонни не слишком хотелось сражаться с ним, но он понимал, что это единственный разумный выход.

Ночь тянулась долго. Иногда вой урагана чуть ослабевал и можно было бы расслышать человеческий голос, правда, для этого пришлось бы кричать. Но никто не делал такой попытки – о чем тут говорить?! Да и затишье длилось не подолгу, ураган скоро достигал прежней силы.

Около полуночи миссис Науру поднялась, скрылась в кухне и вернулась с кувшином горячего кофе, полудюжиной оловянных кружек и блюдом пирожков. Джонни подумал, что он ест, пожалуй, в последний раз. И все-таки пирожки ему понравились; поев, он опять принялся играть с Миком и проигрывал ему партию за партией.

Только к четырем утра, часа за два до восхода солнца, шторм стал утихать. Сила его медленно слабела, и он наконец перешел во все еще завывавший, но обыкновенный ветер. Ослабел и дождь, и затворникам больше не казалось,

что на дом низвергается водопад. В пять утра дом еще время от времени сотрясался под ударами ветра, но сила их уже была не та, что раньше. Это умирающий ураган испускал последние вздохи. А когда над потерпевшим бедствие островом взошло солнце, уже можно было осмелиться выйти из дома.

Джонни предполагал, что его ждет невеселое зрелище, и не ошибся. Пока он и Мик перебирались через десятки упавших деревьев, загромождавших знакомые тропинки, им то и дело попадались навстречу жители острова. Островитяне бродили в растерянности, как бродят в смятении горожане по родному городу, разрушенному бомбежкой. Многие были ранены, у некоторых голова обмотана бинтами, у других рука висит на перевязи… И все же никто не пострадал серьезно – сказалась тщательная, хорошо спланированная подготовка.

Ураган нанес лишь материальный ущерб. Все линии электропередачи были порваны, но исправить их – дело несложное. Куда более печально, что из строя выведена электростанция. Ее разрушило дерево. Ураган выворотил его с корнями, оно, кувыркаясь, пронеслось по воздуху добрую сотню метров и наконец ударилось о здание станции, как гигантская дубинка. Катастрофа не пощадила и вспомогательную дизельную установку.

И все же худшее было еще впереди. Среди ночи, опровергая все прогнозы, ветер изменил направление. Он задул с востока и атаковал остров со стороны, которая считалась защищенной. Половина рыболовного флота погибла в море, остальные суда выбросило на берег и разнесло в щепы. «Летучая рыба», полузатопленная, лежала на

боку. Судно еще можно было спасти, но для того, чтобы «Летучая рыба» смогла выйти в плавание, требовалось несколько недель труда.

Однако, несмотря на весь этот разгром и хаос, никто не выглядел подавленным. Сначала это поразило Джонни, но потом он понял, что ураганы – неотъемлемая часть жизни Большого барьерного рифа. Всякий, кто решился обосноваться там, должен быть готов уплатить за это цену, назначенную самой природой. А у тех, кого это не устраивало, оставался простой выход: они всегда могли переехать куда-либо в другое место.

Профессор Казан выразил ту же мысль другими словами, когда Мик и Джонни разыскали его у бассейна дельфинов, где он осматривал поваленную изгородь.

– Возможно, придется потерять с полгода, – сказал он. – Но мы свое наверстаем. Оборудование всегда можно заменить, незаменимы лишь люди и их знания. А мы сохранили и то, и другое.

– Что с ОСКАРОМ? – спросил Мик.

– Будет спать, пока мы снова не получим энергию и не разбудим его. Ячейки его памяти невредимы.

«Значит, какое-то время уроков не будет, – подумал Джонни. – Даже и этот злой ветер все-таки принес кое-что хорошее…»

Хорошее! Но он нанес и такой урон, который пока еще никто не мог оценить – никто, кроме сестры Тесси. Эта большая деловитая женщина как раз осматривала в полном отчаянии размокшие остатки медикаментов.

Еще кое-как она справлялась с простыми порезами, ушибами и даже переломами – этим она занималась с са-

мого рассвета. Но все более серьезное находилось за пределами ее возможностей. У нее не осталось ни единой целой ампулы пенициллина, ни единой ампулы, которой можно было бы доверять.

А холод и другие невзгоды, принесенные штормом, заставляли ее подумывать о простудах, лихорадке и, может быть, даже о более страшных болезнях. Что ж, ей надо, не теряя времени, затребовать по радио свежий запас медикаментов.

Она быстро составила список лекарств, которые, как она знала по опыту, понадобятся ей в ближайшие несколько дней, и побежала на узел связи. Там ее ждал второй удар.

Два обескураженных техника-электронщика калили на примусе свои паяльники. Вокруг них валялись перепутанные провода и ломаные стеллажи для инструментов, изувеченные сучьями панданус, пробившего крышу.

– Извини, пожалуйста, Тесс, – сказали они, – но если нам удастся установить связь с материком к концу недели, то и это будет чудом. А пока нам придется вернуться далеко назад – к дымовым сигналам.

Тесси призадумалась.

– Я не могу рисковать, – сказала она, – Необходимо отправить на материк судно.

Оба техника горько засмеялись.

– Слыхал, чего она хочет? – сказал один другому. – «Летучая рыба» лежит кверху килем, а все другие суда пришвартовались к деревьям посреди острова.

Выслушав эти сообщения, правда, немного – но совсем немного – преувеличенные, Тесси почувствовала себя бо-

лее беспомощной, чем когда-либо с тех пор, как она, еще совсем неопытная практикантка, получила ужасный нагоняй от сестры-хозяйки. Бедной Тесси оставалось надеяться лишь на то, что никто не заболеет, пока не восстановится связь.

Но к вечеру на одной из многих поврежденных ног, которые ей пришлось врачевать, появились признаки гангрены. А вскоре к ней пришел профессор, бледный и дрожащий.

– Измерь-ка мне температуру, Тесси, – сказал он. – У меня, кажется, жар.

Еще не наступила полночь, а ей уже стало ясно, что профессор заболел воспалением легких.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Весть, о том, что профессор Казан серьезно болен и лечить его нечем, вызвала больше тревоги, чем все убытки, причиненные ураганом. Тяжелее всех переживал известие Джонни.

Ведь остров – хоть он и не очень над этим задумывался – стал для него родным домом, которого он никогда не знал, а профессор заменил ему отца, которого он почти не помнил. Именно здесь он обрел чувство уверенности, к которому так давно и сильно, правда, подсознательно, стремился. Теперь это чувство оказалось под ударом, потому что никто не мог послать радиограмму через каких-нибудь сто миль морского пространства – и такое в век, когда спутники и планеты переговаривались между собой!

Всего лишь сотня миль! А ведь прежде чем попасть на остров, он сам проплыл больше…

Вспомнив об этом, Джонни вдруг понял – совершенно отчетливо, без всяких сомнений и колебаний, – что именно он должен сделать. Дельфины доставили его к острову, пускай теперь проплывут с ним остаток пути до материка.

Он был уверен, что Сузи и Спутник смогут, поочередно ведя на буксире аквaплан, преодолеть стомильное расстояние не больше чем за полсуток. Это подведет итог всем тем дням, которые они провели вместе, исследуя окраины рифа и охотясь. Рядом с друзьями-дельфинами он чувствовал себя на воде в полной безопасности. Они угадывали все его желания, даже без коммуникатора.

Джонни вспомнилась одна из их прогулок. Тогда с ними был и Мик. Сузи тащила тяжелый аквaплан, на котором сидел Мик, а Спутник буксировал небольшой аквaплан Джонни. Так они перебрались на соседний риф, окаймлявший остров Рек. До него было миль десять, и плыли они чуть подольше часа, причем дельфины не спешили.

А вдруг все, что он придумал, дурацкий самоубийственный бред? Посоветоваться можно только с Миком, он единственный, кто поймет. Любой другой островитянин, без сомнения, задержит его, если проведает о таком плане. Что ж, надо отправляться в плавание прежде, чем кто-нибудь узнает.

Мик отнесся к замыслу именно так, как и ждал Джонни. Совершенно серьезно, однако не обрадовавшись.

– Уверен, что это выйдет, – сказал он. – Но ты не должен плыть один.

Джонни покачал головой.

– Я уже думал, – ответил он. Действительно Джонни обдумал и это; в первый раз в жизни он порадовался тому, что так мал ростом. – Помнишь наши гонки? – сказал он Мику. – Много ли раз тебе удалось выиграть? Ты слишком большой и только задержишь нас.

Это была правда, которую Мик не мог отрицать. Даже более сильной Сузи не под силу тащить его с такой же скоростью, какую развивал Спутник с Джонни на буксире.

Потерпев поражение в одном пункте, Мик выдвинул новый аргумент.

– Прошло уже больше суток с тех пор как мы отрезаны от материка. Вот-вот кто-нибудь непременно прилетит посмотреть, что случилось, раз они не имеют от нас никаких известий. И ты будешь рисковать головой понапрасну.

– Это верно, – признался Джонни. – Но чья голова важнее – моя или профессора Казана? Если мы промедлим еще, может статься, что будет слишком поздно. А после такого урагана и на материке много дел. Чего доброго, минет целая неделя, прежде чем очередь дойдет до нас.

– Знаешь, что я тебе скажу, – заговорил Мик. – Давай готовиться, и если к тому времени, когда все закончим, помощь не явится, а профессору не станет лучше – обсудим окончательно.

– Ты никому не скажешь? – с тревогой спросил Джонни.

– Конечно, нет. Кстати, имеешь ли ты представление, где сейчас Сузи со Спутником? Ты уверен, что сумеешь разыскать их?

– Да, сегодня утром они подплывали к пристани, верно,

искали нас. Они откликнутся быстро, стоит только нажать клавишу с сигналом «на помощь!».

Мик принялся перечислять по пальцам, что нужно захватить с собой.

– Тебе понадобится фляга с водой, ну, знаешь, плоская, пластмассовая, немного консервов, компас, обычное подводное снаряжение – больше ничего не приходит на ум. Ах да, еще фонарик! Ты не успеешь проделать все путешествие за день.

– Я собирался отплыть около полуночи. Тогда в первую половину пути мне будет светить луна, а берега я достигну днем.

– Ты, видно, хорошо все обдумал, – сказал Мик, неохотно выражая свое восхищение. Он все еще надеялся, что план Джонни окажется ненужным – подвернется что-нибудь другое. Но если нет, что ж, он сделает все возможное, чтобы помочь товарищу.

Как все островитяне, мальчики должны были участвовать в аварийном ремонте и почти ничего не успели сделать днем. Да и когда стемнело, многие работы продолжались при неярком свете керосиновых ламп, поэтому Джонни с Миком смогли закончить свои приготовления только поздно вечером.

По счастью, никто не увидел, как они снесли меньший акваплан в гавань и спустили на воду среди перевернутых и разбитых судов. К аквaплану было привязано снаряжение и упряжь. Теперь оставалось только вызвать дельфинов и, конечно, убедиться, необходим ли самый отъезд.

Джонни протянул Мику браслет с коммуникатором.

– Попробуй-ка вызвать их, – сказал он. – А я сбегаю в госпиталь. Вернусь минут через десять.

Мик взял браслет и зашел поглубже в воду. На маленькой клавиатуре ярко светились буквы, но Мик не нуждался в надписях, он, как и Джонни, мог бы пользоваться прибором с завязанными глазами.

Мик погрузился в теплую влажную темноту и лег на коралловый песок. Он снова начал колебаться: еще есть время помешать Джонни. Можно не трогать клавиши, пусть коммуникатор молчит… А потом сказать, что дельфины не откликнулись… Все равно они вряд ли приплывут.

Нет, он не обманет друга даже для его блага, даже для того, чтобы он не рисковал жизнью. Оставалась одна надежда: сейчас Джонни прибежит в госпиталь и ему скажут, что профессор вне опасности.

И страшась, что ему придется жалеть о своем поступке всю жизнь, Мик нажал клавишу «на помощь!». Во мраке раздалось слабое гудение. Мик выждал пятнадцать секунд, потом опять нажал клавишу – еще и еще.

А Джонни – тот ни в чем не сомневался. Следуя за лучом фонарика сначала по пляжу, а затем по тропинке к главному зданию, он сознавал, что, может быть, его ноги ступают по Острову Дельфинов в последний раз. Возможно, он не увидит следующего рассвета. Бремя такого решения редко ложится на плечи мальчика его возраста, но Джонни охотно принял его. Он отнюдь не мнил себя героем, просто выполнял то, что считал своим долгом. Он был счастлив здесь, на острове, здесь он жил той жизнью, о какой можно только мечтать. За нее, за эту жизнь, он должен теперь бороться, а если нужно, то и рискнуть собой.

В маленьком госпитале, где год тому назад очнулся он

сам – жертва кораблекрушения, полусожженная солнцем, царила полная тишина. Окна плотно затянуты шторами, все, кроме одного. Оттуда струится желтый свет керосиновой лампы. Джонни не удержался и заглянул в освещенную комнату – это была дежурка. Сестра Тесси сидела за письменным столом и писала в большом журнале или дневнике. Вид у нее был вконец измученный. Вот она поднесла руки к глазам. Джонни обмер – сестра Тесси плакала. Если уж эта огромная стойкая женщина доведена до слез, значит, положение безнадежно. У Джонни сжалось сердце – вдруг он опоздал!

Нет, оказалось не так плохо, хоть и здорово плохо. Когда он, тихо постучав, вошел в дежурку, сестра Тесси тотчас же придала своему лицу профессионально бодрый вид. Скорее всего она просто вышвырнула бы за дверь любого, кто осмелился бы потревожить ее так поздно, но для Джонни в ее сердце всегда находился теплый уголок.

– Он очень болен, – сказала она шепотом. – Будь у меня нужные лекарства, я привела бы его в порядок за несколько часов. Но сейчас…

Она беспомощно пожала своими массивными плечами и добавила:

– У меня на руках не только профессор: двум другим больным непременно нужно ввести противостолбнячную сыворотку.

– Но они все-таки выкарабкаются? Даже если нам не придут на помощь? Как вы думаете? – прошептал Джонни.

Сестра Тесси не ответила, и молчание ее было красноречивее любых слов. Джонни не стал медлить, ждать больше нечего. Хорошо еще, что Тесси слишком устала и

даже не обратила внимания, когда он вместо «спокойной ночи», брякнул: «Прощайте!»

Джонни вернулся на пляж и увидел, что Сузи запряжена, а Спутник терпеливо ждет рядом с нею.

– Они были здесь уже через пять минут, – сказал Мик. – Я даже испугался, когда они вынырнули из темноты – никак не думал, что приплывут так быстро.

Джонни погладил мокрые и блестящие тела, и дельфины нежно потерлись о него. Он подумал, где и как они укрывались во время шторма, невозможно представить, чтобы живое существо могло уцелеть в волнах, бушевавших вокруг острова. За спинным плавником Сузи виднелся порез, раньше его не было, но в остальном буря, видимо, не причинила обоим дельфинам никакого вреда.

Фляга с водой, компас, фонарь, герметический контейнер с пищей, ласты, маска, дыхательный автомат – Джонни все осмотрел и проверил. Потом сказал:

– Спасибо, Мик, я скоро вернусь.

– Мне все-таки хотелось бы отправиться с тобой, – хрипло ответил Мик.

– Тревожиться не о чем, – сказал Джонни уверенно, хотя сам чувствовал, что прежняя уверенность начала его покидать. – Спутник и Сузи обо мне позаботятся, не так ли?

О чем тут еще говорить! Джонни взобрался на аквaплан, крикнул: «Пошли» – и помахал безутешному Мику, когда Сузи рванула аквaплан вперед.

И это было как раз вовремя: Джонни увидел свет фонарей, двигавшихся по пляжу. Исчезая в ночи, он пожалел Мика, которому придется расхлебывать кашу.

Может, именно с этого пляжа полтора века назад отплыла злосчастная железная бадья, в которой тщетно пыталась спастись Мэри Уотсон с младенцем и умирающим слугой. Как странно, что в век космических кораблей, атомной энергии, в век освоения других планет ему приходится почти так же покидать тот же остров!

А ведь, пожалуй, ничего удивительного тут нет. Как бы он мог подражать Мэри Уотсон, если бы никогда и не слышал о ее истории?! И если он добьется успеха, значит, она умерла не понапрасну на том пустынном рифе, в сорока милях к северу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Джонни предоставил дельфинам самим прокладывать курс, пока они не миновали риф. Их удивительная система звуковой локации, которая позволяла улавливать наполнявшие темное море отзвуки, недоступные слуху Джонни, точно указывала им, где они находятся. Она предупреждала дельфинов обо всех препятствиях, обо всех крупных рыбах в радиусе тридцати метров. За миллионы лет до того, как люди изобрели радиолокацию, у дельфинов – да и у летучих мышей – она уже была совершенной, разработанной во всех деталях. Правда, они пользовались не радиоволнами, а звуковыми колебаниями, но принцип был тот же.

Море покрывали барашки, но волнение было не очень сильным. Иногда до Джонни долетали брызги, и время от времени аквaплан зарывался носом в волну; в общем мальчик продвигался вперед по поверхности моря, не ис-

пытывая неудобств. В темноте было трудно судить о скорости хода. А когда он зажигал фонарь, казалось, будто волны проносятся мимо него с огромной быстротой. Однако Джонни знал, что намного больше десяти миль в час они делать не могут.

Джонни посмотрел на часы. Прошло всего пятнадцать минут, но когда он оглянулся назад, никаких следов острова уже не было заметно. Он надеялся еще увидеть огни, но и огни исчезли. Целые мили отделяли его теперь от суши. Он несся сквозь мрак ночи к цели, которую сам поставил перед собой. А ведь всего год назад, скажи ему такое, он насмерть бы перепугался. Сейчас он не боится, во всяком случае, может подавить свой страх, потому что знает – рядом друзья, и они сумеют защитить его.

Пора ложиться на курс. Это не проблема! Если плыть на запад, хоть приблизительно на запад, раньше или позже наткнешься на австралийское побережье, растянувшееся на тысячи километров. Взглянув на компас, он с удивлением обнаружил, что нет никакой надобности менять курс. Сузи сама держала прямо на запад.

Могло ли быть более яркое и убедительное доказательство ее ума?! Одного только сигнала «на помощь!», поданного Миком, оказалось достаточно. Незачем было указывать ей то единственное направление, откуда можно ждать помощи; она уже знала этот путь, как знала, вероятно, каждый сантиметр береговой линии Квинсленда.

А вот плывет ли она со всей быстротой, на какую способна, – неизвестно. Джонни не мог решить: предоставить ли это на ее усмотрение или постараться объяснить ей срочность их путешествия? Поколебавшись, он сказал себе: «Пожалуй, имеет смысл нажать на клавишу „быстрее“».

Нажал и тотчас почувствовал плавный рывок аквапла-на. Он, разумеется, не знал, насколько возросла быстрота их движения. С него хватило и легкого ощущения уско-рения. Теперь он обрел уверенность, что Сузи осознала, о чем он ее просил, и плывет с максимальной скоростью. Если он станет настаивать на большем, Сузи скоро устанет.

Ночь была очень темная. Луна еще не взошла, а низко нависшие облака – остатки бури – почти совсем закрывали звезды. Не было даже обычного фосфорического сияния моря: быть может, светящиеся обитатели глубин все еще не оправились после урагана – чтобы снова заблестеть, им нужно сначала успокоиться. А Джонни так хотелось опять увидеть это знакомое слабое свечение! Все-таки он испы-тывал какой-то трепет, мчась вот так, очертя голову, сквозь непроглядную ночь. Что, если им навстречу катится ги-гантский водяной вал или на их пути встал невидимый утес и они несутся прямо на него? А он, Джонни, ничем не за-щищен, и от его носа до поверхности воды всего ка-ких-нибудь семь-восемь сантиметров! Как ни верил он в Сузи, а страхи временами одолевали его, и Джонни при-ходилось сражаться с ними.

Какое же облегчение испытал он, когда на востоке появились первые бледные отблески лунного света. Толща облаков скрывала луну, но отраженный блеск ее все же разлился в окружающем мраке. Этот блеск был еще так неярок, что различить что-нибудь кругом не удавалось. Но линия горизонта вырисовывалась вдали, и одно это уже успокаивало. Наконец Джонни увидел собственными гла-зами, что впереди нет ни утесов, ни рифов. Органы чувств Сузи были развиты куда лучше, чем зрение Джонни, как бы

ни напрягал он свои глаза, зато теперь он хоть не чувствовал себя совершенно беспомощным.

Сейчас под ними была настоящая глубина, и неприятная зыбь, качавшая аквaплан в начале путешествия, осталась позади. Они скользили навстречу медленно катящимся валам, незаметно взбираясь на гребни, расстояние между которыми составляло сотни метров. О высоте их судить было трудно. Из-за того, что Джонни лежал плашмя, они, конечно, казались гораздо выше, чем на самом деле.

Сузи долго поднималась по длинному пологому склону, затем аквaплан на мгновение повисал на вершине движущегося водяного холма и наконец несся вниз, в распадок. И все начиналось сначала. Джонни давно приспособился к этим подъемам и спускам, ритмично перемещая центр тяжести своего тела на аквaплане. Делал он это бессознательно, как велосипедист на неровной местности.

Вдруг из-за туч вырвался полумесяц – луна была на ущербе. Впервые за все путешествие взгляд Джонни объял целые мили окружавшей его воды, мир огромных волн, медленно уходивших в ночь. В свете луны их гребни отливали серебром, и от этого провалы между ними казались совсем черными. Стремительные спуски аквaплана в темные долины и медленные подъемы на пики движущихся гор напоминали чередование дня и ночи, ночи и дня.

Джонни посмотрел на часы, они плыли уже без малого четыре часа. Это означало, что они в лучшем случае прошли сорок миль и что уже близок рассвет. Расчеты помогли ему отогнать сон. До этого он дважды задремывал, падая с аквaплана, и просыпался, барахтаясь в воде. А это не

очень-то приятно – плавать в темноте и ждать, пока Сузи сделает разворот и подберет тебя.

Понемногу небо на востоке светлело. Джонни оглянулся – ему хотелось поймать первые лучи солнца – и вспомнил тот давний рассвет, который он видел с борта гибнущей «Санта-Анны». Каким беспомощным чувствовал он себя тогда, и как нещадно жгло его потом солнце! Теперь он был спокоен и уверен в себе, хотя от того места, где он находился, до суши было пятьдесят миль в обе стороны. А солнце больше не могло повредить ему, оно уже давно сделало его кожу темной, смугло-золотистой.

Быстро наступивший рассвет прогнал ночь. Джонни почувствовал спиной тепло нового дня и нажал клавишу «стоп».

Пора было дать Сузи отдохнуть и позавтракать, пусть поохотится. Он соскользнул с аквaплана, проплыл немного вперед, чтобы снять с нее упряжь, и Сузи, почувствовав себя свободной, радостно подпрыгнула в воздух и помчалась прочь. Спутника нигде не было видно, он, верно, где-то промышлял рыбу сам по себе. Но Джонни не сомневался – стоит его позвать, и он будет тут как тут.

Джонни сдвинул на лоб маску, в которой пробыл всю ночь, чтобы защитить глаза от брызг, и уселся на краю слегка покачивавшегося на волнах аквaплана. Съев банан, два пирожка с мясом и глотнув апельсинового сока, он счел себя сытым. Остальная еда пригодится попозже. Даже если все пойдет хорошо, путешествие продлится не меньше пяти-шести часов.

Он дал дельфинам еще пятнадцатиминутный отдых, да и сам в это врем спокойно лежал на мирно колыхавшемся аквaплане. Потом он нажал клавиши вызова и стал ждать.

Минут через пять он слегка встревожился. За время остановки дельфины могли сделать мили три. Но не уплыли же они так далеко! И тут же он успокоился, потому что увидел знакомые очертания спинного плавника, который разрезал волны, приближаясь к нему.

Но уже через мгновение Джонни поспешно поднялся и сел. Очертания плавника недаром показались ему знакомыми, но это было совсем не то, чего он ждал, – плавник принадлежал касатке.

Считанные секунды, пока Джонни глядел в лицо своей внезапной смерти, несшейся к нему со скоростью тридцати узлов, показались ему вечностью. Тут ему пришла в голову мысль, несколько успокоившая его и позволившая забрезжить надежде. Касатка приплыла на его сигнал: неужели это…

Так оно и было. Когда огромная голова вынырнула метрах в пяти от него, Джонни увидел обтекаемую коробку контрольного устройства, все еще крепко державшуюся на массивном затылке.

– Здорово же ты меня напугала, Снежинка, – сказал он, переведя дух. – Пожалуйста, не делай так больше.

Даже и сейчас он не был твердо уверен в безопасности. По последним сведениям, Снежинка по-прежнему соблюдала строго рыбную диету – никаких жалоб от дельфинов не поступало. Но ведь он-то не дельфин! И не Мик!

Аквaплан сильно закачался, едва Снежинка потерлась об него, и Джонни чуть не полетел в воду. Но это было ласковое прикосновение, самое ласковое из всех, на какие была способна пятиметровая разбойница, и, когда она повернулась, чтобы повторить тот же маневр с другой сторо-

ны, Джонни почувствовал себя гораздо лучше. Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что касатка настроена дружелюбно, и Джонни про себя горячо поблагодарил Мика.

Все еще немного встревоженный, он протянул руку и похлопал по спине Снежинку, которая тихо проплыла мимо, казалось, не делая никаких усилий. Кожа у нее была эластичная, словно резиновая, – такая же, как у дельфинов, что, разумеется, вполне естественно. Но разве поверишь, что эта гроза морей – тот же дельфин, только побольше!

Ей, видно, понравилось немножко нервное прикосновение руки Джонни, потому что она вернулась, чтобы он снова ее погладил.

– Верно, тебе скучно в одиночестве? – сочувственно сказал Джонни. И тут же застыл, охваченный ужасом.

Снежинка совсем не томилась одиночеством, ей не приходилось скучать. К ним, не торопясь, приближался ее приятель, метров этак десяти длиной.

Только самцу касатки и мог принадлежать этот огромный спинной плавник, высотой с рослого мужчину. Огромный черный треугольник, напоминавший парус, неторопливо двигался к аквaплану, на котором сидел оцепеневший Джонни. Одна мысль мелькала в его голове: «Тебя-то не кондиционировали, ты не резвился в бассейне рядом с Миком!»

Самец был, несомненно, самым крупным из всех виденных Джонни касаток – чуть ли не с судно величиной! Снежинка рядом с ним казалась просто обыкновенным дельфином. Но хозяйкой положения была все же она. Пока ее огромный супруг медленно патрулировал вокруг аква-

плана, она кружила по внутренней орбите, все время держась между ним и Джонни.

Вот он остановился, выставил голову чуть ли не на два метра над водой и через спину Снежинки посмотрел прямо на Джонни. В этих глазах светились голод, ум и жестокость – так, по крайней мере, представилось взволнованному Джонни – и уж, во всяком случае, в них не было и намека на дружелюбие. Кроме того, самец неотвратимо приближался по пологой спирали к аквaплану; через несколько минут он прижмет к нему Снежинку.

Однако Снежинка мало считалась с его замыслами. Когда он оказался уже в трех метрах от Джонни, заслонив собой весь мир, она вдруг бросилась на него и резко толкнула в бок. Джонни хорошо расслышал звук, отдавшийся под водой. Таким ударом свободно можно проломить борт лодки!

Приятель Снежинки понял *легкий намек* и, к неописуемому облегчению Джонни, отплыл подальше. Метрах в пятнадцати от аквaплана между этой парочкой снова возникли разногласия, в результате которых последовала новая затрещина. Тем дело и кончилось. Через несколько минут Снежинка и ее поклонник, держа курс прямо на север, исчезли из виду. Провожая их взглядом, Джонни подумал, что вот сейчас, на его глазах, свирепое чудовище стало покорным мужем, находящимся, как говорится, под башмаком у жены. Она попросту запретила ему закусить немножко между завтраком и обедом. «Закуска», о которой шла речь, почувствовала горячую благодарность к Снежинке.

Долго еще Джонни неподвижно сидел на аквaплане,

пытаясь унять нервный озноб. Он был испуган, как никогда в своей жизни. И даже не стыдился этого – было чего испугаться! Наконец, он перестал то и дело оглядываться через плечо, ожидая опасности сзади, он снова обрел способность здраво рассуждать. И первым вопросом было: «Где Сузи и Спутник?»

Не видать и следа. Впрочем, это не удивляло Джонни. Дельфины, без сомнения, обнаружили касаток и разумно держались в стороне. Даже если они доверяли Снежинке, у них хватило сообразительности не приближаться к ее другу.

Неужели страх заставил их совсем уплыть или – какая ужасная мысль! – их проглотили касатки? Если они не вернутся, Джонни конец! Ведь до берега Австралии уж никак не меньше сорока миль.

Он боялся снова нажать клавишу вызова. Могли вернуться касатки, а Джонни ни за что не хотелось опять пережить все сначала, даже при условии счастливого конца. Оставалось сидеть и ждать, не покажется ли где вдали спинной плавник нормальных размеров – не больше тридцати сантиметров высотой.

Протекли еще пятнадцать бесконечных минут. И вот с юга показались Спутник и Сузи. Они, верно, пережидали, пока минет гроза. Встреча с дельфинами принесла Джонни больше радости, чем свидание с любым из людей. Соскользнув с упряжью в воду, он похлопывал их по спинам, осыпал всяческими ласками, которые они так любили, и без конца говорил с ними, как будто они могли его понять. Впрочем, дельфины и вправду понимали его. Хоть они знали всего несколько английских слов, зато прекрасно

чувствовали интонации голоса Джонни. Они всегда различали, доволен он или рассержен, а сейчас, без сомнения, полностью разделяли с ним радость миновавшей угрозы.

Джонни застегнул пряжки на сбруе Спутника, проверил, свободны ли дыхало и плавники, потом взобрался на аквaплан. Как только он поудобнее улегся на животе и установил равновесие. Спутник тронулся с места.

Но двинулся он не к западу – в сторону Австралии, а направился к югу.

– Эй! – воскликнул Джонни. – Ты куда?

И тут же, вспомнив о касатках, сообразил, что в конечном счете это неплохая идея. Он не станет мешать Спутнику делать по-своему. Посмотрим, что из этого выйдет.

Они неслись быстро, быстрее чем когда-нибудь доводилось Джонни на аквaплане. Трудно, конечно, определить скорость, находясь так низко над водой, но Джонни не удивился бы, узнав, что они делают пятнадцать узлов. Спутник выдерживал такую скорость минут двадцать. Потом, как и предполагал Джонни, они повернули на запад, оправдав его надежды. Теперь не понадобится особого везения, чтобы беспрепятственно достигнуть Австралии.

Время от времени Джонни все же оглядывался, чтобы проверить, не преследуют ли их, но монотонной пустоты оставшегося за ними пространства ни разу не взбороздил высокий спинной плавник.

Только однажды в нескольких сотнях метров от них из воды вдруг выскочил большой скат – морской дьявол. Он повис на мгновение в воздухе, как гигантская летучая мышь, а потом плюхнулся обратно с таким шумом, что его,

вероятно, можно было бы услышать за несколько миль. И во всю вторую половину пути это было единственное проявление жизни, которой был полон океан.

Ближе к полудню Спутник замедлил ход, но продолжал добросовестно тянуть аквaплан. Джонни не хотел делать больше остановок, пока не покажется берег; тогда он снова запряжет Сузи – к этому времени она хорошо отдохнет. Если его расчеты верны, до берега Австралии остается не более десяти миль и он вот-вот покажется.

Джонни вспомнил, как впервые увидел Остров Дельфинов, тогда все было похоже на сегодняшний день и в то же время совсем не похоже. Остров напоминал маленькое облачко у горизонта, трепетавшее в мареве. Теперь Джонни приближался не к острову, а к обширному материку, береговая линия которого протянулась на тысячи километров. Даже самый плохой штурман едва ли миновал бы такую цель, а у Джонни их было два, и притом великолепных. Тревожиться нечего, но его начинало одолевать нетерпение.

Берег открылся перед ним, когда необычайно высокая волна приподняла аквaплан. Аквaплан на миг замер на гребне, и Джонни, невольно посмотрев вдаль, увидел белую линию, доходившую до самого горизонта.

У него захватило дыхание, кровь прилила к щекам. Всего час или два пути отделяют его от берега, где он найдет безопасность для себя и помощь для профессора. Его долгое путешествие по океану с дельфинами в упряжке подходило к концу.

Минут тридцать спустя большая волна дала ему возможность лучше разглядеть берег, лежавший впереди. И

тут он понял, что море еще не кончило играть с ним; самое тяжелое испытание было впереди.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ураган отбушевал два дня назад, но море все еще помнило его. По мере приближения к берегу Джонни стал различать отдельные деревья, дома и бледно-синие вершины холмов в глубине материка. Но он увидел также и огромные волны впереди. Не только увидел, а и услышал. Воздух был наполнен их громом; вдоль всего побережья, с севера на юг к суше неслись целые горы с белыми шапками пены. В трех сотнях метров от суши они ударялись о подводный уступ. Подобно человеку, который спотыкается и чуть не падает, они набирали скорость, опрокидывались на берег и, набежав на него, оставляли за собой клубящиеся облака пены. Джонни тщетно искал какой-нибудь проход в этих живых гремящих стенах воды. Но насколько он мог судить – привстав на аквaплане, он охватывал взглядом несколько километров побережья, – полоса прибоя повсюду была одинаковой. Можно, конечно, попробовать поискать какую-нибудь защищенную бухту или речное устье, где высадиться будет безопаснее. Нет, лучше идти напролом да побыстрее, пока его не покинула решимость.

Джонни знал об одном виде спорта – катании на волнах, серфинге. Но никогда до сих пор он не пробовал этим заниматься. На Острове Дельфинов плоское коралловое плато близко подходило к берегу, там не было пологого дна, по которому разгоняются волны, набегая на берег. Там кататься было негде. Но Мик часто с энтузиазмом объяснял

ему технику серфинга, или, как он говорил, «ловли волны». Как будто не такое уж это сложное дело. Нужно продержаться какое-то время в том месте, где волны начинают загибать гребни перед тем как рассыпаться, выбрать волну повыше и грести словно бешеному. А потом, несясь на гребне, надо только держаться за доску покрепче и молиться, чтоб тебя не сбросило. Остальное сделает волна.

Вроде бы совсем просто, но сумеет ли он? Джонни вспомнил глупую шутку: «Умеешь играть на скрипке? – Не знаю, никогда не пробовал». Здесь-то неудача может быть куда серьезнее, чем несколько фальшивых нот.

В полумиле от суши он подал Сузи сигнал остановиться и отстегнул ее упряжь. Затем с сожалением обрезал постромки, прикрепленные к аквaплану; ни к чему им путаться вокруг, когда он станет штурмовать полосу прибоя. Упряжь стоила ему немалых трудов, и ужасно не хотелось ее выбрасывать. Но он помнил слова профессора Казана: «Оборудование всегда можно заменить». Упряжь таит опасность, и ею придется пожертвовать.

Оба дельфина продолжали плыть рядом, пока он двигался к берегу, подталкивая аквaплан ногами в ластах, но теперь они уже не могли ему помочь. Джонни подумал, что даже эти замечательные пловцы едва ли уцелеют в кипящем водовороте, который ждал его впереди. Море часто выбрасывало дельфинов на такие вот берега, и он не хотел подвергать Сузи и Спутника опасности.

Участок, к которому он приближался, показался Джонни приемлемым для высадки. Здесь буруны пенились почти параллельно берегу, не было и отраженных волн, вызывающих завихрения. К тому же на берегу маячили

люди, следившие за полосой прибоя с верхушек невысоких песчаных дюн. Может, эти люди уже заметили его; в случае чего они помогут ему выбраться на берег.

Он поднялся и замахал руками, хотя на такой зыбкой опоре, как аквaплан, это была делом нелегким. Да, они заметили! Маленькие фигурки вдруг пришли в движение, вытянули руки, указывая друг другу на него.

Но тут Джонни разглядел кое-что, не доставившее ему удовольствия. Там, на берегу, было по крайней мере дюжина досок для серфинга. Некоторые из них покоятся на автоприцепах, другие воткнуты в песок. Столько штук на суше и ни одной в море! Мик достаточно часто говорил ему, и Джонни это запомнил, что австралийцы – лучшие в мире пловцы, безразлично – с плавательными досками или без них. Вон они стоят и терпеливо ждут доброго часа, приготовив снаряжение. Но ближе не идут, понимают, что при таком волнении лучше не соваться. Подобное зрелище отнюдь не вдохновляло человека, собирающегося впервые преодолеть полосу прибоя.

Он медленно греб, все отчетливее слыша нарастающий рев впереди. До сих пор волны, обгонявшие его, чередовались равномерно, их верхушки были сглажены, но вот их гребни побелели. Всего лишь в сотне метров впереди водяные валы начинали загибаться и с громом обрушивались на берег. Но здесь, на ничейной земле, между бурунами и открытым морем, он находился еще в безопасности. Где-то в двух или четырех метрах под ним волны, беспрепятственно прошедшие по океану тысячи миль, вдруг чувствовали, как их притягивает, тащит к себе суша. Еще несколько секунд они жили, а потом прощались с жизнью, с шумом разбиваясь о берег.

Некоторое время Джонни поднимался и опускался у внешнего края белой пенной полосы, пристально следя за волнами, запоминая места, где они начинали разбиваться, ощущая их мощь, но не поддаваясь ей. Раз или два он чуть не ринулся вперед, но инстинкт или осторожность удержали его. Он знал – глаза и уши прямо говорили ему об этом, – что рискнуть можно только один раз.

Люди на берегу тревожились все больше. Они махали ему руками, показывая на море. Куда это они его посылают? Обратно, в океан? Джонни нашел этот совет глупым. Но тут же сообразил, что они хотят помочь ему – предостерегают от волн, которые ловить не следует. А раз, когда он уже собрался грести, далекие наблюдатели призывно замахали, чтоб он шел вперед, но в последний миг мужество покинуло Джонни. Проследив, как упущенная им волна ровно накатила свою пену на берег, он понял, что нужно было следовать их совету. Они знатоки, прекрасно изучили свой берег. В следующий раз он поступит, как они велят.

Он направил аквaплан точно на берег, а сам, оглядываясь через плечо, следил за бегущими волнами. Одна волна, едва поднявшись из моря, начала свертывать свой гребень, и белая пена закипела на нем.

Джонни бросил беглый взгляд на берег – танцующие фигурки отчаянно жестикулировали, приказывая грести вперед. Настал его час.

И он стал грести изо всех сил, думая лишь о том, как выжать из аквaплана всю скорость, на какую тот способен. Но аквaплан повиновался неохотно, и Джонни казалось, что он едва ползет. Оглянуться Джонни не решался, но

знал, что вздымающаяся волна нагоняет его, – слышал, как с каждой секундой нарастал, приближаясь, ее рев.

Наконец волна подхватила аквaплан, и его отчаянные попытки грести оказались жалкими и совершенно ненужными. Он находился во власти неодолимой силы, такой мощной, что его ничтожные усилия не могли ни помочь, ни помешать ей. Оставалось только подчиниться этой силе.

Джонни охватило вдруг чувство удивительного покоя; аквaплан сделался устойчивым, как будто катился по рельсам. И хотя это несомненно было иллюзией, ему даже показалось, что наступила тишина, а шум и грохот остались позади. Единственной реальностью, воспринимаемой им, была пена, шипевшая вокруг него, накрывавшая его с головой, слепившая ему глаза.

Джонни был как всадник, которого несет без седла и узды пойманный им конь, а грива хлещет ему в лицо, и он ничего не видит перед собой.

Аквaплан оказался построенным на славу, а чувство равновесия у Джонни всегда было отличным, и он все время удерживался на гребне волны. Он инстинктивно отклонялся назад и вперед на какой-нибудь сантиметр, а то и меньше, регулируя центр тяжести и сохраняя вместе с аквaпланом горизонтальное положение. Вскоре он снова начал видеть – пена покрывала его теперь только до пояса; голова и плечи освободились от свистящих летучих брызг, и лишь ветер дул ему в лицо.

Это было неудивительно, ведь он несся со скоростью не меньше тридцати-сорока миль в час. Даже Сузи или Спутник, даже сама Снежинка не могли бы развить такую скорость. Он балансировал на гребне волны столь огром-

ной, что не поверил бы прежде, что такие бывают; когда он взглядывал вниз, в изножье волны, у него кружилась голова.

До берега оставалась какая-нибудь сотня метров, и волна начала переворачиваться, перед тем как разбиться вдребезги. Джонни знал, что это самый опасный момент. Если волна накроет его сейчас, она грохнет его о дно.

Он почувствовал, что акваплан под ним начинает качаться и зарываться носом. Сейчас он ринется вниз с этой головокружительной высоты, и с Джонни будет покончено. Волна, которую он оседлал, была более могучей и опасной, чем любое морское чудовище. Если не удастся замедлить бег акваплана, он слетит под обрыв водяной скалы, а нависающая толща волны будет расти и расти, пока наконец вся не обрушится на него.

Очень осторожно он переместил тяжесть своего тела назад. Нос акваплана медленно поднялся. Но Джонни не осмеливался отодвинуться еще дальше, он знал, что может соскользнуть с плеч этой волны и тогда следующая сотрет его в порошок. Ему нужно было поддерживать полное, хотя и шаткое равновесие на самой вершине этой горы пены и ярости.

И вот гора под ним начала опускаться, и он опускался вместе с ней, по-прежнему балансируя на акваплане. Волна становилась более пологой, превратилась сначала в холм, а потом в холмик движущейся пены: противодействие берега лишило ее силы. Акваплан еще продолжал стремиться вперед сквозь теперь уже бесцельное кипение.

Он летел к берегу, как стрела, увлекаемый силой собственной инерции. Внезапный толчок, медленное змеиное

скольжение – и Джонни увидел перед собой уже не зыбкую воду, а неподвижный песок.

Сильные руки сейчас же подхватили его и поставили на ноги. Кругом раздавались голоса, но он все еще был оглушен ревом моря и улавливал только отдельные фразы: «Сумасшедший молодой дурак!», «Повезло, что жив остался!», «Это не из наших ребят!»

– Со мной все в порядке, – пробормотал Джонни.

Освободившись от поддерживавших его рук, он повернулся к морю, чтобы посмотреть, не видно ли где-нибудь за чертой бурунов Спутника и Сузи. Но сейчас же забыл о них, потому что то, что он увидел, потрясло его.

Глядя на громады волн, которые, бурля и дымясь, неслись к нему, он осознал, через что прошел. Никто не мог бы пройти через такое дважды! Ему выпала большая удача. Он уцелел.

Нервы сдали. Ноги у Джонни подкосились, и он возблагодарил судьбу за то, что мог сесть и уцепиться двумя руками за твердую гостеприимную австралийскую землю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

– Можете войти, – сказала сестра Тесси, – но помните, только на пять минут. Он еще не окреп и не успел отдохнуть от предыдущего посетителя.

Джонни знал все это. Два дня назад на остров высадилась *миссис* Казан. «Вроде отряда казаков», – сказал кто-то. И право, это было лишь небольшим преувеличением. Она предприняла энергичные попытки утащить профессора в Москву для лечения, и потребовались вся решимость Тесси

и все коварство профессора, чтобы противостоять ей. Однако угроза поражения по-прежнему висела над ними. Одержать победу помог врач, ежедневно прилетавший с материка. Он строго-настрого запретил перевозить больного, по крайней мере еще неделю. Поэтому миссис Казан отбыла в Сидней. Ей хотелось поглядеть, что может предложить Австралия по части культуры, а теперь это было очень многое. Она уехала, обещав вернуться ровно через неделю.

Джонни на цыпочках вошел в палату. Он с трудом разглядел профессора Казана, который лежал в постели, зарывшись в книги, и даже не заметил, что к нему пришли. Пожалуй, только через минуту профессор обратил внимание на посетителя. Он поспешно положил книгу, которую читал, и протянул ему руку.

– Я так рад видеть тебя, Джонни, спасибо за все. Ты сильно рисковал.

Джонни не отнекивался. Риск был куда большим, чем он предполагал, покидая Остров Дельфинов неделю тому назад. Если бы он знал, то, может быть… Но он это сделал, а все остальное не имело значения.

– Я рад, что поехал, – ответил он просто.

– И я тоже, – сказал профессор. – Сестра говорит, что вертолет Красного Креста чуть не опоздал.

Наступило долгое неловкое молчание. Затем профессор Казан снова заговорил, уже не так серьезно.

– Как тебе понравились квинслендцы?

– Чудесные люди! Они долго не хотели верить, что я приплыл с Острова Дельфинов.

– Меня это не удивляет, – сказал профессор, – Чем ты там занимался?

– Не помню уж, в скольких радио – и телепередачах мне пришлось выступать – все это мне порядком надоело. Самое лучшее было носиться по бурунам. Когда море успокоилось, они взяли меня с собой и обучили всем своим штукам. Теперь, – добавил он с гордостью, – я являюсь пожизненным почетным членом квинслендского клуба любителей серфинга.

– Прекрасно, – несколько рассеянно ответил профессор.

Джонни понял – он что-то задумал. Так оно и было.

– Вот что, Джонни, – сказал профессор, – все эти дни, пока я лежал здесь, у меня было достаточно времени на размышления. И я принял целый ряд решений.

Это звучало довольно зловеще, и Джонни с беспокойством подумал о том, что его ждет.

– В особенности, – продолжал профессор, – тревожит меня твое будущее. Тебе уже семнадцать, и пора посмотреть вперед.

– Вы же знаете, профессор, что я хочу жить здесь, – сказал, сразу расстроившись, Джонни. – Все мои друзья на острове.

– Знаю. Но остается нерешенной важная проблема – твое образование. ОСКАР может помочь тебе пройти лишь часть пути. Если хочешь приносить пользу, тебе придется избрать специальность и развивать все способности, которые тебе отпущены. Ты со мной не согласен?

– Должно быть, вы правы, – ответил Джонни без энтузиазма. «Куда это профессор гнет?» – подумал он.

– Я предлагаю, – сказал профессор, – чтобы со следующего семестра ты поступил в Квинслендский универ-

ситет. Не расстраивайся, это же не другой конец света. Брисбен всего лишь в часе пути отсюда, и ты можешь прилетать каждую субботу. Нельзя же провести всю свою жизнь, занимаясь легководолазным спортом в окрестностях рифа!

Джонни подумал, что он не прочь жить именно так, но в глубине души понимал, что профессор прав.

– У тебя уже есть некоторые навыки и тяга к нашему делу. А это нам очень нужно, – сказал профессор Казан. – Но тебе все еще не хватает дисциплины и знаний – то и другое ты приобретешь в университете. Тогда ты сможешь по-настоящему помочь в осуществлении моих планов на будущее.

– Каких планов? – спросил Джонни, уже не так горестно, как только что.

– Да ведь ты знаешь о них. Все они сводятся к одному: сотрудничество людей и дельфинов к выгоде обеих сторон. За последние месяцы мы установили, что многое можем делать сообща, но это только самое начало. Рыболовство, добыча жемчуга, спасательные операции, патрулирование побережья, осмотр потерпевших крушение судов, водный спорт – о, есть сотни дел, в которых дельфины могут нам помочь! А существуют еще вещи куда более значительные…

Профессор Казан чуть не проговорился о космическом корабле, затонувшем в доисторические времена. Но удержался, они с Кейтом решили никому не говорить об этом, пока не получат более достоверных сведений. Это была козырная карта, и сыграть ею следовало только в подходящий момент. Когда он почувствует нехватку средств, он

ознакомит Управление космических исследований с этим образцом дельфиньей мифологии и будет ждать притока долларов…

Голос Джонни вернул его к действительности.

– А что будет с касатками, профессор?

– Это проблема будущего. Так просто ответить на твой вопрос сейчас нельзя. Воспитание электричеством – только одно из орудий, к которым нам придется прибегнуть, когда мы разработаем наилучшую линию поведения по отношению к касаткам. Но мне кажется, что я уже знаю окончательное решение.

Он указал на низенький столик у противоположной стены палаты.

– Принеси этот глобус, Джонни.

Джонни принес большой земной глобус, и профессор стал вертеть его вокруг оси.

– Смотри сюда, – сказал он. Я подумываю о заповедниках: «Только для дельфинов, касаткам вход воспрещен». Очевидно, начинать надо со Средиземного и Красного морей. Понадобится только стомильная *перегородка*, чтобы отделить эти моря от океанов и сделать безопасными для дельфинов.

– Перегородка? – недоверчиво спросил Джонни.

Профессор довольно усмехнулся. Несмотря на предупреждение сестры, он был способен проговорить несколько часов подряд.

– О, я имею в виду не проволочную сетку или какой-нибудь прочный барьер. Но когда мы достаточно изучим язык касаток, оркан, мы сможем использовать подводные звукоизлучатели. Пусть себе пасутся, не суясь

куда не надо! Несколько излучателей в Гибралтарском проливе, несколько других в Аденском заливе – и в обоих морях дельфины будут жить припеваючи. А позднее нам, может быть, удастся отгородить Тихий океан от Атлантического, отдав один из них дельфинам, а другой касаткам. Видишь, от мыса Горн недалеко до Антарктики, управиться с Беринговым проливом легко. Трудно перегородить только пространство к югу от Австралии. Китобои давно уже о таком мечтают, и рано или поздно придется приступить к делу.

Профессор улыбнулся, заметив изумление на лице Джонни, и как бы вернулся на землю.

– Если тебе показалось, что половина моих идей безумна, ты не ошибся. Но неизвестно, какая половина, именно это и предстоит выяснить. Теперь ты понимаешь, почему я хочу, чтобы ты шел в университет? Я действую столько же из собственных эгоистических соображений, сколько ради твоей пользы.

Джонни кивнул в ответ, но не успел ничего сказать, так как дверь открылась.

– Я предупреждала – пять минут, а вы разговариваете уже больше десяти, – заворчала сестра Тесси. – Уходи сейчас же. А вам я принесла молоко.

Профессор Казан произнес несколько слов по-русски; тон их не оставлял сомнений, что молоко ему явно не по вкусу.

И все же он начал его пить, а Джонни в глубокой задумчивости вышел из палаты.

Он спустился к берегу по узкой тропе, вившейся среди леса. Сваленные ветром деревья убрали, и ураган казался страшным сном, которого не было и не могло быть наяву.

Начался прилив, вода поднялась над рифом на шестьдесят-девяносто сантиметров. Дул легкий бриз и причудливо играл с поверхностью воды. Местами она оставалась неподвижной, маслянистой, спокойной, как зеркало. Местами ее испещряли миллиарды непрерывно менявших очертания маленьких трещин, блестевших и сверкавших как бриллианты под солнечными лучами.

В это утро риф был чарующе красивым и мирным, последний год он заменял Джонни весь свет. Но теперь юношу влек иной, широкий мир неоглядным горизонтом.

Предстоящие ему годы учения больше не казались тягостными. Его ждет нелегкий труд, но зато и много радости. Ему надо столько узнать о море.

И о морском народе, с которым он подружился.

БОЛЬШАЯ ГЛУБИНА

Майку, который привел меня в море

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В этом романе я высказываю предположения о предельных размерах некоторых морских животных, которые могут быть оспорены биологами. Не думаю, однако, чтобы против меня ополчились подводные исследователи, – они часто встречают рыб, во много раз больших, чем самые крупные известные особи.

Описание острова Герон в наши дни, за три четверти века до начала этой истории, читатель найдет в книге «Берег кораллов». И я надеюсь, что Квинслендский университет одобрительно воспримет небольшую экстраполяцию его ресурсов.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЧЕНИК

1

В зону проник убийца. Воздушный патруль южной части Тихого океана обнаружил на изрытой волнами поверхности огромную тушу, за которой тянулись алые пятна крови. Тотчас заработала сложная система оповещения; от Сан-Франциско до Брисбена люди передвигали на картах

фишки и чертили круги. И Дон Берли, еще не совсем очнувшись от сна, склонился над контрольным пультом «Скаутсаба-5», падавшего вниз, к отметке двадцать саженей.

Он был рад, что тревогу объявили в его районе, – впервые за много месяцев какое-то событие. Хотя глаза следили за приборами, от которых зависела его жизнь, мысленно он был уже на месте происшествия. Что случилось? В коротком сообщении никаких подробностей, одни факты: убитый кит лежит на поверхности в десяти милях позади стада, которое в панике мчится на север. Очевидно, шайке касаток как-то удалось прорваться через защитные ограждения в зону. Если так, Дону и его товарищам-смотрителям предстоит потрудиться.

Узор зеленых огоньков на контрольном пульте был словно светящийся символ безопасности. Пока этот узор неизменен, пока ни одна изумрудная звездочка не сменилась рубиновой, Дон может быть спокоен за себя и свою маленькую подводную лодку. Сейчас его жизнь в руках триумвирата: воздух-горючее-электроэнергия. Если хоть что-то откажет, он ляжет в стальном гробу на пелагический ил, как Джонни Тиндал в позапрошлом году.

Но с какой стати им отказывать? И вообще, успокоил себя Дон, не тех неполадок надо опасаться, которые можно предвидеть.

Он нагнулся над пультом к микрофону. «Саб-5» ушел еще недалеко от плавучей базы, можно говорить по радио, но скоро придется перейти на ультразвук.

«*Ложусь на курс 255, скорость 50 узлов, глубина 20 саженей, гидролокатор включен на круговой обзор. До цели*

40 минут расчетного хода. Буду докладывать каждые десять минут. Все. Прием».

Чуть слышно донеслось подтверждение с «Полосатика», и Дон выключил передатчик. Пришла пора осмотреться.

Он убавил внутренний свет, чтобы лучше видеть экран, опустил на глаза поляроидные очки и стал всматриваться в пучину. Прошло несколько секунд, два изображения слились в его мозгу в одно, и трехмерный индикатор обрел пространственную жизнь.

В такие минуты Дон чувствовал себя богом: под его контролем участок Тихого океана поперечником в двадцать миль и почти не изведанная толща в две тысячи саженей. Медленно вращающийся луч неслышимого звука прощупывал мир, в котором он плыл, отыскивая друзей и врагов в вечном мраке, куда не проникает дневной свет. В подводную ночь уходил прерывистый беззвучный писк, такой тонкий, что его не уловила бы даже летучая мышь, создавшая звуковой локатор за миллионы лет до человека; слабое эхо возвращалось обратно, улавливалось, усиливалось и ползло по экрану голубовато-зелеными пятнышками.

Многолетний опыт позволял Дону легко толковать их. В пятистах футах под ним простирался, теряясь за подводным горизонтом, рассеивающий слой – живое одеяло, накрывшее полмира. Этот океанский луг то поднимается, то опускается в зависимости от солнца, всегда паря на рубеже мрака. За ночь он всплыл почти к самой поверхности, теперь рассвет вновь оттеснял его вглубь. Плотность рассеивающего слоя так мала, что он не препятствие для

гидролокатора. И взгляд Дона проникал до самого дна, хотя лодка парила над ним, словно облако над землей. Но бездны морские его не касались: стада, которые он охранял, и враги, которые на них нападали, обитали в верхних слоях.

Он выключил датчик, смотрящий вниз; теперь гидролокатор работал только в горизонтальной плоскости. Без мерцающего эха из пучины легче различать, что окружает тебя в океанской «стратосфере». Вон то светящееся облако в двух милях впереди – громадный косяк рыбы; интересно, на Базе знают о нем? Дон сделал пометку в вахтенном журнале.

Выбросы вокруг косяка – это преследующие добычу хищники, которые заботятся о том, чтобы не останавливалось извечное вращение колеса жизни и смерти. Его этот конфликт не занимал, он искал дичь покрупнее.

«Саб-5» шел дальше на запад – стальная игла, стремительнее и опаснее любого жителя морей. Турбины вспенивали воду, и маленькая кабина, освещенная лишь тусклым сиянием пульта, подрагивала от натуги.

Глянув на карту, Дон убедился, что половина пути до заданного района пройдена. Что, если подняться, посмотреть на убитого кита? По ранам можно составить себе представление о противнике. Нет, не стоит. Это задержит его, а время в таких случаях дороже всего.

Призывно запищал приемник, и Дон включил дешифровщика. Он так и не научился читать морзянку на слух, но ползущая из прорези бумажная лента уже сделала все за него:

ВОЗДУШНЫЙ ПАТРУЛЬ ДОКЛАДЫВАЕТ СТАДО 50-100 КИТОВ ИДЕТ 95 ГРАДУСОВ КООРДИНАТЫ СЕТКЕ Х186593 У432011 ТЧК ПЛЫВУТ БОЛЬШОЙ СКОРОСТЬЮ ПОСЛЕ ПЕРЕМЕНЫ КУРСА ТЧК НИКАКИХ СЛЕДОВ КАСАТОК НО ПРЕДПОЛАГАЕМ ОНИ ПОБЛИЗОСТИ ТЧК ПОЛОСАТИК

Это предположение показалось Дону маловероятным. Если тут в самом деле замешаны грозные орки, убийцы китов, их непременно заметили бы: ведь они всплывают глотнуть воздуха. Не говоря уже о том, что патрулирующий самолет их не испугает, они будут рвать добычу, пока не насытятся.

А то, что испуганное стадо сейчас идет почти прямо на него, очень кстати. Дон стал было наносить координаты на планшет, но тут же увидел, что в этом уже нет нужды. На краю экрана появилось созвездие светящихся точек. Он чуть-чуть изменил курс и пошел навстречу стаду.

Что верно, то верно – киты и впрямь развили небывалую скорость. При такой прыти он окажется среди них минут через пять. Он выключил моторы, и сопротивление воды быстро погасило ход.

В маленькой, тускло освещенной кабине в тридцати метрах от залитых солнцем волн Тихого океана Дон Берли готовил свое оружие к предстоящей битве. Словно рыцарь в доспехах… Этот образ часто представлялся ему в напряженные секунды перед боем, хотя он никому на свете не признался бы в этом. Он чувствовал себя также сродни всем пастухам, которые в древности охраняли свой скот. Он был не только сэром Ланселотом, но и Давидом между седых палестинских холмов, готовым отбить нападение горных львов на баранов своего отца.

Еще ближе и по времени и по духу были люди, каких-нибудь три поколения назад пасшие огромные стада в степях Америки. Они бы его поняли; правда, его снаряжение показалось бы им волшебным. Суть та же, только масштаб изменился: животные, которых пасет Дон, весят по сто тонн каждое, а пастбище – безбрежный океан.

Когда до стада осталось меньше двух миль. Дон переключил локатор с кругового поиска на секторный, нацелив его вперед. Луч заметался из стороны в сторону, и круг сменился широким клином; теперь можно было подсчитать, сколько китов в стаде, даже примерно определить размеры каждого. Наметанный глаз Дона искал отбившихся от стада животных.

Он не смог бы объяснить, что заставило его сразу же обратить внимание на четыре пятнышка к югу от стада. Конечно, они шли отдельно от остальных, но ведь не только эти отбились. У человека, который часто смотрит на экран индикатора, вырабатывается своего рода шестое чувство – особое чутье, позволяющее ему видеть за движущимися пятнами то, о чем умалчивают приборы. Рука Дона сама протянулась к пульту и пустила турбины.

Главная часть стада поравнялась с ним, идя на восток. Он не опасался столкновения; как бы ни испугались эти исполины, они обнаружат его так же легко, как он их, и тем же способом. А не включить ли акустический маяк? Услышат знакомый сигнал и успокоятся. Нет, нельзя, неизвестный враг тоже может узнать его.

Четыре импульса, которые привлекли его внимание, теперь были почти в центре экрана. Он повел лодку наперерез и нагнулся к самому индикатору, точно задумал на-

пряжением воли вырвать у картинки все, что она могла сообщить. Два крупных раздельных эхо, одно из них сопровождают два спутника поменьше. Неужели он опоздал? Мысленно Дон уже представлял себе идущую совсем близко – меньше чем в миле – смертельную схватку. Эти два тусклых пятнышка – враг, они атакуют кита, и его товарищ, вооруженный только могучими плавниками, бессилен ему помочь.

Еще немного, и можно будет увидеть их на экране телевизора. Камеры в носовой части «Саб-5» уставились в сумрак, однако на первых порах обнаружили только планктонный туман. Но вот посреди экрана возник огромный силуэт и пониже два меньших. Дальность действия света сильно ограничена, зато теперь Дон гораздо точнее мог судить о том, что наблюдал на экране индикатора.

И он тотчас понял, что ошибся. Невероятно, но два спутника были детенышами. Вообще-то двойники не редкость, однако Дон впервые видел кита с близнецами. В других условиях он был бы увлечен таким зрелищем, теперь же Дон думал лишь о просчете, из-за которого потеряны драгоценные минуты. Придется начинать поиск сначала.

Порядка ради он направил камеру на четвертое пятно, пойманное гидролокатором. По величине импульса Дон заключил, что это тоже кит.

Странно, как предвзятость может повлиять на суждение человека о том, что он видит: прошло несколько секунд, прежде чем Дон разобрался в наблюдаемом и понял, что все-таки не промахнулся.

– Силы небесные! – глухо произнес он. – Никогда не думал, что они бывают такими большими.

Акула, самая крупная, какую он когда-либо видел… Еще нельзя было различить подробностей, однако род не вызывал у него сомнения. Только китовая и гигантская акула могли бы сравниться с ней, но они безобидные вегетарианцы, а это королева всех акулообразных, Carcharodon, Большая Белая Акула. Дон попробовал вспомнить данные о самых крупных известных экземплярах. В 1990 году – может быть, годом раньше или позже – у Новой Зеландии убили сорокафутовую белую, но эта раза в полтора побольше.

Все эти мысли молниеносно пронеслись у него в голове; в ту же секунду он заметил, что хищница, минуя встревоженную мать, уже пошла в атаку на детеныша. Трусость или здравый смысл? Поди угадай. Пожалуй, эти определения вообще неприложимы к работающему по своим законам крохотному мозгу акулы.

Оставалось только одно. Это может затянуть расправу с акулой, но жизнь детеныша важнее. Дон нажал кнопку сирены, и в жидкую среду вокруг него вторгся короткий механический вопль.

Оглушительный звук одинаково напугал акулу и китов. Акула сделала невообразимо крутой поворот, и Дон едва не вылетел из кресла, когда лодка, подчиняясь автопилоту, легла на новый курс. Юля и поворачиваясь не хуже любого равного ему по величине морского жителя, «Саб-5» настигал хищницу; электронный мозг лодки безотказно подчинялся локатору, позволяя Дону всецело заняться своим оружием. Это очень кстати: следующий шаг окажется трудным, если не удастся выдержать курс хотя бы пятнадцать секунд. На худой конец, можно пустить в ход

маленькие подводные ракеты; будь он один перед лицом стаи касаток, так бы и пришлось сделать. Но это жестокий и кровавый способ, Дон предпочитал действовать аккуратнее.

Тактика рапиры всегда нравилась ему больше, чем тактика гранаты.

Сейчас их разделяет всего полсотни футов, и они быстро сближаются.

Такой миг может не повториться. Он нажал пусковую кнопку.

Из-под лодки вперед вырвалось нечто напоминающее ската хвостокола.

Дон сбавил скорость – теперь ближе походить незачем. Маленькая, меньше метра в ширину, стрела мчится куда быстрее разведчика, она в несколько секунд покроет оставшееся расстояние. На лету стрела разматывала нитку фала, словно подводный паук, плетущий свою сеть. По фалу шла энергия, которая направляла крылатый снаряд в цель и придавала грозную силу его жалу. Стрела мгновенно выполняла команды Дона, и ему казалось, будто он управляет умным и чутким конем.

Акула заметила опасность за долю секунды до удара. Как и задумали конструкторы, ее обмануло сходство снаряда с обыкновенным хвостоколом.

Прежде чем крохотный мозг сообразил, что ни один скат не ведет себя так, стрела уже попала в цель. Выброшенная взрывом патрона стальная игла проткнула грубую кожу акулы, и рыбина взорвалась приступом неистового страха. Дон немедля дал задний ход – попадет хвостом, тряхнет его, как горошину в банке, да еще и лодку сомнет.

Он уже сделал то, что зависело от него, остается лишь ждать, когда подействует яд.

Обреченная хищница судорожно изгибалась, силясь схватить зубами отравленное жало. Дон уже подтянул стрелу обратно в отсек в средней части судна, радуясь, что удалось вернуть ее на место невредимой. С трепетом и чувством, близким к сожалению, смотрел он, как смерть одолевает огромную акулу.

Заметно ослабев, она беспорядочно плавала взад и вперед, и Дону один раз пришлось быстро вильнуть в сторону, чтобы не столкнуться с ней.

Умирающая акула медленно всплывала к поверхности. Дон не последовал за ней, на очереди было дело поважнее.

Меньше чем в миле от места схватки он нашел самку и ее детенышей и придирчиво осмотрел их. Они были невредимы, не надо вызывать ветеринара на специально оборудованной двухместной лодке, способной оказать китообразным любую помощь – поставить клизму, сделать кесарево сечение.

Испуг прошел; поглядев на экран индикатора. Дон убедился, что стадо уже не спасается бегством. Неужели знают, что произошло? Ученые основательно изучили, как общаются между собой киты, но многое еще остается загадкой.

– Что ж, старушка, надеюсь, тебе доступно чувство благодарности, – пробурчал он.

Решил, что пятьдесят тонн материнской любви – это не шутки, и, продув цистерны, всплыл к поверхности.

Море было спокойным, он открыл люк и высунул голову из маленькой боевой рубки. Вода плескалась в не-

скольких сантиметрах от его подбородка, иногда волна побольше даже пыталась окропить его. Все это было совершенно безопасно, плечи Дона плотно закупорили люк.

А в полусотне футов от него, будто опрокинутая шлюпка, качался на поверхности продолговатый серый гроб. Дон мысленно прикинул, сколько сжатого воздуха нужно накачать в тушу, чтобы она не утонула до подхода вспомогательного судна. Через несколько минут он передаст по радио свой рапорт, а пока хорошо глотнуть свежего тихоокеанского ветра, ощутить чистое небо над головой, взглянуть на солнце, только-только начавшее свое восхождение к зениту.

Сейчас Дон Берли был удачливым воином, отдыхающим после той битвы, которую человеку вести всегда. Они держат в узде призрак голода, во все века преследовавший человечество, но не страшный теперь, когда огромные планктонные фермы поставляют миллионы тонн белка и китовые стада послушны своим новым хозяевам. Человек вернулся в море, после миллионов лет изгнания вернулся в свой древний дом; пока не замерзли океаны, он не будет голодать…

Но не это было главным для Дона. Даже если бы его дело никому не приносило пользы, он не отказался бы от него. Больше всего на свете он ценил веру в себя и свое могущество, которую ощущал, выполняя такие задания. Могущество? Да, именно так. Но могущество, которым он никогда не злоупотребит, слишком сильно в нем чувство родства с обитателями моря, даже с теми из них, кого он обязан уничтожать.

Казалось, Дон в эту минуту только отдыхает, но если бы

хоть один прибор или огонек на пульте вдруг забил тревогу, он реагировал бы немедля. В мыслях он уже вернулся на «Полосатик», где завтрак ждет не дождется его. Чтобы время шло скорее, Дон начал в уме составлять рапорт.

Придется кое-кого удивить. Инженеры, которые ведают незримыми оградами из электричества и звука, разделившими могучий Тихий океан на удобные для управления участки, примутся искать брешь; биологи, которые клялись, что акулы не нападают на китов, будут искать оправданий. И те и другие, несомненно, преуспеют, и все опять войдет в свою колею, пока море не подстроит новой каверзы.

Впрочем, каверза уже подстерегала Дона, но ее устроили люди, и они не замышляли ничего дурного. Все началось с одного предложения, которое родилось в Комитете по делам космоса, а оттуда было передано во Всемирный секретариат. Проходя все более высокие инстанции, оно в конце концов попало во Всемирную ассамблею и было одобрено членами соответствующей комиссии, став предписанием, которое спустили через секретариат во Всемирную организацию продовольствия, из ВОП – в Морское управление, наконец, из управления – в Отдел китов. И свершилось это в невероятно короткий срок – в какие-нибудь четыре недели.

Дон, понятно, ничего не знал. Итог всей этой деятельности сложного механизма глобальной бюрократии вылился для него в слова, которыми встретил его капитан, когда он вошел в столовую «Полосатика», с вожделением думая о запоздалом завтраке.

– Привет, Дон. Начальство вызывает тебя в Брисбен,

тебе приготовлено какое-то задание. Надеюсь, ненадолго. У нас и без того нехватка людей, сам знаешь.

– Какое еще задание? – насторожился Дон. Он не забыл, как ему поручили быть гидом одного помощника министра, глуповатого, на его взгляд, малого, с которым он и обращался соответственно. А потом выяснилось, что этот помощник – голова, (конечно, иначе он не занимал бы такую должность!) и видел Дона насквозь.

– Они ничего не сказали, – ответил капитан. – Похоже, и сами толком не знают. Передай мой нежный привет Квинсленду и держись подальше от казино на Золотом берегу.

– Казино, с моим-то жалованьем, – фыркнул Дон. – Последний раз меня чуть не раздели в Серферс Парадайз.

– Зато в первый раз ты унес несколько тысяч.

– Новичкам везет, а потом… От того выигрыша давно уже ничего не осталось. И пусть счет останется ничейным, я больше не игрок.

– Спорим? Ставлю пятерку!

– Спорим.

– Можешь платить – спор та же игра.

Ложка переработанного планктона застыла в воздухе; Дон лихорадочно искал выход.

– Черта с два ты с меня получишь, – сказал он. – Свидетелей нет, а я не джентльмен.

Быстро допив кофе, он отодвинулся от стола и встал.

– Что ж, пора собираться. Пока, капитан, до новой встречи.

И старший смотритель пулей вылетел из столовой, провожаемый взглядом командира «Полосатика». Словно

ураган пронесся по переходам судна, потом опять воцарилась относительная тишина.

– Держись, Брисбен, – буркнул себе под нос капитан и отправился на мостик, мысленно перестраивая график вахт; одновременно он сочинял неотразимый меморандум, в котором спрашивал начальство, как работать на судне, где тридцать процентов команды постоянно то в отпуске, то выполняют спецзадания.

Когда он вошел в свою каюту, только одно удерживало его от того, чтобы немедленно подать заявление об уходе: при всем желании капитан не мог представить себе лучшей работы.

2

Уолтер Франклин пришел всего несколько минут назад, но уже нетерпеливо мерял шагами приемную. Скользнул равнодушным взглядом по развешанным на стенах глубоководным фотографиям, с минуту посидел на краешке стола, перелистывая журналы, обзоры, доклады, которые всегда копятся в таких местах. Журналы знакомы – последние недели он только и делал, что читал, – остальное тоже малоинтересно. А ведь кто-то обязан по долгу службы изучать все эти размноженные на электропринте отчеты ВОП; как только голова выдерживает этакую уйму цифр! Более привлекательно выглядел орган Морского управления «Нептун», но и он быстро наскучил Уолтеру, которому все эти дискуссии почти ничего не говорили. Даже самые популярные статьи были выше его разумения, так как пестрели незнакомыми терминами.

Секретарша посматривала на него. Конечно, отметила

нетерпение посетителя и, наверно, уразумела, что за этим кроется нервозность и душевный разлад. Франклин с трудом заставил себя сесть и сосредоточиться на вчерашнем номере брисбенского «Курьера». Он почти увлекся статьей, в которой редакция отпевала австралийский крикет (только что закончились отборочные соревнования), когда молодая особа, охранявшая кабинет начальника отдела, мило улыбнулась ему и сказала:

– Пожалуйста, мистер Франклин, входите.

Он надеялся, что начальник примет его один; секретари не в счет. Но плечистый молодой человек, занимающий второе кресло для посетителей, выглядел чужим в этом строгом кабинете и смотрел на него скорее с любопытством, чем с дружелюбием. Понятно, они говорили о нем; Франклин тотчас насторожился и ощетинился.

Начальник отдела Керн разбирался в людях почти так же хорошо, как в морских млекопитающих. Он сразу заметил, что посетитель не в своей тарелке, и постарался его ободрить.

– Входите, Франклин, садитесь, – сказал он с преувеличенной сердечностью. – Ну, как вам у нас живется? Хорошо устроились?

Франклин был избавлен от необходимости отвечать, потому что директор тут же продолжал:

– Прошу вас, познакомьтесь с Доном Берли. Дон – старший смотритель на «Полосатике», один из наших лучших работников. Он займется вами. Дон, это Уолтер Франклин.

Они обменялись легким рукопожатием, испытующе глядя друг на друга.

Наконец Дон через силу улыбнулся улыбкой человека, которому поручили неприятное дело, но он полон решимости добросовестно выполнить его.

– Очень рад, – сказал он. – Приветствую нового сторожа наяд.

Франклин попытался улыбнуться. Итог был неутешительным. Он понимал, что обязан этим людям, которые изо всех сил стараются помочь ему.

Понимал умом, но не сердцем, и не мог заставить себя пойти им навстречу.

Боязнь оказаться предметом жалости и назойливое подозрение, что они тут, вопреки всему обещанному, перемывали его косточки, начисто отбивала у него всякую охоту быть с ними на дружеской ноге.

Дон Берли ни о чем не догадывался. Он знал только, что кабинет начальника не самое подходящее место, чтобы знакомиться с новым коллегой, и не успел Франклин опомниться, как они уже вышли на улицу, протиснулись сквозь толпу на Джордж-стрит и нырнули в маленький бар напротив нового почтамта.

Здесь было тихо, хотя сквозь цветное стекло стен Франклин видел снующие силуэты прохожих. Воздух в баре казался особенно прохладным после знойной улицы; власти до сих пор не решили, быть или не быть Брисбену кондиционированным городом и кому передать выгодный подряд, а пока горожане каждое лето изнемогали от жары.

Дон Берли подождал, пока Франклин управится с первой кружкой пива, и заказал вторую. Тут явно кроется какая-то тайна; ему не терпелось поскорее разгадать ее. Это затея какого-нибудь высокого чина в управлении, если не

во Всемирном секретариате. Старшего смотрителя не оторвут от работы, чтобы приставить нянькой к первому попавшемуся новичку, который к тому же намного старше обычных курсантов. Ему, должно быть, тридцать с хвостиком; Дон еще никогда не слышал, чтобы кто-нибудь в этом возрасте проходил спецобучение на смотрителя.

Одно было очевидно, и это лишь усугубляло загадочность истории:

Франклин – космонавт, их за милю узнаешь. А что, вот и зацепка. Но тут же Дон вспомнил слова начальника отдела: «Не расспрашивайте Франклина. Я не знаю, что у него было, но нас особо просили не касаться прошлого в разговорах с ним».

Это, конечно, неспроста. Можно представить себе, что Франклин был пилотом и его списали на Землю за какую-нибудь грубую ошибку – скажем, он по рассеянности вместо Марса прилетел на Венеру.

– Вы впервые в Австралии? – осторожно спросил Дон. Не самый сильный ход, и ответ Франклина как будто не располагал к продолжению.

– Я здесь родился, – сказал он.

Но Дона нелегко было привести в замешательство. Он усмехнулся и продолжал примирительным тоном:

– Мне никто ничего не рассказывает, вот и привык сам дознаваться. Я-то родился на другом конце земного шара, в Ирландии, но меня послали работать в Тихоокеанский филиал отдела. Так я попал в Австралию и теперь уже считаю ее как бы своей второй родиной. Правда, на берегу почти не бываю. Такая работа, восемьдесят процентов времени – в море. Сами понимаете, не всякому понравится этакая жизнь.

– Меня это вполне устроит, – сказал Франклин, однако не стал объяснять почему.

Из этого типа надо каждое слово клещами вытягивать! А ему с ним работать, и не одну неделю… За что такая кара? Все же Дон мужественно продолжал наступать:

– Шеф сказал, что у вас хорошая научная и инженерная подготовка. Значит, вы в общем знакомы с тем, что у нас проходят на первом курсе. А про организацию нашей отрасли вам толковали?

– Меня напичкали под гипнозом кучей фактов и цифр. Могу прочесть вам двухчасовую лекцию о Морском управлении – история, структура, очередные задачи всего управления, и Отдела китов в частности. Но пока что все это для меня пустые слова.

Так, лед тронулся. Оказывается, парень все-таки умеет говорить, Глядишь, еще кружка-другая, и он совсем человеком станет.

– С этой гипнопедией всегда так, – подтвердил Дон. – Накачают в тебя сведений дальше некуда, а что из этого останется в памяти? Я уж не говорю о физических навыках или о том, как действовать в аварийных случаях. Тут никакой гипноз не спасет. Только в деле можно научиться чему-то по-настоящему.

В этом месте Дона отвлек скользнувший по стеклу стройный силуэт.

Франклин проследил его взгляд и чуть улыбнулся. Дон тотчас уловил этот первый намек на какую-то непринужденность, и у него появилась надежда на более короткие отношения с порученным ему сфинксом.

Влажным от пива указательным пальцем он принялся чертить на пластиковой крышке стола.

– Глядите, – пояснял он. – Вот это архипелаг Каприкорн – четыреста миль к северу от Брисбена и сорок миль от материка. Здесь находится наш главный учебный центр, который готовит людей для мелководных операций.

Отсюда начинается южное заграждение, оно идет на восток до Новой Каледонии и Фиджи. Когда киты с антарктических пастбищ направляются на север, в тропики, чтобы там произвести на свет свое потомство, они могут пройти только через ворота, которые мы оставляем. Мы считаем самыми важными воротами вот эти, у побережья Квинсленда, как раз тут южный проход в Большом Барьерном рифе. Между рифом и материком почти до самого экватора тянется как бы пролив шириной около пятидесяти миль. Когда киты войдут сюда, ими уже легко управлять. А направить их в пролив тоже не трудно. Большинство из них привыкло ходить этим путем задолго до того, как мы вмешались в их жизнь, а остальных мы приучили, и теперь, даже если выключить заграждение, вряд ли от этого изменится их миграция.

– Это заграждение, – перебил его Франклин, – оно что – чисто электрическое?

– Что вы! Электрическое поле только для рыб годится. Для млекопитающих, вроде китов, оно слабовато. Наше заграждение почти сплошь ультразвуковое, на глубине полумили тянется цепочка акустических генераторов, и получается как бы звуковой занавес. А на ворота подаются специальные команды. Мы можем направить стадо в любую сторону, куда нам надо, достаточно проиграть сигнал бедствия, который издает кит. Но это крайние меры, к ним мы прибегаем редко, киты уже приучены.

– Понимаю, – сказал Франклин. – Я даже где-то читал или слышал, что заграждения нужны не столько для китов, сколько для других животных, чтобы не пускать их.

– Это отчасти верно, но и китами надо управлять – скажем, когда их загоняют для подсчета или для боя. Правда, мы еще не довели заграждение до полного совершенства. Есть слабые точки на стыках акустических полей, и время от времени приходится выключать секции, пропускать мигрирующую рыбу. Глядишь, и прорвется крупная акула или касатки проскочат. И натворят бед. Касатки хуже всего, они нападают на китов на пастбищах в Антарктике, из-за них мы до десяти процентов стада теряем. Все ждут не дождутся, когда истребят касаток, вот только не могут придумать дешевого способа. Нельзя же патрулировать подводными лодками всю область пакового льда. А жаль – особенно когда увидишь кита, с которым расправилась касатка.

Берли говорил так горячо – Франклин даже удивился. Считается, что китопасы (ласковое название, придуманное народом, которому непременно подавай героев) не склонны ни размышлять, ни чувствовать. И хотя Франклин отлично понимал, что грубоватые и немногословные парни, шествующие по страницам повестей из жизни подводников, очень далеки от действительности, трудно было отрешиться от утвердившегося штампа.

Конечно, Дона Берли молчуном не назовешь, но в остальном он как будто соответствует этому штампу.

Как он поладит со своим наставником, спрашивал себя Франклин, да и вообще со своей новой работой? Пока что она его не увлекла. А что будет потом – время покажет.

Судя по всему, эта область богата интересными, даже захватывающими задачами и возможностями. Хоть бы увлечься, найти себе применение! За последний год – тяжелый, долгий год – он многого лишился, потерял вкус к жизни, к работе.

И не верится, чтобы к нему когда-нибудь вернулось воодушевление, продвинувшее его так далеко по пути, который теперь заказан ему навсегда. А Дон все рассказывал, говоря легко и живо, как человек, знающий и любящий свое дело. Франклина вдруг укололо чувство вины. Разве это честно – отрывать Берли от работы и превращать его не то в няньку, не то в воспитательницу детского сада?.. Впрочем, если бы Франклин знал, что Берли сам уже задавал себе этот вопрос, его сочувствие живо прошло бы.

– А теперь пойдем, не то пропустим автобус в аэропорт, – сказал Дон, взглянув на часы и осушив свою кружку. – Самолет вылетает через тридцать минут. Ваши вещи отправлены?

– В гостинице обещали все сделать.

– Ладно, в аэропорту проверим. Поехали.

Прошло полчаса, прежде чем Франклин смог опять вздохнуть полной грудью. Он уже понял, что это свойственно Берли: до последней секунды он не спешил, потом вдруг словно взрывался. Последняя вспышка энергии перенесла их из тихого бара в еще более тихую кабину самолета. Они отыскали свои места, и тут случилось маленькое происшествие, которое надолго озадачило Дона.

– Садитесь у окна, – сказал он. – Я сто раз летал по этому маршруту.

Отказ Франклина он принял за обычную учтивость и

повторил свое предложение. И только после третьего или четвертого «нет», произносимого все более решительно, даже раздраженно, он смекнул, что вежливость тут ни при чем. Это казалось невероятным, но Дон мог бы поклясться, что его спутник отчаянно трусил. Он впервые видел человека, который боялся бы сидеть у окошка в самолете. И мрачные предчувствия, отчасти развеянные разговором в баре, с новой силой овладели им.

Город и знойное побережье ушли вниз; реактивные двигатели легко подняли машину в небо. Франклин штудировал газету с усердием, которое ни на секунду не обмануло Берли. «Ничего, повременю пока, – решил он, – а потом еще раз проверю его».

Над изрезанной оврагами равниной торчали причудливые клыки – Гласхауз-Маунтинз. Но и они остались позади, и замелькали порты, через которые когда-то, еще до того, как сельское хозяйство перекочевало в моря, вывозили плоды Земли. Казалось, не прошло и мига, а в голубой мгле на горизонте уж вырисовались темными пятнами островки Большого Барьерного рифа.

Солнце светило почти прямо в глаза, но память Дона хранила подробности, которые сейчас терялись в слепящем блеске моря, и он видел плоские зеленые острова, опоясанные лентой песчаного пляжа и широкой каймой кораллов, чуть-чуть прикрытых водой. Остров за островом, риф за рифом, о которые вечно дробятся тихоокеанские валы… И на тысячи миль к северу поверхность моря исчертили белоснежные барашки.

Сто лет назад – даже пятьдесят – среди множества островов Большого рифа лишь десять – пятнадцать были

обитаемы. Но вездесущий авиатранспорт в сочетании с дешевой энергией и установками для очистки воды позволил не только государству, но и частным лицам нарушить древний покой рифа.

Некоторым счастливчикам удалось даже – неведомо как – стать единоличными владельцами кое-каких мелких островков. Появились здесь и организации, ведающие отдыхом и развлечениями; это не всегда способствовало украшению творений природы. Но главенствующую роль, бесспорно, играла Всемирная организация продовольствия с ее сложной системой рыбных промыслов, морских ферм и исследовательских учреждений; их было несметное количество.

– Уже почти прилетели, – сказал Берли. – Только что прошли над островом Леди Масгрейв, на нем стоят главные генераторы западной секции заграждения. А вот и архипелаг Каприкорн; под нами – Мастхед, Уантри, Нортвест, Вильсон… Вон тот, посередине, со всеми строениями, это Герон. В большой башне находится администрация, а возле бассейна – аквариум. И две подводные лодки видны, смотрите, у длинного пирса, который тянется до края рифа.

Говоря, Дон уголком глаза следил за Франклином. Тот наклонился к окошку и как будто слушал этот репортаж, но Берли мог бы поклясться, что он не смотрит на раскинувшуюся внизу панораму рифов и островов. Лицо Франклина напряглось, и взгляд был отсутствующим, точно он принуждал себя ничего не видеть.

В душе Дона боролись жалость и презрение. Он узнал симптомы, хотя не понимал причин болезни. Самая настоящая высотобоязнь. А он-то принял Франклина за

космонавта! Но кто же он? Во всяком случае, не тот человек, с которым Дону хотелось бы делить тесное пространство двухместной учебной лодки.

Амортизаторы самолета коснулись посадочной площадки острова Герон, и Франклин, ступив на прямоугольник стесанного коралла и щурясь от яркого солнца, мгновенно оправился от своего недуга. «Вот так же быстро приходят в себя иные после морской болезни, стоит им только сойти на берег, – подумал Дон. – Да, если Франклин такой же моряк, как пилот, я от силы дня через два вернусь на работу, больше эта идиотская затея не продлится». Хотя, по чести говоря. Дон вовсе не спешил: Герон был очень приятным местом, можно отлично развлечься, если знаешь, как обойти все эти запреты и ограничения, без которых не могут жить бюрократы.

Небольшой грузовик помчал людей и багаж по дороге между высокими писониями, плотные кроны которых не пропускали солнечных лучей. Всего четверть мили отделяло пирсы и ремонтные мастерские в западной части острова от административных зданий на восточном берегу. С севера на юг, деля островок на две части, тянулась полоса бережно сохраняемого леса.

Дон с нежностью подумал о заманчивых тропинках и уединенных полянах, которыми этот лес изобиловал.

Мистера Франклина уже ждали и заранее позаботились о нем. Было ясно, что в глазах администрации он занимал привилегированное положение, рангом ниже кадровых сотрудников, вроде Берли, но несравненно выше обычных курсантов. Самое удивительное, ему отвели отдельную комнату.

Такой чести на Героне не удостаивалось даже начальство из Отдела китов.

Берли только облегченно вздохнул; он так боялся, что придется жить вместе с этим странным воспитанником. Тем более что это было бы серьезной помехой для некоторых сугубо личных дел Дона.

Он проводил Франклина в его комнату на втором этаже учебного корпуса. Она была не очень просторной, но уютной; из окна открывался вид на простершийся до самого горизонта риф. Внизу группа курсантов, пользуясь переменой, разговаривала с преподавателем. Дон сразу узнал его, хотя и не помнил фамилии. Приятно вернуться в школу, когда знаешь все ответы…

– Здесь вам будет хорошо, – сказал он Франклину, который уже разбирал свои вещи. – Вид-то какой, а?

Обычно поэтические восторги были чужды Дону, но ему хотелось проверить, как Франклин воспримет картину могучего океана с белыми шапками кораллов. Его ожидало разочарование: тридцать футов высоты, по-видимому, не пугали Франклина, он с явным восхищением любовался голубовато-зеленым простором, уходящим в безбрежные океанские дали.

Так тебе и надо, отругал себя Дон, нашел, кого дразнить. Какая бы холера ни пристала к этому бедняге, ему, наверно, не сладко с ней.

– Я пойду, а вы устраивайтесь, – сказал он, идя к двери. – Завтрак через полчаса в столовой, мы проезжали мимо нее. Там и увидимся.

Франклин рассеянно кивнул, доставая из чемодана белье и раскладывая его на кровати. Сейчас он больше всего

хотел побыть один, без посторонних, освоиться с новой обстановкой, в которой ему, хочешь не хочешь, предстоит жить.

Прошло минут десять, когда раздался стук в дверь и кто-то негромко спросил:

– Можно войти?

– Кто там? – спросил Франклин, поспешно наводя порядок.

– Доктор Майерс.

Фамилия незнакомая, но – Франклин криво усмехнулся – неспроста первым его навестил врач. И не трудно угадать, какой именно.

Майерс был некрасивый, но приятный мужчина лет сорока, коренастый, с пристальным, испытующим взглядом, который как-то не сочетался с его дружелюбием и предупредительностью.

– Извините, что врываюсь вот так, сразу, – учтиво произнес он. – Но у меня просто нет другого выхода, сегодня вечером я вылетаю на Новую Каледонию и вернусь только через неделю. Профессор Стивенс просил меня зайти к вам и передать наилучшие пожелания от него. Если вам что-нибудь понадобится, звоните мне, мы постараемся все устроить.

Франклин отдал должное искусству, с каким Майерс обошел подводные камни. Он не сказал: «Мы говорили о вашем заболевании с профессором Стивенсом», – хотя, конечно, именно так и было. И не предложил прямо своих услуг, подал все так, словно Франклин не нуждается больше в лечении и присмотре.

– Я вам очень признателен, – искренне ответил

Франклин. Доктор Майерс пришелся ему по душе, и он решил не злиться попусту на надзор, которого ему все равно не избежать.

– Скажите, – продолжал он, – что здесь известно обо мне?

– Ровным счетом ничего. Знают лишь, что нужно помочь вам возможно скорее выучиться на смотрителя. Вы не думайте, это далеко не первый случай срочной переквалификации. Разумеется, будут любопытствовать, кто вы, что вы, от этого никуда не денешься. Пожалуй, в этом и заключается для вас главная трудность.

– Берли уже умирает от любопытства.

– Хотите послушать мой совет?

– Конечно, говорите.

– Вам работать с Доном не один день, и будет только справедливо по отношению к нему поделиться с ним, когда вы почувствуете, что пришло время. И это в ваших же интересах. Я уверен, он все поймет. Если хотите, могу сам ему объяснить.

Франклин молча покачал головой. Возразить было нечего, он понимал, что Майерс говорит дело. Рано или поздно истина все равно всплывет; оттягивать неизбежное – себе вредить. Но победа в борьбе за рассудок и уважение к себе была еще слишком непрочной, он боялся даже подумать о том, чтобы работать с людьми, посвященными в его тайну, как бы благожелательно к нему ни относились.

– Ну, хорошо. Как решите, так и будет. Желаю удачи и надеюсь, что я не понадоблюсь вам как врач.

Майерс давно ушел, а Франклин все еще сидел на краешке кровати, обозревая свою будущую сферу – море.

Да, удача нужна ему. Он чувствовал, что интерес к жизни возрождается. Дело даже не в том, что все стараются ему помочь; к этому он, можно сказать, привык за последние месяцы.

Главное, он наконец-то сам увидел какой-то просвет, поверил, что может наполнить свою жизнь новым смыслом.

Вдруг Франклин очнулся от размышлений и взглянул на часы. На десять минут опаздывает на завтрак – плохое начало новой жизни! Он представил себе, как Дон Берли нетерпеливо ждет его в столовой, беспокоясь, не случилось ли чего.

– Иду, мой учитель, – с улыбкой сказал он. Он уже успел забыть, когда шутил в последний раз.

3

Когда Франклин в первый раз увидел Индру Лангенбург, руки у нее были по локоть в крови, и она деловито разрезала внутренности десятифутовой тигровой акулы, которую сама же и выпотрошила. В лучах солнца тускло поблескивало белое брюхо чудовища, распростертого на песчаном пляже, облюбованном Франклином для утренних прогулок. Из пасти акулы свисала крепкая цепочка с крючком; видно, рыбина попалась на удочку ночью и с отливом очутилась на мели.

Несколько секунд Франклин глядел на это странное сочетание – милая девушка и мертвый монстр, потом раздельно произнес:

– Это не совсем то, что я хотел бы видеть перед завтраком. Чем вы, собственно, заняты?

К нему повернулось смуглое лицо с очень строгими глазами; длинный острый нож, который произвел такое кровопролитие, продолжал ловко рассекать хрящ и кишки.

– Я пишу диссертацию о витаминах в печени акулы, – ответил ему голос, такой же строгий, как глаза. – Для этого мне нужно много акул. Это моя третья за неделю. Возьмете зубы? Отличный сувенир, а у меня их уже хватает.

Она подошла к голове хищницы и засунула нож в пасть, которой не давал закрыться деревянный брусок. Рука девушки сделала быстрое движение, и появилось целое ожерелье страшных треугольников – как бы ленточная пила из кости.

– Нет, нет, спасибо, – поспешно отказался Франклин; хоть бы не обиделась: молодая, ей, наверное, и двадцати нет. – Вы работайте, не обращайте на меня внимания.

Появление незнакомого лица на этом маленьком островке его не удивило: сотрудники Научно-исследовательской станции редко общались с управленцами и работниками учебного комбината.

– Вы новичок? – спросила окровавленная исследовательница, с довольным видом бросая в ведро большой кусище печени. – Я не видела вас на последнем танцевальном вечере.

У Франклина сразу поднялось настроение. Как приятно встретить человека, который ничего не знает о тебе и не любопытствует, зачем ты приехал! Впервые он мог говорить свободно, не ощущая неловкости.

– Да, только что прилетел, буду учиться. А вы давно здесь?

Он поддерживал этот глубокомысленный разговор,

потому что ему было приятно ее общество, и она, конечно, понимала это.

– С месяц, – небрежно бросила девушка. Ведро опять чавкнуло: оно было уже почти полным. – Сейчас у меня каникулы, я учусь в университете в Майами.

– Значит, вы американка? – спросил Франклин.

– Э, нет, – важно ответила она. – Во мне почти поровну голландской, бирманской и шотландской крови. А родилась я в Японии, вот и разберитесь.

Подшучивает? Да нет, на лице ни тени лукавства. Славная девушка…

Но не стоять же тут с ней весь день. У него всего сорок минут на завтрак, в девять – занятия по вождению подводной лодки.

Он тут же забыл об этой встрече; с каждым днем круг его знакомых ширился, и он постоянно видел новых людей. Ускоренный курс не оставлял времени для развлечений, и он был только рад этому. Франклин с головой ушел в новое дело; он даже удивлялся тому, как легко ему думалось.

Видно, те, кто послал его сюда, не ошиблись.

Все эмпирические сведения-цифры, факты, структура управления – более или менее безболезненно накачали ему в мозг под легким гипнозом.

Проверяя себя с помощью магнитофона, который задавал вопросы и сам погодя давал верные ответы, Франклин убедился, что информация запомнилась, а не вылетела из другого уха, как это иногда бывает.

Дон Берли в этом не участвовал, но и тогда, когда он не был занят с Франклином, ему не очень-то давали отвести душу. Начальник курсов был счастлив, что Дон снова по-

пал к нему в лапы, и – весьма учтиво, с подкупающей улыбкой – «осведомился», не согласится ли он, когда у него будет время, читать лекции трем учебным группам. Дона обошли так ловко, что оставалось лишь покориться и сделать вид, будто ему это приятно. А он-то мечтал погулять…

Зато в другом, самом главном его опасения не оправдались. С Франклином вполне можно было ладить, если не касаться его личных дел. Он отлично соображал, а его техническая подготовка во многом превосходила ту, которую получил Дон. Редко приходилось объяснять ему что-либо дважды, и еще задолго до того, как они стали упражняться на учебных стендах. Дон обнаружил в своем ученике задатки хорошего навигатора. Руки Франклина действовали уверенно, он реагировал быстро и четко, и во всей его манере держаться было что-то неуловимое, что отличает первоклассного водителя от заурядного.

Но Дон знал, что, кроме знаний и навыков, необходимо еще кое-что, а вот есть ли это у Франклина, он пока не мог сказать. Только проверив своего ученика в погружении, он сможет определить, что трудился не зря.

Франклину нужно было усвоить так много, что казалось – это невозможно сделать за два месяца, предусмотренные программой. Сам Дон прошел полный шестимесячный курс, и ему было как-то обидно думать, что кто-то может управиться в три раза быстрее, пусть даже с репетиторами.

Да одну только материальную часть – виды и устройство подводных лодок – надо изучать два месяца, как бы тебе ни помогали. А он должен в этот же срок пройти с

Франклином основы мореплавания и подводной навигации, основы океанографии, подводную сигнализацию и связь, курс ихтиологии, специальную психологию и, само собой, китоведение. Франклин пока что не видел ни одного кита, ни живого, ни мертвого; Дону было очень важно, как пройдет первая встреча – тут сразу узнаешь, получится ли из него смотритель.

Две недели прошли в упорной работе, прежде чем Дон решил взять Франклина с собой под воду. К этому времени между ними установились отношения, своеобразно сочетающие дружелюбие и отчужденность. Они уже называли друг друга просто «Дон» и «Уолт», но дальше этого пока не пошло. Берли по-прежнему ничего не знал о прошлом Франклина, хотя не скупился на догадки. Особенно нравилось ему представлять себе своего ученика очень ловким преступником, возможно, даже убийцей, которого реабилитировали после тотальной терапии. А что, вот было бы здорово!..

В поведении Франклина больше не проявлялись те странности, которые бросились в глаза Дону при первой встрече, хотя он, бесспорно, продолжал выделяться нервностью и раздражительностью. И биография Франклина не занимала Берли так, как прежде; ему просто некогда было раздумывать над ней. Он умел быть терпеливым, когда не оставалось ничего другого, и не сомневался, что рано или поздно все узнает. Несколько раз – Дон мог бы в этом поклясться – Франклин готов был поверить ему свою тайну, но тут же опять замыкался. А Дон не показывал виду, что заметил это, и между ними возобновлялись прежние отношения.

* * *

Ясным утром, когда ленивая зыбь чуть колебала поверхность моря, они шли по узкому пирсу, соединившему западный берег Герона с кромкой рифа.

Несмотря на прилив, расстояние от кораллового дна до поверхности нигде не превышало пяти-шести футов, и вода была прозрачнейшая, видно все до мелочей. Однако этот природный аквариум не занимал ни Франклина, ни Берли. Это все привычное зрелище; главная прелесть и красота – глубже, на подводном склоне.

В двухстах ярдах от острова коралловое поле довольно круто падало вниз, но опирающийся на все более длинные сваи пирс протянулся еще дальше, заканчиваясь горсткой служебных зданий. Строители сделали героическую, в общем-то удавшуюся попытку избежать впечатления мрачного беспорядка, которое почти неизбежно производят всякие доки и пирсы; даже краны не казались уродливыми. С неохотой отдавая в аренду Всемирной организации продовольствия архипелаг Каприкорн, власти Квинсленда поставили непременным условием, чтобы не пострадала первозданная красота островов. И ВОП, можно сказать, справилась с этим.

– Я предупредил, чтобы нам приготовили две торпеды, – сказал Берли.

Спустившись по лестнице в конце эстакады, они через двойную дверь вошли в просторный воздушный шлюз. Давление повысилось, и у Франклина заложило уши; он прикинул, что они сейчас футов на двадцать ниже уровня моря. В ярко освещенном эллинге хранилось различное подводное снаряжение – от обычного акваланга до хитроумнейших двигательных устройств.

Заказанные Доном торпеды лежали на тележках на аппарели, которая уходила в недвижимую воду в конце эллинга. Они были покрашены в ярко-желтый цвет, отличающий все учебное оборудование. Дон неприязненно посмотрел на них.

– Да, уже года два, если не больше, как я ими не пользовался, – сказал он Франклину. – У тебя это, наверно, получится лучше, чем у меня. Я предпочитаю обходиться без механизации, когда иду под воду.

Они разделись, оставшись только в плавках и свитерах, навесили на спину дыхательные аппараты. Дон дал в руки Франклину небольшой, но очень тяжелый баллон из пластика.

– Вот это и есть баллон со сжатым воздухом, о котором я тебе рассказывал. Тысяча атмосфер, представляешь себе, воздух в нем плотнее воды. Поэтому с обоих концов есть пустые отсеки для нулевой плавучести. По мере того как ты расходуешь воздух, автоматика подпускает в поплавки воду, и баллоны все время остаются почти невесомыми. А без этого выскочишь наверх, как пробка, когда тебе этого меньше всего хочется.

Он посмотрел на манометры и кивнул.

– Половинный запас, – отметил он. – Нам и того не понадобится. Полный заряд рассчитан на сутки, а мы всего-то с час походим.

Они подогнали новые, во все лицо, маски, тщательно проверенные заранее, чтобы не протекали и не давили. Теперь до конца курса маски будут принадлежать только им, вроде как зубные щетки, потому что нет двух людей с одинаковым овалом лица, а малейшая щель может оказаться роковой.

Затем они проверили подачу воздуха, убедились, что маленькие переносные радиостанции работают, и, наконец, легли каждый на свою торпеду. Прозрачные щитки защищали голову, ведь скорость встречной струи достигает тридцати узлов. Франклин получше вставил ноги в подпорки и нащупал пальцами педали скорости и реверса. Перед лицом у него, посередине пульта находился рычажок, который управлял торпедой, как ручной штурвал самолетом. На том же пульте было несколько тумблеров, компас, спидометр, глубиномер, вольтметр. И все.

Дон дал Франклину последние наставления и заключил:

– Держись правее меня футах в двадцати, чтобы я все время видел тебя. Если что не так и придется бросить торпеду, не забудь только выключить мотор, не то будет носиться, потом ищи ее. Готов?

– Да, готов, – ответил Франклин в маленький микрофон.

– Ну, пошли.

Тележки покатились вниз по аппарели, и вот уже они в воде. Знакомое ощущение: как и все, Франклин немножко занимался подводным плаванием, иногда ходил с аквалангом. Предвкушая приятную прогулку, он услышал, как зажужжала маленькая турбина в корпусе торпеды; стены эллинга медленно заскользили назад.

Как только они вышли из-под свай, кругом стало светлее. Видимость здесь была не очень хорошая, от силы тридцать футов, но дальше вода была прозрачнее. Дон развернулся и под прямым углом к рифу пошел в море со скоростью пяти узлов.

– Главная опасность с этой игрушкой, – говорил его голос в маленьком наушнике, вставленном в ухо Франклина, – разгонишься слишком быстро и на что-нибудь налетишь. Под водой трудно судить о расстоянии, тут нужен опыт. Вот, посмотри.

И он заложил крутой вираж, огибая внезапно выросшую перед ними коралловую башню. Если это было рассчитано заранее, то рассчитано здорово, подумал Франклин. Они прошли в каких-нибудь десяти футах от живой горы; он успел заметить полчища ярко окрашенных рыб, которые невозмутимо смотрели на него. Должно быть, привыкли к торпедам и подводным лодкам. Лов тут строго-настрого запрещен, так что человека им тоже нечего бояться.

Включив крейсерскую скорость, они через несколько минут очутились в проливе, который отделял остров от соседних рифов. Тут было где разгуляться, и Франклин стал повторять за Доном бочки, петли и горки. Он никак не поспевал за своим учителем. Они то устремлялись ко дну, на глубину около ста футов, то выскакивали из воды, чтобы сориентироваться.

И все время Дон вел репортаж, прерывая его, чтобы выяснить, как себя чувствует ученик.

А Франклин чувствовал себя великолепно. В проливе вода была намного прозрачнее, и они видели почти на сто футов. В одном месте они врезались в косяк любопытных бонит, которые сопровождали их, пока Дон не прибавил скорости и не ушел от эскорта. Акулы почему-то не попадались, и Франклин спросил Дона, в чем дело.

– Так ведь с торпедой много не увидишь, – ответил

тот. – Шум водомета распугивает их. Если хочешь познакомиться со здешними акулами, плавай по старинке. Или выключи мотор и жди, пока сами не придут взглянуть на тебя.

Впереди что-то темное возвышалось над дном; сбросив ход, они приблизились к коралловой гряде высотой двадцать-тридцать футов.

– Здесь живет один мой старый приятель, – сказал Дон. – Посмотрим, может быть, он дома? Почти четыре года не виделись, да разве это срок для него – ему лет двести, не меньше!

Они проплывали мимо огромного, покрытого зеленью кораллового гриба.

Франклин рассматривал тени под ним. Вот огромные глыбы, а вот чета изящных помакантид, совсем плоских: он чуть не потерял их из виду, когда они повернулись к нему хвостом. Но ничего похожего на то, о чем рассказывал Берли.

Вдруг одна из глыб сдвинулась с места и поплыла – хорошо, что не в его сторону! Рыбина, какой он в жизни не видел, – длиной почти с торпеду и намного толще, – уставилась на него огромными выпуклыми глазищами. Она разинула толстогубую пасть, и Франклин почувствовал себя, как Иона в тот великий миг, который навеки прославил его. Блеснули неожиданно мелкие зубы, и пасть захлопнулась; он даже ощутил толчок воды.

По голосу Дона было слышно, как он рад этой встрече, напомнившей ему пору, когда он сам был курсантом.

– Привет, старина Губошлеп, давненько не виделись! Правда, хорош? Семьсот пятьдесят фунтов, положись на

мое слово. Есть его фотографии, снятые восемьдесят лет назад, он на них ненамного меньше. Удивительно, как подводные охотники не добрались до него, когда еще тут не было заповедника.

– Меня больше удивляет, как он до них не добрался, – заметил Франклин.

– Он же совсем безопасен. Промикропсы питаются только тем, что могут проглотить целиком. Зубешки у него мелковаты, кусать не приспособлены. Нет, человека ему не одолеть. Разве что еще лет через сто…

Оставив великана охранять вход в свою обитель, они продолжали плыть вдоль рифа. Дальше особых приключений не было, если не считать встречи с большим скатом, который, завидев их, снялся со дна, часто-часто хлопая «крыльями». Плывя, он удивительно напоминал огромные самолеты с дельтовидным крылом, которые парили в воздушном океане лет шестьдесят-семьдесят назад. Удивительно, подумал Франклин, как природа предвосхитила многие изобретения человека. Взять хотя бы форму этой торпеды, даже самый принцип реактивного движения.

– Обогнем риф, замкнем круг, – сказал Дон. – Минут за сорок дойдем до пирса. Как самочувствие?

– Отлично.

– Уши не болят?

– Левое ухо поначалу вроде бы заложило, но теперь ничего.

– Ладно, тогда пошли. Иди чуть сзади и выше, чтобы я видел тебя в зеркальце. А то, пока ты шел справа, я все время боялся врезаться в тебя.

Перестроившись, они со скоростью десяти узлов уст-

ремились на восток, следуя за извивами рифа. Дон был доволен прогулкой; Франклин уверенно держался под водой. Конечно, окончательный вывод делать рано, надо еще посмотреть, как он поведет себя в аварийном случае. Но это до следующего раза.

Без ведома Франклина ему уже подстроили небольшую каверзу.

4

Дни были похожи один на другой; надолго установился штиль, солнце описывало дугу за дугой в безоблачном небе. Но учение и работа не давали скучать.

По мере того как разум Франклина воспринимал новые знания и навыки, он явно освобождался от власти кошмара, который прежде угнетал его. Про себя Дон иногда сравнивал Франклина с тугой пружиной, которая теперь постепенно раскручивалась. Правда, у него еще бывали ничем не оправданные, казалось бы, вспышки; раз или два из-за этого даже срывались занятия. В одном случае отчасти был повинен Дон, за что он до сих пор казнил себя.

В тот день он с утра туго соображал, так как накануне поздно засиделся с ребятами, которые отмечали окончание курса; им присвоили звание младших смотрителей (с испытательным сроком), и они чрезвычайно гордились значком серебряного дельфина, украсившим их форменки. Похмелье – не похмелье, просто мозги работали вяло, а тут, как назло, подвернулся какой-то сложный вопрос подводной акустики. Даже будь у него голова как стеклышко, Дон постарался бы обойти этот вопрос по кривой – дескать, он

не силен в математике, но если взять графики сжимаемости и температуры, получится то-то и то-то…

Это почти всегда проходило с другими учениками, но Франклина отличало нелепое пристрастие к частностям. Он принялся вычерчивать графики и дифференцировать уравнения, а Дон тихо бесился, предвидя, что сейчас будет разоблачено его невежество. Франклин быстро убедился, что орешек ему не по зубам, и попросил помощи у своего наставника. Тот сам ничего не понимал, но как в этом признаться! Создалось впечатление, что он просто не хочет помочь; в итоге Франклин вспылил и сердито вышел из класса. А Дон отправился в амбулаторию и с досадой обнаружил, что выпускники уже разобрали весь аспирин.

К счастью, такие недоразумения случались редко; оба научились уважать друг друга и идти на какие-то уступки. Вообще же Франклин не пользовался любовью преподавателей и курсантов. Во-первых, он сам избегал близких знакомств, за что местное общество признало его зазнайкой. Курсанты завидовали его привилегиям, особенно отдельной комнате. Преподаватели были недовольны дополнительной нагрузкой, а еще тем, что ничего не могли о нем выведать. И Дон, к своему собственному удивлению, не раз ловил себя на том, что с жаром защищает Франклина от нападок своих коллег.

– Он не такой уж плохой парень, когда узнаешь его поближе, – говорил он. – Не хочет о себе рассказывать – ну и что же, это его личное дело. Самое высокое начальство стоит за него – значит, заслужил. Я уж не говорю о том, что он любого из вас за пояс заткнет, когда я сделаю из него смотрителя.

Несколько человек недоверчиво фыркнули, а кто-то спросил:

– А на сюрпризах ты проверял его?

– Еще нет, но скоро проверю. Отличную штуку придумал. Поглядим, как выпутается. Потом расскажу.

– Пять против одного, что он перетрусит.

– Идет. Копи деньги.

Выходя второй раз с Доном на торпедах, Франклин не подозревал, какое развлечение ему приготовлено, и он, конечно, не мог знать, что от него зависит исход пари. Оставив позади пирс, они пошли южным курсом на глубине около тридцати футов. Пересекли расчищенный взрывами узкий проход для мелких судов Научно-исследовательской станции и сделали круг возле подводной кабины, позволяющей ученым со всеми удобствами изучать обитателей морского дна. Но в кабине было пусто, никто не смотрел на них сквозь толстое зеркальное стекло иллюминаторов. Интересно, спросил себя Франклин, чем сейчас занята юная любительница акул?

– А теперь – к рифу Вистари, – сказал Дон. – Поупражняешься в навигации.

И он развернулся на запад; там было глубже. Видимость в этот день не достигала и тридцати футов, уследить за ним было нелегко. Но вот Дон сбавил ход и пошел по кругу, ставя задачу Франклину.

– Сперва пойдешь так: курс двести пятьдесят, скорость десять узлов, время – одна минута. Потом с той же скоростью курсом ноль десять, время то же. Там встретимся. Понятно?

Франклин повторил условия; они сверили часы. Смысл

задачи был ясен: маршрут представляет собой две стороны равностороннего треугольника – сам Дон, очевидно, не спеша пойдет к назначенной точке вдоль третьей стороны.

Франклин лег на заданный курс, нажал педаль скорости, и торпеда рванулась вперед, в голубую мглу. Лишь по тому, как тугая встречная струя хлестала по коленям, мог он судить о быстроте хода, а ведь без щитка его сразу бы смело с аппарата. Иногда внизу мелькало дно – гладкое и скучное здесь, в проливе между могучими рифами, – а в одном месте он настиг стайку щетинозубов, которые, заметив его, бросились врассыпную.

Вдруг он осознал, что впервые идет под водой один, окруженный стихией, в которой ему жить и работать. Эта среда служит ему опорой, она защищает его, но может в две-три минуты убить, если он ошибется. Или если вдруг подведет снаряжение. Однако мысль об этом не испортила ему настроения, он был достаточно уверен в себе и в своих навыках, которые совершенствовались с каждым днем. Франклин знал теперь, чего море требует от человека, и готов был принять вызов. С радостью он подумал, что жизнь его вновь наполнилась смыслом.

Одна минута. Он реверсировал водомет и сбавил скорость до четырех узлов. Пройдена треть мили, пора ложиться на новый курс; вторая сторона треугольника приведет его к Дону.

Он повернул рычажок вправо и тотчас понял: что-то неладно. Торпеда вышла из повиновения и тяжело переваливалась с боку на бок. Тогда он выключил двигатель; лишенный тяги, аппарат медленно повлек его ко дну.

Лежа на спине своего взбунтовавшегося рысака,

Франклин пытался сообразить, в чем дело. Неудача не столько встревожила, сколько рассердила его. Вызывать Дона бессмысленно, эти маленькие радиостанции обеспечивают связь под водой от силы на двести метров. Как же быть?

Мозг подсказал сразу несколько ответов – и все не то. Починить торпеду нельзя, приборная доска запечатана, да у него и нет инструментов. Судя по тому, что отказали вертикальный и горизонтальный рули, поломка серьезная. Непонятно, как это могло случиться.

Уже пятьдесят футов, и он погружается все быстрее. Внизу показался плоский песчаный грунт; Франклин с трудом подавил безотчетный порыв – продуть цистерны торпеды и всплыть. Кажется, что может быть естественнее при неисправности – подняться к солнцу и воздуху, но это было бы самое неудачное решение. На дне он не торопясь все обдумает, а на поверхности его может унести течением на много миль в сторону. Конечно, База быстро поймает его радиосигналы, но Франклин хотел выпутаться сам, без посторонней помощи.

Торпеда легла на грунт; несильное течение быстро унесло поднятое ею облачко песка. Откуда-то явился небольшой промикропс и уставился на чужака своими выпученными глазами. Франклину было не до зрителей Он осторожно слез с аппарата и направился к корме. Без ластов его подвижность была сильно ограничена; к счастью, на корпусе было достаточно ручек, позволявших без труда передвигаться вдоль торпеды.

Так и есть (но не понятно, почему) – рули болтаются как попало. Он легко вертел их во все стороны, не ощущая

никакого сопротивления. А если приладить наружные тяжи и попробовать править вручную? В кармашке на поясе есть нейлоновый тросик и нож. Но как прикрепить тросик к гладким, обтекаемым лопастям?

Похоже, придется шагать обратно пешком – пустить мотор на малой скорости и идти за торпедой, направляя ее руками. Не очень удобно, но теоретически допустимо, а что тут еще придумаешь?

Франклин поглядел на часы. Всего две минуты, как он сделал безуспешную попытку лечь на новый курс; значит, он пока только на минуту опаздывает к месту встречи. Дон еще не успел встревожиться, но скоро начнет искать запропавшего ученика. Может быть, самое разумное – ждать здесь, пока не появится Дон?

И тут в душе Франклина родилось подозрение, которое через секунду сменилось полной уверенностью. Он припомнил различные толки, которые ему доводилось слышать, вспомнил, как держался Дон перед выходом в море: у него было смущенно-натянутое лицо, точно он втайне приготовил какую-то каверзу.

Ну, конечно. Все это подстроено нарочно. И Дон сейчас ждет, что он предпримет: парит за пределами видимости, готовый прийти на помощь, если дело обернется скверно. Франклин окинул взглядом полушарие, которым ограничивалось его поле зрения, – не притаилась ли во мгле вторая торпеда? Он ничего не увидел – и не удивился. Берли слишком умен, его так легко не поймаешь. Но это в корне все меняет. Теперь задача Франклина не только выпутаться самому, но и сообразить, как можно отыграться на Доне.

Он вернулся к пульту и включил двигатель. Легонько

нажал на педаль скорости; торпеда вздрогнула, под соплом забился вихрь песка. После нескольких проб Франклин убедился, что можно идти за аппаратом пешком, надо только все время следить, чтобы он не взмыл к поверхности или не зарылся носом в песок. Конечно, так не скоро доберешься до дому, но другого выхода нет.

Франклин прошел не больше десятка шагов, провожаемый свитой озадаченных рыб, когда его осенила новая мысль. Да нет, слишком это просто, ничего не выйдет… А почему не попробовать? Он лег на торпеду, как положено, и, двигаясь вперед и назад, добился полного равновесия.

Потом поднял нос аппарата, раздвинул руки в стороны и дал педалью малый ход.

Нелегко было все время напрягать запястья, мгновенно отзываясь, когда торпеда пыталась вильнуть вниз или в сторону. Но в общем-то вполне можно было править ладонями; примерно то же самое, что ехать на велосипеде, сложив руки на груди. На скорости в пять узлов площадь его ладоней оказалась в самый раз, торпеда хорошо слушалась.

Интересно, кто-нибудь до него ходил таким способом?.. Франклин был очень доволен собой. Попробовал увеличить скорость до восьми узлов, но руки не выдерживали такого напора воды, и он сбавил ход, не дожидаясь, когда потеряет управление.

А почему бы теперь не пойти к назначенному месту – вдруг Дон ждет его? Он опоздает на несколько минут, зато докажет, что способен, несмотря на подстроенные – он в этом больше не сомневался, – препятствия, выполнить задание.

Дона не было ни в условленной точке, ни по соседству с ней. Не трудно было представить себе, что произошло. Неожиданная прыть Франклина застигла Берли врасплох, и он потерял ученика в подводной мгле. Ничего, пусть поищет. Чтобы все было по правилам, Франклин включил радио и сделал вызов, но ответа не последовало.

– Иду домой! – крикнул Франклин в окружающую его толщу.

Тишина. Видно, Дон ушел слишком далеко, мечется, не знает, где и искать своего подопечного.

Идти и дальше под водой – значило только затруднять себе ориентировку и управление. Франклин всплыл и увидел, что меньше тысячи ярдов отделяет его от пирса ремонтников. Перенеся тяжесть назад, так что нос торпеды задрался, он заскользил по поверхности, словно глиссер, и через пять минут был дома.

Пропустив аппарат через антикоррозийную обмывку, обязательную после работы в соленой воде, Франклин приступил к исследованию. Снял приборную доску и тотчас увидел, что ему досталась не совсем обычная торпеда. Без схемы нельзя было точно определить назначение этих радиоуправляемых реле, но он догадывался, что у них увлекательнейший репертуар. Они, конечно, могут остановить двигатель, продуть или наполнить водой цистерны плавучести, отключить рули. Франклин подозревал, что при желании можно также вывести из строя компас и глубиномер. Словом, кто-то основательно потрудился и создал подходящего рысака для чересчур самоуверенных курсантов.

Он поставил на место доску и доложил о своем прибытии дежурному.

– Видимость никудышная, – добавил он; это была чистая правда. – Мы с Доном потеряли друг друга, и я решил вернуться. Наверно, и он скоро придет.

Когда Франклин вошел в столовую один, без инструктора, молча сел в сторонке и погрузился в чтение журнала, все были явно озадачены. Сорок минут спустя грохот дверей возвестил о прибытии Дона. Надо было видеть его лицо, эту смесь облегчения и растерянности, когда он, окинув взглядом помещение, узрел своего пропавшего ученика, который с самым невинным видом спросил его:

– Ты где пропал?

Берли повернулся к своим коллегам и вытянул руку ладонью кверху.

– Платите, ребята, – скомандовал он.

Его сомнениям пришел конец: этот парень ему определенно нравился.

5

«Не похожи на обычных ученых гостей», – решила Индра, когда по пути в свою лабораторию заметила двух мужчин, которые стояли у перил, ограждающих главный бассейн аквариума. И только подойдя ближе, она разглядела их. Тот, что пошире в плечах и повыше ростом, – старший смотритель Берли, а второй, очевидно, знаменитый человек-загадка, которого он обучает по ускоренной программе. Она слышала его фамилию, но не запомнила, так как дела школы ее мало занимали. Как представитель *чистой* науки, Индра свысока смотрела на сугубо практическую деятельность Отдела китов, хотя если бы

кто-нибудь открыто обвинил ее в интеллектуальном снобизме, она бы возмутилась.

Их разделяло несколько шагов, когда Индра сообразила, что и второго тоже уже встречала. В свою очередь, обращенное к ней лицо Франклина словно говорило: «А ведь мы где-то виделись?»

– Здравствуйте, – сказала она, остановившись рядом с ними. – Вы меня помните? Девушка, которая коллекционирует акул.

Франклин улыбнулся и ответил:

– Конечно, помню, меня до сих пор иногда мутит. Надеюсь, вы нашли уйму витаминов?

Но озадаченное выражение, как у человека, который тщетно силится что-то припомнить, не покидало его лица. У Франклина был такой потерянный вид, что Индра поймала себя на сочувствии к нему. Уж это совсем ни к чему! Мало ей тех случаев, когда с трудом удавалось уберечься от сердечных конфликтов? И она строго повторила в уме свое твердое решение: «Не раньше, чем получу степень магистра…»

– Вот как, вы знакомы, – уныло произнес Дон. – Что ж, представь меня.

Дона можно не опасаться. Он немедля начнет ухаживать за ней; какой смотритель не считает себя сердцеедом! И она вовсе не против – хотя плечистые блондины не в ее вкусе, приятно сознавать, что ты производишь впечатление. Серьезного ничего не будет, она может поручиться за себя.

Правда, с Франклином Индра чувствовала себя далеко не так уверенно.

Они непринужденно беседовали, слегка подтрунивая друг над другом и рассматривая дельфинов и крупных рыб, которые кружили в овальном водоеме. Главный бассейн лаборатории представлял собой искусственную лагуну, вода в нем дважды в сутки освежалась помпой и приливно-отливным течением. Бассейн делился на секции; сквозь проволочные заграждения алчно поглядывали друг на друга неуживчивые экспонаты. Небольшая тигровая акула с неизбежными прилипалами на спине металась в подводной клетке, не сводя глаз с вкуснейших пампано, сновавших по соседству. В других отделениях можно было наблюдать удивительные примеры сосуществования. Ярко окрашенные лангусты – ни дать ни взять огромные размалеванные креветки – копошились в нескольких дюймах от хищной пасти страшной мурены. А стайка молодых лососей, похожих на сардины из консервной банки, юлила перед носом у старого промикропса, который мог всех их проглотить одним махом.

Этот маленький безмятежный мирок был так не похож на риф, где шла непрекращающаяся битва. Правда, если бы сотрудники лаборатории хоть раз забыли покормить своих подопечных, гармонии быстро пришел бы конец и население бассейна катастрофически сократилось бы.

Разговаривал преимущественно Дон; он как будто совсем забыл, что привел сюда Франклина, чтобы показать ему учебные фильмы про китов из обширной лабораторной фильмотеки. Старший смотритель Берли явно старался произвести впечатление на Индру, не подозревая, что она видит его насквозь. Франклин не без интереса наблюдал за этой игрой. Один раз Индра перехватила его взгляд, когда

Дон расписывал трудности и лишения, выпадающие на долю простого смотрителя, и они улыбнулись друг другу как люди, знающие забавный секрет. И вдруг Индра подумала, что степень магистра, возможно, еще не самое главное на свете. Нет, нет, никаких романов, но не мешало бы побольше узнать о Франклине. Как его имя?.. Да – Уолтер. Есть более красивые имена, ну, и это ничего.

Твердо уверенный, что покоряет еще одно слабое женское сердце, Дон не улавливал эмоциональных токов, которые пронизывали воздух, не касаясь его. Обнаружив вдруг, что они уже на двадцать минут опаздывают в просмотровый зал, он шутя пожурил Франклина; тот принял выговор кротко и рассеянно. Весь этот день его мысли витали далеко от занятий, но Дон ничего не заметил.

Первая часть курса была, в сущности, закончена. Франклин изучил основы профессии смотрителя, теперь дело было за опытом, который он мог приобрести только со временем. Его успехи по всем статьям превзошли ожидания Дона. Сыграла роль научная подготовка да и врожденная смекалка.

К тому же Франклин занимался с настойчивостью и решимостью, которая иногда пугала его учителя. Словно для него было вопросом жизни и смерти одолеть этот курс. Слов нет, поначалу он раскачивался туговато, первые дни был апатичным, новая профессия его, очевидно, не захватила. Потом он ожил, открыв для себя замечательные возможности, щедро заложенные в стихии, которую он должен был подчинить себе. Дон не был склонен к образному мышлению, но Франклин напоминал ему человека, пробуждающегося от долгого тяжелого сна.

Первый выход на торпедах был решающей проверкой. Возможно, Франклину никогда не придется пользоваться торпедами, разве что для развлечения; эти аппараты создавали с расчетом на мелководье и короткие переходы, а рабочее место смотрителя – в сухой уютной кабине подводной лодки, под защитой прочного корпуса. Однако каким бы умелым и знающим ни был водитель, если он не держался в воде легко и уверенно (но не самонадеянно!), он не годился в смотрители.

Успешно прошел Франклин и другие испытания: декомпрессия, углекислый газ, глубинное опьянение. Берли отвел его в «камеру пыток» учебного комбината, и врачи начали постепенно повышать давление, имитируя спуск. Он чувствовал себя хорошо до глубины ста пятидесяти футов, дальше стал туго соображать и не мог решить простейших арифметических примеров, которые ему задавали по интеркому. На глубине трехсот футов он захмелел и отпускал остроты, от которых сам хохотал до слез; следившие за ним врачи не видели в них ничего смешного. (Потом, прослушивая магнитофонную запись, Франклин согласился с ними.) На глубине трехсот пятидесяти футов он еще был в сознании, но не реагировал на голос Дона, даже когда тот поносил его самыми черными словами.

Наконец на глубине четырехсот футов он впал в беспамятство, после чего давление медленно понизили до нормального.

Хотя это вряд ли могло ему понадобиться, Франклин испытал на себе также газовые смеси, позволяющие человеку сохранять работоспособность на гораздо больших глубинах. Конечно, он будет погружаться не с дыхатель-

ным аппаратом, а в удобной кабине подводной лодки, дыша обычным воздухом при нормальном давлении. Но смотритель должен быть на все руки мастер – мало ли какую технику придется использовать при аварии.

Мысль о том, чтобы оказаться с Франклином вдвоем в учебной лодке, теперь не пугала Берли. Несмотря на скрытность ученика и загадочность его прошлого, они сработались, как полагается коллегам. Друзьями они пока не стали, но в душе уважали друг друга.

Выйдя первый раз на подводной лодке, они держались на малой глубине между Большим Барьерным и материком. Франклин осваивал управление лодкой и – самое главное – навигационные приборы. «Сумеешь провести лодку здесь, в лабиринте рифов и островков, – сказал Дон, – потом проведешь ее где угодно». И если не считать того, что он чуть не врезался на полном ходу в остров Мастхед, Франклин совсем неплохо выполнил задачу. Сложные маршруты по пульту управления его пальцы проходили осмотрительно и точно. Дон знал, что скоро к Франклину придет автоматизм, он будет подсознательно регистрировать показания всех шкал и индикаторов, пока что-нибудь не насторожит его.

Дон предлагал все более трудные задания – например, прокладывать счислением замысловатейшие курсы; по сетке гидролокатора они проверяли, куда пришли на самом деле. И лишь когда он почувствовал, что Франклин уверенно управляет лодкой, они через край материковой отмели вышли на глубоководье.

Но мало водить скаутсаб; надо, чтобы глаза и уши разведчика стали твоими и ты понимал все виды инфор-

мации, подаваемой на пульт приборами, которые непрерывно зондируют подводный мир. Пожалуй, главными были датчики гидролокатора. В самой мутной воде и в кромешной тьме акустические импульсы безошибочно находили все препятствия в пределах десяти миль и показывали многие подробности. Гидролокатор рисовал очертания морского дна, за полмили видел двух-трехфутовых рыб. А китов и других крупных животных он обнаруживал на пределе дальности и точно устанавливал их положение.

Зрение разведчика было более ограничено. В океанской толще, подальше от нескончаемых струй ила, ползущих над шельфом, иногда – очень редко – можно было видеть на двести футов. А в прибрежных водах телевизионный глаз с трудом проникал дальше пятидесяти футов, зато уж получалось такое изображение, какого другие приборы не могли дать.

Но поисковая лодка должна не только видеть и слышать, ей надо действовать. И Франклин учился владеть своим арсеналом. Тут были буры, которые брали пробы грунта, приборы для проверки заграждений, механизмы, чтобы собирать образцы фауны и флоры, клейма для безболезненного мечения строптивых китов, электрозонды – давать острастку излишне любопытным хищникам. Маленькие торпеды и отравленные «жала», которые в несколько секунд убивали даже самых могучих животных, применялись в исключительных случаях.

Осваивая все эти принадлежности своей новой профессии, Франклин каждый день выходил далеко в океан. Иногда они пересекали заграждение, и ему казалось, что он

буквально воспринимает этот никогда не смолкающий тонкий, пронзительный визг. Акустические генераторы, посылающие из пучины к поверхности веерные лучи, опоясывали уже половину земного шара.

«Что сказали бы об этом наши деды и прадеды»? – спрашивал себя Франклин. В известном смысле это можно было назвать величайшим и самым дерзким из всех свершений человека. Море, с начала времен диктовавшее людям свою волю, наконец-то было укрощено. Победа, которую можно поставить в один ряд с покорением космоса.

Но эта победа никогда не будет окончательной. Море только и ждет случая, чтобы нанести удар, и каждый год оно требует жертв. В Отделе китов Франклин видел список погибших. В нем немало имен – и много места для новых.

Хочешь вести дела с морем, умей с ним ладить, и Франклин постигал эту науку. Ему некогда было читать что-нибудь сверх программы, но он пролистал «Моби Дик» – книгу, которую почти всерьез называли библией Отдела китов. В целом она показалась ему скучной и очень далекой от мира, в котором он жил. Но местами повесть Мелвилла с ее архаичным и напыщенным слогом задевала какие-то струны его души и помогала лучше узнать океан, который он тоже должен был научиться ненавидеть и любить.

А вот Дон Берли начисто отвергал «Моби Дика» и частенько подшучивал над теми, кто без конца его цитировал.

– Мы могли бы кое-чему поучить этого Мелвилла! – снисходительно бросил он однажды.

– Конечно, могли бы, – согласился Франклин. – А ты

бы решился бить кашалотов ручным гарпуном с открытой лодки?

Дон промолчал. Он не был в этом уверен, а врать не хотел.

Зато он был уверен в другом. Видя, как быстро Франклин осваивает новое дело, обещая уже через несколько лет стать старшим смотрителем, Дон с уверенностью мог сказать, кем был прежде его ученик. Не хочет говорить – его дело. Конечно, обидно, что Франклин ему не доверяет, но ведь рано или поздно все равно расскажет.

Однако не Дон первым узнал истину, а Индра, и получилось это совершенно случайно.

6

Они ежедневно встречались в столовой, правда, Франклин до сих пор не сделал решающего – и почти беспрецедентного – шага, не пересел за стол, за которым обедали научные сотрудники. Столь открытое объяснение в любви привело бы в восторг всех местных сплетников; да и вообще для этого еще не созрело время. Пока что к Индре и Франклину вполне было приложимо избитое «мы только друзья».

Конечно, они нравились друг другу, и конечно, это подметили чуть не все, кроме Дона. Не раз товарищи Индры по работе одобрительно говорили ей: «Айсберг-то начал таять…» – и эти слова доставляли ей удовольствие. Те, кто узнал Франклина поближе и мог позволить себе шутку в разговоре с ним, советовали ему не забывать, что Дон – старший смотритель, а они очень дорожат своей

славой неотразимых. Франклин отвечал натянутой улыбкой, маскирующей чувства, в которых он сам еще как следует не разобрался.

Одиночество, стремление уйти от воспоминаний и потребность отвести душу, особенно острая при такой нагрузке, – все это играло не меньшую роль, чем естественная для всякого мужчины симпатия к обаятельной девушке, какой была Индра. Он не знал, придут ли на смену товарищеским отношениям более серьезные, и даже не был уверен, что хочет этого.

Не была уверена в этом и Индра, хотя ее прежние взгляды были явно поколеблены. Иногда она позволяла себе мечтать, и в этих мечтах карьера отступала куда-то на задний план. Рано или поздно она выйдет замуж, это неотвратимо – и ее избранник будет очень похож на Франклина… Прямо сказать себе, что она мечтает о нем, Индра пока не решалась.

Многое мешало любви на острове Герон, в том числе теснота: чересчур много людей на слишком маленьком пятачке суши. Оставшийся клочок леса не выручал тех, кому хотелось уединиться. Бродя ночью по его тропинкам и закоулкам, следовало очень тактично пользоваться фонариком, который был необходим для того, чтобы не напороться на низко висящие сучья.

Частенько любимое место оказывалось занятым – каково это, если больше некуда пойти!

Только сотрудникам Научно-исследовательской станции повезло. Всеми подводными и большинством надводных плавучих средств на острове распоряжалась администрация, она предоставляла ученым суда для работы.

Но по какой-то необъяснимой случайности в ведении лаборатории остался собственный небольшой флот: баркас и два катамарана, которые принадлежали неизвестно кому. Во всяком случае, они почему-то всегда были в море, когда приезжали ревизоры.

Юрким катам всегда находилась работа, так как маленькая осадка, всего шесть дюймов, позволяла ходить над рифом в любое время, исключая часы отлива. При хорошем попутном ветре они свободно делали двадцать узлов, что очень нравилось любителям гонок. Когда каты не были заняты, ученые ходили на них к соседним островам, чтобы поразить своей удалью друзей – обычно противоположного пола.

Как ни странно, суда и команды всегда благополучно возвращались из походов. Аварий не было, разве что в моральной сфере. Так, после увеселительной прогулки на кате одного очень заслуженного старшего смотрителя пришлось снести на берег на руках, и он поклялся, что никто и ничто не заставит его больше путешествовать по поверхности моря.

Когда Индра спросила Франклина, не сходить ли им на Мастхед, он тотчас согласился. Потом осторожно справился:

– А кто поведет лодку?

Индра даже обиделась.

– Я, конечно, – ответила она. – Маршрут знаю, десятки раз ходила.

Было видно, как она приготовилась дать отпор, если он подвергнет сомнению ее способности, но Франклин промолчал. Он давно убедился, что Индра разумная и урав-

новешенная – пожалуй, даже *слишком* уравновешенная, – девушка. Если она говорит, значит, справится.

Но сперва нужно было решить еще один вопрос. Кат рассчитан на четверых – кого они возьмут с собой?

Ни Франклина, ни Индру нельзя было назвать автором окончательного решения. Оно словно само созрело, пока они перебирали возможных спутников – Дона и друзей Индры по лаборатории. Вдруг разговор оборвался и наступила неловкая тишина, какая порой нарушает самую оживленную беседу.

И они почувствовали, что думают одно и то же и в их отношениях наступила новая пора. Они *никого* не возьмут с собой на Мастхед, воспользуются случаем впервые побыть наедине. Ни он, ни она не хотели признаться себе, что это значит: способность человека к самообману поразительна.

Им удалось улизнуть только во второй половине дня. Франклина мучило чувство вины перед Доном. Как он это воспримет? Наверно, обидится.

Ладно, Дон не злопамятный; переживет это как мужчина.

Индра ничего не упустила: продукты, крем от загара, полотенца – все, что нужно в походе, она припасла. Молодец. Вон как основательно все делает, из нее выйдет хорошая хозяйка. Но тут же Франклин подумал, что деловитые женщины, как правило, счастливы лишь тогда, когда им удается всецело подчинить себе супруга.

С материка дул свежий ветер, и кат запрыгал по волнам, словно живое существо. Франклин еще никогда не ходил под парусами, он с упоением отдался скорости. Откинувшись на потертую обивку открытой кабины, он смотрел,

как остров Герон стремительно уходит назад. Взгляд его остановился на двойной кремового цвета кильватерной струе, потом скользнул по наполненным ветром тугим парусам. И он с мимолетным сожалением подумал: почему все созданные человеком средства транспорта не так же просты и стремительны… Как непохоже это суденышко на полный всевозможных приспособлений скаутсаб. А впрочем, есть задачи, которых не решить простейшим способом, и с этим ничего не поделаешь.

Слева длинной чередой тянулись округлые глыбы коралла, выброшенные за сотни лет штормами на гребень рифа Вистари. Исступленная ярость прибоя на этот раз особенно поразила Франклина. Он часто видел, как волны разбиваются о затопленную преграду, но впервые – так близко и с такого хрупкого суденышка.

Вот и кипящий риф позади, скоро ветер доставит катамаран к цели. А если ветер подведет (что маловероятно), их выручит небольшой водометный двигатель. Но это самое крайнее средство, каждый считал делом чести вернуться с полным баком горючего.

Хотя они впервые очутились вдвоем, говорить не хотелось. Они вели немой диалог, им было хорошо в открытом море под открытым небом. Сверху и снизу – чистая голубизна, и только вдали мглистая кромка горизонта.

Остальной мир не существовал, и даже время как будто остановилось.

Франклин был готов лежать так вечно, отдавшись плавному движению лодки, перышком скользившей по волнам.

Но вот впереди возникло низкое темное облако, потом

оно обернулось лесистым островком; барьерный риф преграждал путь к полоске песчаного пляжа. Индра нахмурилась и сосредоточила все внимание на лодке. Франклин озабоченно посмотрел на опоясавшие остров буруны.

– Как же мы тут пройдем? – спросил он.

– С подветренной стороны. Там спокойнее, и сейчас прилив, проскочим над рифом. В крайнем случае бросим якорь и дойдем до берега вброд.

Франклин подумал, что к такой задаче можно было бы отнестись и посерьезнее. Если Индра переоценит свои силы и промахнется, будут добираться до берега вплавь. Это не так уж опасно, но и не очень приятно. Еще неприятнее ждать постыдной минуты, когда за ними придут спасатели с Герона…

То ли он по незнанию преувеличивал трудности, то ли Индра и впрямь знала свое дело. Обогнув остров, они с другой стороны нашли место, где в бурунах был просвет; Индра развернула кат и пошла к берегу.

Франклин напрасно ждал хруста кораллов и треска крошащейся пластмассы. Катамаран птицей пронесся над гребнем, отчетливо видным в сморщенной рябью воде. Миновав опасный участок, лодка заскользила по тихой лагуне. Казалось, чем ближе берег, тем больше скорость.

В последнюю секунду Индра убрала грот. Мягкий толчок – катамаран коснулся песка и с ходу почти весь выскочил на пляж.

– Приехали, – сказала Индра. – Необитаемый остров в вашем распоряжении, распишитесь.

Франклин никогда не видел ее такой веселой и беззаботной, было заметно, что и она рада случаю несколько

часов отдохнуть от повседневной напряженной работы. Или это его общество превратило сосредоточенного исследователя в живую, бойкую девушку? Как бы то ни было, ему нравилась перемена.

Выбравшись из лодки, они отнесли свои припасы в тень, под кокосовые пальмы, недавно завезенные на эти острова, где прежде безраздельно властвовали панданусы с корнями-ходулями и писонии. Можно было подумать, что накануне тут побывал кто-то еще: от кромки воды в глубь острова тянулись странные следы, будто прошел узкорядный трактор. Эти следы могли бы озадачить любого, кто не знал, что большие черепахи выходят на берег, чтобы отложить яйца.

Зачалив кат, Франклин и Индра отправились на разведку. Верно сказано, что все коралловые острова на одно лицо, они действительно схожи между собой и отличаются только в частностях. Но даже если вы побывали на десятках таких островков, каждый из них – новое волнующее открытие.

Они пошли вдоль узкой песчаной полоски между лесом и морем.

Местами, где в зарослях были просветы, отклонялись от берега, даже забирались в гущу леса и представляли себе, будто они в сердце Африки, а не в ста ярдах от моря.

На плоском гребне песчаной дюны, где обрывалась одна черепашья тропа, они принялись раскапывать песок руками. Сдались только, углубившись на два фута и не обнаружив ни одного яйца с мягкой, кожистой скорлупой. Вероятно, мамаша проложила ложный след, чтобы обмануть своих врагов. За десять минут они развили эту догадку

в потрясающую идею о разуме пресмыкающихся. Хорошо, что эта гипотеза осталась неизвестной широкому кругу, – вряд ли она прибавила бы лавров Индре, зато, наверно, испортила бы ей научную карьеру.

Пересекая неровный участок, они взялись за руки, да так и пошли дальше, когда изрытые кораллы сменились ровной тропой. Они молчали, но думали друг о друге, и у обоих было хорошо на душе.

Шли они не спеша, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться очередным чудом растительного или животного царства, и кругосветное путешествие заняло два часа. У них разыгрался аппетит, и когда они вернулись к кату, Франклин нетерпеливо принялся разбирать корзину с продовольствием, а Индра занялась примусом.

– Сейчас я заварю котелок настоящего австралийского чая, – сказала она.

– И не удивите меня, – ответил Франклин, улыбаясь; ей очень нравилась его странная улыбка. – Как-никак я здесь родился.

Она даже обиделась.

– Могли бы сказать мне об этом раньше! И вообще пора бы уже…

Индра оборвала фразу на полуслове, но Франклин мысленно договорил за нее: «Пора бы вам уже бросить эту глупую скрытность и рассказать мне что-нибудь о себе».

Невысказанный укор был справедлив, и Франклин смутился; счастливое расположение духа, которое он испытал впервые за много месяцев, на миг покинуло его. Вдруг ему пришла в голову мысль, которой он до сих пор чурался, потому что она могла убить их дружбу. Индра –

ученый и женщина, значит, она вдвойне любопытна. И, однако, она ни разу не задавала ему вопросов о его прошлом. Почему? Это можно объяснить только так: доктор Майерс, который, конечно же, что бы он ни говорил, неприметно наблюдал за Франклином, предупредил ее.

Ему стало совсем горько от мысли, что Индра жалеет его, недоумевая, как и все остальные, что же такое с ним было. И он твердо сказал себе, что не примет любви, основанной на сострадании.

Индра, казалось, не замечала угрюмого молчания Франклина и его смятения. Опустив в бак с горючим гибкую трубку, она тщетно пыталась с помощью этого примитивного сифона заправить примус. Ее усилия показались Франклину такими потешными, что все мрачные мысли вылетели у него из головы.

Наконец примус заработал, и они легли на песок под пальмами, уписывая бутерброды и ожидая, когда закипит вода. Солнце было уже совсем низко, и Франклин прикинул, что они вернутся на Герон только к ночи.

Ничего, сейчас почти полнолуние, будет светло, они доберутся до дома даже без помощи сигнальных огней.

Чай в котелке получился отличным, хотя настоящий австралийский свегмен назвал бы его жидковатым. Они запили свой ужин и, отдыхая после еды, снова как бы невзначай взялись за руки. Теперь у меня есть все, чтобы быть довольным, сказал себе Франклин. И однако, что-то – он не мог понять что – беспокоило его.

Тревога особенно усилилась за последние несколько минут, но он старался ее подавить, оттеснить в глубь сознания. Смешно и нелепо ожидать какой-то опасности здесь, на этом мирном необитаемом островке.

Почему же в лабиринтах мозга звучит тревожный сигнал и что он означает?

Франклин обрадовался, когда Индра отвлекла его новым вопросом. Она пристально глядела на запад, словно искала что-то на небе.

– Скажите, Уолтер, – заговорила она, – это правда, что можно днем увидеть Венеру, если знать, в какую точку смотреть? Я видела ее вчера сразу после заката – она была такая яркая, что можно в это поверить.

– Чистая правда, – ответил Франклин. – И это совсем не трудно. Главное, определить место, а там сразу различишь.

Он сел спиной к стволу, защитил глаза ладонью от лучей заходящего солнца и направил взгляд в небо, хотя не очень-то надеялся найти крохотное серебристое пятнышко. Последние недели Венера была царицей вечернего неба, но не так-то просто ее отыскать, прежде чем скрылось солнце.

Ага… Есть! В молочно-голубом небе блестела звездочка.

– Нашел! – крикнул Франклин, показывая рукой. Индра прищурилась, но ничего не увидела.

– У вас просто рябит в глазах, – пошутила она.

– Да нет же, честное слово, вижу. Приглядитесь получше, – настаивал Франклин, не отрывая взгляда от звезды, чтобы не потерять ее.

– Но Венера не может быть там, – возразила Индра. – Это слишком далеко на север.

Тотчас Франклин с тоской убедился, что она права. Звезда, на которую он смотрел, быстро всходила над горизонтом на западе наперекор законам, управляющим всеми небесными телами.

Он смотрел на Космическую Станцию, самый большой из искусственных спутников Земли, запущенный на высоту тысячи миль. Франклин попытался оторвать глаза от светила, созданного человеком, побороть этот гипноз.

Словно он очутился на краю пропасти: в его душу, грозя поколебать рассудок, вторгся страх перед безбрежной пустотой, разделяющей миры.

Он победил бы, отделавшись легким потрясением, если бы не еще одна роковая случайность. Вдруг его озарило – он понял, что ему не давало покоя: запах горючего, которое Индра набирала из двигателя, характерный сладковатый запах синтена. А память не замедлила подсказать, где он в последний раз чувствовал этот знакомый – слишком хорошо знакомый – аромат.

Синтен… Он был создан для ракетных двигателей, потом, как и все виды химического горючего, устарел и применялся только в маломощных системах, скажем, для космических скафандров.

Космический скафандр.

Это было чересчур. Обоняние и зрение, объединившись, предали его, и он не устоял против двойной атаки. Под напором волны страха в несколько секунд рухнули плотины, воздвигнутые для защиты его сознания.

Франклин чувствовал, как Земля, на которой он сидит, кружится, кружится в космосе, все быстрее, быстрее вращается на своей оси, силясь метнуть его в пространство, словно молот, словно камень. Франклин глухо вскрикнул, упал на живот и зарылся лицом в песок. Обеими руками он ухватился за ствол пальмы, но это не помогло, падение не прекращалось.

Главный инженер Франклин, заместитель командира «Арктура», снова был в космосе и заново переживал кошмар, с которым так надеялся никогда больше не встретиться.

7

Потрясенная, сбитая с толку, Индра тупо уставилась на лежащего ничком, горько, совсем по-детски плачущего Франклина. Но тут же душа и здравый смысл подсказали ей, что надо делать. Она быстро пододвинулась к нему и обняла его вздрагивающие плечи.

– Уолтер, – крикнула Индра. – Все хорошо, чего ты испугался?

Плоские, наивные слова, она сама это понимала, но ей больше ничего не пришло на ум. А Франклин будто и не слышал ее, его по-прежнему била дрожь, и он отчаянно цеплялся за дерево. Жалкое зрелище – мужчина во власти малодушного страха, полностью утративший чувство гордости и собственного достоинства. Он продолжал всхлипывать, но одновременно Индра услышала, что Франклин произносит чье-то имя, – и невольно, даже в такой миг, она ощутила укол ревности: это было женское имя. Чуть слышно шепнет: «Айрин», – и опять зальется слезами.

Того, что Индра знала о медицине, тут явно было недостаточно. Она помешкала, потом бросилась к катамарану, вскрыла аптечку и достала пузырек с сильным болеутоляющим средством. На ярлыке крупными буквами было написано: **«ПРИНИМАТЬ НЕ БОЛЬШЕ ОДНОЙ КАП-**

СУЛЫ». Силой вложив капсулу в рот Франклину, она снова обняла его.

Мало-помалу дрожь унялась, приступ прекратился.

Трудно провести границу между состраданием и любовью. Но если она есть, Индра пересекла ее в эти минуты тревожного ожидания. То, что случилось с Франклином, не оттолкнуло ее от него, она понимала – это последствие чего-то ужасного, пережитого им в прошлом. И, что бы это ни было, ради своего же будущего она должна помочь ему одолеть преследующий его страх.

Сейчас Франклин лежал неподвижно. Он дал себя перевернуть на спину и отпустил дерево, но взгляд его был пустым, губы беззвучно шевелились.

– А теперь поедем домой, – шепотом сказала Индра, словно успокаивала перепугавшегося ребенка. – Вставай, все уже прошло.

Поддерживаемый Индрой, Франклин послушно встал, потом как-то безучастно помог собрать вещи и столкнуть на воду катамаран. Он как будто совсем пришел в себя, только упорно молчал, и глаза его наполняла такая тоска, что Индре было больно глядеть на него.

Надо поспешить, подумала она и пустила двигатель в помощь парусу.

Индра беспокоилась не за себя, как ни опасно очутиться вдали от людей с ненормальным человеком. Ее заботило только одно: поскорее доставить Франклина к врачам.

Начало темнеть; солнце уже коснулось горизонта, и с востока наползала ночь. Один за другим оживали маяки на материке и окружающих островах. И ярче всех сияла на западе косвенная виновница случившегося – Венера.

Неожиданно Франклин заговорил, как будто через силу, но вполне рассудительно.

– Пожалуйста, Индра, извините меня, – сказал он. – Я испортил вам всю прогулку.

– Не говорите глупостей, – возразила она. – При чем тут вы? Выкиньте все из головы. И молчите, не насилуйте себя.

Он снова замолчал и больше не открывал рта до конца путешествия.

Она попробовала взять его за руку, но Франклин сразу как-то напрягся, и стало ясно – сейчас он не хотел этого. Как ни обидно было Индре, она выполнила его невысказанную просьбу. Тем более что нужно было внимательно следить за сигнальными огнями, лавируя среди рифов.

Поздновато они возвращаются… Правда, восходящая луна хорошо освещала море, но посвежел ветер, и совсем рядом то возникали, то пропадали, то вновь возникали призрачно-белые грозные шеренги бурунов вдоль рифа Вистари. Индра следила и за волнами и за мигалкой, которая обозначала оконечность пирса на Героне. Только подойдя достаточно близко к острову, так что было хорошо видно и пирс и берег, она позволила себе перевести дух и взглянуть на Франклина.

Поставив катамаран на якорь, они направились к лаборатории; Франклин держался совсем нормально. Наконец пришло время проститься.

Здесь, на берегу, не было фонарей и в тени под пальмами она не могла разобрать выражения его лица, но, судя по голосу, он вполне владел собой.

– Спасибо, Индра. Вы для меня столько сделали.

– Знаете что, пойдемте к доктору Майерсу. Вам надо посоветоваться с ним.

– Это совсем не нужно. Я в полном порядке, не беспокойтесь.

– А по-моему, все-таки вам нужен врач. Я провожу вас и вызову его.

Франклин затряс головой.

– Нет, нет, прошу вас, дайте мне слово, что вы не сделаете этого.

Как поступить? Индра была в замешательстве. Конечно, самое разумное – согласиться, а потом сделать по-своему. Но простит ли ей Франклин такой обман? В конце концов она пошла на компромисс.

– Тогда обещайте, что вы сами к нему пойдете!

Франклин заколебался. Ему не хотелось на прощанье лгать этой девушке, которая могла бы стать его любимой. Но приглушенный лекарством рассудок одолел все угрызения.

– Хорошо, завтра зайду. Еще раз спасибо!

И он решительно зашагал по тропе, ведущей к учебному корпусу, не дожидаясь новых вопросов Индры.

Она проводила его взглядом; в ее душе соревновались радость и тревога. Радость, что полюбила, тревога – потому что ее любви угрожало что-то непонятное. Постепенно эта тревога вылилась в мысль о том, что, наверно, надо было, даже против воли Франклина, настоять на том, чтобы он немедленно обратился к доктору Майерсу…

Всякому сомнению пришел бы конец, если бы Индра видела, как Франклин, пройдя через лес, свернул к пирсу и, словно лунатик, зашагал к эллингу, откуда начинались все его подводные вылазки.

Сейчас его разум был всего лишь покорным орудием

эмоций, а эмоции настроились на одно. Удар оказался слишком болезненным, чтобы он мог рассуждать; Франклин, будто раненое животное, думал только о том, как избавиться от боли. Его неудержимо влекло туда, где он на какое-то время обрел душевное равновесие.

Никто не встретился Франклину на всем пути до конца пирса.

Спустившись в эллинг, он, как всегда, тщательно стал готовиться к выходу в море. Конечно, не годится посягать на принадлежащее отделу снаряжение, не говоря уже о том, что будут нарушены все учебные графики, но у него просто нет выбора.

Торпеда почти бесшумно выскользнула через подводные ворота наружу.

Впервые Франклин шел ночью. После наступления темноты применялись только закрытые суда, так как ночные плавания были слишком опасны для незащищенного человека. Но Франклин решительно направился к проходу в рифе, за которым простиралось открытое море.

Боль поутихла, но решимость не ослабевала. Здесь он нашел счастье, здесь найдет и забвение.

Кругом был мир полуночной синевы, в который с трудом проникали бледные лучи луны. Привлеченные или, наоборот, испуганные шумом торпеды, жители рифа метались вокруг него, будто светящиеся призраки. Во тьме внизу угадывались знакомые бугры коралла и лощины. Он прощался с ними отрешенно, без грусти.

Участь его решена, мешкать нечего. Франклин выжал до конца педаль скорости, и торпеда рванулась вперед, словно пришпоренный конь, со скоростью, недоступной ни

одному обитателю моря. Далеко позади остались острова Большого Барьерного.

Только раз поглядел он вверх; где-то там простирался мир, из которого он ушел. Вода была на редкость прозрачной, и в ста футах над своей головой Франклин увидел серебряную лунную дорожку снизу, откуда ее мало кто наблюдал. А это размытое, пляшущее пятнышко-сама луна. На секунду застынет, четкая, ясная, и опять волны ее дробят.

В одном месте за ним погналась очень крупная – он еще никогда не видел таких – акула. Сперва огромный силуэт, за которым тянулся светящийся след, возник прямо перед ним, и Франклин даже не попытался свернуть. Она промахнулась совсем немного, он успел заметить устремленный на него глаз, пластинчатые жабры и неизменную свиту – лоцманов и прилипал. А когда Франклин оглянулся назад, акула шла за ним, влекомая то ли любопытством, то ли голодом, то ли еще каким-нибудь инстинктом, – какая разница! Почти минуту она его преследовала, но скорость торпеды была слишком велика, и акула отстала. Франклин впервые встретил такую назойливую акулу. Обычно гул турбины отпугивал их; но в темное время суток жизнью рифа управляли уже не те законы, что днем.

Прикрытый выпуклым щитом от тугих вихрей воды, спеша выйти на океанский простор, он пронизывал лучезарную ночь, окутавшую половину земного шара. Франклин и теперь вел торпеду уверенно и безошибочно; он точно знал, где находится и когда достигнет цели. Знал, какие глубины впереди. Еще несколько минут – и дно круто устремится вниз, придет время прощаться с рифом.

Он слегка наклонил нос торпеды и сбавил ход до малого. Могучий встречный поток прекратился, и Франклин медленно пошел над скрытым во тьме длинным откосом, зная, что не увидит его конца.

Хилый, процеженный свет луны становился все слабее по мере того, как увеличивался пласт воды, отделяющий Франклина от поверхности. Он нарочно не глядел на глубиномер, чтобы не думать о том, сколько саженей над ним. С каждой минутой росло давление на его тело, но ему это не было неприятно, напротив, он приветствовал это ощущение, добровольно отдавая себя во власть великой праматери всего живущего.

Темнота стала полной; он был один в ночи, какой никогда не знал на суше, настолько она была осязаемой, плотной. Иногда внизу – расстояния не определишь – мелькал свет; это неведомые жители пучины занимались своими таинственными делами. Или вспыхивали целые галактики – и тут же гасли, напоминая ему, что перед вечностью и настоящие созвездия столь же эфемерны.

Ему туманило голову глубинное опьянение; еще ни один аквалангист, дышащий сжатым воздухом, не возвращался живым с такой глубины. Баллоны подавали воздух в десять раз плотнее обычного, а торпеда продолжала идти вниз, в кромешную пучину. Блаженная эйфория затопила его сознание, стирая все обязательства, все печали, все страхи.

Впрочем, нет – одна вещь его печалила в преддверии конца. Жаль Индру: с ним она могла найти счастье, а теперь ей придется снова искать.

Потом… потом было только море, неодушевленная

машина, которая все медленнее шла вглубь, удаляясь от берега в океан.

8

В комнате было четверо; все они молчали. Начальник школы нервно кусал губы. Дон Берли отупело глядел на стену, Индра старалась удержать слезы. Только доктор Майерс сохранял невозмутимый вид, хотя в душе он чертыхался. Что за проклятое невезение! Невероятно и необъяснимо: он мог побиться об заклад, что Франклин полным ходом поправляется, все самое страшное позади. И вдруг такой срыв!

– Остается только одно, – неожиданно сказал начальник школы, – выслать на поиск все наши подводные суда.

Дон Берли зашевелился – медленно, словно у него на плечах лежал тяжелый груз.

– Сейчас двенадцать часов. За это время он мог пройти пятьсот миль. А у нас здесь всего шесть опытных водителей.

– Знаю, это все равно что искать иголку в стогу сена. Но ничего другого мы не можем сделать.

– Лучше несколько лишних минут подумать, чем искать наобум и тратить впустую часы, – возразил доктор Майерс. – Полсуток прошло, теперь минуты роли не играют. С вашего разрешения я хотел бы поговорить с мисс Лангенбург наедине.

– Пожалуйста, если она не против.

Индра молча кивнула. Она кляла себя – это все ее вина, надо было немедленно пойти к врачу, как только они вер-

нулись с прогулки. Интуиция обманула… Теперь эта же интуиция подсказывала, что положение безнадежно. Хоть бы она опять ошиблась!

– Послушайте, Индра, – мягко начал Майерс, когда остальные вышли, – если мы хотим помочь Франклину, надо сохранять присутствие духа и попытаться представить себе, что могло случиться. Перестаньте корить себя, вы ни в чем не виноваты. Тут вообще никого нельзя винить.

«Разве что меня, – мрачно подумал он. – Но кто мог это предвидеть? Мы до сих пор так мало знаем об астрофобии… И ведь это совсем не моя специальность».

Индра изобразила мужественную улыбку. До вчерашнего дня она считала себя вполне самостоятельной, способной выдержать любые испытания. Но это было так давно…

– Прошу вас, расскажите, что было с Уолтером? – сказала она. – Тогда мне легче будет понять.

Естественный и разумный вопрос; Майерс и сам уже решил, что Индре надо знать правду.

– Хорошо. Но помните, ради самого Уолтера: это строго между нами. Я вам рассказываю лишь потому, что дело идет о его жизни. Еще год назад Уолтер был космонавтом очень высокой квалификации, точнее – главным инженером лайнера, который ходил на Марс. Сами понимаете, должность ответственная, а это было только начало его карьеры. Где-то на полпути случилась авария. Выключили ионную тягу, и Уолтер вышел в скафандре из корабля, чтобы устранить неисправность. Ничего особенного, рядовая операция, но прежде чем он ее закончил, скафандр вышел из строя. Вернее, сам скафандр был цел,

он не мог управлять силовой установкой, не мог выключить ракеты своего индивидуального двигателя.

И вот он, набирая скорость, летит прочь от корабля, а до Земли и Марса – миллионы миль. Да он еще в самом начале столкнулся с лайнером и потерял антенну. В итоге Уолтер не мог воспользоваться своей радиостанцией – ни помощи вызвать, ни узнать, что делается для его спасения. Несколько минут, и корабль пропал из виду, он остался в полном одиночестве.

Кто сам этого не пережил, не может представить себе, что это такое.

Вы только подумайте: предельная изоляция, летишь в межзвездном пространстве и не знаешь, спасут ли тебя. Никакие земные ощущения, скажем, сильное головокружение или – еще того хуже – морская болезнь, не сравнятся с этим.

Его спасли через четыре часа. Строго говоря, Уолтеру ничто не угрожало, и он, вероятно, понимал это, но от этого легче ему не было.

Его сразу нащупали корабельным радаром, но пойти за ним смогли лишь после того, как исправили двигатель. Когда Уолтера, наконец, подобрали, он… скажем так: он был очень плох. Лучшие психологи Земли почти год лечили его, но, как мы с вами убедились, недолечили. Правда, тут еще примешалось одно обстоятельство, с которым психологи ничего не могли сделать.

Майерс остановился. Что сейчас думает Индра? И как повлияет на ее чувство к Франклину то, что он скажет? Первое потрясение как будто прошло. Слава богу, она не принадлежит к истеричному типу, не то ему пришлось бы туго.

– Понимаете, Уолтер был женат. Жена и дети жили на Марсе, он их очень любил. Жена там и родилась, а дети представляли уже третье поколение уроженцев Марса. Они всю жизнь росли при марсианском тяготении, там были зачаты, там появились на свет. В итоге путь на Землю им закрыт, ведь здесь они бы весили в три раза больше, собственный вес раздавил бы их.

А Уолтер не может выйти в космос! Его удалось подлечить настолько, что он в состоянии работать на Земле. Но невесомость или сознание того, что кругом, до самых звезд, простирается пустота, – все это ему теперь, мягко говоря, противопоказано. Так что он стал изгнанником на родной планете, навсегда отрезанным от семьи.

Мы сделали для него все, и сделали хорошо. Подобрали такое дело, в котором он мог найти приложение своим способностям. Были и важные психологические соображения считать эту работу особенно подходящей, чтобы вернуть его к полноценной жизни. Вы, как биолог, не хуже, если не лучше меня, это поймете. Вы знаете, как сильно мы связаны с морем. Это не то, что космос, там мы никогда не будем чувствовать себя как дома. Во всяком случае, пока человек не видоизменится.

Здесь я наблюдал за Франклином; он знал об этом, и ему это не мешало. С каждым днем он чувствовал себя лучше, и работа ему все больше нравилась. Дон не мог на него нахвалиться, говорил, что у него никогда не было лучшего ученика. И я обрадовался, когда узнал – не спрашивайте как! – что Франклин увлекся вами. Сами понимаете, у человека вся жизнь поломалась – и вот он начал строить ее заново. Вы только не обижайтесь на мои

выражения, но когда выяснилось, что он проводит с вами свои свободные часы, даже нарочно выкраивает время для вас, я понял, что он перестал цепляться за прошлое.

И вдруг такое несчастье. Прямо скажу, я совершенно сбит с толку.

Вот вы говорите, что он в это время смотрел на Космическую Станцию. Ну, а дальше? Уолтер приехал сюда с сильной высотобоязнью, но ведь потом она почти прошла. И станцию он видел далеко не первый раз. Значит, был еще какой-то неизвестный нам фактор.

Доктор Майерс прервал свой монолог, словно ему только что пришла в голову новая мысль, и осторожно спросил:

– Скажите, Индра, он по-настоящему ухаживал за вами?

– Нет, – ответила она спокойно, без всякого замешательства. – Ничего такого не было.

Он почувствовал, что это правда, об этом говорила нотка сожаления в голосе Индры.

– Я почему спросил: может быть, Франклин считает себя виноватым перед женой? Возможно, он этого сам не сознавал, но вы напомнили ему ее, с этого все и началось. Но оставим эти догадки, они тоже не объясняют всего. Единственное, что мы знаем точно: у него был какой-то очень сильный приступ. Вы правильно поступили, что дали ему успокоительное, это было самое лучшее в той обстановке. Теперь скажите, вы совершенно уверены, в его словах не было никакого намека, что он собирался делать, вернувшись на Герон?

– Уверена. Он сказал только: «Не говорите об этом доктору Майерсу». Сказал, что вы тут не поможете.

И вероятно, был прав, мрачно подумал Майерс. Плохо… Если он так упорно уклонялся от встречи с единственным человеком, который что-то мог сделать для него, это может означать лишь одно: Франклин твердо решил, что он безнадежен.

– Но он обещал зайти к вам утром, – добавила Индра.

Майерс промолчал. Они оба понимали, что это обещание было лишь хитростью.

Однако Индра не хотела расставаться с надеждой.

– Я уверена, – произнесла она дрожащим голосом, который плохо вязался с ее словами, – если бы он задумал что-нибудь… такое… он оставил бы записку.

Майерс грустно посмотрел на нее; видно, Индра ничем не сможет помочь.

– Его родители умерли, – сказал он. – С женой он давно расстался. Кому писать?..

«Он прав», – подумала Индра с болью в сердце. На всей земле она, похоже, была единственным человеком, к кому Франклин был привязан. И вот ушел…

Майерс неохотно встал.

– Да, остается только одно, – заключил он. – Объявим всеобщий поиск. Может быть, он просто где-нибудь отсиживается, остывает. Придет в себя и явится с пристыженной физиономией. Такие случаи тоже бывали.

Он похлопал пригорюнившуюся Индру по плечу и помог ей встать с кресла.

– Ну, не падайте духом. Наши ребята не пожалеют сил.

Однако Майерс знал, что уже поздно. Все сроки прошли несколько часов назад, поисково-спасательную операцию ведут лишь потому, что бывают случаи, когда люди действуют вопреки логике.

Начальник школы и Берли ждали их в кабинете заместителя начальника.

Доктор Майерс отворил дверь кабинета – и застыл на месте. Либо у него появились еще два пациента, либо он сам сошел с ума. Позабыв о чинах и рангах, обняв друг друга за плечи. Дон и начальник школы дико хохотали.

Так, ясно: истерия, вызванная чувством облегчения. И смех вызван той же причиной.

Несколько секунд доктор Майерс созерцал невероятную сцену, потом быстро обвел глазами кабинет и тотчас заметил на полу телеграфный бланк, оброненный кем-то из этих помешанных. Не говоря ни слова, он бросился к бланку и поднял его.

Ему пришлось прочесть телеграмму три или четыре раза, прежде чем до него дошел ее смысл. И доктор Майерс тоже захохотал так, как много лет не хохотал.

9

Капитан Берт Деррил мечтал о спокойном рейсе; должна же быть на свете справедливость! В последний раз он напоролся на полицию в Маккайе; перед тем ему подложил свинью не показанный на картах риф у острова Лизард; а до того, черт бы его побрал, все настроение испортил этот неуравновешенный молодой болван, который выпустил в пятнадцатифутовую тигровую акулу гарпун с неотделяющейся головкой – уж она его потаскала за собой.

На этот раз, если судить по внешности, как будто подобрались более разумные клиенты. Конечно, «Спортив-

ное агентство» всегда клянется, что люди надежные и заплатят хорошо; однако на деле попадаются такие типы, что просто диву даешься. И никуда не денешься. Ведь надо как-то зарабатывать на жизнь, и немалых денег стоит держать эту посудину на плаву.

Странное совпадение: у клиентов всегда одни и те же фамилии – мистер Джонс, мистер Робинсон, мистер Браун, мистер Смит. Курам на смех.

Но так уж хочется агентству. Ну что ж, попытаться угадать, кто они на самом деле, – тоже развлечение. Есть среди них такие осторожные, что все время носят резиновые маски, не снимают их даже, когда идут под воду.

Ясное дело, какие-нибудь важные шишки, которые боятся, как бы их не узнали. Только представьте себе, какой это будет скандал, если члена Верховного суда или, скажем, Главного секретаря Комитета по делам космоса поймают на браконьерстве в заповеднике Всемирной организации продовольствия! Капитан Берт даже рассмеялся при мысли о таком казусе.

Сорок миль отделяло от кромки рифа пятиместную спортивную лодку, которая заходила со стороны океана. Разумеется, опасно орудовать так близко от Каприкорна, в самом логове врага, но лучшая рыба там, где ее охраняют строже всего. Хочешь угодить клиентам, не бойся риска…

Операция, как всегда, была тщательно разработана. Дозоры по ночам не ходят, а если и выйдут, дальнобойный гидролокатор нащупает их, и можно удрать. Поэтому самое верное дело идти так, чтобы перед рассветом добраться до места и, едва выглянет солнце, выпустить через воздушный шлюз горящих нетерпением «бобров». А самому прита-

иться на дне, поддерживая с ними связь по радио. Уйдут за пределы дальности радиопередатчика – не страшно, будут ориентироваться по лучу маломощного гидролокатора. Если еще дальше того заберутся, пусть пеняют на себя. Он похлопал рукой по карману куртки, в котором хранились четыре расписки, снимающие с него всякую ответственность за то, что может случиться с гг.

Смитом, Джонсоном, Робинсоном и Брауном. Капитан Берт был не из тех, кто терзается без нужды, не то он давно бросил бы эту работу.

Гг. С., Д., Р. и Б. в эту минуту лежали каждый на своей кушетке, в последний раз проверяя снаряжение. Смит и Джонс припасли новехонькие ружья, которые еще ни разу не были в употреблении, и понавешали на себя всевозможные приспособления. Смешно… Он хорошо знал этот тип клиентов.

Они так дрожат за свое снаряжение, будь то ружье или фотоаппарат, что всегда возвращаются без добычи. Будут носиться вокруг рифа, такой шум поднимут, что на много миль кругом все рыбы попрячутся. Можно побиться об заклад – эти великолепные ружья, способные с пятидесяти футов пробуравить тысячефунтовую акулу, ни разу не выстрелят. И горе-охотники не станут унывать, они и без улова будут рады-радешеньки.

Совсем другое дело Робинсон. Вон у него какое ружье – побитое, лет пять ему, не меньше. Сразу видно, что хорошо послужило и хозяин умеет с ним обращаться. Это не тот «спортсмен», который не пропускает ни одного каталога и бежит в магазин за каждой новой моделью, словно женщина, боящаяся отстать от моды. Капитан Берт не сомне-

вался, что мистер Робинсон всех своих спутников за пояс заткнет.

Напарник Робинсона, Браун, был единственный, кого капитан не смог определить для себя. Крепкое сложение, волевое лицо, возраст-лет сорок с лишним, самый старший из четверки. Где-то Берт его видел… Не иначе, какой-нибудь высокопоставленный чин, который решил позволить себе немного согрешить. Капитан Берт, органически неспособный тянуть *служебную* лямку, отлично его понимал.

Глубина безопасная, больше тысячи футов под килем, до рифа еще несколько миль. Но в таком деле всегда надо быть начеку, и капитан Берт, даже следя одним глазом за приготовлениями своей маленькой команды, все время видел приборы на пульте. И он сразу заметил маленькое четкое эхо на экране гидролокатора.

– Большая акула идет, ребята, – весело объявил он. Все сгрудились возле индикатора.

– Почем вы знаете, что это акула? – спросил кто-то.

– Больше некому. Киты не выходят из пролива за рифом.

– Вы уверены, что это не подводная лодка? – тревожно осведомился другой.

– Что вы! Не те размеры. Лодка в десять раз больше на экране. Так что можете не дрожать.

Пристыженный клиент замолчал. Несколько минут царило молчание; тем временем эхо приближалось к центру экрана.

– Пройдет в четверти мили от нас, – заметил мистер Смит. – Может, изменим курс, попробуем взглянуть на нее поближе?

– Бесполезно. Она задаст стрекача, как только услышит наши моторы.

Другое дело, если бы стояли на месте, она могла бы подойти, чтобы обнюхать нас. А что толку? Во-первых, еще темно, во-вторых, она слишком глубоко, с аквалангом не выйдешь.

На минуту их внимание отвлек большой косяк рыбы – должно быть, тунцы, определил капитан, – в южном секторе экрана. Когда косяк прошел, изысканный мистер Браун заметил:

– Если это акула, ей уже пора сворачивать. А ведь он прав. Что бы это могло быть?

– Пожалуй, стоит на нее посмотреть, – сказал капитан Берт. – Мы ничего не потеряем.

Он слегка изменил курс. Странное эхо продолжало идти, никуда не отклоняясь. Оно двигалось очень медленно, можно было сближаться, не боясь столкновения. Подойдя на визуальную дистанцию, капитан включил телевизионную камеру и ультрафиолетовый прожектор – и ахнул.

– Влипли, ребята. Это полиция.

Четверка испуганно вскрикнула, потом послышалось:

– Но ведь вы же говорили…

Несколько отборных выражений заставили их смолкнуть.

– Странно, – пробормотал капитан Берт, не отрываясь от экрана. – Все-таки я был прав с самого начала: это не подводная лодка, а всего-навсего торпеда. А на торпеде нет таких приборов, чтобы нас засечь. Но что он тут делает среди ночи?

– Повернем обратно! – раздались голоса.

– Помолчите! – отрезал капитан Берт. – Дайте подумать.

Он взглянул на глубиномер:

– Черт возьми, сто саженей… Если этот парень не дышит какой-нибудь особенной смесью, он давно готов.

Капитан пристально всмотрелся в изображение на экране телевизора.

Что-то уж очень неподвижна эта фигура на торпеде, а впрочем… Да нет, точно, по голове видно. Водитель в обмороке, если не мертв.

– Вот некстати подвернулся! – воскликнул капитан. – И ведь ничего не поделаешь. Мы обязаны забрать его на борт.

Кто-то хотел возразить, но тут же осекся. Капитан Берт прав, это ясно. А дальше… Дальше будет видно.

– Но как вы это сделаете? – спросил Смит. – Сами же говорили: на такой глубине нельзя выходить.

– Да, задача не из легких, – согласился капитан. – Хорошо, что он идет так медленно. Пожалуй, я смогу его развернуть.

Легко касаясь ручек управления, он повел лодку прямо на торпеду.

Вдруг что-то звякнуло, и все подскочили – все, кроме капитана, который точно знал, когда и с какой силой раздастся этот звук.

Он дал задний ход и облегченно вздохнул.

– С первого захода!

По голосу капитана Берта было слышно, что он доволен собой.

Торпеда перевернулась так, что водитель болтался под ней на ремнях.

Зато теперь она шла не вниз, а к поверхности моря.

Капитан направил лодку следом за торпедой и, не теряя времени, объяснил, что и как делать. Еще есть надежда, что водитель жив. Но если он поднимется к поверхности, это уже верная смерть. Перепад давления с десяти до одной атмосферы прикончит его.

– Мы должны забрать его на глубине около ста пятидесяти футов, не позже, и устроить ему декомпрессию в воздушном шлюзе. Кто пойдет? Я не могу бросить пульт.

Что правда, то правда; пассажиры не сомневались, что капитан, не раздумывая, пошел бы сам, если бы кто-нибудь мог заменить его у пульта.

После короткой заминки раздался голос Смита:

– Я погружался на триста футов с обычным воздухом.

– И я тоже, – сказал Джонс. Потом тихо добавил: – Правда, не ночью.

«Не мешало бы побольше энтузиазма, – подумал капитан, – да ладно, сойдет».

Они выслушали его наставления с таким видом, словно им предстояло идти в атаку под огнем противника, надели акваланги и вошли в переходную камеру.

По счастью, оба были хорошо тренированы, и капитан Берт за две минуты поднял давление до полного.

– Ну, ребята, – сказал он, – открываю… Пошли!

Прожектор был бы очень кстати для ориентировки, но его закрывал фильтр, не пропускающий видимого света. Фонарики в их руках казались на экране телевизора маленькими светлячками. Капитан следил, как подводные пловцы приближаются к ползущей вверх торпеде. Впереди шел Джонс, Смит выдавал ему линь, тянущийся из воз-

душного шлюза. Как ни медленно шла торпеда, вплавь ее не догнать, поэтому надо было линем то подтягивать, то отпускать Джонса, чтобы он, идя на буксире у лодки, смог попасть в нужную точку. Вряд ли этот способ был приятен пловцу, зато Джонс достиг цели со второй попытки.

Остальное было просто. Он выключил мотор торпеды, оба судна остановились. После этого Смит подошел на помощь Джонсу; они сняли водителя и отнесли его к лодке. Его маска прилегала плотно к лицу, вода не просочилась. Это позволяло надеяться, что удастся его спасти.

Втиснуть обмякшее тело в маленькую переходную камеру оказалось трудно; пришлось Смиту ждать в одиночестве снаружи, пока его напарник проходил в лодку.

И когда Уолтер Франклин через полчаса пришел в сознание, он увидел несколько неожиданно для себя в общем-то знакомую обстановку. Он лежал на койке в кабине небольшой прогулочной подводной лодки, около него стояли пять человек. Странно: у четверых лица были закрыты носовыми платками, виднелись одни глаза…

Он перевел взгляд на пятого – морщины, шрамы, седые виски, лихая бородка. Даже без этой грязной фуражки сразу видно, что это капитан.

Голова раскалывалась от боли, и Франклин никак не мог собраться с мыслями. Наконец он с трудом выговорил:

– Где я?

– Не все ли равно, приятель, – ответил бородач. – Лучше скажи-ка, кой черт занес тебя на глубину ста саженей с обычным аквалангом. А, дьявол, опять глаза закатил!

Когда Франклин очнулся вторично, он чувствовал себя гораздо лучше, в нем пробудился интерес к жизни, и ему

даже захотелось выяснить, что это за лодка. Наверно, он должен испытывать благодарность к этим людям, кто бы они ни были, однако мысль, что он спасен, не вызывала в нем пока ни облегчения, ни разочарования.

– К чему это все? – спросил он, показывая на платки конспираторов.

Капитан – он уже сел за свой пульт – повернул голову и лаконично ответил:

– Еще не сообразил, где ты?

– Нет.

– Ты что же, и меня не знаешь?

– Простите, нет.

Капитан издал звук, который мог выражать и недоверие и разочарование.

– Значит, ты из новеньких. Я Берт Деррил, и ты на борту «Морского льва». Вон те два джентльмена за твоей спиной рисковали жизнью, чтобы спасти тебя.

Франклин обернулся и посмотрел на белые полотняные треугольники.

– Спасибо, – сказал он. И запнулся, не в состоянии что-либо добавить.

Теперь он догадывался, что произошло. Значит, это и есть знаменитый (или пресловутый – в зависимости от точки зрения) капитан Деррил, чьи объявления можно прочесть во всех журналах для спортсменов и моряков. Капитан Деррил – организатор захватывающих дух подводных сафари, бесстрашный и ловкий охотник – и столь же бесстрашный и ловкий браконьер, неуловимость которого давно уже вызывала ехидные комментарии смотрителей. Капитан Деррил – один из немногих авантюристов

нашего регламентированного века, по словам одних. Капитан Деррил – великий мошенник, по словам других.

Понятно, почему команда маскируется Капитан вышел в одно из своих неафишируемых плаваний, в которых, по слухам, нередко участвуют люди из высшего общества. А другим это просто не по карману. Должно быть, «Морской лев» обходится Деррилу недешево, ведь говорят о капитане Берте, что он никогда не рассчитывается наличными и задолжал в каждом порту от Сиднея до Дарвина.

Франклин обвел взглядом загадочные фигуры. Любопытно, кто они, может быть, среди них есть знакомые? На соседней койке лежали прикрытые кое-как мощные ружья. Куда направляется «Морской лев» и какую добычу они себе наметили? Впрочем, ему сейчас лучше поменьше знать и ничего не видеть.

Капитан Деррил тоже пришел к этому выводу.

– Сам понимаешь, приятель, – сказал он, заслоняя от Франклина приборы, указывающие курс, – твое присутствие здесь, на борту, не совсем кстати. Но не могли же мы позволить тебе утонуть, хотя ты сам этого заслужил своей глупой выходкой. А теперь спрашивается – что нам делать с тобой?

– Высадите меня на берег Герона, тут, наверно, недалеко.

Улыбка Франклина показывала, что он понимает – вряд ли его предложение примут всерьез. Удивительно, как легко и весело было у него на душе. Реакция? Возможно. А может быть, он просто был рад тому, что жизнь все-таки продолжается.

– Черта с два! – Капитан негодующе фыркнул. – Эти

джентльмены не для того заплатили деньги, чтобы ваши бойскауты испортили им охоту.

– Пусть хоть снимут платки. Им же неудобно, а я все равно не выдам, даже если узнаю кого-нибудь.

Они неохотно демаскировались. Так и есть: он никого из них не видел прежде – ни в жизни, ни на фотографиях. И слава богу…

– Хочешь не хочешь, – продолжал капитан, – а придется нам где-то сбросить тебя, чтобы ты нам не мешал. – Он почесал затылок, пропуская перед внутренним взором карту архипелага Каприкорн, которая была запечатлена в его памяти со всеми, даже самыми мелкими подробностями, и принял решение. – А до утра как-нибудь тебя потерпим. Будем спать по очереди. Хочешь сделать доброе дело – иди поработай в камбуз.

– Есть, начальник, будет сделано, – отчеканил Франклин.

* * *

Светало, когда Франклин подплыл к песчаному берегу, тяжело встал и снял ласты с ног. («Это не самая моя лучшая пара, но ты все-таки постарайся прислать мне их по почте», – сказал напоследок капитан Берт, выпуская его через переходную камеру.) Где-то там за рифом «Морской лев» продолжал свой тайный рейд. Наверно, охотники уже приготовились выходить. И хотя это противоречило его убеждениям и служебному долгу, Франклин мысленно пожелал им удачи.

Капитан Берт обещал через четыре часа дать знать по радио в Брисбен: оттуда его радиограмму немедленно пе-

редадут на Герон. Видимо, четырех часов капитану и его клиентам достаточно, чтобы завершить свою вылазку и выбраться из владений ВОП.

Франклин отошел подальше от воды, сбросил снаряжение и лег, любуясь восходом, который уже и не чаял когда-либо увидеть вновь. Четыре часа на ожидание и размышление, на то, чтобы продумать, как жить дальше… А впрочем, раздумывать нечего, все и так ясно.

Он больше не вправе распоряжаться своей жизнью по собственному произволу. Ведь люди, которых он никогда не видел прежде и больше не увидит, вернули ему ее, рискуя собой.

10

– Вы же понимаете, – сказал Майерс. – Я всего-навсего участковый врач, а не ученый психиатр. Так что придется мне послать вас к профессору Стивенсу и его веселым ребятам.

– Это обязательно? – спросил Франклин.

– По-моему, нет, но я не могу брать на себя ответственность. Будь я игрок, вроде Дона, я бы побился об заклад, что вы больше никогда не выкинете такого фортеля. Но медицина – не азартная игра. И вообще, сдается мне, вам будет только полезно на несколько дней расстаться с Героном.

– До конца курса две недели. Может быть, подождем до тех пор?

– Не спорьте с врачами, Уолт, все равно не переспорите. И если я еще не забыл арифметику, полтора месяца – это

не две недели. От небольшого перерыва вреда не будет. Вряд ли профессор Стивенс продержит вас долго. Скорее всего задаст вам хорошую головомойку и отправит обратно. А пока я хотел бы высказать вам свое мнение, если оно вас интересует.

– Валяйте.

– Прежде всего мы знаем, *чем* был вызван ваш приступ. Запах быстрее других чувств вызывает воспоминания и ассоциации. Как только вы рассказали мне, что в переходной камере космического корабля всегда пахнет синтеном, все стало понятно. Роковое невезение: знакомый запах вы услышали в тот самый миг, когда смотрели на Космическую Станцию. Она и меня иной раз чуть ли не гипнотизирует, эта чертова штука, – носится в небе, словно шальной метеор. Но дело не только в этом, Уолтер. Чтобы стать таким восприимчивым, требовалась, так сказать, эмоциональная сенсибилизация. Скажите, у вас есть с собой фотография жены?

Неожиданный и как будто не имеющий отношения к делу вопрос скорее удивил, чем смутил Франклина.

– Есть, – ответил он. – А что?

– Потом поймете. Можно взглянуть на нее?

Порывшись в карманах (гораздо дольше, чем это, по мнению Майерса, было необходимо), Франклин, наконец, достал кожаный бумажник. И отвернулся, пока врач рассматривал портрет женщины, разлученной с мужем законами, против которых человек бессилен.

Небольшого роста, брюнетка, лучистые карие глаза. Одного взгляда достаточно было, и все же он продолжал смотреть на фотографию с необъяснимым чувством, в котором сочеталось сострадание и любопытство.

Интересно, как она восприняла случившееся? Тоже строит заново свою жизнь там, в далеком мире, к которому ее навеки приковали наследственность и гравитация? Впрочем, нет, навеки – не то слово: она может без всяких опасений лететь на Луну, там тяготение вдвое слабее, чем на ее родной планете. Да что толку от этого, ведь Франклину теперь даже пустяковый перелет Земля-Луна не под силу.

Доктор Майерс вздохнул и сложил бумажник. Даже при самом совершенном общественном строе, в самом безмятежном и обеспеченном из миров не избежать разбитых сердец и личных трагедий. К тому же, по мере того как власть человека будет простираться все дальше во вселенной, его неизбежно будут подстерегать новые трудности и несчастья. Правда, здесь разница только в частностях, сам конфликт далеко не нов. Сколько раз в прошлом человек оказывался разлученным со своими близкими, когда из-за стихийных бедствий, когда по злой воле других людей.

– Послушайте, Уолт, – сказал Майерс, возвращая фотографию. – Мне известно о вас кое-что, чего даже профессор Стивенс не знает. Примите мой совет. Отдаете ли вы себе в этом отчет или нет, но Индра похожа на вашу жену. Это-то и привлекло к ней ваше внимание. Но по той же причине в душе у вас возник конфликт. Вы не допускаете мысли о том, чтобы изменить даже человеку, который – извините меня за прямоту – для вас все равно что мертв. Ну как, верно мое рассуждение?

Франклин долго молчал, прежде чем ответить.

– Пожалуй, в этом что-то есть… И что же я должен делать?

– Я не хочу показаться циником, но есть одно старое изречение, которое подходит к этому случаю. «Не противься неизбежному». Признав, что в вашей жизни есть вещи раз и навсегда решенные, вы перестанете с ними бороться. Это не будет капитуляцией, зато даст вам силы, необходимые для битв, в которых вы можете победить.

– Что думает Индра обо мне?

– Девочка влюблена в вас, если вы это подразумеваете. И вы в долгу перед ней после всего, что она пережила по вашей милости.

– Значит, вы считаете, мне нужно опять жениться?

– Уже то, что вы задаете этот вопрос, – добрый признак, однако я не могу ответить вам просто «да» или «нет». Мы сделали все, чтобы вернуть вас к труду; в области чувств наши возможности гораздо более ограничены. Разумеется, вам же лучше, если новая прочная привязанность придет взамен утраченной. А Индра… что ж, она умная и обаятельная девушка, но, как знать, может быть, ее теперешнее чувство во многом вызвано состраданием. Не торопите событий, пусть идут своим ходом. Вам просто нельзя рисковать.

Вот так, вот и все мое поучение… Да, еще одно. Беда в том, Уолтер Франклин, что вы всегда были чересчур независимы и самонадеянны. Никак не хотели признать, что вы не всемогущи и вам тоже нужна чья-то помощь. А когда столкнулись с чем-то превосходящим ваши силы, нервы-то и не выдержали. И вы с тех пор ненавидите себя за это. Ну так вот: все это было и прошло. Допустим даже, что старый Уолт Франклин был дрянь человек – второе издание должно быть лучше. Согласны?

Франклин криво улыбнулся. Переживания совсем измотали его, и все же на душе стало легче. В самом деле, мысль о том, что приходится пользоваться чьей-то помощью, долго его точила. Теперь он смирился с этим и сразу почувствовал себя лучше.

– Спасибо за лечение, доктор, – сказал он. – Вы не хуже самого искусного специалиста, и я уверен, что мне незачем ехать к профессору Стивенсу.

– Я тоже уверен, и все-таки ехать надо. Ну, ступайте, чтобы я мог заняться своим основным делом, лепить пластырь на ссадины и порезы.

На пороге Франклин вдруг остановился.

– Чуть не забыл, – озабоченно произнес он. – Дон непременно хочет завтра выйти со мной на подводной лодке. Вы не против?

– Конечно, нет. Он достаточно рассудительный человек, сумеет присмотреть за вами. Об одном прошу – не опоздайте к самолету, вылет в двенадцать.

Франклин вышел из «Медицинского центра» (за этим пышным названием скрывались три скромные комнаты), ничуть не огорченный тем, что ему велели на время оставить остров. Конечно, к нему отнеслись куда более заботливо и доброжелательно, чем он ожидал и заслуживал, и легкая враждебность, с которой на него раньше смотрели менее привилегированные курсанты, улетучилась. И все-таки для него же лучше на несколько дней покинуть эту атмосферу подчеркнутого сочувствия. Особенно неловко он себя чувствовал в обществе Дона и Индры.

Вспомнился совет, полученный от доктора Майерса, и как екнуло сердце, когда врач сказал: «Девочка в вас

влюблена». Разумеется, было бы нечестно воспользоваться нынешней обстановкой. Обоим надо как следует, серьезно продумать, что они значат друг для друга. Гм… Не слишком ли это похоже на холодный расчет?.. Разве тот, кто истинно любит, взвешивает все «за» и «против»?

Он знал ответ. Верно сказал Майерс: ему нельзя рисковать. Лучше повременить и добиться полной уверенности, чем ставить под угрозу счастье двоих.

Солнце едва выглянуло из-за простершегося на восток могучего рифа, когда Дон Берли поднял Франклина с постели. В последние дни отношение Дона к Уолтеру как-то неуловимо изменилось. Случившееся потрясло и огорчило его, и он по-своему, в присущей ему бурной манере, попытался выразить сочувствие и понимание. В то же время он был уязвлен, даже теперь ему не верилось, что Индра ничуть не увлекалась им, что ее занимал только Франклин, которого он не считал соперником. Нет, Дон не ревновал, ревность вообще была ему чужда. Его, как это бывает с большинством мужчин, беспокоило открытие, что он вовсе не такой уж знаток женского сердца.

Франклин уже уложил вещи, и его комната казалась пустой и унылой.

Хотя он уезжал всего на несколько дней, нужда в комнатах была слишком велика, чтобы ее оставили за ним на это время. «Поделом тебе», – философски заключил он.

Дон спешил, как обычно, однако Франклин заметил, что у него вид заговорщика, словно он приготовил какой-то сюрприз и по-детски озабочен тем, чтобы затея удалась. При других обстоятельствах Франклин заподозрил бы подвох, но сейчас это было исключено.

Франклин настолько освоился с маленькой учебной лодкой, что она стала как бы частью его самого, и он, выполняя команды Дона, уверенно вывел ее в тридцатимильный пролив между рифом Вистари и материком. Не объясняя причин. Дон выключил экран главного локатора, так что Франклин шел вслепую. Сам Дон видел все на установленном в кормовой части репитере. Как ни хотелось Франклину заглянуть туда, он поборол соблазн.

Это тоже входило в программу обучения; ведь может случиться так, что он должен будет вести подводную лодку, лишившуюся своих органов чувств.

– Теперь можешь всплывать, – сказал, наконец, Дон. Он старался говорить непринужденно, но голос выдавал его волнение. Франклин продул цистерны и, не глядя на глубиномер, по качке определил, когда они вышли на поверхность. Ощущение не из приятных, скорей бы опять погрузиться…

Дон взглянул на свой экран, потом указал на люк боевой рубки.

– Открывай. Полюбуемся природой.

– А не зачерпнем? – возразил Франклин. – Качка довольно сильная.

– Вдвоем закупорим люк, много не просочится. Но на всякий случай, вот держи брезент.

Странная затея, подумал Франклин, но, наверно, у Дона есть веские причины. Крышка люка откинулась, и показался эллиптический клочок неба.

Дон первым вскарабкался вверх по трапу, за ним – Франклин, щуря глаза от соленых брызг.

Да, Дон знал, что делал. Неудивительно, что ему так

загорелось совершить эту вылазку прежде, чем Франклин уехал. Он оказался неплохим психологом. Глубокая благодарность к Дону наполнила душу Франклина, который переживал одну из самых великих минут своей жизни. Только один миг мог поспорить с этим: когда он впервые увидел неизъяснимо прекрасную Землю на фоне бесконечно далеких звезд. И сейчас он испытывал такое благоговение, словно наблюдал проявление космических сил.

Киты плыли на север, и он был среди них. Видно, вожаки ночью прошли через Квинслендские ворота, направляясь в теплые воды, где самки могли спокойно произвести на свет потомство. Живая армада, воплощение силы и мощи, легко и уверенно рассекала волны. Громадные темные туши появлялись из воды и снова ныряли без малейшего всплеска. Величественная картина так захватила Франклина, что он не думал об опасности. Вдруг один великан всплыл в каких-нибудь сорока футах от лодки. Из дыхала с оглушительным свистом вырвался несвежий воздух, и до Франклина дошло ослабленное расстоянием зловоние. Прямо на него глядел до смешного маленький, совершенно теряющийся в этой чудовищной, уродливой голове глаз. Несколько секунд два млекопитающих – двуногое, которое покинуло море, и четвероногое, которое вернулось туда, – смотрели друг на друга через пропасть, разделившую их по воле эволюции. Интересно, каким представляется человек киту? Вряд ли есть способ выяснить это…

Затем голова исполина перевесила, могучие плавники взмыли вверх, и внезапно возникла воронка, в которую тотчас ринулась вода.

Далекий удар грома заставил Франклина повернуться в сторону материка. В полумиле от них играли киты. И он с замиранием сердца увидел, как животное, мало похожее на то, что он знал по фильмам и фотографиям, медленно поднялось над водой и повисло в воздухе. Как солист балета в высшей точке своего прыжка словно побеждает тяготение, так и кит на миг будто зацепился за горизонт. Потом, с той же неспешной грацией, он упал обратно в море, и над волнами прокатился грохот.

Замедленное течение этого богатырского прыжка придавало происходящему характер сновидения, как будто нарушился обычный ход времени. Яснее, чем когда-либо, Франклин осознал, до чего же эти животные огромны – ну прямо ожившие острова. И он подумал: что, если какой-нибудь кит всплывет как раз под лодкой или захочет поближе познакомиться с ней?..

– Не беспокойся, они нас знают, – заверил его Дон. – Иногда подходят поскрестись, чтобы освободиться от паразитов, – не совсем приятно. А случайных столкновений нечего бояться, они ориентируются лучше нашего.

Словно в опровержение его слов, из воды выросла покатая гора, и на них обрушился ливень брызг. Лодку сильно тряхнуло, Франклину даже показалось, что они вот-вот опрокинутся, но она тут же выровнялась. До всплывшей на поверхность, обросшей морскими уточками головы было буквально рукой подать. Причудливо изогнутый рот распахнулся в чудовищном зевке и, переливаясь, как жалюзи на ветру, заблестели сотни пластин китового уса.

Будь Франклин один, он бы перепугался насмерть, но Дон был невозмутим. Наклонившись над обрезом люка, он крикнул в едва различимое слуховое отверстие кита:

– Двигай дальше, мамаша! Мы не твоя крошка!

Огромная пасть с роговой драпировкой захлопнулась, блестящий глаз – до странности похожий на коровий – выразил нечто вроде обиды, лодка снова качнулась, и кит исчез.

– Убедился, что бояться нечего? – спросил Дон. – Без детенышей они миролюбивые и добродушные, как и всякий домашний скот.

– А зубатые – кашалот, например? К ним бы ты подошел так близко?

– Все зависит от обстоятельств. Если это старый хитрый самец, вроде Моби Дика, я бы не решился. И касатки тоже могут посчитать меня лакомым кусочком, правда, их легко отогнать – включил ревун, и все. Один раз я затесался в стадо кашалотов, голов на двенадцать, и дамы отнеслись ко мне совершенно спокойно, хотя у некоторых были детеныши. Даже старик, представляешь себе, не протестовал. Должно быть, понимал, что я ему не соперник.

Дон задумался, потом добавил:

– Это был единственный раз, когда я видел китовую свадьбу. Внушительное зрелище, у меня сразу такой комплекс неполноценности развился, что я неделю был не в форме.

– А сколько голов в этом стаде? – спросил Франклин.

– Что-нибудь около сотни. Счетчики у ворот дадут тебе точные сведения. Словом, сейчас тут резвится самое малое пять тысяч тонн первоклассного мяса и жира. Два миллиона долларов, если считать на деньги. Не захватывает у тебя дух при виде такого богатства?

– Нет, – ответил Франклин. – И готов поклясться, тебе

тоже безразлично. Я теперь понимаю, почему ты так любишь свою работу, и можешь не притворяться.

Дон промолчал. Общие мысли и чувства объединяли двух товарищей, которые стояли рядом в тесном люке, не чувствуя соленых брызг, поглощенные зрелищем самых могучих животных, каких когда-либо знал мир, в эту минуту Франклин по-настоящему твердо ощутил, что его жизнь вошла в новое русло. Конечно, ему всегда будет жаль многого из того, что потеряно, но пора пустой тоски и мрачных размышлений миновала. Путь в космические просторы ему закрыт, зато открылись просторы морей.

А этого довольно для любого человека.

11

Секретно, держать в запечатанном конверте.

К сему прилагается медицинское заключение о состоянии здоровья Уолтера Франклина, который ныне успешно закончил курсы и получил звание младшего инспектора с самым лучшим аттестатом. Учитывая жалобы руководителей Управления кадров и трудоустройства, что наши заключения перегружены специальной терминологией, я излагаю здесь суть дела языком, доступным пониманию *управленцев*.

Хотя у У.Ф. есть свои недостатки, его незаурядные качества и способности позволяют отнести его к небольшой группе людей, из которых набираются руководители производственных отделов. Эта группа настолько мала, что, как я не раз подчеркивал, само существование нашего го-

сударственного аппарата окажется под угрозой, если мы не сумеем ее расширить. Несчастный случай, вынудивший У.Ф. расстаться с Космической Службой, где его, несомненно, ожидала блестящая карьера, не лишил У.Ф. его дарований и предоставил нам возможность, пренебречь которой было бы преступно. Мы смогли не только изучить случай, вошедший затем как классический в учебники по астрофобии, но и проверить, насколько мы преуспели в переквалификации людей. Аналогии между космосом и морем отмечались много раз; человек, привыкший к одной из этих двух сред, легко приспосабливается к другой. Но в этом случае не меньшую роль играло различие; попросту говоря, то, что море представляет собой сплошную, достаточно плотную жидкую среду, в которой видимость не превышает нескольких ярдов, вернуло У.Ф. чувство безопасности, утраченное им в космосе.

Его покушение на самоубийство незадолго до окончания курсов на первый взгляд говорит против правильности нашего лечения. Это не так: покушение было вызвано рядом не поддающихся предвидению факторов (см. пункты 57-86 прилагаемого заключения), и в конечном счете оно, как это часто бывает, привело к сдвигу в лучшую сторону. Весьма показателен самый способ, избранный покушавшимся. Он подтверждает, что мы верно подобрали новую профессию для У.Ф. И насколько серьезно было это покушение? Если бы У.Ф. твердо решил убить себя, он выбрал бы более простой и надежный способ.

Теперь, когда субъект наладил – как будто успешно – свою эмоциональную жизнь и отклонения не выходят за рамки обычного, я уверен, что можно не опасаться новых

срывов. Чрезвычайно важно поменьше давить на него. Его независимость и самостоятельность суждений хотя и не так сильно выражены, как прежде, представляют собой важнейшую черту характера У.Ф. и во многом определят его будущее.

Только время покажет, окупятся ли усилия специалистов. Но даже если нет, люди, которым пришлось этим заниматься, вознаграждены уже сознанием, что возродили к жизни человека, который, несомненно, окажется полезным для дела, а может быть, даже бесценным.

Ян К. Стивенс
Начальник Отдела прикладной психиатрии,
Всемирная организация здравоохранения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СМОТРИТЕЛЬ

12

Когда прозвучал сигнал аварийного вызова, смотритель Уолтер Франклин проходил ежемесячную процедуру бритья. Его всегда удивляло, почему биохимики до сих пор не придумали какого-нибудь способа совсем обуздать эту щетину. А впрочем, грех жаловаться: ведь всего полвека назад мужчинам – только подумать! – приходилось бриться каждый день, применяя для этого целый набор замысловатых и дорогих, порой даже смертоносных приспособлений.

С мазью на лице Франклин выскочил из ванной, промчался через кухню и влетел в холл прежде, чем сигнальное устройство успело перевести дух и исполнить новую трель. Он нажал клавишу «прием», экран коммуникатора осветился, и возникло чем-то озабоченное лицо дежурной.

– Вам нужно сейчас же прибыть для исполнения служебных обязанностей, мистер Франклин, – торопливо вымолвила она.

– А в чем дело?

– Фермы бьют тревогу. В заграждении брешь, одно стадо проскочило и ест весенний урожай. Мы должны выгнать их поскорее.

– Только и всего? – отозвался Франклин. – Через десять минут буду на пристани.

В самом деле, авария, хотя и не такая, из-за которой стоило бы волноваться. Конечно, фермы будут кричать – ведь что ни глоток, то полтонны, а тысяча таких глотков может поставить под угрозу весь годовой план. Но втайне Франклин был на стороне китов; пусть отведут душу, раз сумели проникнуть в планктонные прерии.

– Что там стряслось? – спросила Индра, выходя из спальни.

Она еще не успела причесаться, и ее блестящие черные волосы длинными красивыми прядями спадали на плечи. Ответ Франклина явно встревожил ее.

– Это серьезнее, чем ты думаешь, – сказала она. – Если будете мешкать, потом не оберетесь хлопот с больными. Весенняя вспышка размножения прошла всего две недели назад, и она побила все рекорды. Как бы не объелись твои прожорливые питомцы.

А ведь она права. Планктонные фермы составляли автономный отдел Морского управления, и Франклин не соприкасался с ними непосредственно, но он хорошо знал их работу – как-никак вроде бы конкуренты в добыче пищи из моря. Энтузиасты планктона утверждали – пожалуй, не без основания, – что выращивать планктонный урожай целесообразнее, чем пасти китов: ведь киты сами питаются планктоном, значит, в пищевой цепи они стоят ступенькой ниже. Зачем тратить десять фунтов планктона на производство одного фунта китового мяса, говорили они, если можно просто собирать планктонный урожай?

Дискуссия продолжалась уже двадцать лет, и пока что ни одна из сторон не взяла верх. Иногда спор становился довольно желчным, напоминая соперничество между земледельцами и скотоводами в пору освоения американского Среднего Запада; только масштабы были иные да вопрос посложнее. Правда, на беду современных *мифотворцев* конкурирующие отделы Морского управления ВОП сражались между собой протоколами и действенным, но мало импозантным оружием бюрократизма. Никто не ходил, крадучись, по ранчо с винтовкой в руке, и если в изгороди появлялась брешь, то по причинам чисто техническим, а не из-за полуночных диверсий…

В море, как и на суше, вся жизнь зависит от растительности. А количество растений зависит от обилия минералов в среде – азотных, фосфорных и множества иных соединений. В океане все эти важнейшие вещества скапливаются в глубинах, куда не доходит свет, а потому не могут существовать растения. Верхние пятьсот футов моря – первооснова его жизни; все, что обитает ниже, через

промежуточные звенья живет пищей, созданной в этом слое.

Каждую весну, когда тепло проникает в пучину, глубокие воды тоже отзываются на незримое, солнце. Увеличиваясь в объеме, они поднимаются и несут к поверхности несчетные миллиарды тонн солей и минералов.

Удобренные питательными веществам снизу и подстегнутые солнечными лучами сверху, плавучие растения размножаются с интенсивностью взрыва.

Естественно, выигрывают и животные, которые ими кормятся. Весна приходит на морские луга.

До появления человека цикл этот повторялся не менее миллиарда раз.

Теперь человек изменил его. Не удовлетворяясь восходящими потоками минералов, производимых природой, он в стратегических точках погрузил в океан на большую глубину атомные генераторы, тепло которых вызывало исполинские подводные фонтаны, несущие к животворному солнцу химические сокровища. Среди многочисленных приложений ядерной энергии это искусственное подстегивание естественного круговорота оказалось одним из самых неожиданных и самых продуктивных. Один этот способ позволил почти на десять процентов увеличить количество продовольствия, поставляемого морями.

И вот киты изо всех сил стараются свести на нет этот прирост.

Облава была задумана как комбинированная морская и воздушная операция. Одни подводные лодки не справятся, их мало и они слишком тихоходны. Три из них, включая одноместный разведчик Франклина, перебросят к бреши на

транспортном самолете; потом этот самолет будет помогать, выслеживать китов с воздуха, если они разошлись так далеко, что дальность действия гидролокаторов подводных лодок окажется мала. Еще два самолета будут отгонять китов, сбрасывая рядом с ними генераторы звука. Впрочем, прежде этот способ плохо помогал, и на него не возлагали особых надежд.

Через двадцать минут после аварийного вызова Франклин уже смотрел, как уходят вниз огромные пищевые комбинаты Пирл-Харбора. Он по-прежнему не любил летать и старался держаться подальше от самолетов. Но когда надо было, перелет переносил спокойно и мог без тошноты смотреть на простершийся внизу мир.

В ста милях к востоку от Гавайских островов море вдруг из голубого стало золотым. До самого горизонта тянулись кочующие поля с первым в году урожаем; казалось, им не будет конца. Тут и там, словно причудливые игрушки исполинских детей, на поверхности Тихого океана лежали уборочные машины – своего рода шумовки с милю длиной; по соседству стояли гораздо более компактные понтоны и плоты с аппаратами, производящими концентрат.

Зрелище было внушительным, даже в эту эпоху титанических инженерных сооружений, но Франклина оно не волновало. Мысль о миллиардах тонн отборных диатомей и рачков не вызывала в нем радостного трепета, хоть он и знал, что это пища одной четверти человечества.

– Проходим над Гавайским коридором, – раздался в динамике голос пилота. – Через минуту увидим брешь.

– Вижу, – сказал один из товарищей Франклина, указывая рукой вниз.

– Вон они, наслаждаются…

Да что и говорить, фермеры-бедняги, наверно, рвут на себе волосы.

Неожиданно Франклину вспомнилась детская песенка, которую он последний раз слышал самое малое тридцать лет назад.

Голубой Пастушок,
Подуди в свой рожок,
Ходят овцы по лугам,
А коровы по хлебам.

Действительно, «коровы ходят по хлебам»; придется Пастушку потрудиться, чтобы выгнать их оттуда. Множество узких прокосов в желтых планктонных лугах показывало, где проедают себе путь прожорливые великаны. Извивающаяся голубая полоска чистой воды отмечала путь каждого из полчища китов, очутившихся в своем китовом раю. Задача Франклина – поскорее изгнать грешников из этого рая.

Получив короткий радиоинструктаж, три инспектора прошли из кабины в грузовой отсек, где скаутсабы уже висели на шлюпбалках, которые должны были опустить их в море. Операция несложная, труднее будет потом поднять их. Если ветер нагонит волну, придется возвращаться на базу своим ходом.

Не совсем это обычно: на самолете очутиться внутри подводной лодки.

Но Франклину было некогда задумываться об этом, он готовился к погружению. Заговорил динамик на пульте:

«Высота тридцать футов, открываю люки грузового отсека. Лодка номер один, приготовиться».

Франклин был вторым в очереди. Огромный транспортный самолет висел неподвижно, и тали шли так гладко, что Франклин не почувствовал, когда его разведчик погрузился в свою естественную среду. И вот уже три лодки расходятся заданным курсом – ни дать ни взять механические собаки, сгоняющие скот.

Франклин быстро убедился, что это будет посложнее, чем он думал.

Кругом был густой суп – никакой видимости, даже гидролокатор сбит с толку. Но главное: этот кисель тормозил крыльчатки, и водометы еле тянули. Чего доброго, засорятся… Лучше опуститься ниже планктонного слоя и без крайней нужды не всплывать.

На глубине трехсот футов муть кончилась. Из-за темноты он по-прежнему ничего не видел, но хоть можно было развить хорошую скорость. Догадываются пирующие киты, что он уже близко и идиллии скоро придет конец? Вот они, яркие эхо-сигналы, медленно плывущие по мерцающему зеркалу, которое обозначает непроницаемую для звукового луча границу воды и воздуха. Любопытно; акустическим органам чувств гидролокатора поверхность моря представляется снизу такой же, как человеческому глазу.

В обход стада с двух сторон заходили приметные маленькие эхо-сигналы двух подводных лодок. Франклин поглядел на хронометр: меньше чем через минуту начнется гон. Он включил наружные микрофоны и прислушался к голосам моря.

Как можно было говорить, будто море безмолвно? Даже несовершенный слух человека улавливал многие шумы: скрип хитинизированных клешней, рокот каменных глыб, свист дельфинов, характерное «шлеп» хвоста акулы после крутого поворота. Но все это звуки слышимого спектра; чтобы сполна оценить симфонию моря, надо выйти за пределы того, что доступно нашему уху. Простейшая задача для установленных на лодке преобразователей частоты. Их можно при желании настроить на любой звук – от миллиона циклов в секунду до самых медленных колебаний, которые хочется сравнить с тягучим движением безнадежно заржавевшей двери.

Он настроил приемник на самую широкую полосу, и сознание тотчас принялось толковать многочисленные голоса, врывающиеся в маленькую кабинку из подводного мира. Шумы, произведенные человеком, он отсеивал сразу. К тому же гудение его лодки и лодок товарищей почти всецело поглощалось соответствующими фильтрами; однако они пропускали свист трех гидролокаторов (его датчик почти совсем заглушал два остальных) и далекое «бип-бип-бип» Гавайского коридора. Так назывался огражденный с двух сторон проход, по которому киты могли следовать через планктонные поля, не причиняя ущерба фермам. Каждый генератор слал импульсы с пятисекундным интервалом. Правда, ближайший участок вышел из строя, но он отчетливо слышал сигналы более удаленных частей акустического барьера. Импульсы были причудливо искажены и сливались в длинное, непрерывное эхо, так как за каждым сигналом тут же подходили посланные более удаленными генераторами. Прислушаешься – звук как бы

передается вдаль по цепочке, наподобие стихающего раската грома.

На этом фоне явственно выделялись звуки природные. Со всех сторон, ни на миг не смолкая, доносились писк и крики китов, которые переговаривались между собой или просто давали выход своему восторгу.

Франклин различал голоса самцов и самок; правда, он еще не научился узнавать по голосу отдельных китов и толковать их речь.

В подводном царстве нет звука более жуткого, чем крики стада китов.

Закроешь глаза – и кажется, ты попал в заколдованный лес и тебя со всех сторон окружают бесы и лешие. Если бы Гектор Берлиоз слышал этот зловещий хор, он убедился бы, что природа предвосхитила его «Шабаш ведьм».

Но суеверный страх вызывает только то, что незнакомо, а эти голоса теперь уже прочно вошли в жизнь Франклина. Они больше не вызывали у него кошмаров, как это бывало вначале. Напротив, они рождали чувство радости и симпатии, да еще легкое удивление: как эти исполины могут издавать такой тонкий писк?!

Впрочем, иногда звуки моря навевали воспоминание, от которого сердце переполнялось печалью. Будто он снова в радиорубке космического корабля, или космической станции, сидит у приемников-автоматов, прочесывающих заданный диапазон. И отдаются в ночи призрачные голоса, очень похожие на эти: вызывают далекие корабли, работают радиомаяки, поселения на других планетах переговариваются с Землей высокочастотным кодом. И всегда за немощными голосами передатчиков был слышен рокочу-

щий фон, вечное шушуканье звезд и галактик, наводняющих всю вселенную своим радиоизлучением.

Стрелка хронометра коснулась нуля. Прежде чем она успела отмерить следующую секунду, море взорвалось адской какофонией. Дикое улюлюканье с подвыванием заставило Франклина поспешно убавить громкость. Так, акустические бомбы сброшены, бедные те киты, которые окажутся поблизости. Рисунок на экране индикатора вмиг изменился; испуганные животные в панике кинулись на запад. Франклин не отрывал глаз от прибора, готовый идти на перехват тех, кто свернет в сторону от бреши и вместо коридора опять окажется на планктонных полях.

То ли акустические бомбы усовершенствовали с прошлого раза, то ли киты стали более дисциплинированными: только три или четыре кита откололись от стада. Всего десять минут ушло на то, чтобы догнать их и с помощью установленных на лодках сирен вернуть в строй. Через полчаса после начала гона все стадо вышло обратно сквозь незримое окно в заграждении и закружилось в узком коридоре. Лодкам оставалось лишь дежурить, пока инженеры не закончат ремонт и не восстановят звуковую завесу.

Никто не назовет это крупной победой. Обыкновенный, будничный труд, второстепенная схватка в непрекращающейся кампании. Азарт погони уже прошел, и Франклин спрашивал себя, скоро ли транспортник извлечет их из океана и доставит обратно на Гавайские острова. Как-никак у него сегодня выходной, и он обещал Питеру вместе поехать в Вайкики, чтобы поучить его плавать.

Хороший смотритель даже в минуты затишья следит за гидролокатором.

Каждые три минуты Франклин машинально включал каскад дальнего действия и нацеливал датчик на дно – просто так, чтобы знать обстановку. Он не сомневался, что его товарищи делают то же самое, томясь ожиданием.

На краю экрана появилось слабое эхо – след предмета, который находился на пределе дальности прибора: расстояние десять миль, глубина почти две мили. Франклин присмотрелся, потом недоуменно сдвинул брови.

Чтобы его было видно на таком расстоянии, это должно быть что-то очень крупное, не меньше кита. Но кит – в этой пучине?.. Правда, кашалотов встречали на глубине одной мили, однако даже эти непревзойденные ныряльщики так глубоко не забираются. Глубоководная акула? Возможно…

Как бы то ни было, не мешает взглянуть поближе.

Он переключил прибор на автоматическое сопровождение предмета и увеличил изображение, сколько позволял индикатор. Подробностей не различить, слишком далеко, но видно, что объект длинный, тонкий и довольно быстро движется. Он посмотрел еще, потом вызвал товарищей. Не относящиеся к делу разговоры во время операций не поощряются, но эта загадка заинтриговала его.

– Я «Сабскаут-два», – сказал он. – Есть крупный эхо-сигнал, азимут 185 градусов, дальность 9,7 мили, глубина 1,8 мили. Похоже на подводную лодку. Вам известно, кто-нибудь еще действует в этом районе?

– «Сабскаут-два», я «Сабскаут-один», – послышался ответ. – Это за пределами радиуса действия моего прибора. Может быть, там лодка Комитета по исследованиям? Какие размеры дает индикатор?

– Около ста футов, чуть больше. Скорость выше десяти узлов.

– Я «Сабскаут-три». Здесь сейчас нет никаких исследовательских лодок. «Наутилус-4» на ремонте, «Кусто» работает в Атлантике. Наверно, тебе рыба попалась.

– Таких рыб не бывает. Разрешите сходить туда? По-моему, мы обязаны проверить.

– Разрешаю, – ответил «Сабскаут-один». – Мы справимся без тебя. Держи связь с нами.

Франклин развернулся на юг и плавным поворотом ручки дал полный ход. Преследуемый объект успел уйти слишком глубоко для его разведчика, но ведь он еще может подняться. Даже если не поднимется: сократив дальность, можно получить более четкое изображение.

Через две мили он убедился, что погоня ничего не даст. Животное, несомненно, уловило вибрацию от двигателя или импульсы гидролокатора и быстро пошло вниз. Франклину удалось сократить расстояние до четырех миль, после чего эхо-сигнал затерялся в хаосе отражений от океанского дна. Напоследок он успел убедиться, что оно очень большое и относительно тонкое, но подробностей различить не смог.

– Ушло? – осведомился «Сабскаут-один». – Так я и думал.

– Значит, ты знаешь, что это было?

– Нет, и никто не знает. И вот тебе мой совет; не рассказывай об этом репортерам, не то сам не рад будешь.

Франклин ошеломленно поглядел на маленький динамик, который только что произнес эти олова. Выходит, никто его не разыгрывал… Он перебирал в памяти рассказы, которые слышал в баре на Героне – да всюду, где собирались в свободное время смотрители. Тогда он смеялся, но теперь понимает: они говорили правду.

Это робкое эхо, ускользнувшее от гидролокатора… Великий Морской Змей.

* * *

Индра – она по-прежнему работала на полставки в Гавайском Аквариуме, когда позволяли домашние дела, – выслушала его рассказ куда спокойнее, чем он ожидал. А когда она заговорила, то и вовсе обескуражила его.

– Постой, о какой именно морской змее идет речь? Нам известно по меньшей мере три различных вида.

– Первый раз слышу.

– Во-первых, гигантский угорь, его видели три или четыре раза, но точно опознать не смогли. А личинок ловили еще в сороковых годах прошлого столетия. Этот угорь достигает шестидесяти футов в длину – чем не Великий Змей! Но особенно великолепна ремень-рыба Regalecus glesne. Ее рыло напоминает лошадиную морду, сверху на голове – ярко-красный султан, вроде головного убора индейцев. Тело змееподобное, длиной до семидесяти футов. Сам посуди, можно ли нас удивить, когда мы знаем, на какие чудеса способно море?

– Погоди-ка, а третий вид?

– Он совсем не опознан и не описан. Мы называем его просто «Икс», потому что люди все еще не принимают разговоров о морских змеях. Точно известно одно: это животное, несомненно, существует, оно чрезвычайно скрытно и обитает на большой глубине. Когда-нибудь мы его поймаем, скорее всего по чистой случайности.

Весь этот вечер Франклин был задумчив. Его пресле-

довала мысль, что, несмотря на все приборы, которые прощупывают море, и непрерывное исследование глубин человеком с подводных лодок, океан все еще хранит – и веками будет хранить – много секретов. Он чувствовал: даже если ему больше не суждено увидеть это существо, его всю жизнь будет преследовать воспоминание о далеком, дразнящем эхе, которое так стремительно ушло в свою обитель в морской бездне.

13

Почему-то многие считают, что жизнь смотрителя – это сплошная романтика. Франклин никогда не был в плену таких заблуждений, поэтому его не удивило и не разочаровало, что столько времени уходит на долгое, однообразное патрулирование морских далей. Ему это даже нравилось. В походе у него было время для раздумий, но некогда было грустить. Именно в эти часы, когда Франклин вплотную соприкасался с живым сердцем океана, прошли его последние страхи и окончательно исцелились душевные раны.

Жизнь смотрителя определялась ежегодными миграциями китов, но пути и сроки миграций постоянно менялись, по мере того как все новые участки моря огораживали и превращали в возделываемую ниву. Глядишь, летом смотритель ходит под полярными льдами, а всю зиму курсирует взад и вперед через экватор. Иногда он базируется на береговых станциях, иногда базы плавучие – «Полосатик», «Гринда» или «Кашалот». Один сезон он работает с усатыми китами, которые извлекают пищу из моря,

плывя с открытой пастью сквозь густой планктонный суп. А другой сезон сводит его с их свирепыми родственниками, зубатыми китами, во главе с кашалотом.

Зубатые киты – не кроткие вегетарианцы; в черной бездне, куда не проникает ни один луч солнца, они выслеживают морских чудовищ и вступают с ними в бой.

А порой смотритель неделями, даже месяцами не видит ни одного кита.

Люди и снаряжение использовались не только для присмотра за китами; все организации, связанные в своей работе с морем, рано или поздно шли за помощью в Отдел китов. Иногда это было вызвано каким-нибудь трагическим происшествием: что ни год, подводные лодки не раз и не два выходили на поиски – чаще всего безуспешные – утонувших спортсменов или исследователей.

Были и другие крайности; недаром среди смотрителей ходил анекдот про сенатора, обратившегося в Сиднейскую контору с просьбой поднять со дна моря его искусственную челюсть, которую он потерял, попав в сильный прибой. И будто бы ему вскоре же прислали огромную челюсть тигровой акулы и записку с извинением: дескать, это единственная бесхозная челюсть, которую после тщательных поисков удалось обнаружить у Бонди-Бич, где купался сенатор.

Конечно, бывали задания увлекательные, и смотрители состязались за право получить их. Например, в Отделе рыболовства занималась жемчугом небольшая группа с явно недостаточными штатами. И когда у китопасов наступало межсезонье, им разрешали поработать на промысле жемчуга.

В одну такую командировку – в Персидский залив – попал Франклин.

Дело было несложное, чем-то напоминающее труд садовода; глубины, не превышали двухсот футов, так что подводник пользовался простейшим легководолазным аппаратом на сжатом воздухе, а передвигался с помощью торпеды. Лучшие площади для жемчуга «засевали» избранными сортами; главной задачей было охранять моллюсков от их естественных врагов, прежде всего от морских звезд и скатов. Дав раковинам созреть, их собирали и поднимали на поверхность для проверки: одна из немногих операций, которые никак не удавалось механизировать.

Разумеется, найденные жемчужины принадлежали Отделу рыболовства. Но почему-то жены всех смотрителей, которых командировали на эту работу, вскоре начинали щеголять жемчужными ожерельями или серьгами. Индра не была исключением.

Она получила свою нитку жемчуга в день рождения Питера. Снова став отцом, Франклин почувствовал, что старая глава его жизни совсем кончилась. Да нет, неверно это, он не мог – и не хотел – навсегда забыть, что в мире, который для него теперь был так же недосягаем, как планеты самой далекой звезды, Айрин родила ему Роя и Руперта. Но боль от неизбежной разлуки унялась; никакая тоска не может длиться вечно.

Он был только рад – хотя прежде возмущался этим, – что невозможен прямой радиоразговор с кем-нибудь на Марсе, вообще за, пределами орбиты Луны. Даже во время наибольшего сближения Земли и Марса радиоволны туда и обратно шли шесть минут; какой уж тут разговор! Так что

он не мог вызвать Айрин и ребят к видеофону и обречь себя на мучительное свидание.

К Новому году они посылали друг другу магнитозапись, в которой рассказывали о событиях истекших двенадцати месяцев. Тем и ограничивался их контакт, если не считать редких писем, и Франклину этого было достаточно.

Как-то Айрин освоилась со своим вдовством? Конечно, с детьми легче, и все-таки, думал он иногда, хорошо бы ей выйти замуж – лучше и для нее и для него. Но сказать ей так у него не поворачивался язык, и она не заговаривала об этом, даже когда он сам снова женился.

Что он думает об Индре? Еще один трудный вопрос… Вероятно, какая-то доля ревности неизбежна. Недаром Индра, когда у них случались раздоры, давала понять, как неприятна ей мысль, что она вторая женщина в его жизни.

Впрочем, они редко ссорились, тем более после рождения Питера.

Супружеская пара представляет собой динамически неустойчивую систему, пока появление первого ребенка не превращает ее из двучлена в трехчлен.

Франклин был вполне счастлив. Чего еще можно себе пожелать? Семья давала ему душевный покой, работа наполняла бытие красками и смыслом, которых он искал – и которые потерял – в космосе. В толще морей оказалось больше жизни и чудес, чем в безбрежных межпланетных просторах, и он все реже тосковал по зрелищу восходящей голубой Земли или серебряных вихрей Млечного Пути, по венчающим долгий перелет, напряженным минутам посадки на один из спутников Марса.

Море уже наложило свою печать на его поступки и мысли, как это неизбежно бывает с каждым человеком, который хочет покорить океан и проникнуть в его тайны. Франклин чувствовал себя сродни всем животным, населяющим разные ярусы океана, даже врагам, которых он по долгу службы был обязан истреблять. Но особенно тепло, даже с каким-то мистическим благоговением (которого он немного стыдился), Франклин относился к могучим животным, чья судьба была ему вверена.

Он утешал себя тем, что в душе, наверно, все смотрители испытывают то же самое, хотя ни за что не признаются в этом. Правда, иногда вырвется в разговоре невесть кем придуманный оборот «китовая горячка» – так говорили о китопасе, который вдруг начинал вести себя скорее как кит, чем как человек. Вообще-то без этой способности не станешь хорошим смотрителем, но иногда она проявлялась чересчур сильно. Классическим считался случай (вполне достоверный, спроси кого хочешь!) с одним старшим смотрителем, который каждые десять минут поднимался на своей лодке к поверхности за воздухом; иначе ему казалось, что он задыхается.

Среди всемирной армии подводных специалистов смотрители слыли, так сказать, избранниками (они и сами поддерживали этот взгляд), и к ним шли со всеми необычными делами, за которые больше никто не брался.

Бывали задания и слишком рискованные, тогда приходилось отвечать клиенту, чтобы он поискал другой выход.

Но иногда другого выхода просто не было. В Отделе китов до сих пор вспоминали, как в 2022 году старший

смотритель Кирхер вошел в огромный водозаборник охлаждающей рубашки атомного котла, который снабжал энергией половину Южной Америки. В одном из фильтров расшаталась решетка, и ее можно было укрепить только вручную. Обвязавшись вокруг пояса крепкими канатами, чтобы самого не затянуло, Кирхер нырнул в ревущую тьму. Он выполнил задачу и вернулся невредимый, но больше никогда не работал под водой.

Пока что на долю Франклина выпадали только самые заурядные дела, ничего похожего на то, что испытал Кирхер, и он не знал, как поведет себя в подобном случае. Проще всего, если риск окажется чрезмерным, отказаться – это и в контракте обусловлено. Но «пункт о самоубийстве», как его насмешливо называли, был фактически мертвой буквой. Смотритель, который без самой крайней нужды ссылался на него, не навлекал на себя гнева начальства, но товарищи его после этого не жаловали.

Только на пятом году своей достаточно напряженной, но в общем-то довольно однообразной работы Франклин получил поручение, выходящее за пределы его прямого долга. Зато дело было таким, что с лихвой вознаграждало его за долгое ожидание.

14

Главный бухгалтер бросил на стол свои таблицы и карты и победоносно взглянул над архаичными очками на горстку слушателей.

– Как видите, джентльмены, – сказал он, – всякие сомнения исключены. В этом районе, – он еще раз ткнул

пальцем в карту, – убыль кашалотов ненормально велика. Речь идет уже не об обычных отклонениях в численности поголовья. За последние пять лет во время миграций на этом маленьком участке исчезало от семи до одиннадцати китов в год.

Вам, конечно, известно, что у кашалота нет *естественных* врагов, если не считать касаток, которые иногда нападают на небольших самок с детенышами. Между тем мы совершенно уверены, что сюда уже много лет не проникали касатки; к тому же в числа исчезнувших кашалотов по меньшей мере три крупных самца. На наш взгляд, возможно только одно объяснение.

Глубина здесь немногим меньше четырех тысяч футов. Это значит, что кашалот успевает достигнуть дна и несколько минут уделить охоте, прежде чем он оказывается вынужденным всплыть за воздухом. С тех самых пор, как было установлено, что Physeter пытается почти исключительно кальмарами, ученые задают себе вопрос: может ли кальмар победить напавшего на него кашалота? Чаще всего отвечают – нет, не может, ибо кит намного крупнее и сильнее.

Но нам следует помнить, что до сих пор не выяснено, где проходит *предел* роста гигантского кальмара. Биологи сообщили мне, что найдены щупальца Bathyteutis Maximus, достигающие в длину восьмидесяти футов.

Кроме того, на такой глубине кальмару достаточно продержать кита несколько минут, после чего кашалот уже не сможет вернуться к поверхности, он утонет. И вот, года два назад, мы выдвинули предположение, что в том районе живет по меньшей мере один редкостно крупный кальмар. Мы… гм… – окрестили его Перси.

До прошлой недели Перси был существом гипотетическим. Но несколько дней назад, как вы знаете, на поверхности океана был обнаружен мертвый кит К-87695. Туша его сильно искалечена, вся кожа покрыта характерными следами от присосков и зубцов. Прошу вас посмотреть вот на эту фотографию.

Главный бухгалтер достал из своего портфеля большие глянцевые отпечатки и передал слушателям. На каждом отпечатке был показан участок тела кита, испещренный белыми полосами и кольцами правильной формы. Не совсем уместная на первый взгляд футовая линейка в середине снимка позволяла судить о масштабе.

– Так вот, джентльмены, эти следы от присосков достигают шести дюймов в поперечнике. Думаю, мы вправе сказать, что Перси больше не гипотеза. Спрашивается: как с ним поступить? Он обходится нам самое малое в двадцать тысяч долларов в год. Прошу высказывать предложения.

Некоторое время было тихо; собравшиеся представители задумчиво разглядывали снимок: Наконец заговорил начальник Отдела китов:

– Я пригласил на наше совещание мистера Франклина. Послушаем его. Ваше слово, Уолтер. Справитесь с Перси?

– Справлюсь, если найду его. Но в этом месте очень неровное дно, трудно искать. Обычная подводная лодка не годится, запас прочности мал для такой глубины, особенно если попадешь в объятия Перси. Кстати, что вы думаете о его величине?

Главный бухгалтер, обычно без запинки называвший все цифры, на этот раз помедлил, прежде чем ответить.

– Это не моя оценка, – сказал он, словно извиняясь, – но

биологи полагают, что в длину он достигает примерно ста пятидесяти футов.

Кто-то тихонько свистнул, только начальник отдела сохранял невозмутимое выражение лица. Он давным-давно убедился в верности старой истины: какую бы огромную рыбу ни выловили, в море есть еще больше. В среде, где тяготение не ограничивает размеров, животное продолжает расти почти до самой смерти. А гигантский кальмар, пожалуй, лучше всех обитателей моря защищен от любых атак. Даже его единственный враг, кашалот, не может добраться до кальмара, пока тот остается ниже четырех тысяч футов.

– Есть десятки способов убить Перси, когда мы выследим его, – заговорил Главный биолог. – Взрывчатка, яд, электрический разряд – выбирайте любой. И все-таки я просил бы по возможности не умерщвлять его. Это же одно из крупнейших животных на нашей планете, убить его было бы преступлением.

– Извините, доктор Робертс! – возразил начальник отдела. – Позвольте напомнить вам, что наш отдел занимается производством продовольствия, а не исследованием и охраной животных. Не считая, китов, конечно, И вообще слово «убийство», по-моему, странно звучит в применении к какому-то моллюску-переростку.

Однако выговор начальника явно не произвел особого впечатления на доктора Робертса.

– Я согласен, сэр, – бодро отозвался он, – что наша главная задача – производство, что мы всегда обязаны помнить об экономических факторах. Но ведь мы сотрудничаем с Комитетом научных исследований. И мне ка-

жется, это как раз тот случай, когда можно поработать вместе к обоюдной пользе. В конечном счете, мы только выиграем.

– Ну, ладно, говорите, – сказал начальник, и в глазах его мелькнула лукавая искорка.

Любопытно, что за гениальный план придумали вместе со своими товарищами из КНИ эти ученые, которые обязаны работать на его отдел.

– Еще никому не удавалось поймать *живьем* гигантского кальмара, по той простой причине, что не было нужного снаряжения. Конечно, эта операция обойдется недешево, но коль скоро мы все равно задумали охотиться на Перси, дополнительный расход будет не так уж велик. Итак, я предлагаю взять его живьем.

Никто не спросил его, как он собирается это сделать. Если доктор Робертс говорит, что это возможно, значит, у него уже все продумано.

Начальник отдела, как обычно, не стал задерживаться на технических деталях операции по подъему с глубины одна миля сопротивляющегося многотонного зверя, его занимало главное.

– Какую часть расходов берет на себя КНИ? И что вы собираетесь делать с Перси, когда поймаете его?

– Мы предоставляем подводные лодки с водителями, КНИ оплачивает добавочное оборудование, но это неофициально. Нам понадобится также плавучий, док, который мы брали в прошлом году у ремонтников. В нем помещаются два кита, значит, и кальмару места хватит. Тут будут дополнительные расходы: нужна установка для аэрации воды, проволочная сетка под электрическим на-

пряжением, чтобы Перси не вылез, еще кое-что. Словом, док может служить лабораторией, пока мы будем изучать кальмара.

– А потом?

– Потом? Продадим его, только и всего.

– Боюсь, что любители домашних животных не кинутся покупать стопятидесятифутового кальмара.

И тут доктор Робертс, словно опытный актер, с небрежным видом пустил в ход свой главный козырь.

– Если мы доставим Перси в добром здравии, Мэринленд готов дать за него пятьдесят тысяч долларов. Столько предложил мне сегодня утром профессор Милтон, когда я разговаривал с ним. Но, я уверен, что мы сможем получить больше. Почему бы не выговорить себе процент со сбора? Как-никак это будет величайший аттракцион в истории Мэринленда.

– Мало нам Комитета научных исследований, вы еще хотите втравить нас в сделку со зрелищными предприятиями, – проворчал начальник. – Ну ладно, я не возражаю. Если счетоводы убедят меня, что эта затея не потребует слишком больших расходов и если не появится никаких других подводных камней, что ж, будем ловить. Разумеется, при условии, что мистер Франклин и его товарищи возьмутся за это. Работать-то им.

– Если у доктора Робертса готов план действий, я охотно с ним поговорю. Проект очень интересный.

Мягко сказано? Да. Но Франклин был не из тех, кто загорается восторгом от каждого нового дела; он давно убедился, что это только приводит к разочарованию. Если «Операция Перси» состоится, это превзойдет все, что было

за пять лет его работы смотрителем. Да нет, ничего не получится, непременно возникнет какая-нибудь закавыка, и план сорвется.

Он не сорвался. Меньше чем через месяц Франклин вел на дно приспособленную для нового задания дозорную лодку. Следом за ним, в двухстах футах, шел Дон Берли. Впервые после Герона – как давно это было! – Франклин работал вместе с Доном. Когда ему предложили выбрать себе напарника, он сразу назвал своего учителя. Такой случай предоставляется раз в жизни, и Дон никогда не простил бы Уолтеру, если бы он выбрал кого-нибудь другого.

Иногда Франклин спрашивал себя, не завидует ли Дон его быстрому выдвижению. Пять лет назад Берли был старшим смотрителем, Франклин – зеленым курсантом. Теперь они оба старшие, и Уолтера вскоре ожидает новое повышение. Его это и радовало и не радовало. Франклин вовсе не был лишен честолюбия, просто он знал: чем выше он поднимется по бюрократической лестнице, тем меньше времени сможет уделять морю.

Пожалуй, у Дона верный расчет – очень уж трудно представить себе его пришитым к канцелярии…

– Слышишь, включи свет, – прозвучал в динамике голос Дона. – Доктор Робертс просит меня сделать снимок.

– Есть, – ответил Франклин, – включаю.

– Ух ты! Красота какая! Будь я кальмаром, ни за что не устоял бы против тебя. Так, теперь повернись в профиль. Спасибо. Ну, картина – первый раз вижу, чтобы рождественская елка шла со скоростью десяти узлов на глубине шестисот саженей.

Франклин усмехнулся и выключил иллюминацию. Идея доктора Робертса очень проста; теперь все дело в том, чтобы проверить ее. Многие глубоководные обитатели наделены светящимися органами, которые, словно созвездия, сияют в вечном мраке. Этот свет они включают, чтобы приманить добычу или свою пару, но и огромные глаза кальмара восприимчивы к нему.

«Если гигантские кальмары такие умные, какими слывут, – говорил себе Франклин, – Перси быстро раскусит обман. А может случиться и так: этот свет собьет с толку нырнувшего кашалота, и, хочешь не хочешь, придется схватиться с ним»!

До каменистого дна оставалось всего пятьсот футов; на экране гидролокатора ближнего действия его было видно во всех подробностях. Да, картина неутешительная, здесь должно быть несчетное множество впадин, в которых Перси никакими приборами не сыщешь. Но ведь кашалоты его находили – ценой своей жизни. А что по силам Physeter'у, заключил Франклин, посильно и моей лодке.

– Смотри-ка, нам повезло, – заметил Дон. – Никогда не видел тут такой прозрачной воды. Если только не замутим ее сами, видимость будет футов двести.

Это было очень важно: световая приманка Франклина окажется ни к чему, если ее лучи пропадут в мутной воде. Включив наружную телекамеру, он быстро обнаружил притушенный двухсотфутовым расстоянием правый отличительный огонь Дона. Точно, им повезло; это намного упростит их задачу.

Он поймал ближайший маяк и тщательно определил свою позицию. Для большей верности попросил Дона

проделать то же самое, и они взяли среднюю величину. После чего друзья, медленно идя на параллельных курсах, принялись придирчиво исследовать морское дно.

Странно было видеть на такой глубине голый камень; обычно дно океана покрыто слоем осадков и ила мощностью в сотни, а то и тысячи футов. Не иначе, здесь бывают сильные течения, которые все уносят, подумал Франклин. Правда, прибор не показывал никаких течений; видимо, они были сезонными, связанными с расположенной всего в пяти милях оттуда впадиной Миллера, глубиной в десять тысяч футов.

Каждые несколько секунд Франклин включал свои разноцветные огни, потом нетерпеливо всматривался в экран – нет ли реакции. Вскоре за ним шло уже с полдюжины причудливых глубоководных рыб, кошмарные создания двух-трехфутовой длины, с огромными челюстями и развевающимися усиками и щупальцами. Видно, огни манили так сильно, что даже вибрация двигателей их не пугала; это хороший признак. Рыбы не поспевали за лодкой, но место отставших тут же занимали новые, и среди них не было двух одинаковых.

Телевизионный экран не так привлекал Франклина, сейчас куда важнее был дальнобойный гидролокатор, который видел все на тысячу футов вперед.

Нужно не только высматривать добычу, но следить за тем, чтобы не врезаться в скалы и выступы, вдруг возникающие на пути лодки. И хотя скорость не превышала десяти узлов, надо было глядеть в оба. Порой Франклину чудилось, что он идет бреющим полетом над окутанными туманом холмами.

Они отмерили пять миль – ничего! – развернулись на сто восемьдесят градусов и пошли обратно параллельным курсом. «Если даже не найдем его, – утешил себя Франклин, – то хоть заснимем этот участок так, как никто до нас не снимал». У обоих работали самописцы, автоматически нанося на бумажную ленту профиль дна.

– Кто сказал, что это увлекательно? – пожаловался Дон после четвертого поворота. – Я пока даже кальмаренка не увидел. Может быть, мы их всех распугиваем?

– Вряд ли: Робертс уверяет, что они не очень восприимчивы к вибрациям. И вообще, сдается мне, Перси не из робкого десятка.

– Если он существует, – скептически заметил Дон.

– А эти шестидюймовые отпечатки? Кто их, по-твоему, оставил – мыши?

– Постой! – воскликнул Дон. – Ну-ка, взгляни на эхо-сигнал, азимут 250, дальность 750 футов. Как будто скала, но мне на миг почудилось какое-то движение.

Опять ложная тревога?.. Нет, эхо и в самом деле размазанное.

Честное слово, движется!

– Сбавь скорость до пол-узла, – сказал Франклин. – И отстань немного, а я подберусь поближе к нему и включу свет.

– Необычное эхо! Все время меняется.

– Похоже, это и есть наш Перси. Пошли.

Лодка шла над теряющейся вдали, покатой равниной, по-прежнему сопровождаемая любопытной свитой морских драконов. На телеэкране все, что находилось за пределами ста пятидесяти футов, терялось во мгле; дальше

лучи ультрафиолетовых прожекторов не проникали. Франклин выключил все наружные огни и продолжал подкрадываться, ориентируясь только по гидролокатору.

На расстоянии пятисот футов эхо приняло вполне определенный облик, когда осталось четыреста футов, развеялись последние сомнения, за триста футов до цели рыбья челядь Франклина вдруг поспешно разбежалась, точно почуяла, что здесь небезопасно. Двести футов… Он включил световую приманку. И, помедлив несколько секунд, нажал клавиши прожекторов и телевизора.

По дну моря шагал лес, лес судорожно извивающихся стволов. Великий кальмар на миг замер, точно осаженный прожекторами: должно быть, он видел их незримый для человеческого глаза свет. Потом молниеносно подобрал щупальца, сжался в плотный обтекаемый ком и ринулся навстречу подводной лодке, пустив на полную мощность свой водомет.

В последний миг кальмар свернул в сторону, и Франклин успел заметить громадный, не меньше фута в поперечнике, глаз. Последовал мощный удар в корпус лодки, и в кабине раздался скребущий звук, словно металл царапали огромные когти. Франклин вспомнил исполосованную шрамами толстую кожу кашалотов; слава богу, его защищала прочная сталь. Было слышно, как рвались провода иллюминации. Ничего, они уже выполнили свое предназначение.

Определить, что сейчас делает кальмар, не было никакой возможности.

То и дело лодку сильно встряхивало, но Франклин не пытался отступить.

Пока нет прямой опасности, можно и потерпеть.

– Ты не видишь, что он там творит? – жалобно спросил он Дона.

– Вижу, он держит тебя восемью щупальцами, а двумя ловчими тянется ко мне. А как цвет меняет, чудо – не берусь описать. Хотел бы я знать, он в самом деле пытается тебя слопать или это в нем страсть играет.

– Ничего не могу тебе сказать, но мне сейчас кисло. Живей заканчивай съемку, да я выберусь отсюда.

– Сейчас, сейчас, потерпи еще две минуты, у меня ведь еще киноаппарат… Потом испытаем на нем гарпун.

Эти две минуты показались Франклину очень долгими, но, наконец, Дон управился со съемкой. Хотя Перси, наверно, успел убедиться, что обнимает не головоногое существо, он пока вел себя далеко не робко, а доктор Робертс еще говорил о пугливости кальмаров.

Дон ловко и метко вонзил жало в самую толстую часть мантии Перси, где оно прочно засело, не причиняя моллюску никакого вреда. Неожиданный укол заставил моллюска ослабить свою хватку, и Франклин воспользовался случаем, чтобы дать полный вперед. Шершавые щупальца со скрежетом прошлись по обшивке кормы, лодка вырвалась и устремилась вверх. Хорошо, что не понадобилось оружие, которым на всякий случай обильно оснастили лодку.

Дон последовал за Франклином, и они стали ходить по кругу в пятистах футах над дном, далеко за пределами прямой видимости. На экране индикатора каменистое дно представлялось ровной плоскостью, но теперь посреди нее мерцала яркая звездочка. Вонзенный в Перси маленький

световой маяк – неполных шесть дюймов в длину и дюйм в поперечнике, – начал работать. Он будет мигать больше недели, прежде чем сядут батареи.

– Запятнали! – ликовал Дон. – Теперь не спрячется.

– Пока не избавится от жала, – осторожно добавил Франклин. – Если он его вытолкнет, начинай все сначала.

– Ты забываешь, *кто* ставил маяк, – внушительно заметил Дон. – Десять против одного, что он никуда не денется.

– Нет уж, – отпарировал Франклин, – биться об заклад с тобой я не буду, ученый.

До поверхности было еще полмили, и, нацелив нос лодки вверх, он дал предельный ход.

– Не будем больше мучить доктора Робертса, бедняга может заболеть от нетерпения. Да мне и самому хочется посмотреть на твои снимки. Никогда не приходилось играть главной роли в кино, да еще в паре с гигантским кальмаром.

«И ведь это, – напомнил он себе, – только начало. Гвоздь программы впереди».

15

– Хорошо быть женатым на женщине, которая не дрожит от страха за тебя, когда ты на работе, – сказал Франклин, предаваясь неге в удобном кресле на террасе.

– Бывает, что дрожу, – призналась Индра. – Не люблю я эти глубоководные затеи. Случись там что-нибудь, и ты пропал.

– Что десять футов, что десять тысяч – утонуть одинаково легко.

– Сам знаешь, что вздор говоришь. Кроме того, я еще ни разу не слышала, чтобы смотритель просто утонул. Когда гибнет китопас, это происходит далеко не так просто и мило.

– Ну ладно, я зря затеял этот разговор, – виновато сказал Франклин и оглянулся: не слышал ли их Питер. – Но неужели ты всерьез волнуешься из-за «Операции Перси»?

– Пожалуй, нет. Мне тоже не терпится увидеть, как вы его поймаете. Еще интереснее, сумеет ли доктор Робертс сохранить его живым в неволе.

Индра поднялась и подошла к книжной полке. Долго рылась в груде бумаг и журналов, наконец, извлекла нужную книгу.

– Вот, послушай, – продолжала она, – и учти, что это было написано почти двести лет назад.

Она принялась читать внятно, раздельно, словно перед студентами в аудитории. Сперва Франклин слушал не очень внимательно, но незаметно для себя увлекся.

«*Возникла огромная белая масса, она поднималась все выше и выше над морской лазурью, и казалось, перед носом нашего корабля переливается блеском снежная лавина, только что скатившаяся с гор. Она пролежала так несколько секунд, затем медленно стала погружаться и совсем ушла под воду. Потом снова всплыла и безмолвно застыла, мерцая. «На кита не похоже – и все же это, верно, Моби Дик», – подумал Дэггу. Фантом опять исчез в море, когда же он показался вновь, чей-то крик пронзил каждого, как ножом, и разогнал дремоту. Негр кричал: «Смотрите! Опять! Вон он всплыл! Прямо на носу! Белый Кит! Белый Кит!*»

Быстро были спущены на воду четыре лодки, в первой сидел Ахав, и все помчались к добыче. Вскоре она погрузилась. Мы сушили весла, ожидая, когда животное покажется вновь, – и гляди! – оно медленно всплыло еще раз в том самом месте, где исчезло. Все мысли о Моби Дике на время вылетели у нас из головы при виде поразительнейшего из созданий, какие когда-либо являлись человеку из тайников морской пучины. Исполинская рыхлая туша, несколько ферлонгов в длину и столько же в ширину, белесая, сверкающая, лежала на поверхности воды, и множество длинных рук простиралось в разные стороны из ее середины, они крутились, извивались, будто анаконды, готовые схватить все без разбора, что окажется в пределах их досягаемости. Ни переда, ни зада; и никакого подобия чувств или инстинктов; бесформенное, чудовищное, невероятное проявление жизни корчилось среди волн.

С глухим протяжным всплеском оно снова скрылось, и Старбак, не отрывая глаз от изрытой воды, в отчаянии воскликнул: «Лучше бы мне увидеть Моби Дика и сразиться с ним, чем увидеть тебя, белое привидение!»

«Что это было, сэр?» – спросил Фласк.

«Сам великий кальмар, о котором говорят, что редкий китобоец, повстречавший его, возвращался в свой порт».

Но Ахав ничего не сказал. Развернув лодку, он пошел обратно к судну, и остальные безмолвно последовали за ним».

Индра выдержала паузу и закрыла книгу, ожидая, что скажет муж.

Франклин поежился в своем удобном кресле и задумчиво произнес:

– Не помню этот кусок. А может быть, вообще не дошел до него. Очень точно схвачено, только зачем этот кальмар всплыл?

– Наверное, он умирал. Ночью они иногда поднимаются к поверхности, но днем не всплывают, а у Мелвилла сказано, что было «голубое ясное утро».

– Допустим, а сколько в нем было, если перевести на футы? Можно сравнить его с Перси? По нашим фото получается, что длина Перси от плавников до кончиков щупалец – сто тридцать футов…

– Выходит, он больше самого большого замеренного синего кита.

– Да, на несколько футов. Но весит, конечно, раз в десять меньше.

Франклин встал и вышел в соседнюю комнату за справочником. Индра услышала, как он негодующе фыркнул.

– Ну, что там? – спросила она.

– Тут написано, что ферлонг – устаревшая мера длины, равная одной восьмой *мили*. Твой Мелвилл несет что-то несусветное.

– Он обычно очень точен, во всяком случае, когда говорит о китах.

Но «ферлонг» – это в самом деле странно. И удивительно, что никто до сих пор не обратил на это внимания. Наверно, он хотел написать «фатом». А может быть, наборщик ошибся.

Возможно… Франклин поставил на место справочник и вернулся на террасу в ту самую минуту, когда туда ворвался Дон Берли. Дон поднял Индру на руки, запечатлел у

нее на лбу братский поцелуй и бережно опустил ее в кресло.

– Пошли, Уолт! – загромыхал он. – Вещи собраны? Я подброшу тебя до аэродрома.

– Где там Питер прячется? – спросил Франклин, – Питер! Иди сюда, проводи меня, папе пора на работу.

Клубок неукротимой энергии выкатился на террасу и взлетел на руки отца, чуть не сбив его с ног.

– А ты купишь мне кальмала? – крикнул четырехлетний Питер.

– Откуда ты знаешь, зачем я еду?

– Как же, утром в последних известиях передавали, ты еще спал, – объяснила Индра. – И показали отрывок из Донова фильма.

– То, чего я больше всего боялся. Теперь за нами повсюду будут тащиться толпы операторов и репортеров. И непременно что-нибудь сорвется.

– Не бойся, на дно они за нами не пойдут, – возразил Берли.

– Надеюсь… Только ты не забывай, что не у нас одних есть подводные лодки.

– Как ты уживаешься с ним? – обратился Дон к Индре. – Он всегда видит во всем плохие стороны?

– Не всегда, – улыбнулась Индра, отдирая сына от отца. – Два раза в неделю он бывает веселым.

Улыбка сошла с ее лица, когда она проводила взглядом шуршащую приземистую спортивную машину. Индра очень тепло относилась к Дону, видя в нем как бы члена семьи. Иногда он беспокоил ее: до сих пор не женился, не остепенился, нынче здесь, завтра там – неужели его уст-

раивает такая беспорядочная жизнь? С тех пор как они его знают, он все время либо на воде, либо под водой, если не считать бурную отпускную пору, во время которой их дом служит ему базой. Они сами его приглашали и все-таки испытывали замешательство всякий раз, когда приходилось за завтраком вести милую беседу с новой незнакомкой.

Конечно, Франклин и Индра тоже немало разъезжали, но у них всегда было место, которое они могли назвать домом. Сперва – комната в Брисбене, где с рождением Питера кончилась ее короткая; но приятная карьера преподавателя Квинслендского университета, затем – бунгало на Фиджи, с кочующей течью в крыше, которую строители никак не могли выследить; квартира в поселке китобоев на острове Южная Георгия (Индра до сих пор помнила запах отбросов и кружащиеся над разделочным цехом полчища чаек); наконец этот дом, из которого открывается вид на соседние острова Гавайского архипелага. Четыре места за пять лет – это может показаться многовато, но любая жена смотрителя скажет вам, что это еще ничего.

Индра не очень сожалела о том, что в ее карьере наступил перерыв.

Вот подрастет немного Питер, и можно будет вернуться к научной работе. Она и теперь читала всю специальную литературу, следила за текущими исследованиями. Несколько месяцев назад «Журнал Хрящеперых» поместил ее письмо «О возможных путях эволюции акулы Scapanorhynchus owstoni», и Индра с наслаждением окунулась в полемику с пятью учеными, которые разбирались в этом вопросе.

Пусть даже ее мечты не сбудутся, все равно приятно знать, что в твоих силах преуспеть и тут и там. Так говорила себе Индра Франклин, домашняя хозяйка и ихтиолог, направляясь на кухню, чтобы приготовить поесть своему вечно голодному отпрыску.

* * *

Плавучий док переоборудовали так, что конструктор вряд ли узнал бы свое детище. Во всю его длину простерлась укрепленная на изоляторах сетка из толстой стальной проволоки; над сеткой растянули брезентовый полог, чтобы защитить от солнечных лучей чувствительные глаза и кожу Перси. Внутри док освещали только желтые лампочки: впрочем, сейчас широкие ворота в обоих концах огромного бетонного ящика были открыты и пропускали воду и солнечный свет.

С облепленного людьми переходного мостика, возле которого были причалены обе подводные лодки, доктор Робертс давал последние указания водителям.

– Я постараюсь поменьше надоедать вам, – говорил он, – но вы уж сами не забывайте нам рассказывать, что у вас делается.

– Связного репортажа не ждите, нам будет не до этого, – ухмыльнулся Дон. – Но в общем постараемся. Ну, а если что приключится, сразу голос подадим. Ты готов, Уолт?

– Готов, – ответил Франклин, спускаясь в люк. – До свидания, через пять часов увидимся и Перси прихватим, надеюсь!

Они полным ходом пошли вниз; меньше чем через де-

сять минут лодки погрузились на четыре тысячи футов, и на экранах телевизора и гидролокатора открылся знакомый бугристый ландшафт. Но они нигде не видели мигающей звезды, которая должна была выдать Перси.

– Надеюсь, дело не в маяке, – заключил Франклин свой доклад ученым.

– Если он вышел из строя, на поиски может уйти не один день.

– Думаешь, он ушел отсюда? – спросил Дон. – Я бы не удивился.

Из мира солнца и света, до которого была почти целая миля, к ним донесся твердый, уверенный голос доктора Робертса:

– Он либо в расщелине прячется, либо закрыт скалой. Вы вот что: поднимитесь футов на пятьсот, чтобы неровности не мешали, и походите на высокой скорости. Радиус действия маяка больше мили, вы его быстро отыщете.

Час спустя голос ученого звучал уже не так уверенно, и реплики, которые доносил вниз гидроакустический передатчик, показывали, что репортеры и операторы телевидения начинают терять терпение.

– Осталось одно место, – сказал, наконец, Робертс. – Если Перси не ушел совсем из этого района, и если маяк работает, ищите его в каньоне Миллера.

– Там пятнадцать тысяч футов, – возразил Дон. – А наши лодки рассчитаны на двенадцать.

– Знаю, знаю. Но ведь он не обязательно на дне сидит. Скорее всего, охотится где-нибудь на склонах. Вы его сразу увидите, если он там.

– Ладно, – отозвался Франклин без особого воодушев-

ления, – Посмотрим. Но если он глубже двенадцати тысяч, мы за ним не пойдем.

На экране гидролокатора на светлой плоскости морского дна четко выделялась черная брешь каньона. Мчась со скоростью сорока узлов, лодки стремительно приближались к цели; Франклину подумалось, что под водой никто не сравнится с ними в ходе. Ему довелось как-то раз лететь на малой высоте в районе Гранд-Каньона, и он помнил, как равнина внизу вдруг оборвалась и разверзся зияющий провал. И хотя он сейчас видел только картинку, нарисованную отражением зондирующих дно импульсов, проход над гранью еще более могучей расселины в морском дне вызвал то же самое чувство.

Звенящий от возбуждения голос Дона прервал его размышления.

– Вон он! В тысяче футах под нами!

– Пожалей мои барабанные перепонки, – пробурчал Франклин. – Я и так его вижу.

Обозначая отвесный склон каньона, середину экрана сверху вниз секла четкая, почти вертикальная линия. А вдоль этой линии ползла крохотная мигающая звездочка, которую они искали. Работяга-маяк выдал преследователям Перси.

Они доложили доктору Робертсу. Франклин представил себе, какое ликование царит наверху. Кое-что просочилось к ним вниз через микрофон; наконец, Робертс, заметно волнуясь, спросил:

– Как, по-вашему, удастся выполнить наш план?

– Попробуем, – ответил Франклин. – Конечно, стенка будет мешать. Надеюсь, в ней нет пещер. Перси не скроется. Ты готов. Дон?

– Командуй, пойду за тобой вниз.

– Мне кажется, мы доберемся до него без моторов. Поехали.

Франклин заполнил водой носовые цистерны и пошел круто вниз, надеясь, что планирует бесшумно. Перси, конечно, научился быть осторожным, он, наверно, обратится в бегство, как только заподозрит неладное.

Кальмар продолжал рыскать вдоль склона. Удивительно, какую пищу он может найти в таком безотрадном, безжизненном на вид месте… Рывками, выталкивая воду из мантийной полости через воронку, Перси двигался вперед и, судя по всему, еще не заметил их.

– Двести футов… Включаю огни, – сказал Франклин Дону.

– Что толку, видимость сегодня меньше восьмидесяти футов.

– Ничего, я ближе подойду. Есть, увидел! Идет на меня!

Франклин не очень-то рассчитывал, что такое умное животное, как Перси, второй раз клюнет на ту же удочку. Но в следующий миг лодку тряхнуло, могучие щупальца сомкнулись вокруг нее, и по корпусу заскребли жесткие когти. Он знал, что ему не грозит никакая опасность, даже самому сильному животному не смять оболочки, выдерживающей давление в тысячу тонн на квадратный фут, и все-таки ему было не по себе от этого липкого скребущего звука.

И вдруг – тишина. А затем раздался голос Дона:

– Ух ты, вот это зелье, мигом подействовало! Перси в нокауте.

Тут же последовал тревожный возглас доктора Робертса:

– Не переусердствуйте! Он должен двигаться и дышать!

Дон не ответил, он был слишком занят. Выполнив роль приманки, Франклин мог только смотреть, как его товарищ ловко маневрирует вокруг огромного моллюска. Анестетическая бомба совсем оглушила кальмара, и он медленно погружался вытянув вверх ослабевшие щупальца. Чудовище отрыгнуло свой обед, и из грозного клюва вырвались куски рыбы до фута величиной.

– Ты можешь зайти снизу? – крикнул Дон. – Я не поспеваю за ним, он тонет слишком быстро.

Франклин включил двигатель и заложил крутой вираж. Послышался мягкий стук, словно на тротуар упал сорвавшийся с крыши снег; это пять-десять тонн живого студня легли на подводную лодку.

– Отлично… Держи его. Сейчас я подойду.

Франклин на время как бы ослеп, но по доносившимся снаружи звукам он мог себе представить, что происходит. Наконец Дон торжествующе воскликнул:

– Есть! Можно идти.

Лодка Франклина освободилась от ноши, и он снова видел. Да, Перси попался. Толстая эластичная лента надежно обхватывала его тело в самом узком месте, позади плавников. Стофутовый трос соединял ленту с лодкой Дона, скрытой в подводной мгле. Перси плыл на буксире за лодкой задом наперед, как обычно плавают кальмары. Не будь он оглушен, ему бы ничего не стоило вырваться; теперь же хомут позволял Дону тянуть кальмара в любую сторону. Иное дело, когда Перси начнет приходить в себя…

Франклин сжато описал эту картину терпеливо ожидающим их товарищам.

Наверно, его слова сразу идут в эфир; хорошо бы Индра и Питер слушали сейчас… Но надо следить за Перси: начался подъем.

Они могли идти со скоростью не больше двух узлов, чтобы не сорвался хомут; уж очень тяжела эта огромная скользкая масса. Да и все равно им всплывать три часа – Перси должен постепенно приспосабливаться к перемене давления. Если учесть, что кашалот, который дышит легкими, – а значит, более уязвим, – поднимается с такой же глубины за десять – двадцать минут, это, пожалуй, излишняя предосторожность. Но добыча была слишком редкостная, и доктор Робертс не желал рисковать.

Прошел почти час, они уже достигли отметки три тысячи футов, когда Перси начал приходить в себя. Два самых длинных щупальца, усеянных на конце огромными присосками, целеустремленно зашевелились; ожили чудовищные глаза, способные, казалось, заворожить человека, как это было с Франклином, когда он смотрел в них с расстояния пяти футов. Уолтер тотчас доложил обо всем доктору Робертсу, не подозревая, что говорит лихорадочным шепотом.

Он услышал облегченный вздох.

– Отлично! – воскликнул ученый. – Я уже боялся, что мы его прикончили. Вам не видно, он дышит как следует? Сифон сокращается?

Франклин опустился на несколько футов, чтобы лучше видеть торчащую из мантийной щели кальмара мясистую воронку. Воронка то открывалась, то закрывалась, поначалу неравномерно, затем все ритмичнее и сильнее.

– Превосходно! – обрадовался доктор Робертс. – Зна-

чит, он в полном порядке. Если начнет артачиться, угостите его маленькой бомбой. Но только в самом крайнем случае.

Что считать крайним случаем? Сейчас Перси светился красивым голубым светом; его легко рассмотреть даже при выключенных прожекторах. А голубой цвет, говорил доктор Робертс, признак того, что кальмар возбужден. Самая пора действовать.

– Ну-ка, пускай, бомбу. Дон, а то он очень уж оживился.

– Есть… Пошла.

Стеклянный шар пересек экран Франклина и пропал вдали.

– Чертова штука, не взорвалась! – крикнул он. – Давай еще одну!

– Есть дать еще одну. Надеюсь, эта сработает, у меня всего пять штук осталось.

Но и вторая наркотическая бомба не взорвалась. Франклин вообще не увидел ее, зато он отметил про себя, что Перси, вместо того чтобы притихнуть, с каждой секундой становится все бодрее. Восемь коротких щупалец (коротких рядом с ловчей парой, достигающей почти ста футов) непрерывно переплетались. Как там у Мелвилла? «Извивались, будто анаконды». Нет, это сравнение, пожалуй, не подходит. Скорее кальмар сейчас напоминает скрягу, этакого подводного Шейлока, который алчно потирает руки, созерцая свои сокровища. Так или иначе, на душе как-то нехорошо от зрелища этих щупалец толщиной около фута, которые шевелятся в двух ярдах от тебя…

– Попробуй следующую, – сказал он Дону. – Если мы его не усмирим, он уйдет от нас.

Франклин облегченно вздохнул – через экран поплыли сверкающие осколки разбитого стекла. Они были бы невидимы в воде, если бы на них не падали лучи его ультрафиолетовых прожекторов. Впрочем, Франклину сейчас было не до того, чтобы размышлять над этим явлением; его занимало лишь то, что Перси перестал разжигать в себе злобу и присмирел.

– Ну, что там? – донесся сверху жалобный голос доктора Робертса.

– Это ваше чертово зелье… Две бомбы вхолостую. У меня осталось только четыре. При таком проценте отказов, дай бог, чтобы хоть одна сработала.

– Не понимаю, в чем дело. Мы проверяли механизм в лаборатории, он действовал отлично.

– А вы испытывали его при давлении сто атмосфер?

– Гм… нет. Разве это необходимо?

Возглас, который вырвался у Дона, выразил все, что он думал о биологах, возомнивших себя инженерами. Пять минут всплытие продолжалось при полном молчании. Наконец доктор Робертс, заметно смущенный, снова подал голос:

– Ну, если нельзя положиться на бомбы, пожалуй, стоит прибавить ход. Он очнется минут через тридцать.

– Идет. Я удваиваю скорость. Только бы хомут не соскользнул.

Двадцать минут прошло спокойно, а затем начались осложнения.

– Он опять оживает, – доложил Франклин. – Наверно, скорость повлияла.

– Я этого боялся, – ответил доктор Робертс. – Терпите

сколько можно, потом пускайте бомбу. Не может быть, чтобы все четыре подвели.

В ту же секунду кто-то еще включился в их сеть.

– Говорит капитан. Наблюдатель заметил кашалотов, дальность две мили. Похоже, идут к нам, проверьте-ка, у нас нет горизонтального локатора.

Франклин включил дальнобойный индикатор и тотчас поймал приметные эхо-сигналы.

– Ничего страшного, – сказал он. – Если подойдут слишком близко, мы их отпугнем.

Переведя взгляд на экран телевизора, он обнаружил, что Перси резвится вовсю.

– Давай бомбу! – крикнул он Дону. – И моли бога, чтобы не отказала.

– Сегодня я не бьюсь об заклад, – ответил Дон, – Ну как?

– Пустышка. Следующую!

– Осталось три. Пошла.

– Я ее даже не заметил, не сработала.

– Осталось две… А теперь одна.

– Опять холостой. Как нам быть, диктор? Рисковать последней? Боюсь, еще немного, и Перси вырвется!

– У нас нет другого выхода. – Голос доктора Робертса выдавал его тревогу. – Давайте, Дон.

– Есть! – торжествующе крикнул Франклин. – Нокаут! Как вы думаете, надолго?

– От силы двадцать минут, так что вы всплывайте, не мешкайте. Мы как раз над вами. Но не забывайте, что я вам говорил: не меньше десяти минут на последние двести футов. Столько усилий потрачено, не хватало, чтобы все дело испортила баротравма.

– Эй, постойте, – вступил Дон. – Я с этих кашалотов глаз не спускаю. Они прибавили ходу и идут прямо на нас. Должно быть, заметили Перси или маяк, который мы в него воткнули.

– Ну и что? – отозвался Франклин, – Мы их отгоним нашими… нда!

– Вот именно, Уолт, ты позабыл: мы не на дозорных лодках. У нас нет сирен. А гул двигателей на кашалота не действует.

Все верно. Хотя лет пятьдесят назад, когда китов чуть не истребили, шума двигателей было бы вполне достаточно. Но с той поры в мире китов сменилось больше десятка поколений; нынешние кашалоты не шарахались от подводных лодок, тем более когда их манил лакомый кусок. В самом деле, Перси сейчас за себя не постоит, как бы кальмара не съели прежде, чем они упрячут его в клетку!

– Мне кажется, мы успеем, – сказал Франклин, озабоченно прикидывая скорость кашалотов.

Никто не мог предусмотреть такой помехи; и ведь во время подводных операций всегда так, непременно на корягу напорешься…

– Пойду побыстрее к отметке двести футов, – снова заговорил Дон. – Там выждем сколько можно – и к доку. Что скажете, доктор?

– Больше ничего не остается. Только не забывайте, эти киты, когда надо, развивают пятнадцать узлов.

– Точно, развивают, но ненадолго, даже если обед из-под носа уходит. Поехали!

Лодки ускорили всплытие, кругом стало светло, и чудовищное давление постепенно ослабло. Наконец они

вернулись в узкую зону, доступную подводному пловцу без скафандра. Меньше ста ярдов оставалось до плавучей базы, но эта последняя ступень на пути к поверхности была самой критической. На протяжении двухсот футов давление понижалось с восьми атмосфер до одной. В теле Перси не было замкнутых воздушных полостей, которые могли бы лопнуть при чересчур быстром всплытии, но поди поручись, что никакие внутренние органы не пострадают.

– Киты в полумиле, – доложил Франклин. – Кто сказал, что они не могут долго идти с такой скоростью? Через две минуты будут здесь.

– Не подпускайте их, придумайте какой-нибудь способ, – взмолился доктор Робертс.

– Что вы предлагаете? – не без иронии осведомился Франклин.

– Попробуйте сделать вид, что вы их атакуете; может быть, это заставит их отступить.

«Не смешно», – подумал Франклин, но другого выбора не было. Он бросил напоследок еще один взгляд на явно оживающего Перси и пошел средним ходом навстречу кашалотам.

Прямо по носу было три эхо-сигнала – не очень крупные, но это не утешало Франклина. Даже если это самки, каждая из них в десять раз больше слона, а скорость сближения достигала сорока миль в час. И хотя он изо всех сил старался шуметь, проку от этого пока не было.

А тут еще голос Дона:

– Перси просыпается! Зашевелился, я чувствую.

– Идите в док, – скомандовал доктор Робертс. – Мы открыли ворота.

– Будьте готовы закрыть их, как только я отдам трос. Я пройду насквозь, мне вовсе не улыбается быть в одной банке с Перси, когда он смекнет, в чем дело!

Франклин слушал все это вполуха. Три эха угрожающе близко надвинулись на лодку. Неужели киты раскусят его ложный выпад? Кашалоты едва ли не самые драчливые среди обитателей моря, этим они так же отличаются от своих травоядных родичей, как дикие буйволы от стада премированных гернзеев. Заключительная глава «Моби Дика» написана под впечатлением случая, когда кашалот напал на «Эссекс» и потопил судно.

Франклин совсем не мечтал вдохновить современного писателя на продолжение этой книги.

И все же, хотя всего пятнадцать секунд отделяло его от них, он держал прежний курс. Ага, расходятся в стороны! Струсили? Во всяком случае, растерялись. Видимо, шум двигателей сбил настройку их локаторов.

Он сбросил ход, и три кита с любопытством закружили вокруг него в ста футах. То один, то другой силуэт мелькал на телевизионном экране. Как он и думал, молодые самки; жаль, что они по его милости остались без своей законной добычи – кальмара.

Франклин сорвал атаку кашалотов; остальное зависело от Дона. Судя по коротким и порой не совсем деликатным возгласам, которые вырывались из динамика, ему приходилось нелегко. Перси еще не очнулся совсем, но уже почуял неладное и начал отбиваться.

Последний акт был лучше всего виден с плавучего дока. Дон всплыл в пятидесяти ярдах от него, и тотчас море за кормой лодки превратилось в колышущееся, бурлящее

желе. Развив предельную скорость, Дон пошел на открытые ворота. Перси как-то вяло попытался ухватиться за створку щупальцем, словно он чуял, что ему грозит заточение, но разгон был чересчур велик, и щупальце разжалось. Как только кальмар очутился в ловушке, тяжелые стальные ворота стали смыкаться, будто огромные челюсти, и Дон отпустил буксирный конец, прикрепленный к хомуту, который обхватывал тело добычи. Не медля ни секунды, он выскочил из вторых ворот; они уже сдвигались. Весь этот маневр занял меньше пятнадцати секунд.

Когда Франклин вышел на поверхность окруженный тремя разочарованными, но нисколько не враждебными кашалотами, остальным участникам операции было не до него. Все до единого – кто с трепетом, кто с торжеством, кто с любопытством, а кто с откровенным недоверием, – не отрываясь смотрели на чудовище, которое заметно оживилось с тех пор, как попало в бетонный резервуар. Два десятка труб насыщали воду пузырьками воздуха, и организм Перси быстро освобождался от последних остатков дурманящего снадобья. При свете тусклых желтых ламп гигантский кальмар принялся исследовать свою тюрьму.

Сперва он медленно проплыл из конца в конец прямоугольной коробки, ощупывая стены. Потом два огромных ловчих щупальца поднялись над водой и протянулись к затаившим дыхание людям, которые заполнили галереи дока.

Щупальца кальмара коснулись наэлектризованной проволочной сетки и молниеносно отпрянули. Перси повторил эксперимент дважды, прежде чем убедился, что с этой стороны выхода нет. И все это время он не сводил с

зрителей-лилипутов взгляда, исполненного, казалось, разума, ничуть не уступающего их интеллекту.

Когда Дон и Франклин поднялись на борт, кальмар как будто уже успел смириться с неволей и даже слегка заинтересовался брошенной ему рыбой.

Два смотрителя подошли к доктору Робертсу и с галереи впервые по-настоящему увидели чудовище, которое вытащили из морской пучины.

Они долго рассматривали эти сильные гибкие щупальца стофутовой длины, несчетные присоски с жесткими крючьями, медленно пульсирующий сифон, громадные глаза хищника, вооружение которого превосходило все, что когда-либо видел свет. Наконец Дон высказал мысли обоих:

– Что ж, получайте, доктор. Надеюсь, вы знаете, как с ним управляться.

Доктор Робертс самоуверенно улыбнулся. Он чувствовал себя очень счастливым. Однако в душу его уже закралась тревога. Ученый не сомневался, что справится с Перси; но сумеет ли он столковаться с начальником Отдела китов, когда начнут поступать счета за научную аппаратуру, которую нужно заказать, и за горы рыбы, которую будет поглощать Перси?..

16

Руководитель Комитета научных исследований выслушал Франклина с должным вниманием, даже с интересом. Уолтер немало сил потратил, чтобы его речь прозвучала убедительно и обоснованно, а закончив ее, он почув-

ствовал себя неожиданно опустошенным. Он сделал все, что мог; дальнейшее в общем-то от него не зависело.

– Мне хотелось бы уточнить несколько вопросов, – сказал министр. – Начнем с самого естественного: почему вы обратились через Всемирный секретариат в КНИ, вместо того чтобы пойти в научно-исследовательский отдел вашего Главного управления моря?

Да, вопрос естественный. И щекотливый. Но Франклин ждал его и заранее приготовил ответ.

– Уверяю вас, мистер Фарлан, – ответил он, – я не пожалел сил, чтобы добиться поддержки в Главном управлении. Они заинтересовались, тут и поимка кальмара сыграла свою роль. Но «Операция Перси» стала нам куда дороже, чем думали, и пошло: что, да как, да почему… Кончилось тем, что многие ученые ушли от нас в другие управления.

– Знаю, знаю, – сказал с улыбкой министр. – Несколько человек попали к нам.

– Ну вот, и теперь в нашем управлении бесполезно заговаривать об исследованиях, которые не сулят прямой отдачи. Это одна из причин, почему я пришел к вам. И, по чести говоря, тут просто не обойдешься без высших инстанций. Две глубоководные лодки – это же немалый расход, управление не может само его утвердить.

– А если ваше предложение пройдет, вы ручаетесь, что удастся найти людей?

– Конечно. Надо только выбрать правильное время. Заграждение теперь надежно на сто процентов, за последние три года не было ни одной серьезной аварии, так что у нас, смотрителей, не такая уж большая нагрузка, если не

считать сезон облавы и боя. Вот я и подумал, что было бы неплохо…

– Использовать расточаемые впустую таланты смотрителей?

– Ну, зачем же так резко. Я вовсе не хочу сказать, что у нас в отделе не умеют организовать работу.

– Что вы, что вы, – улыбнулся министр, – я ничего такого не подразумеваю. Но перейдем ко второму вопросу, он более личного свойства. Почему вы так упорно пробиваете этот проект? Наверно, немало времени и сил на него потратили. Наконец вы, скажем прямо, рискуете навлечь на себя немилость своего начальства, обращаясь непосредственно ко мне.

На этот вопрос и другу было бы нелегко ответить, не говоря уж о незнакомом человеке. Сумеет ли этот господин, занимающий столь высокую должность в государственном аппарате, понять завораживающее действие таинственного эха, виденного на экране гидролокатора всего один раз, да и то несколько лет назад? Должен понять, ведь он – пусть отчасти – ученый.

– Я старший смотритель, – объяснил Франклин. – Но в этом качестве мне осталось служить недолго – не тот возраст: тридцать восемь лет, придется расстаться с морем. И вообще я любопытный; видно, надо было самому пойти в науку. Мне очень хочется решить эту загадку, хотя надежд на успех совсем мало.

– Да, вам будет нелегко. Эта карта, на которой вы обозначили достоверные наблюдения, покрывает почти половину Мирового океана.

– Я знаю, на первый взгляд это безнадежно, но наши

новые гидролокаторы в три раза мощнее прежних, а эхо такого размера сразу бросится в глаза. Не я, так кто-нибудь другой, это теперь только вопрос времени.

– И вам хочется, чтобы это были бы. Что ж, это вполне резонно. Когда пришло ваше первое письмо, я переговорил с нашими биологами, услышал три разных мнения – и ни одного обнадеживающего. Некоторые признают, что такие эхо-сигналы в самом деле наблюдались, но относят их за счет дефектов гидролокатора или особого состояния воды.

Франклин фыркнул.

– Кто сам видел эти эхо, никогда так не скажет. А что касается всяких ложных эхо и дефектов аппаратуры, то уж мы-то их распознаем, это наша обязанность.

– Согласен. Другие считают, что все… скажем так: обычные морские змеи – не что иное, как кальмары, ремень-рыбы и угри, что это их видели ваши дозорные. Их или крупную глубоководную акулу.

Франклин покачал головой.

– Все эти эхо и знаю. А тут совсем другое.

– Третье возражение – чисто теоретическое. В океанской пучине слишком мало пищи, очень крупное, активно передвигающееся животное не прокормится.

– Откуда такая уверенность? Каких-нибудь сто лет назад ученые твердили, что на дне океана не может быть никакой жизни. Но ведь оказалось – чепуха, мы в этом убедились.

– Ничего не скажешь, вы хорошо подготовились. Ладно, посмотрим, что можно будет сделать.

– Большое спасибо, мистер Фарлан. Пожалуй, лучше, чтобы у нас в отделе не знали, что я побывал у вас.

– Мы не проговоримся, да ведь они сами сообразят.

Министр встал, и Франклин решил, что разговор окончен. Он ошибся.

– Постойте, мистер Франклин, не уходите, – сказал министр. – Помогите мне сперва разобраться в одном деле, которое занимает меня уже много лет.

– Какое дело?

– Я до сих пор никак не возьму в толк, как мог смотритель, то есть человек, прошедший специальную подготовку, среди ночи оказаться за Большим Барьером на глубине пятисот футов с одним только обычным аквалангом.

После этих слов, которые сразу меняли их отношения, они долго смотрели молча друг на друга. Франклин усиленно рылся в памяти, но лицо собеседника не вызвало в нем никаких ассоциаций. Это было так давно, после того было столько всяких встреч.

– Вы один из тех, кто вытащил меня? Тогда я в большом долгу перед вами.

Он остановился, потом добавил:

– Понимаете, это не был несчастный случай.

– Я так и думал. Тогда все ясно. И раз уж об этом зашла речь: что стало с Бертом Деррилом? Почему-то я ничего не смог узнать о нем.

– Его погубили долги, ведь «Морской лев» не окупал себя. Последний раз я видел Деррила в Мельбурне, он страшно сокрушался: тогда только что отменили таможенные пошлины и честные контрабандисты остались без заработка. Он попытался получить страховку за «Морского льва» – устроил вполне убедительный пожар и недалеко от берега оставил судно. Лодка пошла ко дну, но оценщики не

поленились спуститься следом, обнаружили, что перед пожаром было снято все ценное оборудование, и стали задавать капитану неприятные вопросы. Не знаю уж, как он выпутался.

Собственно, на том и кончилась карьера старого мошенника. Он запил, и как-то ночью – это было в Дарвине – ему вздумалось искупаться. Капитан прыгнул с пирса, но он забыл про отлив, а там разница уровня достигает тридцати футов. В итоге капитан Деррил сломал себе шею, и многие – не только кредиторы – искренне горевали.

– Бедняга Берт… На Земле будет скучно жить, когда совсем не останется таких, как он.

В устах видного деятеля Всемирного секретариата такие слова, бесспорно, звучали еретически. Но Франклин слушал их с радостью, и не только потому, что сам думал так же. Ему стало ясно, что он неожиданно обрел влиятельного друга и надежды на успех его замысла чрезвычайно выросли.

После этого разговора долго ничего не было слышно, но Франклин и не рассчитывал, что колеса завертятся сразу, а потому не огорчался. Тем более что работы хватало. До периода затишья оставалось целых три месяца, а тут еще на него взвалили ряд не слишком серьезных, но и не очень приятных дел.

Впрочем, к одному случаю эти определения не подходили: на свет божий явилась большеглазая и горластая Энн Франклин, и Индра начала всерьез сомневаться, что ей удастся продолжать свою ученую карьеру.

Отца не было дома, когда родилась дочь. Во главе отряда из шести подводных лодок он ходил к островам

Прибылова; там они устроили облаву на касаток, а то уж очень много их развелось. Франклин и раньше выполнял такие задания, но в этот раз благодаря усовершенствованной технике отряд добился особенно большого успеха. Под водой разносились записанные на ленту голоса тюленей и мелких китов, и притаившиеся лодки ждали убийц.

Касатки сходились сотнями, их били беспощадно. Отряд истребил больше тысячи касаток, прежде чем вернулся на базу. Работа была тяжелая, порой даже опасная, но, хотя Франклин понимал, как это нужно, ему вовсе не нравилась роль ученого мясника. Красота и стремительность этих свирепых охотников втайне его восхищала, и он даже обрадовался, когда добыча пошла на убыль. Похоже было, что горький опыт научил касаток осторожности. Теперь экономистам решать, есть ли смысл повторять эту операцию в следующем сезоне.

Только кончилось это дело, и Франклин примчался домой, чтобы излить свою нежность на маленькую Энн (которая даже не признала отца), как его отправили на Южную Георгию. Здесь нужно было выяснить, с чего это киты, которые прежде безропотно заплывали в бойню, вдруг стали подозрительными и никак не хотели входить в электрические шлюзы. Правда, загадка решилась без помощи Франклина. Пока он доискивался *психологических* факторов, один сметливый молодой инспектор обнаружил, что кровь из перерабатывающих цехов просачивается в море. Неудивительно, что киты, хотя у них обоняние слабее, чем у других морских животных, настораживались, когда движущиеся барьеры подталкивали их туда, где столько их родичей встретили свой смертный час.

Как главный смотритель, которого уже готовили на более серьезные роли, Франклин был теперь, так сказать, разъездным мастером на все руки, и Отдел китов направлял его всюду, где возникало какое-нибудь осложнение. Его это вполне устраивало, огорчали только частые отлучки из дома. Когда втянешься в смотрительскую работу, обычная дозорная служба и присмотр за стадами быстро теряют привлекательность. Правда, Дон Берли считает свою работу достаточно волнующей и интересной, но ведь он лишен честолюбия да и вообще звезд с неба не хватает. Франклин думал об этом без тени превосходства; речь шла об очевидном факте, который Дон первым был готов признать.

Уолтер находился в Англии (его пригласили на заседание Китобойной комиссии как эксперта-консультанта, и он рьяно отстаивал интересы своего отдела), когда его разыскал по телефону весьма озабоченный доктор Люндквист, сменивший доктора Робертса, который перешел из Отдела китов на гораздо лучше оплачиваемую должность в Мэринленд.

– Только что от Комитета научных исследований пришли три ящика с аппаратурой. На них указано ваше имя, хотя мы ничего такого не заказывали. В чем тут дело?

Ну, конечно, этого следовало ожидать; прислали в его отсутствие. И если начальник отдела проведает об этом прежде, чем Франклин успеет подготовить почву, будет фейерверк.

– Слишком долго рассказывать, – ответил он Люндквисту, – а мне через десять минут надо быть в Комиссии. Уберите их куда-нибудь до моего приезда, я вернусь и все объясню.

– Надеюсь, здесь не кроется ничего… такого…

– Не беспокойтесь. Послезавтра увидимся. Если Дон Берли появится на базе, попросите его проверить, что прислали. Документы я подпишу, когда приеду.

Да, задача… Внести в инвентарные списки отдела имущество, которого никто официально не заказывал, так чтобы избежать нежелательных вопросов, – это будет не легче, чем выследить Великого Морского Змея.

Но он напрасно беспокоился. Его новый могущественный союзник, руководитель Комитета научных исследований, предвидел возможные осложнения. Аппаратура предоставлялась Отделу взаймы; ее надлежало возвратить, как только она освободится. Больше того, начальнику Отдела китов намекнули, что экспедиция задумана КНИ. Поверит он или нет, это его дело, но официально к Франклину нельзя было придраться.

– Раз уж вы в курсе дела, Уолтер, – сказал начальник, когда снаряжение было извлечено из ящиков, – расскажите нам, для чего все это предназначено.

– Это автоматический самописец, но куда совершеннее, чем те, которыми мы в воротах подсчитываем китов. Попросту говоря, мощный гидролокатор с радиусом действия пятнадцать миль, обзор во все стороны, включая морское дно. Неподвижные предметы он отсеивает, записывает только движущиеся эхо. Можно настроить его так, чтобы он регистрировал объекты заданной величины. Например, считал китов больше пятидесяти футов в длину, пренебрегая всеми остальными. Всю сферу он прощупывает за шесть минут, это значит двести сорок циклов в сутки. Словом, мы можем непрерывно получать полные данные о любом нужном районе.

– Хорошо придумано. Очевидно, КНИ хочет, чтобы мы где-то установили прибор и следили за ним?

– Да. И снимали показания раз в неделю. Это и нам очень пригодится.

– Гм… Они прислали три прибора.

– Вот это размах, что значит КНИ! Нам бы столько денег! Так вы держите меня в курсе дела. Если эти штуки вообще будут работать.

И весь разговор; о морском змее не было сказано ни слова.

* * *

Прошло два месяца, а приборы все еще не обнаружили его. Еженедельно патрулирующие поблизости лодки снимали показания. Самописцы стояли на глубине полумили, в точках, которые Франклин выбрал, тщательно изучив все известные наблюдения. Сперва лихорадочно, потом с упрямой решимостью он исследовал сотни футов кинопленки; шестнадцатимиллиметровая лента по-прежнему оставалась непревзойденным материалом для записи сигналов.

Проектируя фильм на экран, он видел тысячи эхо и в несколько минут узнавал все о перемещении морских великанов за много суток.

Пустые кадры преобладали, так как импульсный фильтр был настроен на объекты от семидесяти футов и больше. Франклин рассчитал, что такая настройка исключит всех животных, кроме самых крупных китов и добычи, которую он искал. Когда мимо прибора проходили китовые стада, лента оказывалась испещренной пятнами, и во время просмотра они мчались через экран с неслыханным ускорением. Перед его глазами жизнь моря проходила в десять тысяч раз быстрее, чем в действительности.

После двух месяцев бесплодной работы он уже начал подумывать, что не правильно выбрал место для всех трех приборов, надо переносить их. И наконец решил, что сделает это после очередной проверки, даже наметил, куда именно.

Однако на этот раз Франклин увидел то, что искал. Эхо помещалось у самого края индикатора, и луч развертки только четыре раза захватил его.

Памятный, причудливо удлиненный всплеск был отмечен самописцем два дня назад. Итак, улики есть, но еще нет доказательств.

Он перевез в этот район оба других прибора и расставил их в вершинах треугольника с длиной стороны в пятнадцать миль, так что локаторы перекрывали друг друга. Дальше оставалось запастись терпением, ждать, что покажет следующая неделя.

Ожидание оправдалось: через неделю Франклин располагал всем, что было нужно, чтобы начать кампанию. Он получил ясные и неопровержимые доказательства.

Очень крупное животное, слишком длинное и тонкое, чтобы спутать его с известными обитателями моря, жило на глубине двадцати тысяч футов и дважды в сутки – видимо, для охоты – поднималось вверх на половину этого расстояния. Его регулярное появление на экранах самописцев позволило Франклину хорошо представить себе привычки и маршруты животного. Если только оно не уйдет вдруг из этого района, так что Франклин его потеряет, повторить успех «Операции Перси» будет не трудно.

Он упустил из виду, что в море не бывает, не может быть точных повторений.

– А знаешь, – сказала Индра, – я рада, что это задание – одно из твоих последних.

– Если тебе кажется, что я уже стар…

– Нет, дело не только в этом. Когда ты перейдешь в управление, у нас начнется более нормальный образ жизни, я смогу спокойно приглашать людей на обед, и не надо будет потом извиняться – дескать, мужа срочно вызвали загонять заболевшего кита. И для детей лучше, а то приходится всякий раз объяснять им, что это за чужой дядя иногда появляется в доме.

– Как, Пит, неужели до этого дошло? – Франклин, смеясь, потрепал непокорные черные кудри сына.

– Когда ты возьмешь меня с собой на подводную лодку, папа? – спросил Питер, наверно, в сотый раз.

– Скоро, скоро, как только ты подрастешь и научишься не мешать мне.

– Но когда я вырасту, я, конечно, буду мешать тебе.

– Вполне логичное рассуждение! – сказала Индра. – Я же говорила тебе, что мой ребенок гений.

– Допустим, волосы у него твои, – отпарировал Франклин. – Но почему он тебя должен благодарить за то, что у него *под* волосами? – Он повернулся к Дону, который издавал какие-то странные звуки, стараясь развеселить Энн. Малютка явно не могла решить, отвечать ли ей смехом или слезами на его усилия; во всяком случае, она пристально изучала этот вопрос, – А ты когда начнешь вкушать сладость домашней жизни? Нельзя же до конца своих дней оставаться почетным дядюшкой.

Дон слегка смутился.

– По чести говоря, – заговорил он с расстановкой, – я как раз подумываю об этом. Мне удалось, наконец, встретить девушку, которая как будто не против.

– Поздравляю! То-то я смотрю, вы с Мери частенько встречаетесь.

Дон совсем растерялся.

– Э… гм.. нет, это не Мери. С ней я решил распроститься.

– Вот как, – опешил Франклин. – А кто же тогда?

– Ты вряд ли знаешь ее. Ее зовут Джун – Джун Кертис. Она не из нашего отдела, и это даже лучше. Я еще не совсем уверен, но скорее всего на следующей неделе сделаю ей предложение.

– Все ясно, – твердо сказала Индра. – Когда вы вернетесь с вашей охоты, приводи ее к нам на обед, и я скажу тебе наше мнение о ней.

– А я скажу ей, что мы думаем о тебе, – вставил Франклин. – Ведь это только справедливо, верно?

* * *

Идя косо вниз в вечную ночь на маленькой глубоководной лодке, Франклин подумал о словах Индры: «Это задание – одно из твоих последних». Она ошибается; хоть его и переводят с повышением на берег, ему еще придется выходить в море, правда, все реже и реже. Во всяком случае, этот поход – его лебединая песня как смотрителя. Он не знал, грустить или радоваться.

Семь лет Франклин скитался в океанах – по году на

каждое из семи морей, – и он изучил обитателей пучины так, как в прошлом нельзя было изучить. Все настроения моря были ему знакомы; он скользил по зеркальной глади и даже на глубине ста футов ощущал мощь штормовых валов.

Прекрасное и отвратительное, жизнь и смерть – он видел их во всем их необъятном разнообразии, работая в подводном мире, перед которым суша выглядела безжизненной пустыней. Никому не дано исчерпать все чудеса моря, но Франклин понимал, что пришло время посвятить себя новым задачам. Он поглядел на индикатор: на месте ли светящаяся сигара – лодка Дона? И с нежностью подумал о том, что их объединяло. Но есть и различия, которые неизбежно будут уводить их друг от друга. Кто бы мог подумать, что учитель и ученик, так настороженно относившиеся друг к другу, станут такими хорошими друзьями?

Да, всего семь лет прошло с тех пор, а он уже с трудом представляет себе, каким был тогда. Великое спасибо психологам; они не только отстояли его разум, но и подобрали работу, которая помогла ему вернуться к деятельной жизни.

От этой мысли до следующей был один шаг. Память попыталась воссоздать образ Айрин и мальчиков (силы небесные, Руперту уже двенадцать лет!). Некогда они были центром его личного мира, теперь стали чужими и, что ни год, все больше удаляются от него. Последняя фотография – годичной давности; последнее письмо Айрин пришло с Марса полгода назад – кстати, он до сих пор не ответил!

Боль унялась давно, Франклина не терзала мысль о том,

что он ссыльный на родной планете, и он не томился желанием снова увидеть друзей той поры, когда считал своим царством весь космос. Разве что иногда найдет на него легкая, сладкая печаль, и немножко неловко: почему горе так непостоянно?

Голос Дона прервал эти размышления, правда, Франклин и без того ни на миг не отвлекался от испещренной индикаторами приборной доски.

– Сейчас мы бьем мой личный рекорд, Уолт. Я еще не бывал глубже десяти тысяч футов.

– И еще столько же впереди. А какая разница, если лодка надежная? Немного дольше погружаешься, немного дольше всплываешь. У этих лодок даже на дне Филиппинской впадины будет пятикратный запас прочности.

– Верно, верно, а все-таки психологическая разница есть, что ни говори. Будто ты не чувствуешь веса этих двух миль воды?

Гляди, как фантазия разыгралась – что это с Доном? Обычно Франклин изрекал такие вещи, и друг немедля поднимал его на смех. Ну что ж, если Дон раскис, надо выдать ему его же лекарства.

– Ты не забудь сказать мне, когда появится течь, я тебе кину ведро, – сказал Франклин. – Как только вода поднимется до ушей, повернем обратно.

Не ахти какая острота, но самому Франклину она помогла. Все-таки неприятно, как подумаешь, что давление кругом неумолимо приближается к отметке пять тонн на квадратный дюйм. Ничего подобного он не ощущал на малых глубинах, хотя там тоже могла случиться беда и с не менее губительными последствиями. Франклин вполне

полагался на свою технику, знал, что лодка его не подведет, и все же на душе было так тоскливо, что операция, в которую он вложил столько сил, уже не радовала его.

Через пять тысяч футов прежний пыл вернулся к нему в полной мере.

Оба одновременно заметили эхо и наперебой кричали что-то невразумительное, пока не вспомнили, наконец, о правилах связи. Как только был восстановлен порядок, Франклин дал команду:

– Малый ход! Эта зверюга слишком восприимчива, как бы ее не спугнуть.

– А если заполнить носовые цистерны и погружаться с выключенными двигателями?

– Слишком долго, ведь до него еще три тысячи футов. Да, поставь гидролокатор на минимальную мощность – еще поймает наши импульсы.

Животное плыло, не поднимаясь и не опускаясь, по причудливой траектории вдоль склона очень крутой подводной горы; иногда оно делало бросок влево или вправо, словно в погоне за добычей. Гора вздымалась на четыре тысячи футов со дна моря, и Франклин – в который раз – подумал: как обидно, что самые величественные в мире ландшафты скрыты от глаз человека в океанской пучине! Ничто на суше не сравнится с достигающими в ширину ста миль рифами Северной Атлантики или с огромными провалами в ложе Тихого океана, где отмечены величайшие в мире глубины.

Медленно погружаясь, они миновали вершину, которая на три мили не дотягивалась до поверхности океана. Внизу, теперь уже совсем близко, по-змеиному извивалось таин-

ственное продолговатое эхо. «Вот будет смешно, – подумал Франклин, – если Великий Морской Змей в самом деле окажется змеей. Да нет, это невозможно – змей с водным дыханием не существует».

Примолкнув, друзья осторожно подкрадывались к добыче. Они знали, что это одна из величайших минут их жизни, и старались ничего не упустить. Дон до последней секунды был настроен скептически, ему казалось, что они найдут какое-нибудь уже известное животное. Но чем больше становилось эхо на экране индикатора, тем сильнее бросалась в глаза его необычность. Да, это что-то невиданное.

Гора нависла над ними; они шли вдоль подножия очень высокой – больше двух тысяч футов – скалы, и меньше полумили отделяло их от добычи. У Франклина чесались руки включить ультрафиолетовые прожекторы, чтобы вмиг решить древнейшую из загадок и прославить в веках свое имя.

Так ли уж это важно? (Как тянутся секунды!) Чего уж тут скрывать: конечно, важно. Может быть, ему больше никогда не представится такая возможность…

Вдруг без малейшего предуведомления лодка вздрогнула, будто от удара молотом. Одновременно раздался голос Дона:

– Ух ты! Это еще что такое?

– Какой-то кретин занимается взрывами, – ответил Франклин; от злости он даже не ощутил страха. – А ведь я просил всех предупредить о нашем погружении!

– Это не взрыв. Такой толчок… Землетрясение, вот что это такое!

Одно слово – и Франклина захлестнул страх перед бездной, все это время таившийся где-то в глубине души. Чудовищный вес водной толщи разом навалился на его плечи, и бравое маленькое суденышко казалось ему хрупче яичной скорлупы, жалкой игрушкой сил, которых даже самый изощренный ум не укротит.

Франклин знал, что в пучинах Тихого океана, где грунт и вода всегда пребывают в неустойчивом равновесии, землетрясения обычны. Он и прежде, в дозоре, ощущал иногда далекие толчки, но теперь они явно очутились вблизи эпицентра.

– Полный наверх, – скомандовал он. – Это, наверно, только начало!

– Да нам всего пять минут нужно, – возразил Дон. – Давай, Уолт, рискнем.

Франклин и сам колебался. Ведь может случиться, что толчков больше не будет, если напряжение в земной коре разрядилось. Он взглянул на эхо, которое привело их сюда. Ого, как быстро двигается, словно и его испугало внезапное проявление дремлющих сил Природы.

– Ладно, попробуем, – согласился он. – Но если это повторится, сразу всплываем.

– Идет, – ответил Дон. – Ставлю десять против одного…

Он не договорил. Новый удар молота был не сильнее первого, зато более длительным. Как будто у океана начались родовые схватки – распространяясь со скоростью больше мили в секунду, между поверхностью и дном метались ударные волны. Франклин выкрикнул: «Вверх!» – и под самым крутым углом, какой допускала конструкция лодки, устремился к «небу».

Но где же оно? Отчетливо видимая плоскость, обозначающая рубеж между воздухом и водой, исчезла с экрана индикатора, ее вытеснила невообразимая мешанина размытых эхо-сигналов. В первую секунду Франклин решил, что толчки вывели из строя гидролокатор, но тут же ему стал понятен страшный смысл этой невероятной картины.

– Дон, – закричал он, – скорей уходи, гора падает!

Миллиарды тонн горной породы, которые громоздились над ними, поползли в пучину. Весь склон откололся, водопад камня рухнул вниз с обманчивой неторопливостью и неотразимой мощью, как лавина в замедленном фильме, но Франклин знал, что через несколько секунд все пространство вокруг него пронижут обломки.

Моторы работали на полную мощность, но Франклину казалось, что он не двигается с места. Даже без усилителей были слышны грохот и гул сталкивающихся глыб. Град обломков, огромные тучи осадков и ила занимали половину изображения; он буквально ослеп. Оставалось только идти прежним курсом и надеяться на чудо.

Что-то глухо ударило в корпус. Лодка застонала и на секунду вышла из повиновения, но ему тут же удалось ее выровнять. А затем Франклин почувствовал, что его подхватило ильное течение, видимо, вызванное обвалом. Очень кстати – поток уносил его прочь от горы. Кажется, он выкарабкается!

Но где Дон? Не было никакой возможности различить его эхо в этой свистопляске. Включив на полную мощность коммуникатор, Франклин послал вызов в колышущийся мрак. Молчание… Может быть, Дону просто не до того, чтобы отвечать?

Ударные волны прекратились, теперь уже было не так страшно. Можно не бояться за корпус: вода не раздавит, и гора далеко. Течение, пришедшее на помощь двигателям, ослабло; это тоже говорит о том, что лодка достаточно удалилась от обвала, который вызвал его. По мере того как оседали обломки и ил, рассеивалась светящаяся дымка на экране.

Постепенно сквозь мглу беспорядочных эхо-сигналов проступил изуродованный лик горы, и Франклин различил огромный шрам, оставленный лавиной. Дно океана все еще было скрыто в тумане; понадобится не один час, чтобы оно вновь стало видимым и можно будет судить о разрушениях, вызванных пароксизмом стихий.

Франклин не отрывал глаз от экрана. С каждым оборотом луча искорки помех становились слабее. Муть еще не осела, но все обломки легли на дно. Видно уже на милю… две… три.

И нигде никакого намека на яркое, четкое эхо лодки Дона. Последние надежды рушились: видимость росла, а экран по-прежнему оставался пустым.

Снова и снова Франклин слал свой зов в безмолвие; скорбь и чувство беспомощности боролись в его душе.

Взрывом сигнальных гранат он оповестил все гидрофоны в Тихом океане. Сейчас по воде и по воздуху к нему мчится помощь. Франклин сам уже начал поиск, идя по спирали вниз. Но он знал, что все это напрасно.

Дон Берли проиграл свое последнее пари.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧИНОВНИК

18

Огромная, во всю стену карта в меркаторской проекции отличалась своеобразием. Все материки были показаны белым цветом; если верить этому картографу, исследование суши еще не начиналось. Зато моря изобиловали подробностями и переливались множеством огоньков, проектируемых каким-то устройством на карту с обратной стороны. Цветные пятнышки каждый час перемещались, рассказывая опытному глазу о скитаниях основных китовых стад Мирового океана.

За четырнадцать лет Франклин десятки раз видел эту карту, но сегодня он впервые смотрел на нее с такой выгодной позиции. Потому что теперь Уолтер Франклин сидел в кресле начальника Отдела китов.

– Вряд ли мне нужно напоминать вам, Уолтер, – сказал ему, сдавая дела, бывший начальник, – вы принимаете отдел в трудную пору. В ближайшие пять лет придется нам, так сказать, схватиться вплотную с планктонными фермами. Если мы не повысим производительность, скоро белки из планктона будут намного дешевле наших. И это лишь одна из наших проблем Что ни год – все труднее с кадрами. А тут еще вот это.

Он подтолкнул к Франклину лежавшую на столе папку, Уолтер раскрыл ее и усмехнулся. Знакомое объявление, за последнюю неделю оно обошло все крупнейшие журналы;

должно быть, Комитет по делам космоса ухлопал уйму денег.

На весь разворот – неправдоподобно четкая и красочная картина подводного царства. В кристально чистой толще насмерть бились друг с другом громадные, отвратительные чешуйчатые чудовища, каких Земля не видела с юрского периода. Вспоминая известные фотографии, Франклин должен был признать, что животные нарисованы очень точно, ну, а четкость и яркость красок под водой – ладно, не будем придираться, позволим художнику небольшую вольность.

Текст был спокойным, намеренно бесстрастным, выразительный рисунок избавлял от необходимости что-либо прикрашивать. Комитет по делам космоса извещал о срочном наборе молодых людей на должности смотрителей и пищевиков для эксплуатации морей Венеры. Во всей солнечной системе нет более увлекательной и стоящей работы; жалованье хорошее, спрос с вербуемых не так строг, как, скажем, с космических пилотов и астрогаторов. За кратким перечнем требований, касающихся здоровья и образования, следовал призыв, который Комиссия по Венере твердила уже полгода и который успел порядком намозолить глаза Франклину:

ПОМОГИ СОЗДАТЬ ВТОРУЮ ЗЕМЛЮ!

– А мы должны заботиться о том, чтобы благополучно существовала первая, – сказал бывший начальник, – хотя смышленые ребята, которые могли бы прийти к нам, бегут на Венеру. Между нами говоря, я нисколько не удивлюсь,

если узнаю, что Комитет по делам космоса добирается до наших людей.

– Они себе такого не позволят!

– Не позволят? А заявление старшего смотрителя Макрэ с просьбой о переводе? Если не сумеете отговорить его, попробуйте выяснить, почему он решил уйти.

«Да, легкой жизни не жди, – подумал Франклин. – Конечно, он и Джо старые друзья, но можно ли напирать на эту дружбу теперь, когда он стал *начальником* Макрэ»?

– Или вот еще задача: держать в узде ученых. Люндквист даже Робертса перещеголял, работает сразу над полудюжиной безумных затей. Почти все время торчит на Героне. Не мешало бы слетать туда и посмотреть. Я так и не выбрался…

Франклин продолжал учтиво слушать, как предшественник с нескрываемым удовольствием перечисляет все минусы его новой должности.

Все это было ему в общем-то известно, и мысли его витали далеко. Он думал, как славно будет начать свою новую деятельность официальным визитом на остров Герон, с которым связано столько воспоминаний о начале его работы в Отделе китов; ведь уже лет пять, как не бывал там.

* * *

Приезд нового начальника польстил доктору Люндквисту, который простодушно надеялся, что результатом будет рост ассигнований на его работы. Он не радовался бы так, если бы знал, что обратное куда более вероятно. Франклин всей душой был за научные исследования, но теперь, когда он сам утверждал расходы, его точка зрения

слегка изменилась. Все, что задумает Люндквист, должно приносить прямую пользу отделу, иначе поддержки ему не будет, разве что он сумеет заинтересовать Комитет научных исследований.

Люндквист был маленького роста, очень живой человек, который своими проворными, порывистыми движениями напомнил Франклину воробья.

Неподдельный энтузиаст, каких немного осталось, он сочетал основательную научную подготовку с необузданным воображением – в этом Франклину предстояло скоро убедиться.

Правда, на первый взгляд могло показаться, что в лаборатории идет обыкновенная текущая работа. Франклин провел тридцать скучных минут в обществе двух молодых ученых, которые толковали о новых способах борьбы со всевозможными паразитами, и еле-еле спасся от лекции о родовспоможении китообразным. Несколько больше увлек его отчет о последних работах по искусственному осеменению; он сам когда-то помогал делать первые опыты – не всегда удачные, но неизменно веселые. Осторожно понюхав комки синтетической амбры, он согласился, что получилось очень похоже на настоящую. Затем, делая вид, что улавливает разницу, прослушал звуковую кардиограмму кита до и после удачной операции на сердце.

Словом, все было в полном порядке и все отвечало его ожиданиям, А потом Люндквист из лаборатории повел его к большому бассейну, предваряя на ходу:

– Думаю, это покажется вам более интересным. Конечно, это пока только эксперименты, но кто знает…

Он взглянул на часы и пробурчал себе под нос:

– Две минуты осталось… Обычно в это время ее уже видно, – перевел взгляд на пролив за рифом и удовлетворенно сказал:

– Ага, вот и она!

К острову приближался черный продолговатый бугор. Тут же Франклин увидел короткий, словно обрубленный, фонтан пара, по которому узнают горбатого кита. А вот и второй фонтан, поменьше, – значит, идет самка с детенышем. Киты решительно прошли через узкий проход в коралловом барьере, расчищенный взрывами много лет назад для небольших судов лаборатории, и свернули влево, в освежаемый приливами просторный бассейн; этого бассейна Франклин прежде не видел. Здесь самка и детеныш остановились и стали терпеливо ждать, словно ученые собаки.

Два лаборанта в непромокаемой одежде катили к краю бассейна что-то похожее на огнетушитель. Люндквист и Франклин поспешили к ним на помощь, и вскоре стало понятно, зачем в ясный, безоблачный день понадобилось так одеваться. Каждый раз, когда киты пускали фонтаны, люди попадали под зловонный душ, и Франклин тоже поспешил облачиться в комбинезон.

Даже смотритель редко видит живого кита так близко и при таких идеальных условиях. Мамаша была длиной около пятидесяти футов и, как и все горбачи, выглядела очень грузной. Никто не назвал бы ее красавицей, усеявшие переднюю грань плавников вздутия только усугубляли картину.

Детеныш был около двадцати футов; судя по тому, как беспокойно он сновал вокруг своей флегматичной роди-

тельницы, китенок скверно чувствовал себя в тесном бассейне.

Один из лаборантов что-то крикнул неожиданно высоким голосом, и мамаша повернулась на бок, так что половина ее плиссированного брюха очутилась над водой. Она безропотно позволила накрыть ей сосок большим резиновым стаканом и даже сама помогла процедуре: прибор на баллоне, измеряющий скорость струи, показывал поразительные цифры.

– Ну, вы-то знаете, – сказал Люндквист, – что самка выделяет молоко сильной струей, чтобы не смешивалось с водой. Но совсем маленького детеныша мать кормит иначе, она ложится на бок, и он может сосать над водой. Это облегчает нам дело.

Франклин не услышал новой команды, однако послушная родительница перевернулась на другой бок и подставила для дойки второй сосок. Он посмотрел на прибор: почти пятьдесят галлонов, а молоко все прибывает.

Детеныш явно был встревожен; может быть, в воду попало несколько капель молока, и это его взбудоражило. Он даже попытался отбить сосок для себя, и пришлось его прогнать двумя-тремя сильными шлепками.

Франклин, смотрел с интересом, но без особого удивления. Он и прежде слышал, что китов можно доить, только не подозревал, что это делается так чисто и проворно. Так в чем же смысл этого эксперимента?

Зная доктора Люндквиста, можно было догадаться.

– Итак, – заговорил ученый, очевидно, надеясь, что демонстрация произвела должное впечатление, – мы можем получать от одной самки минимум пятьсот фунтов

молока в день, без вреда для развития детеныша. Если же займемся выведением молочных пород, как это делали фермеры на суше, то без труда добьемся и тонны в день. Много, скажете? А я считаю это скромной целью. Ведь коровы лучших пород дают больше ста фунтов молока в день. Но кит весит в двадцать с лишком раз больше, чем корова!

Франклин поспешил остановить поток цифр.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, – Я не сомневаюсь, что все это так. И не сомневаюсь, что вы придумали, как избавить китовое молоко от привкуса жира… Спасибо, я уже пробовал. Но как вы будете собирать самок на дойку, тем более что стадо покрывает за год десять тысяч миль?

– Все уже продумано. Это во многом вопрос дрессировки, и мы неплохо набили себе руку, когда приучали Сьюзен выполнять записанные на ленту команды. Вы бывали хоть раз на молочной ферме? Видели, как коровы в назначенный час *сами* идут к автодоилкам, потом уходят, и все это без участия человека? А киты, честное слово, в сто раз умнее коров и легче поддаются обучению! Я набросал чертежи молочного танкера, который одновременно доит четырех китов и может сопровождать мигрирующие стада. И вообще теперь мы *управляем* урожаем планктона, от нас зависит совсем прекратить эти миграции. Дадим китам корм в тропиках и будем держать их там постоянно. Уверяю вас, все это вполне осуществимо.

В самом деле, отличная мысль! Не новая, конечно, впервые это было предложено много лет назад, но доктор Люндквист решил, наконец, перейти от слов к делу.

Мамаша и все еще негодующий отпрыск уже напра-

вились в море; за кромкой рифа они затеяли нырять и пускать фонтаны. Глядя на них, Франклин спрашивал себя: неужели через несколько лет он будет смотреть, как сотни морских великанов выстраиваются в очередь у плавучего молокозавода, чтобы сдать по тонне едва ли не самой калорийной пищи на свете? Или это только мечта? Слишком много трудностей, и то, чего удалось добиться в лаборатории с одним животным, может оказаться неосуществимым в открытом море.

– Вот что, – оказал он Люндквисту. – Представьте мне доклад и укажите, какое снаряжение и сколько обслуживающего персонала потребуется для… гм… китовой молочной фермы. Если можете, подсчитайте примерные расходы. Напишите, сколько молока будете надаивать и сколько рассчитываете получить за него от перерабатывающих фабрик. Чтобы у нас была основа для обсуждения. Опыт интересный, но о практической ценности пока судить нельзя.

Сдержанность Франклина заметно огорчила Люндквиста, но он тут же опять воодушевился. Если новый начальник думал, что творческая мысль ученого не идет дальше какого-то там проекта китовой молочной фермы, он ошибался.

– Следующее дело, о котором я хотел поговорить, – начал ученый, идя по дорожке, – у нас пока еще в самом начале. Мне известно, что одна из главных трудностей нашего отдела – нехватка людей. Вот я и попытался придумать, как поднять рентабельность, освобождая людей от шаблонных операций.

– А что тут еще придумаешь, и так уже почти все ав-

томатизировано. И года не прошло, как у нас работала комиссия по рентабельности.

«И отдел до сих пор не может прийти в себя», – мысленно добавил Франклин.

– Я подошел к этому вопросу несколько иначе, – ответил Люндквист. – По-моему, вам это должно быть особенно интересно, вы ведь сами работали смотрителем. Сами знаете, чтобы загнать большое стадо китов, нужно две, а то и три подводные лодки – одна лодка только распугает их. Меня давно возмущает такое расточительство, ведь одной головы тут вполне достаточно. Роль помощников сводится к тому, чтобы в нужных местах производить нужные звуки, а с этим и машина справится.

– Если вы подразумеваете лодки-роботы, – сказал Франклин, – то это уже испытано, и ничего не вышло. Смотритель не может одновременно управлять двумя лодками, тем более тремя.

– Слышал я об этом эксперименте, – ответил Люндквист. – И если бы взялись как следует, все бы получилось. Но у меня-то задумано совсем другое. Вам что-нибудь говорит слово «овчарка»?

Франклин собрал лоб в складки.

– Припоминаю, – сказал он. – Кажется, так назывались собаки, которые давным-давно, несколько сот лет назад, помогали пастухам охранять стада?..

– С тех пор не прошло и ста лет. И «охранять» – это такая недооценка!.. Я видел фильмы про этих собак, чего только они не умели делать, вы не поверите! Хорошо обученные овчарки по одному слову пастуха направляли овец туда, куда ему было нужно, разбивали стадо на части,

отделяли овцу от остальных, заставляли стадо стоять на месте. Вы угадали, куда я клоню? Собак мы натаскивали сотни лет, и такие трюки нам уже не кажутся чудом. Я предлагаю перенести те же приемы в море. Известно, что многие морские животные – ну хотя бы тюлени и дельфины – умом не уступают собакам. Но дрессировать их пробовали только в цирках да бассейнах вроде Мэринленда. Вы, конечно, видели, какие штуки делают наши дельфины, знаете, что они привязчивы и дружелюбны.

Посмотрите старые фильмы про овчарок, и вы согласитесь: чему сто лет назад могли научить собак, тому мы вполне можем сегодня обучить дельфинов.

– Постойте, – прервал его слегка ошарашенный Франклин. – Давайте разберемся: вы предлагаете, чтобы смотритель, загоняя китов, работал с помощью двух… э… собак?

– Да, в некоторых случаях, не во всех, конечно, все-таки морские животные не сравнятся скоростью и дальностью с подводной лодкой. Кроме того, собаки, как вы их назвали, не всегда сумеют проникнуть туда, куда будет нужно. Но я провел кое-какие исследования, и мне кажется, мы сможем сделать труд наших смотрителей вдвое производительнее, когда освободим их от необходимости работать вдвоем и втроем.

– По-вашему, – возразил Франклин, – киты послушаются дельфинов? Да они на них и не посмотрят.

– Так ведь речь идет не о дельфинах, это просто к слову пришлось. Вы совершенно правы, киты их даже не заметят. Тут нужны животные покрупнее, умом не хуже дельфинов, и такие, чтобы киты с ними считались. Только одно жи-

вотное отвечает всем этим требованиям, и я прошу вас разрешить нам отловить и обучить его.

– Продолжайте, – сказал Франклин так смиренно, что даже мало склонный к юмору Люндквист не удержался от улыбки.

– Ну, так вот, – продолжал он, – я собираюсь поймать двух касаток и натаскать их, чтобы они работали с кем-нибудь из наших смотрителей.

Франклин представил себе живые хищные тридцатифутовые торпеды, на которых столько раз успешно охотился в студеных полярных водах.

Трудновато будет сделать это кровожадное существо покорным слугой человека… Но тут он вспомнил о пропасти, разделяющей овчарку и волка. Древний человек сумел одолеть этот разрыв. Да, это можно проделать снова – был бы смысл.

Если вы не уверены, попросите представить вам доклад, – так его когда-то учил один из его начальников. Кажется, с Герона он увезет сразу два доклада, и будет над чем поразмыслить… А вообще-то задумки Люндквиста, хоть они и увлекательны, – дело будущего, а Франклину надо руководить отделом теперь. На первые несколько лет лучше избегать рискованных шагов, сначала нужно освоиться. К тому же, если даже идеи Люндквиста окажутся практически ценными, уйма времени и трудов потребуется, чтобы запродать их тем, от кого зависят ассигнования.

«Прошу разрешить мне закупить пятьдесят аппаратов для доения китов».

Франклин живо представлял себе реакцию некоторых консервативных кругов.

А обучение касаток? Да его просто сочтут сумасшедшим.

…Остров быстро уменьшался, теряясь вдали; самолет нес Франклина домой. (Любопытно: после всех своих скитаний он снова живет на родине, в Австралии.) Почти пятнадцать лет минуло, как он впервые летел здесь с беднягой Доном. Эх, старина, ты бы обрадовался, если бы видел, какие плоды принес в конечном счете твой труд! И профессор Стивенс тоже…

Франклин всегда его побаивался, но теперь, будь профессор жив, смог бы спокойно посмотреть ему в глаза. Боль уколола его: так он и не поблагодарил по-настоящему психолога за все, что тот сделал для него.

За пятнадцать лет – от неврастеничного стажера до начальника отдела. Неплохо. Что дальше, Уолтер? Он не жаждал новых подвигов; очевидно, его честолюбие насытилось. Теперь лишь бы удалось обеспечить Отделу китов мирное, безмятежное будущее.

Для него же лучше, что он не знал, насколько тщетна эта надежда.

19

Фотограф уже управился, но молодой человек, который последние два дня тенью ходил за Франклином, явно не исчерпал запас своих блокнотов и вопросов. Стоит ли переносить столько неудобств ради того, чтобы твоя не бог весть какая выдающаяся физиономия, отпечатанная в рамке из китов, красовалась во всех журнальных киосках мира? Франклин сомневался в этом, но у него не было

выбора. «Слуга общества принадлежит обществу». Он помнил этот афоризм, который, как и все афоризмы, был лишь наполовину верен. Никто не рекламировал предыдущего начальника отдела; и он тоже мог бы жить незаметно, если бы Отдел информации Главного морского управления не постановил иначе.

– Ваши люди, мистер Франклин, – не унимался молодой представитель журнала «Земля», – рассказывали мне о вашем интересе к так называемому Великому Морскому Змею, об экспедиции, во время которой погиб старший смотритель Берли. Что сделано в этой области с тех пор?

Франклин вздохнул. Он боялся, что рано или поздно об этом зайдет речь; хоть бы этот журналист не слишком налегал на змея, когда сядет писать статью. Франклин подошел к шкафу, где хранился его личный архив, и достал толстую папку с бумагами и фотоснимками.

– Вот, Боб, тут все данные – о встречах со змеем, – сказал он. – Пролистайте этот материал, я все время его пополняю. Надеюсь, когда-нибудь загадка разрешится. Можете записать, что увлечение остается увлечением, но последние восемь лет я совсем не мог им заниматься. Теперь все зависит от Комитета научных исследований. У Отдела китов хватает других дел.

Он мог бы еще кое-что порассказать, но воздержался. Если бы вскоре после их трагической неудачи министра Фарлана не перевели из КНИ на другую работу, возможно, удалось бы снарядить вторую экспедицию. До после катастрофы посыпались обвинения и контробвинения, и о новой экспедиции пришлось забыть – скорее всего на много лет. Видно, это неизбежно: никому не избежать неудачи в

чем-то очень важном и дорогом, в жизни каждого остается не взятой какая-то заветная вершина, и никакие победы не могут покрыть этой потери.

– Тогда у меня остался только один вопрос, – заключил репортер. – Что вы скажете о будущем отдела? Есть у вас какие-нибудь интересные долгосрочные планы, о которых, вам хочется рассказать?

Опять каверзный вопрос. Конечно, Франклин давно усвоил, что в его положении нужно сотрудничать с печатью, и этот парень за последние два дня стал почти своим человеком в отделе, однако есть вещи, о которых как-то трудно говорить. Недаром, когда Боб отправился на остров Герон, Франклин постарался сделать так, чтобы он не встретил доктора Люндквиста. Правда, журналист увидел опытный образец доильной машины, и она произвела на него должное впечатление, но ему ничего не сказали про двух молодых касаток, которых, не считаясь с расходами и хлопотами, держали в загоне у восточной кромки рифа.

– Что ж, Боб, – начал он с расстановкой. – Цифры вы теперь, наверно, знаете не хуже меня. Мы рассчитываем в ближайшие пять лет увеличить поголовье китов на десять процентов. Если удастся наладить доение – пока что все это только опыты, – мы перенесем центр тяжести с кашалотов на горбачей. Сейчас мы обеспечиваем двенадцать с половиной процентов всех пищевых потребностей человека. Это возлагает на нас большую ответственность. Я надеюсь довести эту цифру до пятнадцати процентов…

– Попросту говоря, чтобы каждый не меньше раза в неделю ел китовый бифштекс?

– Если хотите, да. Вообще-то люди, сами того не зная,

каждый день едят что-нибудь связанное с китами. Например, когда жарят что-то на сале или мажут хлеб маргарином. Даже если бы мы удвоили нашу продукцию, славы нам от этого не прибавится: наша продукция почти всегда, так сказать, замаскирована.

– Наши художники сделают все как надо. Мы дадим такую иллюстрацию: все продукты, которые потребляет за неделю средняя семья, и на каждом предмете – циферблат и стрелки, показывающие, какой процент вложили китобойни.

– Очень хорошо. Гм… кстати… вы уже решили, как обзовете меня?

Репортер осклабился.

– Это зависит от редактора. Я постараюсь уговорить его ни в коем случае не писать «китопас». Такой затасканный штамп…

– Поверю, когда увижу статью. Каждый журналист клянется не писать «китопас» – и еще ни один не устоял против соблазна. Да, вы не скажете, когда выйдет статья?

– Если не помешает какой-нибудь другой материал, примерно через месяц. Но сперва вы, конечно, получите гранки. Это будет не позже следующей недели.

Франклин проводил репортера через приемную; ему было даже жалко расставаться с занимательным собеседником, который, хоть и задавал иногда щекотливые вопросы, с лихвой возмещал это своими рассказами о знаменитейших людях планеты. Кажется, Франклин теперь сам попал в их число: не меньше ста миллионов человек прочтут очередной очерк в серии «Интервью Земли».

* * *

Статья, как и было обещано, появилась через месяц – дельная, живо написанная, и всего одна ошибка, совсем пустячная, Франклин сам не заметил ее в гранках. Превосходный фотоматериал, особенно хорош был сосущий мамашу китенок. Сразу видно, что снимок сделан с риском для жизни после долгой охоты. Зачем читателю знать, что фотограф снял этот кадр в бассейне на острове Герон, не замочив при этом даже ног?

Если исключить идиотский каламбур под фотографией на обложке («Наш Кит Китыч» – это надо же!), Франклин был доволен; его чувства разделяли все сотрудники отдела, Главного морского управления и даже Всемирной организации продовольствия. Разве мог кто-нибудь предполагать, что эта самая статья навлечет на Отдел китов величайший в его истории кризис.

И дело вовсе не в недостатке прозорливости. Иногда можно предвидеть будущее и загодя принять нужные меры, но бывает и так в человеческой практике, что события, как будто ничем не связанные между собой, – словно они происходят в разных мирах, – оказывают друг на друга прямо-таки ошеломляющее воздействие.

Полвека потребовалось, чтобы Отдел китов достиг своего нынешнего размаха: двадцать тысяч сотрудников, общая стоимость снаряжения – больше двух миллиардов долларов. Одно из звеньев построенного на научной основе мирового государства, наделенное соответствующим авторитетом и властью.

И вот его до самого основания потрясли добрые слова человека, который жил за полтысячелетия до нашей эры.

* * *

Первые признаки надвигающейся бури застигли Франклина в Лондоне.

Вообще-то работники аппарата Всемирной организации продовольствия нередко обращались к нему через голову его непосредственных начальников в Главном морском управлении. Но на этот раз сам генеральный секретарь ВОП вмешался в текущие дела Отдела китов, заставив Франклина все бросить и отправиться за тридевять земель, в маленький цейлонский городишко с каким-то головоломным названием.

К счастью, лето в Лондоне выдалось жаркое, и когда оказалось, что в Коломбо жарче всего на каких-нибудь десять градусов, это было не трудно перенести. В аэропорту его встречал местный представитель ВОП, явно чувствующий себя очень удобно в прохладном саронге – одежде, которую теперь признали даже самые консервативные европейцы. Франклин поздоровался с должностными лицами, облегченно вздохнул, не увидев репортеров, способных рассказать ему о его задании больше того, что он сам знал, и быстро прошел к самолету местной линии, на котором ему предстояло покрыть последние сто миль.

– А теперь, – сказал он, когда внизу замелькали аккуратные многоугольники автоматизированных чайных плантаций, – введите меня, пожалуйста, в курс дела. С какой стати вдруг понадобилось срочно гнать меня в эту Анна…

– Анурадхапура. Разве генеральный секретарь вам не объяснил?

– Мы с ним виделись всего пять минут в Лондонском аэропорту. Так что давайте все с самого начала.

– Тогда слушайте. Это назревало вот уже несколько лет. Мы сигнализировали, но начальство считало это пустяками. А тут в «Земле» появилось ваше интервью, и дело приняло серьезный оборот. Маханаяке Тхероон пользуется огромным влиянием на Востоке, вы еще не раз услышите о нем – прочел статью и сразу же попросил нас помочь ему ознакомиться с работой Отдела китов. И мы не можем ему отказать, хотя нам отлично известно, что у него на уме. Он захватит с собой кинооператоров и соберет материал для решительного пропагандистского наступления против отдела. Потом, когда эта кампания сделает свое дело, потребует референдума. И если итог будет не в нашу пользу, нам придется очень туго.

Кусочки мозаики легли на место, теперь картина была ясна. На секунду Франклин подосадовал, что его оторвали от дела и послали в такую даль из-за какого-то вздора. Правда, те, кто отправил его сюда, не считают это вздором; вероятно, они лучше его представляют себе силы, которые введены в бой. Глупо недооценивать могущество религии, пусть даже такой миролюбивой и терпимой, как буддизм.

Всего сто лет назад это было бы немыслимо. Но коренные политические и социальные перемены последних десятилетий подготовили почву. Три главных конкурента буддизма потерпели крах, и среди всех религий он один еще сохранял заметную власть над умами.

Христианство, не успев оправиться от ударов, нанесенных ему Дарвином и Фрейдом, было окончательно добито археологическими открытиями конца двадцатого

столетия. Индуизм с его изумительным пантеоном богов и богинь был обречен на гибель в век научного рационализма. И наконец, мусульманство, подорванное теми же факторами, совершенно утратило престиж, когда восходящая звезда Давида затмила тусклый полумесяц Пророка.

Эти три веры не исчезли окончательно, однако их былой власти пришел конец. Только учение Будды, заполнив вакуум после других верований, ухитрилось не только сохранить, но и укрепить свое влияние. Буддизм – не религия, а философия, он не основан на откровениях, которые может разрушить молоток археолога, поэтому удары, сокрушившие прочих великанов, не причинили ему ущерба. Правда, его огромное здание было очищено внутренними реформами, но фундамент остался в неприкосновенности.

Франклин отлично знал, что одно из основных правил буддизма – уважение ко всему живущему. Правда, мало кто из буддистов понимал этот закон буквально, и они охотно пускали в ход софизм – мол, не грех есть мясо животного, убитого другим. Однако в последние годы стали добиваться, чтобы этот принцип соблюдался строже, а посему вегетарианцы и мясоеды повели нескончаемые споры, полные всевозможных словесных хитросплетений. Но Франклину никогда не приходило в голову, что эти раздоры могут *практически* повлиять на работу Всемирной организации продовольствия.

– Теперь расскажите мне, – попросил он, скользя взглядом по убегающим назад зеленым пригоркам, – что за человек этот Тхеро, с которым вы собираетесь меня познакомить.

– Тхеро – это титул, что-то вроде архиепископа. Его

настоящее имя Александр Бойс, он родился в Шотландии шестьдесят лет назад.

– В Шотландии?

– Да, он первый европеец, достигший вершин буддийской иерархии, и это далось ему нелегко. Один мой друг, бхикку – то есть монах, – однажды с горечью сказал мне, что Маха Тхеро – самый настоящий старейшина пресвитерианской общины, только он родился с опозданием на пятьсот лет, вот и взялся преобразовать буддизм, а не свою шотландскую церковь.

– А как он вообще попал на Цейлон?

– Хотите верьте, хотите нет, он тогда работал на киностудии на какой-то второстепенной должности. Ему было около двадцати. Рассказывают, будто он приехал в пещерный храм Дамбулла, чтобы запечатлеть на киноленте умирающего Будду, и был обращен. За двадцать лет он стал большим человеком, и почти все реформы, которые последовали затем, связаны с его именем. Двух тысячелетий довольно, чтобы загнила любая религия, потом истоки надо чистить. На Цейлоне этим занялся Маха Тхеро, он изгнал индуистских богов, которые просочились в храмы.

– И теперь ищет, какие еще миры покорить?

– Да, похоже на то. Делает вид, будто ему нет дела до политики, хотя уже свалил два-три правительства мановением своего мизинца. У него тьма последователей на Востоке. Его программу «Голос Будды» слушают несколько сот миллионов человек, а общее число сочувствующих определяют в один миллиард; правда, они не во всем с ним согласны. Теперь вы понимаете, почему мы считаемся с Маха Тхеро?..

Так вот кто скрывается за странным титулом! Франклин вспомнил, что года два или три назад «Земля» посвятила большую статью преподобному Александру Бойсу. (Так что их даже что-то объединяет.) Жаль, он не прочел эту статью, но тогда она его вовсе не интересовала, ему даже не запомнился портрет.

– Это кроткий – с виду, – небольшого роста человек, – рассказывал представитель, – с ним очень легко ладить. Вы убедитесь в его дружелюбии и сговорчивости, но уж если он что решит, то все препятствия со своего пути сметет, как движущийся ледник. Нет, нет, он отнюдь не фанатик. Если вы докажете необходимость ваших действий, он не будет мешать, хотя бы в душе и не одобрял их. Его никак не устраивает кампания за большее производство мяса, которую мы здесь развернули, но он понимает, что все не могут быть вегетарианцами. Со своей стороны, и мы пошли на уступки, отказались от мысли строить мясокомбинаты в священных городах, как было задумано сначала.

– Почему же он вдруг заинтересовался Отделом китов?

– Видно, решил, что на каком-то рубеже надо давать бой. А вам разве не кажется, что китов нельзя ставить в один ряд с другими животными? – Представитель сказал это не совсем уверенно, словно ожидал отрицательного ответа, даже усмешки.

Франклин промолчал. Он сам двадцать лет искал ответа на этот вопрос; по счастью, открывшаяся внизу картина избавила его от необходимости что-либо говорить.

Здесь некогда был величайший город мира, город, рядом с которым Рим и Афины в пору их расцвета показались бы деревнями, город, который по числу жителей и разме-

рам уже две тысячи лет спустя превзошли только такие города, как Нью-Йорк и Лондон. Цепь огромных искусственных озер – до мили в поперечнике – окружала древнюю резиденцию сингальских королей.

С воздуха особенно бросался в глаза резкий контраст между старым и новым в современной Анурадхапуре. Тут и там между ажурных красочных строений двадцать первого столетия выделялись могучие купола огромных дагоб.

Самолет прошел совсем низко над самой большой из них – Абхаягири.

Кирпичная кладка купола давно поросла травой, даже мелкими деревцами, и теперь великолепный храм казался попросту горкой, из которой торчал сломанный шпиль. Из всех пирамид, сооруженных фараонами на берегу Нила, только одна превосходила размерами эту «горку».

Франклин побывал в местной конторе ВОП, побеседовал с управляющим, изрек несколько банальных фраз пронюхавшему о его прибытии репортеру, не торопясь перекусил – и после всего этого сказал себе, что все ясно. Если разобраться, это рядовая задача из области рекламы и информации. Что-то в этом роде было три недели назад, когда одна падкая на сенсации и не слишком склонная к точности газета напечатала статью о способах боя китов, и на Франклина набросилось около дюжины обществ по борьбе с жестокостью. Была назначена комиссия, она живо разобралась и отвергла все обвинения, так что никто не пострадал, кроме сотрудника газеты, готовившего статью.

Но, глядя через несколько часов на устремленный ввысь золоченый шпиль Руанвели-дагобы, Франклин чувствовал себя уже не так уверенно.

Исполинский белый купол был очень искусно восстановлен, ни за что не скажешь, что его заложили почти двадцать два столетия назад. Статуи слонов в натуральную величину окружали мощеный дворик храма, образуя стену длиной более четверти мили. Искусство и вера, объединившись, создали один из мировых шедевров архитектуры. Все здесь дышало древностью. «Многие ли творения современного человека доживут в такой сохранности до 4000 года?» – спросил себя Франклин.

Солнце раскалило огромные плиты; хорошо, что, разуваясь у ворот, он не снял носки. У подножия купола – вздымающейся к ясному синему небу ослепительно белой горы – стояло одноэтажное современное здание. Его строгие линии и светлые пластиковые стены отлично сочетались с произведением архитекторов, умерших за сто лет до нашей эры.

Бхикку в шафрановом облачении провел Франклина в уютный и опрятный кабинет Тхеро, где царил искусственный климат. Такой же кабинет мог быть у любого официального лица в любой части света, и преследовавшее Франклина с той минуты, как он вошел в дворик храма, чувство неловкости, которое было вызвано непривычной обстановкой, поумерилось.

При виде гостя Маха Тхеро встал. Он и впрямь был невысокого роста, всего лишь по плечо Франклину. Блестящая бритая голова как-то обезличивала его, трудно было угадать, что он думает, еще труднее определить, какого он склада человек. С первого взгляда он не производил сильного впечатления, но тут же Франклин вспомнил, сколько малорослых людей было среди деятелей, которые потрясли мир.

Хотя Маханаяке Тхеро покинул родину сорок лет назад, шотландский акцент остался. В таком окружении он звучал совсем странно, даже забавно, но через несколько минут Франклин перестал его замечать.

– Вы очень добры, мистер Франклин, проделали такой путь, чтобы встретиться со мной, – приветливо произнес Тхеро, пожимая ему руку. – Признаюсь, я не ждал, что моя просьба будет рассмотрена так быстро. Надеюсь, я вам не причинил хлопот?

– Нет, нет, – бодро ответил Франклин. – Должен сказать вам, – добавил он уже более искренне, – здесь все так ново для меня, что я только рад этому путешествию.

– Отлично! – воскликнул Тхеро с радостью в голосе. – Я тоже предвкушаю путешествие на вашу базу на Южной Георгии. Не знаю, правда, придется ли мне по душе тамошняя погода.

Франклин вспомнил свои инструкции: «Если можно, отговорите его, но не перегибайте палку». Что ж, кажется, самая пора делать первый ход.

– Вот об этом самом я хотел поговорить с вами, ваше преподобие, – начал он, надеясь, что выбрал правильный титул. – Сейчас на Южной Георгии в разгаре зима, цехи, по сути дела, законсервированы до весны. По-настоящему работа развернется месяцев через пять.

– Как же я не подумал об этом! Да, да… Понимаете, я еще никогда не бывал в Антарктике и давно мечтаю об этом. А тут, можно сказать, предлог появился. Ну ладно, тогда остается какая-нибудь из северных баз. Что вы посоветуете – Гренландию или Исландию? Назовите самое удобное для вас место. Мне вовсе не хочется затруднять вас.

Последние слова Маха Тхеро обезоружили Франклина еще до начала боя.

Он сразу уразумел, что такого противника не перехитришь и не собьешь с толку, – придется сопровождать этого Тхеро, не отставая от него ни на шаг; авось обойдется…

20

Над широким заливом вырастали пышные султаны пара – огромное стадо неуверенно ходило по кругу; неуверенно не потому, что было насторожено голосами, которые зазвали его в эту бухту между гор, а потому, что не знало зачем. Киты привыкли всю жизнь выполнять приказы в виде вибраций или электрических импульсов, отдаваемые маленькими существами, которых они признали своими повелителями. Они давно убедились, что приказы эти не приносят им вреда, напротив, часто приводят на богатые пастбища, которых киты сами не отыскали бы, так как весь опыт и наследственная память говорили им, что эти участки моря должны быть бесплодными. А иногда маленькие повелители обороняли их от касаток, отгоняли кровожадную шайку, не давая тем разорвать на клочки свою добычу.

Киты не ведали ни врагов, ни страхов. Не первое поколение бороздило Мировой океан, живя в сытости и довольстве, какого никогда не испытывали их предки. Благодаря заботе своих хозяев они за полвека прибавили в среднем десять процентов в росте и тридцать процентов в весе. В эти самые дни в Гольфстриме резвился со своей супругой и новорожденным детенышем глава всего пле-

мени стопятидесятидвухфутовый синий кит С-69322, более известный под кличкой Левиафан. В прежние эпохи он не смог бы достичь таких размеров; конечно, этого не докажешь, но, по-видимому, он был самым крупным животным в истории Земли.

Неразбериха мало-помалу сменилась порядком, когда электрическое поле повело стадо по незримым коридорам. За электрическими барьерами были бетонные, и дальше киты один за другим шли по четырем параллельным дорожкам. Автоматы измеряли и взвешивали каждого, недомерков отделяли и возвращали в море, а они, слегка озадаченные всей этой процедурой, и не замечали, как сильно поредели их ряды.

Те, которые прошли контроль, доверчиво плыли по двум дорожкам, ведущим в широкий и мелкий залив. Еще не во всем можно было положиться на машины, и тут люди следили, чтобы не было ошибок, проверяли животных и записывали в книгу номера тех, которые выходили из залива в последний, очень короткий путь – на бойню.

– С-52111 идет, – сказал Франклин Тхеро; они стояли в кабине наблюдательного поста. – Семидесятифутовая самка родила пять детенышей, ее зрелая пора уже позади.

За его спиной бесшумно работали кинокамеры в руках обритых наголо и облаченных в шафрановые рясы операторов, мастерство которых так удивляло Франклина, пока он не узнал, что они учились в Голливуде.

Животные ничего не подозревали и скорее всего даже не чувствовали легкого прикосновения гибких медных пальцев. Вот кит спокойно плывет по загону, миг – и это безжизненная туша, еще двигающаяся вперед по инерции.

Пятьдесят тысяч ампер молнией пронзали сердце, не оставляя времени для предсмертных судорог.

В конце загона исполинская туша попадала на широкую ленту транспортера. Короткий подъем – и кит ложился на вращающиеся валики, которые терялись вдалеке.

– Самый длинный в мире конвейер такого типа, – сообщил Франклин; он был вправе гордиться. – Его грузоподъемность десять китов, то есть около тысячи тонн. Мы всегда размещаем разделочные цехи минимум в полумиле от загонов. Конечно, это влечет за собой дополнительные расходы и затрудняет нам выбор места для боен. Зато можно не опасаться, что китов напугает запах крови. Согласитесь: ток убивает их мгновенно, и животные до последней секунды не проявляют никакой тревоги.

– Верно, – сказал Тхеро. – Все происходит очень гуманно. Кстати, с китами, наверно, было бы трудно справиться, если бы они пугались? Или вы сделали бы то же самое только ради того, чтобы пощадить их чувства?

Каверзный вопрос. Франклин не знал, как лучше на него ответить; и за последние дни он не раз оказывался в таком положении.

– Вероятно, это зависело бы от ассигнований, – медленно произнес он. – А их в конечном счете утверждает Всемирная ассамблея. Наша доброта зависит от финансовых органов. Но ведь ваш вопрос чисто теоретический.

– Безусловно, однако есть и другие, не столь теоретические вопросы, – отозвался преподобный Бойс, провожая задумчивым взглядом восемьдесят тонн мяса и костей, увлекаемых вдаль рольгангом. – Может быть, мы вернемся в машину? Мне хотелось бы посмотреть, что происходит на том конце.

А я, мрачно подумал Франклин, не прочь посмотреть, как вы и ваши коллеги к этому отнесетесь. Большинство посетителей выходили из разделочных цехов бледные и слегка потрясенные; кое-кто падал в обморок.

В Отделе китов стало ходячей остротой, что наглядный урок – как производят пищевые продукты – на много часов отбивает аппетит любому непосвященному.

За сто ярдов они ощутили зловоние. Уголком глаза Франклин заметил, что молодому бхикку, который нес звукозаписывающий аппарат, уже не по себе; но Маха Тхеро держался как ни в чем не бывало. Он и пять минут спустя оставался таким же спокойным и бесстрастным, созерцая смердящий ад, где исполинские туши превращались в горы мяса, костей и внутренностей.

– Позвольте напомнить вам, – сказал Франклин, – что почти двести лет эту работу делали вручную, подчас в штормовую погоду на кренящейся палубе. И теперь неприятно смотреть, а вы представьте себе, что сами орудуете вон там внизу ножом длиной с метр!

– Что ж, представить себе можно, – ответил Тхеро, – а впрочем, не стоит.

Он повернулся к операторам, отдал им какие-то распоряжения, потом стал внимательно наблюдать, как рольганг подает следующего кита.

Фотоэлектрические глаза уже прощупали могучую тушу и сообщили все данные счетной машине, которая управляла операцией. Этот секрет был всем известен, и все же нельзя было без содрогания смотреть, с какой точностью ножи и пилы раздвигают свои суставы, делают в нужных местах надрезы и снова прячутся. Громадные

пальцы захватывали футовый слой жира и сдирали его, как снимают кожуру с банана, а голая окровавленная туша скользила дальше.

Конвейер двигался со скоростью шагающего человека, и кит был рассечен на части на глазах у зрителей. Куски мяса величиной со слона уходили вниз по боковым слипам; в облаке костной пыли вгрызались в ребра циркулярные пилы; оттаскивались в сторону набитые тоннами рачков и планктона сообщающиеся мешки внутренностей.

Меньше двух минут понадобилось, чтобы превратить владыку морей в кровавые куски, которые опознал бы только специалист. И кости не пропали: в конце конвейера распиленный скелет упал в яму для размола на удобрение.

– Тут конец линии, – объяснил Франклин, – но переработка только начинается. Нужно извлечь жир из ворвани, которую отделили на первой стадии. Мясо разрезают на более удобные порции и стерилизуют – для этого у нас есть интенсивный источник нейтронов. И еще около десятка основных продуктов надо отделить и упаковать для перевозки. Я готов показать вам любой цех. Это будет не такое кровавое зрелище, как то, что мы видели сейчас.

Тхеро постоял в раздумье, просматривая записи, которые сделал своим чрезвычайно мелким почерком. Потом повернулся лицом к протянувшемуся на четверть мили залитому кровью конвейеру; из загона уже катилась следующая туша.

– Боюсь, один эпизод получился не так, как надо, – сказал он с внезапной решимостью. – Если вы не против, вернемся к началу и пройдем еще раз.

Франклин поймал на лету аппарат, оброненный молодым бхикку.

– Спокойно, сынок, – подбодрил он монаха. – Лиха беда начало. Через несколько дней вы будете удивляться, почему новички жалуются на дурной запах.

Вообще-то сомнительно, но работники завода поклялись ему, что это так и есть. Только бы преподобный Бойс в своем непомерном рвении не предоставил ему случая проверить это…

* * *

– А теперь, ваше преподобие, – сказал Франклин, когда самолет взмыл над заснеженными вершинами и началось обратное путешествие в Лондон и на Цейлон, – разрешите спросить вас: что вы собираетесь делать с материалом, который собрали?

За эти два дня священник и администратор научились уважать друг друга, между ними даже возникло что-то вроде дружбы; на взгляд Франклина, это было так же неожиданно; как приятно. Он считал, что неплохо разбирается в людях (кто этого не считает?), но не мог раскусить до конца Маханаяке Тхеро. И не огорчался: подсознательно Франклин чувствовал, что этот человек воплощает не только силу, но и – никуда не денешься от этого избитого, невыразительного слова – добро. Пожалуй, в другое время он мог бы войти в историю как святой…

– Мне нечего скрывать, – мягко сказал Тхеро. – К тому же, как вы знаете, учение Будды осуждает обман. Наша точка зрения проста. Мы считаем, что все живое вправе существовать. Из этого вытекает, что вы действуете неправильно. И нам хотелось бы, чтобы это было прекращено.

Так Франклин и думал – и теперь услышал. И он чуть-чуть разочаровался. Такой умный человек, как Тхеро, должен бы понимать, что это требование нереально – разве можно урезать на одну восьмую мировые ресурсы продовольствия? И если уж на то пошло: почему только киты? А как же коровы, овцы, свиньи – все те животные, которых человек растит и холит, чтобы при надобности зарезать?

– Я знаю, о чем вы думаете, – продолжал Тхеро, не дожидаясь доводов Франклина. – Мы отдаем себе отчет во всех трудностях и отлично понимаем, что придется действовать шаг за шагом. Но где-то надо начинать, а Отдел китов дает нам особенно яркий материал.

– Благодарю, – сухо сказал Франклин. – Только справедливо ли это? Вы могли бы увидеть то же самое в любой бойне на Земле. Конечно, масштабы другие, но это вряд ли меняет суть.

– Вполне согласен. Однако мы люди дела, не фанатики. Мы знаем, сперва нужно найти другие источники пищи, потом прекращать производство мяса.

Франклин отрицательно покачал головой.

– Извините, – сказал он, – но даже если вы решите эту задачу, вам не удастся сделать всех обитателей Земли вегетарианцами. Разве что вы задумали увеличить эмиграцию на Марс и Венеру. Да я бы пустил себе пулю в лоб, если бы навсегда лишился возможности отведать хорошего бифштекса или бараньей отбивной. Так что ваши планы сорвутся. Причин две: человеческая психология и наши продовольственные ресурсы.

Маха Тхеро даже немного обиделся.

– Дорогой начальник отдела, – сказал он, – неужели вы

думаете, что мы могли позабыть о столь очевидных вещах? Позвольте мне сперва закончить изложение наших взглядов, а потом я объясню, как мы предлагаем решить задачу. Мне важна ваша реакция, ведь вы олицетворяете, так сказать, максимум сопротивления, которое нам окажет потребитель.

– Пожалуй, – улыбнулся Франклин. – Попробуйте уговорить меня бросить мое дело.

– Испокон веков, – начал Тхеро, – человек привык считать, что остальные животные существуют только для его блага. Многие виды он вовсе истребил – то ли из алчности, то ли потому, что они травили его посевы или еще как-то ему мешали. Не буду отрицать: часто это было оправдано, а порой просто не оставалось другого выхода. И все же за тысячи лет человек осквернил свою душу преступлениями против животного царства.

Между прочим, одно из худших злодеяний совершалось как раз в вашей области, и было это всего лет шестьдесят-семьдесят тому назад. Я читал, как загарпуненные киты умирали после страшных мук, помногу часов мучились, а мясо их уже никуда не годилось, оно оказывалось отравленным токсинами, которые выделяются во время предсмертных судорог.

– Это исключительные случаи, – вставил Франклин. – И ведь мы давно с этим покончили.

– Верно, но из таких случаев тоже складывается наша вина, которую мы обязаны искупить.

– Свенд Фойн не согласился бы с вами. Когда он в 1870-х годах изобрел гарпун с взрывающимся наконечником, он в своем дневнике возблагодарил господа бога и назвал его творцом гарпуна.

– Любопытная точка зрения, – сухо ответил Тхеро. – Я бы охотно поспорил с ним. Знаете, есть простой опыт, который позволяет разделить людей на два разряда. Человек идет по улице и там, куда должна опуститься его нога, видит жука. Перед ним выбор: либо изменить свой шаг и пощадить жука, либо раздавить его. Как бы вы поступили, мистер Франклин?

– Это зависит от жука. Если известно, что он ядовит или вреден, я убью его. Если нет – дам ему уйти. И любой разумный человек сделает то же самое.

– Значит, мы неразумны. На наш взгляд, убийство оправдано только, чтобы спасти жизнь более высоко организованного существа. А такие случаи бывают удивительно редко. Но позвольте мне вернуться к сути дела, а то мы, кажется, уклонились в сторону.

Лет сто назад ирландский поэт Дансени написал пьесу «Какая польза от человека», вы скоро увидите ее в одной из наших телевизионных программ. Герою пьесы снится, что чудесные силы перенесли его куда-то из солнечной системы и он предстал перед судом зверей. Если за него не вступятся хотя бы два животных, человечество будет уничтожено. Только собака находит добрые слова в защиту своего повелителя, все остальные, помня старые обиды, говорят, что для их блага было бы лучше, если бы человек никогда не существовал. Вот-вот будет вынесен роковой приговор, но в последнюю секунду появляется еще один поручитель и спасает человечество от погибели. Единственным, кроме собаки, существом, которое нуждается в человеке, оказался… комар.

Вы скажете, что это всего-навсего забавная шутка.

Наверно, и сам Дансени так думал – он был заядлым охотником. Однако поэты часто, сами того не подозревая, высказывают глубокие истины. И мне сдается, что эта почти забытая пьеса содержит чрезвычайно важную для человечества аллегорию.

Лет через сто, Франклин, мы в буквальном смысле слова выйдем за пределы солнечной системы. Рано или поздно мы встретим разумные существа намного совершеннее человека, но совсем не похожие на него. И когда придет это время, вполне возможно, что превосходящие нас существа будут обращаться с нами так, как мы обращались с другими обитателями своей планеты.

Эти слова были произнесены негромко, но так убежденно, что Франклину на миг стало не по себе. И он подумал: а ведь, пожалуй, во взглядах Маханаяке Тхеро есть что-то, и не только простая гуманность.

Если к понятию гуманность вообще приложимо слово «*простая*». Ему и самому никогда не нравилось то, во что выливалась его работа, настолько он привязался к своим исполинским питомцам – но что поделаешь!..

– Все это звучит очень убедительно, – признал Франклин, – однако хотим мы того или нет, надо мириться с объективной реальностью. Не знаю, кто автор выражения «Зубы и когти природы в крови», но сказано верно. И если миру придется выбирать между пищей и этикой, могу заранее сказать, что победит.

Тхеро чуть-чуть улыбнулся, намеренно или подсознательно копируя благостное выражение лица, которое столько поколений художников сделали главной и неотъемлемой чертой Будды.

– Но ведь в том-то и дело, дорогой Франклин, – ответил он, – что выбирать нет нужды. Нам впервые в истории предоставлена возможность выйти из древнего круга и есть в свое удовольствие, не проливая крови невинных созданий. И я искренне благодарен вам, вы помогли мне увидеть, как это сделать.

– Я? – воскликнул Франклин.

– Вот именно, – сказал Тхеро, и его улыбка нарушила все каноны буддийского искусства. – А теперь, если вы не против, я немного посплю.

21

– И это, – бурчал Франклин, – моя награда за двадцать лет преданной службы обществу: собственная семья смотрит на меня как на запятнанного кровью мясника.

– Но ведь это все была правда, – сказала Энн, показывая на экран телевизора, где только что ручьями лилась кровь.

– Конечно, это правда. И вместе с тем очень искусный монтаж с определенной целью. Я могу так же убедительно выступить в нашу защиту.

– Ты уверен? – спросила Индра. – Можешь не сомневаться – Главное управление попросит тебя об этом – справишься ли?

Франклин негодующе фыркнул:

– Эти цифры и расчеты – вздор! Дурацкая мысль – превратить наше стадо из мясного в молочное. Если мы все бросим на производство китового молока – это не возместит и четверти жиров и белков, которые мы потеряем, закрыв разделочные цехи.

– Давай, Уолтер, – ласково произнесла Индра, – отводи душу, не то еще лопнет какой-нибудь сосуд. Я же знаю, что тебя больше всего задело: его предложение расширить планктонные фермы, чтобы возместить потерю.

– Но ведь ты биолог, скажи сама, есть смысл делать из этого горохового супа грудинку или бифштексы?

– Во всяком случае, это возможно. Ловко они придумали – сам шеф-повар ресторана «Уолдорф» попробовал настоящий и синтетический бифштексы и не сумел их отличить. Да, тебя ждет тяжелый бой – планктонники сразу станут на сторону Тхеро, и в Главном морском управлении будет полный раскол.

– Он на это и рассчитывал, – сказал Франклин с невольным восхищением. – Он чертовски хорошо осведомлен. Не надо было мне тогда столько говорить корреспонденту о производстве молока, а они еще постарались, так расписали, что дальше некуда. Уверен, с этого все и пошло.

– Кстати, я как раз хотела спросить – откуда у него данные, на которых построены расчеты? По-моему, они были известны только работникам отдела.

– Верно, – признал Франклин. – Как я сразу не подумал? Завтра утром отправлюсь на Герон, потолкую с доктором Люндквистом.

– Возьми меня, пап, – попросила Энн.

– В следующий раз, дочурка. Ты еще маленькая.

* * *

– Доктор Люндквист сейчас в лагуне, сэр, – сказал старший лаборант. И его никак не вызовешь, пока сам не вернется.

– Вот как? А если я отправлюсь туда и позволю себе отвлечь его?

– Вы знаете, сэр, не стоит. Аттила и Чингисхан не любят чужих.

– Черт возьми, он с ними плавает?

– Да, они к нему очень привязались. И к своим смотрителям хорошо относятся. Но постороннего человека могут нечаянно скушать.

«Гляди, какие чудеса тут творятся без моего ведома, – подумал Франклин. – Придется сходить к лагуне. Если не слишком жарко и если ты без груза, нет никакого смысла ехать на машине – тут же два шага».

Пока Франклин добрался до нового восточного пирса, он несколько раз успел пожалеть о своем решении. То ли Герон вырос, то ли годы дают себя знать… Он сел на опрокинутый ялик и посмотрел в море. Несмотря на прилив, было ясно видно кромку рифа и время от времени два облачка в воздухе над огороженным загоном: влажный выдох двух касаток. А вон и маленькая лодка с человеком, только издали не разобрать кто – доктор Люндквист или кто-нибудь из его помощников.

Франклин подождал несколько минут, потом вызвал по телефону лодку.

Добравшись до загона (сам доплыл бы быстрее), он впервые увидел Аттилу и Чингисхана.

Косатки были чуть поменьше тридцати футов в длину. Когда подошла лодка, обе высунулись из воды, и на Франклина уставились огромные умные глаза. Странная поза и эти белые «манишки» вызвали у него оторопь, точно он видел перед собой не животных, а существа, которые

превзошли человека в развитии. Он, конечно, знал, что это не так и что перед ним самые жестокие убийцы, каких знает море.

А впрочем, нет, не самые жестокие – касатки на втором месте…

Киты, как будто удовлетворенные результатом осмотра, нырнули.

Только теперь Франклин увидел Люндквиста – он шел на глубине около тридцати футов на торпеде с множеством приборов. Очевидно, ему что-то помешало, потому что он быстро поднялся к поверхности и сдвинул маску с лица.

– А, доброе утро, мистер Франклин. Я не ждал вас сегодня. Что вы скажете о моих учениках?

– Замечательно. А как успеваемость?

– Все в порядке, у них блестящие способности! Они умнее дельфинов, и очень привязчивы. Берусь обучить их чему угодно. Захочу совершить идеальное убийство, достаточно сказать им, что вы – тюлень на льдине. Через две секунды лодка будет опрокинута.

– В таком случае лучше продолжим нашу беседу на берегу. Вы уже закончили свою работу?

– Такую работу никогда нельзя считать доведенной до конца, но это неважно. Я пойду на торпеде, не стоит перегружать лодку.

Ученый развернул свою металлическую рыбу носом к острову и с места дал полный ход, оставив ялик позади. Обе касатки немедленно ринулись вдогонку; высокие спинные плавники рассекали воду, оставляя пенную кильватерную струю. Вот так пятнашки, подумал Франклин, не слишком ли опасно? Но ему не довелось узнать, что

будет, когда касатки догонят человека: Люндквист проскочил над проволочной изгородью, которая чуть-чуть не доходила до поверхности, и преследователи круто свернули в сторону, разметав облако брызг.

Всю дорогу обратно Франклин был задумчив. Сколько лет он знает Люндквиста, а сегодня словно впервые увидел его по-настоящему. Он привык, что это очень одаренный, даже блестящий ученый, а теперь вдруг оказалось, что он еще наделен недюжинной энергией и отвагой. «Но ни то ни другое его не спасет, – мрачно заключил Франклин, – если он не сможет удовлетворительно ответить на кое-какие вопросы».

В привычной лабораторной обстановке, одетый в свой рабочий костюм, это был прежний, знакомый Люндквист.

– Ну, Джон, – заговорил Франклин, – думаю, вы видели эту телепропаганду против нашего отдела?

– Видел. Но почему же против?

– Конечно, против того, что составляет суть нашей работы. Но не будем спорить об этом. Я вот что хочу узнать: вы разговаривали с Маха Тхеро?

– Разумеется. Он связался со мной, как только появилась эта статья в «Земле».

– И вы сообщили ему секретные сведения?

Люндквист не на шутку обиделся.

– Простите, мистер Франклин, но единственная информация, какую он от меня получил, – это гранки моей статьи о производстве китового молока, она будет напечатана в «Вестнике китоведения» в следующем месяце. Вы сами ее одобрили.

Все обвинения, заготовленные Франклином, рухнули еще до того, как он их высказал. Он смутился.

– Прошу прощения, Джон, – сказал Франклин, – беру свои слова обратно. Я совершенно выбит из колеи всем этим, и мне необходимо разобраться, прежде чем управление примется за меня. Но почему вы все-таки ничего не сказали мне о его письме?

– По чести говоря, я не видел для этого причин. Мы каждый день получаем бездну всяких запросов. Мне и в голову не пришло, что это что-нибудь необычное. Мне было приятно, что кому-то любопытен мой проект, и я постарался им помочь…

– Ладно, – с отчаянием произнес Франклин. – Снявши голову, по волосам не плачут. Однако ответьте мне на такой вопрос: как ученый вы действительно верите, что можно спокойно прекратить бой китов и перейти на молоко и синтетические продукты?

– Дайте нам десять лет, и, если это будет нужно, можно переходить. Технических препятствий я не вижу. Конечно, я не могу поручиться за точность цифр, касающихся производства планктона, но можно побиться об заклад, что и там у Тхеро были достоверные источники.

– Да вы понимаете, к чему это приведет? Если начнут с китов, рано или поздно примутся перебирать одно за другим всех домашних животных.

– Ну и что же? Мне нравится такая перспектива. Если религия и наука могут вместе добиться того, чтобы Природа не так страдала от жестокости человека, разве это плохо?

– Да вы не тайный ли буддист? Сколько можно твердить: в том, что мы делаем, нет ничего жестокого! Так или иначе, если Тхеро опять обратится с какими-нибудь вопросами, пожалуйста, направьте его ко мне.

– Слушаюсь, мистер Франклин, – сдержанно ответил Люндквист.

Тягостную паузу очень кстати нарушил приход посыльного.

– Вас вызывает Главное управление, мистер Франклин. Срочно.

– Еще бы, – пробурчал Франклин.

Взглянул на все еще сердитое лицо Люндквиста и невольно улыбнулся.

– Если вы умеете из касаток делать смотрителей, Джон, – сказал он, – подыщите заодно какое-нибудь подходящее млекопитающее, лучше всего земноводное, на должность начальника отдела.

* * *

На планете, оплетенной нитями быстродействующих средств связи, идеи распространялись от полюса до полюса быстрее, чем некогда молва из конца в конец деревни. Искусно составленная и поданная программа, которая испортила аппетит каким-нибудь двадцати миллионам зрителей, при повторной передаче собрала у телевизоров несравненно больше народу. И вскоре почти все только об этом и говорили; в разумно устроенном мировом государстве, не знающем ни войн, ни кризисов, ощущался явный недостаток в том, что некогда называли сенсациями. Часто можно было даже услышать жалобы, что, когда изжил себя национальный суверенитет, пришел конец и истории. И теперь повсюду – в клубах и на кухнях, во Всемирной ассамблее и в космическом лайнере – шел жаркий спор, одна проблема владела всеми умами.

Всемирная организация продовольствия хранила важное молчание, но за кулисами шла лихорадочная деятельность. А тут еще планктонники, как и предсказывала Индра (для этого не надо было быть великим пророком), повели себя словно политические махинаторы. Эти попытки соперничающего отдела сыграть на его трудностях особенно возмущали Франклина, и когда ближний бой принимал слишком уж беззастенчивый характер, он обращался к начальнику ферм.

– Черт бы меня побрал, Тед, – кричал он по визифону, – ты такой же мясник, как я! В каждой тонне планктонного сырья, которое ты поставляешь, полмиллиарда рачков, а у каждого из них столько же права на жизнь, свободу и счастье, сколько у моих китов. Так что не прикидывайся чистеньким. Рано или поздно Тхеро и до тебя доберется, это только первый шаг.

– Допускаю, что ты прав, Уолтер, – бодро соглашался злодей. – Но я-то надеюсь, что наш отдел меня переживет. Трудно заставить людей проливать слезы из-за рачков – у них нет таких милых десятитонных крошек.

Что верно, то верно. Как провести границу между слезливой сентиментальностью и гуманизмом? Франклин вспомнил недавно виденную карикатуру: кто-то грубо срывает кочан капусты, кочан кричит, а рядом, протестующе вскинув руки, стоит Тхеро. Художник никому не отдавал своего голоса, он лишь выражал точку зрения тех, кто говорил – «много шума из ничего». Возможно, через несколько недель все и кончится – надоест этот предмет, и люди примутся спорить о чем-нибудь другом. Да нет, вряд ли.

Первая же телевизионная передача показала, что Тхеро – мастер создавать общественное мнение; он не даст железу остыть…

Меньше месяца понадобилось Тхеро, чтобы собрать десять процентов голосов, нужных по конституции для созыва следственной комиссии.

Конечно, то, что одна десятая человечества требовала обнародовать все факты, еще не означало полного согласия с Тхеро; просто люди любопытны, да к тому же очень уж интересно наблюдать, как одно из государственных управлений обороняется, ведя арьергардный бой. Сама по себе следственная комиссия ничего не означала. Все решит голосование по ее отчету, а до этого еще есть время, по крайней мере, несколько месяцев.

Одним из неожиданных следствий электронной революции двадцатого века было то, что впервые в истории стало возможным устроить во всем мире истинно демократическое правление – то есть каждый гражданин мог высказать свою точку зрения по всем вопросам политики. То, что афиняне без особого успеха пытались провести в жизнь для нескольких десятков тысяч свободных граждан, теперь осуществилось в глобальном масштабе, в обществе, объединившем пять миллиардов человек. Автоматические машины, первоначально созданные для оценки телевизионных программ, получили куда более широкое применение. С ними можно было сравнительно просто и без больших расходов точно выяснить, что думает общественность о том или ином предмете.

Такой порядок мог бы привести к катастрофе до эпохи всеобщего образования, вернее – до начала двадцать пер-

вого столетия. Конечно, нужда в контроле не миновала; даже теперь голосование по какому-нибудь особенно острому вопросу могло обернуться против интересов общества. Ни одно правительство не сможет функционировать, если последнее слово в вопросах политики не будет оставаться за ним. Пусть, даже девяносто девять процентов голосующих выскажутся за новый курс – государственные органы могли не посчитаться с волей народа; правда, им пришлось бы держать ответ на очередных выборах.

Франклину ничуть не улыбалась роль главного свидетеля, когда начнется разбор, но он знал, что этого испытания все равно не избежать.

Теперь он прилежно собирал данные, чтобы опровергнуть доводы тех, кто хотел прекратить бой китов. Это оказалось труднее, чем он ожидал. Нельзя просто заявить, что, мол, китовое мясо в готовом для потребления виде будет стоить столько-то за фунт, тогда как мясо, синтезированное из планктона или водорослей, обойдется дороже. В этом нет полной уверенности, тут слишком много неизвестных величин. И главный икс – расходы на эксплуатацию предполагаемых морских молочных ферм, если постановят превратить все китовое стадо из мясного в молочное.

Словом, данных для вывода недостаточно. Честнее всего так и сказать, но от Франклина хотели, чтобы он безапелляционно заявил – прекратить бой китов практически и экономически невозможно ни сейчас, ни в будущем. На такой ответ его толкала и верность своему отделу, не говоря уже о нежелании рубить сук, на котором он сидел.

И если бы дело ограничивалось экономическими расчетами, но были еще эмоциональные факторы. Дни, проведенные вместе с Маха Тхеро, когда он соприкоснулся с древней цивилизацией и ее философией, повлияли на него гораздо сильнее, чем он думал. Как и большинство людей этой эры материалистов, он был опьянен победами естественных наук и социологии, озарившими начальные десятилетия двадцать первого века. Он гордился своим скептическим рационализмом и свободой от всяких суеверий. Главные вопросы философии его никогда особенно не занимали; он знал, что они есть, но считал это не своей областью.

И вот этот неожиданный вызов, который застиг его врасплох, даже неизвестно, как обороняться. Франклин всегда считал себя гуманным человеком, однако ему напомнили, что иногда гуманности мало. Чем больше он ломал себе голову над этим, тем раздражительнее становился; в конце концов Индра решила принять меры.

– Уолтер, – твердо сказала она, уложив спать заплаканную Энн после ссоры, в которой отец и дочь были одинаково повинны, – ты избавишь себя и других от многих неприятностей, если посмотришь в лицо фактам и перестанешь обманывать себя.

– Что ты хочешь сказать, черт возьми?

– Вот уже целую неделю ты на всех сердит. Напустился на Люндквиста – правда, тут отчасти и моя вина, – огрызаешься на репортеров, воюешь со всеми отделами, с собственными детьми, того и гляди на меня набросишься. Только один человек тебе мил – Маха Тхеро, который заварил всю эту кашу.

– С какой стати мне сердиться на него? Пусть он одержимый, но ведь он святой – во всяком случае, более святого человека мне вряд ли доведется встретить.

– А я и не спорю. Я только говорю, что в душе ты с ним согласен, да не хочешь этого признать.

Франклин чуть не вспылил.

– Знаешь, это просто смешно! – начал он. И осекся; вся ярость сошла с него. Да, это смешно, но вместе с тем это правда.

И сразу на душе стало спокойно, он больше не злился на весь мир и на себя самого. Ребяческая обида – за что на его голову такие неприятности – разом испарилась. С какой стати он должен стыдиться своей привязанности к великанам, которых опекает? Если можно обойтись без того, чтобы резать их, он будет рад, независимо от того, чем это кончится для Отдела китов.

Внезапно вспомнилась улыбка Тхеро при расставании. Неужели этот удивительный человек предвидел, что Уолтер в конце концов примет его точку зрения? Если его мягкая настойчивость, которую он умел сочетать с тактикой смелого лобового удара, как в случае с телевизионной программой, одолела даже Франклина, значит, Тхеро наполовину выиграл битву.

22

«Прежде было гораздо проще жить», – со вздохом подумала Индра.

Правда, Питер и Энн почти весь день в школе, но почему-то у нее от этого не прибавилось досуга. Нужно было

куда-то ездить, самой принимать гостей – ведь Уолтер занимал один из высших постов в государстве. Впрочем, нет, это преувеличение; не меньше шести ступеней отделяли начальника Отдела китов от президента и его советников.

Есть, однако, вещи поважнее чинов и званий. Что ни говори, работа Уолта окружена неким ореолом, и его дела вызывают повышенный интерес; недаром он известен гораздо больше, чем начальники других отделов Морского управления. И ведь слава пришла к нему еще до статьи в «Земле» и полемики из-за китобойни. Кто знает по имени начальника Планктонных ферм или заведующего Отделом пресноводных ресурсов? А Уолтера знают.

Индра гордилась этим, хотя понимала, что слава неизбежно влечет за собой зависть.

Но сейчас ему явно грозило нечто похуже. Пока что никому в отделе, не говоря уже о деятелях из Главного морского управления или ВОП, в голову не приходило, что у Уолтера могут быть какие-то сомнения, что он не поддерживает всей душой нынешний порядок…

Она попыталась сосредоточиться на последнем номере «Природы», но ей помешал служебный визифон. Его установили в их доме, сколько она ни возражала, в тот день, когда Уолтер стал начальником отдела. Линии общественного пользования посчитали недостаточными, и теперь Уолтера можно было вызвать в любой миг, если только он не принимал мер, чтобы помешать этому.

– Доброе утро, миссис Франклин, – сказала дежурная; она успела стать как бы другом семьи. – Шеф дома?

– Должна вас огорчить, – с *удовлетворением* ответила Индра. – Муж целый месяц работал без выходных, и сейчас

он в заливе, на яхте вместе с Питером. Кстати, радиостанция не работает, придется вам выслать за ним самолет, если он вам нужен.

– Как, и запасная тоже? Странно. Вообще-то это не так срочно. Когда он вернется, передайте ему, пожалуйста, телефонограмму.

Тихий щелчок, и в поместительную корзину для памятных записок скользнул лист бумаги. Индра пробежала глазами текст, рассеянно сказала дежурной «до свидания» и поспешила вызвать Франклина; его радиостанция была вполне исправна.

Скрип снастей, плеск рассекаемой яхтой воды, крики морских птиц, отчетливо слышимые в динамике, перенесли Индру в залив Мортон.

– По-моему, это важно для тебя, Уолтер, – сказала она. – В среду здесь, в Брисбене, состоится специальное заседание Перспективной комиссии. Выходит, у тебя остается три дня, чтобы решить, что ты скажешь.

Было слышно, как Франклин пробирается к микрофону, потом он заговорил:

– Спасибо, дорогая. Я знаю, что хочу сказать, не знаю только как. Но ты мне можешь кое в чем помочь. Ты знаешь жен всех смотрителей – попробуй обзвонить их сколько успеешь, выясни, что думают обо всем этом их мужья. Сделаешь? Только так, чтобы не бросалось в глаза. Мне теперь трудновато узнать мысли рядовых работников. Они все стараются угадать, что мне хочется услышать.

В голосе Франклина звучала грусть, которую за последние дни Индра замечала все чаще, хотя, зная своего супруга, она не сомневалась, что он не жалеет о взятом на себя обязательстве.

– Это хорошая мысль, – сказала она. – Мне уже давно надо позвонить кое-кому, так что повод есть. И придется, видимо, устроить вечеринку.

– Ничего, пока еще я начальник отдела, мне это по карману. Но если меня через месяц разжалуют в смотрители, приемов больше не будет.

– Неужели ты думаешь…

– Ну, до этого, конечно, не дойдет, но меня могут перевести на какую-нибудь не столь ответственную должность. Правда, я себе не представляю, куда еще меня можно деть, кроме нашего отдела. *Уйди с дороги, болван, – не видишь, что ли?* Извини, дорогая, уж больно много здесь отдыхающих катается. Мы вернемся домой через полтора часа, если только какой-нибудь идиот нас не протаранит. Пит просит меду к чаю. Пока.

Плеск яхты смолк, а Индра все еще задумчиво глядела на динамик. Она тоже хотела пойти с Уолтером и Питом в залив, но сказала себе, что сейчас сыну нужнее отец. Иногда эта мысль ее огорчала, ведь через несколько месяцев они расстанутся с сыном. Отец и мать лепили его тело и душу, а теперь вот ускользает он от них.

И ничего не поделаешь; то, что связывало отца и сына, должно их разлучить. Вряд ли Питер задумывался, почему его так притягивает космос, ведь это обычно для ребят его возраста. Но он один из самых юных трипланетных стипендиатов, и она-то знает, в чем дело: сын полон решимости покорить стихию, которая победила его отца.

«Ладно, хватит *грезить*», – сказала себе Индра. Она взяла свою визифонную книгу и принялась отмечать галочками фамилии тех, кого в этот час можно было застать дома.

* * *

Перспективная комиссия заседала два раза в год, но *перспективами* почти не занималась, так как деятельность Отдела китов достаточно успешно направлялась комитетами, которые ведали финансами, производством, кадрами и техникой. Франклин участвовал во всех них – правда, как рядовой член, председателем всегда был кто-нибудь из Главного морского управления или Всемирного секретариата. Случалось, он приходил домой с заседаний удрученный и обескураженный, но чтобы он еще был и расстроен – это уже редкость.

Вот почему Индра почувствовала неладное, едва он вошел в дом.

– Ну, говори уж сразу, – покорно молвила она, когда ее усталый супруг плюхнулся в ближайшее кресло. – Будешь искать новую работу?

Она шутила лишь наполовину, и Франклин выжал из себя тусклую улыбку.

– До такой беды не дошло, – ответил он, – но дело оказалось посложнее, чем я думал. У старика Берроза все было подготовлено заранее; видно, его здорово натаскали в Секретариате. Вот суть его выступления: пока нет уверенности, что продукты из китового молока и синтетических веществ окажутся намного дешевле нынешних, бой китов будет продолжаться. Даже выигрыш в десять процентов считается недостаточным, чтобы оправдать перестройку. Говоря словами Берроза, нас должен беспокоить стоимостный учет, а не туманные философские категории, вроде справедливости к животным.

Это еще вполне разумно, из-за этого я бы не стал лезть на рожон.

Неприятности начались во время перерыва, когда Берроз отвел меня в сторонку и спросил, что обо всем этом думают смотрители. Я сказал ему, что восемьдесят процентов из них за прекращение боя, даже если от этого продукты подорожают. Не знаю, почему он задал мне этот вопрос. Может, проведал что-нибудь насчет нашей маленькой рекогносцировки.

Как бы то ни было, он сразу расстроился. Вижу, мнется, хочет что-то сказать и не решается. Потом вдруг выпалил – мол, меня назначили главным свидетелем, и Морскому управлению вовсе не улыбается, если я в открытом заседании, на глазах у нескольких миллионов зрителей выступлю на стороне Тхеро. «А если меня спросят, что я сам думаю? – говорю. – Уж кажется, я больше всех старался увеличить производство китового мяса и жира, и все же мне хочется, чтобы наш отдел возможно скорее превратился в управление заповедника». Он спросил меня, хорошо ли я все продумал. Говорю – да…

Дальше разговор пошел уже горячее, хотя и в благожелательном тоне.

Мы согласились с ним, что есть две точки зрения: для одних киты – это киты, а для других – только цифры в производственных сводках. После этого Берроз отправился звонить по телефону, а мы ждали. С полчаса он разговаривал с деятелями из Секретариата, наконец вернулся и передал мне приказ – конечно, он это выразил иначе, но ведь ясно. Словом, во всем этом разборе мне отводится роль куклы в руках чревовещателя.

– А если противная сторона напрямик спросит твое личное мнение?

– Наш адвокат постарается отвести этот вопрос. Не удастся – тогда… короче говоря, у меня не должно быть личного мнения.

– А в чем же все-таки дело?

– Это самое я спросил у Берроза, и он в конце концов признался. Оказывается, тут замешана политика. Всемирный секретариат боится, как бы Маха Тхеро, если он выиграет дело, не приобрел слишком большой вес. Так что борьба будет нешуточная.

– Понимаю, – медленно сказала Индра. – Думаешь, Тхеро добивается политической власти?

– Во всяком случае, не из властолюбия. Но может быть, ему нужно влияние, чтобы проводить, свои идеи. А это не устраивает Секретариат.

– Ну и что ты собираешься делать?

– Не знаю, – ответил Франклин. – Честное слово, не знаю.

Он все еще колебался, когда открыли разбор и Маха Тхеро впервые лично выступил перед всемирной аудиторией. Глядя на маленького человечка в желтом облачении, с голым блестящим черепом, Франклин невольно подумал, что на первый взгляд он кажется невзрачным, чуть ли не смешным. Но стоило ему заговорить, и сразу все изменилось: перед зрителями был сильный, убежденный в своей правоте человек.

– Я хочу внести полную ясность, – сказал Маха Тхеро, обращаясь не только к председателю комиссии, но и к незримым миллионам, которые следили за разбором по те-

левидению. – Неверно, будто мы пытаемся навязать миру вегетарианство, как утверждают некоторые наши противники.

Сам Будда не отвергал мяса, когда ему предлагали. И мы не отказываемся, гость должен с благодарностью принимать все, что ему предлагает хозяин.

Нами руководит нечто посерьезнее, чем предубеждение к той или иной пище, – ведь это обычно чистая условность. Больше того, мы уверены, что большинство разумных людей независимо от веры рано или поздно примут нашу точку зрения. Ее очень просто изложить, хотя она представляет собой итог двадцатишестивековых размышлений. Ранить, убивать живые существа, какие бы то ни было, по-нашему, не правильно. Конечно, было бы глупо утверждать, что без этого можно вовсе обойтись. Мы признаем, например, необходимость уничтожать микробы, вредных насекомых, хотя и сожалеем об этой необходимости.

Но везде, где можно, – надо отказаться от убийства. Сейчас экономически возможно производить все виды синтетического белка из растительного сырья, стоит только постараться. Два или три десятилетия – и мы сбросим бремя вины, которое, несомненно, угнетает душу каждого думающего человека при взгляде на тех, кто вместе с нами населяет эту планету.

Однако мы никому не навязываем нашу точку зрения. Добрые дела теряют цену, если их проводят насильно. Нам хочется, чтобы представленные нами факты сами говорили за себя, и пусть мир выбирает.

«Что ж, – подумал Франклин, – сказано ясно, без оби-

няков, и ни тени фанатизма, который в наш разумный век обрек бы все дело на неудачу».

Правда, этот вопрос не втиснешь в рамки трезвых рассуждений. Если бы мир во всем подчинялся чистой логике, такой спор не возник бы – никто не усомнился бы в праве человека по своему произволу распоряжаться животным царством. Но логика годится не всегда, ведь с ее помощью ничего не стоит оправдать и людоедство.

В своей речи Тхеро вовсе не коснулся того, что так поразило Франклина. Он не сказал о возможной встрече с внеземными цивилизациями, которые будут судить о человеке по тому, как он относится к животным.

Может быть, решил, что широкая публика посчитает этот довод надуманным и вообще перестанет принимать всерьез все дело? Или Тхеро рассчитал, что такой аргумент сильнее всего подействует на бывшего астронавта? Об этом можно только гадать: во всяком случае, очевидно, что он великолепно учитывает психологию массы и отдельного человека.

Дальше пошли знакомые сцены – Франклин сам помогал Тхеро снимать их, – и он выключил телевизор. Небось Главное управление теперь не радо, что предоставило всякие льготы Его Преподобию, – а что оно могло сделать?

Через два дня выступление перед комиссией. Франклин чувствовал себя скорее обвиняемым, чем свидетелем. Если разобраться, он и впрямь ответчик – вернее, не он, а его совесть. Странно подумать: когда-то он попытался убить самого себя, теперь отказывается убивать других. Тут есть какая-то связь, но слишком сложная, не стоит доискиваться. К тому же это все равно не поможет ему решить задачу.

Между тем решение приближалось, правда, с совершенно неожиданной стороны.

23

Франклин уже поднимался по трапу в самолет, чтобы лететь на заседание комиссии, когда пришла весть о подводной аварии. Он взял из рук связного депешу на бланке с красной полосой и тотчас позабыл обо всем остальном. Телеграмма с сигналом бедствия была отправлена Отделом шахт и рудников – самым крупным из отделов Морского управления. Название не совсем точное, в ведении отдела давно не осталось ни одной настоящей шахты. Лет двадцать-тридцать назад на дне океана добывали руду; теперь море само стало неисчерпаемым источником сокровищ. Почти все элементы периодической таблицы можно было вполне рентабельно извлекать непосредственно из миллионов тонн вещества, растворенных в каждой кубической миле морской воды. Усовершенствованные избирательные ионообменные фильтры позволили навсегда устранить угрозу нехватки металлов.

Отделу рудников были также подчинены сотни нефтяных вышек, которые пронизали скважинами морское дно и выкачивали драгоценную жидкость – основное сырье половины всех химических предприятий мира; эту жидкость прежние поколения с преступной близорукостью сжигали, используя как горючее. В огромном хозяйстве отдела трудно было избежать аварий; не далее как в прошлом году у Франклина брали дозорную лодку, чтобы поднять цистерну золотого концентрата; правда, золото так и не удалось спасти.

Но на этот раз беда была посерьезнее, в этом Франклин убедился после двух-трех срочных телефонных разговоров.

Через полчаса он вылетел, хотя и не в ту сторону, куда собирался первоначально. И лишь еще через час, передав все приказы, Франклин смог, наконец, связаться с Индрой.

Неожиданный звонок удивил ее, но удивление быстро сменилось тревогой.

– Послушай, любимая, – начал Франклин, – не пришлось мне лететь в Берн. У нефтяников катастрофа, просят нашей помощи. Одна из их лодок попала в западню. Они бурили скважину и напоролись на карман с газом. Буровую вышку сшибло, она упала прямо на лодку, и теперь лодка ни туда ни сюда. Там на борту всякие высокопоставленные лица, среди них начальник Отдела рудников и один сенатор. Я пока не представляю себе, как их выручить, но мы все сделаем. Как только представится случай, опять свяжусь с тобой.

– Ты сам пойдешь вниз? – озабоченно спросила Индра.

– Наверно. Да ты не волнуйся! Будто я раньше не погружался!

– Я не волнуюсь, – твердо ответила Индра.

– Ладно, до свиданья, – сказал Франклин. – Поцелуй Энн и не беспокойся за меня.

Индра смотрела, как тает изображение на экране. Оно уже пропало, вдруг она сообразила, что давно не видела Уолтера таким радостным. Нет, радостным – не то слово, ведь жизнь многих людей под угрозой. Вернее будет сказать, что он весь ожил, воодушевился.

Она улыбнулась: все понятно. Наконец-то Уолтер мо-

жет забыть о затруднениях своего отдела и – хотя бы на время – с головой погрузиться в морскую стихию, где ему все ясно и знакомо.

* * *

– Вот она, – сказал водитель дозорной лодки, показывая на край индикатора, где показалось изображение. – Лежит на твердом грунте, глубина тысяча сто футов. Через две-три минуты сможем рассмотреть детали.

– Как прозрачность – можно работать телевизором?

– Вряд ли. Газовый гейзер еще извергается, вот он, видите, это размытое эхо. Он взмутил весь ил.

Франклин смотрел на экран и сопоставлял изображение с лежащими на столе чертежами и схемами. Большая, яйцевидной формы подводная лодка, предназначенная для малых глубин, была отчасти закрыта обломками буровой вышки и снаряда. Тысячетонная стальная махина пригвоздила ее к океанскому дну; неудивительно, что, продув все цистерны и включив на полную мощность моторы, лодка не смогла сдвинуться с места.

– Н-да, история, – сказал Франклин. – Сколько дней надо большим буксирам, чтобы дойти сюда?

– Не меньше четырех. «Геркулес» может поднять пять тысяч тонн, но он сейчас в Сингапуре. По воздуху его не перебросишь, слишком велик, пойдет своим ходом. Это ваши лодки можно перевозить на самолетах.

«Верно, – подумал Франклин, – но зато они слишком малы для работы с такими тяжестями. Вся надежда на то, что с их помощью удастся расчленить вышку кислородным резаком и освободить лодку».

Одна из дозорных лодок Отдела китов уже работала резаком. Кто-то заслужил благодарность за быструю установку резаков на судне, выполняющем совсем другие задачи. Даже Комитет по делам космоса, об эффективности которого рассказывают легенды, вряд ли управился бы с этим быстрее.

– Здесь капитан Якобсен, – заговорил динамик. – Рад, что вы с нами, мистер Франклин. Ваши ребята молодцы, но это дело потребует времени.

– Как у вас дела?

– Ничего. Меня только беспокоит корпус между третьей – и четвертой переборками. Туда пришелся главный удар, есть вмятины.

– Вы можете перекрыть этот отсек, если появится течь?

– Трудновато, – сдержанно ответил Якобсен. – Там как раз центральный пост. Если придется его оставить, мы будем совсем беспомощны.

– Ну, а как пассажиры?

– Э… гм… хорошо, – сказал капитан тоном, который выдавал его неуверенность. – Сенатор Чемберлен хочет поговорить с вами.

– Здравствуйте, Франклин, – послышался голос сенатора. – Не рассчитывал я встретиться с вами при таких обстоятельствах. Как вы думаете, сколько времени понадобится, чтобы выручить нас?

У этого сенатора хорошая память – или хороший секретарь. Франклин всего трижды встречался с ним; в последний раз – в Канберре, на заседании Комитета по охране природных ресурсов. Франклин выступал там не больше десяти минут, и он никак не надеялся, что председатель КОПР запомнит его.

– Я ничего не могу обещать, сенатор, – осторожно ответил он. – Нужно немало времени, чтобы разобрать все эти обломки. Но мы справимся с этим, вы не беспокойтесь.

Когда они подошли ближе, его уверенность поколебалась. Резак отщипывает такие маленькие кусочки, а длина вышки – двести футов с лишним, это надолго…

Последовало десятиминутное совещание между Франклином, капитаном Якобсеном и командиром второй дозорной лодки, старшим смотрителем Барлоу. Три стороны согласились, что лучше всего продолжать работу; как бы медленно ни шло дело, они управятся на два дня раньше, чем подоспеет «Геркулес». Разумеется, если ничего не случится. Пока что подвохом грозил только помятый корпус, о котором упомянул капитан Якобсен. Как и все крупные подводные суда, его лодка была оснащена воздухоочистительной установкой. На несколько недель они обеспечены чистым воздухом, но если корпус, защищающий центральный пост, не выдержит, выйдут из строя все основные службы. Можно укрыть людей за герметичными переборками, однако это даст лишь короткую отсрочку, ведь тотчас прекратится очистка воздуха. И «Геркулесу» будет куда труднее поднять лодку с затопленным отсеком.

Прежде чем вместе с Барлоу приступать к работе, Франклин вызвал базу и заказал все, что могло им понадобиться. Он попросил также незамедлительно перебросить на самолетах еще две дозорные лодки, а мастерским велел наладить массовое производство цистерн плавучести – попросту говоря, на старые бочки ставить воздушные вентили. Если приторочить к вышке достаточно бочек, может быть, удастся поднять ее до прихода спасателей.

Он помешкал, прежде чем называть последний пункт заказа, но потом подумал, что лучше заказать лишнего, чем что-то упустить. Пусть даже в Отделе материального обеспечения скажут, что он рехнулся.

Разрезать фермы искореженной вышки было делом трудоемким, но в общем-то несложным. Работали вместе: одна лодка орудовала резаком, другая тут же оттаскивала куски прочь. Скоро Франклин позабыл о времени, для него существовал только очередной металлический брус. Непрерывным потоком следовали донесения, отдавались приказы, но этим занималась другая часть его сознания. Сейчас руки и мозг действовали как две раздельные системы.

Вода заметно светлела. Вероятно, рокочущий газовый гейзер, который бил из морского дна в каких-нибудь ста ярдах от них, вызвал сильное течение, и оно унесло взбаламученный ил. Так или иначе, теперь, когда снова видели телевизионные глаза дозорных лодок, работать стало намного легче.

И когда прибыло подкрепление, Франклин даже удивился. Неужели они здесь уже больше шести часов – а он не чувствует ни голода, ни усталости! Две лодки тянули за собой первую партию сделанных по его заказу цистерн.

Сразу работа пошла по-другому. Одну за другой бочки крепили к вышке, затем продували воздушным шлангом, и они всплывали, словно аэростаты. Подъемная сила одной бочки – две-три тонны; вот наберется сотня бочек, глядишь, лодка сама выскользнет из капкана.

Механические руки дозорной лодки чаще всего бездействуют, но теперь они казались Франклину продолже-

нием его собственных рук. Четыре года, если не больше, прошло с тех пор, как он последний раз двигал великолепными металлическими пальцами, которые позволили человеку работать там, куда ему самому нет доступа. Франклин помнил свою первую попытку (это было четырнадцать лет назад) завязать узел механическими руками и какая путаница получилась. Потом он наловчился, но очень редко применял свое искусство – кто мог подумать, что оно окажется таким важным теперь, когда он давно оставил море и должность смотрителя?

Они принялись накачивать вторую связку бочек, когда их вызвал капитан Якобсен.

– Боюсь, мои новости вас не обрадуют, Франклин, – мрачно сказал он. – Вода просачивается, и течь все сильнее. Если дальше так пойдет, часа через два придется нам уйти из этого отсека.

Этого Франклин больше всего опасался. Незамысловатая спасательная операция разом превратилась в гонку со временем. И гандикап не в их пользу – чтобы разрезать до конца вышку, нужно самое малое двенадцать часов.

– Какое давление у вас внутри лодки? – спросил он капитана Якобсена.

– Я уже поднял до пяти атмосфер. Дальше некуда, опасно.

– Постарайтесь поднять до восьми. Пусть даже половина людей потеряет сознание, не страшно, лишь бы кто-нибудь остался на посту. Сейчас самое главное остановить течь.

– Хорошо, сделаю. Но если люди будут без сознания, это затруднит эвакуацию центрального поста.

Чересчур много слушателей, поэтому Франклин промолчал. Капитан Якобсен понимает это не хуже его, но пассажиры могут и не знать: если дойдет до эвакуации, то можно ставить крест.

Хочешь не хочешь, остается только одно. Отщипывать от вышки по кусочку – слишком долго, надо рвать ее взрывчаткой на две части; верхняя половина отвалится в сторону и освободит лодку.

Казалось бы, чего проще, с этого следовало начинать, но, во-первых, опасно взрывать вблизи от поврежденного корпуса лодки, во-вторых, нужно правильно разместить взрывчатку, а из четырех главных ферм вышки лишь верхние две были легко доступны; до нижних механическими руками не дотянуться. Тут только подводный пловец справится. На мелководье на это ушло бы от силы пять минут.

К сожалению, здесь не мелководье. Глубина – тысяча сто футов, давление – больше тридцати атмосфер.

24

– Это очень рискованно, Франклин, я не могу разрешить.

Не часто выдается случай поспорить с сенатором, а сейчас Франклин был готов не только спорить, но и в крайнем случае поступить по-своему.

– Я знаю, что это опасно, сэр, – сказал он. – Но у нас нет выбора. Есть полный смысл рискнуть одним человеком, чтобы спасти двадцать три.

– Но ведь это самоубийство – погружаться с аквалангом на глубину больше трехсот – четырехсот футов.

– Конечно, если дышать сжатым воздухом. Азот нокаутирует человека, а кислород добивает его. Нужна правильная смесь. С тем аппаратом, которым я пользуюсь, люди погружались на полторы тысячи футов.

– Я вынужден вам возразить, мистер Франклин, – негромко сказал капитан Якобсен. – Насколько мне известно, только один человек опускался на полторы тысячи футов, и то под строжайшим контролем. И он не выполнял никакой работы.

– Я не собираюсь работать, только установлю два заряда.

– А давление?

– Давление, пока оно уравновешено, роли не играет, сенатор. Пусть мою грудную клетку сжимает сто тонн, я ничего не почувствую, ведь столько же будет давить изнутри.

– Извините… все-таки, может, лучше послать кого-нибудь *помоложе*?

– Я не хочу никому перепоручать это дело. И когда ныряешь, возраст не влияет. Я здоров – это главное.

Франклин повернулся к водителю и выключил микрофон.

– Пошли вверх, – сказал он, – а то они весь день проспорят. Лучше скорей начать, пока не отговорили.

Во время всплытия он лихорадочно размышлял. Может быть, это в самом деле безрассудство, и он, глава семьи, не вправе так рисковать? Или ему до сих пор, столько лет спустя, важно доказать, что он не трус, готов бросить вызов опасности, от которой однажды чудом спасся?

Да нет, все объясняется проще. Это своего рода по-

пытка уйти от ответственности. Чем бы ни кончилось дело, он прослывет героем, а тогда Секретариат не возьмет его голыми руками. Интересная задачка: может ли физическая отвага уравновесить недостаток морального мужества?

К тому времени, когда лодка достигла поверхности, Франклин не столько решил эти вопросы, сколько отмахнулся от них. Пусть все эти обвинения против самого себя справедливы; это не играет роли. В душе он знал, что поступает правильно, иначе нельзя. Другого способа спасти этих людей, очутившихся в западне на глубине четверти мили, нет; перед этим все остальные соображения отступали в тень.

Сочащаяся из скважины нефть так пригладила море, что командир транспортного самолета смог совершить посадку, хотя его машина не была предназначена для земноводных операций. Поблизости дозорная лодка возилась с очередной гроздью цистерн, готовясь тащить их вниз.

Подводникам помогали летчики, которые сидели в маленьких, автоматически надувающихся лодках.

Коммандер Хенсон, главный водолаз Морского управления, ждал Франклина в самолете. Здесь снова возник спор, но он длился недолго, коммандер сдался – с достоинством и, как показалось Франклину, с облегчением. Если бы понадобился второй человек, Хенсон с его огромным опытом был бы лучшей кандидатурой. Франклин даже на минуту засомневался: может быть, он зря настаивает на собственной кандидатуре, это только уменьшает надежды на успех? Нет, он уже побывал внизу, знает обстановку, а Хенсону пришлось бы сперва сходить на разведку с дозорной лодкой – это лишняя трата драгоценного времени.

Франклин проглотил особые таблетки, получил инъекции и влез в резиновый гидрокостюм, призванный защитить его от почти нулевой температуры на морском дне. Он не любил гидрокостюмов, они сковывали движения и нарушали плавучесть, но выбирать не приходилось. Ему надели на спину три баллона – один, со сжатым водородом, зловещего красного цвета, – затем спустили в воду.

Коммандер Хенсон минут пять плавал вокруг него, проверяя и подгоняя ремни, грузы, гидроакустический передатчик. Здесь можно было дышать обычным воздухом, на кисловодородную смесь он перейдет на глубине триста футов. Аппарат переключится автоматически, и регулятор подачи кислорода сам будет следить за тем, чтобы состав смеси был везде правильным – насколько это возможно в среде, к которой человек вовсе не приспособлен.

Но вот все готово. Заряды надежно укрепили на поясе Франклина, и он взялся за поручни маленькой боевой рубки.

– Пошли вниз, – сказал он водителю дозорной лодки. – Скорость погружения пятьдесят футов в минуту, ход под водой не больше двух узлов.

– Есть пятьдесят футов в минуту. Если ход увеличится, приторможу реверсом.

Почти тотчас дневной свет сменился гнетущим зеленым сумраком. Из-за мути, принесенной восходящими токами, поверхностный слой воды почти не пропускал света. Франклин даже рубку видел плохо; уже в двух футах очертания поручней расплывались и пропадали во мгле. Это плохо. Ладно, на худой конец, он может работать на ощупь. Впрочем, внизу ведь вода намного прозрачнее.

Погрузившись всего на тридцать футов, он был вынужден прервать спуск почти на минуту, чтобы дать привыкнуть ушам. Франклин продувал носовые ходы и усиленно глотал, пока долгожданный щелчок не возвестил, что все в порядке. Вот будет позор, если заложит евстахиеву трубу и придется вернуться! Конечно, никто его не упрекнет – самый лучший подводный пловец может быть выведен из строя даже незначительной простудой; но он сам никогда бы не простил себе такого провала.

Свет быстро угасал; солнечные лучи не могли пробить мутную воду. На глубине ста футов Франклин словно очутился в лунной мгле, в мире, лишенном красок и тепла. Уши его больше не беспокоили, дышалось легко, но в душу вкралась неуловимая тоска. Он сказал себе, что все дело в темноте; мысль о том, что впереди еще тысяча футов, ни при чем.

Чтобы отвлечься, Франклин вызвал водителя и попросил доложить обстановку. Он услышал, что к вышке уже приторочено пятьдесят бочек с общей подъемной силой больше ста тонн. Шесть пассажиров потеряли сознание, но беспокойства не внушают; остальные семнадцать, хотя чувствуют себя скверно, приспособились к возросшему давлению. Течь не усилилась, однако в отсеке центрального поста три дюйма воды, скоро могут быть короткие замыкания.

– Триста футов, – послышался голос коммандера Хенсона. – Взгляни на манометр, уже должен идти водород.

Франклин посмотрел на маленькую, убористую приборную доску. Все в порядке, автомат переключил баллоны. Кажется, что воздух не изменился, а между тем через

несколько сот футов его ткани освободятся от большей части коварного азота. На первый взгляд непонятно, почему его заменяют гораздо более активным, даже взрывоопасным, водородом. Но водород не поглощается тканями так, как азот, и не производит наркотического действия.

Еще сто футов пройдено, и как будто не стало темнее; здесь вода прозрачнее, да и глаза уже привыкли к тусклому свету. Видимость достигла двух-трех ярдов, он различал даже часть гладкого корпуса, увлекавшего его на глубину, которой до него достигли лишь несколько аквалангистов и не все вернулись живыми.

Снова заговорил коммандер Хенсон.

– Сейчас должно быть пятьдесят процентов водорода. Чувствуется?

– Да, есть. Немного – металлический привкус. Ничего страшного.

– Говори помедленнее, – попросил коммандер. – У тебя сейчас такой тонкий голос, слов не разберешь. Самочувствие в порядке?

– В порядке, – ответил Франклин, глядя на глубиномер. – Давай-ка ускорим погружение до ста футов в минуту. Надо спешить.

Водитель подпустил воды в балластные цистерны, лодка пошла вниз быстрее, и стало осязаемым давление воды. При такой скорости спуска чуть отставал автомат, который регулировал напор изолирующего слоя воздуха в гидрокостюме; в итоге руки и ноги Франклина словно сжало в мощных мягких тисках, так что его движения были несколько скованны.

Сгустился мрак, но тут, предвосхищая команду

Франклина, водитель включил оба носовых прожектора. Их лучи не могли ничего выявить в пустоте между дном и поверхностью моря, и все же при виде скользящих впереди ореолов рассеянного света он как-то приободрился. Фиолетовые фильтры нарочно сняли; теперь глазу было на чем остановиться, и гнетущее чувство полной изоляции пропало.

Восемьсот футов – пройдено больше трех четвертей.

– Здесь стоит передохнуть минуты три, – посоветовал коммандер Хенсон. – Я бы подержал тебя все полчаса. Ну, ничего, обратно пойдем потише.

Франклин покорился, призвав на помощь всю свою кротость. Задержка показалась ему невыразимо долгой; вероятно, нарушилось чувство времени, поэтому каждая минута была равна десяти. Он хотел было спросить Хенсона, что у того с часами, когда вспомнил, что у него есть свои. Забыл столь очевидную вещь – это плохо, он тупеет. Да, но ведь он *сам* сообразил, что тупеет, значит, дело обстоит не так уж скверно… К счастью, спуск возобновился прежде, чем Франклин успел окончательно запутаться в собственных мыслях.

Уже слышно, с каждой минутой все громче, непрестанный гул газового гейзера, бьющего из скважины, пробуренной в океанском ложе пытливыми, беспокойными людьми. От этого рева вибрировала вода; Франклин с трудом различал, что ему сообщают и советуют помощники. Да, тут не только давления надо остерегаться: попадешь в газовую струю, тебя в несколько секунд подбросит вверх на сотни футов – и лопнешь, будто исторгнутая из пучины глубоководная рыба.

– Совсем немного осталось, – сказал водитель. – Через минуту покажется вышка. Включаю нижний свет.

Лодка замедлила ход. Франклин перегнулся через поручни и скользнул взглядом вдоль мглистых столбов света. Сначала он ничего не увидел, потом возникли какие-то загадочные прямоугольники и круги. Что за штука?.. А, так это же бочки с воздухом пытаются поднять сломанную вышку.

Вот и покореженные фермы, а эта яркая звездочка по соседству с лучом прожектора, такая неожиданная в мрачной преисподней, – работающий резак, управляемый механическими руками скрытой во тьме дозорной лодки.

Водитель осторожно подвел лодку к вышке, и Франклин сразу понял, что вслепую он бы тут ничего не сделал. Две фермы, на которых ему предстояло укрепить заряды, были окружены беспорядочным переплетением балок, прутьев и проводов. Как-то надо сквозь все это пробраться…

Франклин оттолкнулся от лодки, благодаря которой так легко проник в пучину, и, спокойно работая ногами, медленно поплыл к горе металла.

Только теперь он заметил неясные очертания придавленной ко дну лодки, и при мысли о всех трудностях, которые надо преодолеть, им на миг овладело отчаяние. Затем, повинуясь внезапному импульсу, Франклин подошел к лодке, достал из сумки с инструментами кусачки и постучал ими по корпусу. Конечно, они и без того знают, что он здесь, но этот сигнал резко поднимет их дух.

Теперь можно приступать к делу. Стараясь не замечать вибрации, от которой вода вокруг буквально ходила хо-

дуном, даже мысли путались, он стал пристально рассматривать металлический лабиринт.

Так… Добраться до первой фермы и установить взрывчатку будет не трудно. Вон там, между тремя двутавровыми балками, есть свободное пространство, один провод свисает петлей, но его легко отодвинуть (надо только следить, чтобы не зацепиться баллонами). И он окажется прямо перед фермой, есть даже место развернуться, потом не надо будет выходить задом наперед.

Франклин проверил еще раз – да нет, никаких препятствий не видно.

Для полной уверенности он запросил коммандера Хенсона, который видел все почти так же хорошо на экране телевизора, потом медленно заплыл в переплетение металла, перехватываясь одетыми в перчатки руками. И удивился, найдя даже на такой глубине вдоволь морских желудей и прочих наростов, из-за которых опасно касаться предметов, пролежавших под водой несколько месяцев.

Стальная конструкция трепетала, точно исполинский камертон; мощь взбунтовавшейся скважины ощущалась и в толще морской и в металле.

Франклин как бы попал в трясущуюся клетку. От непрестанного гула и от безумного давления им овладела тупая вялость. Чтобы делать что-то, приходилось переламывать себя, поминутно напоминать себе, что сейчас от каждого его шага зависит жизнь многих людей.

Наконец он добрался до фермы и старательно прилепил к металлу лепешку взрывчатки. Это оказалось не просто, но Франклин работал, пока не удостоверился, что заряд не отвалится. Управившись, он отыскал взглядом следующий объект – вторую несущую ферму.

От его движений вода замутилась, и видимость стала хуже, но, насколько он мог судить, на пути ко второй ферме не было непреодолимых препятствий. Иначе пришлось бы дать задний ход и обойти вокруг вышки.

Очень просто в обычных условиях, теперь же все надо было тщательно рассчитывать, энергию расходовать чрезвычайно скупо, убедившись, что этот расход совершенно необходим.

С величайшей осторожностью Франклин пошел вперед сквозь вибрирующую мглу. Лившийся сверху свет прожекторов был настолько ярок, что резал глаза. Франклину не пришло в голову, что достаточно сказать несколько слов в микрофон и тотчас свет убавят так, как ему удобно. Вместо этого он жался в тень, плывя среди беспорядочной кучи обломков.

Дойдя до фермы, он нагнулся над ней и стал вспоминать, что от него требуется. Его вернул к действительности голос коммандера Хенсона, отдавшийся в наушниках подобно далекому эху. Не торопясь, проверяя каждый свой жест, он установил заветную лепешку, потом повис в воде рядом с ней, невесть почему восхищаясь своей работой, а в ушах все время звучал докучливый голос. Да ведь от него очень просто избавиться – снял и выбросил маску и вместе с ней эти чертовы наушники. Неплохая мысль…

Но оказалось, что у него просто-напросто не хватает сил отстегнуть удерживающие маску ремешки. Вот досада! Может быть, проклятый голос смолкнет, если сделать то, чего он требует.

Но Франклин просто не представлял себе, как выбраться из этого уютного лабиринта. От шума и света все

путалось в голове. Куда ни подашься, непременно на пути препятствие, приходится отступать. Это злило его, но не тревожило, он чувствовал себя хорошо и здесь.

Однако голос не унимался. Теперь он звучал не дружески-наставительно; Франклин улавливал грубые, даже оскорбительные ноты, ему отдавали приказы так, как прежде с ним никто не смел говорить. Кстати, почему? Снова и снова все более настойчиво повторялись одни и те же слова, ему упорно втолковывали, как действовать, и, наконец, он тупо подчинился. Отвечать не было сил, Франклин только всплакнул от обиды. Никогда в жизни его так не называли, да ему вообще редко доводилось слышать слова, подобные тем, которые звучали в наушниках. Кто это позволяет себе такую наглость?..

– Не туда, болван чертов, сэр! Влево… Влево! Вот так… теперь вперед – не останавливайся? А, черт, опять спит. Проснись! Вылезай оттуда скорей*, а то как дам по башке!* Вот так, умница… совсем немного осталось… еще несколько футов…

И так далее в том же духе, причем были выражения куда покрепче.

Вдруг Франклин с удивлением обнаружил, что его больше не окружает скрученное железо. Он медленно шел в чистой воде. Впрочем, он плыл недолго – металлические пальцы не очень-то ласково подхватили его и понесли в ревущую ночь.

Издалека донеслись четыре отрывистых приглушенных взрыва. Что-то подсказало Франклину, что он отвечает за два из них. Но ему не пришлось увидеть короткого и драматического зрелища, когда в ста футах под ним сработали

радиодетонаторы и огромная вышка развалилась надвое. Секция, которая придавила подводную лодку была слишком тяжела, бочки с воздухом все еще не могли ее поднять, но теперь макушка перевесила, исполинские качели соскользнули в сторону и рухнули на дно.

Освобожденная от оков лодка направилась вверх, ускоряя ход. Она прошла совсем близко от Франклина, он даже ощутил ток воды, но был слишком ошеломлен, чтобы понять, что это означает. Он еще сражался с туманом, который окутал его мозг. На глубине около восьмисот футов Франклин вдруг начал реагировать на ядовитые наказы Хенсона и даже, к великому облегчению, коммандера, заговорил с ним таким же языком. Вплоть до отметки семьсот футов он лихо сквернословил, потом окончательно пришел в себя и смущенно запнулся. Только сейчас до него дошло, что задача выполнена и спасаемые уже намного его обогнали, идя к поверхности.

Франклину нельзя было всплывать так быстро. На глубине трехсот футов его ожидала декомпрессионная камера; в ней ему предстояло без особых удобств лететь в Брисбен и ждать восемнадцать долгих часов, пока ткани не отдадут растворившийся в них избыточный газ.

И когда, наконец, врачи отпустили его на волю, разумеется, было поздно изымать магнитофонную ленту, которая обошла кабинеты Отдела китов. Для всего мира Франклин был героем, но зазнайство ему не грозило, ведь он знал, что все его подчиненные с упоением слушали, как непочтительно коммандер Хенсон увещевал их начальника.

Поднимаясь по трапу в аппарат, из которого ему меньше чем через полчаса предстояло впервые увидеть, как пропадает вдали земной шар, Питер ни разу не оглянулся. Франклин понимал, почему его сын упорно глядит прямо перед собой: восемнадцатилетние парни считают, что стыдно плакать на людях. Впрочем, то же самое можно сказать и о пожилых начальниках отделов…

Энн была свободна от таких предрассудков и, как ни старалась Индра ее унять, плакала навзрыд. Только когда люк корабля закрылся и все заглушила сирена получасовой готовности, рыдание перешло в прерывистое всхлипывание. Передвижные барьеры стали теснить толпу провожающих-друзей и родных, кинооператоров и представителей Комитета по делам космоса.

Держа жену и дочь за руки, Франклин дал увлечь себя человеческому потоку. Какая смесь надежд и тревог, радостей и печалей окружала его сейчас! Он попытался вспомнить, что чувствовал, когда сам первый раз выходил в космос. Это была одна из величайших минут его жизни, и, однако, все забыто, стерто тридцатью годами полнокровной жизни.

Теперь вот Питер ступил на путь, по которому когда-то следовал его отец. Пусть тебе повезет среди звезд больше; чем мне, сынок… Если бы можно было перенестись в Порт-Ловелл, когда Айрин будет встречать юношу, который мог быть ее сыном! Как-то Рой и Руперт примут своего сводного брата? Наверно, обрадуются ему; Питер не будет на Марсе таким одиноким, каким когда-то чувствовал себя младший лейтенант Уолтер Франклин.

В полном молчании истекали последние долгие минуты. Питер, конечно, уже увлечен всем тем волнующим и необычным, что будет окружать его целую неделю, горечь расставания забыта. И кто его упрекнет за то, что все его мысли – о новой жизни, которая сулит столько неизведанных переживаний…

«Ну, а моя собственная жизнь»? – спросил себя Франклин. Теперь, когда сын стартует в будущее, вправе ли он сказать, что она удалась?

Трудно дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Далеко не все его начинания были успешными, а некоторые кончились бедой. И пусть его считает героем, все равно вряд ли он достигнет новых высот: слишком много людей было задето и возмущено, когда он – несколько неожиданно для самого себя – оказался союзником Маха Тхеро. Уж во всяком случае, ему нечего надеяться на повышение (да он его и не хочет) в ближайшие пять или десять лет, которые нужны, чтобы перестроить Отдел китов. Франклину ясно сказали: поскольку он сам отчасти повинен во всем (во всей этой *заварухе* – говорили люди попроще), пусть теперь расхлебывает.

Есть одна вещь, которой ему никогда не дано узнать. Если бы судьба не даровала ему общественное признание и не столь преходящую, зато более ценную дружбу сенатора Чемберлена, хватило бы ему решимости отстаивать свои новые взгляды? Легко было, став очередным (сегодня всеми почитаемым, а завтра всеми забытым) героем толпы, излагать свою точку зрения. Какая бы злоба ни кипела в душе у начальства, оставалось только смириться с отступничеством Франклина. Иногда он даже жалел, что его

выручила прихоть судьбы. Да и можно ли приписывать его показаниям решающую роль? Пожалуй, да. При всенародном опросе голоса разделились почти поровну; без его помощи Маха Тхеро мог бы и проиграть.

Три резких сигнала сирены прервали мысли Франклина. В торжественной тишине, которая казалась неестественной тем, кто еще помнил ракетный век, огромный корабль сбросил тысячетонное бремя своего веса и двинулся вверх, возвращаясь в родную стихию. В полумиле над стартовой площадкой вступило в действие собственное поле тяготения корабля и земные понятия о «верхе» и «низе» потеряли смысл. Нос нацелился на зенит, и на миг среди облаков словно повис чудом заброшенный в небо металлический обелиск. Но тут же – по-прежнему в великом безмолвии – обелиск превратился в туманную полоску, а затем небеса и вовсе опустели.

Напряжение схлынуло. Кто-то вытирал слезы, но большинство провожающих смеялись и шутили, может быть чуть громче обычного. Обняв за плечи Энн и Индру, Франклин повел их к выходу.

Сыну он охотно завещает безбрежное море космоса. С него самого хватит *земных* океанов. В них обитают те, с кем связан его труд, – от могучего, как гора, Левиафана до новорожденного дельфина, который еще не научился сосать молоко под водой.

В меру своих сил и разумения он будет их охранять. Уже теперь Франклин ясно представлял себе будущую роль своего отдела, когда смотрители на самом деле станут покровителями всего живущего в морях.

Всего? Нет, это, конечно, абсурд; нет средств, чтобы

остановить или хотя бы заметно смягчить свирепствующую во всех океанах борьбу за существование. Но в своих отношениях с родственными ему огромными млекопитающими человек может, так сказать, положить начало, навязать частичное перемирие кровожадной природе.

Невозможно предугадать, во что это выльется в отдаленном будущем.

Даже смелый и еще не осуществленный замысел Люндквиста – приручить касаток – может оказаться лишь слабым намеком на то, что свершится уже в ближайшие десятилетия. Кто знает, не принесут ли они ответ на загадку, которая до сих пор владеет его умом и к решению которой он был так близок, когда подводное землетрясение отняло у Франклина его самого дорогого друга.

Завершается едва ли не лучшая глава его жизни. Конечно, трудности еще могут быть, и немало, но вряд ли будущее припасло для него такие задачи, какие выдавались прежде. В известном смысле он выполнил свою миссию, хотя работа только начинается.

Франклин еще раз поднял взгляд в пустое небо, и в памяти, как волна на мелководье, возникло то, что сказал ему Маха Тхеро, когда они возвращались с Гренландии. Разве можно забыть слова, от которых холодок под ложечкой – «Когда придет это время, вполне возможно, что превосходящие нас существа будут обращаться с нами так, как *мы* обращались с другими обитателями нашей планеты».

Может быть, и глупо подчинять свои мысли и поступки призрачным догадкам об отдаленном и непостижимом будущем, но он не жалел о сделанном. Пристально глядя в

голубую бесконечность, которая поглотила его сына, Франклин вдруг почувствовал, что звезды совсем близко.

– Дайте нам еще сто лет, – прошептал он, – и мы встретим вас с чистой душой и чистыми руками, в каком бы облике вы нам ни явились.

– Пошли, милый, – позвала его Индра; ее голос чуть-чуть дрожал. – У тебя осталось совсем мало времени. Из отдела звонили и просили напомнить тебе: через полчаса начнется заседание Комитета межведомственной стандартизации…

– Знаю, – Франклин решительно высморкался, словно поставил точку. – Я их не задержу, не бойся.

РАССКАЗЫ

Кого винить? Вот уже три дня мысли Альверона возвращаются к этому вопросу, и до сих пор он не нашел ответа. Сын народа с менее утонченной или менее чувствительной душой не стал бы терзаться, довольствовался бы тем, что никто не может быть в ответе за деяния рока. Но Альверон и его народ были властелинами вселенной уже на заре истории, в ту далекую пору, когда неведомые силы, от которых пошло Начало, обнесли космос Барьером Времени. Им было дано все знание, а беспредельное знание влекло за собой беспредельную ответственность. Если в управлении Галактикой случались ошибки и промахи, вина ложилась на Альверона и его род. А тут не просто ошибка – одна из величайших трагедий в истории.

Команда еще ничего не знает. Даже Ругону, его самому близкому другу, заместителю командира корабля, известна только часть истины. Но ведь до обреченных миров осталось меньше миллиарда миль. Через несколько часов они сядут на третьей планете.

Альверон снова прочитал послание Базы, потом движением, которого не уловил бы ни один человеческий глаз, нажал кнопку «Общее внимание». В длинном, с милю, цилиндре – Корабле Галактического Дозора К.9000 – представители многих народов оторвались от своих дел, чтобы послушать, что скажет капитан.

– Я знаю, всем вам хочется знать, – начал Альверон, – почему нам приказали прервать рекогносцировку и с таким ускорением поспешить в эту область космоса. Вероятно, кое-кто из вас понимает, что значит такая перегрузка! Наш

корабль совершает свой последний полет, уже шестьдесят часов генераторы работают на пределе. Хорошо, если мы сможем своим ходом вернуться на Базу.

Мы приближаемся к солнцу, которое вскоре станет новой звездой. Взрыв произойдет через семь часов плюс-минус один час. Для исследования у нас остается самое большее четыре часа. Все десять планет системы обречены, причем на третьей планете есть цивилизация. Это установлено всего несколько дней назад. Нам выпал печальный долг связаться с обреченной цивилизацией и, если можно, спасти хоть кого-нибудь. Я знаю, с одним кораблем за такое короткое время мы мало что можем сделать. Но до взрыва уже никто больше не подоспеет нам на помощь.

Он помолчал, и долго в могучем корабле, который бесшумно мчался к неизведанным мирам, стояла тишина – ни движения, ни звука. Альверон знал, о чем думают его товарищи, и он попытался ответить на невысказанный вопрос.

– Вы недоумеваете, как могли допустить такую катастрофу, самую большую на нашей памяти. Одно могу сказать совершенно точно: галактический дозор тут не виноват. Вам известно, что с нашим флотом, неполных двенадцать тысяч кораблей, мы можем обследовать каждую из восьми миллиардов солнечных систем Галактики в среднем один раз в миллион лет. Большинство миров очень мало изменяется за столь короткий срок. Около четырехсот тысяч лет назад дозорный корабль К.5060 изучал планеты системы, к которой мы приближаемся. Нигде не оказалось разумной жизни, хотя третья планета кишела животными, а

еще две планеты когда-то были обитаемы. Был представлен как положено, доклад, назначен срок следующего обследования системы – до него еще шестьсот тысяч лет.

Но, оказывается, в невероятно короткий срок, который прошел со времени последней проверки, в системе возникла разумная жизнь. Первым признаком этого явились неизвестные радиосигналы, принятые на планете Кулат, в системе X 29.35, Y 34.76, Z 27.93. Взяли пеленг: сигналы исходили из системы, в которую мы идем. До Кулата отсюда двести световых лет, значит, радиоволны шли два столетия. Другими словами, не меньше двухсот лет на одном из этих миров существует цивилизация, которая владеет техникой посылки электромагнитных волн и всем, что с этим связано.

Тотчас было проведено телескопическое изучение системы; оказалось, что солнце нестабильно, находится в стадии предновой. Взрыв мог произойти в любую минуту, если уже не произошел, пока радиоволны летели до Кулата. Понадобилось какое-то время, чтобы навести на эту систему сверхмощные локаторы, которые стоят на Кулат-II. Они показали, что взрыва еще не было, но до него осталось лишь несколько часов. Будь Кулат на долю светового года дальше от этого солнца, мы вовсе не узнали бы, что здесь существовала цивилизация.

Глава правительства Кулата сейчас же связался с Секторальной Базой, и мне велели немедля идти к системе. Наша задача – спасти кого можно, если кто-нибудь еще жив. Правда, мы полагаем, что цивилизация, у которой есть радио, может защититься от возросшей температуры.

Наш корабль и два вспомогательных катера обследуют

каждый свою часть планеты. Капитан Торкали поведет ВК-1, капитан Орострон – ВК-2. У них будет чуть меньше четырех часов. К концу этого срока они должны вернуться на корабль. Если опоздают, мы уйдем без них. Оба капитана сейчас получат от меня подробные инструкции в отсеке управления. Все. Через два часа войдем в атмосферу.

На планете, некогда носившей имя Земля, гасли последние языки пламени: больше нечему было гореть. От могучих лесов, которые буквально затопили планету, когда кончилась эра городов, остались одни головешки, и дым от их погребальных костров еще стелился в небе. Но роковой час пока не пробил, камни не расплавились. Сквозь мглу неясно проступали материки, однако их очертания ничего не говорили наблюдателям на корабле. Карты, которыми они располагали, устарели на десяток ледниковых периодов и несколько потопов.

Когда К.9000 проходил мимо Юпитера, они сразу увидели, что не может быть никакой жизни в этих полугазообразных океанах сжатых углеводородов, теперь бурно кипевших в необычно жарких лучах солнца. Марс и другие внешние планеты остались в стороне. Альверон понял, что миры, лежащие ближе к солнцу, чем Земля, уже плавятся. Вероятнее всего, подумал он с печалью, трагедия неведомой расы свершилась. В глубине души он считал, что это даже к лучшему. Корабль смог бы взять не больше нескольких сот человек, и мысль об отборе мучила его.

В отсек управления вошел Ругон, начальник связи и заместитель командира. Весь последний час он тщетно пытался уловить сигналы с Земли.

– Опоздали, – угрюмо сообщил он. – Я все диапазоны прочесал, эфир молчит, если не считать наших собственных станций и программы с Кулата двухсотлетней давности. В этой системе не осталось никаких источников радиоизлучения.

С грациозной плавностью, недоступной двуногим существам, он приблизился к огромному видеоэкрану. Альверон промолчал; новость, которую сообщил Ругон, не была для него неожиданной.

Одна стена отсека управления целиком была занята экраном; огромный черный прямоугольник создавал впечатление бездонной глубины. Три тонких щупальца Ругона, непригодные для тяжелой работы, но незаменимые для быстрых манипуляций, забегали по ручкам настройки, и экран ожил тысячами световых точек. Ругон продолжал настраивать, и звездный рой ушел в сторону, уступив место солнцу.

Житель Земли не узнал бы этот чудовищный диск. Светило не было белым, его поверхность наполовину заволокли огромные фиолетово-голубые облака, из них в космос вырывались длинные языки пламени. В одном месте из фотосферы далеко в мерцающую бахрому короны протянулся исполинский выступ. Словно на солнце выросло огненное дерево высотой в полмиллиона миль, и ветви его были реками пламени, которые неслись в космосе со скоростью сотен миль в секунду.

– Полагаю, – сказал, наконец, Ругон, – астроном представил вам достаточно точные расчеты. Как-никак…

– Не беспокойтесь, *нам* ничего не грозит, – заверил его Альверон. – Я говорил с обсерваторией на Кулате, они

перепроверили наши данные. Когда нам сказали, что срок определен с точностью до одного часа, это надо понимать так: у нас будет час в запасе, а уж наше дело, использовать его или нет.

Он взглянул на пульт управления.

– Пора нам входить в атмосферу. Пожалуйста, настройте опять экран на планету. Так, пошли!

По кораблю пробежала дрожь, резко зазвонили и тут же смолкли сигналы тревоги. На экране появились два тонких снаряда, которые нырнули вниз к огромному диску Земли. Несколько миль они шли вместе, потом разделились, и один вдруг исчез, войдя в тень планеты.

Главный корабль, масса которого в тысячу раз превосходила массу любого из катеров, медленно погрузился следом за ними в объятия неистовой бури, разрушавшей покинуть людьми города.

В полушарии, над которым Орострон вел свой катер, царила ночь. Как и Торкали, он должен был фотографировать, делать замеры и докладывать на корабль. На маленьком разведочном аппарате не было места ни для пассажиров, ни для образцов. Если он встретит обитателей этого мира, к нему тотчас подойдет К.9000. Для переговоров времени не будет. В крайнем случае спасатели пустят в ход силу; объяснения последуют потом.

Опустошенный край внизу купался в жутком мерцающем свете; над половиной планеты простерлось огромное полярное сияние. Но изображение на экране не зависело от освещения, и Орострон ясно видел голые скалы, которые, казалось, никогда не знали жизни. Где-нибудь эта пустыня должна кончаться! Он включил самый полный ход, на какой мог решиться в этой плотной атмосфере.

Катер мчался сквозь ураган, и вот каменная пустыня вздыбилась. Впереди, уткнув вершины в клубы дыма, простиралась горная гряда. Орострон навел локатор на горизонт; тотчас на экране угрожающе близко выросли горы. Он пошел круто вверх. Трудно представить себе более негостеприимный край – какая тут может быть жизнь! Не изменить ли курс? Он решил идти по-прежнему и через пять минут был вознагражден.

Далеко внизу возникла обезглавленная гора; вся вершина ее была срезана какими-то искусными инженерами. Широко расставив ноги, на плато, прямо на камне, стояла замысловатая конструкция из металлических ферм, служивших опорой для различных устройств. Орострон остановил катер, потом пошел по спирали к горе.

Легкая мгла от доплерова эффекта пропала, изображение на экране стало предельно четким. На опорах, глядя в небо под углом в сорок пять градусов, лежали десятки исполинских металлических зеркал. Они были слегка вогнутые, и в фокусе каждого помещался некий сложный аппарат. В этом могучем, величественном сооружении угадывалась целесообразность: все зеркала смотрели в одну точку на небе или за ним.

Орострон повернулся к своим товарищам.

– Мне это напоминает обсерваторию, – сказал он. – Вы видели прежде что-нибудь похожее?

Клартен, многощупальцевый обитатель шарообразного скопления на краю Млечного Пути, предложил другую гипотезу:

– Это аппаратура связи. Отражатели фокусируют электромагнитные лучи. Я видел такие устройства на сот-

нях планет. Может быть, это как раз та станция, чьи сигналы приняли на Кулате. Хотя вряд ли, луч от таких больших зеркал должен быть очень узким.

– Тогда понятно, почему Ругон не мог поймать никаких импульсов, когда мы подходили к планете, – добавил Хансур-2, один из двойников с Тхаргона.

Орострон возразил:

– Если это радиостанция, ее поставили для межпланетной связи. Посмотрите, куда направлены зеркала. Никогда не поверю, чтобы народ, который только два столетия знал радио, мог пересечь космические дали. Моему народу для этого понадобилось шесть тысяч лет.

– Мы управились за три тысячи, – мягко вставил Хансур-2, опередив своего двойника на несколько секунд.

Прежде чем дело дошло до спора, Клартен взволнованно замахал щупальцами. Пока остальные говорили, он включил автоматический перехват.

– Есть! Слушайте!

Он щелкнул тумблером, и кабину заполнил пронзительный визг. Тон звука непрерывно менялся, тут явно была какая-то система, но в чем ее смысл?

Минуту все четверо напряженно слушали, потом Орострон сказал:

– Это не может быть речью! Ни одно существо не способно говорить так быстро.

Хансур-1 пришел к тому же выводу.

– Это телевизионная программа. А вы как думаете, Клартен?

Тот согласился.

– Да, причем каждое зеркало передает свою программу.

Интересно, для кого? Очевидно, где-то там, куда направлено излучение, находится какая-нибудь другая планета данной системы. Это можно быстро проверить…

Орострон вызвал К.9000 и доложил об открытии. Ругон и Альверон были очень взволнованы и тотчас сверились с астрономическими справочниками.

Итог был неожиданным и обескураживающим. Ни одна из остальных девяти планет даже близко не подходила к каналу передачи. Казалось, огромные отражатели направлены в космос наугад.

Вывод мог быть лишь один, и первым его изложил Клартен.

– У них была межпланетная связь, – сказал он. – Но теперь станция покинута, и никто больше не следит за передатчиками. Планеты ушли, а антенны направлены по–старому.

– Ладно, сейчас мы все выясним, – сказал Орострон. – Я сажусь.

Он медленно опустил катер сначала вровень с огромными металлическими зеркалами, потом еще ниже и лег на скальную площадку. В ста ярдах от катера под переплетением стальных ферм ютилось белое каменное здание. В нем не было окон, зато много дверей в обращенной к ним стене.

Глядя, как его товарищи надевают защитные костюмы, Орострон пожалел, что не может идти с ними. Но кто-то должен оставаться на борту и держать связь с кораблем. Так распорядился Альверон – распорядился очень мудро. Никогда не знаешь, что ждет тебя на планете, которую исследуешь впервые, тем более при таких обстоятельствах.

Осторожно три разведчика вышли из переходной камеры и отрегулировали антигравитационное поле своих костюмов. Затем маленький отряд направился к зданию: каждый двигался так, как это было присуще его народу. Впереди шли двойники Хансур, сразу за ними Клартен. Его гравитационный прибор явно капризничал: Клартен вдруг упал, рассмешив этим своих товарищей. Орострон видел, как все трое на миг задержались перед ближайшей дверью, потом медленно открыли ее и исчезли.

Призвав на помощь все свое терпение, Орострон ждал, а кругом бесновалась буря, и в небе все ярче разгоралась заря. В условленное время он вызывал главный корабль и слышал краткое подтверждение Ругона. Интересно, как дела у Торкали в другом полушарии, но с ним не свяжешься сквозь треск и грохот солнечных помех.

Клартен и Хансуры довольно скоро удостоверились, что их предположения в общем верны. Здесь была радиостанция, теперь всеми покинутая. Из огромного зала несколько дверей вело в небольшие комнаты. В главном помещении шеренгами уходили вдаль аппараты, на сотнях пультов мелькали огоньки, тускло светились сетки огромных радиоламп, образовавших целую аллею.

На Клартена все это не произвело никакого впечатления. Первый радиоаппарат, созданный его сопланетниками, давно превратился в окаменелость, насчитывающую миллиард лет. Народ, всего лишь несколько веков знавший электрические машины, не мог соперничать с теми, кто открыл электричество на заре существования планеты Земля.

Продолжая исследовать здание, отряд все запечатлевал

на пленку. Надо было решить еще одну загадку. Покинутая радиостанция передает программы: откуда они идут? Центральный пульт удалось найти быстро. Он был рассчитан на одновременную трансляцию десятков программ, но студии надо было искать на другом конце множества кабелей, уходивших в подземелье. Ругон на К.9000 пытался разобрать содержание передач; может быть, это поможет. Нет никакого смысла прослеживать кабели, тянущиеся, возможно, через весь материк.

Отряд не стал задерживаться долго в пустой радиостанции. Больше они ничего не могли узнать здесь; и ведь они искали не столько научную информацию, сколько жизнь. Через несколько минут катер быстро взлетел с плато и пошел к равнинам, которые должны были простираться за горами. Оставалось около трех часов.

Глядя на исчезающие вдали таинственные зеркала, Орострон вдруг встрепенулся. Что это ему почудилось или они и впрямь, пока он ждал, все чуть-чуть повернулись, точно компенсируя вращение Земли? Он не был уверен и решил, что это вообще не играет роли. Направляющие механизмы продолжают работать по заданной им программе, только и всего.

Через четверть часа они увидели город. Он далеко раскинулся вдоль реки, от которой остался уродливый шрам. Этот рубец петлял между высоких зданий и под такими никчемными теперь мостами.

У экипажа не было никаких сомнений, что город покинут. А проверять все здания некогда, в их распоряжении всего два с половиной часа. Орострон приземлился возле самой крупной постройки. Естественно предположить, что

если кто-нибудь и укроется, то в самых прочных зданиях, где можно отсидеться до конца.

Глубочайшие пещеры, даже недра планеты не смогут защитить от катаклизма. И если здешний народ перебрался на дальние планеты, все равно смертный приговор будет отложен лишь на несколько часов, которые потребуются яростным волнам, чтобы пересечь всю солнечную систему.

Откуда было знать Орострону, что люди оставили город не несколько дней или недель назад, что он пустует уже больше ста лет. Городская культура, пережившая столько стадий, оказалась обреченной, когда геликоптеры стали универсальным средством транспорта. Через несколько десятилетий людские массы, зная, что можно за какие-то часы достичь любого уголка земного шара, вернулись в поля и леса, по которым всегда тосковали. Новая цивилизация обладала машинами и ресурсами, о каких человечество прежде и не мечтало, но она во многом была сельской и покинула стальные и бетонные стены, которые веками довлели над людьми.

Сохранилась города – центры науки, управления или развлечения, остальные забросили, так как разрушать их было слишком хлопотно. Десяток-полтора крупнейших столиц и древнее университетские центры мало изменились и могли бы простоять еще не одну сотню лет. Но города, чья жизнь была основана на паре, железе и наземном транспорте, исчезли вместе с промышленными отраслями, которые их питали.

Пока Орострон ждал на борту ракеты, его товарищи проносились по бесконечным пустым переходам и залам, делая несчетное множество снимков, которые ничего не

могли им рассказать – об обитавших здесь прежде существах. Библиотеки, залы заседаний, тысячи официальных помещений пустовали, всюду лежал толстый слой пыли. Если бы разведчики не видели радиостанцию на горе, они подумали бы, что эта планета тот уже много столетий как вымерла.

Томясь долгим ожиданием, Орострон пытался представить себе, куда мог уйти этот народ. Может быть, предвидя, что спастись нельзя, люди покончили с собой? А может быть, соорудили огромные, на миллионы мест, убежища в недрах планеты и сейчас сидят где-нибудь у него под ногами, дожидаясь конца… Вероятно, ему никогда этого не узнать.

Он с облегчением отметил, что пора лететь обратно. Скоро станет известно, чем кончилась вылазка Торкали. Ему не терпелось скорее вернуться на корабль, так как с каждой минутой он чувствовал себя все более неуютно. Орострон уже спрашивал себя: что, если астрономы на Кулате ошиблись? Он успокоится, лишь когда кругом будут надежные стены К.9000. Еще лучше уйти в космос подальше от этого зловещего солнца.

Как только его спутники вошли в шлюз, Орострон поднял в небо маленький аппарат и взял курс на К.9000. Потом повернулся к остальным.

– Ну, что вы нашли? – спросил он.

Клартен достал свернутый в трубку холст и расстелил его на полу.

– Вот как они выглядели, – тихо сказал он. – Двуногие, и рук только две. Несмотря на это, управлялись неплохо. Всего два глаза, во всяком случае впереди. Нам посчаст-

ливилось, это чуть ли не единственный предмет, который остался.

Старинный портрет холодно глядел на троих, те, в свою очередь, пристально его рассматривали. По иронии судьбы его спасло то, что он не представлял ни малейшей ценности. Когда город эвакуировали, никому не пришло в голову захватить олдермена Джона Ричардса (1909-1974). Полтораста лет он обрастал пылью, меж тем как вдали от старых городов новая цивилизация поднималась к высотам, каких не ведала ни одна прежняя культура.

– Вот почти все, что мы нашли, – продолжал Клартен. – Вероятно, город покинут много лет назад. Боюсь, наша экспедиция потерпела фиаско. Если на этой планете и остались живые существа, они слишком хорошо спрятались, нам их не найти.

Командир вынужден был согласиться.

– Задача невыполнимая, – подтвердил он. – Будь у нас неделя, а не часы – другое дело. Кто их знает, может быть, у них убежища под океаном. Мы об этом совсем не подумали.

Бросив взгляд на приборы, он исправил курс.

– Через пять минут будем на корабле. Альверон быстро идет. Может быть, Торкали нашел что-нибудь?

К.9000 летел на высоте нескольких миль над берегом залитого солнцем континента. Орострон подошел вплотную. До контрольного срока оставалось полчаса, нельзя терять ни минуты. Он искусно ввел свой катер в отсек запуска, и они прошли через камеру перепада в корабль.

Их ждали. Это естественно, но Орострон тотчас заметил, что не только любопытство привело его друзей к от-

секу. Еще никто не сказал ни слова, а он уже знал, что случилась беда.

– Торкали не вернулся. Он потерял свой отряд, надо их выручать. Пошли в отсек управления.

Поначалу Торкали повезло больше, чем Орострону. Он шел в зоне сумерек, сторонясь палящих лучей солнца, пока не достиг большого озера. Озеро было совсем молодое, одно из самых последних творений рук человека; меньше ста лет назад занятая им площадь была пустыней. И через несколько часов тут снова будет пустыня: вода уже закипала, к небу тянулись столбы пара. Но пар не мог закрыть очарования большого белого города, который раскинулся на берегу.

По краю площади, где приземлился Торкали, аккуратно стояли летательные аппараты. Устройство примитивное, но сделаны великолепно; тягу обеспечивали вращающиеся лопасти. Не было видно никаких признаков жизни, но казалось, что жители должны быть где-то недалеко. В некоторых окнах еще горел свет.

Три спутника Торкали уже вышли из ракеты. Возглавил отряд старший по званию и происхождению Цинадри; как и сам Альверон, он родился на одной из древних планет Срединных Солнц. С ним шли Аларкен – сын народа, который был одним из самых молодых во вселенной и почему-то очень гордился этим, – и странный обитатель системы Паладор, безымянный, как и весь его род, так как он был лишен индивидуальности и представлял собой подвижную, но все равно зависимую ячейку сознания своего народа. Хотя он и его сородичи давно разошлись по галактике, исследуя несчетные миры, какое-то неведомое

звено продолжало связывать их вместе так же прочно, как если бы они были живыми клетками человеческого тела.

Когда говорил житель Паладора, он пользовался только местоимением «мы». В языке Паладора не было и не могло быть первого лица единственного числа.

Огромные двери великолепного здания озадачили разведчиков, хотя с ними справился бы даже ребенок. Цинадри не стал терять времени, а вызвал своим передатчиком Торкали. После этого все трое отошли в сторону, и командир вывел катер на нужную позицию. Мгновенная вспышка ярчайшего пламени – могучие стальные створки озарились светом, который был на грани видимого спектра, и пропали. Каменная кладка еще была раскаленной, когда отряд ворвался в здание, освещая себе путь фонарями.

Но фонари оказались ненужными. Огромный зал, в котором они очутились, освещался рядами ламп под потолком. С одной стороны к залу примыкал длинный коридор, а прямо перед ними широкая лестница поднималась на верхние этажи.

На секунду Цинадри заколебался. Потом решил, что все равно, куда идти, и повел товарищей за собой в коридор.

Чувство, что где-то близко есть жизнь, стало особенно сильным. Казалось, они вот-вот встретят обитателей этого мира. Если те поведут себя враждебно (за что их трудно будет упрекнуть), придется пустить в ход парализаторы…

Волнуясь, разведчики вошли в следующее помещение. И облегченно вздохнули: здесь были только машины, шеренги машин, недвижимые и немые. Теряющиеся вдали стены сплошь состояли из металлических ящиков. Больше ничего, никакой мебели, только эти ящички и таинственные машины.

Аларкен, всегда самый проворный из тройки, уже изучал ящички. В каждом из них лежали тысячи тонких, но очень прочных пластин с множеством отверстий разного вида. Паладорец взял одну карточку, а Аларкен запечатлел интерьер, сделав крупные снимки машин. Затем они пошли дальше. Просторное помещение, одно из чудес этого мира, им ничего не говорило. И ничьи глаза больше не увидят замечательные, почти одушевленные электронно-счетные устройства и пять миллиардов перфокарт, на которых записаны все сведения о каждом из живших на планете людей.

Было очевидно, что этим зданием пользовались совсем недавно. Все больше волнуясь, разведчики поспешили в следующее помещение. И увидели огромную библиотеку, миллионы книг на бесчисленных стеллажах. Здесь – хотя разведчики не могли этого знать – хранились все законы, когда-либо учрежденные людьми, и все речи, произнесенные в их советах.

Цинадри размышлял, как быть дальше, когда Аларкен обратил его внимание на один из стеллажей, метрах в ста от них. В отличие от других он был наполовину пуст, а на полу, словно сброшенные кем-то в спешке, кучами валялись книги. Никакого сомнения: совсем недавно здесь побывал еще кто-то. Чуткие органы чувств Аларкена отчетливо различали следы колес на полу, хотя остальные ничего не видели. Он даже обнаружил отпечатки ног, но, не зная ничего о жителях этого мира, не мог сказать, в какую сторону вели следы.

Чувство близости живого усилилось чрезвычайно, но близости временной, а не пространственной. Аларкен сказал вслух то, что думали все:

– Наверно, книги были очень ценные, и кто-то решил их спасти в последнюю минуту. Это значит, что где-то, быть может, совсем близко, есть убежище. Если поискать, мы можем найти какие-нибудь признаки, которые приведут нас туда.

Цинадри согласился, но паладорца эта мысль не вдохновила.

– Даже если так, – сказал он, – убежище может быть в любом месте планеты, а у нас осталось всего два часа. Но не будем терять времени, если мы хотим кого-то спасти.

И отряд снова двинулся вперед, останавливаясь только для того, чтобы захватить несколько книг. Они могут пригодиться ученым на Базе, а впрочем, вряд ли их удается перевести. Оказалось, что здание состоит преимущественно из маленьких помещений, и все они еще недавно были заняты. Почти всюду были порядок и чистота, но в двух-трех комнатах парил дикий хаос. Их особенно поразило одно помещение – судя по всему, какой-то кабинет, – которое подверглось полному разгрому. Пол усеян бумагами, мебель разбита, снаружи в разбитые окна лез дым.

Цинадри встревожился.

– Не может быть, чтобы сюда могло проникнуть какое-нибудь опасное животное! – воскликнул он, нервно крутя в руках парализатор.

Аларкен не ответил. Он издавал странный звук, который на языке его народа назывался смехом. Прошло несколько минут, прежде чем он смог объяснить, что его так развеселило.

– Не думаю, чтобы это сделало животное, – сказал он. – Объяснение намного проще. Представьте себе, что вы всю

жизнь проработали в одном помещении, из года в год занимались бесконечными бумагами. Вдруг вам говорят, что вы их больше никогда не увидите, ваша работа кончена, можно уходить навсегда. Больше того, никто не заменит вас здесь. Конец, точка. Как бы вы поступили, Цинадри?

Цинадри подумал несколько секунд.

– Ну, наверно, я бы все прибрал и ушел. Ведь так было во всех остальных комнатах.

Аларкен снова засмеялся.

– Не сомневаюсь, *вы* бы так и сделали. Но есть люди с другой психологией. Думаю, мне пришлось бы по душе существо, которое здесь работало.

Он ограничился этим, и его спутники некоторое время ломали голову над его словами, потом забыли о них.

Разведчики даже опешили, когда Торкали велел им возвращаться. Было собрано много информации, но они не нашли ничего, что могло бы привести их к пропавшим обитателям этого странного мира. Поразительная загадка, и похоже, что она никогда не будет разрешена. Осталось меньше сорока минут, потом К.9000 уйдет.

Они прошли около полпути, возвращаясь к своему катеру, когда заметили ведущий в недра здания полукруглый ход. Его архитектурное выполнение отличалось от всего, что они тут видели, и наклонный пол просто обрадовал разведчиков: их многочисленные ноги уже устали от мраморных лестниц, которые только двуногие могли понастроить в таком изобилии. Цинадри страдал больше всех; обычно он ходил на двенадцати ногах, но мог в крайнем случае бежать и на двадцати – правда, этого еще никто не видел.

Отряд замер на месте и смотрел в туннель, думая об одном. Ход, ведущий в недра Земли! На том конце его они могут найти обитателей этого мира и хоть кого-нибудь спасти от гибели. Еще есть время вызвать на помощь главный корабль.

Цинадри послал сигнал своему командиру, и Торкали остановил катер как раз над зданием. Может получиться так, что им некогда будет петлять по всем этим переходам, хотя заблудиться они не могут, весь лабиринт четко запечатлен в памяти паладорца. Если понадобится. Торкали взрывом пробьет им прямой путь сквозь все двенадцать этажей. Да нет, они быстро выяснят, что кроется в конце туннеля…

Они узнали это через тридцать секунд. Туннель заканчивался очень странным цилиндрическим помещением с роскошными мягкими сиденьями вдоль стен. Другого хода сюда не было, только через туннель, по которому они пришли, и Аларкену понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, для чего предназначалась эта кабина. Жаль, что нет времени ею воспользоваться, подумал он. Крик Цинадри нарушил течение его мыслей. Аларкен резко обернулся и увидел, что стена бесшумно сомкнулась за ними.

Даже невольный испуг не помешал Аларкену с уважением подумать: «Кто бы они ни были, они хорошо разбирались в автоматике!»

Первым заговорил паладорец. Он указал щупальцами на сиденья.

– Мы думаем, что лучше всего сесть, – сказал он.

Множественное сознание Паладора уже анализировало обстановку и знало, что последует.

Им не пришлось долго ждать. Из-за решетки в потолке вырвалось слабое гудение, и в последний раз в истории на Земле зазвучал пусть безжизненный, но все-таки человеческий голос. Хотя слова были незнакомые, запертые разведчики угадали их смысл.

– Прощу назвать остановки и занять места.

Одновременно засветилась панель на одной из стен. Они увидели нехитрую карту, с десяток кружочков, соединенных линией. У каждого кружочка была надпись, а около надписи – две кнопки разного цвета.

Аларкен вопросительно поглядел на своего командира.

– Не трогайте, – сказал Цинадри. – Может быть, тогда дверь сама откроется.

Он ошибся. Инженеры, строившие это автоматическое метро, исходили из того, что любой, кто войдет в вагон, непременно куда-то направляется. Если пассажиры не выберут ни одной из промежуточных станций, значит, им нужна конечная.

Снова пауза: реле и тиратроны ждали команды. В эти тридцать секунд пришельцы могли бы открыть двери и выйти, если бы они знали, как это сделать. Они не знали, и машины, рассчитанные на *человеческую* психологию, продолжали действовать.

Толчок ускорения был не очень сильным; мягкая обивка служила не для защиты, а для удобства. Лишь едва заметная вибрация говорила о скорости, с которой они перемещались в недрах земли, не ведая, сколько продлится это путешествие. А через тридцать минут К.9000 уйдет из солнечной системы.

Долго в скользящей неведомо куда кабине царило

безмолвие. Цинадри и Аларкен напряженно думали. Думал и паладорец, правда, по-своему. Понятие индивидуальной смерти для него не существовало, потому что гибель единицы означала для коллективного разума не больше, чем для человека потеря выпавшего волоса. Но он мог, хотя и с трудом, понять терзания индивидуального разума, например, Аларкена и Цинадри, и стремился им помочь.

Аларкен связался своим передатчиком с Торкали; сигнал был очень слаб и быстро затухал. Он торопливо рассказал, в чем дело, и почти сразу слышимость стала лучше. Торкали шел следом за ними, летя над землей, в толще которой они мчались навстречу неизвестности. Только теперь выяснилось, что кабина идет со скоростью около тысячи миль в час. А затем разведчики услышали от Торкали еще более озадачивающую новость: они стремительно приближались к морю. Пока над ними земля, оставалась хоть какая-то надежда остановить машину и выйти. Но когда они очутятся под океаном, все умы и все механизмы на борту большого корабля не в силах будут спасти их. Более надежной ловушки не придумаешь.

Цинадри пристально изучал карту на стене. Ее смысл был теперь ясен. Вдоль линии, которая соединяла кружочки, ползло пятнышко света. Оно прошло уже половину пути до первой станции.

– Я нажму одну из этих кнопок, – сказал, наконец, Цинадри. – Беды никакой не случится, а может быть, мы что-нибудь и узнаем.

– Согласен. С какой начнете?

– Их всего две, ничего, если сперва ошибемся. Наверно, одна останавливает кабину, вторая пускает ее.

Аларкен не очень надеялся на успех.

– Она пошла сама, мы ни на что не нажимали, – сказал он.

– Боюсь, кабина полностью автоматизирована, отсюда ею управлять нельзя.

Цинадри был не согласен с ним.

– Эти кнопки, очевидно, связаны со станциями. Для чего они, если нельзя остановить ими кабину? Весь вопрос в том, чтобы выбрать правильную.

Он рассуждал верно. Кабину можно было остановить на любой промежуточной станции. Они всего десять минут в пути, и все будет в порядке, если удастся выйти сейчас. Но так уж получилось – Цинадри нажал не ту кнопку.

Световое пятнышко, не меняя скорости, медленно пересекло освещенный кружок. Одновременно донесся голос Торкали с катера:

– Вы сейчас прошли под городом, теперь направляетесь к морю. Следующая остановка только через тысячу миль.

Альверон оставил всякую надежду найти жизнь на этой планете. К.9000 обрыскал уже половину земного шара, то и дело спускаясь, чтобы привлечь к себе внимание. Но Земля словно вымерла. «Если кто-то из ее обитателей и остался жив, – подумал Альверон, – они прячутся в недрах, и хотя им все равно грозит неминуемая гибель, до них не доберешься».

Руган сообщил ему о беде. Корабль прекратил бесплодные поиски и сквозь бурю ринулся обратно к океану, над которым маленький аппарат Торкали продолжал идти по следам подземной кабины.

Грозный вид открывался внизу. Со времен своего ро-

ждения Земля не знала таких волн. Ураган, достигший скорости нескольких сот миль в час, гнал горы воды. Даже вдали от материка в воздухе летели стволы деревьев, обломки домов, листы металла; ни один самолет землян не справился бы с таким штормом, но грохот сшибающихся гигантских валов заглушал даже рев урагана.

К счастью, еще не было сильных землетрясений. Глубоко под ложем океана великолепное инженерное сооружение, которое было личным метро Президента, продолжало безупречно работать, не затронутое сумятицей и разрушениями. Ему предстояло действовать до последней минуты существования Земли. Иначе говоря, если астрономы не ошиблись, еще немногим больше четверти часа. Альверон очень хотел бы точно знать, насколько больше… Только через час попавший в ловушку отряд выйдет из-под океана, и можно будет что-то сделать, чтобы спасти его.

Альверон получил строжайшие инструкции, но и без них он никогда не позволил бы себе рисковать вверенным ему огромным кораблем.

Тем временем Аларкен и Цинадри, заточенные в миле под ложем океана, дали полную нагрузку своим передатчикам. Пятнадцать минут не так уж много, когда нужно подвести итог всей жизни. Хорошо если успеешь продиктовать прощальные послания, которые кажутся в такой миг важнее всего остального на свете.

Паладорец молчал и не двигался. Остальные двое, поглощены собственной судьбой и личными делами, даже как-то забыли о нем. И для них было полной неожиданностью, когда он вдруг обратился к ним своим странно бесстрастным голосом:

– Мы полагаем, что вы принимаете определенные меры в связи с вашей ожидаемой гибелью. Но это, вероятно, излишне. Капитан Альверон надеется спасти нас, если мы сумеем остановить кабину, как только достигнем материка.

В первую секунду Цинадри и Аларкен были слишком удивлены, чтобы отвечать. Потом Аларкен вымолвил:

– Откуда вы это знаете?

Нелепый вопрос; он сам тут же вспомнил, что на борту К.9000 осталось много паладорцев, значит, его спутник знает все, что происходит на корабле. И Аларкен, не дожидаясь ответа, продолжал:

– Альверон этого не сделает! Он не может пойти на такой риск!

– Риска никакого, – возразил паладорец. – Мы сказали ему, как надо действовать. Это очень просто.

Аларкен и Цинадри с почтением посмотрели на товарища; они поняли, что случилось. В критические минуты отдельные элементы, слагающие сознание Паладора, могли смыкаться так же согласованно, как клетки обычного мозга. И возникал разум, равного которому не была во всей вселенной. Несколько сот или тысяч элементов решали любую *рядовую* задачу. Очень редко требовалось совместное усилие миллионов единиц, и за всю историю было известно только два случая, когда миллиарды клеток сознания Паладора все смыкались в одну цепь, чтобы отвратить угрозу, нависшую над целым народом. Разум Паладора был одним из наиболее могучих ресурсов вселенной, ко всей его мощи прибегали редко, но уже мысль о том, что он есть, внушала великую уверенность другим народам. «Сколько клеток объединилось, чтобы справиться с этой

задачей? – спрашивал себя Аларкен. – И почему Паладор занялся таким незначительным, в сущности, происшествием?»

Ответить на этот вопрос было некому, но он мог бы сам догадаться, в чем дело, если бы знал, что необычное разуму Паладора присуще почти человеческое честолюбие. Очень давно Аларкен написал книгу, доказывая, что в конечном счете все разумные народы пожертвуют индивидуальным сознанием и наступит день, когда во вселенной останутся только групповые виды разума. Паладор, – писал он, – первый из них; и надо сказать, что огромный дисперсный мозг был польщен его словами.

Прежде чем они успели задать новые вопросы, через эфир к ним донесся голос самого Альверона:

– Говорит Альверон! Мы остаемся на этой планете, пока сюда не дойдет взрывная волна и, может быть, вам удастся вас спасти. Вы идете к городу на побережье, при такой скорости будете там через сорок минут. Если не сумеете остановиться, мы взрывом разрушим туннель впереди и позади вас, чтобы прекратить подачу энергии. Потом пробьем к вам шахту. Главный инженер говорит, что с нашими установками он сделает это за пять минут. Не пройдет и часа, как вы будете в безопасности, если только солнце не взорвется раньше.

– Но если это произойдет, вы тоже погибнете! Вам нельзя так рисковать!

– Не беспокойтесь, нам ничто не грозит. Когда взорвется солнце, пройдет еще не одна минута, прежде чем взрывная волна достигнет максимума. А мы к тому же на ночной стороне, прикрыты могучим экраном – восемь ты-

сяч миль горных пород. Как только заметим первые признаки взрыва, будем уходить из солнечной системы, держась в тени планеты. На предельной тяге мы достигнем световой скорости прежде чем выйдем из конуса тени, а тогда нам солнце не страшно.

Цинадри все еще не смел надеяться. Ему тотчас пришло на ум новое возражение:

– Но ведь мы на ночной стороне – как вы узнаете, что взрыв начался?

– Очень просто, – ответил Альверон. – У этой планеты есть луна, ее сейчас видно из этого полушария. Мы навели на нее телескопы. Если яркость вдруг возрастет, стартер автоматически включит полную мощность, и нас выбросит из системы.

Ни к чему не придерешься. Осторожный, как всегда, Альверон все предусмотрел. Пройдет немало минут, прежде чем пламя взорвавшегося солнца расплавит могучий щит из камня и металла. За это время К.9000 в самом деле сумеет развить спасительную световую скорость.

Аларкен заранее, когда до берега еще было далеко, нажал кнопку. Он не ждал немедленного эффекта, полагая, что кабина не останавливается между станциями. Но через несколько минут, к их общей радости, прекратилась легкая вибрация, и они остановились.

Бесшумно раскрылись двери. Все трое выскочили наружу, прежде чем створки раздвинулись до конца. Туннель, медленно поднимаясь вверх, терялся вдали. Они смотрели вперед, когда внезапно раздался голос Альверона:

– Оставайтесь на местах! Взрываем!

Земля содрогнулась, донесся грохот камней. Еще раз – и в ста ярдах перед ними туннель вдруг исчез. Его пересекла вертикальная шахта.

Отряд поспешил туда и остановился на краю шахты. Она достигала в ширину тысячи футов, а вглубь уходила так далеко, что свет их фонарей не доставал дна. Вверху стремительно летящие штормовые тучи временами обнажали лик луны – сказочно яркий, какого не знал ни один землянин. И еще более замечательное зрелище: высоко над землей парил К.9000, и мощные излучатели, которые пробурили огромный колодец, еще светились вишневым накалом.

Темный силуэт отделился от корабля и быстро упал на землю. Торкали спустился за своими товарищами, и вот уже Альверон приветствует их в отсеке управления. Он указал рукой на большой видеоэкран и спокойно произнес:

– Смотрите, мы подоспели вовремя.

Материк под ними медленно оседал под ударами штурмующих побережье волн высотой в милю. Последние картины жизни Земли: огромная равнина, озаренная серебристым сиянием невероятно яркой луны. Через равнину глянцевитые валы устремились к возвышающейся вдали горной гряде. Море взяло верх, но его торжество продлится недолго, скоро не будет ни моря, ни суши. Зрители в главном отсеке молча наблюдали картину разрушения, а уже приближалась несравненно более грозная катастрофа.

Вдруг словно рассвет занялся над залитым луной ландшафтом: луна обратилась во второе солнце. Около тридцати секунд поразительное, сверхъестественное сияние озаряло обреченный край. Тотчас на пульте вспыхнули

сигнальные лампочки. Полная тяга! На мгновение Альверон перевел взгляд с экрана на пульт, проверяя показания приборов. Когда он снова посмотрел на видеоэкран. Земли уже не было видно.

Могучие генераторы тихо скончались от дикого перенапряжения, когда К.9000 достиг орбиты Персефоны. Но это не играло никакой роли, теперь солнце не могло им ничего сделать. И хотя корабль беспомощно летел в пустынную ночь межзвездной пучины, они не сомневались, что их выручат через несколько дней.

Ирония судьбы. Еще вчера они были спасателями, спешили на выручку уже не существующего народа. В который раз мысли Альверона обратились к погибшему миру. Он тщетно пытался представить себе его в расцвете, когда улицы городов бурлили жизнью. Какими бы примитивными ни были эти люда, они тоже могли бы сделать свой вклад в сокровищницу вселенной. Если бы только удалось связаться с ними! Но поздно жалеть; задолго до прибытия спасателей земляне сами себя погребли в железном ядре своей планеты. Теперь они и их культура навсегда останутся загадкой.

Альверон обрадовался, когда вошел Ругон и нарушил течение его мыслей. С той самой минуты, как они покинули солнечную систему, начальник связи был поглощен одним делом: он старался разобрать программы, переданные станцией, которую открыл Орострон. Задача не очень трудная, но понадобилась специальная аппаратура, на создание ее ушло некоторое время.

– Так что вы обнаружили? – спросил Альверон.

– Кое-что удалось выяснить, – ответил его товарищ. –

Но тут кроется загадка, которую я не могу понять. Мы быстро выяснили характер видеопередачи и смогли преобразовать импульсы для нашей аппаратуры. Похоже, что по всей планете в узловых точках были установлены камеры. Некоторые стояли в городах, на крышах высоких зданий. Они непрерывно вращались, показывая панораму. В записанных нами программах можно различить около двух десятков различных ландшафтов.

Но сверх того шли еще какие-то передачи – не звуковые и не видео. Похоже, что передавались чисто научные данные, может быть, показания приборов или что-то в этом роде. Одновременно на нескольких частотах. Но ведь для чего-то это передавалось! Орострон по-прежнему считает, что люди, уходя, попросту забыли выключить станцию. Однако очень уж программы необычные! Я уверен, что прав Клартен, речь идет о межпланетной связи. При последней проверке на остальных планетах вообще не было жизни; значит, только народ этой планеты мог выйти в космос. Вы согласны?

Альверон жадно слушал его.

– Да, все это звучит убедительно. Но ведь мы знаем, что канал передачи не был направлен ни на одну из планет системы. Я сам проверял.

– Знаю, – ответил Ругон. – И хочу понять, почему мощная межпланетная релейная станция передавала виды гибнущей планеты – кадры, представляющие небывалый интерес для ученых и астрономов. Кто-то вложил огромный труд, чтобы установить все эти панорамирующие камеры. Я уверен, это четко направленная передача.

Альверон вскочил со стула.

– Вы думаете, была еще одна не обнаруженная нами планета на краю системы? – спросил он. – Но ваша гипотеза заведомо неверна. Излучение станции вообще не лежало в плоскости солнечной системы. И даже если бы лежало – взгляните.

Он включил видеоэкран и покрутил ручки настройки. На фоне бархатного занавеса космоса висел бело-голубой шар, как бы составленный из множества концентрических оболочек раскаленного газа. Хотя на таком расстоянии нельзя было различить движения, было очевидно, что шар расширяется с огромной скоростью. В центре его сверкала ослепительная точка: белый карлик, в которого превратилось солнце.

– Вы, очевидно, не представляете себе размеров этого шара, – сказал Альверон. – Вот, смотрите.

Он прибавил увеличение так, что на экране оказалась только средняя часть новой. У самого ядра, по обе стороны, виднелись два сгустка.

– Это две гигантские планеты системы. Они еще существуют в каком-то ином облике. А до них от солнца было несколько сот миллионов миль. Новая продолжает расширяться, а ведь ее размеры уже вдвое превосходят поперечник солнечной системы.

Ругон не сразу ответил.

– Может быть, вы и правы, – заговорил он наконец. – Моя гипотеза не годится. И все-таки это ничего не объясняет.

Он быстро заходил по отсеку. Альверон терпеливо ждал. Он знал, как сильна интуиция его товарища, который часто решал задачи, неподвластные чистой логике.

И вот снова зазвучала неторопливая речь Ругона.

– Что вы скажете об этом? – начал он. – Предположим, что мы совсем недооценили этот народ! Ведь ошибся же Орострон, когда решил, что раз они знали радио всего два столетия, значит, не доросли до межпланетных полетов. Мне рассказал это Хансур-2. Может быть, все мы ошибаемся. Я просмотрел материал, который Клартен собрал на радиостанции. Ему это показалось не бог весть каким достижением, но для такого короткого срока это замечательно! На станции были устройства, какие мы видим у несравненно более развитых народов. Альверон, нельзя ли проследить направление передачи до конца и проверить, кому она адресована?

Альверон задумался. Не то чтобы вопрос Ругона застиг его врасплох, но ответить на него нелегко… Главные двигатели окончательно вышли из строя, чинить их бесполезно. Но запас энергии остался, а значит, можно что-то придумать. Придется импровизировать и совершить довольно сложные маневры, так как корабль по-прежнему летит с огромной скоростью. Да, это возможно, и хорошо отвлечь команду делом, чтобы не падали духом из-за этой неудачи. А тут еще выяснилось, что ближайший корабль с техниками сможет подойти к ним только через три недели…

Инженеры, как обычно, дружно сказали «нет». И, как обычно, справились с работой за половину того срока, который сначала отвергли как абсолютно нереальный. Мало-помалу, очень медленно, корабль начал сбавлять ход. Описав огромную дугу с радиусом в миллионы миль, К.9000 изменил курс и картина созвездий вокруг преобразилась.

Три дня ушло на этот маневр, но в конце концов корабль лег на курс, параллельный лучу, который летел с Земли. Они неслись в пустоту, все больше удаляясь от ослепительной сферы, когда-то бывшей солнцем. С точки зрения межзвездных полетов они почти не двигались с места.

Ругон часами сидел над своими приборами, прощупывая космос впереди электронными лучами. На много световых лет – ни одной планеты… Иногда Альверон заходил к нему в отсек и всякий раз слышал один и тот же ответ:

– Ничего нового.

Интуиция подводила Ругона в одном случае из пяти; он уже спрашивал себя: не выдался ли как раз такой случай?

А через неделю стрелки масс-детекторов метнулись к концу шкалы и остановились там, чуть дрожа, Ругон никому, даже капитану, ничего не сказал. Он хотел полной уверенности и дождался, когда ожили локаторы ближнего действия и на видеоэкране появилось первое смутное изображение. Но и после этого он терпеливо ждал, пока не удалось разобрать смысла картинки. И только убедившись, что действительность превзошла его самые смелые догадки, он пригласил в отсек связи своих товарищей.

На видеоэкране была обычная картина безбрежного звездного простора – солнце за солнцем до рубежа изведанной вселенной. У центра экрана расплылось тусклое пятнышко далекой туманности.

Ругон прибавил увеличение. Звезды ушли за край экрана, маленькая туманность заполнила его целиком и перестала быть туманностью. Дружный возглас удивления вырвался у всех, кто был в отсеке.

В космосе, на много миль, в огромном четком строю, словно армия на марше, протянулись шеренги, колонны тысяч светящихся палочек. Они быстро перемещались, но держали строй, словно единое целое, словно литая решетка. Вот она сместилась к краю экрана, и Ругон снова взялся за ручки настройки.

Наконец он заговорил.

– Перед нами народ, – мягко сказал он, – который знает радио только двести лет, народ, о котором мы решили, что он ушел в недра планеты, чтобы там погибнуть. Я рассмотрел эти предметы с предельным увеличением. Это величайший флот, о каком мы когда-либо слышали. Каждая световая точка – корабль, притом больше нашего. Конечно, они очень примитивны; то, что мы видим на экране, – пламя их ракет. Да, они отважились выйти на ракетах в межзвездное пространство! Вы понимаете, что это значит! Понадобятся столетия, чтобы дойти до ближайшей звезды. Очевидно, весь народ Земли отправился в это путешествие, надеясь, что их далекие потомки завершат его.

Чтобы оценить все величие их подвига, вспомните, сколько веков потребовалось *нам*, чтобы покорить космос, и сколько еще прошло, прежде чем вы вышли к звездам. Даже под угрозой гибели – сумели бы мы столько свершить в такой короткий срок? Ведь это одна из самых молодых цивилизаций вселенной! Четыреста лет назад ее еще не было. Чем она станет через миллион лет?

Час спустя Орострон отчалил от парализованного К.9000, чтобы вступить в контакт с идущей впереди великой армадой. Его маленькая торпеда быстро затерялась среди звезд. Альверон проводил ее взглядом и повернулся

к Ругону. И тот услышал слова, которые запомнились ему на много лет.

– Интересно, что это за народ? – произнес Альверон. – Народ удивительных инженеров, но без философии, без искусства? Появление Орострона будет для них великой неожиданностью и ударит по их самолюбию. Странно, как упорно все изолированные цивилизации считают себя единственными представителями разумной жизни во вселенной. Но эти люди должны быть благодарны нам: мы сократим их путешествие на много веков.

Альверон посмотрел на Млечный Путь – словно серебристая мгла дорожкой пересекла экран. И жестом обрисовал всю галактику от Центральных Планет до одиноких солнц Кромки.

– Знаешь, – сказал он Ругону. – я даже побаиваюсь этих людей. Вдруг им не понравится наша маленькая Федерация?

И он снова указал на звездные скопления, которые лучились сиянием несчетного множества солнц.

– Что-то подсказывает мне, что это *очень* энергичный народ, – добавил он. – Лучше быть с ними повежливее. Ведь наше численное превосходство не так уж велико, – всего миллиард против одного…

Ругон рассмеялся в ответ на шутку капитана. Двадцать лет спустя эти слова уже не казались смешными.

СТЕНА МРАКА

Многочисленны и удивительны миры, плывущие подобно пузырькам пены по Реке Времени. Иные, их очень мало, движутся против или поперек течения; еще меньше таких, что находятся вне его пределов, и не ведают ни будущего, ни прошлого. Маленькая вселенная Шервана в их число не входила, ее своеобразие было иного рода. Она насчитывала всего лишь один мир – планету племени Шервана – и одну лишь звезду, великое солнце Трилорн, дающее планете свет и жизнь.

Шерван не знал, что такое ночь, ибо Трилорн всегда парил высоко над горизонтом, опускаясь к нему только в долгие зимние месяцы. Правда, в Стране Вечной Тени каждый год бывала пора, когда Трилорн исчезал за краем планеты и наступала тьма, в которой ничто не могло жить. Но и тогда мрак не был полным, хоть и не было звезд, чтобы его рассеять.

Один в своей маленькой вселенной, вечно обращенный одной и той же стороной к своему одинокому солнцу, мир Шервана был последней и наиболее странной причудой творца звезд.

И однако же мысли, которые наполняли голову Шервана, когда он глядел на земли своего отца, могли родиться в сознании любого из детей человеческого рода. Он ощущал и благоговение, и любопытство, и немного страха, но над всем преобладало стремление изведать огромный мир, окружающий его. Пока он был слишком юн для этого, но старинный дом стоял на самой высокой на много миль точке, и во все стороны открывался вид на край, которым

ему владеть. Если повернуться лицом на север, к Трилорну, то вдали можно было разглядеть длинную гряду гор, которые уходили вправо, становясь все выше и выше, пока не терялись в далях за его спиной – там, где начиналась Страна Вечной Тени. Когда-нибудь, став постарше, он пройдет через эти горы, через перевал, что ведет в обширные страны востока.

Слева – всего несколько миль – океан; иногда Шерван слышал даже рокот волн, катящихся на пологий песчаный берег. Никто не знал, как далеко протянулся океан. Корабли выходили в его просторы и плыли на север, но Трилорн все выше поднимался в небе, все сильней и сильней становился жар его лучей. И задолго до того, как могучее солнце достигало зенита, кораблям приходилось поворачивать вспять. Так что, если мифическая Огненная Страна и впрямь существует, никому не суждено достичь ее берегов. Правда есть легенды, они говорят, будто некогда были быстроходные металлические суда, которые могли пересечь океан наперекор палящим лучам Трилорна и достигнуть земель на том краю света. Теперь туда можно попасть только после долгого путешествия по суше и по морю, а если пожелаешь хоть немного сократить путь, надо следовать севернее, насколько хватит отваги.

Все обитаемые земли мира Шервана лежали в узком поясе между палящим зноем и нестерпимым холодом. В каждой стране крайний север – это неприступная область, опаленная гневом Трилорна. А к югу от всех государств раскинулась огромная и мрачная Страна Вечной Тени, где Трилорн – всего лишь бледный диск над самым горизонтом, а то и вовсе нет его.

Все это Шерван узнал в годы своего детства, и в ту пору его не влекло за пределы обширной страны между горами и океаном.

Издревле его предки и предшествовавшие им племена упорно трудились, стремясь сделать эти земли самыми прекрасными на свете, и они добились своего, или почти добились. Удивительные цветы украшали сады; лаская мшистые утесы, тихо журчали потоки, которые вливались в прозрачное, не ведающее приливов море. Поля шелестели колосьями на ветру, словно поколения еще не родившихся семян перешептывались между собой. На просторных лугах и под сенью деревьев, мыча и блея, лениво бродили послушные стада. А еще был большой дом с огромными залами и бесконечными коридорами, который ребенку казался исполинским.

Вот в каком мире рос Шерван, какой мир он знал и любил. И то, что находилось за родными рубежами, его пока не занимало.

Но мир Шервана был подвластен времени. Урожай созревал, и хлеб засыпали в амбары; Трилорн медленно плыл по своей короткой небесной дуге; сменялись времена года, крепли тело и дух Шервана. Такой родной край уже не казался ему таким огромным, горы подступили ближе, и до океана было рукой подать от большого дома. Он начал познавать мир, в котором жил, готовясь исполнить предназначенную ему роль в судьбах этого мира.

Кое-что ему поведал отец, Шервал, но главным наставником был Грейл, который пришел из-за гор в дни отца его отца и воспитал уже три поколения в их роду. Мальчик привязался к Грейлу (хоть было много такого, чему он

учился без всякой охоты), и годы детства текли безмятежно. Но вот настала пора Шервану отправиться через горы в соседнюю землю. Много веков назад его род пришел из великих стран востока, и с тех пор в каждом поколении старший сын совершал туда паломничество, проводя год юности среди сородичей. Это был мудрый обычай, потому что в стране за горами еще хранили память о знаниях, коими обладали древние; к тому же, было легко встретить людей из других земель, изучить их обычаи.

Весной того года, когда пришел срок сыну отправляться в путь, Шервал призвал к себе трех слуг, взял несколько животных (назовем их для простоты лошадьми) и поехал вместе с Шерваном в те части родной страны, которых юноша еще не знал. Сперва они ехали на запад, потом, спустившись к морю, много дней следовали вдоль берега. Трилорн заметно приблизился к горизонту, но они продолжали путь на юг, и тени у их ног становились все длиннее и длиннее. И только когда лучи солнца, казалось, вовсе утратили свою силу, путники повернули на восток. До Страны Вечной Тени оставалось совсем немного, и было бы неразумно ехать дальше на юг, пока не наступило лето.

Шерван ехал рядом с отцом, жадно рассматривая новые ландшафты с любопытством мальчика, который впервые попал в незнакомую страну. Отец говорил ему о почве, о том, какие злаки здесь можно выращивать, а какие не привьются. Но мысли Шервана были заняты другим – он смотрел туда, где начинались пустынные земли Страны Вечной Тени, пытаясь представить себе, далеко ли она простирается и какие тайны хранит.

– Отец, – заговорил он наконец, – если ехать на юг все прямо и прямо, через Страну Вечной Тени, попадешь на противоположную сторону мира?

Отец улыбнулся.

– Люди много веков задают себе этот вопрос, – но есть две причины, из-за которых им никогда не узнать ответа.

– Какие причины?

– Во-первых, разумеется, мрак и холод. Даже здесь никто и ничто не может жить зимой. Но есть и более веская причина, хотя Грейл, насколько я понимаю, не говорил тебе о ней.

– Кажется, не говорил, во всяком случае, я не припомню.

Шервал помолчал. Привстав в стременах, он обвел взглядом земли, простершиеся к югу.

– Когда-то я хорошо знал эти места, – сказал он наконец Шервану. – Поедем, я тебе кое-что покажу.

Они свернули с тропы и несколько часов ехали спиной к солнцу. Местность постепенно повышалась, и Шерван увидел, что они поднимаются вдоль гребня вершины, которая напоминала кинжал, нацеленный в самое сердце Страны Вечной Тени. Стало слишком круто для их коней, тогда они соскочили и оставили животных на попечение слуг.

– Можно обойти кругом, – объяснил Шервал, – но лезть напрямик быстрее, чем вести коней в обход.

Вершина была хоть и крутая, но не очень высокая, и они за несколько минут поднялись на нее. Сперва Шерван не заметил ничего необычного: та же самая дикая пересеченная страна, только чем дальше от Трилорна, тем мрачнее и суровее.

Он в замешательстве повернулся к отцу, но Шервал поднял руку, указывая на юг, и пальцем отчеркнул линию горизонта.

– Это не сразу рассмотришь, – тихо произнес он. – Мой отец показал мне как раз отсюда, за много лет до того, как ты родился.

Напрягая зрение, Шервал всматривался в сумрак. Небо на юге было темное, почти черное там, где встречалось с краем земли.

А впрочем, нет, не встречалось: вдоль горизонта, разделяя землю и небо, широкой дугой протянулась полоса еще более густого мрака, черная, как ночь, которой Шерван не знал.

Долго и пристально глядел он на эту полосу, и, видимо, в душу Шервана вкралось предчувствие, потому что угрюмый край вдруг словно ожил, маня его. И когда он наконец оторвал взгляд от черной полосы, то – хоть и был слишком юн, чтобы истолковать загадочный зов, – знал: отныне все будет представляться ему в ином свете.

Ранней весной он простился с родными и в сопровождении слуг направился через горы в великие страны восточного мира. Здесь Шерван встретил людей одной с ним крови, и здесь он изучил историю своего народа, узнал искусства и ремесла, уходящие корнями в древность, науки, направляющие жизнь людей. В местах учения он завязывал дружбу с юношами, что прибыли из стран, лежащих еще дальше на восток; дружба была короткой, но одному из этих молодых людей суждено было сыграть неожиданно большую роль в жизни Шервана.

Отец Брейлдона был прославленный зодчий, однако

сын явно готовился превзойти его. Он путешествовал из страны в страну и непрестанно учился, наблюдал, задавал вопросы. И хотя он был всего несколькими годами старше Шервана, но бесконечно больше него знал о мире, – во всяком случае, так казалось Шервану.

Беседуя, они весь мир разбирали на составные части, и собирали вновь так, как хотелось им. Брейлдон мечтал о городах с широкими проспектами и величественными башнями, которые затмят все чудеса прошлого; Шерван занимала судьба людей, которым предстояло населять эти города, устройство их жизни.

Они часто говорили о Стене; Брейлдон знал о ней из преданий своего народа, но сам ее не видел. Далеко-далеко на юге, за всеми странами – как в том убедился Шерван – тянется она подобно могучему барьеру, окаймляя Страну Вечной Тени. Летом можно было ее достигнуть, хотя и с превеликим трудом, но проникнуть за Стену невозможно, и никому не ведомо, что лежит за ней. Сама будто целый мир, сплошная, без единого уступа, стократ выше человека, она пересекает неприветливое море, омывающее берега Страны Вечной Тени. Путники, едва согреваемые последними бледными лучами Трилорна, достигали этих пустынных берегов и видели, как Стена вздымается из воды, равнодушная к волнам, омывающим ее подножье. И на других далеких берегах другие путники видели, как она шагает через океан, смыкаясь в сплошное кольцо в своем кругосветном обхвате.

– Один из братьев моего отца, – рассказывал Брейлдон, – в молодости ходил до Стены. Он побился об заклад и десять дней ехал верхом, чтобы достичь ее. Огромная, хо-

лодная, она вызвала в нем страх. Он не мог сказать, из металла она или из камня, и, когда он кричал, эха не было, звук голоса затухал, словно Стена его поглощала. У нас есть поверье, что там край света и дальше ничего нет.

– Будь это так, – возразил Шерван очень рассудительно, – океан хлынул бы через край, прежде чем построили Стену.

– А если Стену воздвиг Кайрон, когда сотворил мир?

Но Шерван стоял на своем:

– У нас верят, что Стена создана людьми, возможно мастерами Первой Династии, они ведь делали такие замечательные вещи. Если у них вправду были корабли, способные достигнуть Огненной Страны – даже летать! – они, наверное, обладали достаточной мудростью, чтобы построить Стену.

Брейлдон пожал плечами.

– Видимо, у них была на то причина, – сказал он. – Но мы все равно не узнаем ответа, так зачем ломать себе голову?

Шерван уже успел убедиться, что у обыкновенных людей он, кроме этого разумного практического совета, ничего не почерпнет; только мыслителей занимают вопросы, на которые нет ответа. Большинство людей совершенно безучастно относилось к загадке Стены, как и к загадке жизни. А философы, коих он встречал, отвечали ему каждый раз по-своему.

Начать с Грейла, к которому он обратился, возвратившись из Страны Вечной Тени. Старик спокойно поглядел на Шервана и сказал:

– За Стеной, насколько мне известно, кроется только одно безумие.

Был он и у Артекса, древнего старца, который едва расслышал взволнованный голос юноши. Старец долго смотрел на Шервана из-под опущенных век чересчур утомленных, чтобы открываться полностью, наконец ответил.

– Кайрон воздвиг Стену на третий день сотворения мира. А что за ней, мы узнаем, когда умрем, ибо туда уходят души умерших.

Однако Ирген, живший в том же городе, сказал совсем иное.

– Только память может ответить на твой вопрос, сын мой. Ибо за Стеной находится страна, где мы обитали до нашего рождения.

Кому верить? Ясно: ответ неизвестен никому из них. Даже если его когда-то знали, это знание утрачено много веков назад.

Но хотя поиски Шервана были бесплодными, он приобрел немало знаний за год учения. И когда вновь наступила весна, он попрощался с Брейлдоном и другими друзьями, с которыми только-только успел сблизиться, и по древней дороге направился домой, на родину. Опять совершил он трудный переход через высокий перевал в горах, где сверху угрожающе свисали глыбы льда. Дальше Шерван достиг того места, откуда извилистая дорога снова шла под уклон, спускаясь к людям. Здесь было тепло, струились шумные потоки и не перехватывало дыхание от морозного воздуха, и отсюда, с уступа, после которого дорога устремлялась вниз, в долину, открывался вид на предгорья и на равнину, вплоть до мерцающего вдали океана. И там, у края неба, взгляд Шервана различил во мраке смутную тень – его родину.

Он спускался по могучему каменному ребру, пока не достиг моста, перекинутого людьми через теснину еще в древности, когда землетрясение разрушило единственную в этих горах дорогу. Но мост исчез: весенние бури и лавины снесли одну из могучих опор, и чудесная металлическая радуга обратилась в груду лома, омываемую неистовым пенистым потоком на дне тысячефутовой пропасти. Только к концу лета путь будет открыт опять…

Поворачивая обратно, опечаленный Шерван знал, что пройдет еще год, прежде чем он сможет увидеть родной дом.

Долго простоял он на верхнем изгибе дороги, глядя на недосягаемую страну, где находилось все, что дорого его сердцу.

Но вот сгустившийся туман скрыл ее, и Шерван решительно двинулся к перевалу. Равнина исчезла из виду, снова его со всех сторон обступили горы.

Брейлдон еще был в городе, когда вернулся Шерван; он удивился и обрадовался, увидев друга. Вместе они обсудили, чем заполнить предстоящий год. Родичи Шервана успели привязаться к своему гостю и были только рады ему, однако он без воодушевления выслушал их совет посвятить еще год учению.

Замысел Шервана постепенно созревал вопреки всем препятствиям. Даже Брейлдон на первых порах колебался, и понадобились долгие уговоры, чтобы привлечь его на свою сторону. Зато после этого нетрудно было добиться согласия всех остальных, от кого зависит успех.

Близилось лето, когда двое юношей выехали в путь,

направляясь в страну Брейлдона. Они торопили коней, потому что путь был долгий, и его надо было завершить до того, как Трилорн начнет клониться к горизонту, возвещая приход зимы. Достигнув мест, знакомых Брейлдону, они стали расспрашивать жителей, и те сперва только кивали, но в конце концов дали точные ответы, и вскоре друзья очутились в Стране Вечной Тени. А затем Шерван во второй раз в жизни увидел Стену.

Когда она предстала их глазам, высясь над пустынной, скудной равниной, то казалось – до нее не так уж далеко. Однако пришлось еще очень долго ехать по равнине, прежде чем Стена заметно приблизилась. Зато потом вдруг оказалось, что они почти у ее подножия; невозможно было определить расстояние, пока не подойдешь вплотную к Стене.

Глядя на черную поверхность, столь сильно занимавшую его мысли, Шерван чувствовал, что она словно зависает над ним, готовая упасть и сокрушить его своей тяжестью. Лишь с трудом он оторвал взгляд от гипнотического зрелища и подъехал еще ближе, чтобы понять, из чего сложена Стена.

Как и говорил Брейлдон, она была холодная на ощупь, холоднее, чем можно было ожидать. Не мягкая и не твердая; ее покров каким-то непонятным образом ускользал от осязания. У Шервана было такое чувство, будто что-то мешает ему по-настоящему дотронуться до поверхности; и, однако же, он не видел никакого просвета между Стеной и своими пальцами, когда прижимал их к ней. Всего удивительнее была жуткая тишина, о которой рассказывал дядя Брейлдона: каждое слово тонуло, всякий звук затухал с неестественной быстротой.

Брейлдон снял с вьючных коней привезенный инструмент и принялся исследовать поверхность Стены. Очень скоро он убедился, что ни сверло, ни долото не оставляют на ней никакого следа. И Брейлдон согласился с Шерваном: Стена не только несокрушима – она недосягаема.

С досадой взял он, наконец, совершенно прямую металлическую линейку и приложил ее ребром к Стене. Шерван зеркалом направил на черту соприкосновения отраженный свет тускнеющего Трилорна, а Брейлдон смотрел с другой стороны линейки. Так и есть: чрезвычайно тонкая сплошная полоска света просачивалась между двумя поверхностями.

Брейлдон задумчиво взглянул на друга.

– Шерван, – сказал он, – мне сдается, Стена сделана из неизвестной материи.

– Тогда, быть может правы легенды, говоря, что ее никто не воздвигал, что она сразу появилась в таком виде.

– Мне тоже так кажется, – ответил Брейлдон. – Мастера Первой Династии могли решать такие задачи. В моей стране есть очень древние здания, будто разом отлитые из вещества, на котором незаметно никаких следов износа. Будь они черные, а не цветные, я бы сказал, что тот материал очень похож на вещество Стены.

Он убрал бесполезный инструмент и стал устанавливать переносной теодолит.

– Если больше ничего не выходит, – сказал он, криво усмехаясь, – то хоть ее высоту определю!

Когда они, возвращаясь, в последний раз оглянулись на Стену, Шерван думал о том, что вряд ли он увидит ее вновь.

Больше ничего не выведаешь, остается только забыть свою нелепую мечту когда-нибудь раскрыть ее секрет… А может быть, никакого секрета и нет, может быть за Стеной снова тянется Страна Вечной Тени, огибая планету, пока с другой стороны опять не упрется в Стену. Да, скорее всего, так и есть. Но если это так, то зачем она сооружена и кем?

Усилием воли, чуть ли не сердясь, он отогнал прочь эти мысли и пришпорил коня навстречу Трилорну, размышляя о будущем, в котором Стене отводилось не больше места, чем в жизни любого человека.

Итак, два года минуло, прежде чем Шерван смог вернуться на родину. За два года, особенно когда вы молоды, многое забывается, тускнеют даже самые дорогие сердцу образы, и трудно представить их себе отчетливо. Когда Шерван, выехав из предгорий, вновь очутился в стране своего детства, радость смешивалась в его душе со странной печалью. Забыто много такого, что некогда казалось ему навеки запечатленным в памяти…

Весть о возвращении Шервана опередила его, и вот уже он видит вдали скачущих навстречу коней. Он и сам поехал быстрее, надеясь, что это Шервал; оказалось, однако, что кавалькаду возглавляет Грейл.

Шерван остановил коня, как только старик поравнялся с ним.

Грейл положил руку юноше на плечо, но отвернулся и заговорил не сразу.

Вот тогда Шерван узнал, что прошлогодние бури разрушили не только мост: молния разбила вдребезги его отчий дом. Задолго до назначенного часа все земли, принад-

лежавшие Шервалу, перешли во владение сына. И не только они: ведь пламя пало на большой дом, когда в нем собрались на ежегодную встречу все члены семьи. Так в одно мгновение весь край от гор до океана стал собственностью Шервана. Он оказался самым богатым человеком на памяти людей и все это богатство Шерван охотно отдал бы за то, чтобы еще раз взглянуть в спокойные серые глаза отца, которого ему не суждено было больше увидеть.

Трилорн уже много раз совершил свой годичный путь в небесах с тех пор, как Шерван на дороге у подножья гор расстался с детством. Все эти годы страна процветала; земли, что вдруг перешли к Шервану, постоянно росли в цене. Он рачительно управлял ими, и теперь у него снова появилось время мечтать.

Больше того, он располагал средствами, чтобы осуществить свою мечту.

Из-за гор часто доходили вести о работах, которыми руководил Брейлдон в стране на востоке, и хотя друзья юности не встречались, они постоянно обменивались посланиями. Брейлдон достиг заветных целей: не только начертил планы двух крупнейших зданий, воздвигнутых со времен древности, но задумал построить целый город – правда, он не рассчитывал, что это будет завершено при его жизни. Слыша все эти новости, Шерван вспоминал мечты своей юности, и мысли его вновь и вновь обращались к тому дню, когда друзья стояли вместе перед могучей Стеной. Долго он боролся с собой, боясь понапрасну пробудить старые стремления. Но в конце концов он решился и написал письмо Брейлдону; ибо что толку от могущества и богатства, если их не использовать для осуществления мечты?

И Шерван стал ждать ответа, беспокоясь: уж не забыл ли Брейлдон за все эти годы, увенчавшие его славой, о былом. Ему не пришлось ждать долго. Брейлдон сообщил, что не может прибыть тотчас, нужно довести до конца большие работы, но как только они будут завершены, он приедет. Шерван задал ему достойную задачу – ее выполнение сулило зодчему высшую радость, какую ему когда-либо довелось испытать.

Брейлдон прибыл в начале лета; Шерван встречал на дороге ниже моста. Они были юношами, когда расставались, теперь уже почти достигли средних лет, и все-таки, приветствуя друг друга, оба чувствовали себя так, словно и не было долгой разлуки, и каждый, глядя на друга, втайне радовался тому, сколь бережно Время коснулось знакомых черт.

Много дней они совещались, обсуждая составленный Брейлдоном план. Замысел был обширнейший, рассчитанный на много лет упорного труда, но вполне доступный для такого богатого человека, как Шерван. Прежде чем сказать последнее слово, он повел друга к Грейлу.

Старик уже несколько лет жил в маленьком доме, который построил для него Шерван. Он давно отдалился от высших кругов, однако всегда был готов помочь советом, и советы его оставались неизменно мудрыми.

Грейл знал, для чего приехал Брейлдон, и не удивился, когда архитектор развернул перед ним свои чертежи. На самом большом чертеже был намечен профиль Стены, а рядом с ней от подножья возвышалась огромная пологая лестница. В шести местах, разделенных совершенно равным расстоянием, наклонная плоскость переходила в про-

сторные площадки; последняя из них немного не достигала верхней кромки Стены. По всей длине лестницы отходило десятка два аркбутанов[3], которые сперва показались Грейлу чересчур тонкими и хрупкими. Но затем он понял, что могучее сооружение будет главным образом опираться на собственное основание, а с одной стороны сама стена примет на себя боковой распор.

Некоторое время он молча рассматривал чертеж, наконец негромко заметил:

– Ты всегда умел настоять на своем, Шерван. Я должен был предвидеть, что кончится этим…

– Значит, ты одобряешь наш замысел? – спросил Шерван.

Он никогда не шел наперекор советам мудрого старца, и на этот раз ему хотелось получить его одобрение. Как обычно, Грейл заговорил о главном:

– Сколько это будет стоить?

Брейлдон ответил, на мгновение воцарилась выразительная тишина.

– Сюда входит, – поспешно добавил архитектор, – стоимость хорошей дороги через Страну Вечной Тени и жилищ для работников.

Лестница будет сложена примерно из миллиона одинаковых кирпичей. Если тщательно подогнать их, получится очень прочно. Я рассчитываю, что сырье для кирпичей мы найдем в Стране Вечной Тени.

---

[3] Аркбутан – наружная каменная полуарка, передающая распор тяжести сооружения опорным столбам – контрфорсам, расположенным за пределами основного объема сооружения.

Он тихо вздохнул.

– Конечно, я предпочел бы лестницу из соединенных вместе железных брусьев, но это станет еще дороже, ведь придется вести железо из-за гор.

Грейл изучил чертеж более тщательно.

– Почему вы останавливаетесь, не доходя до кромки? – спросил он.

Брейлдон перевел взгляд на Шервана, который ответил с некоторым замешательством:

– Я хочу один подняться на Стену. Последний кусок преодолею на подъемнике, мы установим его на верхней площадке. Один потому, что дальше может оказаться опасно.

Это была не единственная причина, но достаточно веская. За Стеной, как однажды сказал Грейл, человека подстерегает безумие. Если это так, то незачем еще кому-то подвергать себя опасности.

Снова заговорил Грейл спокойным, чуть ли не сонным голосом:

– В таком случае твой замысел не назовешь ни хорошим, ни дурным, ибо речь идет о тебе одном. Если Стену соорудили, чтобы от чего-то оградить наш мир, с той стороны все равно ничего не проникнет.

Брейлдон кивнул.

– Все это мы предусмотрели, – произнес он не без гордости. – Если понадобится, лестницу можно мгновенно уничтожить: мы заложили в самых уязвимых местах взрывчатое вещество.

– Хорошо, – ответил старик. – Хоть я и не верю всем этим россказням, лучше быть начеку. Надеюсь, я еще буду

жив, когда вы закончите работу. А теперь попытаюсь вспомнить, что я слышал о Стене, когда сам был таким же молодым, каким был ты, Шерван, когда впервые спросил меня о ней.

Еще до начала зимы провели дорогу к Стене и начали строить жилища для работников. Большую часть того, в чем нуждался Брейлдон, было легко раздобыть, в Стране Вечной Тени было изобилие всякого камня. Он успел также обмерить Стену и выбрать место для лестницы. К тому времени, когда Трилорн стал спускаться к горизонту, Брейлдон с удовлетворением подвел итог сделанному.

К следующему лету были изготовлены, испытаны и одобрены Брейлдоном первые большие кирпичи; в том же году их сделали несколько тысяч и до зимы начали класть основание. Брейлдон оставил за себя надежного человека и возвратился на родину к прерванным там работам. Когда будет приготовлено вдоволь кирпичей, он приедет опять, а до тех пор в его надзоре нет нужды.

Шерван дважды или трижды в год отправлялся верхом к Стене, наблюдал, как вырастают пирамиды готовых кирпичей. А через четыре года вместе с ним туда снова приехал Брейлдон. Вдоль Стены поползли вверх ряды кладки, один за другим изогнулись в воздухе стройные аркбутаны. Поначалу лестница росла медленно, но чем уже она становилась, тем быстрее тянулась ввысь. Треть года длился вынужденный перерыв, и в тревожные зимние месяцы Шерван не раз стоял возле рубежей Страны Вечной Тени, прислушиваясь к бешенному вою ветра в гулком мраке. Но Брейлдон строил надежно, и каждую весну оказывалось, что постройка стоит невредимая, точно она готовилась поспорить незыблемостью с самой Стеной.

Последние кирпичи легли на место через семь лет после начала работ. Стоя в миле от Стены, чтобы видеть постройку в целом, Шерван с удивлением думал, что это вышло из нескольких чертежей, которые показывал ему Брейлдон. И он ощутил нечто вроде того, что испытывает художник, осуществив заветный замысел. А еще он вспомнил день, когда мальчиком, стоя рядом с отцом, впервые увидел Стену вдали, на фоне сумеречного неба Страны Вечной Тени.

Верхняя площадка была огорожена, но Шерван не стал подходить к краю. Стараясь не думать о головокружительной высоте, он помог Брейлдону и работникам установить несложный подъемник, который должен был поднять его на остающиеся двадцать футов. И когда все было сделано, Шерван стал на платформу и, призвав на помощь все свое самообладание, повернулся к друзьям.

– Я всего на несколько минут, – сказал он с напускной небрежностью. – Что бы я не нашел, вернусь немедленно.

Мог ли он знать, что у него просто не будет выбора.

Грейл к этому времени уже почти ослеп и не надеялся дожить до следующей весны. Но он узнал приближающиеся шаги и окликнул Брейлдона по имени прежде, чем тот успел заговорить.

– Я рад, что ты пришел, – сказал он. – Я размышлял обо всем, что вы мне говорили, и мне кажется, я теперь знаю истинный ответ. Возможно, и вы его уже угадали.

– Нет, – ответил Брейлдон. – Я боялся об этом думать.

Старик чуть улыбнулся.

– Зачем бояться что-то лишь потому, что оно необыч-

но? Стена замечательна, но в ней нет ничего страшного для того, кто готов бестрепетно бросить вызов ее тайне. Когда я был мальчиком, Брейлдон, мой старый учитель однажды сказал мне, что время не может уничтожить истину, может только скрыть ее под покровом легенд. Он был прав. Из всех мифов, повествующих о Стене, я извлек зерна истины… Давным-давно, Брейлдон, в пору расцвета Первой Династии, Трилорн давал больше тепла, чем теперь, и Страна Вечной тени была плодородна и обитаема – какой, возможно, станет Огненная Страна, когда Трилорн еще больше состарится и потускнеет. В то время никакая Стена не преграждала людям путь на юг. И многие, видимо шли туда в поисках новых земель. А там с ними происходило то же, что с Шерваном, и у людей мутился рассудок. Число жертв было так велико, что ученые первой династии воздвигли Стену, чтобы обуздать безумие. Мне-то это кажется неправдоподобным, но легенды утверждают, что Стена была создана в один день, без применения труда, из облака, которое опоясало весь мир…

Грейл впал в задумчивость, и Брейлдону не хотелось ему мешать. Мысленно он перенесся в далекое прошлое и родная планета представлялась ему в виде парящего в космосе шара, вдоль экватора которого сгущался созданный Древними обруч мрака.

И хотя этот образ был неверен в самом главном, Брейлдон после так и не смог совершенно забыть его.

По мере того как уходили вниз последние футы Стены, Шервану пришлось собрать все свое мужество, чтобы не закричать:

«Спускайте обратно!» Вспомнились страшные рассказы. Некогда он встречал их смехом, ибо в его роду не было суеверных, но вдруг они окажутся правдой, вдруг Стена и впрямь окажется создана для того, чтобы скрыть от мира нечто ужасное?

Шерван попытался выбросить из головы подобные мысли – ему это удалось, когда он поднялся над верхней кромкой Стены. В первый миг Шерван никак не мог осмыслить картину, представшую его глазам, затем он понял, что перед ним непрерывная черная поверхность, но протяженность ее определить невозможно.

Подъемник остановился; Шерван с восхищением отметил, сколь точны были расчеты Брейлдона. А затем, еще раз сказав напоследок что-то успокоительное ожидающим внизу, он ступил на Стену и решительно зашагал вперед.

На первый взгляд плоскость казалась бесконечной, он не мог даже различит, где она смыкается с небом. Однако Шерван продолжал упорно идти вперед, обратившись спиной к Трилорну.

Жаль, что нельзя узнать направление по собственной тени: она терялась во мраке под ногами.

Что-то не так, отметил Шерван, с каждым шагом кругом все темней и темней… Встревоженный, он обернулся назад и увидел, что диск Трилорна стал бледным и мутным, точно он смотрел на него через закопченное стекло. Но это еще не все: с нарастающим чувством тревоги Шерван понял, что Трилорн меньше того солнца, которое он знал всю жизнь.

Он сердито, упрямо тряхнул головой. Вздор, игра воображения.

Все это настолько не отвечало всему его жизненному опыту, что страх каким-то образом исчез, и Шерван, еще раз оглянувшись на солнце, решительно пошел дальше.

Но когда Трилорн обратился в точку, и Шервана со всех сторон обступил густой мрак, пришла пора отбросить притворство.

Более рассудительный человек тут бы и повернул обратно; Шерван, словно в кошмаре, увидел себя затерявшимся в вечном сумраке между землей и небом, бессильный одолеть обратный путь – путь к безопасности. Затем он вспомнил, что покуда хоть немного виден Трилорн, ему ничего не грозит.

Уже не так бодро Шерван продолжал путь, поминутно озираясь на едва приметный свет. Диск Трилорна скрылся, на его месте осталось лишь слабое зарево в небесах. И вдруг исчезла надобность в этом маяке: далеко впереди виднелся на небосводе другой свет.

Сперва Шерван уловил чуть заметное, неверное сияние, и, когда он удостоверился, что это не обман зрения, Трилорн окончательно погас. Но теперь он уже чувствовал себя увереннее.

С каждым шагом свет становился ярче, и его страхи поумерились.

Когда он увидел, что идет навстречу другому солнцу, когда стало совершенно очевидно, что оно растет, как незадолго перед тем уменьшался Трилорн, Шерван заставил себя не удивляться.

Сейчас – только наблюдать, запоминать. Осмысливать он будет потом. В конце концов, можно же представить себе, что в его мире два солнца, каждое из которых освещает свою сторону мира.

Наконец Шерван сквозь мрак различил черную линию, обозначающую край Стены. Скоро он будет первым человеком за много тысяч лет, если не вообще первым человеком, который увидит страну, отделенную Стеной от его мира. Так ли она прекрасна, как его родина, есть ли там люди, встреча с которыми принесет ему радость?..

Мог ли он предвидеть – кто и как его будет ждать!

Грейл протянул руку к шкафу и нащупал большой лист бумаги, лежащий сверху. Брейлдон молча ждал; старик снова заговорил:

– Как часто мы слышим суждения о протяженности вселенной, есть ли у нее границы! Космос представляется нам бесконечным, однако наша мысль восстает против представления о бесконечности. Некоторые философы предположили, что космос ограничен кривизной в некоем высшем измерении. Ты, конечно, слышал об этой догадке. Она верна, быть может для других вселенных, если они существуют, для нас же ответ более прост.

Вдоль линии, обозначенной Стеной, Брейлдон, наш мир кончается и не кончается. Пока не воздвигли Стену, не было рубежа, не было ничего, что мешало бы идти вперед. Стена – барьер, созданный человеком и наделенный свойствами среды, в которой он расположен. Эти свойства всегда существовали, Стена не внесла ничего нового.

Он поднял листок бумаги и медленно повернул его.

– Вот… – сказал он Брейлдону, – плоский лист. У него разумеется *две* стороны. Можешь ты представить себе лист *без* двух сторон?

Брейлдон удивленно воззрился на него.

– Это невозможно… смехотворно!

– Так ли? – мягко сказал Грейл.

Он еще раз протянул руку к шкафу, взял из ящика длинную полоску бумаги и обратил взгляд на молчаливо ожидающего Брейлдона.

– Мы не можем сравниться умом с людьми Первой Династии, но что они понимали прямо, мы можем постичь сопоставлением. Простой фокус, по видимости такой ненаучный, поможет приблизиться тебе к пониманию.

Он провел пальцами вдоль бумажной полоски, затем соединил ее концы так, что получилось замкнутое кольцо.

– Ты видишь нечто очень знакомое тебе – часть цилиндра. Я провожу пальцем с внутренней стороны… вот так. Теперь с наружной стороны. Две раздельные поверхности, перейти с одной стороны на другую можно только через толщину полоски. Согласен?

– Разумеется, – сказал Брейлдон, все еще озадаченный. – Но что это доказывает?

– Ничего, – ответил Грейл. – Однако, смотри теперь…

Шерван сказал себе, что новое солнце – двойник Трилорна.

Мрак совершенно рассеялся, и у него уже не было необъяснимого ощущения, что он идет по бесконечной плоскости.

Шерван пошел медленнее, ему вовсе не хотелось вдруг очутиться на краю головокружительного обрыва. А затем на горизонте показались низкие холмы, такие же голые и бесплодные, как те, которые он оставил позади. Это его не обескуражило: ведь первое впечатление от собственной страны было бы не более отрадным.

И Шерван продолжал идти. Вдруг словно ледяная рука сжала его сердце, но он не остановился, как поступил бы на его месте менее храбрый человек. Полный прежней решимости, он смотрел на потрясающе знакомый ландшафт впереди… Вот и равнина, откуда он начал свое восхождение, вот огромная лестница, и вот, наконец, озабоченное лицо ожидающего его Брейлдона.

Грейл снова соединил вместе концы бумажной полоски, но сперва один раз перекрутил ее.

– Проведи теперь пальцем, – тихо сказал Грейл.

Брейлдон не стал этого делать, он и без того понял, что подразумевает старый мудрец.

– Я понимаю, – произнес он. – Больше нет двух раздельных плоскостей. Теперь – одна сплошная поверхность, *односторонняя плоскость*, хотя на первый взгляд это кажется совершенно невозможным.

– Да, – мягко ответил Грейл. – Я так и думал, что ты поймешь. *Односторонняя плоскость*. Может быть, тебе теперь ясно, почему в древних религиях так распространен символ перекрученной петли, хотя смысл ее был совершенно утрачен. Разумеется, это всего-навсего грубая, упрощенная аналогия, пример в двух измерениях того, что существует в трех. Но это наибольшее приближение к истине, на какое способен наш разум.

Долго стояла задумчивая тишина. Грейл глубоко вздохнул и повернулся к Брейлдону, будто все еще мог видеть его лицо.

– Почему ты возвратился прежде Шервана? – спросил он, хотя отлично знал ответ.

– Мы вынуждены были сделать это, – печально произнес Брейлдон, – но я не мог смотреть, как разрушают мое творение…

Грейл сочувственно кивнул.

– Понимаю…

Шерван скользнул взглядом вдоль длинной череды ступеней, по которым не суждено было больше ступать никому. Ему не в чем упрекнуть себя: он сделал все, никто на его месте бы не добился большего. Он победил, насколько тут вообще можно говорить о победе.

Он медленно поднял руку, подавая знак. Стена поглотила взрыв, как поглощала все звуки, но Шерван на всю жизнь запомнил неспешную грацию, с какой длинные пролеты кладки надломились и рухнули вниз. На миг ему с мучительной отчетливостью представилось странное видение: другая лестница на глазах у другого Шервана распадается на такие же обломки по ту сторону Стены.

Но он сам понимал, сколь нелепа эта мысль: ибо кто лучше его мог знать, что у Стены нет другой стороны.

ИЗ КОНТРРАЗВЕДКИ

Часто можно услышать, будто бы в наш век поточных линий и массового производства полностью изжил себя кустарь-умелец, искусный мастер по дереву и металлу, чьими руками создано столько прекрасных творений прошлого. Утверждение скороспелое и неверное. Разумеется, теперь умельцев стало меньше, но они отнюдь не перевелись совсем. И как бы ни менялась профессия кус-

таря, сам он благополучно, хотя и скромно, здравствует. Его можно найти даже на острове Манхэттен, нужно только знать, где искать. В тех кварталах, где арендная плата мала, а противопожарные правила и вовсе отсутствуют, в подвале жилого дома или на чердаке заброшенного магазина приютилась его крохотная, загроможденная всяким хламом мастерская. Пусть он не делает скрипок, часов с кукушкой, музыкальных шкатулок – он такой же умелец, каким был всегда, и каждое изделие, выходящее из его рук, неповторимо. Он не враг механизации: под стружками на его верстаке вы обнаружите рабочий инструмент с электрическим приводом. Это вполне современный кустарь. И он всегда будет существовать, мастер на все руки, который, сам того не подозревая, творит подчас бессмертные произведения.

Мастерская Ганса Мюллера занимала просторное помещение в глубине бывшего пакгауза неподалеку от Куинсборо-Бридж. Окна и двери здания были заколочены, оно подлежало сносу, и Ганса вот-вот могли попросить.

Единственный ход в мастерскую вел через запущенный двор, который днем служил автомобильной стоянкой, ночью – местом сборищ юных правонарушителей. Впрочем, они не причиняли мастеру никаких хлопот, так как он умел прикинуться несведущим, когда являлась полиция. В свою очередь, полицейские отлично понимали деликатность положения Ганса Мюллера и не слишком-то на него наседали; таким образом, у него со всеми были хорошие отношения. И это вполне устраивало сего миролюбивого гражданина.

Работа, которой теперь был занят Ганс, весьма озада-

чила бы его баварских предков. Десять лет назад он и сам был бы удивлен. А началось все с того, что один прогоревший клиент принес ему в уплату за выполненный заказ вместо денег телевизор…

Ганс без особой охоты принял это вознаграждение. И не потому, что причислял себя к людям старомодным, не приемлющим телевидения. Просто он не представлял себе, когда сможет выбрать время, чтобы смотреть в эту треклятую штуку. «Ладно, – решил Ганс, – в крайнем случае продам кому-нибудь, уж пятьдесят-то долларов всегда получу. Но сперва стоит все-таки взглянуть, что за программы они показывают…»

Он повернул ручку, на экране появились движущиеся картинки, и Ганс Мюллер, подобно миллионам до него, пропал. В паузах между рекламами ему открылся мир, о существовании которого он не подозревал, – мир сражающихся космических кораблей, экзотических планет и странных народов, мир капитана Зиппа, командира «Космического легиона». И лишь когда нудное описание достоинств чудо-каши «Кранч» сменилось почти столь же нудным поединком двух боксеров, которые явно заключили пакт о ненападении, он стряхнул с себя чары.

Ганс был простодушный человек. Он всегда любил сказки, а это были современные сказки, к тому же с чудесами, о которых братья Гримм не могли и мечтать. Так получилось, что Ганс Мюллер раздумал продавать телевизор.

Прошла не одна неделя, прежде чем поунялось его первоначальное наивное восхищение. Теперь Ганс уже критическим взором смотрел на обстановку и меблировку

телевизионного мира будущего. Он был в своей области художником и отказывался верить, что через сто лет вкусы деградируют до такой степени. Воображение заказчиков рекламной передачи удручало его.

Ганс был весьма невысокого мнения и об оружии, которым пользовались капитан Зипп и его враги. Нет, он не пытался понять принцип действия портативного дезинтегратора, его смущало только, почему этот дезинтегратор непременно должен быть таким громоздким. А одежда, а интерьеры космических кораблей? Они выглядят неправдоподобно! Откуда он мог это знать? Гансу всегда было присуще чувство целесообразности, оно тотчас заявило о себе и в этой новой для него области.

Мы уже сказали, что Ганс был простодушным человеком. Но простаком его нельзя было назвать. Прослышав, что на телевидении платят хорошие деньги, мастер сел за свой рабочий стол.

Даже в том случае, если бы автор декораций и костюмов к постановкам о капитане Зиппе не сидел уже в печенках у продюсера, идеи Ганса Мюллера произвели бы впечатление. Его эскизы отличались небывалой достоверностью и реализмом, в них не было ни грамма той фальши, которая начала раздражать даже самых юных поклонников капитана Зиппа. Контракт был подписан незамедлительно.

Правда, Ганс предъявил свои условия. Он трудился из любви к искусству; обстоятельство, которое не могло поколебать даже то, что он при этом зарабатывал больше денег, чем когда-либо прежде за всю свою жизнь. И Ганс заявил, что, во-первых, ему не нужны никакие помощники, во-вторых, он будет работать в своей маленькой мастер-

ской. Его дело поставлять эскизы и образцы. Массовое изготовление может происходить в другом месте; он *кустарь*.

Все шло как нельзя лучше. За шесть месяцев капитан Зипп совершенно преобразился и стал предметом зависти всех постановщиков «космических опер». В глазах зрителей это были уже не спектакли о будущем, а само будущее. Новый реквизит вдохновил даже актеров. После спектаклей они часто вели себя как путешественники во времени, внезапно перенесенные в далекую старину и чувствующие страшную неловкость из-за отсутствия самых привычных предметов обихода.

Ганс об этом не знал. Он продолжал увлеченно работать, отказываясь встречаться с кем-либо, кроме продюсера, и решая все вопросы по телефону.

Он по-прежнему смотрел телевизионные передачи, и это позволяло ему проверять, не искажают ли там его идеи. Единственным наглядным знаком связей Ганса Мюллера с отнюдь не фантастическим миром коммерческого телевидения был стоящий в углу мастерской ящик маисовых хлопьев «Кранч», дар благодарного заказчика рекламы. Ганс честно проглотил одну ложку чудо-каши, после чего с облегчением вспомнил, что ему платят деньги не за то, чтобы он ел это варево…

В воскресенье поздно вечером Ганс Мюллер заканчивал образец нового гермошлема; вдруг он почувствовал, что в мастерской есть еще кто-то. Он медленно повернулся к двери. Она ведь была заперта, как они ухитрились открыть ее так бесшумно? Возле двери, глядя на него, неподвижно стояли двое. Ганс почувствовал, как сердце

уходит в пятки, и поспешно мобилизовал все свое мужество. Хорошо еще, что здесь хранится только малая часть его денег. А может быть, это как раз плохо? Еще разъярятся…

– Кто вы? – спросил он. – Что вам здесь надо?

Один из вошедших направился к нему, второй остался стоять у двери, не сводя глаз с мастера.

Оба были в новых пальто, низко надвинутые на лоб шляпы не позволяли разглядеть лиц. «Слишком хорошо одеты, – сказал себе Ганс, – чтобы быть заурядными грабителями».

– Не волнуйтесь, мистер Мюллер, – ответил первый незнакомец, легко читая его мысли. – Мы не бандиты, мы представители власти. Из контрразведки.

– Не понимаю.

Незнакомец сунул руку в спрятанный под пальто портфель и извлек пачку фотографий. Порывшись среди них, он вынул одну.

– Вы причинили нам немало хлопот, мистер Мюллер. Две недели мы разыскивали вас, ваши работодатели никак не хотели давать нам адрес. Прячут вас от конкурентов. Так или иначе, мы здесь и хотели бы задать вам несколько вопросов.

– Я не шпион! – возмущенно ответил Ганс, смекнув о чем идет речь. – У вас нет никакого права! Я лояльный американский гражданин!

Гость игнорировал эту вспышку. Он показал Гансу фотографию.

– Узнаете?

– Да. Это интерьер космического корабля капитана Зиппа.

– Он придуман вами?

– Да.

Еще одна фотография.

– А это?

– Это марсианский город Палдар, вид с воздуха.

– Ваша собственная выдумка?

– Разумеется! – Гнев заставил Ганса забыть об осторожности.

– А это?

– Это протонное ружье. Разве плохо?

– Скажите, мистер Мюллер, все это ваши собственные идеи?

– Да, я не краду у других.

Первый незнакомец подошел к своему товарищу. Несколько минут они переговаривались так тихо, что Ганс ничего не мог разобрать. Наконец они как будто пришли к соглашению. Совещание кончилось прежде, чем Ганс сообразил, что не худо бы прибегнуть к помощи телефона.

– Очень жаль, – обратился к нему незнакомец, – но похоже, кто-то нарушил правила секретности. Возможно, это произошло чисто случайно, даже… э… неосознанно, но это не меняет дела. Мы обязаны провести дознание. Прошу следовать за нами.

Он сказал это так властно и строго, что Ганс покорно снял с вешалки пальто и стал одеваться. Полномочия гостя не вызывали у него никакого сомнения, он даже не попросил его предъявить документы.

Неприятно, конечно, но ему нечего бояться. Ганс вспомнил рассказ о писателе-фантасте, который еще в самом начале войны с поразительной точностью описал

атомную бомбу. Когда ведется столько исследований, подобные инциденты неизбежны. Интересно, какой секрет он разгласил, сам того не ведая?

Уже в дверях он оглянулся и окинул взглядом мастерскую и следующих за ним незнакомцев.

– Это нелепая ошибка, – сказал Ганс Мюллер. – Если я и показал в программе что-то секретное, то это чистое совпадение. Я никогда не делал ничего такого, что могло бы вызвать недовольство ФБР.

И тут впервые прозвучал голос второго незнакомца; он говорил на каком-то странном английском языке, с необычным акцентом.

– Что такое ФБР? – спросил он.

Ганс не слышал вопроса: он смотрел во все глаза на стоящий во дворе космический корабль.

ДЕВЯТЬ МИЛЛИАРДОВ ИМЕН

– Заказ необычный. – Доктор Вагнер старался говорить как можно степеннее. – Насколько я понимаю, мы первое предприятие, к которому обращаются с просьбой поставить автоматическую счетную машину для тибетского монастыря. Не сочтите меня любопытным, но уж очень трудно представить, зачем вашему… э… учреждению нужна такая машина. Вы не можете объяснить, что вы собираетесь с ней делать?

– Охотно, – ответил лама, поправляя складки шелкового халата и не спеша убирая логарифмическую линейку, с помощью которой производил финансовые расчеты. – Ваша электронная машина «Модель пять» выполняет лю-

бую математическую операцию над числами, вплоть до десятизначных. Но для решения *нашей* задачи нужны не цифры, а буквы. Вы переделаете выходные цепи, как мы вас просим, и машина будет печатать слова, а не числа.

– Мне не совсем ясно…

– Речь идет о проблеме, над которой мы трудимся уже три столетия, со дня основания нашего монастыря. Человеку вашего образа мыслей трудно это понять, но я надеюсь, вы без предвзятости выслушаете меня.

– Разумеется.

– В сущности, это очень просто. Мы составляем список, который включит в себя все возможные имена бога.

– Простите…

– У нас есть основания полагать, – продолжал лама невозмутимо, – что все эти имена можно записать с применением всего лишь девяти букв изобретенной нами азбуки.

– И вы триста лет занимаетесь этим?

– Да. По нашим расчетам, потребуется около пятнадцати тысяч лет, чтобы выполнить эту задачу.

– О! – Доктор Вагнер был явно поражен. – Теперь я понимаю, для чего вам счетная машина. Но в чем, собственно, смысл всей этой затеи?

Лама на мгновение замялся. «Уж не оскорбил ли я его?» спросил себя Вагнер. Во всяком случае, когда гость заговорил, ничто в его голосе не выдавало недовольства.

– Назовите это культом, если хотите, но речь идет о важной составной части нашего вероисповедания. Употребляемые нами имена Высшего Существа – Бог, Иегова, Аллах и так далее – всего-навсего придуманные человеком

ярлыки. Тут возникает довольно сложная философская проблема, не стоит сейчас ее обсуждать, но среди всех возможных комбинаций букв кроются, так сказать, действительные имена бога. Вот мы и пытаемся выявить их, систематически переставляя буквы.

– Понимаю. Вы начали с комбинации АААААА… и будете продолжать, пока не дойдете до ЯЯЯЯЯЯ…

– Вот именно. С той разницей, что мы пользуемся азбукой, которую изобрели сами. Заменить литеры в пишущем устройстве, разумеется, проще всего. Гораздо сложнее создать схему, которая позволит исключить заведомо нелепые комбинации. Например, ни одна буква не должна повторяться более трех раз подряд.

– Трех? Вы, конечно, хотели, сказать – двух.

– Нет, именно трех. Боюсь, что объяснение займет слишком много времени, даже если бы вы знали наш язык.

– Не сомневаюсь, – поспешил согласиться Вагнер. – Продолжайте.

– К счастью, вашу автоматическую счетную машину очень легко приспособить для нашей задачи. Нужно лишь правильно составить программу, а машина сама проверит все сочетания, и отпечатает итог. За сто дней будет выполнена работа, на которую у нас ушло бы пятнадцать тысяч лет.

Далеко внизу лежали улицы Манхеттена, но доктор Вагнер вряд ли слышал невнятный гул городского транспорта. Мысленно он перенесся в другой мир, мир настоящих гор, а не тех, что нагромождены рукой человека. Там, уединившись в заоблачной выси, эти монахи из поколения в поколение терпеливо трудятся, составляя списки ли-

шенных всякого смысла слов. Есть ли предел людскому безрассудству? Но нельзя показывать, что ты думаешь.

Клиент всегда прав.

– Несомненно, – сказал доктор, – мы можем переделать «Модель пять», чтобы она печатала нужные вам списки. Меня заботит другое – установка и эксплуатация машины. В наши дни попасть в Тибет не так-то просто.

– Положитесь на нас. Части не слишком велики, их можно будет перебросить самолетом. Вы только доставьте их в Индию, дальше мы сделаем все сами.

– И вы хотите нанять двух инженеров нашей фирмы?

– Да, на три месяца, пока не будет завершена программа.

– Я уверен, что они выдержат срок. – Доктор Вагнер записал что-то на блокноте. – Остается выяснить еще два вопроса…

Прежде чем он договорил, лама протянул ему узкую полоску бумаги.

– Вот документ, удостоверяющий состояние моего счета в Азиатском банке.

– Благодарю. Как будто… да, все в порядке. Второй вопрос настолько элементарен, я даже не знаю, как сказать… Но вы не представляете себе, сколь часто люди упускают из виду самые элементарные вещи. Итак, какой у вас источник электроэнергии?

– Дизельный генератор мощностью пятьдесят киловатт, напряжение 110 вольт. Он установлен пять лет назад и вполне надежен. Благодаря ему жизнь у нас в монастыре стала гораздо приятнее. Но вообще-то его поставили, чтобы снабжать энергией моторы, которые вращают молитвенные колеса.

– Ну, конечно, – подхватил доктор Вагнер. – Как я не подумал!

С балкона открывался захватывающий вид, но со временем ко всему привыкаешь. Семисотметровая пропасть, на дне которой распластались шахматные клеточки возделанных участков, уже не пугала Джорджа Хенли. Положив локти на сглаженные ветром камни парапета, он угрюмо созерцал далекие горы, названия которых ни разу не попытался узнать.

«Вот ведь влип! – сказал себе Джордж. – Более дурацкую затею трудно придумать!» Уже которую неделю «Модель пять» выдает горы бумаги, испещренной тарабарщиной. Терпеливо, неутомимо машина переставляет буквы, проверяет все сочетания, и, исчерпав возможности одной группы, переходит к следующей. По мере того, как пишущее устройство выбрасывает готовые листы, монахи тщательно собирают их и склеивают в толстые книги.

Слава Богу, еще неделя, и все будет закончено. Какие-такие расчеты убедили монахов, что нет надобности исследовать комбинации из десяти, двадцати, ста букв, Джордж не знал. И без того его по ночам преследовали кошмары: будто в планах монахов произошли перемены и верховный лама объявил, что программа продлевается до 2060 года… А что, они способны на это!

Громко хлопнула тяжелая деревянная дверь, и рядом с Джорджем появился Чак. Как обычно, он курил одну из своих сигар, которые помогли ему завоевать расположение монахов. Ламы явно ничего не имели против всех малых и большинства великих радостей жизни.

Пусть они одержимые, но ханжами их не назовешь. Частенько наведываются вниз, в деревню…

– Послушай, Джордж, – взволнованно заговорил Чак. – Неприятные новости!

– Что такое? Машина капризничает?

Большей неприятности Джордж не мог себе представить. Если начнет барахлить машина, это может, – о ужас! – задержать их отъезд. Сейчас даже телевизионная реклама казалась ему голубой мечтой. Все-таки что-то родное…

– Нет, совсем не то. – Чак сел на парапет; удивительный поступок, если учесть, что он всегда боялся обрыва. – Я только что выяснил, *для чего* они все это затеяли.

– Не понимаю. Разве нам это не известно?

– Известно, какую задачу поставили себе монахи. Но мы не знали для чего. Это такой бред…

– Расскажи что-нибудь поновее, – простонал Джордж.

– Старик верховный только что разоткровенничался со мной. Ты знаешь его привычку – каждый вечер заходит посмотреть, как машина выдает листы. Ну вот, сегодня он явно был взволнован – если его вообще можно представить себе взволнованным. Когда я объяснил ему, что идет последний цикл, он спросил меня на своем ломаном английском, задумывался ли я когда-нибудь, чего именно они добиваются. Конечно, говорю. Он мне и рассказал.

– Давай, давай, как-нибудь переварю.

– Ты послушай: они верят, что когда перепишут все имена бога, а этих имен, по их подсчетам, что-то около девяти миллиардов, – осуществится божественное предначертание. Род человеческий завершит то, ради чего был сотворен, и можно будет поставить точку. Мне вся эта идея кажется богохульством.

– И что же они ждут от нас? Что мы покончим жизнь самоубийством?

– В этом нет нужды. Как только список будет готов, Бог сам вмешается и подведет черту. Амба!

– Понял: как только мы закончим нашу работу, наступит конец света.

Чак нервно усмехнулся.

– То же самое я сказал верховному. И знаешь, что было? Он поглядел на меня так, словно я сморозил величайшую глупость, и сказал: «Какие пустяки вас заботят».

Джордж призадумался.

– Ничего не скажешь, широкий взгляд на вещи, – произнес он наконец. – Но что мы-то можем тут поделать? Твое открытие ничего не меняет. Будто мы и без того не знали, что они помешанные.

– Верно, но неужели ты не понимаешь, чем это может кончиться? Мы выполним программу, а судный день не наступит. Они возьмут, да нас обвинят. Машина-то наша. Нет, не нравится мне все это.

– Дошло, – медленно сказал Джордж. – Пожалуй, ты прав. Но ведь это не ново, такое и раньше случалось. Помню, в детстве у нас в Луизиане объявился свихнувшийся проповедник, твердил, что в следующее воскресенье наступит конец света. Сотни людей поверили ему, некоторые даже продали свои дома. А когда ничего не произошло, они не стали возмущаться, не думай. Просто решили, что он ошибся в своих расчетах, и продолжали веровать. Не удивлюсь, что некоторые из них до сих пор ждут конца света.

– Позволь напомнить, мы не в Луизиане. И нас двое, а

этих лам несколько сот. Они славные люди, и жаль старика, если рухнет дело всей его жизни. Н я все-таки предпочел бы быть где-нибудь в другом месте.

– Я об этом давно мечтаю. Но мы ничего не можем поделать, пока не выполним контракт, и за нами не прилетят.

– А что, если подстроить что-нибудь?

– Черта с два! Только хуже будет.

– Не торопись, послушай. При нынешнем темпе работы двадцать часов в сутки – машина закончит все в четыре дня. Самолет прилетит через неделю. Значит, нужно только во время очередной наладки найти какую-нибудь деталь, требующую замены. Так, чтобы оттянуть программу денька на два, не больше. Исправим, не торопясь. И если сумеем все верно рассчитать, мы будем на аэродроме в тот миг, когда машина выдаст последнее имя. Тогда им уже нас не перехватить.

– Не нравится мне твой замысел, – ответил Джордж. – Не было случая, чтобы я не довел до конца начатую работу. Не говоря уже о том, что они сразу заподозрят неладное. Нет уж, лучше дотяну до конца, будь что будет.

– Я и теперь не одобряю нашего побега, – сказал он семь дней спустя, когда они верхом на крепких горных лошадках ехали вниз по извилистой дороге. – И не подумай, что я удираю, потому что боюсь. Просто мне жаль этих бедняг, не хочется видеть их огорчения, когда они убедятся, что опростоволосились. Интересно, как верховный это примет?..

– Странно, – отозвался Чак, – когда я прощался с ним,

мне показалось, что он нас раскусил и отнесся к этому совершенно спокойно. Все равно машина работает исправно, и задание скоро будет выполнено. А потом… впрочем, в его представлении никакого «потом» не будет.

Джордж повернулся в седле и поглядел вверх. С этого места в последний раз открывался вид на монастырь. Приземистые угловатые здания четко вырисовывались на фоне закатного неба; тут и там, точно иллюминаторы океанского лайнера, светились огни. Электрические, разумеется, питающиеся от того же источника, что и «Модель пять». «Сколько еще продлится это сосуществование?» – спросил себя Джордж. Разочарованные монахи способны сгоряча разбить вдребезги вычислительную машину. Или они преспокойно начнут все свои расчеты сначала?..

Он ясно представлял себе, что в этот миг происходит на горе.

Верховный лама, и его помощники сидят в своих шелковых халатах, изучая листки, которые рядовые монахи собирают в книги. Никто не произносит ни слова. Единственный звук – нескончаемая дробь, как от вечного ливня: стучат по бумаге рычаги пишущего устройства. Сама «Модель пять» выполняет свои тысячу вычислений в секунду бесшумно. «Три месяца… – подумал Джордж. – Да тут кто угодно свихнется!»

– Вот он! – воскликнул Чак, показывая вниз, в долину. Правда, хорош?

«Правда», – мысленно согласился Джордж. Старый, видавший виды самолет серебряным крестиком распластался в начале дорожки. Через два часа он понесет их к свободе и разуму. Эту мысль хотелось смаковать, как

рюмку хорошего ликера. Джордж упивался ею, покачиваясь в седле.

Гималайская ночь почти настигла их. К счастью, дорога хорошая, как и все местные дороги. И у них есть фонарики.

Никакой опасности, только холод досаждает. В удивительно ясном небе сверкали знакомые звезды. «Во всяком случае, – подумал Джордж, – из-за погоды не застрянем». Это было единственное, что его еще тревожило.

Он запел, но вскоре смолк. Могучие, величавые горы с белыми шапками вершин не располагали к бурному проявлению чувств.

Джордж посмотрел на часы.

– Еще час, и будем на аэродроме, – сообщил он через плечо Чаку. И добавил чуть погодя:

– Интересно, как там машина – уже закончила? По времени – как раз.

Чак не ответил, и Джордж повернулся к нему. Он с трудом различил лицо друга – обращенное к нему белое пятно.

– Смотри, – прошептал Чак, и Джордж тоже обратил взгляд к небесам. (Все когда-нибудь происходит в последний раз.) Высоко над ними, тихо, без шума, одна за другой гасли звезды.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Это был один из тех несчастных случаев, в которых никого нельзя винить.

Ричард Нелсон в десятый раз спустился в генераторный колодец, чтобы снять показания термометра и удостове-

риться, что жидкий гелий не просачивается сквозь изоляцию. Впервые в мире был создан генератор, использующий сверхпроводимость. Витки огромного статора купались в гелиевой ванне, и сопротивление многих миль провода упало до такой величины, что никакие приборы не могли его обнаружить.

Нелсон с удовлетворением отметил, что температура не ниже расчетной. Изоляция делает своё дело, можно спокойно опускать в колодец ротор. Сейчас тысячетонный цилиндр висел в пятидесяти футах над головой Нелсона, словно баба исполинского копра. Не только инженер – все работники электростанции облегченно вздохнут, когда он ляжет на подшипники и будет соединен с валом турбины.

Нелсон сунул в карман записную книжку и направился к лестнице.

В геометрическом центре колодца его настиг рок.

За последний час, по мере того как материк окутывали сумерки, неуклонно росла нагрузка на энергетическую сеть. Как только погасли последние лучи солнца, вдоль широких автомагистралей ожили нескончаемые шеренги ртутных фонарей. В городах зажглись миллионы ламп; домашние хозяйки, готовя ужин, включили высокочастотные печи.

Стрелки мегаваттметров энергоцентра поползли вверх по шкалам, оставаясь в пределах нормы.

Но в горах, в трехстах милях к югу, пустили мощный анализатор космических лучей: ожидался ливень со стороны сверхновой в созвездии Козерога, обнаруженной астрономами всего час назад. И обмотки пятитысячетонного магнита принялись высасывать ток из тиратронных выпрямителей.

Но в тысяче милях к западу туман подбирался к крупнейшему в полушарии аэропорту. Хотя самолеты, оснащенные радаром, отлично садились даже при нулевой видимости и туман никого не беспокоил, все-таки лучше обойтись без него. И заработали мощные рассеиватели; – излучая в ночь около тысячи мегаватт, они сгущали капельки воды и пробивали в стене тумана огромные бреши.

И стрелки в энергоцентре снова подскочили, и дежурный инженер приказал пустить запасные генераторы. Скорей бы установили этот огромный генератор с жидким гелием, тогда не будет больше таких тревожных, напряженных часов. И все-таки он еще надеялся справиться с нагрузкой.

Но полчаса спустя метеобюро предупредило по радио о заморозках, и не прошло шестидесяти секунд, как осмотрительные граждане включили миллионы электропечей. Стрелки перевалили через красную черту и продолжали ползти вверх.

Раздался страшный треск – сработали три огромных автоматических выключателя. Но четвертый отказал. Воздух наполнился едким запахом горящей изоляции, расплавленный металл тяжелыми каплями падал на пол и тотчас затвердевал на бетонных плитах. Вдруг исполинские пружины оторвались и, пролетев не меньше десяти футов, ударили по размещенным ниже частям монтажа. За долю секунды они приварились к проводам, ведущим к новому генератору.

В обмотках генератора взбунтовались силы, превосходящие все, что до сих пор производил человек. Как раз в эту секунду Нелсон оказался в центре колодца.

Сила тока стремилась стабилизироваться, неистово мечась во все более узких пределах. Но она так и не установилась: где-то вступили в действие дублирующие предохранительные приборы, и цепь, которой не должно было быть, опять прервалась.

Последняя предсмертная судорога, почти такая же мощная, как первая, затем ток быстро спал. Все кончилось.

Когда вновь загорелся свет, помощник Нелсона уже стоял у края роторного колодца. Он не знал, что случилось, но подозревал, что что-то серьезное. Наверно, Нелсон там, внизу, недоумевает, в чем дело.

– Эй, Дик! – крикнул он. – Ты кончил? Пойдем выясним, что стряслось.

Ответа не последовало. Он перегнулся через поручни и посмотрел в огромную яму. Свет был плохой, и тень ротора мешала как следует рассмотреть что-либо. Сперва ему показалось, что колодец пуст, – но ведь это нелепо, он сам видел, как Нелсон несколько минут назад спустился туда. Помощник позвал еще раз.

– Эй! Дик, ты цел?

Опять никакого ответа. Встревоженный помощник пошел вниз по лестнице Он был на полпути, когда странный звук, точно где-то очень далеко лопнул воздушный шар, заставил его оглянуться. И тут он увидел Нелсона; инженер лежал в середине колодца на лесах, закрывающих турбинный вал. Лежал неподвижно, в какой-то неестественной позе.

Ральф Хьюз, главный физик, оторвал глаза от заваленного бумагами стола, когда отворилась дверь. Ма-

ло-помалу все входило в свою колею после вечного бедствия. К счастью, на его отделе оно почти не отразилось: генератор не пострадал. Не хотелось бы ему быть на месте главного инженера; теперь Мердоку надолго хватит писанины. Мысль об этом доставляла удовольствие доктору Хьюзу.

– Здравствуйте, док, – приветствовал он вошедшего доктора Сэндерсона. – Что привело вас сюда? Как ваш пациент?

Сэндерсон кивнул.

– Через день-два выйдет из больницы. Но я хочу поговорить с вами о нем.

– Я с ним не знаком, никогда не бываю на станции, разве что все Правление на коленях умоляет меня. Но поговорить можно.

Сэндерсон криво усмехнулся. Главный инженер и блестящий молодой физик не питали друг к другу нежности. Они были слишком разные люди, кроме того, шло неизбежное соперничество между экспертом-теоретиком и человеком «практики».

– Мне кажется, это по вашей части, Ральф. Во всяком случае, я в этом не смыслю. Вы слышали, что произошло с Нелсоном?

– Если не ошибаюсь, он был внутри моего генератора, когда в обмотки пошел ток?

– Точно. Когда ток отключился, помощник нашел его, он был в шоке.

– Что за шок? Электричеством ударить его не могло, ведь все обмотки изолированы. К тому же, помнится мне, его подобрали в *центре* шахты.

– Совершенно верно. Мы не знаем, что случилось. Но он теперь пришел в себя, и как будто никаких последствий, если не считать одного.

Врач помешкал, словно искал нужные слова.

– Ну, говорите! Не томите!

– Я оставил Нелсона, когда увидел, что ему ничто не грозит. А через час мне позвонила старшая сестра и сказала, что Нелсон хочет срочно поговорить со мной. Когда я пришел в палату, он сидел в постели и озадаченно рассматривал газету. Я спросил, в чем дело. «Со мной что-то случились», – говорит. «Конечно – говорю, – но через два дня вы уже будете работать». Он покачал головой, вижу – в глазах тревога. Сложил свою газету и показал ее мне. «Я не могу читать», – говорит. Я определил амнезию и подумал: «Вот досада! Что еще он забыл?» А он, словно угадал мои мысли, продолжает: «Нет, я разбираю буквы и слова, но все вижу задом наперед! Наверно, у меня что-нибудь с глазами». И снова развернул газету. «Как будто я вижу ее в зеркале. Могу прочесть каждое слово в отдельности, по буквам. У вас нет зеркальца? Я хочу сделать опыт».

Я дал ему зеркальце. Он поднес его к газете и посмотрел на отражение. И стал читать вслух, с нормальной скоростью. Но этому фокусу любой может научаться, наборщики так читают свои литеры, так что я не удивился. Правда, не совсем понятно, зачем понадобилось умному человеку устраивать это представление. Решил не противоречить ему – может быть, он чуть-чуть свихнулся от шока. Похоже было, что у него оптические иллюзии, хотя он выглядел вполне нормально. А Нелсон отложил газету и говорит: «Ну, док, что вы скажете на это?» Я не знал, как

отвечать, чтобы не раздражать его. «Пожалуй, лучше вам обратиться к доктору Хамфри, – говорю, – он психолог. Это не моя область». Тут он сказал кое-что о докторе Хамфри и его психотестах, и я понял, что он уже побывал в его лапах.

– Верно, – вставил Хьюз. – Всех, кто поступает на работу в компанию, пропускают через сито Отдела психологии. – Он задумчиво добавил: – И все равно такие проскакивают типы!..

Доктор Сэндерсон улыбнулся и продолжал рассказ:

– Я хотел уходить, тут Нелсон говорит: «Да, чуть не забыл. Наверно, я упал на правую руку. Запястье сильно болит, как от растяжения». – «Давайте посмотрим», – сказал я и нагнулся над ним. «Нет, вот эта рука», – говорит Нелсон и поднимает *левую*. Я держусь своей линии, не спорю. «Как хотите. Но ведь вы сказали – правая?» Нелсон опешил. «Ну да, – говорит, – Это и есть правая рука. Может быть, глаза и чудят, но тут-то все ясно. Вот обручальное кольцо, если не верите. Я его уже пять лет снять не могу».

Тут уже я опешил. Потому что он поднял левую руку – и кольцо было на ней. И он сказал правду, кольцо сидело так крепко, что без ножовки не снять. Тогда я спрашиваю: «У вас есть какие-нибудь приметные шрамы?» – «Нет, – отвечает, – не помню никаких». – «А пломбированные зубы?» – «Есть несколько». Мы молча глядели друг на друга, пока сестра ходила за зубной картой Нелсона. «Смотрели друг на друга со страшным подозрением в душе», – сказал бы романист. Но еще до того, как вернулась сестра, меня осенило. Мысль была фантастическая, но ведь и само дело принимало все более неслыханный оборот. Я

попросил Нелсона показать мне предметы, которые были у него в карманах. Вот они.

Доктор Сэндерсон достал несколько монет и книжку в кожаном переплете: Хьюз сразу узнал «Записную книжку электроинженера»; у него в кармане лежала точно такая же. Он взял ее из рук врача и раскрыл наудачу, с легким чувством вины, которое неизбежно, когда в твоих руках оказывается записная книжка другого человека.

А в следующую секунду Ральфу Хьюзу показалось, что шатаются устои его мира. До сих пор он слушал доктора Сэндерсона как-то рассеяно, недоумевая из-за чего весь этот переполох. Теперь у него в руках лежало противоречащее всякой логике вещественное доказательство.

Ральф Хьюз не мог прочесть ни слова в записной книжке Нелсона. И печатный и рукописный текст были перевернуты, точно в зеркале.

Доктор Хьюз встал с кресла и несколько раз быстро прошелся по кабинету. Сэндерсон сидел, молча глядя на него. На четвергом круге физик остановился у окна и посмотрел на озеро, накрытое тенью белой стены плотины. Этот вид как будто развеял его смятение, и он снова повернулся к доктору Сэндерсону.

– Вы хотите, чтобы я поверил, что с Нелсоном каким-то образом произошло поперечное обращение, правое поменялось местами с левым и наоборот?

– Я ничего не хочу. Я только изложил факты. Если вы можете сделать другой вывод – буду рад его услышать. Позвольте добавить, что я проверил зубы Нелсона. Все пломбы переместились. Объясните это, если можете. Кстати, вот эти монеты тоже очень интересны.

Хьюз взял их в руку. Один шиллинг, новая красивая крона из бериллиевой меди, несколько пенсовиков и полупенсовиков. Он принял бы их без колебаний у любого кассира. Такой же наблюдательный, как большинство людей, он никогда не задумывался, в какую сторону смотрит голова королевы. Но надписи! Хьюз живо представлял себе недоумение Монетного двора, если эти странные монеты когда-нибудь попадут к ним. Как и книжка: поперечное обращение.

Голос доктора Сэндерсона перебил его размышления:

– Я попросил Нелсона никому не говорить об этом. Я напишу подробный доклад, он вызовет переполох, когда будет напечатан. Но нам надо знать, *как* это могло случиться. Вы конструктор нового генератора, поэтому я пришел к вам.

Доктор Хьюз словно не слышал его. Сидя за столом, он пристально разглядывал свои руки. Впервые в жизни он всерьез задумался над разницей между левым и правым.

Доктор Сэндерсон продержал Нелсона в больнице несколько дней, изучая своего странного пациента и собирая материал для доклада. Насколько он мог судить. Нелсон, если не считать странного превращения, был вполне нормален. Он заново учился читать и быстро преуспевал, после того как прошло чувство необычности. Вероятно, он никогда не сможет работать инструментом так, как работал, до несчастного случая: теперь его до конца жизни все будут считать левшой. Но ведь это не помеха.

Доктор Сэндерсон перестал ломать голову над причиной состояния Нелсона. Он плохо разбирался в электричестве, это дело Хьюза. Врач не сомневался, что физик

найдет ответ, как всегда. Компания – не благотворительное общество, она знает, кого нанимает. Новый генератор, который будет пущен через неделю, – детище Хьюза, хотя ему принадлежит только теоретическая разработка.

Сам доктор Хьюз был вовсе не так уж уверен в себе. Его пугал размах задачи; в отличие от Сэндерсона, он понимал, что тут открываются совсем новые области науки. Он знал: есть лишь один путь, чтобы объект мог превратиться в свое зеркальное отображение. Но как доказать столь фантастическую теорию?

Главный физик собрал всю наличную информацию об аварии, из-за которой огромный статор оказался под током. Расчеты позволяли представить себе силу тока в обмотках в те несколько секунд, когда была замкнута цепь. Правда, цифры приблизительные. Если бы можно было повторить опыт, чтобы получить точные данные… Он представлял себе лицо Мердока, если скажет:

– Вы не возражаете, я сегодня вечером выберу минутку и замкну накоротко генераторы один – десять?

Нет, это, конечно, отпадает.

Хорошо, что у него сохранилась действующая модель. Опыты на ней дают какое-то представление о поле в середине генератора, но о величине тока можно только гадать. Она, наверно, была колоссальной. Просто чудо, как уцелели обмотки.

Почти месяц Хьюз бился над расчетами и блуждал в областях атомной физики, которые после университета тщательно обходил. Мало-помалу в его голове складывалась теория; до окончательной формулировки далеко, но путь был ясен. Еще месяц, и все будет готово.

Большой генератор, который занимал его мысли весь последний год, отошел на второй план. Доктор Хьюз как-то рассеянно принял поздравления коллег, когда генератор прошел последние испытания и влил свои миллионы киловатт в энергосистему. Наверно, его поведение показалось им немного странным, но ведь его давно считают оригиналом. К этому привыкли; компания была бы разочарована, если бы ее придворный гений не вел себя эксцентрично.

А через две недели к нему опять пришел доктор Сэндерсон. Он хмурился.

– Нелсон снова в больнице, – сообщил врач, – Я ошибся, когда сказал, что все в порядке.

– А что с ним? – удивленно спросил Хьюз.

– Он умирает от голода.

– От голода? Что вы хотите этим сказать?

Доктор Сэндерсон пододвинул стул к столу Хьюза и сел.

– Я вас эти дни не беспокоил, – стал рассказывать он, – знал, что вы заняты своими теориями. Внимательно наблюдал за Нелсоном и писал доклад. Сначала, как я уже вам говорил, казалось, что все идет нормально. Я не сомневался, что он будет здоров. Потом замечаю – теряет в весе. Дальше начали появляться и другие, более специфические симптомы. Он начал жаловаться на слабость, умственную утомляемость. Все признаки авитаминоза. Я прописал ему концентрированные витамины, но это не помогло. Поэтому я снова пришел к вам.

На лице Хьюза отразилось недоумение, потом досада.

– Но при чем тут я, черт возьми, вы же врач!

– Совершенно верно, но мне нужна поддержка. Я все-

го-навсего безвестный лекарь, никто не станет слушать меня, пока не будет поздно. А Нелсон умирает, и мне кажется, я знаю почему…

Сэр Роберт поначалу упирался; но доктор Хьюз; как всегда, настоял на своем. И теперь члены Совета директоров входили в конференц-зал, ворча и всячески выражая свое неудовольствие, что созван чрезвычайный пленум. Они еще больше возмутились, когда услышали, что будет выступать Хьюз. Все знали физика и уважали его заслуги, но он ученый, а они – бизнесмены. Что ещё такое задумал, сэр Роберт?

Доктор Хьюз, виновник этого переполоха, был недоволен собой: нервы его не слушались. Он был не очень высокого мнения о Совете директоров, но сэр Роберт человек достойный, так что нет никаких причин беспокоиться. Спору нет, они могут счесть его сумасшедшим, но ведь за ним числятся кое-какие заслуги. Сумасшедший ли, нет ли, он стоит не одну тысячу фунтов.

Доктор Сэндерсон ободряюще улыбнулся ему, входя в конференц-зал. Улыбка не очень удалась, но все-таки помогла. Сэр Роберт только что кончил говорить, взял очки присущим ему нервным жестом и виновато откашлялся. Хьюз – не в первый раз – спросил себя: как может этот на вид такой робкий старик править огромной финансовой империей?

– А теперь, джентльмены, слово доктору Хьюзу. Он вам все, кхм, объяснит. Я попросил его не вдаваться в технические тонкости. Вы вольны перебить его, если он вознесется в разреженную стратосферу высшей математики. Доктор Хьюз…

Сперва медленно, потом все быстрее по мере того, как он овладевал аудиторией, физик начал излагать свое дело. Записная книжка Нелсона вызвала удивленные возгласы Совета, а обращенные монеты были приняты как увлекательнейшие редкостные экспонаты. Хьюз с радостью отметил, что заинтересовал слушателей. Он глубоко вдохнул и сделал ход, которого больше всего опасался.

– Итак, джентльмены, вы слышали, что было с Нелсоном, но сейчас я расскажу вам еще более поразительную вещь. Прощу слушать меня очень внимательно.

Он взял со стола листок бумаги, сложил его и разорвал по диагонали.

– Вы видите два одинаковых прямоугольных треугольника. Я кладу их на стол, вот так. – Он положил треугольники так, что гипотенузы касались друг друга и вся фигура напоминала бумажного змея. – В таком положении каждый треугольник – зеркальное отображение другого. Вообразите, что вдоль гипотенузы проходит плоскость зеркала. Прошу вас запомнить это обстоятельство. Пока оба треугольника лежат на столе, я могу сколько угодно перемещать их по его поверхности, и никогда один не совместится точно с другим. Несмотря на одинаковые размеры, они, как перчатки, не взаимозаменяемы.

Он подождал, давая время слушателям усвоить сказанное. Вопросов не было, и он продолжал:

– Но если я возьму один треугольник, подниму его и *переверну* в воздухе, потом снова положу, это уже не зеркальные отображения, они полностью совмещены – вот так.

Он подкрепил слова делом.

– Возможно, это выглядит очень упрощенно, но из упрощенного примера мы можем сделать важный вывод. Треугольники на столе были *плоскими* предметами, они существовали, так сказать, в *двух* измерениях. Чтобы превратить один из них в его собственное зеркальное отображение, я его поднял и перевернул в *третьем* измерении. Вам ясен ход мысли?

Он обвел глазами стол. Один или два директора медленно кивнули, соображая.

– Точно так же, чтобы превратить *трехмерное* тело, в том числе человека, в его аналогию или зеркальное отображение, нужно перевернуть его в *четвертом* измерении. Повторяю – в четвертом измерении.

Стояла напряженная тишина. Кто-то кашлянул, но кашель был нервным, а не скептическим.

– Четырехмерная геометрия, как вам известно, – (вряд ли им это известно!), – еще до Эйнштейна стала одним да главных орудий математики. Но до сих пор она оставалась математической гипотезой, не подкрепленной ничем реальным в физическом мире. И вот оказывается, что ток невиданной силы, до миллионов ампер, который мгновенно возник в обмотках нашего генератора, так или иначе, на долю секунды создал четырехмерное пространство, достаточно большое, чтобы в нем вместился человек. Внезапное исчезновение поля; когда была разорвана цепь, перевернуло это четырехмерное пространство, и с Нелсоном произошло то, что мы сейчас наблюдаем. Я прощу вас принять эту теорию, так как другого объяснения нет. Вот мои расчеты, если хотите свериться.

Он помахал веред слушателями листками бумаги, так

что директора могла видеть внушительные шеренги уравнений. Прием помог – он всегда помогал. Было видно, что все удовлетворены, один только Макферсон, главный секретарь, оказался крепким орешком. Он получил полутехническое образование, по-прежнему следил за научно-популярной литературой и при каждом удобном случае щеголял своими знаниями. Но он был человек умный, сметливый, и доктор Хьюз нередко убивал служебные часы, обсуждая с ним какие-нибудь новые научные теории.

– Вы говорите, что Нелсон перевернут в четвертом измерении, но ведь, если не ошибаюсь, Эйнштейн показал, что четвертое измерение – это время.

Хьюз мысленно простонал. Он так и знал, что последует какая-нибудь нелепость.

– Я подразумевал еще одно *пространственное* измерение, – терпеливо объяснил он. – Другими словами, измерение или направление, которые находятся под прямыми углами к нашим обычным трем. Назовем это четвертым измерением. Так как мы обычно рассматриваем ваше пространство как трехмерное, стало обычным называть время четвертым измерением. Но это чисто условный ярлык. Поскольку я прошу вас допустить четыре пространственных измерения, назовем время пятым измерением.

– Пять измерений! Силы небесные! – не выдержал кто-то.

Доктор Хьюз не мог упустить такого случая.

– В физике малых частиц сплошь и рядом говорят о пространстве с *миллионами* измерений, – спокойно сказал он.

Все онемели. Никто, даже Макферсон, не был склонен спорить.

– Теперь перейду ко второй части моего доклада, – продолжал доктор Хьюз. – Через несколько недель после превращения Нелсона мы заметили, что с ним происходит что-то неладное. Он нормально усваивал пищу, и все-таки явно чего-то недоставало. Объяснение дал доктор Сэндерсон, и тут мы переходим в область органической химии. Извините, что я сейчас буду говорить языком учебника, но вы быстро поймете, насколько все это важно для компании. К тому же вас должно утешить то, что эта область одинаково неведома и вам и мне.

Это было не совсем так, Хьюз еще помнил кое-что из курса химии.

– Органические соединения состоят из атомов углерода, кислорода и водорода, а также других элементов. Вместе они образуют очень сложные пространственные структуры. Химики любят делать из вязальных спиц и пластилина модели таких молекул. Часто получается красиво, прямо-таки произведения какого-нибудь нового течения в искусстве. И вот оказывается, что могут быть две органические молекулы с одинаковым числом атомов, которые расположены так, что одна молекула как бы зеркально отражает другую. Это так называемые стереоизомеры, их очень много среди сахаров. Если бы можно было поставить рядом две молекулы, вы увидели бы, что они схожи, как правая и левая перчатки. Так их и называют: декстро- и левомолекулы. Надеюсь, все это понятно?

Доктор Хьюз обвел присутствующих пытливым взглядом. Как будто понимают…

– У стереоизомеров почти одинаковые химические свойства. Но есть и отличия. Доктор Сэндерсон рассказал

мне – за последние годы обнаружено, что свойства некоторых важных питательных веществ, в том числе нового класса витаминов, открытого профессором Ванденбергом, зависят от пространственного расположения их атомов. Другими словами, джентльмены, левомолекулы могут быть необходимы для организма, а декстромолекулы – бесполезны. И это невзирая на то, что химическая формула одна. Теперь вам ясно, почему неожиданное превращение Нелсона куда более серьезное дело, чем мы сперва думали? Если бы требовалось только заново учить его читать, все было бы очень просто, интересно разве что для философов. Но он буквально умирает от голода среди изобилия, потому что усвоить некоторые молекулы пищи для него так же невозможно, как для нас надеть левый ботинок на правую ногу. Доктор Сэндерсон провел опыт, который подтверждает его гипотезу. С очень большим трудом он добыл стереоизомеры многих витаминов. Профессор Ванденберг сам их синтезировал, когда узнал про нашу беду. И Нелсону сразу стало лучше.

Хьюз остановился и достал кое-какие бумаги. Полезно дать Совету время опомниться, прежде чем наносить удар. Все было бы очень забавно, если бы на карте не стояла человеческая жизнь. Удар будет нанесен в самое чувствительное место…

– Вы, конечно, понимаете, джентльмены: так как Нелсон получил, если можно так выразиться, *производственную* травму, компания обязана оплатить ему лечение. Как лечить, мы узнали, и вы вправе недоумевать, почему я отнимаю у вас столько времени своими объяснениями. Причина очень проста. Производить нужные стереоизо-

меры почти так же сложно, как добывать радий, даже в некоторых случаях труднее. Доктор Сэндерсон сообщил мне, что питание Нелсона будет стоить больше пяти тысяч фунтов стерлингов *в день*.

Полминуты, дарила тишина, потом все заговорили разом. Сэр Роберт долго стучал по столу, прежде чем восстановился порядок. Начался военный совет.

Три часа спустя вконец измотанный Хьюз вышел из конференц-зала и отправился искать доктора Сэндерсона. Врач был в своем кабинете; он извелся, ожидая ответа.

– Ну, что постановили? – спросил он.

– Как я и опасался. Требуют, чтобы я подверг Нелсона повторному обращению.

– Вы можете это сделать?

– Честно говоря, не знаю. Я могу только постараться возможно точнее воспроизвести все обстоятельства аварии.

– Других предложений не было?

– Было несколько, и почти все вздор. Лучшую идею высказал Макферсон. Предложил обращать генератором обычную пищу, чтобы Нелсон ее полностью усваивал. Пришлось объяснить, что выключать каждый раз генератор из сети обойдется компании в несколько миллионов фунтов стерлингов в год. К тому же обмотки долго не выдержат. Так что это отпало. Сэр Роберт спросил, можем ли мы поручиться, что учли все витамины, а вдруг есть еще не открытые? Этим он хотел сказать, что даже синтетические витамины могут оказаться бессильными спасти Нелсона.

– Что вы ему ответили?

– Я вынужден был признать, что гарантии нет. И теперь

сэр Роберт должен переговорить с Нелсоном. Надеется убедить его, чтобы он рискнул. Если опыт не удастся, семью Нелсона обеспечат.

С минуту оба молчали. Потом заговорил доктор Сэндерсон.

– Теперь вы понимаете, какие решения сплошь и рядом должны принимать хирурги?

Хьюз кивнул.

– Чудная дилемма, верно? Вполне здоровый человек, но сохранить ему жизнь стоит два миллиона в год, да и то без гарантии успеха. Сдается мне, Совет директоров больше всего озабочен денежным балансом, но выхода просто нет. Придется Нелсону рискнуть.

– А нельзя сперва сделать какие-нибудь опыты?

– Невозможно. Поднять ротор – это же серьезная инженерная операция. Мы должны провести наш эксперимент, быстро, когда будет минимальная нагрузка на энергосистему. Потом сунем ротор на место и устраним все, что натворит короткое замыкание. Все это надо сделать очень быстро. Бедняга Мердок вне себя.

– Я его понимаю. На когда назначен эксперимент?

– Через несколько дней, не раньше. Даже если Нелсон согласится, мне сперва надо все подготовить.

Никто не узнает, что сэр Роберт сказал Нелсону. Но доктор Хьюз почти не удивился, когда зазвонил телефон и усталый голос старика произнес:

– Хьюз? Готовьте свое снаряжение. Я уже говорил с Мердоком, мы выбрали ночь на среду. Успеете?

– Да, сэр Роберт.

– Хорошо. Докладывайте о готовности каждый вечер. Все.

…Огромное помещение больше чем наполовину занимал исполинский цилиндр ротора, подвешенного в тридцати футах над лоснящимся пластиковым полом. Кучка людей, терпеливо ожидая, стояла на краю темного колодца. Лабиринт проводов тянулся к приборам доктора Хьюза и к реле, которые должны были в нужный миг включить цепь.

В этом главная закавыка: доктор Хьюз не мог точно определить, *когда* лучше замкнуть цепь, то ли при максимальном напряжении, то ли при нулевом, или же в какой-нибудь промежуточной точке синусоиды. И он выбрал самое простое и надежное. Цепь включится при нулевом вольтаже, а прервется, когда сработают прерыватели.

Через десять минут остановятся на ночь последние крупные предприятия обслуживаемого района. Прогноз погоды благоприятный, до утра не должно быть неожиданных нагрузок. Но времени в обрез, каждая секунда на счету: к утру генератор должен снова работать.

Вошел Нелсон, сопровождаемый сэром Робертом и доктором Сэндерсоном; он был очень бледен. Будто на казнь идет, подумал Хьюз. Не ко времени такая мысль, физик постарался отогнать ее.

Оставалось еще проверить цепи. Не успел он закончить, как раздался спокойный голос сэра Роберта:

– Мы готовы, доктор Хьюз.

Не очень-то твердо ступая, физик подошел к краю колодца. Нелсон уже спустился и, как ему было сказано, стоял точно посередине; внизу белым пятном вырисовывалось его обращенное кверху лицо. Доктор Хьюз ободряюще помахал ему рукой, повернулся и пошел к приборам.

Он щелкнул тумблером осциллоскопа и покрутил синхронизирующие ручки, устанавливая на экране кривую главного импульса. Потом настроил фазировку; два ярких световых пятнышка пошла навстречу друг другу вдоль кривой, пока не слились в ее геометрическом центре. Он бросил взгляд на Мердока, который пристально смотрел на мегаваттметры. Инженер кивнул. Хьюз сказал себе: «С богом!» – и нажал включатель.

Что-то тихонько щелкнуло в релейной коробке. А через долю секунды все здание словно содрогнулось: в коммутационном зале, до которого было триста футов, с треском включились могучие рубильники. Свет потускнел, почти совсем пропал. Но тут с внезапностью взрыва сработали автоматические выключатели, прерывая цепь. Свет вспыхнул в полную силу, стрелки мегаваттметров откачнулись назад.

Эксперимент закончен. Приборы выдержали перегрузку.

А Нелсон?

Доктор Хьюз с удивлением увидел, что сэр Роберт вопреки своим шестидесяти уже подбежал к генератору. Он стоял на краю колодца и смотрел вниз. Физик медленно подошел к нему; он не мог торопиться, в душе назревало тягостное предчувствие. Мысленно он уже видел скрюченную на две ямы фигуру Нелсона и обращенные вверх мертвые укоризненные глаза. Тотчас его поразила еще более страшная мысль. А вдруг поле исчезло слишком быстро и обращение не доведено до конца? Сейчас он все узнает.

Ничто не потрясает так, как полная неожиданность:

сознание не способно обороняться. Доктор Хьюз ожидал чего угодно. Чего угодно, только не этого.

Колодец был пуст.

Потом он тщетно пытался вспомнить, что происходило вслед за этим. Кажется, Мердок взял командование на себя. Закипела работа, зал заполнили техники, чтобы вернуть на место огромный ротор. Словно издалека доносился голос сэра Роберта, он твердил снова и снова:

– Мы сделали все, что могли, все, что могли.

Наверное, Хьюз что-то ответил. Но все было как в тумане.

Рано утром, еще до зари, доктор Хьюз пробудился от своего беспокойного сна. Всю ночь его преследовали кошмары, фантастические видения из многомерной геометрии. Странные, неведомые миры, безумные фигуры и пересекающиеся плоскости, вдоль которых он бесконечно карабкался, спасаясь от какой-то жуткой опасности. Ему снилось, что Нелсон застрял в одном из этих неведомых измерений, и он пытался пробиться к нему. А иногда он сам был Нелсоном, и кругом простирался его родной мир, причудливо искаженный и отгороженный от него невидимыми стенами.

Он с трудом сел, и кошмары отступили. Несколько минут он сжимал ладонями, голову; сознание начало проясняться. Хьюз знал, что с ним происходит, не первый раз его среди ночи вдруг осеняло решение какой-нибудь упрямой задачи.

В мозаике, которая сейчас сама складывалась в его мозгу, не хватало только одного кусочка. Но вот и он стал на место! Слова помощника Нелсона, когда он описывал

несчастный случай… Тогда это показалось Хьюзу несущественным, и он их забыл. Но теперь… «Когда я посмотрел в колодец, там как будто никого не было, а я стал спускаться по трапу вниз…»

Какой же он болван! Ведь старина Макферсон был прав, во всяком случае, отчасти! Поле обернуло Нелсона в четвертом пространственном измерении, но сверх того произошло еще смещение в пятом – во времени. В первый раз смещение во времени измерялось какими-то секундами. Теперь же, как ни тщательно он все подготовил, условия сложились иначе. Было столько неизвестных факторов, и его теория больше чем наполовину состояла из догадок.

Нелсона не было в колодце, когда кончился опыт. Но он там *будет*.

Доктор Хьюз весь облился холодным потом. Он представил себе тысячетонный цилиндр, вращаемый тягой в пятьдесят миллионов лошадиных сил. Что будет, если какое-то тело вдруг материализуется в пространстве, занятом ротором?..

Он соскочил с кровати и схватил трубку телефона прямой связи с электростанцией. Нельзя терять ни секунды, надо сейчас же поднять ротор. С Мердоком он объяснится потом.

Очень осторожно что-то схватило фундамент дома и покачало его – так засыпающий ребенок трясет свою погремушку. С потолка слетели хлопья известки, в стенах, как по волшебству, вдруг возникла сеть трещин. Лампы замигали, вспыхнули ярко-ярко и погасли.

Доктор Хьюз отдернул занавеску и посмотрел на горы. Отрог Маунт-Перрин заслонял электростанцию, но ее

сразу можно было найти по гигантскому столбу обломков, который медленно вздымался кверху в бледных лучах рассвета.

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Снасти дрожали от натуги: межпланетный ветер уже наполнил огромный круглый парус. До старта оставалось три минуты, а у Джона Мертона на душе был мир и покой, какого он целый год не испытывал. Что бы ни случилось, когда коммодор даст сигнал стартовать, главное будет достигнуто независимо от того, приведет его «Диана» к победе или к поражению. Всю жизнь он конструировал для других; теперь наконец-то сам поведет свой корабль.

– Две минуты до старта, – сказал динамик. – Прошу подтвердить готовность.

Один за другим отвечали капитаны. Мертон узнавал голоса, то взволнованные, то спокойные, – голоса его друзей и соперников. На четырех обитаемых планетах наберется от силы два десятка человек, умеющих управлять солнечной яхтой, и все они сейчас здесь кто на линии старта, кто на борту эскортирующих судов, кружатся вместе по орбите в двадцати двух тысячах миль над экватором.

– Номер один, «Паутина», готов!

– Номер два, «Санта-Мария», все в порядке.

– Номер три, «Солнечный луч», порядок.

– Номер четыре, «Вумера», все системы в норме.

Мертон улыбнулся, услышав этот отголосок старины. Так докладывали еще на заре космонавтики, и это вошло в свод традиций. Бывают случаи, когда человеку хочется вызвать к жизни тени тех, кто до него уходил к звездам.

– Номер пять, «Лебедев», мы готовы.

– Номер шесть, «Арахна», порядок.

Теперь очередь его, замыкающего. Странно подумать, что слова, которые он произнесет в этой маленькой кабине, услышат пять миллиардов людей.

– Номер семь, «Диана», готов к старту.

– Подтверждаю с первого по седьмой, – ответил безличный голос с судейского катера. – До старта одна минута.

Мертон слушал вполуха; он в последний раз проверял натяжение фалов.

Стрелки всех динамометров замерли неподвижно, зеркальная гладь исполинского паруса блестела и искрилась на солнце. Невесомо парящему у перископа Мертону казалось, что парус заслонил все небо. Ничего удивительного – пятьдесят миллионов квадратных футов[4] соединено с его капсулой чуть не сотней миль такелажа. Если бы сшить вместе паруса всех клиперов, какие в прошлом белыми тучками летели над Индийским океаном, то и тогда они не сравнялись бы с парусом, в который «Диана» ловила солнечный ветер. А вещества в нем чуть больше, чем в мыльном пузыре: толщина этих двух квадратных миль алюминированного пластика всего лишь несколько миллионных дюйма.

– До старта десять секунд. Все съемочные камеры включить.

Такой огромный и вместе с тем такой хрупкий – уму непостижимо! Еще труднее освоиться с мыслью, что это

---

[4] 4,5 квадратных километра.

тончайшее зеркало одной только силой уловленных им солнечных лучей может оторвать «Диану» от Земли.

– …пять… четыре… три… два… один… руби!

Семь сверкающих ножей перерезали семь тонких линий, привязывавших яхты к базам, на которых их собрали и обслуживали. До этой секунды все в строгом строю летели вокруг Земли; теперь яхты начнут расходиться, словно влекомые ветром семена одуванчика. Победит та, которая первой достигнет орбиты Луны.

На «Диане» как будто ничего не изменилось. Но Мертон знал, что это не так. Хотя он не ощущал тяги, приборная доска говорила ему, что ускорение приближается к одной тысячной G. Для ракеты смехотворно мало, но для солнечных яхт это было рекордом. «Диана» хорошо сконструирована, огромный парус оправдывает надежды, которые он на него возлагал. При таком ускорении после двух кругов он разовьет достаточную скорость, чтобы покинуть околоземную орбиту. А затем, подгоняемый всей мощью Солнца, пойдет курсом на Луну.

Вся мощь Солнца. Он усмехнулся, вспоминая, как пытался растолковать на лекциях там, на Земле, что такое солнечный ветер. Тогда лекции были для него единственным способом заработать деньги на свои личные опыты; он был главным конструктором «Космодайн корпорейшн», создал немало космических кораблей, но его хобби фирму не увлекало.

– Протяните ладони к Солнцу, – говорил он. – Что вы чувствуете?

Тепло, конечно. Но, кроме него, есть еще давление. Правда, такое слабое, что вы его не замечаете. На площадь

ваших ладоней приходится всего около одной миллионной унции. Но в космосе даже такая малая величина играет роль, потому что она действует все время, час за часом, день за днем. И запас энергии, в отличие от ракетного горючего, не ограничен. При желании можно ее использовать. Мы можем создать паруса, которые будут улавливать солнечное излучение.

Тут он доставал кусок легкой материи в несколько квадратных ярдов и подбрасывал его в воздух. Влекомая теплыми токами воздуха, серебристая пленка, струясь и извиваясь, словно дым, медленно всплывала к потолку.

– Видите, какая легкая, – продолжал Мертон. – Квадратная миля весит только одну тонну, а лучевое давление на такую площадь достигает пяти фунтов. Парус будет двигаться, и нас потянет, если мы его запряжем.

Конечно, ускорение будет очень мало, около одной тысячной G. На первый взгляд пустяк, но посмотрим, что это значит. За секунду мы продвинемся на одну пятую дюйма. Обычная улитка и то проходит больше. Но уже через минуту мы покроем шестьдесят футов и разовьем скорость более мили в час. Неплохо для аппарата, который приводится в движение солнечным светом! За час мы удалимся от исходной точки на сорок миль, скорость достигнет восьмидесяти миль в час. Не забывайте, в космосе нет трения. Стоит что-нибудь стронуть с места, потом так и будет лететь. Вы удивитесь, когда я вам скажу, что такое одна тысячная G: за сутки парусник разовьет скорость две тысячи миль в час. Если стартовать с околоземной орбиты – а другого способа нет, – за два дня будет достигнута вторая космическая скорость. И все это без единой капли горючего.

Он убедил своих слушателей: в конце концов ему удалось убедить и «Космодайн». За последние двадцать лет возник и развился новый спорт. Его, не без оснований, называли спортом миллиардеров, но теперь он стал окупаться благодаря печати и телевидению. Взять, к примеру, нынешние гонки: на карту поставлен престиж четырех континентов и двух планет, и число зрителей превзошло все ожидания.

«Диана» хорошо начала гонки; теперь можно взглянуть и на соперников.

Соблюдая предельную осторожность (надежные амортизаторы отделяли капсулу от тонких снастей, но он предпочитал не рисковать), Мертон переместился к перископу. Вот они, будто невиданные серебристые цветки среди черных полей космоса. Ближе всех – каких-нибудь пятьдесят миль – южноамериканская «Санта-Мария», очень похожая на воздушного змея, только размеры не те: длина стороны – миля с лишним. Несколько дальше – «Лебедев», сконструированный Астроградским университетом и напоминающий мальтийский крест; четыре крыла по его краям, очевидно, можно поворачивать для перемены курса. «Вумера», снаряженная Федерацией Австралазии, обыкновенный парашют четырех миль в поперечнике. «Арахна» (яхта Главного космического комбината), в полном соответствии со своим именем, похожа на паутину и собрана по тому же принципу: из центра по спирали расходятся автоматически управляемые перепонки. Точно так же, только размером поменьше, сделана «Паутина» Еврокосмоса. Присланный Марсианской республикой «Солнечный луч» представлял собой плоское кольцо с

полумильным отверстием; кольцо медленно вращается, и центробежная сила придает ему устойчивость. Идея старая, но никому еще не удавалось успешно осуществить ее. Мертон мог бы поклясться, что экипаж помучается с парусом, когда надо будет поворачивать.

Правда, осталось еще шесть часов до той поры, когда яхты завершат первую четверть своего медленного, величавого полета по суточной орбите.

Сейчас, в самом начале гонок, они идут от Солнца, так сказать, с попутным солнечным ветром. Надо выжать все из этого галса, пока яхты не обогнут Землю и Солнце не окажется впереди.

На этой стадии навигация не требовала от него внимания, и Мертон решил сделать первую проверку. Он тщательно осмотрел парус, подолгу останавливая перископ на точках, где снасть крепилась к парусу. Фалы – узкие полосы неметаллизированной пластиковой пленки – были бы совсем невидимы, если бы не флюоресцирующая краска. Сейчас они казались протянувшимися на сотни ярдов упругими разноцветными лучами; каждая пленка управлялась своим электрическим брашпилем, чуть больше катушки спиннинга.

Эти крохотные брашпили непрерывно вращались, то выдавая, то выбирая фалы по команде автопилота, который держал парус под нужным углом к Солнцу.

Нельзя не залюбоваться переливами солнечных лучей на этом исполинском гибком зеркале… Оно медленно колыхалось, вибрировало, и множество отражений светила бежало по нему, теряясь у кромки паруса. Эта вибрация неизбежна; как правило, она ничем не грозила хрупкой

конструкции, но Мертон был начеку. Иногда колебание переходит в зловещее биение, от которого парус рвется в клочья.

Убедившись, что все в порядке, он снова стал ловить перископом своих соперников. Как он и думал, «прополка» уже идет, менее совершенные яхты отстают. Но настоящая проверка их качеств начнется, когда они войдут в тень Земли и маневренность будет играть такую же роль, как скорость.

Казалось бы, не самое сейчас подходящее время – гонки только что начались, – но не худо было вздремнуть. На других яхтах по два человека, они могут чередоваться, а Мертона некому подменить. Он может положиться лишь на свои собственные силы, как Джошуа Слокум, который в одиночку провел вокруг света свою крохотную «Спрэй».

Мертон пристегнул к креслу ноги и пояс эластичными ремнями, потом надел на лоб электроды усыпляющего устройства. Включил реле времени на три часа и закрыл глаза.

Электрические импульсы нежно гладили лобные доли мозга; перед глазами, навевая сон, поплыли цветные спирали.

– Номер шесть, «Арахна», порядок.

Назойливый сигнал тревоги вырвал его из крепкой хватки сна.

Он тотчас скользнул взглядом по приборной доске. Прошло всего два часа, но над акселерометром мигал красный огонек. Пропала тяга, «Диана» теряла скорость.

Первой мыслью Мертона было: «Что-то с парусом! Наверно, отказало противовращательное устройство и за-

путались фалы». Он посмотрел на приборы, отмечающие натяжение снастей. Странно: один край паруса в полном порядке, зато вдоль другого края приборы показывают ослабление тяги.

Вдруг Мертона осенило, и он прильнул к перископу. Ну, конечно, в этом вся закавыка!

Огромная, резко очерченная тень наползала на отливающий серебром парус. Мрак грозил окутать «Диану», словно между ней и Солнцем появилась туча. А в темноте, без солнечных лучей, яхта потеряет скорость и начнет беспомощно дрейфовать.

Но какие же тучи здесь, в двадцати тысячах миль от Земли? Если появилась тень, она создана человеком.

Усмехнувшись, Мертон навел перископ на Солнце; одновременно он установил фильтры, позволяющие без вреда для глаз смотреть на ослепительный лик светила.

– Маневр четыре-а, – пробурчал он. – Ладно, посмотрим, кто кого.

Казалось, огромная планета наползает на солнечный диск, уже накрыла его край черным сегментом. Это «Паутина», шедшая в двадцати милях за Мертоном, пыталась специально для «Дианы» сотворить искусственное затмение.

Вполне дозволенный прием. В старину, когда устраивали парусные гонки на море, капитаны частенько старались перехватить друг у друга ветер.

Но Мертон не думал легко сдаваться. Настал миг для контрдействий.

Маленькая счетная машина «Дианы» – всего со спичечную коробку, но заменяет тысячу вычислителей – по-

думала ровно секунду, после чего выдала ответ. Придется с помощью панелей управления 3 и 4 развернуть парус под углом двадцать градусов; тогда световое давление вынесет его из опасной тени «Паутины» и откроется все Солнце. Жалко нарушать работу автопилота, тщательно запрограммированного с таким расчетом, чтобы обеспечить высшую скорость, но на то он и сидит здесь. Благодаря таким вот минутам солнечные гонки остаются спортом, а не поединком электронных машин.

Он вытравил лини 1-6. Натяжение сразу ослабло, и они начали извиваться, словно сонные змеи. В двух милях от капсулы медленно приоткрылись треугольные секции, пропуская солнечный свет. Но еще долго все оставалось по-прежнему. Трудно привыкнуть к этому миру замедленного движения, где проходит несколько минут, прежде чем твои действия производят зримый эффект. Наконец Мертон увидел, что парус наклонился к Солнцу: тень «Паутины» отступила, и темный конус растворился в космическом мраке.

Задолго до того, как тень ушла совсем и Солнце очистилось, он выровнял парус и вернул «Диану» на прежний курс. Инерция вынесет яхту из опасной полосы, незачем перебарщивать и ломать все расчеты, вильнув слишком далеко в сторону. Вот еще правило, которое нелегко усвоить: едва ты начал какой-нибудь маневр в космосе, как уже пора думать о его прекращении.

Он снова включил сигнальное реле, готовый преодолеть любое естественное или подстроенное – препятствие; может быть, «Паутина» или кто-нибудь другой из соперников попробуют повторить этот трюк. А пока можно и

перекусить, хотя особенного голода он не ощущал. В космосе расход физических сил невелик, не мудрено забыть про еду. Но это опасно: в случае неожиданных затруднений может не хватить энергии, чтобы справиться с ними.

Он вскрыл первый пакет с едой и без особого восторга изучил его содержимое. Одного названия – «Космопаек» достаточно, чтобы отбить аппетит… И он не очень-то полагался на вторую надпись: «Отсутствие крошек гарантируется». А крошки, говорят, для космического экипажа опаснее метеоритов. Летая по кабине, они могут вызвать короткое замыкание, закупорить важные каналы, проникнуть в приборы, которые считаются вполне герметичными.

Как бы то ни было, он с удовольствием проглотил ливерную колбасу, а за ней шоколад и ананасное пюре. Пластиковый кофейник уже согрелся на электроплитке, когда уединение Мертона было нарушено голосом радиста с коммодорского катера.

– Доктор Мертон? Если вы не заняты, с вами хотел бы поговорить Джереми Блер.

Блер слыл одним из самых умных комментаторов; Мертон не раз выступал в его программах.

– Согласен, – ответил он.

– Здравствуйте, доктор Мертон, – немедля вступил комментатор. – Рад, что вы можете уделить нам несколько минут. Позвольте вас поздравить – похоже, вы идете впереди.

– Об этом пока слишком рано судить, – осторожно отозвался Мертон.

– Скажите, доктор, почему вы решили вести яхту в одиночку? Потому что до вас этого никто не делал?

– А разве это не уважительная причина? Но дело, конечно, не только в этом. – Он помолчал, подбирая слова. – Вы знаете, как сильно ход солнечной яхты зависит от ее массы. Второй человек да еще все запасы для него – это лишних пятьсот фунтов, которые могут решить исход гонок.

– Вы вполне уверены, что справитесь с «Дианой»?

– Достаточно уверен, для этого я и установил автоматы. Моя главная задача – следить и принимать решения.

– Но ведь какой парус – две квадратные мили! Просто не верится, чтобы один человек мог управляться с такой махиной!

Мертон рассмеялся:

– Почему? Эти две квадратные мили дают максимальную тягу десять фунтов. Ее можно одолеть одним мизинцем.

– Ну ладно, спасибо, доктор. Желаю успеха. Я еще свяжусь с вами.

Комментатор выключился, а Мертон ощутил запоздалую неловкость. Ведь он сказал не всю правду, а Блер достаточно проницателен, чтобы понять это.

Есть еще одна причина, почему он сейчас *один* здесь, в космосе.

Почти сорок лет он работал с бригадами по сто, даже по тысяче человек, создавая самые сложные двигательные аппараты, какие когда-либо видел свет. Последние двадцать лет он руководил конструкторским бюро и видел, как его творения взмывают к звездам. (Иногда бывали и неудачи, которых нельзя забыть, хоть вина и не его.) Он прославился, за его плечами блестящая карьера. Но сам он

никогда не был главным действующим лицом, всегда выступал в ряду со многими.

Это его последняя надежда лично отличиться. До следующих гонок не меньше пяти лет – период спокойного Солнца кончился, идет полоса скверной погоды, в солнечной системе будут бушевать радиационные штормы. Когда снова станет безопасно ходить на этих хрупких, не защищенных броней яхтах, он уже будет стар.

Мертон бросил в мусорный ящик пустые коробки из-под еды и снова повернулся к перископу. В первый миг он обнаружил только пять яхт, «Вумера» куда-то исчезла. Прошло несколько минут, прежде чем он отыскал ее – туманный призрак на фоне звезд, парализованный тенью «Лебедева». Он хорошо представлял себе, как австралазийцы лихорадочно пытаются выбраться из ловушки. Как же они попались? Очевидно, у «Лебедева» необычайно высокая маневренность; стоит присматривать за ним, хотя сейчас он слишком далеко, чтобы угрожать «Диане».

Земли почти не видно, остался только узенький яркий серп, стремящийся к Солнцу. Рядом с пламенной дугой тускло обрисована ночная сторона планеты; тут и там в просветах между тучами поблескивает зарево больших городов. Темный диск уже заслонил часть Млечного Пути, через несколько минут он начнет закрывать Солнце.

Свет угасал; по мере того как «Диана» бесшумно погружалась в тень Земли, парус загорался сумеречным пурпурным оттенком – отблеском многократных закатов, удаленных на тысячи миль. Солнца кануло за невидимый горизонт, и в несколько минут сгустилась ночь.

Мертон посмотрел назад вдоль орбиты, по которой

прошел уже четверть пути вокруг родной планеты. Одна за другой гасли яркие звездочки остальных, когда они следом за ним ныряли в быстротечную ночь.

Какой-нибудь час – и Солнце опять покажется из-за огромного черного щита; до тех пор все они беспомощны, должны идти по инерции.

Он включил прожектор и стал просвечивать его лучом темный парус.

Тысячи акров пленки уже сморщились, обмякли, фалы провисают, надо скорей подтягивать их, пока не запутались. Но это в порядке вещей. Все идет как было задумано. Отставшим от него миль на пятьдесят «Арахне» и «Санта-Марии» повезло меньше. Мертон узнал, какая неприятность их постигла, когда вдруг заработало радио на аварийной волне.

– Номер два, номер шесть, говорит контроль. Вам грозит столкновение. Ваши орбиты пересекутся через шестьдесят пять минут! Вам нужна помощь?

Наступило долгое молчание, два капитана переваривали недобрую весть.

Интересно, кто из них виноват? Вероятно, одна яхта пыталась закрыть другую тенью и не успела закончить маневр, как обе вошли в мрак. А теперь уже ничего не поделаешь.

Но ведь у них есть еще шестьдесят пять минут! Они успеют снова выйти на Солнце из-за Земли. Если паруса тогда уловят достаточно энергии, они сумеют, может быть, избежать столкновения. Наверно, сейчас на «Арахне» и «Санта-Марии» вычислители работают с полной нагрузкой.

«Арахна» ответила первой, и ответ был именно такой, какого ожидал Мертон.

– Контроль, здесь номер шесть. Спасибо, нам не нужна помощь. Сами справимся.

«Любопытно будет посмотреть», – подумал Мертон. Надвигается первый драматический эпизод гонки, и произойдет он как раз над линией полуночи на спящей Земле.

Весь следующий час Мертон был слишком занят своим собственным парусом, чтобы волноваться из-за «Арахны» и «Санта-Марии».

Не так-то просто уследить за пятьюдесятью миллионами квадратных футов теряющегося во тьме пластика, освещенного лишь узким лучом прожектора да сиянием далекой Луны. Отныне и на протяжении почти половины околоземной орбиты надо держать всю эту огромную плоскость ребром к Солнцу. В ближайшие двенадцать-четырнадцать часов парус будет только помехой – ведь яхта пойдет навстречу Солнцу, и его лучи могут отбросить ее назад. Жаль, что нельзя совсем убрать парус, пока он не понадобится вновь. Еще никто не придумал, как это сделать.

Далеко внизу вдоль кромки Земли занимался рассвет. Через десять минут кончится затмение Солнца; лучи ударят в паруса, и плывущие по инерции яхты опять оживут. Это будет критическая минута для «Арахны» и «Санта-Марии», для всех участников.

Мертон повернул перископ и поймал два силуэта, парящих среди звезд.

Совсем близко друг от друга, от силы их разделяют три мили.

А что, может быть, и впрямь справятся… Словно взрыв, вспыхнула заря – это Солнце вынырнуло из Тихого океана. На миг парус и фалы стали алыми, потом золотыми, потом ослепительно белыми: наступил день. Стрелки динамометров самую малость оторвались от нуля. «Диана» по-прежнему была почти совсем невесомой; солнечный ветер дул в лоб, и ускорение упало до миллионных долей G.

Но «Арахна» и «Санта-Мария», силясь разойтись, не хотели убирать паруса, которые мучительно медленно расправлялись, ощутив первое легкое дуновение солнечного ветра. Меньше двух миль теперь разделяло яхты.

Наверно, все телевизионные экраны на Земле сейчас показывают эту затянувшуюся драму.

Капитаны обеих яхт были люди упрямые. Каждый из них мог обрубить фалы и сойти, уступив другому путь, но они не пошли на это – слишком много поставлено на карту: деньги, слава, престиж.

Мягко и беззвучно, будто снежинки в зимнюю ночь, «Арахна» и «Санта-Мария» столкнулись.

Квадратный змей как-то незаметно слился с круглой паутиной; медленно, как во сне, заколыхались, переплетаясь, длинные фалы. Как ни занят был Мертон своими снастями, он не мог оторвать глаз от этой неслышимой, растянутой во времени катастрофы.

Два паруса, словно серебристые колышущиеся облака, продолжали сливаться в одну сплошную, нерасчленимую массу. Это длилось минут десять, наконец обе капсулы вырвались на волю и пошли в разные стороны, разминувшись в каких-нибудь ста ярдах друг от друга. Спасатель-

ные катера со светящимися хвостами реактивных струй ринулись вдогонку за ними.

«Так, теперь нас осталось пять, – подумал Мертон. – Жаль, конечно, этих ребят, которые в самом начале гонки все испортили друг другу; ничего, они молодые, будет еще случай показать себя».

А через несколько минут число участников сократилось до четырех.

Мертон усомнился в конструкции «Солнечного луча», как только увидел его; теперь сомнения оправдались.

Вращение сделало марсианскую яхту слишком устойчивой, она не хотела лавировать. Вместо того чтобы повернуться ребром к Солнцу, огромное кольцо смотрело на него всей плоскостью, и яхту погнало обратно почти с предельным ускорением.

Самое досадное, что может случиться с яхтсменом, хуже даже, чем столкновение, потому что винить надо только себя. Впрочем, вряд ли кто-нибудь сочувствует сейчас безнадежно отставшим от строя поселенцам. Уж больно они зазнаются там, на Марсе, – поделом им!

И со счетов сбрасывать «Солнечный луч» рано; впереди еще полмиллиона миль, может и догнать.

Следующие двенадцать часов, пока Земля переходила из одной фазы в другую, прошли без приключений. На этой части орбиты, где идешь без тяги, делать особенно нечего. Но Мертон не томился, считая часы. Он успел вздремнуть, дважды поел, сделал записи в бортовом журнале, два-три раза участвовал в радиоинтервью. Изредка вызывал другие яхты, обмениваясь приветствиями и шутками со своими соперниками. А вообще, его вполне устраивал этот отдых в

невесомости, вдали от всех земных забот. Давно он не был так счастлив. Мертон чувствовал себя властелином своей судьбы, насколько это вообще возможно в космосе: он вел яхту, в которую вложил столько ума и души, что она стала как бы частью его самого. Следующий несчастный случай произошел, когда они проходили между Землей и Солнцем.

Здесь начиналась та часть орбиты, где дул *попутный* солнечный ветер. Мертон увидел, как парус «Дианы» после поворота расправляется под напором лучей.

Ускорение, упавшее до тысячных долей G, стало возрастать, но требовался еще не один час, чтобы оно достигло наибольшей величины.

Однако «Паутине» не суждено было дождаться этого. Минута, когда вновь появлялась тяга, всегда была для яхт критической, и «Паутина» не выдержала испытания.

Блер продолжал комментировать гонки, и Мертон, хоть и убавил громкость, расслышал тревожную новость: «Внимание! У «Паутины» биение!» Он поспешил к перископу и направил его на огромный круглый парус соперника, но в первый миг не заметил никакой перемены. Конечно, трудно все рассмотреть, когда объект обращен к тебе почти ребром и ты видишь узкий эллипс, однако в конце концов он убедился, что по парусу медленно ползет грозная рябь. Если команда не сумеет ее унять осторожным, точно рассчитанным подергиванием фалов, парус сам себя разорвет в клочья.

Они старались изо всех сил, и через двадцать минут стало казаться, что биение прекратилось. Вдруг пластик лопнул где-то посередине. Под напором лучей брешь неуклонно росла и лоскутья вытягивались, будто струйки

дыма над костром. Через четверть часа остались только радиальные лонжероны, на которых была натянута исполинская паутина. Снова зарево ракет: катер пошел на перехват капсулы с удрученной командой.

– Этак скоро совсем один останешься здесь, а? – сказал чей-то голос, вызывая Мертона на разговор.

– Тебе-то, Дмитрий, нечего бояться, – ответил он. – Ты там не одинок. Вот мне тут, впереди, в самом деле неуютно.

Он не хвастался: «Диана» на триста миль оторвалась от ближайшего соперника, и разрыв этот обещал вскоре стать еще больше.

Дмитрий Марков добродушно рассмеялся у себя на «Лебедеве». Сразу слышно – он не признает себя побежденным.

– Вспомни притчу о зайце и черепахе, – сказал русский. – На отрезке в четверть миллиона миль многое может случиться.

Положение изменилось уже, когда они завершили первый виток по околоземной орбите и проходили линию старта, – правда, на тысячи миль выше благодаря дополнительной энергии, которую им отдали лучи Солнца. Мертон тщательно замерил координаты остальных яхт и сообщил данные вычислительной машине. Итог, полученный для «Вумеры», показался ему таким неправдоподобным, что он тотчас все проверил снова.

Никакого сомнения: австралазийцы догоняют его с *неслыханной* скоростью.

Одного внимательного взгляда в перископ было достаточно, чтобы выяснить, в чем дело. Слишком тонкие снасти «Вумеры» лопнули. И теперь *один парус*, сохраняя

свою форму, летел в космосе, словно влекомый ветром платок. Два часа спустя он пронесся мимо «Дианы» меньше чем в двадцати милях; но задолго до этого австралазийцы присоединились к тем, кто собрался на катере коммодора.

Итак, все свелось к поединку между «Дианой» и «Лебедевым». Правда, «марсиане» не сдавались, но при таком отставании – около тысячи миль – они уже не представляли угрозы для лидеров гонки.

По чести говоря, Мертону казалось, что и «Лебедеву» уже не догнать «Дианы», и все-таки он нервничал на втором витке, когда вновь наступило затмение, а затем опять начался долгий, медленный дрейф против солнечного ветра.

Он знал *русских* водителей и конструкторов. Они не первый раз участвовали в гонках. До тех пор им не удавалось победить. Но ведь их соотечественник Петр Николаевич Лебедев в начале двадцатого столетия первым открыл световое давление солнечных лучей. Естественно, что они упорствуют. Дмитрий, наверно, задумал что-нибудь эффектное.

* * *

Коммодор Ванстраттен, идя в тысяче миль позади участников гонки, в эту минуту с досадой читал только что поступившую радиограмму. Она пролетела больше ста миллионов миль от цепочки солнечных обсерваторий, которые кружили высоко над пылающей поверхностью светила. И она принесла самые неприятные вести.

Правда, для коммодора (всего лишь почетный титул, на Земле он был профессором астрофизики в Гарварде) они не были такой уж неожиданностью.

Еще никогда гонки не устраивали так поздно; было много всяких задержек, решили все-таки рискнуть – и, похоже, проиграли…

Глубоко в недрах Солнца копилась чудовищная сила, эквивалентная энергии миллиона водородных бомб. В любую секунду мог произойти чудовищный взрыв, известный под названием «солнечная вспышка». Со скоростью миллионов миль в час незримый огненный шар во много раз больше Земли оторвется от Солнца и уйдет в космос.

Возможно, что облако ионизированного газа пронесется в стороне от Земли. Если же нет, ему понадобится чуть больше суток, чтобы достичь ее.

Космические корабли защищены мощными магнитными экранами, но легкие солнечные яхты, с корпусами не толще бумаги, безоружны против такой угрозы. Команды придется снять.

Начиная второй виток вокруг Земли, Джон Мертон еще не знал об этом.

Он думал о своем. Если ничего не изменится, это будет последний виток для него и для русских. Под напором солнечного ветра они поднялись по спирали на тысячи миль. На втором витке они преодолеют земное тяготение и устремятся в долгий путь к Луне. Исход решится в поединке *двух* яхт; больше ста тысяч миль команда «Солнечного луча» доблестно сражалась с вращающимся парусом, но в конце концов пришлось сдаться.

Мертон не чувствовал усталости. Он хорошо поел, поспал; «Диана» вела себя безукоризненно. Автопилот, который подтягивал снасти, словно трудолюбивый паучок, лучше любого одушевленного водителя держал точно по ветру солнечный парус. Хотя этот лист пластика площадью в две квадратные мили, наверно, уже пробит сотнями микрометеоритов, крохотные проколы ничуть не уменьшили тягу.

Только две вещи его тревожили. Во-первых, перестал слушаться фал номер восемь. Внезапно заело реле. Команды не выполнялись – ни выдать, ни выбрать линь; надо как-то обходиться остальными.

К счастью, самые трудные маневры позади, отныне «Диане» все время идти прямо по ветру. Как говорили в старину моряки, легко справляться с судном, когда ветер дует тебе в спину.

Вторая забота – «Лебедев», который упорно преследовал его с разрывом в триста миль. Благодаря четырем крыльям, окружающим главный парус, русская яхта оказалась на редкость маневренной. Все повороты на околоземной орбите она выполнила сверхточно; правда, за такую маневренность пришлось расплатиться скоростью – двух зайцев сразу поймать нельзя. И Мертон надеялся сохранить преимущество на длинной прямой. Однако полной уверенности в победе не будет, пока «Диана» через три-четыре дня не пронесется над обратной стороной Луны.

И тут, на пятидесятом часу гонок, когда завершался второй виток, Марков поднес ему сюрприз.

– Алло, Джон, – небрежно сказал он, включившись в межяхтенную сеть, – посмотри-ка, тебе, наверно, будет интересно.

Мертон подвинулся к перископу и включил предельное увеличение. В поле зрения, такой неправдоподобный среди звезд, очень маленький, но очень четкий, мальтийским крестом засверкал «Лебедев». Вдруг на глазах у него все четыре крыла отделились от квадрата в середине и ушли в космос.

Теперь, когда Марков набрал вторую космическую скорость и не нужно было больше терпеливо кружить по околоземной орбите, копя кинетическую энергию, он сбросил излишнюю массу. С этой минуты «Лебедев» почти неуправляем, но это неважно, все сложные маневры позади. Все равно как если бы какой-нибудь яхтсмен прошлого намеренно освободил лодку от руля и тяжелого киля, зная, что дальше его ждет попутный ветер и тихое море.

– Поздравляю, Дмитрий, – сказал Мертон в микрофон. – Ловко сделано. Но этого мало, все равно ты меня не догонишь.

– Это еще не все, – услышал он в ответ.

В самом деле, на последнем, прямом участке Дмитрий может обойтись без второго пилота.

– Вряд ли Алексей обрадуется, – заметил Мертон. – И ведь это против правил.

– Да, Алексею придется поплавать десять минут одному, пока его не подберет коммодор. А что до правил – в них ничего не говорится о численности экипажа. Уж ты-то должен это знать!

Мертон промолчал; исходя из того, что ему было известно о конструкции «Лебедева», он торопливо обрабатывал новые данные. Закончив вычисления, Мертон убедился, что исход далеко не решен. У самой Луны «Лебедев» его догонит.

Однако судьба гонок уже определилась в девяноста двух миллионах миль от трассы.

На Солнечной обсерватории номер три, внутри орбиты Меркурия, автоматические приборы записали весь ход вспышки. Внезапный взрыв превратил сто миллионов квадратных миль поверхности Солнца в бело-голубое пекло, рядом с которым остальной диск словно померк. Из бурлящего ада, крутясь и извиваясь, будто живое существо, в созданном ею же самой магнитном поле вырвалась струя плазмы. А впереди нее со скоростью света мчалась, предупреждая, волна рентгеновского и ультрафиолетового излучения.

Она достигнет Земли за восемь минут и вреда ни причинит. Иное дело заряженные атомы, летящие следом со скоростью всего четыре миллиона миль в час. Через сутки они окутают смертоносным облаком «Диану», «Лебедева» и сопровождающий отряд.

Коммодор откладывал решение до последней минуты. Даже когда струя плазмы прошла орбиту Венеры, еще была надежда, что она не коснется Земли.

Но когда до встречи с ней осталось меньше четырех часов и сеть лунных радаров подала сигнал тревоги, он понял, что больше ждать нельзя.

Следующие пять-шесть лет, пока не успокоится Солнце, никаких гонок не будет.

Вздох разочарования пронесся по всей солнечной системе. «Диана» и «Лебедев» шли почти рядом на полпути между Землей и Луной, но никто так и не узнает, какая яхта лучше. Болельщики будут спорить годами, а в историю войдет короткая запись: «Гонки отменены из-за солнечной бури».

Получив приказ, Джон Мертон расстроился так, как не расстраивался с самого детства. Сквозь завесу лет отчетливо и ярко пробилось воспоминание о десятом дне рождения. Ему была обещана модель – точное повторение знаменитого космического корабля «Утренняя звезда»; несколько недель он представлял себе, как будет ее собирать, где повесит в своей комнате. И вдруг, в последнюю секунду, слова отца: «Прости меня, Джон, слишком уж дорого. Может быть, к следующему дню рождения…»

Спустя полвека, прожив славную жизнь, он снова был убитым горем мальчишкой.

А если не подчиниться? Пренебречь запретом и идти дальше? Пускай отменили гонки, его перелет войдет во все отчеты и будет долго вспоминаться.

Нет, это хуже глупости – это самоубийство, к тому же очень мучительное. Джон Мертон видел агонию людей, пораженных лучевой болезнью, потому что отказала магнитная защита их кораблей. Слишком дорогая цена…

Он переживал не только за себя, но и за Дмитрия Маркова. Оба заслужили победу, но она никому не достанется. Пусть человек научился запрягать лучи светила и мчаться к рубежам космоса – спорить с разъяренным Солнцем ему не дано.

В пятидесяти милях за «Дианой» катер коммодора уже подошел к «Лебедеву», чтобы снять капитана. Унесся вдаль серебристый парус: Дмитрий обрубил снасти, и Мертон вполне понимал его чувства. Маленькая капсула будет доставлена обратно на Землю, может быть, даже еще раз пойдет в дело, но паруса делались только на один рейс.

Можно нажать кнопку катапультирующего устройства

и сберечь спасателям несколько минут. Но это было свыше сил Мертона, он хотел до последнего оставаться на суденышке, которое так долго было частью его грез и его жизни. Могучий парус, развернутый под прямым углом к Солнцу, развил предельную тягу. Он уже давно вырвал яхту из объятий Земли, и «Диана» продолжала наращивать скорость.

Внезапно его осенило. Он знал, что делать. Ни сомнений, ни колебаний: Джон Мертон в последний раз обратился к вычислительной машине, которая помогла ему пройти половину пути до Луны.

Закончив вычисления, он завернул вместе бортовой журнал и скромное личное имущество. С трудом (разучился уже, да и не так-то просто справиться с этим в одиночку!) Мертон влез в аварийный скафандр. Он как раз закрыл окошко гермошлема, когда радио донесло голос коммодора:

– Через пять минут подойдем к вам, капитан. Обрубите парус, чтобы нам не запутаться.

Джон Мертон, первый и последний капитан солнечной яхты «Диана», на секунду замешкался. Он еще раз обвел взглядом миниатюрную кабину со сверкающими приборами и умело размещенными рычагами, которые теперь были наглухо закреплены в одной позиции.

Наконец сказал в микрофон:

– Оставляю судно. Не спешите, все равно меня найдете. «Диана» сама за собой последит.

Его порадовало, что коммодор воздержался от ответа. Профессор Ванстраттен, конечно, понял, в чем дело. И понял, что в эти завершающие секунды Мертону хочется побыть одному.

Он не стал откачивать воздух из переходной камеры, и вырвавшийся из нее газ мягко понес его прочь от «Дианы»; толчок отдачи был последним даром Мертона яхте. Она быстро удалялась, и парус ее ярко блестел в лучах Солнца, которые на века определят путь «Дианы». Через два дня она пронесется мимо Луны, и та, как и Земля, не сможет ее удержать.

Освобожденный от тормозящей массы, парус с каждым днем будет увеличивать свою скорость на две тысячи миль в час. Месяц – и «Диана» будет идти быстрее любого из созданных человеком кораблей.

Чем дальше, тем слабее лучи Солнца, и ускорение начнет падать. Но даже на орбите Марса скорость за сутки будет нарастать на тысячу миль в час. И задолго до того ход яхты будет таким, что даже Солнце ее не удержит. Быстрее любой кометы она устремится в межзвездную пучину, недоступную воображению человека.

Глаза Мертона заметили зарево ракет в нескольких милях. Катер идет за ним – с ускорением, в тысячи раз большим, чем то, которое когда-либо сможет развить «Диана». Но двигатели катера израсходуют запас горючего в несколько минут, а солнечная яхта сотни лет будет наращивать скорость, подстегиваемая неугасимым пламенем Солнца.

– Прощай, кораблик, – сказал Джон Мертон. – Интересно, чьи глаза увидят тебя и через сколько тысяч лет?

Кургузая торпеда подошла вплотную, но на душе у Мертона было легко.

Ему уже никогда не выиграть гонку до Луны, но его суденышко первым вышло в долгое плавание к звездам.

ЮПИТЕР ПЯТЬ

Профессор Форстер такой коротышка, что для него пришлось сделать особый космический скафандр. Однако, как это часто бывает, малый рост с лихвой возмещается кипучей энергией и задором. Когда я познакомился с ним, он уже двадцать лет добивался осуществления своей мечты. Больше того, он сумел убедить множество трезвых дельцов, депутатов Всемирного совета и руководителей научных трестов, чтобы они финансировали его проект и снарядили для него корабль. Потом было немало примечательных событий, но я по-прежнему считаю это самым поразительным из достижений профессора…

«Арнольд Тойнби» стартовал с Земли с командой из шести человек. Кроме профессора и его главного помощника Чарльза Эштона, в состав экспедиции вошла обычная троица – пилот, штурман, инженер, а также два аспиранта, Билл Хоукинс и я. Мы с Биллом еще ни разу не бывали в космосе, и все нам казалось до того увлекательным, что нас нисколько не волновало, успеем ли мы вернуться на Землю до начала следующего семестра. Между прочим, нашего научного руководителя это, по-видимому, тоже не волновало. Характеристики, которые он нам написал, были полны эквивоков, но так как людей, мало-мальски разбирающихся в марсианских письменах, можно было сосчитать по пальцам одной руки (извините за штамп), нас взяли.

Поскольку летели мы на Юпитер, а не на Марс, было не совсем ясно, при чем тут *марсианские* письмена. Но мы кое-что знали о теории профессора и строили весьма хитроумные догадки. Они подтвердились – частично – на десятый день после отлета.

Когда по вызову профессора мы явились в его кабину, он встретил нас оценивающим взглядом. Даже при нулевой силе тяжести, когда мы цеплялись за что попало и уподоблялись плавающим водорослям, профессор Форстер всегда ухитрялся сохранять достоинство. Он посмотрел на Билла, потом на меня, потом опять на Билла, и мне показалось (конечно, я мог ошибиться), что он думает: «За что мне такое наказание?» Последовал глубокий вздох, явно означавший: «Все равно теперь уже поздно, ничего не поделаешь», и профессор заговорил – медленно, терпеливо, как обычно, когда он что-нибудь объясняет. Во всяком случае, он обычно говорит таким тоном с нами. Правда, мне сейчас пришло в голову, что… ладно, не будем отвлекаться.

– До сих пор, – начал он, – у меня просто не было времени рассказать вам о цели нашей экспедиции. Но, может быть, вы уже догадались?

– Мне кажется, я догадался, – ответил Билл.

– Ну-ка, послушаем. – В глазах профессора мелькнул задорный огонек.

Я хотел остановить Билла, но вы пробовали лягнуть кого-нибудь в состоянии невесомости?

– Вы ищете доказательства… то есть дополнительные доказательства вашей теории о диффузии внеземных культур.

– А как вы думаете, почему я ищу их на Юпитере?

– Точно не знаю, но мне кажется, вы рассчитываете найти что-нибудь на одном из его спутников…

– Блестяще, Билл, блестяще. Известно пятнадцать спутников Юпитера, причем их общая площадь прибли-

зительно равна половине земной поверхности. Где бы вы начали поиски, будь у вас на то неделька-другая? Мне это весьма интересно узнать.

Билл неуверенно поглядел на профессора, точно заподозрив его в сарказме.

– Я не очень силен в астрономии, – сказал он. – Но, кажется, в числе этих пятнадцати спутников есть четыре большие луны. Я бы начал с них.

– К вашему сведению, каждая из этих лун – Ио, Европа, Ганимед и Каллисто – по величине равна Африке. Вы стали бы обследовать их в алфавитном порядке?

– Нет, – сразу ответил Билл. – Я начал бы с той из них, которая ближе к планете.

– Пожалуй, не стоит больше напрасно тратить время на изучение вашей способности логически мыслить. – Профессор вздохнул, ему явно не терпелось начать заготовленную речь. – К тому же вы глубоко ошибаетесь. Большие спутники нам ни к чему. Их давно сфотографировали, а часть поверхности изучена непосредственно. Там нет ничего интересного для археолога. Мы же с вами летим на объект, который еще никто не исследовал.

– Неужели на Юпитер! – ахнул я.

– Что вы, к чему такие крайности! Но мы будем к нему так близко, как еще никто не бывал.

Он помолчал.

– Как известно, – впрочем, вам это вряд ли известно – между спутниками Юпитера путешествовать почти так же трудно, как между планетами, хотя расстояния намного меньше. Это объясняется тем, что у Юпитера мощнейшее гравитационное поле и спутники обращаются вокруг него с

удивительной быстротой. Наиболее близкий к планете спутник движется почти со скоростью Земли, и, чтобы попасть на него с Ганимеда, требуется примерно столько же горючего, сколько на маршруте Земля – Венера, хотя весь перелет занимает полтора дня. Вот этот-то перелет мы и осуществим. Никто до нас не летал туда, нечем было оправдать такие затраты. Диаметр Юпитера Пять всего каких-нибудь тридцать километров, и от него ничего интересного не ждали. На внешние спутники попасть куда легче, и все же на некоторые из них еще ни разу никто не высаживался – что толку зря расходовать горючее!

– Почему же мы его расходуем? – нетерпеливо перебил я.

Я считал, что из затеи профессора ничего не выйдет, но это меня не очень тревожило: было бы интересно и не слишком опасно.

Пожалуй, стоит сознаться (а впрочем, стоит ли? Ведь другие об этом помалкивают!), что в то время я абсолютно не верил в теорию профессора Форстера. Конечно, я понимал, что он блестящий специалист в своей области, но всему есть предел, и наиболее фантастические его идеи казались мне нелепостью. Нет, в самом деле, свидетельства были настолько шаткими, а выводы – настолько революционными, что поневоле усомнишься.

Возможно, вы еще помните, как был удивлен мир, когда первая экспедиция на Марс обнаружила следы не одной, а двух древних цивилизаций. Обе достигли высокого развития, но обе погибли свыше пяти миллионов лет назад. Причину их гибели пока установить не удалось. Во всяком случае, их погубила не война, потому что обе цивилизации

благополучно сосуществовали. Представители одного народа биологически напоминали насекомых, а представители второго были ближе к пресмыкающимся. По-видимому, аборигенами Марса были насекомые. Люди-рептилии (их цивилизацию обычно называют «культурой X») прибыли на планету позднее.

Во всяком случае, так считал профессор Форстер. Точно известно, что они владели секретом космических полетов: развалины их крестообразных городов были обнаружены не более и не менее как на Меркурии. По мнению Форстера, они пытались освоить все малые планеты; Земля и Венера им не подходили из-за большой силы тяжести. Профессора несколько огорчало, что на Луне не нашли никаких следов «культуры X», но он был уверен, что их найдут.

По общепринятой теории «культура X» первоначально возникла на какой-то малой планете или на спутнике. Люди-рептилии установили мирный контакт с марсианами – в ту пору единственными, кроме них, разумными существами в солнечной системе, – но затем их цивилизация погибла одновременно с марсианской. Однако профессор Форстер построил куда более смелую гипотезу. Он не сомневался, что «культура X» явилась в солнечную систему из межзвездного пространства, и его раздражало, что никто, кроме него, не верил в эту теорию; впрочем, не так уж сильно раздражало, ибо он принадлежит к числу людей, которые счастливы только тогда, когда находятся в меньшинстве.

Слушая рассказ профессора о его плане, я смотрел в иллюминатор на Юпитер. Это было великолепное зрелище.

Вот экваториальные пояса облаков, а вот, рядом с планетой, словно маленькие звездочки, – три спутника. Который из них Ганимед, первая остановка на нашем пути?

– Если Джек удостоит нас своим вниманием, – продолжал профессор, – я объясню, почему мы отправились в такую даль. Вы знаете, что в прошлом году я довольно много копался в развалинах в сумеречной зоне Меркурия. Возможно, вы знакомы с докладом, который я прочел по этому вопросу в Лондонском институте экономики. Может быть, вы даже сами сидели в аудитории. Помнится мне, в задних рядах был какой-то шум… Так вот: тогда я умолчал о том, что обнаружил на Меркурии важный ключ к разгадке происхождения «культуры X». Да-да, я ничего не сказал, как ни соблазнительно было дать сдачи тупицам вроде доктора Хотона, когда они пытались прохаживаться на мой счет. Не мог же я рисковать, что кто-нибудь доберется туда прежде, чем я смогу организовать экспедицию.

В числе моих находок был хорошо сохранившийся барельеф с изображением солнечной системы. Конечно, это не первое открытие такого рода – как вы знаете, астрономические мотивы часто встречаются и в собственно марсианском искусстве, и в искусстве «культуры X». Но здесь рядом с несколькими планетами, включая Марс и Меркурий, были проставлены какие-то непонятные значки. По-моему, эти символы как-то связаны с историей «культуры X». И, что всего любопытнее, особое внимание почему-то обращено на маленький Юпитер Пять, чуть ли не самый неприметный из спутников Юпитера. Я убежден, что именно там можно найти ключ ко всей проблеме «культуры X», – вот почему я и лечу туда.

Помнится, *тогда* рассказ профессора не произвел на нас с Биллом большого впечатления. Допустим, представители «культуры X» побывали на «Пятерке» и даже почему-то оставили там свои изделия. Конечно, было бы интересно раскопать их, но вряд ли они окажутся такими важными, как думает профессор. Вероятно, он был разочарован тем, как мало восторга мы проявили. Но он был сам виноват, потому что – мы в этом вскоре убедились – все еще кое-что таил от нас.

Примерно через неделю мы высадились на Ганимеде, крупнейшем спутнике Юпитера и единственном, на котором есть постоянная база – обсерватория и геофизическая станция с полусотней сотрудников. Все они были рады гостям, но мы задержались ненадолго, только для заправки, профессору не терпелось лететь дальше. Естественно, всех заинтересовало, почему мы направляемся именно на «Пятерку», но профессор хранил молчание, а мы не смели его нарушить – он не спускал с нас глаз.

Ганимед, между прочим, очень интересное место, и на обратном пути нам удалось поближе с ним познакомиться. Но я обещал статью о нем другому журналу, так что не буду распространяться здесь. (Постарайтесь не пропустить очередного номера «Национального астрографического журнала».)

Прыжок с Ганимеда на «Пятерку» занял чуть больше полутора дней. Было немного жутко наблюдать, как Юпитер растет с каждым часом, грозя заполнить все небо. Я мало смыслю в астрономии, но меня не покидала мысль о чудовищном гравитационном поле, в которое мы падали. Мало ли что может случиться! Скажем, горючее кончится и

мы не сумеем вернуться на Ганимед, а то и упадем на Юпитер.

Хотел бы я описать это зрелище: вращающийся перед нами колоссальный шар, опоясанный полосами свирепых бурь… Откровенно говоря, я даже попытался, но мои друзья литераторы, читавшие рукопись, посоветовали мне выбросить этот кусок. (Они надавали мне еще кучу советов, которые я решил не принимать всерьез, иначе этот рассказ вообще не увидел бы света.)

К счастью, теперь опубликовано столько цветных «портретов» Юпитера, что вы не могли их не видеть. Возможно, вам попался и тот снимок, который был причиной всех наших неприятностей. (Дальше вам все будет ясно.)

Наконец Юпитер перестал расти; мы вышли на орбиту «Пятерки», вот-вот – и мы догоним крохотную луну, стремительно обращавшуюся вокруг своей планеты. Все мы втиснулись в рубку, чтобы как можно раньше увидеть цель, – во всяком случае, все, кому хватило места. Мы с Биллом стояли у входа, пытаясь хоть что-то разглядеть через головы остальных. Кингсли Сирл, наш пилот, сидел в своем кресле, как всегда невозмутимый, инженер Эрик Фултон задумчиво жевал ус, глядя на топливомер, а Тони Грувс колдовал над своими таблицами.

Профессор словно прирос к окуляру телеперископа. Вдруг он вздрогнул и тихо ахнул. Потом молча кивнул Сирлу и уступил ему место у окуляра. Та же картина. Сирла сменил Фултон. Когда вздрогнул и Грувс, нам это надоело, мы протиснулись к окуляру и после короткого боя овладели им.

Не знаю, что именно я рассчитывал увидеть, во всяком случае, я был разочарован. В пространстве перед нами висела неполная луна, ее ночной сектор едва просматривался в отраженном свете Юпитера. И все.

Но вот мои глаза, как это бывает, когда достаточно долго смотришь в телескоп, начали различать детали. Поверхность спутника покрывали тонкие пересекающиеся линии, и вдруг я уловил в них определенную закономерность. Да-да, эти линии образовали геометрически правильную сетку, совсем как параллели и меридианы на земном глобусе. Вероятно, я тоже присвистнул от удивления, потому что Билл оттер меня и сам прильнул к окуляру.

До чего же самодовольный вид был у профессора Форстера, когда мы засыпали его вопросами.

– Конечно, – объяснил он, – для меня это не такая неожиданность, как для вас. Помимо барельефа, найденного на Меркурии, я располагал еще и другими данными. В обсерватории на Ганимеде работает один мой друг – я посвятил его в свою тайну, и последние несколько недель он основательно потрудился для меня. Человек посторонний удивился бы, как мало обсерватория занималась спутниками. Самые мощные приборы наведены на внегалактические туманности, а остальные – на Юпитер и только на Юпитер.

Что касается «Пятерки», то сотрудники обсерватории измерили ее диаметр и сделали несколько общих снимков, чем дело и ограничилось. Снимки вышли недостаточно четкие и не выявили линий, которые мы с вами сейчас видели, не то, конечно, этим вопросом занялись бы раньше.

Стоило мне попросить моего друга Лоутона навести на «Пятерку» стосантиметровый рефлектор, как он их сразу обнаружил. Кроме того, он отметил одну вещь, на которую давно следовало бы обратить внимание. Диаметр «Пятерки» – всего тридцать километров, но яркость никак не соответствует таким малым размерам. Когда сравниваешь ее отражательную способность или альдеб… аль…

– Альбедо!

– Спасибо, Тони… Когда сравниваешь ее альбедо с альбедо других лун, оказывается, что она гораздо лучше их отражает свет. Отражает, как *полированный металл*, а не как горная порода.

– Вот оно что! – воскликнул я. – Народ «культуры X» покрыл «Пятерку» *внешней оболочкой*! Что-то вроде куполов, которые мы знаем по Меркурию, только побольше.

Профессор поглядел на меня с явным состраданием.

– Вы все еще не догадались! – сказал он.

По-моему, это было не совсем справедливо с его стороны. Скажите откровенно: вы на моем месте лучше справились бы с задачей?

Через три часа мы опустились на огромную металлическую равнину. Глядя в иллюминатор, я чувствовал себя карликом. Муравей, взобравшийся на газгольдер, наверно, понял бы меня. А тут еще громада Юпитера над головой. Даже обычная самоуверенность профессора как будто уступила место почтительной робости.

Равнина была не совсем гладкой. Ее прочерчивали широкие полосы на стыках громадных металлических плит. Эти самые полосы, вернее, образованную ими сетку мы и видели из космоса.

Метрах в трехстах от нас возвышалось что-то вроде пригорка. Мы заприметили его еще в полете, когда обследовали маленький спутник с высоты. Всего таких выступов было шесть. Четыре помещались на равном расстоянии друг от друга вдоль экватора, два на полюсах. Напрашивалась догадка, что перед нами входы, ведущие внутрь металлической оболочки.

Я знаю, многие думают, будто бродить в космическом скафандре по планете с малым тяготением, без атмосферы – занятие чрезвычайно увлекательное. Эти люди ошибаются. Нужно столько всего помнить, делать столько проверок и принимать столько мер предосторожности, что тут уж не до романтики. Во всяком случае так обстоит дело со мной. Правда, на этот раз я был так возбужден, когда мы выбрались из шлюза, что не помнил абсолютно ничего.

Сила тяжести на «Пятерке» так мала, что *ходить* там нельзя. Связанные, как альпинисты, мы скользили по металлической равнине, используя отдачу реактивных пистолетов. На концах цепочки находились опытные космонавты Фултон и Грувс, и всякая опрометчивая инициатива тотчас тормозилась.

Через несколько минут мы добрались до цели – широкого, низкого купола около километра в окружности. А может быть, это огромный воздушный шлюз, способный принять целый космический корабль?.. Все равно мы сможем проникнуть внутрь только благодаря какой-нибудь счастливой случайности – ведь механизмы, несомненно, давно испортились, да хоть бы и не испортились, нам с ними не справиться. Что может быть мучительнее: стоять на пороге величайшего археологического открытия и ощущать свою полнейшую беспомощность!

Мы обогнули примерно четверть окружности купола, когда увидели зияющее отверстие в металлической оболочке. Оно было невелико, метра два в поперечнике, и настолько правильной формы, что мы даже не сразу сообразили, что это такое. Потом я услышал в радиофоне голос Тони:

– А ведь это не искусственное отверстие. Мы обязаны им какому-то метеориту.

– Не может быть! – возразил профессор Форстер. – Оно слишком правильное.

Тони стоял на своем.

– Большие метеориты всегда оставляют круглые отверстия, разве что удар был направлен по касательной. Посмотрите на края – сразу видно, что был взрыв. Вероятно, сам метеор вместе с оболочкой испарились и мы не найдем никаких осколков.

– Что ж, это вполне возможно, – вставил Кингсли. – Сколько стоит эта конструкция? Пять миллионов лет? Удивительно, что мы не нашли других кратеров.

– Возможно, вы угадали. – На радостях профессор даже не стал спорить. – Так или иначе, я войду первым.

– Хорошо, – сказал Кингсли; ему, как капитану, принадлежало последнее слово в таких вопросах. – Я вытравлю двадцать метров троса и сам сяду на краю, чтобы можно было поддерживать радиосвязь. А не то оболочка будет экранировать.

И профессор Форстер первым вошел внутрь «Пятерки» – честь, принадлежавшая ему по праву. А мы столпились около Кингсли, чтобы он мог нам передавать, что говорит профессор.

Форстер ушел недалеко. Как и следовало ожидать, внутри первой оболочки была вторая. Расстояние между ними позволяло стоять во весь рост, и, светя фонариком в разные стороны, он всюду видел ряды подпорок и стоек, но и только.

Прошло еще двадцать четыре томительных часа, прежде чем нам удалось проникнуть дальше. Помню, под конец я не выдержал и спросил профессора, как это он не догадался захватить взрывчатки. Профессор обиженно посмотрел на меня.

– Того, что есть на корабле, хватит, чтобы всех нас отправить на тот свет, – ответил он. – Но взрывать – значит рисковать что-нибудь разрушить. Лучше постараемся придумать другой способ.

Вот это выдержка! Впрочем, я его понимал. Что такое лишний день, если ищешь уже двадцать лет?

Вход нашел – кто бы вы думали? – Билл Хоукинс. Возле северного полюса этой маленькой планеты он обнаружил громадную, метров сто в поперечнике пробоину. Метеорит пробил тут *обе* внешние оболочки. Правда, за ними оказалась еще третья, но благодаря одному из тех совпадений, которые случаются, если прождать несколько миллионов лет, в это отверстие угодил другой метеорит, поменьше, и пропорол ее. Третья пробоина была совсем небольшая, только-только пролезть человеку в скафандре. Мы нырнули в нее один за другим.

Наверно, во всю жизнь мне не доведется испытать такого странного чувства, какое владело мной, когда я висел под этим исполинским сводом, будто паук под куполом собора Святого Петра. Мы знали, что нас окружает ог-

ромное пространство, но не знали, как оно велико, потому что свет фонарей не давал возможности судить о расстоянии. Здесь не было пыли, не было воздуха, поэтому лучи были попросту невидимы. Направишь луч на купол – светлый овал скользит все дальше, расплывается и наконец совсем пропадает. Посветишь «вниз» – видно какое-то бледное пятно, но так далеко, что ничего не разобрать.

Под действием еле заметной силы тяжести мы медленно падали, пока нас не остановили тросы. Над собой я видел мерцающий кружок там, где мы входили; конечно, далековато, но все-таки легче на душе.

Я раскачивался на тросе, во тьме кругов мерцали бледные звездочки – фонарики моих товарищей, и тут меня вдруг осенило. Забыв, что все радиофоны настроены на одну волну, я завопил:

– Профессор, по-моему, это вовсе не планета! Это космический корабль.

И тут же смолк, чувствуя себя последним дураком. Секунду царила напряженная тишина, затем, она сменилась нестройным гулом – все заговорили разом. Тем не менее я разобрал голос профессора Форстера и сразу понял, что он удивлен и доволен.

– Совершенно верно, Джек. На этом корабле «культура X» прибыла в солнечную систему.

Кто-то – кажется, Эрик Фултон – недоверчиво хмыкнул.

– Это фантастика! Корабль поперечником в тридцать километров!

– Уж вы-то должны в этом разбираться, – заметил профессор неожиданно кротко. – Представьте себе, что

какая-то цивилизация задумала пересечь межзвездное пространство – как решить задачу? Только так: собрать в космосе управляемый планетоид, хотя бы на это ушло не одно столетие. Ведь надо обеспечить несколько поколений всем необходимым, поэтому корабль должен быть самостоятельным миром, отсюда такие размеры. Кто знает, сколько солнц они облетели, прежде чем нашли наше и кончились их поиски? Наверно, у них были и другие корабли, поменьше, чтобы спускаться на планеты, база же в это время оставалась где-нибудь в космосе. Они выбрали эту орбиту вокруг самой большой планеты, где можно было спокойно оставить корабль на веки вечные – или до той поры, пока он не понадобится опять. Простейшая логика: если пустить базу вокруг солнца, со временем притяжение планет изменит ее орбиту настолько, что потом не отыщешь. Здесь же ничего подобного произойти не могло.

– Скажите, профессор, – спросил кто-то, – вы все это знали еще до начала экспедиции?

– Предполагал… Такой вывод подсказывали все факты. Пятый спутник всегда отличался некоторыми странностями, но до сих пор на это как-то не обращали внимания. Почему эта крохотная луна находится так близко от Юпитера, в семьдесят раз ближе, чем остальные малые спутники? С точки зрения астрономии это нелепо. А теперь довольно болтовни. Нас ждет работа.

И какая это была работа! На долю нашей семерки выпало величайшее археологическое открытие всех времен, и нам предстояло исследовать целый мир – пусть маленький, пусть искусственный, но все-таки мир. Что мы могли сделать? Наскоро провести беглую разведку, ведь материала здесь было достаточно для поколений исследователей.

Прежде всего мы спустили в проем мощный прожектор, подвешенный на длинном кабеле, который соединял его с кораблем. Прожектор должен был не только освещать внутреннюю часть спутника (до сих пор не могу заставить себя называть «Пятерку» кораблем), но и служить нам маяком. Затем мы спустились вдоль кабеля до следующего яруса. При такой малой силе тяжести падение с высоты в один километр ничем не грозило; легкий толчок полностью погашался пружинящими шестами, которыми мы вооружились.

Не буду занимать место описанием всех чудес «Пятерки», и без того опубликовано достаточно снимков, карт и книг. (Кстати, следующим летом в издательстве «Сиджвик энд Джексон» выйдет моя книга.) Что мне хотелось бы, так это передать вам ощущения людей, которые первыми проникли в этот странный металлический мир. Но я, поверьте, просто не помню, что чувствовал, когда мы увидели первую входную шахту, словно накрытую исполинским грибом. Должно быть, случившееся чудо настолько поразило и взволновало меня, что частности просто забылись. Однако я помню, какое впечатление произвели на меня размеры конструкции. Этого никакие фотографии не могут передать. Создатели «Пятерки», уроженцы планеты с небольшим тяготением, были настоящие великаны, в четыре человеческих роста. Рядом с их сооружениями мы выглядели пигмеями.

В тот первый раз мы не проникли дальше верхних ярусов и не видели тех чудес науки, которые были открыты последующими экспедициями. Да нам и в жилых отсеках хватало работы; проживи мы несколько жизней, и то не

управились бы со всем. По-видимому, в прошлом внутренний шар освещался искусственным солнечным светом, источником которого была тройная защитная оболочка, но позволявшая атмосфере улетучиться в космос. На поверхности шара юпитеряне (так уж повелось называть представителей «культуры X») старательно воспроизвели условия покинутого ими мира. Вполне возможно, что у них были дожди и туманы, дни и ночи, сменялись времена года. Они взяли с собой в изгнание даже крохотное «море». Вода сохранилась, превратившись в ледяное поле шириной около трех километров. Говорят, как только будут заделаны пробоины в наружных оболочках, воду подвергнут электролизу и восстановят на «Пятерке» атмосферу.

Чем больше мы видели, тем больше нам нравились существа, в чьи владения мы вторглись впервые за пять миллионов лет. Они были великанами, они прилетели из другой солнечной системы, но в них было много человеческого. И бесконечно жаль, что наши цивилизации разминулись на какие-то секунды, если мерить космическими масштабами.

Наверное, еще никому в истории археологии так не везло, как нам. Во-первых, космический вакуум предохранил все от разрушения. Во-вторых, юпитеряне – на это уж никак нельзя было рассчитывать, – принимаясь осваивать солнечную систему, оставили на корабле немало сокровищ. На поверхности внутреннего шара все выглядело так, как будто долгое путешествие корабля закончилось только вчера. Возможно, странники решили сберечь базу как святыню, как память о покинутой родине, а может быть, думали, что им эти вещи еще когда-нибудь пригодятся.

Так или иначе, все сохранилось в первозданном виде. Иной раз даже страшно становилось. Фотографирую вместе с Биллом великолепную резьбу, и вдруг буквально душа сжимается от чувства какой-то вневременности. И я пугливо озираюсь: кажется, вот-вот в эти стрельчатые двери войдут великаны и возобновят прерванную на миг работу.

Мы открыли галерею искусств на четвертый день. Иначе не скажешь, это была именно галерея. Когда Грувс и Сирл после беглой разведки южного полушария доложили об этом открытии, мы решили сосредоточить там все наши силы. Ведь, как сказал кто-то, в искусстве выражается душа народа. Мы надеялись найти там ответ на загадку «культуры X».

Постройка была громадной, даже для таких исполинов. Металлическая, как и все остальные постройки на «Пятерке», она, однако, не казалась бездушно практичной. Ее шпиль взметнулся вверх на половину расстояния до крыши этого мира, и издали, откуда не видно деталей, здание походило на готический собор. Некоторые авторы, сбитые с толку этим случайным сходством, называют это здание храмом, но мы не обнаружили никаких следов религии у юпитерян. Другое дело – Храм искусств, недаром это название укоренилось так прочно.

Приблизительно подсчитано, что в одном этом хранилище от десяти до двадцати миллионов экспонатов – лучших плодов долгой истории народа, который, вероятно, был намного старше человечества. Именно здесь я обнаружил небольшое круглое помещение, сперва показавшееся мне всего лишь местом пересечения шести ради-

альных коридоров. Я отправился на разведку один, нарушая приказ профессора, и теперь искал кратчайшего пути обратно, к своим товарищам. По сторонам беззвучно уходили назад темные стены, свет фонаря плясал по потолку впереди. Потолок был покрыт высеченными письменами, и я с таким вниманием изучал их в надежде обнаружить знакомые сочетания, что не замечал ничего вокруг. Вдруг я увидел статую и навел на нее фонарь.

Первое впечатление от великого произведения искусства всегда неповторимо. А тут еще оно усиливалось тем, какой предмет был изображен. Я первым из всех людей узнал, как выглядели юпитеряне, – да-да, передо мной стоял юпитерянин, несомненно изваянный с натуры, изваянный рукой подлинного мастера.

Узкая змеиная голова была повернута ко мне, незрячие глаза смотрели прямо в мои. Верхние две руки, как бы выражая отрешенность, были прижаты к груди, две другие держали инструмент, назначение которого не разгадано до сих пор. Мощный хвост – видимо, он, как у кенгуру, служил опорой для тела – был распростерт по полу, подчеркивая впечатление покоя.

Ни лицом, ни телом он не походил на человека. Так, совсем отсутствовали ноздри, а на шее виднелось что-то вроде жаберных щелей. И все-таки эта фигура глубоко тронула меня. Я никогда не думал, что художник может так победить время, преодолеть барьер, разделяющий две культуры. «Не человек, но так человечен!» – сказал о скульптуре профессор Форстер. Конечно, многое отличало нас от творцов этого мира, но в главном мы были близки друг другу.

Мы ведь способны по морде собаки или лошади, отнюдь не родственных созданий, догадываться об их чувствах. Так и здесь мне казалось, что я понимаю чувства существа, которое стояло передо мной. Я видел мудрость, видел ту твердость, спокойную, уверенную силу, которой, например, проникнут знаменитый портрет дожа Лоредано кисти Джованни Беллини. Но угадывалась и печаль, печаль народа, который совершил безмерный подвиг – и понапрасну.

До сих пор остается загадкой, почему эта статуя оказалась единственным изображением юпитерянина. Вряд ли у столь просвещенного народа могли быть какие-нибудь табу на этот счет. Возможно, мы узнаем, в чем дело, когда расшифруем надписи на стенах маленького зала.

Впрочем, назначение статуи и без того понятно. Ее поставили, чтобы она, одержав победу над временем, приветствовала здесь того, кто когда-нибудь пройдет по следу ее творцов. Наверно, именно поэтому она сделана намного меньше натуральной величины. Видно, они уже тогда догадывались, что будущее принадлежит Земле или Венере, а это значит – существам, которые выглядели бы карликами рядом с юпитерянами. Они понимали, что физические размеры могут оказаться таким же барьером, как время.

Через несколько минут я отыскал своих товарищей и вместе с ними направился к кораблю, спеша рассказать про свое открытие профессору, который весьма неохотно оставил работу, чтобы немного отдохнуть, – все время, пока мы находились на «Пятерке», профессор Форстер спал не больше четырех часов в сутки. Когда мы выбрались из

пробоины и вновь оказались под звездами, металлическую равнину заливал золотистый свет Юпитера.

– Вот так штука! – услышал я в радиофоне голос Билла. – Профессор передвинул корабль.

– Чепуха, – возразил я. – Он стоит там, где стоял.

Но тут я повернул голову и понял, почему Билл ошибся. К нам прибыли гости.

В двух-трех километрах от нашего корабля стояла его вылитая копия – во всяком случае, так казалось моему неопытному глазу. Быстро пройдя через воздушный шлюз, мы обнаружили, что профессор, с припухшими от сна глазами, уже развлекает гостей. Их было трое, в том числе – к нашему удивлению и, честно говоря, удовольствию – одна прехорошенькая брюнетка.

– Познакомьтесь, – каким-то тусклым голосом сказал профессор Форстер. – Это мистер Рэндольф Мейз. Автор научно-популярных книг. А это… – Он повернулся к Мейзу: – Простите, я не разобрал фамилии…

– Мой пилот, Дональд Гопкинс… моя секретарша, Мериэн Митчелл.

Слову «секретарша» предшествовала короткая пауза, почти незаметная, однако вполне достаточная, чтобы в моем мозгу замигала сигнальная лампочка. Я не выдал своих чувств, однако Билл бросил на меня взгляд, который красноречивее всяких слов сказал; «Если ты думаешь то же, что я, мне за тебя стыдно».

Мейз был высокий, лысоватый, тощий мужчина, излучавший доброжелательность, без сомнения напускную, – защитная окраска человека, для которого дружеский тон был профессиональным приемом.

– Очевидно, это для вас такой же сюрприз, как и для меня, – произнес он с чрезмерным добродушием. – Никак не ожидал, что меня здесь кто-то опередит. Я уже не говорю обо всем этом…

– Зачем вы сюда прилетели? – спросил Эштон, стараясь не показаться чересчур подозрительным.

– Я как раз объяснял профессору. Мериэн, дайте мне, пожалуйста, папку. Спасибо.

Достав из папки серию прекрасно выполненных картин на астрономические темы, он роздал их нам. Это были виды планет с их спутников, сюжет достаточной избитый.

– Вы, конечно, видели сколько угодно картин в этом роде, – продолжал Мейз. – Но эти не совсем обычны, им почти сто лет. Написал их художник по имени Чесли Боунстелл, они были напечатаны в «Лайфе» в 1944 году, задолго до начала межпланетных полетов. А теперь редакция «Лайф» поручила мне облететь солнечную систему и посмотреть, насколько *фантазия* художника была близка к правде. В сотую годовщину первой публикации репродукции опять появятся в журнале, а рядом будут фотографии с натуры. Хорошо придумано, верно?

В самом деле, неплохо. Но появление второй ракеты несколько осложняло дело… Что-то думает об этом профессор? Тут я перевел взгляд на мисс Митчелл, которая скромно стояла в сторонке, и решил, что нет худа без добра.

Мы были бы только рады другим исследователям, если бы не вопрос о приоритете. Можно было наперед сказать, что Мейз израсходует здесь все свои пленки и полным ходом помчится обратно на Землю, махнув рукой на за-

дание редакции. Как ему помешаешь – да и стоит ли? Широкая реклама, поддержка прессы нам только на пользу, но мы предпочли бы сами выбрать время и образ действия. Я спросил себя, можно ли считать профессора тактичным человеком, и решил, что беды не миновать.

Однако на первых порах дипломатические отношения развивались вполне удовлетворительно. Профессору пришла в голову отличная мысль – каждый из нас был прикреплен к кому-то из группы Мейза и совмещал обязанности гида и надзирателя. И так как число исследователей удвоилось, работа пошла гораздо быстрее. Ведь в таких условиях опасно ходить в одиночку, и прежде это сильно замедляло дело.

На следующий день после прибытия Мейза профессор рассказал нам, какой политики он решил придерживаться.

– Надеюсь, обойдется без недоразумений, – сказал он, слегка хмурясь. – Что до меня, то пусть ходят, где хотят, и снимают, сколько хотят, только бы ничего не брали и не вернулись со своими снимками на Землю раньше нас.

– Не представляю себе, как мы им можем помешать, – возразил Эштон.

– Видите ли, я думал избежать этого, но пришлось сделать заявку на «Пятерку». Вчера вечером я радировал на Ганимед, и сейчас моя заявка, наверно, уже в Гааге.

– Но ведь заявки на астрономические тела не регистрируются. Мне казалось, этот вопрос был решен еще в прошлом веке, в связи с Луной.

Профессор лукаво улыбнулся.

– Вы забываете, речь идет не об астрономическом теле. В моей заявке речь идет о спасенном имуществе, и я сделал

ее от имени Всемирной организации наук. Если Мейз что-нибудь увезет с «Пятерки», это будет кража у ВОН. Завтра я очень мягко растолкую мистеру Мейзу, как обстоит дело, пока его еще не осенила какая-нибудь блестящая идея.

Странно было думать о Пятом спутнике как о спасенном имуществе, и я заранее представлял себе, какие юридические споры разгорятся, когда мы вернемся домой. Но пока что ход профессора обеспечил нам определенные права, поэтому Мейз поостережется собирать сувениры – так мы оптимистически считали.

С помощью разных уловок я добился того, что несколько раз меня назначали напарником Мериэн, когда мы отправлялись обследовать «Пятерку». Мейз явно не имел ничего против этого, да и с чего бы ему возражать: космический скафандр – самая надежная охрана для молодой девушки, черт бы его побрал.

Разумеется, при первой возможности я сводил ее в галерею искусств и показал свою находку. Мериэн долго смотрела на статую, освещенную лучом моего фонаря.

– Как это прекрасно, – молвила она наконец. – И только представить себе, что она миллионы лет ждала здесь в темноте! Но ее надо как-то назвать.

– Уже. Я назвал статую «Посланник».

– Почему?

– Понимаете, для меня это в самом деле посланник или гонец, если хотите, который донес до нас весть из прошлого. Ваятели знали, что рано или поздно кто-нибудь явится.

– Пожалуй, вы правы. Посланник… Действительно,

совсем неплохо. В этом есть что-то благородное. И в то же время очень грустное. Вам не кажется?

Я убедился, что Мериэн очень умная женщина. Просто удивительно, как хорошо она меня понимала, с каким интересом рассматривала все, что я ей показывал. Но «Посланник» поразил ее воображение сильнее всего, она снова и снова возвращалась к нему.

– Знаете, Джек, – сказала она (кажется, на следующий день после того, как Мейз приходил посмотреть статую), – вы должны привезти это изваяние на Землю. Представляете себе, какая будет сенсация!

Я вздохнул.

– Профессор был бы рад, но в ней не меньше тонны. Горючего не хватит. Придется ей подождать до следующего раза.

На лице Мериэн отразилось удивление.

– Но ведь здесь предметы ничего не весят, – возразила она.

– Это совсем другое, – объяснил я. – Есть вес, и есть инерция. Инерция… Ну да неважно. Так или иначе, мы не можем увезти статую. Капитан Сирл наотрез отказывается.

– Как жаль, – сказала Мериэн.

Я вспомнил этот разговор только вечером накануне нашего отлета. Целый день мы трудились как заведенные, укладывая снаряжение (разумеется, часть мы оставили для будущих экспедиций). Все пленки были израсходованы. Как объявил Чарли Эштон, попадись нам теперь живой юпитерянин, мы не смогли бы запечатлеть этот факт. По-моему, каждый из нас жаждал хотя бы небольшой передышки, чтобы на свободе разобраться в своих впечат-

лениях и прийти в себя от лобового столкновения с чужой культурой.

Корабль Мейза «Генри Люс» был тоже почти готов к отлету. Мы условились стартовать одновременно; это как нельзя лучше устраивало профессора – он не хотел бы оставлять Мейза на «Пятерке» одного.

Итак, все было готово, но тут, просматривая наши записи, я вдруг обнаружил, что не хватает шести экспонированных пленок. Тех, на которые мы сняли надписи в Храме искусств. Поразмыслив, я вспомнил, что эти пленки были вручены мне и что я аккуратно положил их на карниз в Храме, с тем чтобы забрать позже.

Старт еще не скоро, профессор и Эштон, наверстывая упущенное, крепко спят, почему бы мне не сбегать потихоньку за пленками? Я знал, что за пропажу мне намылят голову, а тут каких-нибудь полчаса – и все будет в порядке. И я отправился в Храм искусств, на всякий случай предупредив Билла.

Прожектор, конечно, был убран, и внутри «Пятерки» царила гнетущая темнота. Но я оставил у входа сигнальный фонарь, прыгнул и падал, пока не увидел, что пора прервать свободное падение. Десять минут спустя я уже держал в руках забытые пленки.

Желание еще раз проститься с «Посланником» было только естественным. Кто знает, сколько лет пройдет, прежде чем я увижу его вновь, а этот спокойно-загадочный образ притягивал меня.

К сожалению, притягивал он не только меня. Пьедестал был пуст, статуя исчезла.

Конечно, я мог незаметно вернуться и никому ничего не

говорить во избежание неприятных объяснений. Но я был так взбешен, что меньше всего думал об осторожности. Возвратившись на корабль, я тотчас разбудил профессора и доложил ему о случившемся.

Он сел на койке, протирая глаза, и произнес по адресу мистера Мейза и его спутников несколько слов, которых здесь лучше не воспроизводить.

– Одного не понимаю, – недоумевал Сирл, – как они ее вытащили. А может быть, не вытащили? Мы должны были заметить их.

– Там столько укромных уголков. А потом улучили минуту, когда никого из нас не было поблизости, и вынесли ее. Не так-то просто это было сделать, даже при здешнем тяготении. – В голосе Эрика Фултона звучало явное восхищение.

– Сейчас не время обсуждать их уловки, – рявкнул профессор. – У нас есть пять часов на то, чтобы придумать какой-нибудь план. Раньше они не взлетят, ведь мы только что прошли точку противостояния с Ганимедом. Я не ошибаюсь, Кингсли?

Сирл кивнул.

– Нет, лучше всего стартовать, когда мы окажемся по ту сторону Юпитера, – всякая другая траектория полета потребует слишком много горючего.

– Отлично. Значит, мы располагаем временем. У кого есть предложения?

Теперь, задним числом, мне иногда кажется, что мы поступили несколько странно и не совсем так, как приличествует цивилизованным людям. Всего два-три месяца назад нам и в голову не пришло бы ничего похожего. Но мы

предельно устали, и мы страшно рассердились, и к тому же вдалеке от остального человечества все выглядело как-то иначе. Закон отсутствовал, оставалось только самим вершить правосудие…

– Можем мы *помешать* им взлететь? Например, повредить их двигатель? – спросил Билл.

Сирл наотрез отверг эту идею.

– Всему есть предел, – сказал он. – Не говоря уже о том, что Дон Гопкинс мой друг. Он мне никогда не простит, если я выведу из строя его корабль. Особенно если потом окажется, что поломку нельзя исправить.

– Украдем горючее, – лаконично посоветовал Грувс.

– Правильно! Видите, иллюминаторы темные, значит, все спят. Подключайся и откачивай.

– Прекрасная мысль! – вмешался я. – Но до их ракеты два километра. Какой у нас трубопровод? Сто метров наберется?

На мои слова не обратили ни малейшего внимания; все продолжали обсуждать идею Грувса. За пять минут технические вопросы были решены, оставалось только надеть скафандры и приступить к работе.

Записываясь в экспедицию профессора Форстера, я не подозревал, что когда-нибудь окажусь в роли африканского носильщика из древнего приключенческого романа и буду таскать груз на голове. И какой груз – одну шестую часть космического корабля! (От профессора Форстера, при его росте, проку было немного.) На Пятом спутнике корабль с полупустыми баками весил около двухсот килограммов. Мы подлезли под него, поднатужились – и оторвали его от площадки. Конечно, оторвали не сразу,

ведь масса корабля оставалась неизменной. Затем мы потащили его вперед.

Все это оказалось несколько сложнее, чем мы думали, и идти пришлось довольно долго. Но вот наконец второй корабль стоит рядом с первым. На «Генри Люсе» ничего не заметили, экипаж крепко спал, полагая, что и мы спим не менее крепко.

Я слегка запыхался, но радовался, как школьник, когда Сирл и Фултон вытащили из нашего воздушного шлюза трубопровод и тихонько подсоединили его к бакам «Генри Люса».

– Прелесть этого плана в том, – объяснил мне Грувс, – что они не могут нам помешать, для этого надо выйти и отсоединить трубопровод. Мы выкачаем все за пять минут, а им нужно две с половиной минуты только на то, чтобы надеть скафандры.

Вдруг мне стало очень страшно.

– А если они запустят двигатели и попытаются взлететь?

– Тогда от нас всех останется мокрое место. Да нет, сперва они выйдут проверить, в чем дело. Ага, насосы заработали.

Трубопровод напрягся, как пожарный рукав под давлением, – значит, горючее начало поступать в наши баки. Мне казалось, что вот-вот иллюминаторы «Генри Люса» озарятся светом и ошеломленный экипаж выскочит наружу, и я даже разочаровался, когда этого не произошло. Видно, крепко они спали, если даже не ощутили вибрации от работающих насосов. Но вот перекачка закончена, Сирл и Фултон осторожно убрали трубопровод и уложили его в шлюз. Все обошлось, и вид у нас был довольно глупый.

– Ну? – спросили мы у профессора.

– Вернемся на корабль, – ответил он, поразмыслив.

Мы сняли скафандры, кое-как втиснулись в рубку, и профессор, сев к передатчику, отбил на ключе сигнал тревоги. После этого оставалось подождать несколько секунд, пока сработает автомат на корабле соседей.

Ожил телевизор, на нас испуганно глядел Мейз.

– А, Форстер! – буркнул он. – Что случилось?

– У нас – ничего, – ответил профессор бесстрастно. – А вот вы кое-что потеряли. Поглядите на топливомер.

Экран опустел, а из динамика вырвались нестройные возгласы. Но вот опять показался Мейз – злой и не на шутку встревоженный.

– В чем дело? – сердито рявкнул он. – Вы к этому причастны?

Профессор дал ему покипеть, потом наконец ответил:

– Мне кажется, будет лучше, если вы придете к нам для переговоров. Тем более что идти вам недалеко.

Мейз слегка опешил, но тут же отчеканил:

– И приду!

Экран опять опустел.

– Придется ему пойти на попятный! – злорадно сказал Билл. – Другого выхода у него нет!

– Не так все это просто, – охладил его Фултон. – Если бы Мейз захотел, он не стал бы даже разговаривать с нами, а вызвал бы по радио заправщика с Ганимеда.

– А что ему это даст? Он потеряет несколько дней и уйму денег.

– Зато у него останется статуя. А деньги он вернет через суд.

Вспыхнула сигнальная лампочка шлюза, и в рубку втиснулся Мейз. Судя по его лицу, он успел все взвесить по дороге и настроился на мирный лад.

– Ну-ну, – начал он добродушно. – Зачем вы затеяли всю эту чепуху?

– Вы отлично знаете зачем, – холодно ответил профессор. – Я же прямо объяснил вам, что с «Пятерки» ничего вывозить нельзя. Вы присвоили имущество, которое вам не принадлежит.

– Но послушайте! Кому оно принадлежит? Не станете же вы утверждать, что на этой планете все – ваша личная собственность?

– Это не планета – это корабль, а значит, тут приложим закон о спасенном имуществе.

– Весьма спорный вопрос. Вы не думаете, что лучше подождать, когда ваши претензии подтвердит суд?

Профессор держался весьма вежливо, но я видел, что это стоит ему огромных усилий.

– Вот что, мистер Мейз, – произнес он со зловещим спокойствием. – Вы забрали самую важную из сделанных нами находок. Я могу в какой-то мере извинить ваш поступок, так как вам не понять археолога, вроде меня, и вы не отдаете себе отчета в том, что сделали. Верните статую, мы перекачаем вам горючее и забудем о случившемся.

Мейз задумчиво потер подбородок.

– Не понимаю, почему столько шума из-за какой-то статуи, ведь здесь много всякого добра.

И вот тут-то профессор допустил промах.

– Вы рассуждаете, словно человек, который украл из Лувра «Монну Лизу» и полагает, что ее никто не хватится,

раз кругом висит еще столько картин! Эта статуя настолько уникальна, что никакое произведение искусства на Земле не идет с ней в сравнение. Вот почему она должна быть возвращена.

Когда торгуешься, нельзя показывать, насколько ты заинтересован в заключении сделки. Я сразу заметил алчный огонек и глазах Мейза и сказал себе: «Ага! Он заартачится». Вспомнились слова Фултона насчет заправщика с Ганимеда.

– Дайте мне полчаса на размышление, – сказал Мейз, поворачиваясь к выходу.

– Пожалуйста, – сухо ответил профессор. – Но только полчаса, ни минуты больше.

Мейз все-таки был далеко не глуп: не прошло и пяти минут, как его антенна медленно повернулась и нацелилась на Ганимед. Конечно, мы попытались перехватить разговор, но он работал с засекречивателем. Эти газетчики, как видно, не очень доверяют друг другу.

Ответ был передан через несколько минут и тоже засекречен. В ожидании дальнейших событий мы снова устроили военный совет. Профессор дошел до той стадии, когда человек идет напролом, ни с чем не считаясь. Сознание своей ошибки только прибавило ему ярости.

Очевидно, Мейз чего-то опасался, потому что вернулся он с подкреплением. Его сопровождал пилот Дональд Гопкинс, который явно чувствовал себя неловко.

– Все улажено, профессор, – сообщил Мейз с торжеством. – На худой конец я смогу вернуться без вашей помощи, хотя это займет немного больше времени. Но я не отрицаю, что лучше договориться, это сбережет и время, и

деньги. Вот мое последнее слово: вы возвращаете горючее, а я отдаю вам все остальные – э-э – сувениры, которые собрал. Но «Монна Лиза» остается у меня, даже если я из-за этого смогу попасть на Ганимед только на следующей неделе.

Сперва профессор изрек некоторое число проклятий, которые принято называть космическими, хотя, честное слово, они мало чем отличаются от земной ругани. Облегчив душу, он заговорил с недоброй учтивостью:

– Любезный мистер Мейз, вы отъявленный мошенник, и, следовательно, я не обязан с вами церемониться. Я готов применить силу, закон меня оправдает.

Мы заняли стратегические позиции у двери. На лице Мейза отразилась легкая тревога, совсем легкая.

– Оставьте эту мелодраму, – надменно произнес он. – Сейчас двадцать первый век, а не тысяча восьмисотые годы, и здесь не Дикий Запад.

– Дикий Запад – это тысяча восемьсот восьмидесятые годы, – поправил его педантичный Билл.

– Считайте себя арестованным, а мы пока решим, как поступить, – продолжал профессор. – Мистер Сирл, проводите его в кабину Б.

Мейз с нервным смешком прижался спиной к стене.

– Полно, профессор, это ребячество! Вы не можете задерживать меня против моей воли. – Он взглянул на капитана «Генри Люса», ища у него поддержки.

Дональд Гопкинс стряхнул с кителя незримую пылинку.

– Я не желаю вмешиваться во всякие свары, – произнес он в пространство.

Мейз злобно посмотрел на своего пилота и нехотя сдался. Мы снабдили его книгами и заперли.

Как только Мейза увели, профессор обратился к Гопкинсу, который завистливо глядел на наши топливомеры.

– Я не ошибусь, капитан, – вежливо сказал он, – если предположу, что вы не желаете быть соучастником махинаций вашего нанимателя.

– Я нейтрален. Мое дело – привести корабль сюда и обратно на Землю. Вы уж сами разбирайтесь.

– Спасибо. Мне кажется, мы друг друга отлично понимаем. Может быть, вы вернетесь на свой корабль и объясните ситуацию. Мы свяжемся с вами через несколько минут.

Капитан Гопкинс небрежной походкой направился к выходу. У двери он повернулся к Сирлу.

– Кстати, Кингсли, – бросил он. – Вы не думали о пытках? Будьте добры, известите меня, если решите к ним прибегнуть, – у меня есть кое-какие забавные идеи.

С этими словами он вышел, оставив нас с нашим заложником.

Насколько я понимаю, профессор рассчитывал на прямой обмен. Но он не учел одной вещи, а именно характера Мериэн.

– Поделом Рэндольфу, – сказала она. – А впрочем, какая разница? На вашем корабле ему ничуть не хуже, чем у нас, и вы ничего не посмеете с ним сделать. Сообщите мне, когда он вам надоест.

Тупик! Мы явно перемудрили и ровным счетом ничего не добились. Мейз был в наших руках, но это нам ничего не дало.

Профессор мрачно смотрел в иллюминатор, повернувшись к нам спиной. Исполинский диск Юпитера словно опирался краем на горизонт, закрыв собой почти все небо.

– Нужно ее убедить, что мы не шутим, – сказал Форстер. Он повернулся ко мне. – Как по-вашему, она по-настоящему любит этого мерзавца?

– Гм… Кажется, да. Да, конечно.

Профессор задумался. Потом он обратился к Сирлу:

– Пойдемте ко мне. Я хочу с вами кое-что обсудить.

Они отсутствовали довольно долго, когда же вернулись, на лицах обоих отражалось злорадное предвкушение чего-то, а профессор держал в руке лист бумаги, исписанный цифрами. Подойдя к передатчику, он вызвал «Генри Люса».

– Слушаю. – Судя по тому, как быстро ответила Мериэн, она ждала нашего вызова. – Ну как, решили дать отбой? А то ведь это уже становится скучным.

Профессор сурово посмотрел на нее.

– Мисс Митчелл, – сказал он. – Вы, очевидно, не приняли наши слова всерьез. Поэтому я решил показать вам… гм… что мы не шутим. Я поставлю вашего шефа в такое положение, что ему очень захочется, чтобы вы поскорее его выручили.

– В самом деле? – бесстрастно осведомилась Мериэн, однако мне показалось, что я уловил в ее голосе оттенок тревоги.

– Наверно, вы не очень разбираетесь в небесной механике, – продолжал профессор елейным голосом. – Я угадал? Жаль, жаль. Впрочем, ваш пилот подтвердит вам все, что я сейчас скажу. Верно, мистер Гопкинс?

– Валяйте, – донесся сугубо нейтральный голос.

– Слушайте внимательно, мисс Митчелл. Позвольте сначала напомнить вам, что наше положение на этом спутнике не совсем обычно, даже опасно. Достаточно выглянуть в иллюминатор, чтобы убедиться – Юпитер совсем рядом. Нужно ли напоминать вам, что поле тяготения Юпитера *намного* превосходит гравитацию остальных планет? Вам понятно все это?

– Да, – подтвердила Мериэн уже не так хладнокровно. – Продолжайте.

– Отлично. Наш мирок совершает полный оборот вокруг Юпитера за двенадцать часов. Так вот, согласно известной теореме, телу, падающему с орбиты, нужно ноль целых сто семьдесят семь тысячных периода, чтобы достичь центра сил притяжения. Другими словами, тело, падающее отсюда на Юпитер, достигнет центра планеты приблизительно через два часа семь минут. Капитан Гопкинс, несомненно, может вам это подтвердить.

После некоторой паузы мы услышали голос Гопкинса:

– Я, конечно, не могу поручиться за абсолютную точность приведенных цифр, но думаю, что все верно. Если и есть ошибка, то небольшая.

– Превосходно, – продолжал профессор. – Вы, разумеется, понимаете, – он добродушно усмехнулся, – что падение к центру планеты – случай чисто теоретический. Если в самом деле бросить здесь какой-нибудь предмет, он достигнет верхних слоев атмосферы Юпитера намного быстрее. Я надеюсь, вам не скучно меня слушать?

– Нет, – ответила Мериэн очень тихо.

– Чудесно. Тем более что капитан Сирл рассчитал для

меня, сколько же на самом деле продлится падение. Получается час тридцать пять минут, с возможной ошибкой в две-три минуты. Гарантировать абсолютную точность мы не можем, ха-ха! Вы, несомненно, заметили, что поле тяготения нашего спутника чрезвычайно мало. Вторая космическая скорость составляет здесь всего около десяти метров в секунду. Бросьте какой-нибудь предмет с такой скоростью, и он больше сюда не вернется. Верно, мистер Гопкинс?

– Совершенно верно.

– А теперь перейдем к делу. Сейчас мы думаем вывести мистера Мейза на прогулку. Как только он окажется точно под Юпитером, мы снимем с его скафандра реактивные пистолеты и… э… придадим мистеру Мейзу некое ускорение. Мы охотно догоним его на нашем корабле и подберем, как только вы передадите нам украденное вами имущество. Из моего объяснения, вы, конечно, поняли, что время играет тут очень важную роль. Час тридцать пять минут – удивительно короткий срок, не так ли?

– Профессор! – ахнул я. – Вы этого не сделаете!

– Помолчите! – рявкнул он. – Итак, мисс Митчелл, что вы на это скажете?

Лицо Мериэн отразило ужас, смешанный с недоверием.

– Это попросту блеф! – воскликнула она. – Я не верю, что вы это сделаете! Команда не позволит вам!

Профессор вздохнул.

– Очень жаль. Капитан Сирл, мистер Грувс, пожалуйста, сходите за арестованным и выполняйте мои указания.

– Есть, сэр, – торжественно ответил Сирл.

Мейз явно был испуган, но не думал уступать.

– Что вы еще задумали? – спросил он, когда ему дали его скафандр.

Сирл забрал его реактивные пистолеты.

– Одевайтесь, – распорядился он. – Мы идем гулять.

Только теперь я сообразил, что задумал профессор. Конечно, все это блеф, колоссальный блеф, он не бросит Мейза на Юпитер. Да если бы и захотел бросить, Сирл и Грувс на это не пойдут. Но ведь Мериэн раскусит обман, и мы сядем в лужу.

Убежать Мейз не мог; без реактивных пистолетов он был беспомощен. Сопровождающие взяли его под руки и потащили, будто привязной аэростат. Они тащили его к горизонту – и к Юпитеру.

Я посмотрел на соседний корабль и увидел, что Мериэн, стоя у иллюминатора, провожает взглядом удаляющееся трио. Профессор Форстер тоже заметил это.

– Надеюсь, мисс Митчелл, вы понимаете, что мои люди потащили не пустой скафандр. Позволю себе посоветовать вам вооружиться телескопом. Через минуту они скроются за горизонтом, но вы сможете увидеть мистера Мейза, когда он начнет… гм… восходить.

Динамик молчал. Казалось, томительному ожиданию не будет конца. Может быть, Мериэн задумала проверить решимость профессора?

Схватив бинокль, я направил его на небо над таким до нелепости близким горизонтом. И вдруг увидел крохотную вспышку света на желтом фоне исполинского диска Юпитера. Я быстро поправил фокус и различил три фигурки, поднимающиеся в космос. У меня на глазах они разделились: две притормозили ход пистолетами и начали падать

обратно на «Пятерку», а третья продолжала лететь прямо к грозному небесному телу.

Я в ужасе повернулся к профессору.

– Они это сделали! Я думал, что это блеф!

– Мисс Митчелл, несомненно, тоже так думала, – холодно ответил профессор, адресуясь к микрофону. – Надеюсь, мне не надо вам объяснять, чем грозит промедление. Кажется, я уже говорил, что падение на Юпитер с нашей орбиты длится всего девяносто пять минут. Но вообще-то хватит и сорока минут, потом будет поздно…

Он сделал выразительную паузу. Динамик молчал.

– А теперь, – продолжал профессор, – я выключаю приемник, чтобы избежать бесполезных споров. Разговор мы возобновим, только когда вы отдадите статую… И остальные предметы, о которых мистер Мейз столь неосмотрительно проговорился. Всего хорошего.

Прошло десять томительных минут. Я потерял Мейза из виду и уже спрашивал себя, не пора ли связать профессора и помчаться вдогонку за его жертвой, пока мы еще не стали убийцами. Но ведь кораблем управляют те самые люди, которые своими руками совершили преступление. Я вконец растерялся.

Тут на «Генри Люсе» медленно открылся люк и показались две фигуры в скафандрах, поддерживавшие предмет наших раздоров.

– Полная капитуляция. – Профессор удовлетворенно вздохнул. – Несите сюда, – распорядился он по радио. – Я открою шлюз.

Он явно не торопился. Я все время поглядывал на часы – прошло уже пятнадцать минут. В воздушном шлюзе за-

гремело, зазвенело, потом открылась дверь и вошел капитан Гопкинс. За ним следовала Мериэн, которой для полного сходства с Клитемнестрой не хватало только окровавленной секиры. Я боялся встретиться с ней взглядом, а профессор хоть бы что! Он прошел в шлюз, проверил, все ли возвращено, и вернулся, потирая руки.

– Ну, так, – весело сказал он. – А теперь присаживайтесь, выпьем и забудем это неприятное недоразумение.

– Вы с ума сошли! – возмущенно крикнул я, показывая на часы. – Он уже пролетел половину пути до Юпитера!

Профессор Форстер поглядел на меня с осуждением.

– Нетерпение – обычный порок юности, – произнес он. – Я не вижу никаких причин торопиться.

Тут впервые заговорила Мериэн; по ее лицу было видно, что она не на шутку испугана.

– Но ведь вы обещали, – прошептала она.

Профессор внезапно сдался. Последнее слово осталось за ним, и он вовсе не хотел продлевать пытку.

– Успокойтесь, мисс Митчелл, и вы, Джек, – Мейз в такой же безопасности, как и мы с вами. Его можно забрать в любую минуту.

– Значит, вы мне солгали?

– Ничуть. Все, что я вам говорил, – чистая правда. Только вы сделали неверный вывод. Когда я говорил вам, что тело, брошенное с нашей орбиты, упадет на Юпитер через девяносто пять минут, я – признаюсь, не без задней мысли – умолчал об одном важном условии. Надо было добавить: «Тело, находящееся в покое по отношению к Юпитеру». Ваш друг, мистер Мейз, летел по орбите вместе со спутником и с такой же скоростью, как спутник. Что-то

около двадцати шести километров в секунду, мисс Митчелл. Да, мы выбросили его с «Пятерки» по направлению к Юпитеру. Но скорость, которую мы ему сообщили, – пустяк, практически он продолжает лететь по прежней орбите. Он может приблизиться к Юпитеру – капитан Сирл все это высчитал – самое большое на сто километров. В конце витка, через двенадцать часов, он будет в той самой точке, откуда стартовал, без всякой помощи с нашей стороны.

Наступило долгое, очень долгое молчание. Лицо Мериэн выражало и досаду, и облегчение, и злость человека которого обвела вокруг пальца. Наконец она повернулась к капитану Гопкинсу.

– Вы, конечно, знали все это! Почему вы мне ничего не сказали?

Гопкинс укоризненно посмотрел на нее.

– Вы меня *не спросили,* – ответил он.

Мы забрали Мейза через час. Он улетел всего на двадцать километров, и нам ничего не стоило отыскать его по маячку на его скафандре. Его радиофон был выведен из строя, и теперь-то я понял почему. Мейз был достаточно умен, чтобы сообразить, что ему ничего не грозит, и, если бы радио работало, он связался бы со своими и разоблачил наш обман. А впрочем, кто знает! Лично я на его месте предпочел бы дать отбой, хотя бы совершенно точно знал, что со мной ничего не случится. Сдается мне, ему там было очень одиноко…

Догнав Мейза на самом малом ходу, мы втащили его внутрь. К моему удивлению, он не устроил нам никакой сцены: то ли был слишком рад вернуться в нашу уютную

кабину, то ли решил, что проиграл в честном бою и не стоит таить зла на победителя. Думаю, что второе вернее.

Ну вот, пожалуй, и все, если не считать, что на прощание мы еще раз натянули Мейзу нос. Ведь коммерческий груз на его корабле заметно уменьшился, значит, и горючего требовалось меньше, а излишки мы оставили себе. Это позволило нам увезти «Посланника» на Ганимед. Разумеется, профессор выписал Мейзу чек за горючее, все было вполне законно.

И еще один характерный эпизод, о котором я должен вам рассказать. В первый же день после того, как в Британском музее открылся новый отдел, я пошел туда посмотреть на «Посланника»: хотелось проверить, будет ли его воздействие на меня таким же сильным в новой обстановке. (Ну так вот: это было совсем не то, но все-таки впечатление сильное, и отныне я весь музей воспринимаю как-то иначе.) В зале было множество посетителей, и среди них я увидел Мейза и Мериэн.

Кончилось тем, что мы зашли в ресторан и очень приятно провели время за столиком. Надо отдать должное Мейзу, он не злопамятен. Вот только Мериэн меня огорчила.

Ей-богу, не понимаю, что она в нем находит.

КОЛЫБЕЛЬ НА ОРБИТЕ

Прежде чем мы начнем, хотелось бы подчеркнуть одну вещь, которую многие, похоже, забывают. Двадцать первый век наступит не завтра – он начнется годом позже, 1 января 2001 года. Хотя календари после полуночи будут

отсчитывать 2000 год, старый век продлится еще двенадцать месяцев. Каждые сто лет нам, астрономам, приходится снова и снова объяснять это, но все напрасно. Стоит в счете веков появиться двум нулям, как уже идет пир горой!

Так вы хотите узнать, какое событие больше всего запомнилось мне за полвека космических исследований… Конечно, уже взяли интервью у фон Брауна? Как он поживает? Приятно слышать; я не видел его после симпозиума в Астрограде в честь его восьмидесятилетия, с тех пор он не прилетал с Луны.

Что говорить, я повидал немало великих событий в истории космонавтики, начиная с запуска первого спутника. В двадцать пять лет я был вычислителем в Капустином Яру, недостаточно важная личность, чтобы присутствовать в контрольном центре, когда шел отсчет последних секунд. Но я *слышал* старт. Только однажды за всю жизнь я слышал звук, который поразил меня еще сильнее. (Что это было? После скажу.) Как только стало известно, что спутник вышел на орбиту, один из ведущих ученых вызвал свой ЗИЛ, и мы покатили в Волгоград отмечать событие. Сто километров одолели за то же время, за какое спутник совершил первый оборот вокруг Земли, – неплохая скорость! (Кто-то подсчитал, что выпитой на следующий день водки хватило бы для запуска крошки-спутника, который конструировали американцы, но я в этом не уверен.)

Большинство учебников истории утверждает, что именно тогда, 4 октября 1957 года, начался космический век. Я не собираюсь спорить с ними, но, по-моему, самое увлекательное было потом. Что может сравниться по драматизму с тем случаем, когда военные корабли США

мчались на выручку Дмитрию Калинину и в последний миг выловили из Южной Атлантики его капсулу? А радиорепортаж Джерри Уингейта, его красочные эпитеты, на которые ни один цензор не посмел покуситься, когда он обогнул Луну и впервые увидел воочию ее обратную сторону! А всего пять лет спустя – телевизионная передача из кабины «Германа Оберта», когда корабль прилунился на плато в Заливе Радуг. Он и сейчас там стоит вечным памятником людям, которых схоронили рядом с ним…

Все это были великие вехи на пути в космос, но вы ошибаетесь, если думаете, что я буду говорить о них. Меня больше всего поразило совсем другое. Я даже не уверен, сумею ли хорошо рассказать, а если и сумею – как вы это подадите? Ведь нового ничего не будет, газеты тогда только об этом и писали. Но большинство из них упустило самую суть, для прессы это была просто выигрышная «человечная» черточка, только и всего.

Было это через двадцать лет после запуска первого спутника, вместе с другими я находился тогда на Луне. Правда, к тому времени я стал уже слишком важной персоной, чтобы заниматься наукой. Прошло больше десятка лет с тех пор, как я составлял программы для электронной машины; теперь моя задача была несколько сложнее – «программировать» людей, ведь я отвечал за проект АРЕС, готовил первую экспедицию на Марс.

Стартовать, понятно, решили с Луны, там тяготение намного слабее и для запуска нужно в пятьдесят раз меньше горючего, чем на Земле. Хотели было собирать корабли на орбите спутника – еще меньше горючего надо для вылета, – но когда продумали все как следует, эта идея

отпала. Не так-то просто устраивать в космосе заводы и мастерские; невесомость скорее мешает, чем помогает, когда вам нужно, чтобы все предметы беспрекословно слушались вас. К тому времени, в конце семидесятых годов, Первая лунная база работала полным ходом. Химические заводы и всякие мелкие предприятия производили все для поселка. И мы решили использовать их, вместо того чтобы ценой огромных усилий и затрат сооружать в космосе новые.

«Альфу», «Бету» и «Гамму» – три корабля экспедиции – собирали на дне кратера Платона. Здесь в кольце гор простерлась, пожалуй, самая гладкая равнина этой стороны Луны, настолько обширная, что наблюдателю, стоящему в ее центре, и не придет в голову, что он находится на дне кратера: горы скрыты далеко за горизонтом. Герметичные купола базы стояли в десяти километрах от стартовой площадки и были связаны с ней канатной дорогой; эти дороги очень нравятся туристам, но, на мой взгляд, сильно уродуют лунный пейзаж.

В первые дни освоения жизнь на Луне была далеко не сладкой, мы не могли и мечтать об удобствах, которые теперь стали обычными. Центральный купол, с его парками и озерами, тогда существовал только на ватманской бумаге; впрочем, мы все равно не смогли бы им насладиться, проект АРЕС поглощал нас всецело. Человек готовился совершить первый прыжок в большой космос; уже в ту пору мы рассматривали Луну всего лишь как предместье Земли, камень в реке, на который можно опереться и прыгнуть, куда тебе надо. Наши мысли лучше всего выразить словами Циолковского – они висели у меня в кабинете на стене, чтобы каждый мог видеть:

НАША ПЛАНЕТА ЕСТЬ КОЛЫБЕЛЬ РАЗУМА, НО НЕЛЬЗЯ ВЕЧНО ЖИТЬ В КОЛЫБЕЛИ.

(Что вы сказали? Нет-нет, я никогда не встречался с Циолковским. В 1935 году, когда он умер, мне было всего четыре года!)

После многих лет секретности было очень приятно работать рука об руку с людьми всех наций над проектом, осуществлять который помогал весь мир. Из моих четырех заместителей один был американец, другой – индиец, третий – китаец, четвертый – русский. И хотя ученые разных стран всячески старались перещеголять друг друга, это было полезное соперничество, оно только шло на благо нашему делу. Посетителям, не забывшим старые недобрые времена, я не раз с гордостью напоминал: на Луне нет секретов.

Ну так вот, я ошибался: секрет был, притом у меня под носом, в моем собственном управлении. Возможно, я бы и заподозрил что-нибудь, если бы бесчисленные детали проекта АРЕС не заслонили от меня все прочее. Теперь-то, оглядываясь назад, я вижу, что было вдоволь всевозможных намеков и признаков, но тогда я ничего не заметил.

Правда, от моего внимания не ускользнуло, что Джим Хатчинс, мой молодой заместитель-американец, становится все более рассеянным, словно его что-то заботило. Раз или два пришлось даже сделать ему выговор за небольшие упущения; он обижался и заверял, что это не повторится. Хатчинс был типичный, ярко выраженный колледж-бой, каких Соединенные Штаты поставляют в изрядных количествах, очень добросовестный, хотя звезд с

неба не хватал. Он уже три года был на Луне и едва ли не первым забрал с Земли свою жену, как только отменили ограничения. Я так никогда и не выяснил, каким образом он оказался замешанным в этой истории; видимо, сумел нажать тайные пружины, хотя уж его-то никак нельзя было представить себе главным действующим лицом международного заговора. Да что там международного – тут и Луна участвовала, десяток людей, вплоть до высшего начальства в Управлении астронавтики.

Мне до сих пор кажется чудом, что они сумели все сохранить в тайне.

Восход солнца начался уже два дня назад по земному времени, но хотя четкие тени заметно укоротились, до лунного полудня было еще пять дней. Мы готовились провести первое статическое испытание двигателей «Альфы»; силовая установка была вся смонтирована, корпус корабля собран. Стоя на равнине, «Альфа» напоминала скорее часть нефтеперегонного комбината, чем космический корабль, но нам она казалась прекрасной, символом будущих завоеваний.

Момент ответственный: еще никогда не делали таких мощных термоядерных двигателей, и, несмотря на все старания, полной уверенности не было. Если теперь что-нибудь не сработает, проект АРЕС может быть оттянут не на один год…

Отсчет времени уже начался, когда ко мне подбежал Хатчинс – бледный и озабоченный.

– Мне нужно немедленно доложить на базу, – выпалил он. – Это очень важно!

– Важнее испытания? – язвительно осведомился я, сдерживая досаду.

Он помялся, словно хотел мне что-то объяснить, потом коротко ответил:

– Да, пожалуй…

– Хорошо, – сказал я, он тотчас исчез.

Я мог бы потребовать у него объяснения, но подчиненным надо доверять. Возвращаясь к центральному пульту управления, я раздраженно говорил себе, что сыт по горло этим взбалмошным юнцом, надо будет попросить, чтобы его забрали от меня. И ведь что всего удивительнее: он не меньше других волновался, как пройдет испытание, а сам вдруг умчался по канатной дороге на базу. Пузатый цилиндр кабины уже был на полпути к следующей опоре, скользя по едва заметным тросам подобно какой-то невиданной птице.

Пять минут спустя я совсем разозлился. Целая группа приборов-самописцев вдруг забастовала, пришлось отложить испытания на три часа. Я метался в контрольном центре, твердя всем и каждому (благо им некуда было от меня спастись), что у нас в Капустином Яру таких вещей не случалось. Наконец после второй чашки кофе я слегка успокоился; и тут в динамиках прозвучал сигнал «слушайте все». Только один сигнал считался еще важнее – вой аварийных сирен. За все мои годы в Лунном поселке я дважды слышал его – и надеюсь больше никогда не услышать.

Голос, который затем раздался в каждом помещении на Луне и в наушниках каждого рабочего на безмолвных равнинах, принадлежал генералу Моше Стайну, председателю Управления астронавтики. (Тогда еще существо-

вали всякие почетные титулы, хотя никто уже не придавал им значения.)

– Я говорю из Женевы, – начал генерал Стайн, – на мою долю выпало сделать важное сообщение. Последние девять месяцев проходил ответственнейший эксперимент. Мы держали его в секрете, считаясь с непосредственными участниками опыта и не желая пробуждать ненужных надежд или опасений. Вы помните, еще недавно многие специалисты вообще не верили, что человек сможет *жить* в космосе; и на сей раз нашлись пессимисты, они сомневались, удастся ли сделать следующий шаг в покорении Вселенной. Теперь доказано, что они ошибались: разрешите представить вам Джорджа Джонатана Хатчинса, первого Уроженца Космоса.

Последовал щелчок – какое-то переключение, – затем пауза, непонятные шорохи и шепот. И вдруг на всю Луну и половину Земли – звук, о котором я обещал вам рассказать, самый поразительный звук, какой мне довелось слышать за всю свою жизнь.

Это был слабый плач новорожденного младенца, первого в истории человечества, который родился вне Земли! В полной тишине, воцарившейся в контрольном центре, мы поглядели сперва друг на друга, потом на корабли на сияющей равнине. Всего несколько минут назад нам казалось, что на свете нет ничего важнее их. И вот им пришлось отступить перед тем, что произошло в медицинском центре – и что будет в грядущих веках происходить миллиарды раз в бесчисленных мирах.

Вот тогда-то, уважаемые друзья, я почувствовал, что человек действительно *утвердился* в космосе.

Неистовый лай в первый миг только раздосадовал меня. Я повернулся на другой бок и сонно буркнул:

– Замолчи, глупая собака.

Но дремота длилась лишь долю секунды; тут же я совсем очнулся, вернулось сознание, и с ним пришел страх. Страх одиночества, страх безумия.

Я боялся открыть глаза, боялся увидеть. Рассудок говорил мне, что еще ни одна собака не ступала на поверхность этого мира, что между мной и Лайкой – четверть миллиона миль в пространстве, больше того – пять лет во времени.

– Тебе приснилось, – сердито сказал я себе. – Не будь идиотом, открой, глаза! Крашеные стены – вот все, что ты увидишь.

Разумеется, так и было. Крохотная кабина пуста, дверь плотно затворена. Я был наедине со своими воспоминаниями, во власти неясной печали, которая часто овладевает человеком, когда яркий сон сменяется тусклой действительностью. Ощущение утраты было настолько горьким, что хотелось снова уснуть. Хорошо, что я устоял: в тот миг сон был равносилен смерти. Но я не подозревал этого еще пять секунд – целую вечность, которую я провел на Земле, ища утешения в прошлом.

Откуда взялась Лайка, так и не удалось установить, хотя сотрудники обсерватории расспрашивали знакомых, а я поместил несколько объявлений в газетах Пасадены. Я нашел ее – одинокий, брошенный комок шерсти – на обочине шоссе летним вечером, направляясь в Паломар. Я не

любил собак, вообще не любил животных, но нельзя же бросить беспомощное маленькое существо на произвол судьбы, которую олицетворяли стремительные автомашины. Подавляя отвращение и жалея, что нет перчаток, я подобрал ее и затолкал в багажник. Мне вовсе не хотелось рисковать обивкой моей новенькой машины, а в багажнике собака, как мне казалось, не могла натворить большой беды. Я ошибся.

Остановив машину возле «Монастыря» (жилой дом для астрономов, где мне предстояло провести следующую неделю), я без особого восторга изучил свою находку. Сперва-то я думал отдать щенка сторожу, но тут песик заскулил и открыл глаза. Он смотрел так беспомощно, так доверчиво… Словом, я передумал.

После я иногда жалел об этом, правда, недолго. Я и не подозревал, сколько хлопот может доставить подрастающий пес, намеренно и нечаянно. Счета за чистку и починку росли; особенно страдали мои носки и «Астрофизический журнал». Но в конце концов Лайка научилась вести себя и дома, и в обсерватории; мне кажется, из всех собак только она одна побывала внутри купола, где помещался двухсотдюймовый телескоп. Там она могла часами тихо лежать в укромном уголке, а я занимался наладкой в своей клетушке; ей достаточно было слышать мой голос. Другие астрономы не меньше моего привязались к ней (имя «Лайка» предложил наш физик, старик Андерсон), но с самого начала она была моей собакой и больше никого не слушалась. Да и мне она не всегда подчинялась.

Это было великолепное животное, почти чистокровная восточноевропейская овчарка. Видимо, из-за этого «почти»

ее и бросали. (До сих пор злюсь, как вспомню, а может быть, это зря, ведь я не знаю, как было дело.) Если не считать двух темных пятен над глазами, она была дымчато-серой, с мягкой, шелковистой шерстью. Когда уши торчали, она казалась необычайно умной и внимательной. Обсуждая с коллегами типы спектров или эволюцию звезд, я готов был поверять, что Лайка следит за нашей беседой.

Я по сей день не могу понять, почему она так привязалась ко мне; даже среди людей у меня друзей очень мало. И, однако, когда я после долгого отсутствия возвращался в обсерваторию, она выходила из себя от восторга, прыгала на задних лапах, опираясь передними на мои плечи (она шутя дотягивалась до них), и радостный визг совсем не вязался с могучим ростом Лайки. Уж я старался не уезжать надолго; в дальние путешествия нельзя было взять с собой собаку, но в коротких поездках она почти всегда меня сопровождала. Лайка была со мной и в тот раз, когда я поехал на север, чтобы участвовать в этом злополучном семинаре в Беркли.

Нас приютили мои друзья по университету. При всей их учтивости было очевидно, что их не радует присутствие в доме такого чудовища. Я заверил хозяев, что Лайка ведет себя безупречно; с большой неохотой они разрешили мне держать ее в комнате.

– Сегодня ночью вы можете не бояться грабителей, – сказал я.

– В Беркли грабителей нет, – последовал ответ.

Но среди ночи мне на миг почудилось, что они ошиблись. Меня разбудил яростный визгливый лай, я слышал от Лайки такое только раз – когда она впервые увидела корову

и не могла понять, что это такое. Бранясь, я сбросил одеяло и нырнул во мрак незнакомого дома. Главное – утихомирить Лайку, не дать ей разбудить хозяев, если только я не опоздал. Грабитель, конечно ж, давно удрал. Я от души надеялся, что это так…

Несколько секунд я стоял возле выключателя на лестничной площадке. Зажигать или не зажигать? Наконец, я рявкнул: «Молчи, Лайка!» – и нажал кнопку; холл внизу озарился ярким светом.

Лайка неистово скреблась в дверь и продолжала визгливо лаять.

– Если тебе надо погулять, – сердито сказал я, – вовсе не обязательно поднимать такой шум!

Я спустился, отодвинул задвижку, и собака ракетой вырвалась наружу.

Было тихо, безветренно, лунный серп боролся с сан-францисским туманом. Стоя в светлой мгле, я смотрел через залив на огни города и ждал Лайку, чтобы отчитать ее по заслугам. Я все еще ждал, когда – во второй раз в двадцатом столетии – пробудились от спячки здешние подземные силы.

Как ни странно, я не испугался, во всяком случае, в первый миг. Помню, прежде чем я осознал угрозу, две мысли мелькнули у меня в голове. «Уж эти геофизики, – сказал я себе, – могли бы хоть как-то предупредить нас». И удивился: «Вот не думал, что от землетрясения такой шум!».

Почти одновременно до меня дошло, что толчок незаурядный. О том, что было дальше, предпочитаю не вспоминать. Только на следующий день спасателям удалось

увезти меня: я отказывался расстаться с Лайкой. Глядя на рухнувший дом, в котором лежали тела моих друзей, я знал, что обязан ей жизнью. Но разве можно было требовать от пилотов вертолета, чтобы они это понимали? Не упрекну их и за то, что они сочли меня обезумевшим, ведь столько несчастных бродило среди обломков и пожарищ.

С той поры мы разлучались разве что на несколько часов. Мне говорили – и я охотно верю этому, – что я все меньше и меньше интересовался обществом людей, хотя и не стал отшельником или мизантропом. Звезды и Лайка заполняли все мое рабочее время и досуг. Мы подолгу гуляли вместе по горам, это было самое счастливое время моей жизни. И лишь одно облако омрачало горизонт: я знал, в отличие от Лайки, что счастью скоро придет конец.

Переброска готовилась уже больше десяти лет. Еще в шестидесятых годах было признано, что Земля – неподходящее место для астрономической обсерватории. На Луне даже малогабаритные навигационные приборы намного превзошли возможности всех телескопов, которые глядели в космос сквозь мрак и мглу земной атмосферы. Исчерпалась история Маунт-Вильсон, Паломара, Гринвича и других славных обсерваторий. Для обучения они еще годились, но границы исследования надо было переносить в космос.

И я должен переехать. Мне уже предложили должность заместителя директора обсерватории Фарсайда. В несколько месяцев я решу проблемы, над которыми бился много лет. За пределами атмосферы я узнаю, что значит быть слепым, который вдруг обрел зрение.

Конечно, нечего было и говорить о том, чтобы взять с

собой Лайку. На Луну допускались только подопытные животные; наверное, пройдет еще не один десяток лет, прежде чем можно будет заводить там любимцев, да и то понадобится целое состояние, чтобы доставить их туда и прокормить. Я подсчитал, что моего – совсем неплохого – жалованья никак не хватит: Лайка привыкла съедать два фунта мяса в день.

Выбор был предельно прост. Я мог остаться на Земле, отказавшись от ученой карьеры. Или отправиться на Луну, отказавшись от Лайки.

В конечном счете, она была всего лишь собака. Десяток лет и Лайка умрет; к этому времени я могу достичь зенита своей ученой карьеры. Ни один здравомыслящий человек не стал бы колебаться, все же я колебался, и если вы до сих пор не поняли, почему, то никакие мои слова не помогут.

Приговор был вынесен заочно. До последней недели я не мог решить, как поступить с Лайкой. И когда доктор Андерсон вызвался присмотреть за ней, я вяло согласился, забыв даже как следует поблагодарить. Старый физик и его жена с первого дня полюбили Лайку; боюсь, я показался им человеком бесчувственным и бессердечным. А ведь было как раз наоборот.

Мы в последний раз прошли с ней вместе по холмам, затем я молча вручил собаку Андерсонам и больше ее не видел.

Вылет задержался почти на сутки, ждали, пока уймется сильное магнитное возмущение, да и то активность поясов Ван-Аллена была настолько велика, что мы выходили через «трубу» над Северным полюсом. Невесомость всегда неприятна, а в придачу мы все осовели от антирадиаци-

онных медикаментов. Когда я снова стал интересоваться окружающим, корабль был уже над Фарсайдом; я не увидел, как Земля ныряет за горизонт. Да я и не очень-то жалел об этом, мне тогда совсем не хотелось вспоминать прошлое, я предпочитал думать только о будущем. Меня преследовало чувство вины: я покинул существо, которое меня любило, верило в меня. Чем я лучше тех, кто бросил щенка на обочине пыльного Паломароского шоссе?

Весть о том, что она умерла, пришла через месяц. И никакой видимой причины. Андерсоны делали для нее все, и они сильно горевали. Просто Лайке не хотелось жить. Несколько дней я сам думал о смерти, но труд – великое лекарство, а моя программа развивалась полным ходом. Забыть Лайку я не мог, но постепенно воспоминания перестали причинять боль.

Почему же они с такой силой вернулись теперь, пять лет спустя, на обратной стороне Луны?

Я пытался понять, в чем дело; вдруг все здание вздрогнуло, точно от могучего удара. Дальше я действовал не размышляя, руки сами закрыли гермошлем аварийного скафандра, когда опоры подались и стена распахнулась, выпустив на волю взвизгнувший воздух. Благодаря тому, что я автоматически нажал кнопку Общей тревоги, мы потеряли всего двоих, хотя толчок – самый сильный из всех, зарегистрированных на Фарсайде, – разрушил все три герметических купола обсерватории.

Нужно ли говорить, что я не верю в сверхъестественные силы. Все, что произошло, объясняется рационально, нужно лишь немного разбираться в психологии. Во время второго Сан-Францисского землетрясения Лайка была не

единственной собакой, которая почуяла близкую беду; известно много случаев. И когда мое недремлющее подсознание уловило первые, слабые вибрации в недрах Луны, настороженный воспоминаниями рассудок тотчас отозвался.

Человеческий разум избирает необычные и хитроумные пути, он знал, какой сигнал быстрее всего дойдет до меня. Вот и все, конечно, можно сказать, что в обоих случаях меня разбудила Лайка, но тут и не пахнет мистикой, не было никакого чудесного зова через бездну, которой ни человеку, ни собаке не дано преодолеть.

В чем, в чем, а уж в этом я уверен. И все-таки случается, я просыпаюсь в лунном безмолвии, мечтая, чтобы сон продлился несколько секунд, чтобы я еще раз мог заглянуть в эти ясные карие глаза, исполненные бескорыстной, чистой любви, равной которой я не нашел нигде – ни на Луне, ни в других мирах.

ДО ЭДЕМА

– Похоже, что здесь дорога кончается, – сказал Джерри Гарфилд, выключая моторы.

Тихо вздохнув, насосы смолкли, и разведочный вездеход «Бродячий драндулет», лишившись воздушной подушки, лег на острые камни Гесперийского плато.

Дальше пути не было. Ни насосы, ни гусеницы не помогли бы «Р-5» (как официально назывался «Драндулет») одолеть выросший впереди эскарп. До Южного полюса Венеры оставалось всего тридцать миль, но с таким же успехом он мог находиться на другой планете. Хочешь не

хочешь, надо возвращаться, снова идти все эти четыреста миль среди чудовищного ландшафта.

День был на диво ясный, видимость почти тысяча ярдов. Не требовалось никакого радара, чтобы следить за утесами, вырастающими на пути вездехода; на этот раз их было видно невооруженным глазом. Сквозь пелену туч, которая не разрывалась уже много миллионов лет, просачивался зеленый свет, будто в подводном царстве; к тому же вдали все расплывалось во мгле. Так и казалось порой, что вездеход скользит над морским дном, и Джерри то и дело удились вверху, над головой, плывущие рыбины.

– Связаться с кораблем и передать, что возвращаемся? спросил он.

– Погодите, – сказал доктор Хатчинс. – Надо подумать.

Джерри взглянул на третьего члена экипажа, надеясь на поддержку. Напрасно. Коулмен такой же одержимый, как Хатчинс. Как бы неистово они ни спорили между собой, оба оставались учеными, то есть – с точки зрения рассудительного инженера-штурмана – людьми, которые не всегда способны отвечать за свои поступки. И однако, если Коулу и Хатчу втемяшится в голову продолжать путь, ему останется только выполнять приказ, записав свой протест...

Хатчинс прошелся по тесной кабине, изучая карты и приборы. Потом направил прожектор вездехода на скальную стенку и стал внимательно разглядывать ее в бинокль.

«Не может быть, чтобы он потребовал от меня штурмовать эту скалу, – подумал Джерри. – «Р-5», как-никак, всего лишь вездеход, а не горный козел».

Вдруг Хатчинс что-то увидел. На миг задержав дыхание, он затем шумно выдохнул и повернулся к Коулмену.

– Посмотрите! – Его голос дрожал от волнения. – Чуть левее черного пятна! Что это, по-вашему?

Он передал Коулмену бинокль; теперь тот замер, всматриваясь.

– Черт возьми, – вымолвил он наконец. – Вы были правы. На Венере есть реки. Это след высохшего водопада.

– Учтите, за вами обед в «Бель Гурмете», как только вернемся в Кембридж. С шампанским!

– Запомню, не бойтесь. Да за такое открытие не только что обед!.. И все-таки ваши теории любой назовет сумасбродными.

– Стоп, стоп, – вмешался Джерри. – Какие еще тут реки-водопады? Каждый знает, что их на Венере нет и не может быть. В здешней бане такая жарища, пары никогда не сгущаются...

– Вы давно глядели на термометр? – вкрадчиво спросил Хатчинс.

– Тут только успевай вездеходом управлять!

– Тогда позвольте сообщить вам одну новость: сейчас около двухсот тридцати, а температура продолжает падать. По Фаренгейту точка кипения – двести двенадцать градусов. Не забывайте, мы почти у Полюса, сейчас зима, и мы на высоте шестидесяти тысяч футов над равниной. Все вместе взятое дает такой скачок, что если похолодает еще на несколько градусов, польет дождь. Кипящий, но все-таки дождь, вода, а не пар. А это, сколько бы Джордж ни упирался, совершенно меняет наше представление о Венере.

– Почему? – спросил Джерри, хотя он уже и сам догадался.

– Где есть вода, может быть жизнь. Мы излишне поторопились назвать Венеру бесплодной только потому, что средняя температура на поверхности превышает пятьсот градусов. Уже *тут* намного холоднее – вот почему я так рвусь к Полюсу. Здесь, в горах, есть озера, и я хочу взглянуть на них.

– Но ведь *кипящая* вода! – возразил Коулмен. – В ней ничто не может жить.

– На Земле есть водоросли, живут. И разве исследование планет не научило нас: везде, где только может возникнуть жизнь, она возникает. Пожалуйста, возможность, пусть единственная, налицо.

– Хотелось бы проверить вашу теорию. Но вы же видите: по этой скале не подняться.

– На вездеходе не подняться, верно. Но влезть самим по стенке вполне можно, даже в термокостюмах. Нам всего-то надо пройти несколько миль к полюсу. Главное – эту стенку одолеть, дальше местность ровная, это видно по радарным картам. Думаю, уложимся в... ну, от силы в двенадцать часов. Как будто мы не ходили дольше, и в куда более сложных условиях.

Это верно. Одежда, которая надежно защищает человека на *равнинах* Венеры, и подавно годится здесь, где температура всего на сотню градусов выше, чем летом в Долине Смерти на Земле.

– Хорошо, – сказал Коулмен, – вы знаете правила. Одному выходить нельзя, и кто-то должен оставаться в вездеходе, держать связь с кораблем. Как решим вопрос на этот раз: шахматы или карты?

– Шахматы слишком долго, – ответил Хатчинс, – особенно, когда играете вы двое.

Из ящика штурманского столика он достал потрепанную колоду.

– Тяните, Джерри.

– Десятка пик. Ну-ка побейте ее, Джордж.

– Постараюсь... Черт! Пятерка треф. Что ж, передайте привет от меня венерианцам.

Вопреки уверениям Хатчинса, стенка оказалась трудной. Не так уж и круто, но кислородный прибор, охлаждаемый термокостюм и научные приборы весили больше ста фунтов. Меньшая гравитация – на тринадцать процентов ниже земной выручала, да не очень. Они карабкались по осыпям, отдыхали на уступах и снова карабкались в подводных сумерках. Зеленое сияние, которое озаряло все вокруг, было ярче света полной Луны на Земле. «Венере Луна ни к чему, – подумал Джерри, – Ее не увидишь сквозь тучи, и нет никаких океанов, чтобы управлять приливом-отливом, к тому же немеркнущее полярное сияние – гораздо более надежный источник света».

Они поднялись больше чем на две тысячи футов, когда стенка наконец сменилась отлогим склоном. Его исчертили канавы, явно промытые текущей водой. Поискав немного, они вышли к лощине, достаточно широкой и глубокой, чтобы ее можно было назвать руслом реки, и стали подниматься вдоль нее.

– Знаете, я о чем подумал, – сказал Джерри, пройдя несколько сот ярдов, – А не нарвемся мы на бурю? Не хотел бы я встретиться с валом кипящей воды.

– Если будет буря, – чуть раздраженно ответил Хатчинс, не останавливаясь, – мы издали ее услышим. Успеем подняться повыше.

Он прав, конечно, но Джерри от этого не стало легче. С той минуты, как они перевалили через гребень и потеряли радиосвязь с вездеходом, в его душе росла тревога. Непривычно и неприятно было оказаться оторванным от других людей. С Джерри это случилось впервые. Даже на борту «Утренней Звезды», в сотнях миллионов миль от Земли, он мог отправить телеграмму своим близким и почти сразу получить ответ. А тут несколько ярдов скалы отрезали его от всего человечества; случись с ними что-нибудь, никто об этом не узнает, разве что другая экспедиция набредет на их тела. Джордж подождет, сколько условлено, и возвратится к кораблю один. «Нет, – сказал себе Джерри, – плохой из меня пионер космоса. Только любовь к хитрым машинам втравила меня в космические полеты... И некогда было даже задуматься, к чему это может привести. А теперь поздно».

Вдоль извилистого русла они прошли мили три к полюсу, наконец Хатчинс остановился, чтобы провести наблюдения и собрать образцы.

– Похолодание продолжается! – воскликнул он. – Сейчас уже сто девяносто девять градусов. Намного ниже самой низкой температуры, какую до сих пор отмечали на Венере. Вот бы связаться с Джорджем и рассказать ему!

Джерри проверил все волны, попробовал вызвать и корабль – прихотливые колебания ионосферы иногда допускали такую дальнюю связь, – но не мог даже уловить шороха несущей частоты сквозь треск и рокот гроз Венеры.

– А это будет даже еще поважнее! – В голосе Хатчинса звучало неподдельное волнение. – Концентрация кислорода возрастает: уже пятнадцать миллионных. У вездехода было всего пять, на равнине почти ничего.

– Но ведь это пятнадцать *миллионных*! – возразил Джерри. – Все равно нечем дышать!

– Вы не с того конца подходите, – отозвался Хатчинс, – никто им не дышит. Но что-то его образует. Откуда, по-вашему, взялся кислород на Земле? Он – продукт жизни, деятельности растений. Пока на Земле не появились растения, у нас была атмосфера вроде здешней, смесь углекислоты с аммиаком и метаном. Затем возникла растительность и постепенно изменила атмосферу, так что животным стало чем дышать.

– Понятно, – сказал Джерри. – И вы думаете, как раз это теперь началось здесь?

– Похоже, что так. Нечто неподалеку отсюда выделяет кислород. Самая простая догадка – здесь есть растительная жизнь.

– А где есть растения, – задумчиво произнес Джерри, – там, очевидно, рано или поздно появляются животные.

– Верно, – ответил Хатчинс, собирая свои приборы и продолжая путь вверх по лощине, – Правда, на это нужно несколько миллионов лет. Возможно, мы прилетели слишком рано. Жаль, если так.

– Все это здорово, – сказал Джерри, – но вдруг мы встретим что-нибудь такое, что нас невзлюбит? У нас нет оружия.

Хатчинс неодобрительно фыркнул.

– Оно нам не нужно! Да вы посмотрите хоть на меня, хоть на себя! Любой зверь при виде нас пустится наутек.

Что верно, то верно. Покрывающий их с ног до головы металлизированный костюм-рефлектор напоминал блестящие гибкие доспехи. Из шлемов я ранцев торчали ан-

тенны – ни одно насекомое не могло похвастаться такими усиками. А широкие линзы, через которые космонавты глядели на мир, напоминали чудовищные бездумные глаза. Земные животные вряд ли пожелали бы связываться с такими тварями, но у здешних могут быть свои представления.

Так думал Джерри, когда они неожиданно вышли к озеру. С первого взгляда оно навело его на мысль не о жизни, которую они искали, а о смерти. Оно простерлось черным зеркалом в складке между холмами, и дальний берег терялся в вечном тумане, а над поверхностью извивались и плясали призрачные вихри пара. «Не хватает только Харона, готового перевезти нас на ту сторону, – сказал себе Джерри. – Или Туонельского лебедя, чтобы он величественно плавал взад-вперед, охраняя врата преисподней...»

Но как ни взгляни, это чудо: впервые человек нашел на Венере воду в свободном состоянии! Хатчинс уже стоял на коленях, будто задумал молиться. Впрочем, он всего-навсего собирал капли драгоценной влаги, чтобы рассмотреть их через карманный микроскоп.

– Что-нибудь есть? – нетерпеливо спросил Джерри.

Хатчинс покачал головой.

– Если что и есть, слишком мелкое для этого прибора. Вот вернемся на корабль, там я получше все разгляжу. – Он запечатал пробирку и положил ее в контейнер любовно, как геолог – золотой самородок. Быть может (и скорее всего), это самая обыкновенная вода. Но возможно также, что это целый мир, населенный неведомыми живыми созданиями, только-только ступившими на долгий, длиной в миллиарды лет, путь к разумной жизни.

Пройдя с десяток ярдов вдоль озера, Хатчинс остановился так внезапно, что Гарфилд едва не натолкнулся на него.

– В чем дело? – спросил Джерри. – Что-нибудь увидели?

– Вон то черное пятно, словно камень... Я его приметил еще до того, как мы вышли к озеру.

– Ну, и что с ним? По-моему, ничего необычного.

– Мне кажется, оно растет.

После Джерри всю жизнь вспоминал этот миг. Слова Хатчинса не вызвали у него никакого сомнения, он был готов поверить во что угодно, даже в то, что камни растут. Чувство уединенности и таинственности, угрюмое черное озеро, непрерывный рокот далеких гроз, зеленый свет полярного сияния – все это повлияло на его сознание, подготовило к приятию даже самого невероятного. Но страха он пока не ощущал.

Джерри взглянул на камень. Футов пятьсот до него, примерно... В этом тусклом изумрудном свете трудно судить о расстояниях и размерах. Камень... А может, ещё что-то? Почти черная плита, лежат горизонтально у самого гребня невысокой гряды. Рядом такое же пятно, только намного меньше. Джерри попытался прикинуть и запомнить расстояние между ними, чтобы проследить, меняется оно или нет.

И даже тогда он заметал, что просвет между пятнами сокращается, это не вызвало у него тревоги, только напряженное любопытство. Лишь после того, как просвет совсем исчез и Джерри понял, что глаза подвели его, ему стало страшно – очень страшно.

Нет, это не движущийся и не растущий камень! Это черная волна, подвижный ковер, который медленно, но неотвратимо ползет через гребень прямо на них.

Ужас – леденящий, парализующий – владел им, к счастью, всего несколько секунд. Страх пошел на убыль, как только Гарфилд понял, что его вызвало. Надвигающаяся волна слишком живо напомнила ему прочитанный много лет назад рассказ о муравьиных полчищах в Амазонас, как они истребляют все на своем пути...

Но чем бы ни была эта волна, она ползла слишком медленно, чтобы серьезно угрожать им – лишь бы она не отрезала их от вездехода. Хатчинс, не отрываясь, разглядывал ее в бинокль. «Биолог не трусит, – подумал Джерри. – С какой стати мне удирать, сломя голову, курам на смех».

– Скажите же наконец – что это? – не выдержал он: до ползущего ковра оставалось всего около сотни ярдов, а Хатчинс все еще не вымолвил ни слова, не пошевельнул ни одним мускулом.

Хатчинс сбросил с себя оцепенение и ожил.

– Простите, – сказал он. – Я совершенно забыл о вас. Это – растение, что же еще. Так мне кажется, во всяком случае.

– Но оно движется!

– Ну, и что? Земные растения тоже двигаются. Вы никогда не видели замедленных съемок плюща?

– Но плющ стоит на месте и никуда не ползет!

– А что вы скажете о растительном планктоне в океанах? Он плавает, перемещается, когда надо.

Джерри сдался; впрочем, наступающее на них чудо все равно лишило его дара речи.

Мысленно он продолжал называть его ковром. Ворсистый ковер с бахромой по краям, толщина которого все время менялась: тут не толще пленки, там – около фута, а то и больше. Вблизи строение было лучше видно, и он показался Джерри похожим на черный бархат. Интересно, какой он на ощупь? Но тут же Гарфилд сообразил, что «ковер» в лучшем случае обожжет ему пальцы. Внезапный шок часто влечет за собой приступ нервного веселья, и он поймал себя на мысли: «Если венерианцы существуют, с ними не поздороваешься за руку. Они нас ошпарят, мы их обморозим...».

Пока что оно их как будто не заметило, просто-напросто скользило вперед, как неодушевленная волна. Если бы оно не карабкалось через мелкие препятствия, его вполне можно было бы сравнить с потоком воды.

Вдруг, когда их разделяло всего десять футов, бархатная волна изменила свое движение. Правое и левое крыло продолжали скользить вперед, но середина медленно остановилась.

– Окружает нас, – встревожился Джерри. – Лучше отступить, пока мы не уверены, что оно безобидно.

К его облегчению, Хатчинс тотчас сделал шаг назад. После короткой заминки странное существо снова, двинулось с места, и изгиб в его передней части сгладился.

Тогда Хатчинс шагнул вперед – существо медленно отступило. Несколько раз биолог повторяя свой маневр, и живой поток неизменно то наступал, то отступал в такт его движениям. «Никогда не думал, – сказал себе Джерри, – что мне доведется увидеть, как человек вальсирует с растением...».

– Термофобия, – произнес Хатчинс, – Чисто автоматическая реакция. Ему не нравится наше тепло.

– Наше *тепло*! – воскликнул Джерри, – Да ведь мы по сравнению с ним живые сосульки!

– Верно. А наши костюмы? Оно воспринимает их, не нас.

«Да, сглупил, – мысленно вздохнул Джерри. – Внутри термокостюма климат отменный, но ведь охлаждающая установка у меня за спиной выделяет в окружающий воздух струю жара. Неудивительно, что это растение отпрянуло».

– Проверим, как оно отзовется на свет, – продолжал Хатчинс.

Он включил фонарь на груди, и ослепительно белый свет оттеснил изумрудное сияние. До появления на Венере людей здесь даже днем не бывало *белого* света. Как в глубинах земных морей, царили зеленью сумерки, которые медленно сгущались в кромешный мрак.

Превращение было настолько ошеломляющим, что оба невольно вскрикнули. Глубокая, мягкая чернота толстого бархатного ковра мгновенно исчезла. Вместо нее там, куда падал свет фонаря, простерся, поражая глаз, великолепный, яркий красный покров, обрамленный золотистыми бликами. Ни один персидский шах не получал от своих ткачей столь изумительного гобелена, а ведь космонавты видели случайное творение биологических сил. Впрочем, пока они не включали своих фонарей, этих потрясающих красок вообще не существовало – и они снова исчезнут, едва прекратится волшебное действие чужеродного света с Земли.

– Тихов был прав, – пробормотал Хатчинс. – Жаль, не довелось ему убедиться.

– В чем прав? – спросил Джерри, хотя ему казалось святотатством говорить вслух перед лицом такой красоты.

– Пятьдесят дет назад, в Советском Союзе, он пришел к выводу, что растения, живущие в очень холодном климате, чаще всего бывают голубыми и фиолетовыми, а в очень жарких поясах – красными или оранжевыми. Он предсказал, что растения Марса окажутся фиолетовыми, а Венеры – если они там есть – красными. И в обоих случаях оказался прав. Но мы не можем стоять так весь день, надо работать!

– Вы уверены, что оно безвредно? – спросил Джерри на всякий случай.

– Совершенно. Оно не может коснуться наших костюмов, даже если бы захотело. Смотрите, уже обошло нас.

Правда! Теперь они видели его – если считать, что это одно растение, а не колония, – целиком. Неправильный круг диаметром около ста ярдов скользил прочь, как скользит по земле тень гонимого ветром облака. А там, где он прошел, скала была испещрена несчетным множеством крохотных отверстий, словно выеденных кислотой.

– Да-да, – подтвердил Хатчинс, когда Джерри сказал об этом, – так питаются некоторые лишайники. Выделяют кислоты, растворяющие камень. А теперь прошу – никаких вопросов больше, пока не вернемся на корабль. Тут работы на десятки лет, а у меня всего час-другой.

Ботаника в движении!.. Чувствительная бахрома огромного растениеподобного двигалась неожиданно быстро, спасаясь от них. Этакий оживший блин площадью в целый акр! Но когда Хатчинс стал брать образцы, расте-

ниеподобное никак не реагировало, если не считать, что струи тепла по-прежнему пугали его. Влекомое неведомым растительным инстинктом, оно упорно скользило вперед через бугры и лощины. Возможно, следовало за какой-нибудь минеральной жилой; на это ответят геологи, изучив образцы пород, которые Хатчинс собрал до и после прохождения живого ковра.

Сейчас некогда было размышлять над несчетными вопросами, которые вытекали из их открытия. Судя по тому, что они почти сразу набрели на это создание, оно здесь далеко не редкость. Как оно размножается? Побегами, спорами, делением или еще как-нибудь? Откуда берет энергию? Какие у него есть родичи, враги, паразиты? Оно не может быть единственной формой жизни на Венере – где есть один вид, должны быть тысячи...

Голод и усталость заставили их прекратить погоню. Это творение явно было способно проесть себе дорогу через всю Венеру. (Правда, Хатчинс полагал, что оно не уходит далеко от озера, так как растениеподобное то и дело спускалось к воде и погружало в рее длинное щупальце-хобот.) Но представители фауны Земли нуждались в отдыхе.

Хорошо надуть герметичную палатку, забраться через воздушный шлюз внутрь и сбросить термокостюмы. Лишь теперь, отдыхая внутри маленького пластикового полушария, они по-настоящему осознали, какое чудо им встретилось и как это важно. Окружающий их мир был уже не тем, что прежде; Венера не мертва, она стала в ряд с Землей и Марсом.

Ибо живое взывает к живому – даже через космические бездны. Все, что растет, движется на поверхности других

планет – предвестье, залог того, что человек не одинок в мире пламенных солнц и вихревых туманностей. Если он до сих пор не нашел товарищей, с которыми мог бы разговаривать, это лишь естественно: впереди, ожидая исследователей, простерлись еще световые годы и века. Пока же долг человека охранять и лелеять те проявления жизни, которые ему известны, будь то на Земле, на Марсе или на Венере...

Так говорил себе Грэхем Хатчинс, самый счастливый биолог во всей солнечной системе, помогая Гарфилду собрать мусор и уложить его в пластиковый мешочек. Когда они, сняв палатку, двинулись в обратный путь, нигде не было видно никаких следов поразительного создания. И слава богу, не то бы они, наверное, не удержались, продолжали бы свои эксперименты, а ведь их срок уже истекал.

Ничего: через несколько месяцев посланники нетерпеливо ждущей Земли вернутся с целым отрядом научных сотрудников, оснащенные куда более совершенным снаряжением. Миллиард лет трудилась эволюция, чтобы сделать возможной эту встречу; она может подождать еще немного.

Некоторое время все было неподвижно в отливающем зеленью мглистом краю. Ушли люди, скрылся алый ковер... И вдруг существо показалось снова, перевалив через выветренную гряду. А может быть, то была другая особь удивительного вида? Этого никто никогда не узнает.

Оно скатилось к груде камней, под которыми Хатчинс и Гарфилд погребли мусор. Остановилось.

Это не было любопытством, ведь оно не могло мыс-

лить. Но химическая жажда, которая неотступно гнала его вперед и вперед через полярное плато, кричала: «Здесь, здесь!» Где-то рядом – самое дорогое, нужное ему питательное вещество. Фосфор, элемент, без которого никогда бы не вспыхнула искра жизни. И оно стало тыкаться в камни, просачиваться в щели и трещины, скрести и царапать пытливыми щупальцами. Любое из этих движений было доступно любому растению или дереву на Земле, с той разницей, что это существо двигалось в тысячу раз быстрее, и всего лишь несколько минут понадобилось ему, чтобы достичь цели и проникнуть сквозь пластиковую пленку.

И оно устроило пир, поглощая самую концентрированную пищу, какую когда-либо находило. Оно поглотило углеводороды, и белки, и фосфаты, никотин из окурков, целлюлозу из бумажных стаканов и ложек. Все это оно растворило и усвоило, – без труда и без вреда для себя.

Одновременно оно поглотило целый микрокосм живых существ: бактерии и вирусы, обитателей более старой планеты, где развились тысячи смертоносных разновидностей... Правда, лишь некоторые из них смогли выжить в таком пекле и в такой атмосфере, но этого было достаточно. Отползая назад, к озеру, живой ковер нес в себе погибель всему своему миру.

И когда «Утренняя Звезда» вышла в обратный путь к далекому дому, Венера уже умирала. Пленки, негативы и образцы, которые так радовали Хатчинса, были драгоценнее, чем он предполагал. Им было суждено остаться единственными свидетельствами третьей попытки жизни утвердиться в солнечной системе.

Закончилась история творения под пеленой облаков Венеры.

С КОМЕТОЙ

– Не знаю, для чего я это записываю, – медленно произнес Джордж Такео Пикетт в парящий перед его лицом микрофон. – Вряд ли кому-то доведется слушать запись. Говорят, комета пронесет нас по соседству с Землей только через два миллиарда лет, когда будет снова огибать Солнце. Просуществует ли человечество так долго? И будет ли комета такой же великолепной, какой увидели ее мы? Возможно, наши потомки тоже снарядят экспедицию, чтобы взглянуть на нее поближе. И обнаружат ракету... Даже через столько тысячелетий наш корабль будет в полном порядке. Останется горючее в баках, и воздух в отсеках – ведь продукты кончатся раньше, и мы умрем от голода, а не от удушья. Впрочем, вряд ли мы станем дожидаться этого, проще открыть воздушный шлюз и покончить сразу.

В детстве я читал книгу об арктических исследованиях «Зимовка во льдах». Ну вот, что-то в этом роде ожидает нас. Мы со всех сторон окружены льдом, огромными ноздреватыми айсбергами. «Челленджер» летит среди роя ледяных глыб, которые очень медленно – сразу и не заметишь – вращаются вокруг друг друга. Но такой зимы не знала ни одна экспедиция на полюсы Земли. Почти все эти два миллиона лет будет держаться температура четыреста пятьдесят градусов ниже нуля по Фаренгейту. Мы уйдем так далеко от Солнца, что тепла от него будет не больше

чем от звезд. Кто-нибудь пытался морозной зимней ночью греть руки в лучах Сириуса?

Нелепый образ, вдруг пришедший на ум Джорджу Пикетту, окончательно добил его. Перехватило голос, с такой силой нахлынули воспоминания о мерцающих в лунном свете сугробах, о перезвоне рождественских колоколов над краем, от которого его сейчас отделяло пятьдесят миллионов миль. Внезапно он разрыдался, точно ребенок, не мог совпадать с собой, с тоской по всему тому прекрасному на Земле, чего прежде не ценил по-настоящему и что теперь навсегда утрачено.

А как хорошо все началось, сколько было радостного возбуждения, ожиданий! Он помнил – неужели всего полгода прошло? – как впервые вышел из дому посмотреть на комету; незадолго перед тем восемнадцатилетний Джим Рэндл увидел ее в самодельный телескоп и отправил свою знаменитую телеграмму в обсерваторию Маунт-Стромло. Тогда комета была едва заметным светящимся облачком, которое медленно скользило через созвездие Эридана, южнее экватора. Далеко за Марсом она мчалась к Солнцу по невероятно вытянутой орбите. В прошлый раз комета сияла на небе безлюдной Земли, и некому было любоваться ею; возможно, никого не будет, когда она появится вновь. Человечество в первый (и, быть может, единственный) раз видело комету Рэндла.

Приближаясь к Солнцу, она росла, выбрасывала струи и языки, самый маленький из которых был во сто крат больше Земли. Когда комета пересекла орбиту Марса, хвост ее – этакий исполинский вымпел, развеваемый космическим бризом, – протянулся уже на сорок миллионов

миль. Тут наконец астрономы сообразили, что предстоит, пожалуй, самое великолепное небесное зрелище, какое когда-либо наблюдал человек; комета Галлея, которая являлась в 1986 году, не шла ни в какое сравнение. И организаторы Международного астрофизического десятилетия решили, если удастся вовремя снарядить экспедицию, послать вдогонку комете исследовательский корабль «Челленджер». Ведь может пройти не одно тысячелетие, прежде чем снова представится такой случай!

Неделю за неделей комета Рэндла в предрассветные часы сияла на небе, затмевая Млечный Путь. Вблизи Солнца она вновь ощутила зной, которого не испытывала с той поры, когда по Земле бродили мамонты. И активность ее росла; словно лучи мощного прожектора, плыли среди звезд струи светящегося газа, изверженные ее ядром. Хвост, теперь уже сто миллионов миль в длину, делился на замысловатые ленты и полосы, очертания которых менялись за одну ночь. И всегда они были устремлены прочь от Солнца, будто гонимые к звездам вечным могучим ветром из сердца солнечной системы.

Когда Джорджа Пикетта назначили на «Челленджер», он долго не мог поверить своему счастью. Конечно, сыграло роль то, что он – кандидат наук, холостяк, славится отменным здоровьем, весит меньше ста двадцати фунтов и давно расстался с аппендиксом. Но разве мало других журналистов с такими данными?

Что ж, скоро они перестанут завидовать...

Грузоподъемность «Челленджера» была маловата, экспедиция не могла взять с собой только репортера, и Пикетт совмещал журналистские обязанности с научными.

На деле это означало, что он вел вахтенный журнал во время дежурства, был секретарем начальника экспедиции, следил за расходом припасов и материалов, занимался учетом. Снова и снова думал он, как это кстати, что в космосе, в мире невесомости человеку достаточно трех часов сна в сутки.

Нужен был немалый такт, чтобы одно дело не шло в ущерб другому. Когда он не был занят бухгалтерией в своем закутке и не проверял наличие в кладовых, можно было побродить с магнитофоном по кораблю. Одного за другим Джордж Пикетт проинтервьюировал каждого из двадцати ученых и инженеров, которые составляли экипаж «Челленджера». Не все записи были переданы на Землю; некоторые интервью оказались перегруженными техническими подробностями, другие чересчур скудными, третьи излишне многословными. Во всяком случае, он побеседовал со всеми, и как будто никто не мог пожаловаться, что его обошли. Впрочем, теперь это уже не играет никакой роли...

Интересно, что сейчас делается в душе доктора Мартинса? Помнится, астроном был одним из самых твердых орешков; зато он мог рассказать больше, чем кто-либо другой. Пикетту вдруг захотелось отыскать запись первого интервью Мартинса. Джордж великолепно понимал, что пытается уйти в прошлое, чтобы не думать о настоящем. Ну и что ж? Если это удастся, тем лучше!..

Двадцать миллионов миль отделяли от кометы стремительно летящий корабль, когда Джордж поймал Мартинса в обсерватории и приступил к допросу. Он хорошо помнил это интервью. Вид невесомого микрофона, слегка

колеблемого воздушной струёй от вентилятора, был до того необычным, что Пикетт никак не мог сосредоточиться. А по голосу ничего не заметно, звучит с профессиональной непринужденностью...

«Доктор Мартинс, – гласил первый вопрос, – из чего состоит комета Рэндла?»

«Состав сложный, – отвечал астроном, – и все время меняется по мере удаления кометы от Солнца. Хвост преимущественно из аммиака, метана, углекислого газа, водяных паров, циана...»

«Циана? Но ведь это ядовитый газ! Что было бы, если б Земля попала в такую струю?»

«Ничего. Несмотря на свой эффектный вид, хвост кометы, по нашим земным понятиям, чуть ли не вакуум. В объеме, равном объему Земли, газа столько же, сколько воздуха в пустой спичечной коробке».

«Но это разреженное вещество образует такое красочное зрелище!»

«Как и любой сильно разреженный газ в электрическом поле. И по той же причине. Солнце бомбардирует хвост кометы частицами, которые несут электрический заряд. И получаются как бы светящиеся космические письмена. Только бы рекламные конторы не додумались использовать это – распишут всю солнечную систему своими объявлениями!»

«Ужасная мысль... Хотя, уверен, найдутся такие, которые назовут это торжеством прикладной науки. Но оставим хвост. Скажите, скоро мы достигнем сердца кометы – или ядра, как вы его, кажется, называете?»

«Догонять в кильватер всегда трудно. Не меньше двух

недель нужно, чтобы подойти к ядру. Будем идти внутри хвоста и постепенно изучим всю комету в продольном сечении. До ядра еще двадцать миллионов миль, но мы уже кое-что знаем о нем. Во-первых, оно чрезвычайно мало, меньше пятидесяти миль в поперечнике. И не сплошное: похоже, что ядро – это облако из тысяч роящихся частиц».

«Мы сможем проникнуть внутрь ядра?»

«Заранее трудно сказать. Возможно, безопасности ради, мы исследуем его через наши телескопы с расстояния в несколько тысяч миль. Но сам я был бы очень разочарован, если бы мы не вошли внутрь. А вы?»

Пикетт выключил магнитофон. Что ж, все верно. Конечно, Мартинс был бы разочарован, тем более что опасности как будто нет. Как будто? Комета вообще не приготовила никаких каверз, угроза, таилась на борту их собственного корабля...

Одну за другой они пронизывали огромные, невероятно разреженные завесы; хотя комета Рэндла теперь мчалась прочь от Солнца, она все еще выделяла газ. И даже когда корабль подошел к самой плотной части кометы, их практически окружал вакуум. Светящийся туман, который простерся на много миллионов миль, почти беспрепятственно пропускал звездный свет. А прямо по курсу яркое пятнышко ядра, подобно блуждающему огоньку, манило их за собой вперед и вперед.

Электрические возмущения в окружающем веществе возросли настолько, что нарушилась связь с Землей. Сигналы их главного передатчика пробивались с трудом, и последние несколько дней космонавты ограничивались тем, что передавали ключом «ОК». Когда корабль вырвется

из кометы и возьмет курс на Землю, связь восстановится, а пока они почти так же обособлены, как землепроходцы в старину, когда радио еще не было. Неудобно, конечно, но ничего страшного. Пикетт был даже рад, больше времени оставалось на канцелярию. Хотя «Челленджер» шел к сердцу кометы – путешествие, о котором до двадцатого столетия не мог мечтать ни один капитан! – кому-то надо было вести учет продовольствия и прочих запасов...

Медленно, осторожно, прощупывая радаром пространство во всех направлениях, «Челленджер» прошел в ядро кометы и замер там среди льдов.

Фред Уигет, сотрудник Гарвардской обсерватории, еще в сороковых годах угадал истину. Но даже теперь, когда они все увидели своими глазами, трудно было доверить: маленькое – относительно – ядро кометы оказалось гроздью айсбергов, которые, летя по общей орбите, в то же время кружили, меняясь местами. В отличие от ледяных гор земных океанов они не были ослепительно белыми и состояли не из замерзшей воды. Грязно-серые, ноздреватые, словно подтаявший снег, со множеством «карманов» метана и аммиака, они то и дело, нагретые солнечными лучами, извергали исполинские струи газа. Зрелище великолепное, но поначалу Пикетту некогда было любоваться им.

Зато теперь времени хоть отбавляй...

Джордж Пикетт проверял наличные запасы, когда столкнулся с бедой, причем он даже не сразу осознал ее масштабы. Ведь на складе все было в порядке, запасов хватит на весь обратный путь до Земли. Он сам в этом убедился, оставалось только свериться с данными, которые

хранились в крохотной с булавочную головку – ячейке электронной памяти корабля, отведенной для бухгалтерии.

Когда на экране вспыхнули первые несусветные цифры, Пикетт решил, что нажал не тот тумблер. Он стер итог и повторил задание вычислительной машине.

Было шестьдесят ящиков вакуумированного мяса, израсходовано семнадцать, осталось... Ответ гласил: 999999431.

Он пробовал снова и снова – с тем же успехом. И тогда, озадаченный, но еще далеко не встревоженный, Пикетт пошел искать доктора Мартинса.

Он нашел астронома а «Камере пыток» – миниатюрном гимнастическом зале, втиснутом между кладовками и переборкой главной цистерны горючего. Каждый член экипажа был обязан упражняться здесь по часу в день, чтобы мышцы не ослабли в невесомости. Мартинс сражался с набором тугих пружин, и лицо его выражало мрачную решимость. Он еще больше помрачнел, выслушав доклад Пикетта.

Несколько манипуляций на щите управления – и все стало ясно.

– Электронный мозг свихнулся, – сказал Мартинс. – Не может даже ни складывать, ни вычитать.

– Ничего, починим!

Мартинс покачал головой. От его обычной вызывающей самоуверенности не осталось и следа. Он больше всего напоминал резиновую куклу, из которой начал выходить воздух.

– Даже его создатели не справились бы. Тут несчетное множество микроцепей, они упакованы так же плотно, как

в мозгу человека. Запоминающее устройство еще действует, но вычислитель никуда не годится. Он просто делает винегрет из поступающих в него чисел.

– Что же будет? – спросил Пикетт.

– Всем нам крышка, – просто ответил Мартине. – Без вычислительной машины мы пропали. Не сможем рассчитать орбиту для возвращения на Землю. Чтобы с карандашом и бумагой сделать все вычисления, понадобилась бы целая армия математиков, да и то ушла бы не одна неделя.

– Но это смехотворно! Корабль в полном порядке, продовольствия и горючего вдоволь, а вы говорите, что мы погибнем из-за каких-то пустяковых расчетов.

– Пустяковых расчетов? – К Мартинсу даже вернулась частица прежней энергии, – Выйти из кометы на орбиту, ведущую к Земле, – это же серьезный маневр, нужно около ста тысяч вычислительных операций. Даже машина тратит на это несколько минут.

Пикетт не был математиком, но достаточно разбирался в астронавтике, чтобы понять, в чем дело. На корабль, летящий в космосе, действует множество небесных тел. Главная сила, которая определяет его движение, – притяжение Солнца, прочно удерживающее все планеты на их орбитах. Но и планеты тянут корабль в разные стороны, конечно, намного слабее. Учесть соперничающие силы, а главное, использовать их, чтобы достичь желанной цели, – пусть до нее не один десяток миллионов миль, – задача головоломная. Пикетт понимал отчаяние Мартинса: ни один человек не может работать без необходимого в его деле инструмента, и нет дела, для которого требовался бы более хитроумный инструмент.

Даже после того, как начальник экспедиции объявил всем о поломке и состоялось чрезвычайное совещание, прошел не один час, пока люди уразумели, что их ожидает. До рокового конца было еще много месяцев, и он казался просто нереальным. Им грозила смертная казнь, но исполнение приговора откладывалось. К тому же за иллюминаторами по-прежнему была великолепная картина.

Сквозь облако пылающей мглы – это облако станет вечным небесным памятником погибшей экспедиции – они видели могучий маяк Юпитера, ярче любой звезды. Что же, если остальные предпочтут покончить с собой сразу, кто-то из экипажа, возможно, еще доживет до встречи с самым рослым из детей Солнца. «Стоит ли прожить несколько лишних недель, – спрашивал себя Пикетт, – чтобы воочию увидеть картину, которую первым в свой самодельный телескоп наблюдал Галилей четыре столетия назад: спутников Юпитера, снующих взад-вперед, будто шарики на невидимой проволоке?»

Шарики на проволоке. Вдруг из подсознания Джорджа вырвалось полузабытое воспоминание детства. Видимо, оно уже несколько дней зрело – и вот наконец проклюнулось.

– Нет! – крикнул он. – Чепуха! Меня поднимут на смех! «Ну и что же? – возразила другая половина его сознания. Тебе нечего терять, и по крайней мере каждый будет занят своим делом, а не думать о продовольствии и кислороде». Искра надежды лучше, чем безнадежность». Джордж Пикетт перестал крутить свой магнитофон; уныние как рукой сняло. Он отстегнул эластичный пояс, встал с кресла и пошел на склад искать нужные материалы.

…– Такие шутки, – сказал три дня спустя доктор Мартинс, – до меня не доходят.

И он презрительно посмотрел на самоделку из дерева и проволоки, которую держал в руке Пикетт.

– Я знал, что вы так скажете, – миролюбиво ответил журналист. – Но сперва послушайте меня. Моя бабушка была японка, и в детстве я слышал от нее историю, которую вспомнил только теперь, несколько дней назад. Кажется, это может нас спасти. После второй мировой войны устроили однажды соревнование – в быстроте счета состязались американец, вооруженный электрическим арифмометром, и японец с абаком[5] вроде этого. Победил абак.

– Плохой был арифмометр или оператор никудышный.

– Нарочно отобрали лучшего во всех вооруженных силах США. Но не будем спорить. Проведем испытание, назовите два трехзначных числа для умножения.

– Ну... 856 на 457.

Пальцы Пикетта забегали по шарикам, молниеносно гоняя их по проволокам. Всего проволок было двенадцать, это позволяло производить действия над любыми числами от единицы до 999999999999 или, разбив абак на секции, одновременно делать несколько вычислений.

---

[5] Абак – счетная доска, устройство для арифметических вычислений, применявшееся древними цивилизациями Евразии и затем в Западной Европе до 18 в. В абаке использована позиционная система представления чисел. Впервые появился, вероятно, в Древнем Вавилоне ок. 3 тыс. до н. э. Первоначально представлял собой доску, разграфленную на полосы или со сделанными углублениями. Счетные марки (камешки, косточки) передвигались по линиям или углублениям. В 5 в. до н. э. в Египте вместо линий и углублений стали использовать палочки и проволоку с нанизанными камешками.

В России подобное устройство называлось счеты и было в ходу до 70-80-х годов 20 века.

– 374072, – ответил Пикетт почти мгновенно. – А теперь посмотрим, как вы управитесь с помощью карандаша и бумаги.

Прошло около минуты, наконец Мартинс, который, как и большинство математиков, был не в ладах с *арифметикой*, крикнул:

– 375072!

Проверка тотчас показала, что Мартинс ошибся, хотя умножал в три раза дольше, чем Пикетт.

Удивление, ревность, интерес смешались на лице астронома.

– Кто вас научил этому фокусу? – спросил он. – Я думал, на такой штуке можно только складывать и вычитать.

– А что такое умножение, если не *многократное сложение*? Я семь раз сложил 856 в ряду единиц, три раза – в ряду десятков, четыре раза – в ряду сотен. То же самое делаете вы на бумаге. Конечно, есть приемы для ускорения, но если вам показалось, что я считаю быстро, посмотрели бы вы на брата моей бабушки. Он служил в банке в Иокогаме. Как пойдет щелкать – пальцев не видно. Он меня коечему научил, да ведь с тех пор больше двадцати лет прошло. Я еще только два дня упражняюсь, пока считаю *медленно*. И все-таки надеюсь, что мне удалось хоть немного убедить вас.

– Еще бы! Я просто поражен. Вы и делить можете так же быстро?

– Почти, надо только руку набить.

Мартинс взял абак, погонял шарики взад-вперед. Потом вздохнул.

– Гениально. Но нас это не выручит, даже если бы на

нем можно было считать вдесятеро быстрее, чем на бумаге. Машина в миллион раз эффективнее.

– Я подумал об этом, – ответил Пикетт, теряя самообладание. (Этот Мартинс рохля какой-то, нет у него воли к борьбе. Хоть бы задумался, как управлялись астрономы сто лет назад, когда не было никаких счетных машин!) – Вот что я предлагаю, – а вы скажите, если я ошибаюсь...

Он обстоятельно, не торопясь, изложил во всех подробностях свой план. Слушая его, Мартинс заметно воспрянул духом и даже рассмеялся; впервые за много дней Пикетт слышал смех на борту «Челленджера».

– Вижу лицо начальника экспедиции, – воскликнул астроном, – когда он услышит, что нам всем придется вернуться в детский сад и играть в шарики!

Никто не хотел верить в абак, пока Пикетт сам не показал, как на нем считают. Люди, выросшие в мире электроники, никак не ожидали, что нехитрая комбинация проволоки и шариков способна на такие чудеса. Но задача была увлекательная, а речь шла о жизни и смерти, и они горячо взялись за дело.

Как только инженеры изготовили достаточно совершенных копий грубого оригинала, сделанного Пикеттом, все начали учиться. Основные правила он объяснил за несколько минут, главное была практика, многочасовые упражнения, чтобы пальцы автоматически, без участия мысли, перебрасывали шарики. Некоторые и через неделю непрерывных занятий не смогли развить достаточной скорости и точности, зато другие быстро превзошли самого Пикетта.

Космонавтам снились шарики и проволока, во сне они

продолжали считать... Когда они хорошо освоили простейшие приемы, экипаж разбили на группы, которые азартно состязались между собой, совершенствуя свое умение. В конце концов лучшие научились за пятнадцать секунд перемножать четырехзначные числа, и они могли это делать несколько часов подряд.

Все это была чисто механическая работа, которая не требовала большой смекалки, а только навыка. По-настоящему трудная задача выпала на долю Мартинса, и тут ему никто не мог помочь. Ему пришлось забыть привычные приемы работы с вычислительными машинами и составлять задания так, чтобы их механически выполняли люди, совершенно не представляющие себе *смысла* обрабатываемых чисел. Астроном сообщал данные, они вычисляли по указанной им схеме, и через несколько часов живой математический конвейер выдавал ответ. А чтобы застраховаться от ошибок, две группы работали параллельно и время от времени сверяли свои итоги.

– Итак, – обратился Пикетт к своему микрофону, когда время наконец позволило ему вспомнить о слушателях, с которыми он было навсегда распрощался, – мы создали счетную машину *из людей* вместо электронных ячеек. Конечно, она действует в несколько тысяч раз медленнее, не справляется с очень большими числами и легко устает, но все-таки делает свое дело. Рассчитать *весь* обратный путь нельзя, это чересчур сложно, но мы хоть определим орбиту, которая позволит достичь зоны радиосвязи. Как только корабль уйдет от электрических помех, мы сообщим свои координаты на Землю, и оттуда электронные машины подскажут, как нам быть дальше. Мы уже вышли из ядра

кометы и не летим к границам солнечной системы. Наш новый курс подтверждает точность расчетов, насколько вообще можно говорить о точности. Правда, корабль еще внутри кометного хвоста, но от ядра нас отделяют миллионы миль, мы больше не увидим этих аммиачных айсбергов. Они мчатся к звездам, в леденящую ночь межсолнечного пространства, мы же возвращаемся *домой*...

– Алло, Земля, Земля! Вызывает «Челленджер», я «Челленджер»! Отвечайте, как только услышите нас, помогите нам с арифметикой, пока мы не стерли пальцы до кости!

ЛЕТО НА ИКАРЕ

Очнувшись, Колин Шеррард долго не мог сообразить, где он. Он лежал в какой-то капсуле на круглой вершине холма, крутые склоны которого запеклись темной коркой, точно их опалило жаркое пламя; вверху простерлось черное, как смоль, небо с множеством звезд, и одна из них, над самым горизонтом, напоминала крохотное яркое солнце.

Солнце?! Неужели он так далеко от Земли? Не может быть. Память подсказывала ему, что Солнце близко, угрожающе близко, оно никак не могло обратиться в маленькую звезду. Вдруг в голове у него прояснилось. Шеррард знал, где он, знал точно, и мысль об этом была так страшна, что он едва опять не потерял сознания.

Никто из людей не бывал еще так близко к Солнцу.

Поврежденный космокар лежал не на холме, а на сильно искривленной поверхности маленького – всего две

мили в поперечнике – космического тела. И быстро опускающаяся к горизонту на западе яркая звезда – это огни «Прометея», корабля, который доставил Шеррарда сюда, за миллионы миль от Земли. Товарищи, конечно, уже недоумевают, почему не вернулся его космокар – замешкавшийся почтовый голубь. Пройдет немного минут, и «Прометей» исчезнет из поля зрения, уйдет за горизонт, играя в прятки с Солнцем...

Колин Шеррард проиграл эту игру.

Правда, он пока на ночной стороне астероида, укрыт в его прохладной тени, но быстротечная ночь на исходе. Четырехчасовой икарийский день надвигается стремительно и неотвратимо, близок грозный восход, когда яркий солнечный свет – в тридцать раз ярче, чем на Земле – выплеснет на эти камни жгучее пламя. Шеррард великолепно знал, почему все кругом опалено до черноты. Хотя Икар будет в перигелии только через неделю, уже теперь полуденная температура на его поверхности близка к тысяче градусов по Фаренгейту.

Не до юмора ему было, и все-таки вдруг вспомнилось, что капитан Маклеллан сказал об Икаре: «Ох, горяча земля, поневоле будешь чужими руками жар загребать».

Несколько дней назад они воочию убедились, сколь справедлива эта шутка; помог один из тех простейших не научных опытов, которые действуют на воображение куда сильнее, чем десятки графиков и кривых.

Незадолго до восхода один из космонавтов отнес на бугорок деревянную чурку. Стоя в укрытии на ночной стороне, Шеррард видел, как первые лучи Солнца коснулись бугорка. Когда его глаза оправились от внезапного

взрыва света, он разглядел, что чурка уже чернеет, обугливаясь. Будь здесь атмосфера, дерево тотчас вспыхнуло бы ярким пламенем.

Вот что такое восход на Икаре...

Правда, пять недель назад, когда они пересекли орбиту Венеры и впервые высадились на астероид, было далеко не так жарко. «Прометей» подошел к Икару в момент его наибольшего удаления от Солнца. Космический корабль приноровил свой ход к скорости маленького мирка и лег на его поверхность легко, как снежинка. (Снежинка – на Икаре!.. Придет же на ум такое сравнение.) Тотчас на пятнадцати квадратных милях колючего никелевого железа, покрывающего большую часть астероида, рассыпались ученые – они расставляли приборы, разбивали триангуляционную сеть, собирали образцы, делали множество наблюдений.

Все было задумано и тщательно расписано много лет назад, когда еще только готовились к Международному астрофизическому десятилетию. Икар предоставлял исследовательскому кораблю неповторимую возможность: под прикрытием железокаменного щита двухмильной толщины подойти к Солнцу на расстояние всего семнадцати миллионов миль. Защищенный Икаром, корабль мог без опаски облететь вокруг могучей топки, которая согревает все планеты и от которой зависит всякая жизнь.

Подобно легендарному Прометею, добывшему для человечества огонь, космолет, названный его именем, доставит на Землю новые знания о поразительных тайнах небес...

Члены экспедиции успели установить все приборы и

провести заданные исследования, прежде чем «Прометею» пришлось взлететь, чтобы отступить вместе с ночной тенью. Да и потом оставалось в запасе еще около часа, во время которого человек в космокаре – миниатюрном, длиной всего десять футов, космическом корабле – мог работать на ночной стороне, пока не подкралась полоса восхода. Казалось бы, в мире, где рассвет приближается со скоростью всего одной мили в час, ничего не стоит вовремя улизнуть! Но Шеррард не сумел этого сделать, и теперь его ожидала кара: смерть.

Он и сейчас не совсем понимал, как это случилось.

Колин Шеррард налаживал передатчик сейсмографа на Станции 145, которую они между собой называли Эверестом: она на целых девяносто футов возвышалась над поверхностью Икара! Работа пустяковая. Правда, делать ее приходилось с помощью выдвигающихся из корпуса космокара механических рук, но Шеррард уже наловчился, металлическими пальцами он завязывал узлы почти так же сноровисто, как собственными. Двадцать минут, и радиосейсмограф опять заработал, сообщая в эфир о толчках и трясениях, число которых стремительно росло по мере того, как Икар приближался к Солнцу.

Теперь на лентах записана и *его* кривая, да много ли ему от этого радости...

Убедившись, что передатчик действует, Шеррард расставил вокруг прибора солнечные отражатели. Трудно поверить, что два хрупких, не толще бумаги, листа металлической фольги могли преградить путь потоку лучей, способному в несколько секунд расплавить олово или свинец! И, однако, первый экран отражал более девяноста

процентов падающего на его поверхность света, а второй – почти все остальное; вместе они пропускали совершенно безобидное количество тепла.

Шеррард доложил на корабль, что задание выполнено, получил «добро» и приготовился возвращаться на борт. Мощные прожекторы «Прометея» – без них на ночной стороне астероида вряд ли удалось бы что-либо разглядеть – были безошибочным ориентиром. Всего две мили отделяли его от корабля, и, будь на Шеррарде планетный скафандр с гибкими сочленениями, инженер мог бы просто допрыгнуть до «Прометея», ведь здесь почти полная невесомость. Ничего, маленькие ракетные двигатели космокара за пять минут доставят его на борт...

Гироскопами он направил космокар на цель, потом включил вторую скорость и нажал стартер. Сильный взрыв под ногами. Шеррард взлетел, удаляясь от Икара – и от корабля! «Неисправность!» – подумал он с ужасом. Его прижало к стенке, он никак не мог дотянуться до щита управления. Работал только один мотор, поэтому астронавт летел кувырком, вращаясь все быстрее: Шеррард лихорадочно искал кнопку «Стоп», но вращение сбило его с толку, и, когда он наконец дотянулся до ручек, его первое движение только все ухудшило: он включил полную скорость – как нервный шофер сгоряча вместо тормоза давит на газ. Всего секунда ушла на то, чтобы исправить ошибку и заглушить двигатель, но за эту секунду вращение усилилось настолько, что звезды стали светящимися колесами...

Все случилось так быстро, что Колин Шеррард не успел даже испугаться; но главное, он не успел вызвать корабль и

сообщить о катастрофе. В конце концов, опасаясь, как бы не натворить еще худших бед, он оставил ручки в покое. Чтобы выйти из штопора, надо было осторожно маневрировать не меньше двух-трех минут; у него оставались считанные секунды – скалы мелькали все ближе и ближе.

Шеррард вспомнил совет на обложке «Наставления астронавта»:

«ЕСЛИ НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ, – НЕ ДЕЛАЙ НИЧЕГО»

Он честно продолжал следовать этому совету, когда Икар обрушился на него, и звезды померкли.

Просто чудо, что оболочка космокара цела и он не дышит космосом. (Сейчас он радуется, а что будет через полчаса, когда сдаст теплоизоляция?) Конечно, совсем без поломок не обошлось, сорваны оба зеркала заднего обзора, которые были укреплены на прозрачном круглом гермошлеме, придется повертеть шеей, но это пустяки – гораздо хуже то, что одновременно покалечило антенны. Он не может вызвать корабль, и корабль не может вызвать его. Из динамика доносился лишь слабый треск, скорее всего от каких-нибудь неполадок в самом приемнике. Колин Шеррард был отрезан от людей.

Положение отчаянное, но не безнадежное. Нет, он не совсем беспомощен. Хотя двигатели подкачали (видимо, в правой пусковой камере, хоть конструкторы и уверяли, что такого случиться не может, изменилась направленность взрыва и забило форсунки), он может двигаться: у него есть механические «руки».

Вот только куда ползти? Шеррард совсем растерялся. Взлетел он с «Эвереста», но далеко ли его отбросило – на сто футов? На тысячу? Ни одного знакомого ориентира в

этом крохотном мире, только быстро удаляющаяся звездочка «Прометея» может его выручить, теперь лишь бы не потерять из виду корабль... Его хватятся через несколько минут, если уже не хватились. Конечно, без помощи радио товарищам, пожалуй, придется искать долго. Как ни мал Икар, эти пятнадцать квадратных миль изборожденной трещинами ничьей земли – надежный тайник для цилиндра длиной десять футов. На поиски может уйти и полчаса, и час; все это время он должен следить за тем, чтобы его не настиг убийца-восход.

Шеррард вложил пальцы в полые рычаги механических конечностей. Тотчас снаружи, в суровой среде космоса ожили его искусственные руки. Вот опустились, уперлись в железную кору астероида, приподняли космокар... Шеррард согнул «руки», и капсула, словно причудливое двуногое насекомое, поползла вперед. Правой, левой, правой, левой...

Это оказалось проще, чем он ожидал, и Шеррард почувствовал себя увереннее. Конечно, механические руки созданы для тонкой и точной работы, но в невесомости достаточно малейшего усилия, чтобы сдвинуть с места капсулу. Тяготение Икара составляло одну десятитысячную земного; вместе с космокаром Шеррард весил здесь около унции. Придя в движение, он дальше буквально парил, легко и быстро, будто во сне.

Однако легкость эта таила в себе угрозу... Шеррард уже прошел так несколько сот ярдов, он быстро настигал светящееся пятно «Прометея», но тут успех ударил ему в голову. Как скоро сознание переходит от одной крайности к другой! Давно ли он думал, как достойнее встретить

смерть, а теперь ему уже не терпелось вернуться на корабль *к обеду*.

Впрочем, возможно, беда случилась потому, что уж очень новый и необычный это был способ передвижения. Может быть, он к тому же не совсем оправился после крушения. В самом деле: как и все астронавты, Шеррард отлично умел ориентироваться в космосе, привык жить и работать в условиях, когда земные понятия о «верхе» и «низе» теряют смысл. В таком мире, как Икар, надо внушить себе, что под «ногами» у тебя самая настоящая планета, ты двигаешься над горизонтальной плоскостью. Стоит развеяться этому невинному самообману, и тебе грозит космическое головокружение.

И вот – внезапный приступ. Вдруг исчезло чувство, что Икар внизу, а звезды – вверху. Вселенная повернулась на девяносто градусов; Шеррард, словно альпинист, карабкался вверх по отвесной скале. И хотя разум говорил ему, что это чистейшая иллюзия, чувства решительно спорили с рассудком. Сейчас тяготение сорвет его со скалы, и он будет падать, падать милю за милей, пока не разобьется вдребезги!..

Но мнимая вертикаль качнулась, будто компасная стрелка, потерявшая полюс, и вот уже над ним каменный свод, он словно муха на потолке. Миг – потолок опять стал стеной, но теперь астронавт неудержимо скользил по ней вниз, в пропасть...

Шеррард потерял власть над космокаром; обильный пот на лбу подтверждал, что он вот-вот утратит власть и над самим собой. Оставалось последнее средство. Плотно зажмурив глаза, он сжался в комок и стал внушать себе, что

снаружи ничего нет, ничего!.. Он настолько сосредоточился на этой мысли, что до его сознания не сразу дошел негромкий стук нового столкновения.

Когда Колин Шеррард наконец решился открыть глаза, он увидел, что космокар уткнулся в каменный горб. Механические руки смягчили толчок – но какой ценой? Хотя капсула здесь была почти невесомой, пятьсот фунтов массы, двигаясь со скоростью около четырех миль в час, развили инерцию, которая оказалась чрезмерной для хрупких конечностей. Одна из них совсем сломалась, вторая безнадежно погнулась.

На мгновение ярость заглушила отчаяние. Он был уверен в успехе, когда космокар заскользил над безжизненной поверхностью Икара. И вот – полный крах из-за секундной физической слабости... Космос не делает человеку никаких скидок, кто об этом забывает, тому лучше сидеть дома.

Что ж, догоняя корабль, он выиграл у восхода драгоценное время, минут десять, если не больше. Десять минут. Что они ему принесут: продление мучительной агонии – или спасительную отсрочку, которая позволит товарищам найти его?

Скоро он узнает ответ.

Кстати, где они? Наверно, розыски уже начались! Шеррард устремил пристальный взгляд на яркую звезду корабля, надеясь увидеть на фоне медленно вращающегося небосвода огоньки идущих к нему на выручку космокаров. Увы, никого...

Значит, надо взвесить свои собственные скромные возможности. Через несколько минут «Прометей» уйдет за

край астероида, исчезнут прожектора, будет полный мрак. Ненадолго. Но, может быть, он еще успеет укрыться от наступающего дня? Вот эта глыба, на которую он налетел, не годится?

Что ж, в ее тени и впрямь можно отсидеться до полудня. А там?.. Если Солнце пройдет как раз над Шеррардом, его ничто не спасет. Но ведь может оказаться, что он находится на такой широте, где Солнце в это время икарийского года, длящегося четыреста девять дней, не поднимается высоко над горизонтом. Тогда есть надежда выдержать несколько дневных часов. Больше надеяться не на что – конечно, если товарищи не разыщут его до рассвета.

Ушел за край света «Прометей», и тотчас сильнее засверкали звезды. Но всего ярче, такая прекрасная, что при одном взгляде на нее перехватывало горло, сияла Земля; вот и Луна рядом. На Земле Шеррард родился, по Луне ступал не раз – доведется ли ему когда-либо еще побывать на них?

Странно, до этой секунды ему не приходила в голову мысль о жене и детях, обо всем том, чем он дорожил в такой далекой теперь земной жизни. Даже как-то стыдно. Впрочем, чувство вины тотчас прошло. Ведь, несмотря на сто миллионов космических миль, разделивших его и семью, узы любви не ослабли, просто сейчас было не до этого. Он превратился в примитивное существо, всецело поглощенное битвой за свою жизнь. Мозг был его единственным оружием в этом поединке, сердце могло только помешать, затуманить рассудок, подорвать решимость.

То, что Шеррард увидел в следующий миг, окончательно вытеснило все мысли о далеком доме. Над гори-

зонтом позади него, словно обволакивая звезды молочным туманом, всплыл конус призрачного света – глашатай Солнца, его прекрасная жемчужная корона, видимая на Земле лишь во время полных солнечных затмений. Теперь совсем близка минута, когда Солнце поразит своим гневом этот маленький мир.

Предупреждение было кстати. Тетерь Шеррард мог довольно точно определить, в какой точке появится Солнце: и астронавт медленно, неуклюже перебирая обломками металлических рук, отполз туда, где глыба сулила ему лучшую тень. Едва он спрятался, как Солнце зверем набросилось на скалу, все вокруг словно взорвалось светом.

Шеррард поспешил перекрыть смотровое окошко темными фильтрами, чтобы защитить глаза. За пределами широкой тени, которую глыба отбрасывала на поверхность астероида, будто разверзлась раскаленная топка. Беспощадное сияние высветило каждую мелочь в окружающей пустыне. Никаких полутонов – слепящая белизна и кромешный мрак. Ямы и трещины напоминали чернильные лужи, а выступы точно объяло пламя, хотя с начала восхода прошла всего одна минута.

Неудивительно, что палящий зной миллиарды раз повторявшегося лета выжег из камня весь газ до последнего пузырька, превратив Икар в космическую головешку. «Что заставляет человека, – горько спросил себя Шеррард, – ценой таких затрат и риска пересекать межзвездные пучины ради того, чтобы попасть на вращающуюся гору шлака?» Он знал ответ: то самое, что некогда побуждало людей отправляться к полюсам, штурмовать Эверест,

проникать в самые глухие уголки Земли. Приключения заставляли сердце биться чаще, открытия окрыляли душу. Эх, много ли радости в этом сознании теперь, когда он вот-вот будет, точно окорок, поджарен на вертеле Икара.

Первое дыхание зноя коснулось его лица. Глыба, подле которой лежал Колин Шеррард, заслоняла его от прямых солнечных лучей, но прозрачный пластик шлема пропускал тепло, отражаемое скалами. Чем выше Солнце, тем сильнее будет жар... И выходит, у него в запасе меньше времени, чем он думал.

Тупое отчаяние вытеснило страх; Шеррард решил – если хватит выдержки, – дождаться, корда солнечный свет падет на него. Как только термоизоляция космокара сдаст в неравном поединке – пробить отверстие в корпусе, выпустить воздух в межзвездный вакуум...

А пока можно еще поразмышлять несколько минут, прежде чем тень от глыбы растает под натиском света. Астронавт не стал насиловать мысли, дал им полную волю. Странно, он сейчас умрет лишь потому, что в сороковых годах, задолго до его рождения, кто-то из сотрудников Паломарской обсерватории высмотрел на фотопластинке пятнышко света; открыл и метко назвал астероид именем юноши, который взлетел слишком близко к Солнцу...

Быть может, вот тут, на вздувшейся волдырями равнине, когда-нибудь воздвигнут памятник. Интересно, что они напишут? «Здесь погиб во имя науки инженер-астронавт Колин Шеррард». Это про него-то, который не понимал и половины того, над чем корпели ученые!

А впрочем, они и его заразили своей страстью. Шеррард вспомнил случай, когда геологи, очистив обугленную

корку астероида, обнажили и отполировали металлическую поверхность. И глазам их предстал странный узор, линии и черточки, вроде абстрактной живописи декадентов, которые вошли в моду после Пикассо. Но это были осмысленные линии: они запечатлели историю Икара, и геологи сумели ее прочесть. От ученых Шеррард узнал, что железокаменная глыба астероида не всегда одиноко парила в космосе. Некогда, в очень далеком прошлом, она испытала чудовищное давление, а это могло означать лишь одно: миллиарды лет назад Икар был частью огромного космического тела, быть может, планеты, подобной Земле. Почему-то планета взорвалась; Икар и тысячи других астероидов – осколки этого космического взрыва.

Даже сейчас, когда к нему подползала раскаленная полоса, Шеррард с волнением думал о том, что лежит на ядре погибшего мира, в котором, возможно, существовала органическая жизнь. Следовательно, его дух не один будет витать над Икаром; все-таки утешение.

Шлем затуманился. Ясно: охлаждение сдает. А честно послужило – даже сейчас, когда камни в нескольких метрах от него накалены докрасна, температура внутри капсулы вполне терпима. Конец охлаждающей установки будет и его концом.

Шеррард протянул руку к красному рычагу, который должен был лишить Солнце добычи. Но прежде чем нажать рычаг, хотелось в последний раз посмотреть на Землю. Он осторожно сдвинул фильтры так, чтобы они, по-прежнему защищая глаза от слепящих скал, не мешали глядеть на небо.

Звезды заметно поблекли, бессильные состязаться с

сиянием короны. А как раз над глыбой – его ненадежным щитом – вздымался язык алого пламени, грозно указующий перст самого Солнца.

Последние секунды на исходе...

Вон Земля, вон Луна... Прощайте... Прощайте, друзья и близкие.

Солнечные лучи лизнули край космокара, и первое прикосновение огня заставило Шеррарда непроизвольно поджать ноги. Нелепое и бесполезное движение.

Но что это? В небе над ним, затмевая звезды, вспыхнул яркий свет. На огромной высоте парило, отражая солнечные лучи, исполинское зеркало. Вздор, этого не может быть. Галлюцинация, только и всего, пора кончать. Пот катил с него градом, через несколько секунд космокар превратится в печь, больше ждать невозможно.

Напрягая последние силы, Шеррард нажал рычаг аварийного люка, готовый встретить смерть.

Рычаг не поддался. Астронавт снова и снова нажимал рукоятку, но ее безнадежно заело. А он-то надеялся на легкую смерть, мгновенный милосердный конец...

Вдруг, осознав весь ужас своего положения, Колин Шеррард потерял власть над собой и закричал, словно зверь в западне.

Услышав тихий, но вполне отчетливый голос капитана Маклеллана, Шеррард сразу понял, что это новая галлюцинация. Все-таки чувство дисциплины и остатки самообладания заставили его взять себя в руки; стиснув зубы, астронавт слушал знакомый строгий голос.

– Шеррард! Держитесь! Мы вас запеленговали, только продолжайте кричать!

– Слышу! – завопил он. – Ради бога, поторопитесь! Я горю!

Рассудок еще не совсем покинул его, и он понял, что произошло. Пеньки обломанных антенн излучали в эфир слабенький сигнал, и спасатели услышали его крик, а раз он слышит их, значит, они совсем близко! Эта мысль придала ему сил.

Колин Шеррард напряг зрение, пытаясь сквозь туманный пластик разглядеть странное зеркало в небесах. Вот оно! И тут он сообразил, что обманчивость перспективы в космосе сбила его с толку. Зеркало не было исполинским и не парило на огромной высоте. Оно висело как раз над ним, быстро снижаясь.

Он еще продолжал кричать, когда зеркало заслонило собой лик восходящего Солнца и накрыло его благословенной тенью. Словно прохладный ветер из самого сердца зимы, пролетев многие километры над снегом и льдом, дохнул на него. Вблизи Шеррард сразу определил, что роль зеркала играл большой термоэкран из металлической фольги, поспешно снятый с какого-нибудь прибора. Тень от экрана позволила товарищам искать его, не боясь смертоносных лучей.

Держа одной парой рук экран, над глыбой парил двухместный космокар, две руки протянулись за Шеррардом. И хотя зной еще туманил голову и шлем, астронавт различил обращенное вниз встревоженное лицо капитана Маклеллана.

Так Колин Шеррард узнал, что значит родиться на свет. Конечно, ведь он все равно, что заново родился! Предельно измученный, он не ощущал благодарности – это чувство

придет потом, – но, отрываясь от раскаленного ложа, астронавт отыскал глазами яркий кружок Земли.

– Я здесь, – тихо произнес он. – Я возвращаюсь!

Он возвращался, заранее предвкушая, как будет радоваться всем прелестям мира, который считал утраченным навсегда. Впрочем, нет, не всем.

Он больше никогда не сможет радоваться лету.

ИЗ СОЛНЕЧНОГО ЧРЕВА

Если вы жили только на Земле, вы не видели Солнца. Конечно, мы смотрели на него не прямо, а через мощные фильтры, которые умеряли его яркость, делая ее терпимой для глаз. Солнце неизменно висело над низкими зазубренными утесами к западу от обсерватории, не восходя и не заходя, лишь описывая небольшой круг на небе за год, который в нашем маленьком мире длился восемьдесят восемь земных дней. Не совсем верно говорить о Меркурии, что он всегда обращен к Солнцу одной стороной: планета чуть покачивается на своей оси, поэтому есть узкий сумеречный пояс, где применимы такие обычные земные понятия, как утренняя и вечерняя заря.

Мы находились на краю сумеречной области; можно было воспользоваться прохладными тенями и вместе с тем постоянно наблюдать Солнце, парящее над утесами. Круглосуточная работа для пяти десятков астрономов и иных научных сотрудников; лет через сто мы, возможно, будем *кое-что* знать о небольшой звезде, давшей Земле жизнь.

Не было той области солнечного излучения, исследо-

ванию которой не посвятил бы свою жизнь кто-нибудь из сотрудников обсерватории; а уж следили мы, как коршуны. От рентгеновских лучей до самых длинных радиоволн – на всех частотах мы расставили свои ловушки и капканы; стоило Солнцу придумать что-нибудь новое – мы уж тут как тут. Так мы *полагали*...

Пылающее сердце Солнца пульсирует в медленном, одиннадцатилетнем ритме, и как раз приближалась вершина цикла. Два пятна, чуть ли не самые крупные, какие когда-либо наблюдались (одно из них – достаточно большое, чтобы поглотить сто земных шаров), проплыли вдоль солнечного диска, словно исполинские черные воронки, уходящие далеко в глубь беспокойных верхних слоев звезды. Разумеется, черными они казались только рядом с окружающим их ослепительным сиянием; даже их темные, прохладные ядра жарче и ярче вольтовой дуги. Мы как раз проследили, как второе пятно исчезло за краем диска (интересно, уцелеет ли оно, появится ли вновь – через две недели), и вдруг на экваторе выросла шапка взрыва!

Сперва зрелище было не особенно эффектное, потому что выброс произошел как раз в середине солнечного диска. Случись он возле края, с проекцией на космос, картина, наверно, была бы потрясающая.

Представьте себе одновременный взрыв миллиона водородных бомб. Не можете? Никто не может. И однако же нечто в этом роде видели мы. Прямо к нам из вращающегося солнечного экватора со скоростью сотен миль в секунду мчалось выброшенное взрывом вещество. Сперва – узкой струей, однако края струи быстро превратились в бахрому под действием противоборствующих ей магнит-

ных и гравитационных сил. Но ядро летело дальше, и вскоре стало очевидно, что оно совсем оторвалось от Солнца и устремилось в космос, причем мы – его ближайшая мишень.

Хотя такое случалось уже не раз, мы всегда одинаково волновались. Ведь можно будет поймать толику солнечного вещества летящего с гигантским облаком ионизированного газа. Опасности никакой: пока вещество достигнет нас, оно окажется слишком разреженным, вреда не причинит. Больше того, нужны очень чувствительные приборы, чтобы вообще его обнаружить.

Одним из таких приборов был радар обсерватории; он постоянно нащупывал невидимые ионизированные слои на миллионы миль опоясавшие Солнце. Это была *моя* работа. И как только появилась надежда выделить на фоне Солнца надвигающееся облако, я направил на него свое гигантское «радиозеркало».

Вот он, отчетливо виден на «дальнобойном» экране огромный лучезарный остров, удаляющийся от Солнца со скоростью сотен миль в секунду. Пока не видно никаких подробностей, уж слишком далеко. Волны радара не одну минуту тратили на то, чтобы проделать путь в оба конца и доставить информацию на мой экран. Несмотря на скорость около миллиона миль в час, – вырвавшийся протуберанец лишь через двое суток достигнет орбиты Меркурия и умчится дальше, к другим планетам. Но ни Венера, ни Земля не отметят его прохождения, так как он пролетит в стороне от них.

Шли часы. Солнце утихомирилось после непостижимой конвульсии, которая безвозвратно извергла столько

миллионов тонн материи в межпланетное пространство. А вскоре медленно извивающееся и вращающееся облако размером в сто раз больше Земли окажется достаточно близко, чтобы радар показал нам его строение.

Сколько лет я здесь работаю, а до сих пор не могу без волнения видеть, как светящийся след, сопряженный с пучком радиоволн передатчика, рисует изображение на экране. Я иногда кажусь себе слепцом, который прощупывает окружающее его пространство палкой длиной в сто миллионов миль. Ведь человек и впрямь слеп, если говорить о предметах, которые я изучаю. Исполинские облака ионизированного газа, улетающие далеко прочь от Солнца, совсем невидимы глазу, их не заметит даже самая чувствительная фотографическая пластинка. Они призраки, всего лишь несколько часов витающие в солнечной системе. Если бы они не отражали волн, излученных нашими радарами, и не влияли на наши магнитометры, мы бы о них и не знали.

Изображение на экране напоминало фотоснимок спиральной туманности: медленно вращаясь, облако на десятки тысяч миль вокруг разбросало лохматые щупальца газа. А можно сравнить его с наблюдаемым сверху циклоном в атмосфере Земли. Внутреннее строение облака было чрезвычайно сложно, и оно ежеминутно менялось под воздействием сил, далеко не изученных нами. Реки огня скользили в причудливых руслах, которые могли быть созданы только электрическими полями. Но почему они возникали из ничего и вновь исчезали, точно происходило сотворение и уничтожение материи? И что это за мерцающие гранулы, каждая размером больше Луны, подобные валунам в бурном потоке?

Уже меньше миллиона миль отделяло облако от нас; еще какой-нибудь час, и оно будет здесь. Автоматические съемочные камеры фиксировали каждый кадр на экране радара, накапливая свидетельства, которых нам хватило на много лет спора. Магнитное возмущение, опережающее облако, уже достигло нас; кажется, во всей обсерватории не было прибора, который так или иначе не отзывался бы на стремительное приближение призрака.

Я изменил настройку радара; сразу изображение выросло настолько, что на экране умещалась только его центральная часть.

Одновременно я стал менять частоту импульсов, стараясь различить слои. Чем короче волна, тем глубже можно проникнуть в толщу ионизированного газа. Таким способом я надеялся получить своего рода рентгеновский снимок внутренности облака.

Казалось, оно меняется у меня на глазах по мере того, как я проникал сквозь разреженную оболочку с ее щупальцами и приближался к более плотному ядру. Слово «плотный» применимо здесь, конечно, лишь относительно; по нашим земным меркам даже самые компактные участки облака были вакуумом. Я почти достиг предела моей шкалы частот и уже не мог получать более коротких волн, когда приметил почти посредине экрана необычный по виду, яркий след отраженного сигнала.

Он был овальный, с четко очерченными краями, гораздо более ясный, чем «гранулы» газа, которые мы видели в струях пламенного потока. С первого взгляда я понял – это что-то странное, необычное, такого еще никто не наблюдал. Электронный луч нарисовал еще дюжину кадров,

наконец я подозвал своего ассистента, который стоял у радиоспектрографа, определяя скорости летящих к нам газовых вихрей.

– Глянь-ка, Дон, – сказал я ему. – Видел ты когда-нибудь что-либо подобное?

– Нет, – ответил он, приглядевшись, – Какие силы его образуют? Вот уже две минуты очертания не меняются.

– Это-то меня и озадачивает. Что бы это ни было, ему давно пора распадаться, такая свистопляска вокруг! А оно все остается неизменным.

– А размеры его, по-твоему?

Я включил шкалу и быстро снял показания.

– Длина около пятисот миль, ширина вдвое меньше.

– А покрупнее сделать нельзя?

– Боюсь, что нет. Придется подождать – подойдет ближе, тогда и разглядим, откуда такая плотность.

Дон нервно усмехнулся.

– Нелепо, конечно, – сказал он, – но знаешь, что оно мне напоминает? Точно я разглядываю в микроскоп амебу.

Я не ответил: та же мысль, будто откуда-то извне, пронизала мое сознание.

Мы даже позабыли об остальной части облака, но, к счастью, автоматические камеры продолжали свою работу и ничего не упустили. А мы не сводили глаз с ясно очерченной газовой чечевицы, которая, поминутно увеличиваясь на экране, мчалась к нам. И когда до облака оставалось не больше, чем от Земли до Луны, стали выделяться первые подробности внутреннего строения. Это было какое-то странное крапчатое образование, и каждый последующий кадр развертки давал иную, новую картину.

Уже половина сотрудников обсерватории столпилась в радарной, но царила тишина, все смотрели, как на экране стремительно растет загадка. Она летела прямо на нас; еще несколько минут – и «амеба» столкнется с Меркурием где-то в его дневной части. Столкнется и погибнет. От первого детального изображения и до той секунды, когда экран снова опустел, прошло не больше пяти минут. Эти пять минут на всю жизнь запомнились каждому из нас.

Мы видели некий прозрачный овал, внутренность которого была пронизана сетью едва видимых линий. В местах пересечения линий словно пульсировали крохотные узелки света. А может быть, это нам только почудилось? Ведь радар тратил почти минуту на то, чтобы дать на экране полное изображение, а объект успевал за это время переместится на несколько тысяч миль. Но сетка существовала, в этом никто не сомневался, и камеры ясно ее запечатлели.

Иллюзия, будто мы смотрим на нечто плотное, была настолько сильна, что я на секунду оторвался от экрана радара и поспешно навел резкость направленного в небо оптического телескопа. Конечно, я ничего не увидел, даже намека на какой-нибудь *силуэт* на фоне помеченного оспинами солнечного диска. Это был один из тех случаев, когда глаз оказывается бессильным и только электрические органы чувств радара могут что-то уловить. Летящий к нам из солнечного чрева предмет был прозрачным, как воздух, и куда более разреженным.

Истекали последние секунды; и мы все – я уверен – уже пришли к одному и тому же выводу, ждали только, кто первый его выскажет. Да, это невозможно – и все-таки

доказательство у нас перед глазами... Мы видели *жизнь* там, где жизнь существовать не может!

Извержение вырвало это создание из его обычной среды в недрах пылающей атмосферы Солнца. Оно чудом пережило долгое путешествие в космосе, но теперь, видимо, умирало, по мере того как силы, управляющие исполинским невидимым телом, теряли власть над ионизированным газом, его единственной субстанцией.

Теперь, когда я сотни раз просмотрел заснятые пленки, мысль эта уже не кажется мне столь необычной. Ведь что такое жизнь, как не организованная *энергия*? Что за энергия, не так уж важно – химическая, известная нам по Земле или чисто электрическая, как это, видимо, было тут... Не род субстанции главное, а ее организация. Но тогда я не думал об этом. Потрясенный сознанием великого чуда я смотрел, как доживает последние секунды это детище Солнца.

Было ли оно *разумным*? Понимало ли, какой необычный рок его постиг? Можно задать тысячу подобных вопросов, и никогда не получить на них ответа. Трудно допустить, чтобы создание, родившееся в горниле самого Солнца, могло что-либо знать о внешней вселенной или хотя бы вообразить нечто столь невыразимо холодное, как жесткая негазообразная материя. Падающий на вас из космоса живой остров не мог, будь он трижды разумен, представить себе мир, к которому так стремительно приближался.

Уже он заполнил наше небо и, быть может, в эти последние секунды понял, что впереди появилось что-то необычное. То ли воспринял обширное магнитное поле

Меркурия, то ли ощутил рывок гравитационных сил нашего маленького мира. Во всяком случае, он стал меняться: светящиеся волокна (хочется сравнить их с нервной системой) стягивались вместе, образуя новые узоры, смысл которых я бы не прочь разгадать. Быть может, я заглянул в мозг не наделенного разумом чудовища, охваченного страхом, или небожителя, который прощался со вселенной...

И вот экран радара пуст, светящийся след все с него стер в своем беге. Создание упало за пределами нашего горизонта, скрытое кривизной планеты. Где-то на жаркой дневной стороне Меркурия, в аду, куда сумело проникнуть всего человек десять – и еще меньше вернулось живыми, – оно незримо и беззвучно разбилось о моря расплавленного металла, о горы медленно ползущей лавы. Сам по себе удар для такого существа не играл никакой роли, но встреча с непостижимым холодом плотной материи оказалась роковой.

Да, да, *холодом*. Оно упало в самом жарком месте солнечной системы, температура здесь никогда не опускается ниже семисот градусов по Фаренгейту, а порой достигает и тысячи. Но для него это было несравненно холоднее, чем для обнаженного человека самая суровая арктическая зима.

Мы не видели его смерти в леденящем пламени, существо очутилось за пределами досягаемости наших приборов, ни один из них не зарегистрировал кончины. И все-таки каждый из нас знал, когда наступила та секунда. Вот почему мы безучастно слушаем тех, кто смотрел только фильмы, но уверяют нас, будто мы наблюдали обыкновенное природное явление.

Как описать, что мы ощущали в тот последний миг, когда половина нашего маленького мира была опутана распадающимися щупальцами исполинского, хотя и бестелесного, мозга? Могу только сказать, что это было вроде беззвучного крика, исполненного предельной тоски, выражение смертной муки, которое проникло в наше сознание, минуя ворота чувств. Ни тогда, ни после никто из нас не сомневался, что был свидетелем гибели гиганта.

Быть может, мы первые и последние люди, кому довелось наблюдать столь величественную кончину. Кем бы они ни были, эти обитатели невообразимого мира в солнечных недрах, возможно, что наши пути уже никогда более не скрестятся. Трудно представить себе, чтобы мы могли вступить в контакт с ними, даже если их разум превосходит наш.

И так ли это? Может быть, нам же лучше не знать ответа... Возможно, они живут внутри Солнца со времени зарождения вселенной и достигли таких вершин мудрости, на какие нам никогда не подняться. Быть может, будущее принадлежит им, а не нам, быть может, они уже переговариваются через тысячи световых лет со своими собратьями внутри других звезд.

Настанет, возможно, день, когда они посредством того или иного присущего им особенного чувства обнаружат нас, вращающихся вокруг их могучей древней родины, нас, гордых своими знаниями, почитающих себя властелинами мироздания. И возможно, открытие их не обрадует, ведь для них мы будем всего лишь червяками, точащими кору планет, которые чересчур холодны, чтобы своими силами очиститься от заразы органической жизни.

И тогда, если это в их силах, они сделают то, что сочтут нужным. Солнце покажет свою мощь и оближет лица своих детей, и планеты продолжат путь такими, какими были изначально: чистыми, гладкими... и стерильными.

СМЕРТЬ И СЕНАТОР

Никогда еще весенний Вашингтон не казался ему таким прекрасным... Последняя весна, мрачно подумал сенатор Стилмен. Даже теперь, хотя слова доктора Джордена не оставляли места для сомнений, трудно было примириться с истиной. Прежде он всегда находил выход, пусть полный крах порой казался неизбежным. Если его предавали люди, он увольнял их, даже сокрушал в назидание другим. На этот раз измена таилась в нем самом. Так и кажется, что чувствуешь тяжелый ход своего сердца, а вскоре оно и вовсе остановится. Нет никакого смысла готовиться к президентским выборам; хорошо, если он доживет до выдвижения кандидатур...

Конец мечтам и честолюбию, и нет утешения в мысли о том, что рано или поздно всех ждет конец. Рано, слишком рано! Недаром Сесиль Родс – один из его идеалов – воскликнул перед смертью: «Столько дела – и так мало времени отведено!» Родс не дожил и до пятидесяти лет; он намного старше, а совершил гораздо меньше.

Машина увозила его прочь от Капитолия. В этом есть что-то символическое, но лучше не задумываться... Вот и Нью-Смитсониен, могучий комплекс музеев, которые ему было вечно некогда посетить, а ведь сколько раз проезжал мимо за те годы, что прожил в Вашингтоне. Сколько упу-

щено в непрестанной погоне за властью, с горечью сказал он себе. Мир культуры и искусства был по сути дела закрыт для него, и ведь это лишь часть цены. Он стал чужим в собственной семье, растерял былых друзей. Любовь принесена в жертву на алтарь честолюбия, а жертва оказалась напрасной. Есть ли на всем свете хоть один человек, который станет оплакивать его кончину?

Конечно, есть. У него стало легче на душе, чувство беспредельного одиночества поумерилось. Беря телефонную трубку, сенатор со стыдом подумал, что вынужден справиться о номере у секретаря, хотя память удерживает множество куда менее важных вещей...

(Вот Белый дом, залитый ярким светом весеннего солнца. Впервые в жизни он скользнул по нему равнодушным взглядом. Белый дом уже принадлежал иному миру – миру, до которого ему больше нет и не будет дела.)

В автомобиле не было видеоустройства, но сенатор и без того уловил оттенок удивления и даже намек на радость в голосе Айрин.

– Здравствуй, Рени, как вы там поживаете?

– Отлично, папа. Когда мы тебя увидим?

Вежливая формула, к которой дочь всегда прибегала в тех редких случаях, когда он звонил. И всегда, исключая рождество или дни рождения, сенатор отвечал неопределенным обещанием как-нибудь заглянуть...

– Я хотел спросить, – произнес он медленно, извиняющимся тоном, – можно ли заехать за ребятишками. Давно мы с ними нигде не были, и надоело все сидеть в канцелярии.

– Конечно, заезжай! – Голос Айрин потеплел, – Они будут рады. Когда тебя ждать?

– Давай завтра. Приеду около двенадцати и повезу их в зоопарк или Смитсониен, куда захотят.

Вот теперь она изумилась – ведь он один из самых занятых людей в Вашингтоне, его время расписано на недели вперед. Будет спрашивать себя, что произошло; хоть бы не догадалась. Да нет, не должна, ведь даже его секретарь ничего не знает об острых болях, которые в конце концов вынудили сенатора обратиться к врачу.

– Чудесно! Как раз вчера они говорили о тебе, спрашивали, когда же ты опять приедешь.

Глаза сенатора увлажнились. Хорошо, что Рени его не видит.

– Значит, в полдень, – поспешно сказал он, боясь, как бы голос не выдал его. – Обнимаю вас всех.

Он отключился, не дожидаясь ответа, и со вздохом облегчения откинулся на спинку сиденья. Первый шаг к перестройке свой жизни сделан – без всякой подготовки, вдруг. Он упустил собственных детей, но мост, соединяющий его со следующим поколением, цел. В оставшиеся месяцы нужно хотя бы сберечь и укрепить этот мост.

Вряд ли доктор посоветовал бы ему пойти в Музей естественной истории с двумя любознательными непоседами, но он с этим не считался. Джо и Сьюзен заметно подросли с их последней встречи, требовалось не только физическое, но и умственное напряжение, чтобы поспевать за ними. Едва войдя в ротонду, дети галопом бросились к огромному слону, занимавшему самое видное место в мраморном зале.

– Что это? – вскричал Джо.

– Это же слон, дурачок – снисходительно ответила Сьюзен; ведь ей уже было целых семь лет.

– Знаю, что слон, – отрезал Джо. – А как его зовут?

Сенатор Стилмен обратился к дощечке, но не нашел там ответа. Самое время действовать по принципу: «Смелость города берет».

– Его зовут, гм, Джумбо! – выпалил он. – Погляди, какие клыки!

– А у него болели зубы?

– Что ты, никогда.

– А как он чистил зубы? Мама говорит, если я не буду чистить зубы...

Стилмен угадал, куда клонит Джо и поспешил переменить тему.

– Дальше будет еще много интересного! С чего начнем с птиц, змей, рыб, млекопитающих?

– Змей! – решительно потребовала Сьюзен. – Я хотела посадить змею в банку, а папа не позволил. Ты попроси его, может, он передумает?

– А что такое – млекопитающий? – спросил Джо, прежде чем Стилмен успел придумать ответ для Сьюзен.

– Пойдемте, – твердо сказал он. – Я покажу.

Они шли по залам и переходам, дети сновали от одного экспоната к другому, и на душе у сенатора было хорошо. Ничто не действует на человека так умиротворяюще, как музей; здесь все повседневное обретает свои истинные размеры. Изобретательность волшебницы-природы неисчерпаема, и ему вспомнились забытые было истины. Он всего лишь один из миллиона миллионов обитателей планеты Земля. Весь человеческий род с его чаяниями и тревогами, победами и безрассудствами – быть может, только эпизод в истории мира. Стоя перед чудовищным скелетом

диплодока (даже дети благоговейно примолкли), он ощутил дыхание вечности. И с улыбкой додумал о своем честолюбивом убеждении, будто он тот человек, который нужен нации. Какой нации, коли на то пошло? Декларация о независимости подписана всего каких-нибудь двести лет назад, а вот этот древний американец пролежал в земле Юты сто миллионов лет...

Он устал к тому времени, когда они вошли в Зал океанической жизни, где выразительный экспонат подчеркивал, что на Земле и в наши дни есть животные, превосходящие размерами все известное в прошлом. Девяностофутовый кит, житель пучин, и прочие стремительные охотники морей напомнили ему часы, которые он провел на маленькой, влажно блестящей палубе, под крылатым белым парусом. Хорошо – плеск рассекаемой килем воды, вздохи ветра в снастях. Тридцать лет как не ходил на яхте; еще одна радость, которой он пренебрег.

– Я их не люблю, рыб этих, – пожаловалась Сьюзен. – Хочу к змеям пойти!

– Сейчас, – ответил он. – И куда ты спешишь? У нас еще много времени.

Он сам не заметил, как у него вырвались эти слова. Сенатор размеренным шагом побрел дальше, а дети умчались вперед. Вдруг он улыбнулся, улыбнулся без горечи. Что ж, в каком-то смысле это верно. Времени, действительно, много. Каждый день, каждый час может вместить в себя целый мир впечатлений, нужно только разумно их тратить. В последние недели своей жизни он начнет *жить*.

Пока никто в конторе ничего не заподозрил. Даже его вылазка с внуками не вызвала особенного удивления;

случалось и прежде, что он вдруг отменял все деловые встречи, предоставляя своим помощникам выкручиваться. До сих пор в его действиях не было ничего необычного, но через несколько дней приближенным станет ясно: что-то случилось. Он обязан возможно скорее сообщить им – и своим политическим коллегам – неприятную новость; но прежде чем свертывать свои дела, надо основательно обдумать и решить множество личных вопросов.

И еще одно заставляло его медлить. За всю свою карьеру он почти не знал неудач и никого не щадил в острых политических схватках. Теперь, перед лицом конечного краха, он с ужасом думал о потоке соболезнований, который тотчас обрушат на него многочисленные противники. Глупо, конечно, остаток непомерного самолюбия, которое слишком крепко сидит в нем, чтобы исчезнуть даже перед лицом смерти.

Больше двух недель он хранил тайну. На заседаниях комиссии, в Белом доме, в Капитолии, в лабиринтах вашингтонского света сенатор играл, как никогда еще за всю свою карьеру, и некому было оценить его игру. Наконец программа действий была разработана, оставалось только отправить несколько писем, которые он сам написал от руки, и позвонить жене.

Секретариат отыскал ее в Риме. Глядя на возникшее на экране лицо, сенатор подумал, что она еще хороша собой, вполне достойна звания Первой Дамы государства – супруги президента – и это отчасти вознаградило бы ее за утерянные годы. Кажется, она мечтала об этом – впрочем, разве он когда-нибудь знал по-настоящему, о чем она мечтает?

– Здравствуй, Мартин, – сказала жена, – Я ждала твоего звонка. Хочешь, чтобы я приехала?

– А ты? – тихо спросил он.

Мягкость его голоса заметно ее удивила.

– Было бы глупо ответить «нет», верно? Но если тебя не изберут, я уеду опять. Ты уж не возражай.

– Меня не изберут. Даже не выдвинут моей кандидатуры. Ты первая, кому я об этом говорю, Диана. Через полгода меня не будет в живых.

Жестокая откровенность, но он намеренно так поступил. Доля секунды, которая требовалась радиоволнам, чтобы достичь спутников связи и вернуться на Землю, никогда еще не казалась ему столь долгой. А затем – да, впервые ему удалось сорвать эту красивую маску. Ее глаза расширились, одну руку она порывисто прижала к губам.

– Ты шутишь!

– Такими вещами? Нет, это правда. Сердце износилось. Мне сказал об этом две недели назад доктор Джорден. Конечно, я сам виноват, но не будем сейчас вдаваться в подробности.

– Вот почему ты всюду водишь внуков... Я не могла понять, в чем дело.

Можно было ждать, что Айрин позвонит матери. Но до чего дошел Мартин Стилмен, если внимание к собственным внукам насторожило его близких!..

– Да, – откровенно признался он. – Боюсь, я поздно спохватился. Теперь пытаюсь наверстать упущенное. Все остальное меня как-то не волнует.

Они молча глядели в глаза друг другу, разделенные кривизной земного шара и пустыней лет, проведенных врозь. Потом Диана ответила дрогнувшим голосом:

– Я начинаю собираться.

Теперь, когда его секрет был всеобщим достоянием, сразу стало легче на душе. Даже сочувствие противников оказалось не так уж трудно переварить. Тем более что противников вдруг не стало. Люди, годами поминавшие его только бранными словами, слали письма, в искренности которых нельзя было сомневаться. Старые ссоры забывались или оказывались основанными на недоразумениях. Жаль, что об этом узнаёшь только перед смертью...

Он узнал также, что не так-то просто умирать, когда ты занимаешь видный пост, нужно основательно потрудиться: подобрать преемников, распутать правовые и финансовые узлы, закончить дела в комиссии, в государственных органах. Дело, которому отдана целая жизнь, нельзя оборвать вдруг поворотом выключателя. Просто поразительно, сколько у него накопилось обязанностей и как трудно от них избавиться. Он никогда не любил делиться с кем-либо своей властью (и многие подчеркивали этот роковой недостаток в человеке, который собирался стать *президентом*), сейчас нужно было с этим поспешить, пока власть не выскользнула навсегда из его рук.

Словно кончался завод больших часов и некому подкрутить пружину. Передавая свои папки, читая и уничтожая старые письма, закрывая ненужные счета и дела, диктуя последние наставления, составляя прощальные заметки, он порой ловил себя на том, что все происходящее кажется ему нереальным. Боли прошли, и будто впереди еще много лет деятельной жизни. Но путь в будущее преградили какие-то закорючки на кардиограмме – словно шлагбаум или анафема на загадочном языке, понятном лишь докторам.

Почти ежедневно Диана, Айрин или ее муж привозили к нему внуков. Прежде он плохо ладил с Биллом, теперь убедился, что сам был в этом повинен. Нельзя требовать от зятя, чтобы он заменил сына, несправедливо винить Билла в том, что тот не годится для роли Мартина Стилмена-младшего. Билл человек вполне самостоятельный, он хорошо заботится об Айрин, она счастлива с ним, у них есть дети. Конечно, отсутствие честолюбия изъян (полно, изъян ли?), но такой, который можно простить.

Он мог даже без горечи и боли думать о собственном сыне, который раньше него закончил свой жизненный путь и покоился – один крест среди многих – на кладбище ООН в Кейптауне. Ему не довелось побывать на могиле Мартина. Когда у него было время для этого, белый человек не пользовался любовью в бывшей Южно-Африканской Республике. Теперь можно съездить, но вправе ли он подвергать таким страданиям Диану? Его недолго будут преследовать воспоминания, ей же еще много лет жить с ними...

Все-таки надо посетить Кейптаун, это его долг. А для внуков это будет настоящий праздник, увлекательное путешествие в неведомый край, ничуть не омраченное мыслями об умершем дяде, ведь они его никогда не видели. И он начал собираться в путь, но тут опять – во второй раз за месяц – в его жизни все перевернулось вверх дном.

Даже теперь у дверей его кабинета каждое утро ожидал десяток-другой посетителей. Не так много, как в былые дни, однако вполне достаточно. Но чтобы среди них оказался доктор Хакнесс?!.

При виде этой худой нескладной фигуры он невольно

замедлил шаг. Кровь ударила в лицо и сердце забилось чаще от воспоминания о былых схватках на заседаниях комиссии и бурных радиотелефонных разговорах, от которых в эфире искры летели. Тут же он взял себя в руки. Все это позади, ушло безвозвратно – во всяком случае для него.

Хакнесс встал и нерешительно подошел к нему. За последние недели Стилмен привык к этому: каждый, кого он встречал, испытывал замешательство и неловкость от старания избежать запретной темы.

– Здравствуйте, доктор, – сказал он. – Ничего не скажешь: сюрприз. Вот не ждал увидеть здесь *вас*.

Он не мог удержаться от этого маленького выпада, и приятно было убедиться, что стрела попала в цель. Впрочем, укол был безболезненным, он понял это по улыбке доктора.

– Сенатор, – Хакнесс говорил очень тихо, Стилмену пришлось даже нагнуться, чтобы его расслышать. – У меня есть для вас чрезвычайно важное известие. Мы можем переговорить наедине? Всего несколько минут.

Стилмен кивнул, хотя у него было свое собственное мнение – что теперь важно, а что нет, и слова ученого не пробудили в нем особенного любопытства.

Хакнесс заметно изменился с их последней встречи семь лет назад. Теперь он выглядел куда более уверенным в себе, даже самонадеянным, исчезла нервозность, из-за которой его свидетельские показания звучали так неубедительно.

– Сенатор, – заговорил гость, едва они вошли в кабинет. – То, что я сейчас скажу, потрясет вас. По-моему, вас можно вылечить.

Стилмен тяжело упал в кресло. Этого он никак не ожидал. С самого начала он твердо сказал себе: никаких тщетных надежд, только глупец тратит силы на борьбу с неотвратимым и примирился с судьбой.

На мгновение он онемел, потом взглянул на своего старого врага и через силу заговорил:

– Откуда вы это взяли? Все мои врачи...

– Бог с ними, они не виноваты, что отстали на десять лет. Посмотрите вот это.

– Что это такое? Я не понимаю по-русски.

– Последний выпуск советского «Вестника Космической Медицины». Пришел несколько дней назад, и мы сразу, как обычно, сделали перевод. Вот, я отчеркнул, заметка о новейших исследованиях на космической станции «Мечников».

– Что за станция?

– Как, вы не знаете? Это же их Космическая больница, они смонтировали ее как раз под Большим радиационным поясом.

– Продолжайте. – Стилмен говорил с трудом. – Просто я забыл название.

Он надеялся спокойно закончить свою жизнь, но прошлое настигло его...

– Конечно, заметка довольно скупая, но многое можно вычитать между строк. Это, так сказать, первая ласточка, чтобы закрепить за собой приоритет, пока будет написан полный отчет. Заголовок:

«ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕВЕСОМОСТИ НА БОЛЕЗНИ КРОВЕНОСНОЙ СИСТЕМЫ»

Они искусственно вызывали сердечные заболевания у

кроликов и хомяков, потом забрасывали их на космическую станцию. Там же, на орбите, все невесомо, нагрузки на сердце и мышцы почти никакой. А в итоге-то самое, что я пытался втолковать вам еще несколько лет назад. Приостанавливается развитие даже самых тяжелых заболеваний, а многие и вовсе излечиваются.

Небольшой кабинет с полированными панелями, который столько лет был центром его мира, ареной множества совещаний, кузницей всевозможных планов, вдруг стал нереальным. Воспоминания были куда ярче: он снова был на заседании, состоявшемся осенью 1969 года, когда обсуждали и яростно критиковали – итоги первых десяти лет деятельности Национального управления аэронавтики и космонавтики.

Он никогда не занимал поста председателя сенатской Комиссии по астронавтике, зато был ее самым деятельным и речистым членом. Именно там он завоевал славу блюстителя казны, человека трезвого, которого никаким ученым мечтателям-утопистам не провести. Он вполне преуспел, и с тех пор его имя редко сходило с первых полос. И не потому, чтобы он очень увлекался наукой и космосом, просто у него было безошибочное чутье на злободневные вопросы.

Точно в его мозгу включилась запись давнишних событий...

– Доктор Хакнесс, вы – Технический директор Национального управления аэронавтики и космонавтики?

– Совершенно верно.

– Здесь передо мной лежат данные о расходах НУАК за период 1959-1969 годов, цифры внушительные. Истрачено

82547450000 долларов, на 1969/70 финансовый год вы запрашиваете более десяти миллиардов. Хотелось бы услышать, что мы можем ожидать взамен?

– С удовольствием расскажу, сенатор.

Так начался тот разговор: строго, но не враждебно. Враждебные нотки появились чуть погодя. Он сам знал, что они неоправданны: у любой большой организации бывают слабости и неудачи. А когда речь идет об организации, которая в буквальном смысле слова метит в звезды, стопроцентного успеха требовать нельзя. С самого начала было ясно, что штурм космоса обойдется в деньгах и в человеческих жизнях по меньшей мере так же дорого, как завоевание воздуха. За десять лет погибло около ста человек – на Земле, в космосе, на бесплодной поверхности Луны. И теперь, когда поунялась лихорадка, отличавшая начало шестидесятых годов, общественность начала задавать вопрос: «Ради чего?». Стилмен сразу смекнул, что не худо стать рупором вопрошающих голосов. Он действовал холодно и расчетливо; требовался козел отпущения – к несчастью доктора Хакнесса, он был словно создан для этой роли.

– Хорошо, доктор Хакнесс, я понимаю, как много сделали космические исследования для улучшения коммуникаций и прогнозов погоды. Уверен, что все это ценят. Но это почти целиком достигнуто с помощью автоматических ракет без экипажа. Меня – и не только меня – тревожит иное: огромные расходы на программу «Человек в космосе» и ее весьма ограниченная отдача. Начиная с первых циклов программы «Дайна-Сор» и «Аполлон», – мы запустили в космос миллиарды долларов. А итог? Горстка

людей может провести несколько не таких уж приятных часов за пределами атмосферы и достичь при этом не более того, что можно сделать с помощью телевидения и автоматических приборов – притом гораздо лучше и дешевле. А человеческие жертвы? Никто из нас не забудет криков, которые неслись в эфир, когда ИКС-21 сгорел, возвращаясь на Землю. Что дает нам право посылать людей на такую смерть?

Он хорошо помнил напряженную тишину, которая воцарилась в зале заседаний после его выступления. Он задал *обоснованные* вопросы, и на них надо было отвечать. Разумеется, нечестно было облекать их в столь риторическую форму, а главное припирать к стене человека, не способного постоять за себя. Против фон Брауна или, скажем, Риковера Стилмен никогда бы не применил такую тактику, они сумели бы дать ему сдачи. Но Хакнесс не обладал даром оратора; если он и был способен на сильные чувства, то держал их про себя. Он был видный ученый, способный организатор – и никудышный докладчик. Хакнесс оказался легкой добычей для Стилмена. Газетчики наслаждались; кто-то из них поспешил приклеить ему прозвище: неудачник Хакнесс.

– Теперь, доктор, о вашей космической лаборатории на пятьдесят человек... Во сколько она обойдется?

– Я уже говорил: около полутора миллиардов.

– А ежегодные эксплуатационные расходы?

– Не больше двухсот пятидесяти миллионов.

– Вы извините нас, если мы, учитывая судьбу прежних расчетов, отнесемся к этим цифрам с известным недоверием. Но даже если допустить, что расчет верен, – что мы получим за эти деньги?

– Мы сможем учредить нашу первую крупную исследовательскую лабораторию в космосе. До сих пор приходилось ставить эксперименты в тесных кабинах плохо приспособленных кораблей, выполняющих, как правило, другие задания. Нужна постоянная лаборатория-спутник с людьми на борту. Без этого не будет дальнейшего прогресса. Астробиология не может развернуться по-настоящему...

– Астро... как вы сказали?

– Астробиология, изучение живых организмов в космосе. Русские основали эту науку, когда запустили на Втором спутнике Лайку, и они по-прежнему опережают нас в этой области. Однако исследование насекомых и беспозвоночных, по сути дела, еще не начиналось. Вообще изучались только собаки, мыши, обезьяны.

– Понятно. Правильно ли будет сказать, что вы просите ассигнований на создание *зоопарка* в космосе?

Смех, прокатившийся по залу, помог похоронить проект. И его самого, подумал теперь Стилмен...

И кроме себя, некого упрекать. Доктор Хакнесс, пусть не очень убедительно, пытался обрисовать выгоды, которые могла бы дать космическая лаборатория. Особенно он подчеркнул медицинскую сторону вопроса, ничего определенного не обещал, но перечислил возможности. Так, хирурги, по его словам, могли бы разработать новые операции в условиях, где все органы невесомы; свободный от груза тяготения человек будет, вероятно, жить дольше, ведь сердцу и мышцам там придется гораздо легче. Да-да, он говорил и о сердце, но это нисколько не занимало тогда сенатора Стилмена – здорового, честолюбивого, озабоченного тем, чтобы дать хороший материал газетам...

– Почему вы пришли ко мне с этой новостью? – глухо сказал он. – Нельзя было дать мне умереть спокойно?

– В том-то и дело, что рано терять надежду! – нетерпеливо ответил Хакнесс.

– Только потому, что русские вылечили несколько хомяков и кроликов?

– Они сделали гораздо больше. Я показал вам предварительные сообщения, новости *годичной* давности. Они не хотят возбуждать ложных надежд, вот и не шумят.

– Откуда вам это известно?

На лице Хакнесса отразилось недоумение.

– Очень просто: я позвонил своему коллеге, профессору Станюковичу. Он сейчас на станции «Мечников», уже это показывает, сколь большое значение они придают этим исследованиям. Мы с ним старые друзья, и я позволил себе сказать о вашей болезни.

Проблеск надежды может произвести действие столь же мучительное, как и ее исчезновение. Вдруг стеснилось в груди... Уж не последний ли это приступ? Но судорога, вызванная волнением, тотчас прошла, звон в ушах стих, и он услышал голос доктора Хакнесса;

– Он спросил, можете ли вы сейчас прибыть в Астроград. Я обещал узнать. Если вы готовы, завтра утром есть подходящий рейс, в десять тридцать из Нью-Йорка.

Завтра он обещал поехать с внуками в зоопарк; впервые он их подведет. Чувство вины кольнуло его, и понадобилось некоторое усилие, чтобы ответить:

– Я готов.

Несколько минут огромный межконтинентальный ра-

кетоплан, постепенно гася скорость, падал вертикально вниз из стратосферы, но полюбоваться Москвой сверху не пришлось. На время посадки телеэкраны выключались, пассажиры очень плохо переносили зрелище летящей навстречу земли.

В Москве он пересел в уютный, хотя и несколько устаревший турбовинтовой самолет. Летя на восток, навстречу ночи, он наконец смог улучить минуту, чтобы поразмыслить. Казалось бы, чего тут колебаться, и все же: так ли уж он рад тому, что его участь оказалась под вопросом? Совсем недавно все было предельно просто, а теперь жизнь вдруг опята усложнилась, открылись возможности, на которых он уже поставил крест. Прав был доктор Джонсон: ничто не действует так умиротворяюще на душу человека, как сознание того, что завтра его повесят. Во всяком случае, обратное справедливо: ничто не вызывает такого смятения, как мысль о возможной отмене приговора.

Сенатор спал, когда они приземлились в Астрограде, «космической столице» СССР. Разбуженный легким толчком, он в первый миг не мог понять, где находится. Уж не приснилось ли ему, что он облетел вокруг половины земного шара в погоне за жизнью? Нет, это не сон, но погоня вполне может оказаться тщетной.

Двенадцать часов спустя он все еще ждал ответа. Сняты показания приборов, кончилась полная грозного смысла пляска световых пятнышек на экране кардиографа. Привычная обстановка медицинского обследования и тихие, уверенные голоса врачей и сестер помогли ему успокоиться. Он отдыхал в неярко освещенной приемной, где его попросили обождать, пока совещаются специалисты.

Только русские журналы да портреты бородатых пионеров советской медицины напоминали, что он не у себя на родине.

Сенатор был не единственным пациентом. Человек двенадцать мужчин и женщин всех возрастов сидели вдоль стены с журналами в руках, стараясь выглядеть непринужденно. Никто не разговаривал и не пытался привлечь внимания остальных, каждый замкнулся в своей хрупкой скорлупе, взвешенный между жизнью и смертью. Несчастье объединяло их, но не располагало к общению. Казалось, их отделяет от остального человечества такая же пропасть, как если бы они уже летели в космические дали, где крылась их единственная надежда.

Но в дальнем углу комнаты можно было видеть исключение. Молодые люди – от силы двадцать пять лет каждому – прильнули друг к другу с видом такого отчаяния, что поначалу только раздражали Стилмена. Как ни тяжело их горе, строго сказал он себе, нужно же с другими считаться. Надо уметь скрывать свои чувства, особенно в таком месте.

Однако досада быстро сменилась жалостью. Кто может равнодушно смотреть на страдания двух искренне любящих сердец? В полной тишине, прерываемой лишь шелестом страниц да скрипом стульев, текли минуты, и постепенно его сочувствие переросло в душевную боль.

Интересно, кто они? У молодого человека нервные умные черты; возможно, художник, или ученый, или музыкант – трудно сказать. Его подруга ждет ребенка. Простое крестьянское лицо, как у многих русских женщин... Ее нельзя назвать красавицей, но грусть и любовь придали ей

необычную прелесть. Стилмен не мог оторвать от нее глаз; казалось бы, никакого сходства, и все-таки она чем-то напоминала ему Диану. Тридцать лет назад, когда они вместе выходили из церкви, он видел тот же свет в глазах своей жены. Он почти успел его забыть. Кто виноват в том, что свет потускнел она или он сам?

Вдруг кресло под ним вздрогнуло. Неожиданный сильный толчок тряхнул здание, будто где-то за много миль ударил по земле исполинский молот. Землетрясение? Но тут же Стилмен вспомнил, где находится, и стал считать секунды.

На шестидесятой он сдался: видимо, звукоизоляция настолько надежна, что *воздушная* звуковая волна до него не дошла. Лишь ударная волна, передавшись сквозь почву, говорила о том, что в небо ушел тысячетонный груз. А еще через минуту он услышал далекий, но явственный звук – словно где-то на краю света бушевала гроза. Выходит, расстояние намного больше, чем он думал. Какой же гул стоит в месте запуска?..

Но Стилмен знал: когда он взлетит в небо, гром не будет его беспокоить, стремительная ракета опередит звук. И перегрузки он не почувствует, ведь его тело будет покоиться в ванне, наполненной теплой водой. Удобнее даже, чем в этом мягком кресле.

Далекий гул еще несся от рубежей космоса, когда отворилась дверь и сестра поманила сенатора. Он чувствовал, как много глаз провожают его, но не обернулся, идя за приговором.

На всем пути обратно из Москвы телеграфные агентства настойчиво пытались связаться с ним, но он отказывался подойти к радиотелефону.

– Скажите, я сплю и меня нельзя беспокоить, – попросил он стюардессу.

«Кто напустил их»? – спрашивал он себя. Его злило это вторжение в его личную жизнь, а ведь сколько лет он чурался уединения и лишь за последние недели познал его прелесть. Так можно ли корить репортеров и комментаторов, если они считают его *прежним* Стилменом?

Когда ракетоплан приземлился в Вашингтоне, сенатора ждали. Он знал большинство журналистов по имени, среди них были старые друзья, искренне обрадованные новостью, которая опередила его.

– Ну как, сенатор, – спросил Маколей из «Таймс», – приятно вернуться в строй? Ведь это верно, русские берутся вас вылечить?

– Они хотят попробовать, – осторожно ответил Стилмен. – Речь идет о новой области медицины, точно ничего сказать нельзя.

– Когда вы отправляетесь в космос?

– Через несколько дней, как только улажу здесь кое-какие дела.

– И когда вы вернетесь, если лечение поможет?

– Трудно сказать. Даже если все пройдет благополучно, я пробуду там не меньше полугода.

Он невольно взглянул на небо. На рассвете и на закате даже днем, если точно знать, куда смотреть, – «Мечников» отчетливо выделялся на небе, он был ярче любой звезды. Впрочем, теперь спутников стало так много, что только специалист мог отличить один от другого.

– Полгода, – произнес один из журналистов. – Значит, выборы пройдут без вас.

Уши и микрофоны ждали ответа сенатора. Стоя у трапа, вновь очутившись в центре всеобщего внимания, он ощутил былой подъем. Это будет эффектно: он вернется из космоса новым человеком и опять выйдет на политическую арену! Кто из кандидатов сможет соперничать с ним!.. Он уже чувствовал себя жителем Олимпа, полубогом и заранее представлял себе, как использует это в предвыборной кампании.

– Дайте мне время во всем разобраться, – сказал он. – Потом я займусь планами. Обещаю, мы еще встретимся до того, как я покину Землю.

«До того, как я покину Землю». Отличная, драматическая фраза. Он все еще в уме смаковал ее ритм, когда увидел выходящую из здания аэропорта Диану.

Она уже переменилась (да и он сегодня не тот, каким был вчера). В ее глазах появились настороженность и отчужденность, которых не было два дня назад. Яснее любых слов лицо Дианы говорило: «Значит, все начинается сызнова?» И хотя день был теплый, ему вдруг стало холодно, точно он простудился на далеких сибирских равнинах.

Но Джо и Сьюзен с прежним пылом бросились к деду. Он подхватил их, обнял и спрятал лицо в пушистых волосах, чтобы камеры не заметили внезапно брызнувших слез. И, ощутив теплые токи чистой, бескорыстной детской любви, он понял, какой выбор сделает.

Только внуки видели его свободным от зуда честолюбия – так пусть же навсегда запомнят его таким, если они вообще будут его помнить.

– Вы заказывали селекторный разговор, мистер Стилмен, – доложил секретарь. – Включаю на ваш личный экран.

Повернувшись вместе с креслом, сенатор очутился лицом к лицу с серым прямоугольником на стене. Одновременно прямоугольник раскололся пополам. В правой половине он видел кабинет, напоминающий его собственный и удаленный от него всего на несколько миль. Зато в левой...

Профессор Станюкович, одетый лишь в шорты и фуфайку, парил в воздухе в полуметре над своим креслом. При виде посторонних он ухватился за спинку, подтянулся, сел и пристегнулся матерчатым поясом. Позади него выстроилась целая батарея различных аппаратов. А за переборкой простирался космос.

Первым, с правого экрана, заговорил доктор Хакнесс.

– Мы ждали вашего звонка, сенатор. Профессор Станюкович говорит, что все готово.

– Следующий корабль будет через два дня, – сказал русский ученый. – С ним я возвращусь на Землю, но надеюсь сперва встретить вас на станции.

Его голос звучал неожиданно звонко в оксигелиевой атмосфере. Но только это и напоминало о расстоянии, помехи отсутствовали. Хотя Станюкович был в тысячах миль от Земли и мчался в космосе со скоростью четырех миль в секунду, его было видно так хорошо, словно он сидел в одном кабинете со Стилменом. Сенатор слышал даже тихое жужжание электромоторов в отсеке ученого.

– Профессор, – заговорил Стилмен, – мне хотелось бы сперва задать несколько вопросов.

– Пожалуйста!

Вот теперь расстояние дало себя знать: ответ Станюковича дошел не сразу; видимо, станция сейчас летит над противоположной стороной Земли.

– В Астрограде я видел в клинике много других пациентов. Можно узнать – по какому принципу отбирают больных для лечения?

Пауза затянулась, на этот раз явно не из-за медлительности радиоволн. Наконец Станюкович ответил:

– Отбирают тех, у кого больше надежд на излечение.

– Но у вас, наверное, очень мало места. А кроме меня, еще много желающих.

– Я не совсем понимаю... – вмешался доктор Хакнесс озабоченно. Чересчур озабоченно.

Глаза Стилмена обратились к правому экрану. В человеке, смотревшем на него оттуда, было трудно узнать докладчика, который всего несколько лет назад не знал, как защититься от его уколов. Горький урок пошел впрок Хакнессу. Стилмен оказался его крестным отцом на поприще политики, и ученый не терял зря времени.

Его побуждения были очевидны сенатору с самого начала. Все правильно, Хакнесс тоже человек. Можно ли представить себе месть более сладкую, чем это выразительное подтверждение его правоты. Как директор Управления космонавтики Хакнесс великолепно понимает, что битва за ассигнования будет наполовину выиграна, едва мир узнает, что возможный кандидат на пост президента США лечится в русской космической больнице – потому что его собственной стране такая больница оказалась не по карману.

– Доктор Хакнесс, – мягко произнес Стилмен, – это мое дело. Я жду вашего ответа, профессор.

Дело нешуточное, но он от души веселился. Ясно, как день: обоим ученым одинаково важно добиться успеха.

Станюковичу тоже нелегко, можно представить себе, сколько этот вопрос обсуждали в Астрограде и Москве, и с какой охотой советские космонавты ухватились за такую возможность... Что ж, они вправе пожинать плоды своих усилий.

Да, положим, а ведь всего десять лет назад это было немыслимо. НУАК и Комитет по космонавтике СССР работают рука об руку, используя его в своих общих интересах. Стилмен никого не осуждал – на их месте он поступил бы точно так же. Но он не желает быть пешкой в чужой игре, пока еще он сам собой распоряжается.

– Совершенно верно, – неохотно признал Станюкович. – Мы можем принять очень мало пациентов. Но ведь «Мечников» всего-навсего научная лаборатория, а не стационар.

– Сколько? – допытывался Стилмен.

– Ну – не больше десяти, – еще более неохотно ответил Станюкович.

Старая проблема, только он никогда не думал, что она коснется его. Вспомнилась газетная заметка, которую он читал давным-давно. Когда открыли пенициллин, лекарство это на первых порах было настолько редким, что если бы стал вопрос о жизни и смерти Черчилля и Рузвельта, пришлось бы кем-то пожертвовать...

Не больше десяти. В Астрограде он видел двенадцать пациентов, а сколько их еще во всем свете? Снова – в который раз за последние дни – Стилмен вспомнил безутешную молодую пару в приемной. Возможно, он все равно их не выручит; поди, узнай.

Зато он знал другое. На его плечах лежит ответствен-

ность, от которой не уйти. Конечно, никому не дано заглянуть в будущее, предугадать все последствия своих поступков. И все-таки, если бы не он, сейчас у его страны могла быть своя собственная космическая лечебница в заатмосферных высях. Сколько жизней соотечественников на его совести? Вправе ли он принять то, в чем отказал другим? Прежде Стилмен сделал бы это – прежде, но не теперь.

– Джентльмены, – заговорил он, – я могу говорить с вами откровенно, ведь ваши интересы совпадают. (Так, видно: ирония *дошла*). – Я благодарен вам за помощь, ценю заботу, жаль, что все это *впустую*. Нет-нет, не возражайте, это не внезапная прихоть и не донкихотство. Будь я моложе лет на десять… Теперь же я чувствую, что эта возможность должна быть предоставлена кому-нибудь другому. Особенно учитывая мой послужной список, – он приметил растерянную улыбку Хакнесса. – Есть и другие причины, личного свойства. В общем, ничто не заставит меня передумать. Прошу вас, не сочтите меня невежливым, но мне больше не хочется обсуждать этот вопрос. Еще раз большое спасибо, до свиданья.

Он повернул выключатель, удивленные лица ученых растаяли, и в душе сенатора вновь утвердился *покой*.

Незаметно весну сменило лето. Отпраздновали ожидавшийся с таким нетерпением юбилей; впервые Стилмен встретил День независимости как частное лицо. Он мог сидеть спокойно, глядя, как выступают другие; мог при желании вообще не смотреть на них.

Не так-то просто порвать с тем, чему отдана целая жизнь, и не хотелось упускать последнего случая повидать

старых друзей, поэтому он много часов провел у телевизора, следя за ходом съездов обеих партий и внимательно слушая комментаторов. Теперь, когда он все видел в свете вечности, можно было не горячиться. Мартин Стилмен вполне оценил и суть, и умение спорить, но уже как посторонний, будто наблюдатель с другой планеты. Маленькие крикливые фигурки на экранах были потешными марионетками в забавном спектакле, и только.

Не то что для его внуков, которым когда-нибудь предстоит выйти на те же подмостки. Он не забывал об этом; они были его вкладом в завтрашний день, пусть даже этот день окажется совсем непохожим на сегодняшний. А чтобы понять будущее, надо знать прошлое.

И он повез их в прошлое. Машина мчалась по Мемориальной Аллее. Диана была за рулем, Айрин – рядом с ней, сам Стилмен сидел сзади с внуками, показывая им знакомые места. Знакомые ему, но не им. Пусть они еще слишком малы, чтобы понять все увиденное, во всяком случае хоть что-нибудь запомнят.

Мимо мраморной тишины Арлингтона (он опять вспомнил Мартина, покоящегося в могиле на противоположной стороне земного шара) и вверх, по пригоркам. Позади, точно мираж, в летнем мареве трепетал и колыхался Вашингтон; но вот и он исчез за поворотом.

В Маунт-Верноне царил мир и покой – рабочий день, посетителей мало. Выйдя из машины и направляясь к зданию, Стилмен спрашивал себя, что сказал бы первый президент Соединенных Штатов, очутись он здесь теперь. Думал ли он, что его дом в полной сохранности завершит свое второе столетие – неизменяемый островок в бурном потоке времени.

Они медленно прошли по исполненным великолепной гармонии комнатам, терпеливо отвечая на бесконечные расспросы детей и вдыхая аромат несравненно более простого, *покойного* образа жизни. (Но казался ли он простым и покойным людям той поры?) До чего же трудно представить себе мир без электричества, без радио, когда единственным источником энергии были мускулы, ветер, вода. Мир, где скачущая лошадь воплощала предел скорости и большинство людей умирало не дальше нескольких миль от места своего рождения.

Жара, пешее хождение и неиссякаемый поток вопросов оказались более утомительными, чем ожидал Стилмен. И когда они достигли «Музыкальной комнаты», он решил отдохнуть. На террасе стояли очень заманчивые скамейки, – можно посидеть на свежем воздухе, любуясь зеленой травой газона.

– Встретимся на террасе, – сказал он Диане. – Вы посмотрите кухню и конюшни, а я посижу немного.

– Тебе нездоровится? – тревожно спросила она.

– Никогда не чувствовал себя так хорошо, но лучше поберечь силы. И дети совсем меня замучили вопросами, я не знаю, что говорить. Ты уж постарайся, придумай, как-никак кухня по твоему ведомству.

Диана улыбнулась.

– Кажется, я никогда не отличалась особым талантом... Ладно, постараюсь, за полчаса управимся.

Оставшись один, он медленно спустился по ступенькам на газон. Здесь двести лет назад стоял Вашингтон – глядел, как Потомак прокладывает себе путь к морю, и размышлял о прошедших войнах и предстоящих задачах. И здесь мог

бы через несколько месяцев стоять Мартин Стилмен, новый президент США, не рассуди судьба иначе.

Незачем притворяться, что он ни о чем не сожалеет. Иные достигают и власти, и счастья; ему это не было дано. Рано или поздно собственное честолюбие сожрало бы его. Последние недели он был вполне удовлетворен; за это ничего не жаль отдать.

Он все еще дивился своему чудесному спасению, когда его время истекло и Смерть бесшумно слетела вниз с летнего неба.

ЗВЕЗДА

До Ватикана три тысячи световых лет. Некогда я полагал, что космос над верой не властен; точно так же я полагал, что небеса олицетворяют великолепие творений господних. Теперь я ближе познакомился с этим олицетворением, и моя вера, увы, поколебалась. Смотрю на распятие, висящее на переборке над ЭСМ-VI, и впервые в жизни спрашиваю себя: уж не пустой ли это символ?

Пока что я никому не говорил, но истины скрывать нельзя. Факты налицо, запечатлены на несчетных милях магнитоленты и тысячах фотографий, которые мы доставим на Землю. Другие ученые не хуже меня сумеют их прочесть, и я не такой человек, чтобы пойти на подделки вроде тех, которые снискали дурную славу моему ордену еще в древности.

Настроение экипажа и без того подавленное; как-то мои спутники воспримут этот заключительный иронический аккорд?.. Среди них мало верующих, и все-таки они не

ухватятся с радостью за это новое оружие в войне против меня, скрытой, добродушной, но достаточно серьезной войне, которая продолжалась на всем нашем пути от Земли. Их потешало, что Главный астрофизик – *иезуит*, а доктор Чендлер вообще никак не мог свыкнуться с этой мыслью (почему врачи такие отъявленные безбожники?). Нередко он приходил ко мне в обсервационный отсек, где свет всегда приглушен и звезды сияют в полную силу. Стоя в полумраке, Чендлер устремлял взгляд в большой овальный иллюминатор, за которым медленно кружилось небо, – нам не удалось устранить остаточного вращения, и мы давно махнули на это рукой.

– Что ж, патер, – начинал он, – вот она, Вселенная, нет ей ни конца, ни края, и, возможно, что-то ее сотворило. Но как вы можете верить, будто этому «что-то» есть дело до нас и до нашего маленького мирка, – вот тут я вас не понимаю.

И разгорался спор, а вокруг нас, за идеально прозрачным пластиком иллюминатора, беззвучно описывали нескончаемые дуги туманности и звезды…

Должно быть, больше всего экипаж забавляла кажущаяся противоречивость моего положения. Тщетно я ссылался на свои статьи – три в «Астрофизическом журнале», пять в «Ежемесячных записках Королевского астрономического общества». Я напоминал, что мой орден давно прославился своими научными изысканиями, и пусть нас осталось немного, наш вклад в астрономию и геофизику, начиная с восемнадцатого века, достаточно велик.

Так неужели мое сообщение о туманности Феникс по-

ложит конец нашей тысячелетней истории? Боюсь, не только ей…

Не знаю, кто дал туманности такое имя; мне оно кажется совсем неудачным. Если в нем заложено пророчество – это пророчество может сбыться лишь через много миллиардов лет. Да и само слово «туманность» неточно: ведь речь идет о несравненно меньшем объекте, чем громадные облака неродившихся звезд, разбросанные вдоль Млечного пути. Скажу больше, в масштабах космоса туманность Феникс – малютка, тонкая газовая оболочка вокруг одинокой звезды. А вернее – того, что осталось от звезды…

Портрет Лойолы [6] (гравюра Рубенса), висящий над графиками данных спектрометра, точно смеется надо мной. А как бы ты, святой отец, распорядился знанием, обретенным мной здесь, вдали от маленького мира, который был всей известной тебе Вселенной? Смогла бы твоя вера, в отличие от моей, устоять против такого удара?

Ты смотришь вдаль, святой отец, но я покрыл расстояния, каких ты не мог себе представить, когда тысячу лет назад учредил наш орден. Впервые разведочный корабль ушел так далеко от Земли к рубежам изведанной Вселенной. Целью нашей экспедиции была туманность Феникс. Мы достигли ее и теперь возвращаемся домой с грузом знаний. Как снять этот груз со своих плеч? Но я тщетно взываю к тебе через века и световые годы, разделяющие нас.

---

[6] Лойола Игнатий (1491-1556) – основатель ордена иезуитов (1534) и его генерал с 1541. Причислен к лику святых.

На книге, которую ты держишь, четко выделяются слова: AD MAJOREM DEI GLORIAM. К вящей славе божьей… Нет, я больше не могу верить этому девизу. Верил бы ты, если бы видел то, что нашли мы?

Разумеется, мы знали, что представляет собой туманность Феникс. Только в нашей Галактике ежегодно взрывается больше ста звезд. Несколько часов или дней они сияют тысячекратно усиленным блеском, затем меркнут, погибая. Обычные новые звезды, заурядная космическая катастрофа. С начала моей работы в Лунной обсерватории я собрал спектрограммы и кривые свечения десятков таких звезд.

Но трижды или четырежды в тысячелетие происходит нечто такое, перед чем новая меркнет, кажется пустячком.

Когда звезда превращается в *сверхновую*, она какое-то время превосходит яркостью все солнца галактики, вместе взятые. Китайские астрономы наблюдали это явление в 1054 году, не зная, что наблюдают. Пятью веками позже, в 1572 году, в созвездии Кассиопеи вспыхнула столь яркая сверхновая, что ее было видно с Земли днем. За протекшую с тех пор тысячу лет замечено еще три сверхновых.

Нам поручили побывать там, где произошла такая катастрофа, определить предшествовавшие ей явления и, если можно, выяснить их причину. Корабль медленно пронизывал концентрические оболочки газа, который был выброшен шесть тысяч лет назад и все еще продолжал расширяться. Огромные температуры, яркое фиолетовое свечение отличали эти оболочки, но газ был слишком разрежен, чтобы причинить нам какой-либо вред. Когда взорвалась звезда, поверхностные слои отбросило с такой

скоростью, что они улетели за пределы ее гравитационного поля. Теперь они образовали скорлупу, в которой уместилась бы тысяча наших солнечных систем, а в центре пылало крохотное поразительное образование – Белый Карлик, размерами меньше Земли, но весящий в миллион раз больше ее.

Светящийся газ окружал нас со всех сторон, потеснив густой мрак межзвездного пространства. Мы очутились в сердце космической бомбы, которая взорвалась тысячи лет назад и раскаленные осколки которой все еще неслись во все стороны. Огромный размах взрыва, а также то обстоятельство, что осколки заполнили сферу поперечником в миллиарды миль, не позволяли простым глазом уловить движение. Понадобились бы десятилетия, чтобы без приборов заметить, как движутся клубы и вихри взбаламученного газа, но мы хорошо представляли себе этот яростный поток.

Выверив, уточнив свой курс, мы вот уже несколько часов размеренно скользили по направлению к маленькой лютой звезде. Когда-то она была солнцем вроде нашего, но затем в какие-то часы расточила энергию, которой хватило бы на миллионы лет свечения. И вот стала сморщенным скрягой, который промотал богатство в юности, а теперь трясется над крохами, пытаясь хоть что-то сберечь.

Никто из нас не рассчитывал всерьез, что мы найдем планеты. Если они и существовали до взрыва, катаклизм должен был обратить их в облака пара, затерявшийся в исполинской массе светила. Тем не менее мы провели обязательную при подходе к любому неизвестному солнцу разведку и неожиданно обнаружили вращающийся на ог-

ромном расстоянии вокруг звезды маленький мир. Так сказать, Плутон этой погибшей солнечной системы, бегущий вдоль границ ночи. Планета была слишком удалена от своего солнца, чтобы на ней когда-либо могла развиваться жизнь, но эта удаленность спасла ее от страшной участи, постигшей собратьев.

Неистовое пламя запекло скалы окалиной и выжгло сгусток замерзших газов, который покрывал планету до бедствия. Мы сели, и мы нашли Склеп.

Его создатели позаботились о том, чтобы его непременно нашли. От монолита, отмечавшего вход, остался только оплавленный пень, но уже первые телефотоснимки сказали нам, что это след деятельности разума. Чуть погодя мы отметили обширное поле радиоактивности, источник которой был скрыт в скале. Даже если бы пилон над Склепом был начисто срезан, все равно сохранился бы взывающий к звездам неколебимый, вечный маяк. Наш корабль устремился к огромному «яблочку», словно стрела к мишени.

Когда воздвигали пилон, он, наверно, был около мили высотой; теперь он напоминал оплывшую свечу. У нас не было подходящих орудий, и мы неделю пробивались сквозь переплавленный камень. Мы астрономы, а не археологи, но умеем импровизировать. Забыта была начальная цель экспедиции; одинокий памятник, ценой такого труда созданный на предельном расстоянии от обреченного солнца, мог означать лишь одно. Цивилизация, которая знала, что гибель ее близка, сделала последнюю заявку на бессмертие.

Понадобятся десятилетия, чтобы изучить все сокро-

вища, найденные нами в Склепе. Очевидно, солнце послало первые предупреждения за много лет до конечного взрыва, и все, что они пожелали сохранить, все плоды своего гения они заранее доставили на эту отдаленную планету, надеясь, что другое племя найдет хранилище и они не канут бесследно в Лету. Поступили бы мы так же на их месте или были бы слишком поглощены своей бедой, чтобы думать о будущем, которого уже не увидеть и не разделить?

Если бы у них в запасе оказалось еще время! Они свободно сообщались с планетами своей системы, но не научились пересекать межзвездные пучины, а до ближайшей солнечной системы было сто световых лет. Впрочем, овладей они высшими скоростями, все равно лишь несколько миллионов могли рассчитывать на спасение. Быть может, лучше, что вышло именно так.

Даже не будь этого поразительного сходства с человеком, о чем говорят их скульптуры, нельзя не восхищаться ими и не сокрушаться, что их постигла такая участь. Они оставили тысячи видеозаписей и аппараты для просмотра, а также подробные разъяснения в картинках, позволяющие без труда освоить их письменность. Мы изучили многие записи, и впервые за шесть тысяч лет ожили картины чудесной, богатейшей цивилизации, которая во много раз превосходила нашу. Быть может, они показали нам только самое лучшее – и кто же их упрекнет. Так или иначе, но мир их был прекрасен, города великолепнее любого из наших. Мы видели их за работой и игрой, через столетия слышали певучую речь. Одна картина до сих пор стоит у меня перед глазами: на берегу, на странном голубом песке играют, плещутся в волнах дети – как играют дети у нас на Земле. Причудливые деревья, крона – веером, окаймляют берег, и

на мелководье, никого не беспокоя, бродят очень крупные животные.

А на горизонте погружается в море солнце, еще теплое, ласковое, животворное, солнце, которое вскоре вероломно испепелит безмятежное счастье.

Не будь мы столь далеко от дома и столь чувствительны к одиночеству, возможно, не были бы так сильно потрясены. Многие из нас видели в других мирах развалины иных цивилизаций, но никогда это зрелище не волновало до такой степени. Эта трагедия была особенной. Одно дело, когда род склоняется к закату и гибнет, как это бывало с народами и культурами на Земле. Но подвергаться полному уничтожению в пору великолепного расцвета, исчезнуть вовсе – где же тут божья милость?

Мои коллеги задавали мне этот вопрос; я пытался ответить, как мог. Быть может, отец Лойола, вы преуспели бы лучше меня, но в «Экзерсициа Спиритуалиа» я не нашел ничего, что могло бы мне помочь. Это не был греховный народ. Не знаю, каким богам они поклонялись, признавали ли вообще богов, но я смотрел на них через ушедшие столетия, и в лучах их сжавшегося солнца перед моим взглядом вновь оживало то прекрасное, на сохранение чего были обращены их последние силы. Они многому могли бы научить нас – зачем же было их *уничтожать*?

Я знаю, что ответят мои коллеги на Земле. Вселенная, скажут они, не подчинена разумной цели и порядку, каждый год в нашей Галактике взрываются сотни солнц, и где-то в пучинах космоса в этот самый миг гибнет чья-то цивилизация. Творил ли род добро или зло за время своего существования, это не повлияет на его судьбу: божественного правосудия нет, потому что *нет бога*.

А между тем ничто из виденного нами не доказывает этого. Говорящий так руководится чувствами, не рассудком. Бог не обязан оправдывать перед человеком свои деяния. Он создал Вселенную и может по своему усмотрению ее уничтожить. Было бы дерзостью, даже кощунством с нашей стороны говорит, как он должен и как не должен поступать.

Тяжко лицезреть, как целые миры и народы гибнут в печи огненной, но я и это мог бы понять. Однако есть предел, за которым начинает колебаться даже самая глубокая вера, и, глядя на лежащие передо мной расчеты, я чувствую, что достиг этого предела.

Пока мы не исследовали туманность на месте, нельзя было сказать, *когда* произошел взрыв. Теперь, обработав астрономические данные и сведения, извлеченные из скал уцелевшей планеты, я могу с большой точностью датировать катастрофу. Я знаю, в каком году свет исполинского аутодафе достиг нашей Земли. Знаю, сколь ярко эта сверхновая, что мерцает за кормой набирающего скорость корабля, некогда пылала на земном небе. Знаю, что на рассвете она ярким маяком сияла над восточным горизонтом.

Не может быть никакого сомнения: древняя загадка наконец решена. И все же, о, всевышний, в твоем распоряжении было столько звезд! Так нужно ли было именно этот народ предавать огню лишь затем, чтобы символ его бренности сиял над Вифлеемом[7]?

---

[7] По библейской легенде, когда родился младенец Иисус Христос, над городом Вифлеем в Палестине вспыхнула ярчайшая звезда.